The background of the cover is a dramatic, stylized illustration of a mountain peak. The mountain is rendered in shades of blue and white, with a sharp, jagged peak. Two climbers are visible: one near the top of the peak and another lower down, both in dark silhouettes. The sky is a deep, dark blue. The overall mood is adventurous and heroic.

Морис Эрцог

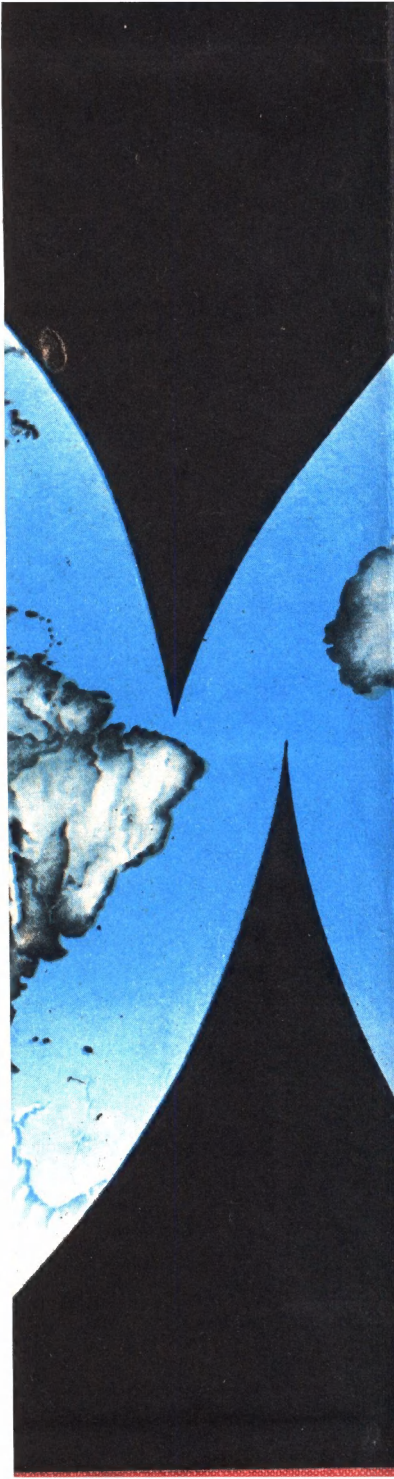
АННАПУРНА

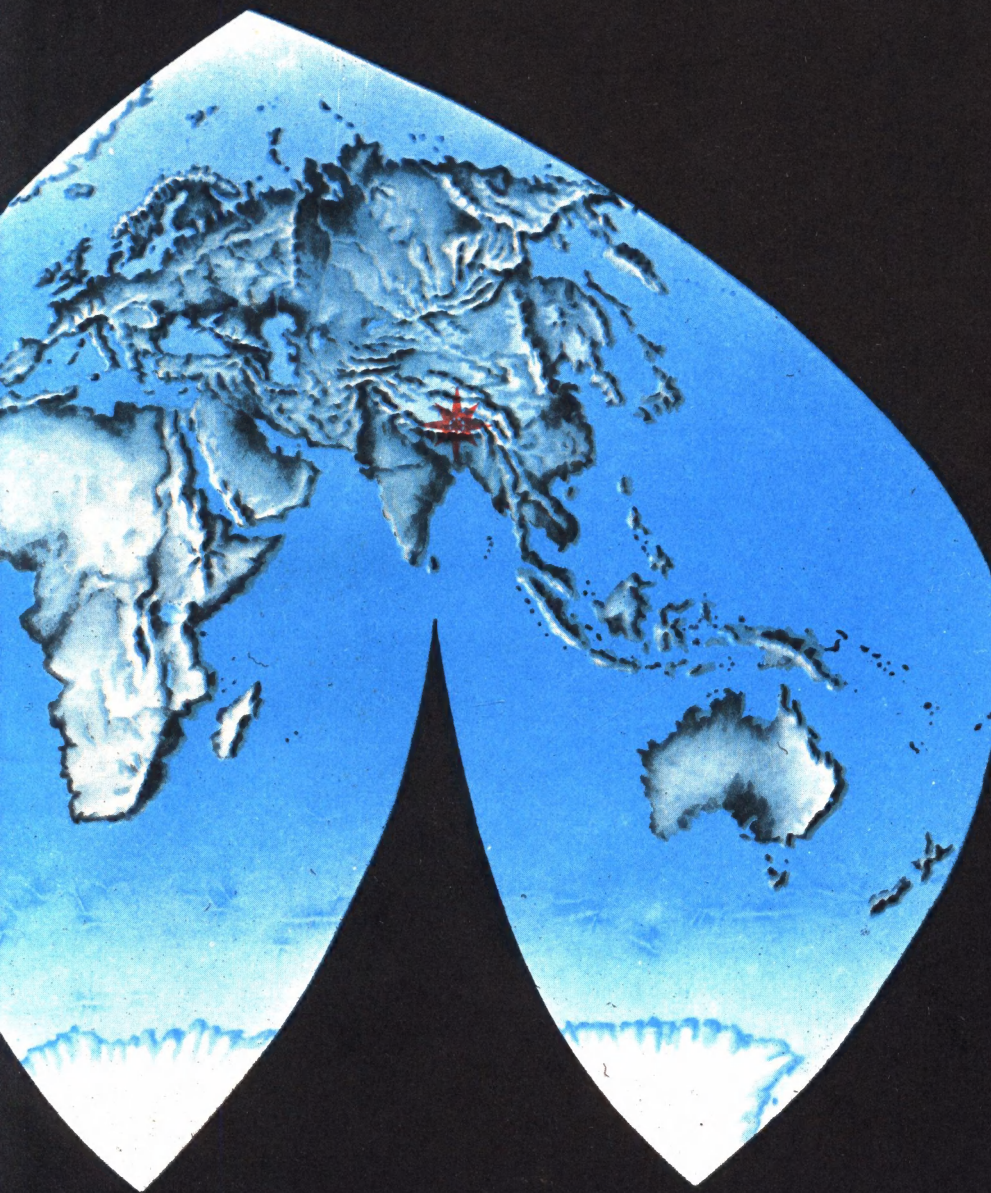
Уилфрид Нойс

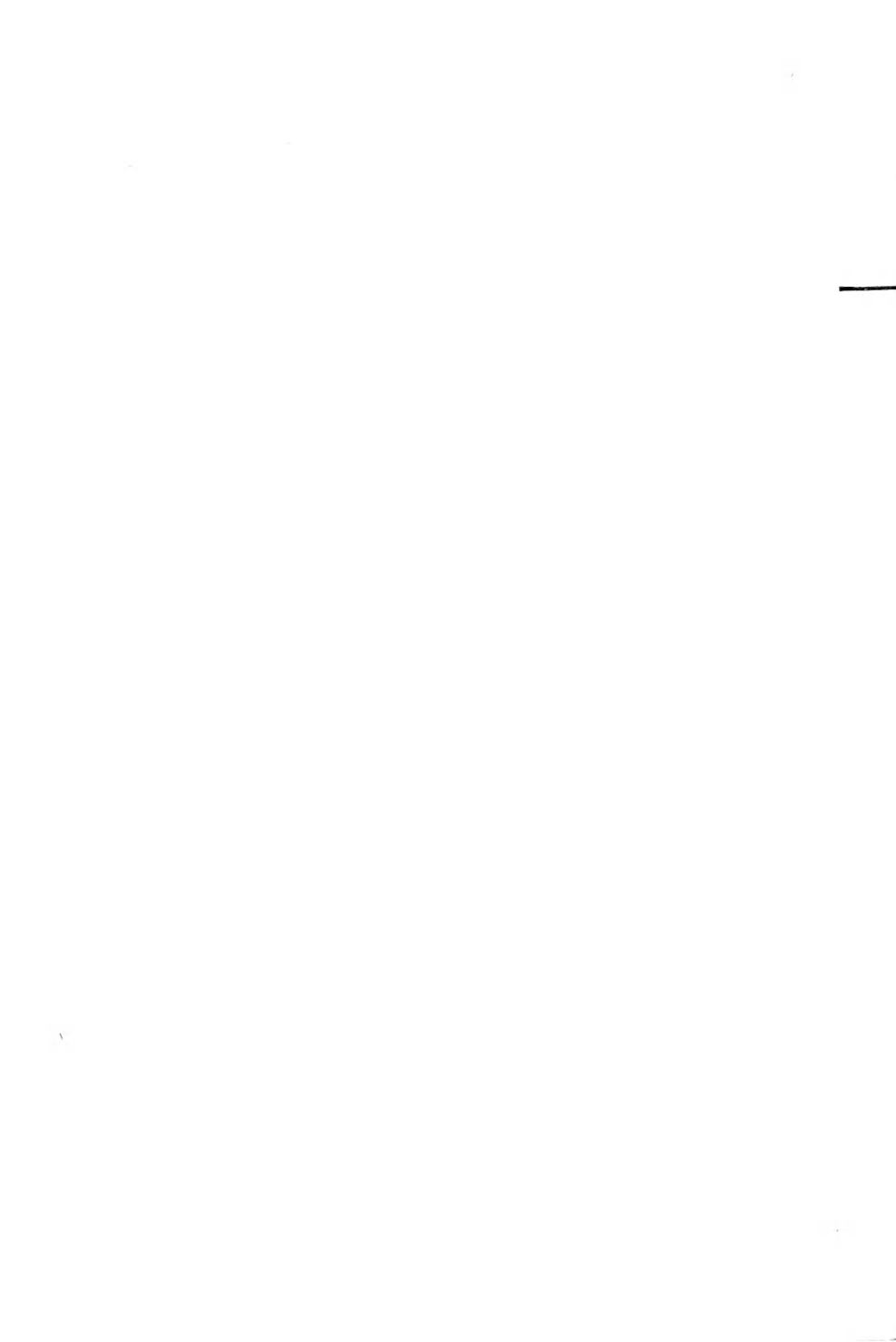
ЮЖНОЕ СЕДЛО

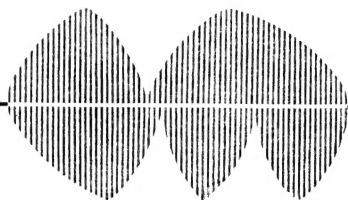
**Издательство
«Мысль»**

**XX век: Путешествия
Открытия
Исследования**

Редакционная коллегия:

Мурзаев Э. М.
председатель

Гвоздецкий Н. А.

Живаго А. В.

Сыроечковский Е. Е.

Фрадкин Н. Г.

7 А6.3

983

Maurice Herzog

Wilfrid Noyce

**Annapurna—premier
8000**

South Col

Paris, 1951

London, 1953

М $\frac{20901-229}{004(01)-75}$ подписное

© Перевод на русский язык.
Издательство «Мысль», 1975

Морис Эрцог

**АННАПУРНА —
ПЕРВЫЙ
ВОСЬМИТЫСЯЧНИК**

стр. 5

Уилфрид Нойс

ЮЖНОЕ СЕДЛО

стр. 253

**Послесловие
доктора
географических наук
А. Х. Хргиана**

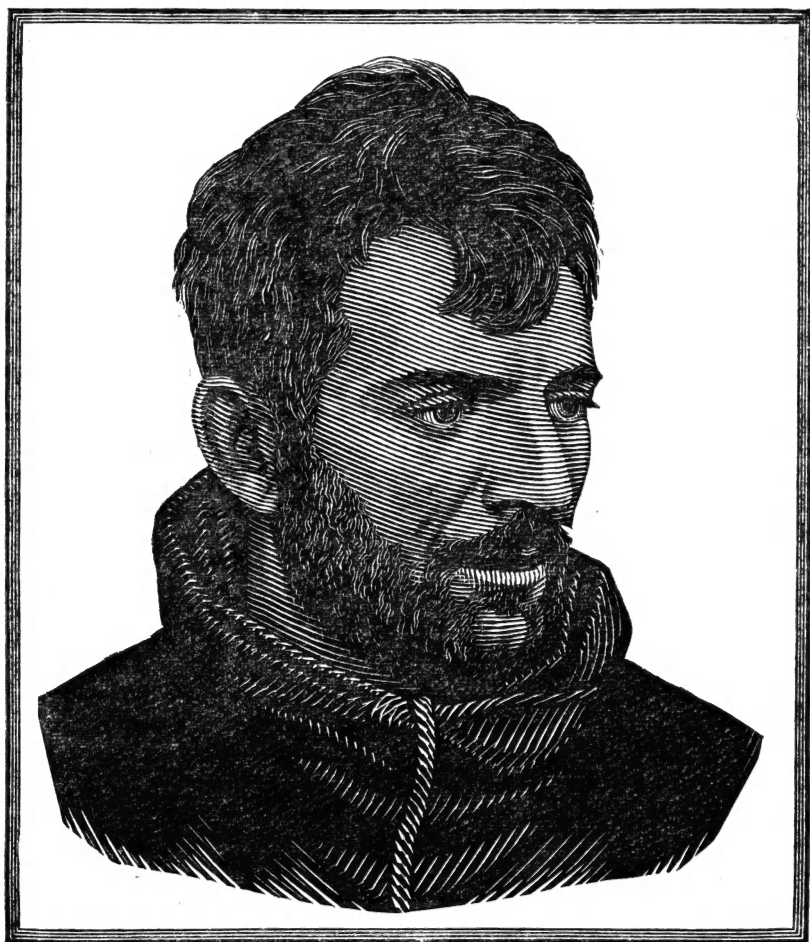
**Перевод с сокращениями
с французского
Б. А. Гарфа**

**Перевод с сокращениями
с английского
Б. А. Гарфа**

**Издательство
«Мысль»
Москва
1975**

Морис Эрцог

**АННАПУРНА -
ПЕРВЫЙ
ВОСЬМИ-
ТЫСЯЧНИК**

Люсьену Деви,
который был одним из наших

Введение

6 Писать книгу мне пришлось впервые в жизни и я не подозревал, что это так трудно.

Порой работа казалась мне невыносимой, но я взялся за это дело, чтобы от имени своих товарищей рассказать о пережитой нами трагической эпопее, о том, как лишь благодаря ряду чудес, и сейчас еще представляющихся мне невероятными, нам удалось остаться в живых.

Страницы этой книги повествуют о подвигах людей в борьбе с безжалостной природой, об их волнениях, надеждах и радостях.

Я сознательно строго придерживался истины и старался в меру своих сил передать необычный характер окружавшей нас обстановки и изобразить происходившие события с точки зрения восприятия их человеком.

* * *

Вся эта книга была продиктована мной в американском госпитале в Нейи, где и сейчас еще я провожу невеселые дни.

Основой повествования служат, конечно, мои личные воспоминания. Если этот рассказ обладает достаточной точностью и полнотой, то это в первую очередь является заслугой Марселя Ишака, который с такой настойчивостью вел дневник экспедиции — важный документ, писавшийся подчас в самый разгар происходивших событий. Большую пользу принес мне личный дневник Луи Ляшеная, а также уточнения, сделанные всеми моими товарищами. Таким образом, эта книга является в сущности коллективным трудом.

Ее язык, часто сбивающийся на разговорный, был выправлен и отшлифован моим братом Жераром Эрцогом, с которым я делил как первые радости альпинизма, так и первые жизненные испытания. Если бы не вера в него, не

поддержка, которую он мне оказывал изо дня в день, вряд ли я смог бы когда-нибудь завершить эту работу.

В этой книге читатель не найдет имени Роберта Буайе, который так много сделал для нашей экспедиции. Но его дружба, его чуткость были для меня в самые тяжелые дни неоценимой поддержкой.

* * *

Всем нам, девяти членам экспедиции, эта книга по многим причинам будет всегда дорога.

Мы были равны в труде, в радостях и в горе. И мое самое горячее желание — чтобы, сплотившись перед лицом смерти, мы остались братьями на всю жизнь.

Переступив пределы своих сил, познав границы человеческого мира, мы осознали истинное величие Человека.

В самые ужасные моменты агонии мне показалось, что я постиг глубокий смысл жизни, который прежде был от меня скрыт. Я понял, что правда важнее силы. Следы ужасных испытаний сохранились на моем теле. Я был спасен и обрел свободу. Эта свобода, ощущение которой меня с тех пор не покидает, дает мне чувство уверенности и спокойствие человека, исполнившего свой долг. Она наполняет меня безграничной радостью, любовью к тому, что раньше я презирал. Новая, прекрасная жизнь начинается для меня!

Эта книга нечто большее, чем рассказ, это — свидетельство. То, что кажется лишенным смысла, порой имеет глубокое значение. Таково единственное оправдание бесцельных на первый взгляд поступков.

«Революция» во дворце

8 Отъезд близок. Закончим ли мы когда-нибудь сборы? Весь персонал Французского альпинистского клуба мобилизован.

Ни одной свободной минуты, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок. Корреспонденция нас заваливает. На столах — внушительные груды различных бумаг.

С оглушительным грохотом выгружаются тяжелые ящики с высокогорной одеждой, обувью, кислородными баллонами, печеньем, с гвоздями всех размеров, связки консервных ножей, чехлы для палаток...

В доме № 7 по улице Ля Бозети свет горит ежедневно далеко за полночь — царит всеобщее возбуждение. Гималайский комитет заседает почти каждый вечер. Ровно в 9 с точностью часового механизма входят один за другим важные лица, от которых зависит в период отъезда судьба экспедиции.

На этих секретных совещаниях выносятся серьезные решения. Комитет утверждает смету, обсуждает возможные случайности, оценивает риск и, наконец, назначает участников.

Уже несколько дней, как состав экспедиции известен. У нас будет хороший коллектив!

Высокий, с благородными чертами лица, Жан Кузи самый молодой из нас. Ему 27 лет. Он блестящий инженер, авиационный специалист, и сначала мы делаем вид, что считаем его безнадежно затерявшимся в дебрях уравнений. Жан — молодожен, однако, не колеблясь, покидает свою жену Лиз, чтобы принять участие в этой волнующей экспедиции. Молчаливо устремив взор куда-то вдаль, он как будто постоянно размышляет о современных сложных проблемах электроники. Как-то раз в самый разгар сборов среди всеобщей лихорадки Жан пришел ко мне и со свойственным южанам темпераментом (он родом из Нерака), помогая себе жестами, завел бесконечный разговор о том,

как классифицировать сложность маршрута при восхождении.

— Взгляни на этот график! — говорит он мне.

— Чудесная лестница!

— Это северная стена Дрю,— торжествующе заявляет он.— Все ясно!

— А если буря застанет на полпути?

— Да, конечно, однако... Ну что же, тогда график изменится!

Марсель Шац также поедет с нами. Это постоянный партнер Кузи, они составляют замечательную связку. Шац на два года старше своего друга и более коренаст. Он всегда элегантен, что неудивительно, так как он служит управляющим в одном из крупных магазинов готового платья, принадлежащих его отцу. Марсель любит хорошую организацию, порядок и методичность. Во время восхождения он охотно берет на себя организацию bivака.

Марсель Шац влюблен в альпинизм, а так как он холодно, то ничто не мешает ему проводить отпуск в горах. Хотя он парижанин и, следовательно, живет в отдалении от своей обетованной земли, застать его в городе в субботу можно лишь очень редко.

Что касается Луи Ляшенала, то еще несколько лет назад он был любителем, т. е. совершал восхождения для собственного удовольствия. В настоящее время он преподаватель в Национальной школе альпинизма и лыжного спорта. Для жителей Шамони он «иностранец». Это означает, что Ляшеналь не уроженец «долины». Он из Аннеси. По мнению местных жителей, патриотов своих гор, такое происхождение считается «нечистым». Тем не менее Луи удалось вместе с Лионелем Терраем и Гастоном Ребюффа вступить в знаменитую Компанию гидов Шамони, общество, не имеющее себе равных в мире по количеству и по квалификации своих членов. Среднего роста, с быстрым и проницательным взглядом, Луи в разговоре может подчас выкинуть что-нибудь невероятное. Он обожает все чрезмерное, его суждения иной раз ошеломительны. Будучи прямым и искренним, он, не колеблясь, признает свои ошибки. Вдвоем с Лионелем Терраем они никогда не упускают случая пройти в качестве «любителей» наиболее сложные маршруты Альп.

Лионель Террай, хотя и уроженец Гренобля, также работает проводником в Шамони. Вместе с Ляшеналем они образуют «неотразимую» связку. Преград для них не существует. Террай питает слабость к категоричным и

утрированным утверждениям. Между ними идет непрерывное соревнование — кто больше преувеличит. Последнее слово всегда за Терраем. Лионель — интеллигент, сын врача, однако ему нравится выдавать себя за этакое «зверя», идеалом которого является лишь мускулатура. Он увлечен своей профессией проводника. Во время войны Лионель владел фермой в Уше и брал на работу лишь тех, кто любит горы и не боится труда, — нелегкое требование, так как о людях он судил по себе. Сейчас Лионель в Канаде. Уже в прошлом году он преподавал там новейшую французскую технику лыжного спорта.

«В настоящее время, — писал он мне, — я катаюсь на лыжах в раю». Лионель появится здесь за восемь дней до отъезда. Сейчас связь с ним поддерживается лишь при помощи переписки, и это, конечно, нелегко.

У Гастона Ребюффа «позорное» для альпиниста, а тем более для проводника происхождение: он родился на берегу моря. Компании гидов потребуются долгие годы, чтобы смыть это темное пятно. Однако именно на прибрежных утесах Каланк, между Марселем и Касси, Гастон приобщился к скалолазанию. Среди участников экспедиции он самый «высотный» — на голову выше всех нас. Им были пройдены наиболее сложные стены Альп, причем часто одна за другой. Его молодая жена Франсуаза и дочь редко видят его во время альпинистского сезона: Шамони, Кортин д'Ампеццо, Церматт... В настоящее время он читает лекции в Италии, но я напишу ему, чтобы он немедленно возвращался.

Все эти люди составляют то, что именуется штурмовой группой. Во Франции найти лучших было бы невозможно. Между прочим, никаких протестов, даже молчаливых, такой состав экспедиции не вызвал. Если бы среди альпинистов провести плебисцит, то были бы названы те же имена.

Что касается киносъемки, то тут никаких сомнений быть не могло. С нами едет Марсель Ишак, и это значительный козырь в нашей игре.

В 1936 г. Марсель уже побывал в Гималаях, принимал участие во многих экспедициях; как только он прибудет, его советы будут для нас неоценимы. В настоящее время Ишак еще в Гренландии вместе с Полем Эмилем Виктором¹. Затем он помчится в США, чтобы заснять первенство мира по лыжам в Аспене, и сюда вернется лишь за несколько дней до нашего отъезда в Индию. Его обязан-

¹ Известный французский исследователь Арктики. — *Примеч. пер.*

ности будут весьма разнообразны. Во-первых, ему предстоит снять фильм о нашей экспедиции. Во-вторых, он будет ответственным за все, что имеет отношение к фото. У каждого из нас есть свой аппарат, однако заботы об уходе за фотоаппаратурой, о фотоматериалах, о проявлении заснятых негативов ложатся на него. Марсель отличается умом, инициативен и любознателен, а потому ему также доверено ведение всей научной документации.

Женщина для альпиниста является главной опасностью. Всем нам известна эта непреложная истина. Что касается Ишака, он успешно разрешил вопрос, женившись на альпинистке!

Врачом экспедиции едет первоклассный хирург — Жак Удо, так что каждый может позволить себе такую роскошь, как перелом. Жак очень занят на своей работе и запретил нам его беспокоить в госпитале Сальпетриер, где под руководством своего шефа Мондора он занимается сосудистой хирургией. Смелость его операций представляется мне невероятной, и я неизменно спрашиваю его: «Ну и как?.. Он не умер?» Наивность невежды! Мои вопросы по хирургии всегда приводят его в веселое настроение. Хирурги-альпинисты встречаются редко. С Удо я хорошо знаком и знаю, на что он способен. В Гималаях он будет неоценим.

— Так как же, Удо, решаешься?

— Это, конечно, соблазнительно, но знаешь... Я скажу тебе завтра! — обещает он.

Такая волынка длится уже неделю. Деви и я как на иголках. За два дня до отъезда мы, наконец, вырываем у него долгожданное «да».

Жак будет следить за здоровьем всех участников экспедиции, в случае необходимости лечить их, а также постоянно информировать меня о спортивной форме моих товарищей, о степени их акклиматизации... С другой стороны, он по возможности будет применять свои таланты для оказания врачебной помощи местному населению.

Трудным делом является подбор офицера связи. Мы предпочли бы француза, с которым нам было бы проще объясняться. Нам говорили о некоем молодом дипломате нашего посольства в Нью-Дели. Предъявляемые требования велики: офицер связи должен говорить помимо английского также и на основных местных наречиях: гуркали, тибетском... Он же будет вести вопросы транспорта и, кроме того, налаживать дипломатические отношения с властями Непала как в столице Катманду,

так и в районах, через которые будет проходить экспедиция. В наших глазах Франсис де Нуаель представляется с этих точек зрения идеалом. Он сам завзятый альпинист и хорошо знает горы, что для нашей команды имеет существенное значение.

Это единственный участник экспедиции, с которым я лично незнаком. Впрочем, его родители и сестры наговорили мне о нем столько хорошего, что кажется, мы с ним давно уже друзья. Крепкий парень с живыми глазами быстро находит выход из любого положения, за словом в карман не полезет. Не так давно Франсис был в Катманду, сопровождая в поездке по Индии и Непалу нашего посланника Даниеля Леви, авторитет которого в этих странах весьма велик. Франсис участвовал в переговорах, в результате которых экспедиция получила разрешение проникнуть в глубинные районы Непала. В Индии профессор Раоль, ранее уже принимавший участие в нескольких гималайских экспедициях, поможет Франсису завербовать в Дарджилинге шерпов¹, большинство которых ему лично знакомо.

Такова наша команда.

Все члены ее — бывалые альпинисты. У каждого ярко выраженная индивидуальность и своеобразный характер. Все жаждут попасть «на острова»², о которых мы мечтаем годами. Для достижения заветной мечты ничего не жалко. Это прекрасно выразил Ляшеналь:

— Я готов туда ползти на коленях!

— С радостью! — добавляет Ребюффа.

Да, надо признаться: они отдались этой идее с бескорыстной страстью. Уезжая, каждый знает, что ему ничего не принадлежит и что по возвращении он ничего не получит³.

Бескорыстная цель влечет этих людей, обеспечивая сплоченность альпинистов столь различного происхождения и даже с противоположными характерами.

Остающиеся до отъезда дни можно перечесть по пальцам. Шац и я бегаем по поставщикам. Наседая на них, получаем все необходимое. Каждый вечер прибывают,

¹ Шерпы — народность, обитающая в одной из горных долин в восточной части Непала. Эти горцы являются «полупрофессионалами» в гималайских экспедициях. Они нанимаются по договору.

² Неудачная игра слов. Французские альпинисты, разговаривая на альпинистском жаргоне, сократили l'Нумалау в îles (что значит «острова»), подчеркивая этим, что для альпинистов Гималаи — нечто вроде рая, естественно отделенного от прочего мира.

³ Все без исключения доходы должны поступать в фонд, предназначенный для финансирования будущих экспедиций.

выгружаются и складываются самые невероятные грузы весом от нескольких граммов до сотни килограммов.

Руки болят от многочисленных прививок: желтая лихорадка, холера, оспа... Но какое это имеет значение! Каждый по мере своих сил участвует в сборах. Необходимо, чтобы все было готово вовремя.

Вечером 28 марта последнее заседание Гималайского комитета. Присутствуют все участники экспедиции.

Люсьен Деви, председатель Комитета и инициатор экспедиции, делает краткий исторический обзор гималайской эпопеи и уточняет наши задачи.

— Своим величием Гималаи вполне заслужили название третьего полюса мира. Двадцать две экспедиции различных стран пытались победить восьмитысячник. Ни одна не смогла этого достичь.

Далее он определяет нашу цель:

— Дхаулагири (8167 м) или Аннапурна (8075 м) в самом сердце Непала. В случае невозможности восхождения на эти вершины, в чем ничего позорного не будет, следует взойти на «утешительные» вершины.

Экспедиция должна будет пересечь границу Индии и проникнуть на территорию Непала.

После трехнедельных подходов к высокогорным долинам экспедиция достигнет Тукучи, этого непальского «Шамони», географическое месторасположение которого замечательно. Действительно, это селение находится между Дхаулагири и Аннапурной.

Предыдущие гималайские экспедиции выбирали объекты для восхождений в известных и уже обследованных районах. У нас же нет никаких данных по нашим двум восьмитысячникам. Пути подходов совершенно неизвестны. Карты, которыми располагает экспедиция, весьма неточны и практически неприменимы в высокогорье. Таким образом, нашим товарищам придется по прибытии на основную базу Тукучу в первую очередь произвести разведку обоих массивов. Лишь после того как они ознакомятся с местностью и наметят план штурма, можно будет приступить к попытке восхождения...

Наш друг Люсьен Деви продолжает:

— Необходимо будет провести медицинские, геологические, этнографические, метеорологические и географические исследования...¹

¹ 23 апреля 1951 года на заседании Французской академии наук был сделан доклад по геологическим исследованиям, проведенным экспедицией. Проведенные наблюдения позволили уточнить основную геологическую структуру Центральных Гималаев.

Задача необъятна!

Я полностью уверен в своих товарищах. Лучшей команды в настоящее время собрать невозможно. Каждый знает достоинства друг друга. Снаряжение и оборудование, которым мы оснащены, также вселяют в нас уверенность в успехе экспедиции. Промышленность Франции оказала нам неоценимую помощь. В течение нескольких месяцев было спроектировано и изготовлено предельно легкое, прочное и удобное снаряжение.

Что можно добавить? Есть ли еще неясные вопросы?

Темная и мрачная комната, где мы собрались, кажется мне сегодня величественной и торжественной.

14

Все сказано! После этой паузы для нас начинается пора необыкновенных приключений, представить которые мы себе еще не можем, но, будучи альпинистами, уже теперь предвидим.

Обрывается связь между этими важными, рассудительными лицами и загорелыми, полными жизни членами экспедиции.

Затем встает Люсьен Деви. После некоторой паузы, отчетливо произнося каждое слово, он говорит:

— Господа, вот присяга, которую вы должны принести так же, как ваши предшественники в 1936 году. «Клянусь своей честью повиноваться начальнику экспедиции во всем, что он найдет нужным для успеха экспедиции».

Альпинисты не любители церемоний. Мои товарищи стоят смущенные и взволнованные. Что они должны делать?

— Итак, господа! Начинай, Мата¹, ты ведь ветеран!

Анри де Сегонь — начальник гималайской экспедиции 1936 года — оказывается на высоте. Благодаря его помощи и советам наша экспедиция смогла выиграть свое первое сражение — отъезд. Сейчас он снова берет на себя инициативу:

— Давай, Мата!

Одновременно с присягой Ишака и почти сливаясь с ней раздается робкий голос Террая. Поочередно все клянутся повиноваться начальнику экспедиции при любых обстоятельствах и особенно в решающие моменты.

Возможно, речь идет об их жизни.

Они это знают. И полностью полагаются на меня.

Я хотел бы сказать несколько слов, но не могу.

Никакое чувство не может сравниться с этим безгра-

¹ Марсель Ишак.

ничным доверием человека к человеку, ибо оно заключает в себе все другие чувства.

В эту минуту родилось наше товарищество. Я обязан его сохранить.

Комитет решает вопросы широко; возлагая на меня всю ответственность за экспедицию, он предоставляет мне одновременно полную свободу действий.

Собрание заканчивается, но для меня вечер уже омрачен: Пьер Аллен, этот выдающийся представитель французского альпинизма, который так много сделал для всех нас, с нами не едет: расшатанное военными годами здоровье не позволяет ему участвовать в длительных экспедициях. Лучше, чем кто бы то ни было, я знаю, что для него значат Гималаи, сегодня — это потерянный рай. Лицо Аллена не отражает его внутренних переживаний. Он даже улыбается, радуясь нашему отъезду. Там, далеко в Азии, наши мысли не раз еще будут обращаться к близкому другу, с которым нас разлучила судьба.

Сегодня, 29 марта, все те, кто помогал экспедиции, собрались здесь, в залах на улице Воэти, чтобы подбодрить нас накануне отъезда. Анри де Сегонь что-то объясняет. Я мечусь от одного к другому.

Лубри, шеф-пилот авиакомпании, вызывает меня к телефону.

— Алло! Это Лубри. Я говорю из Бурже ¹. Знаете ли, сколько показало взвешивание?

— Немного более трех с половиной тонн!

— Четыре с половиной!

— ...!

— Устраивайтесь как хотите! Я беру только три с половиной. Остальной груз — срочные медикаменты.

Я в отчаянии. Каждому был предоставлен определенный лимит по весу. Все тюки, ящики, мешки пересчитаны, переписаны... Однако факт налицо: лишняя тонна для самолета ДС-4 — это, конечно, много.

Я вспоминаю, как упаковщик говорил мне: «Месье! Все должно быть прочным!» — и как с большим трудом я уговорил его не оковывать ящики железом! Что же касается Удо, то я его неоднократно предупреждал: ни в коем случае не превышай лимит в 80 килограммов.

— Возможно, у меня наберется на несколько кило больше...

¹ Аэропорт около Парижа. — *Примеч. пер.*

Сегодня утром он мне признался:
— Знаешь, сколько я с собой везу?
— Наверное, не меньше ста кило...
— Двести пятьдесят!

Это заявление было встречено без особого энтузиазма. Мог ли я предполагать в то время, что буду главным потребителем его фармацевтических запасов?

— Подождите, майор... может быть, найдем какое-нибудь решение! — Я задыхаюсь от волнения. — Управляющий авиакомпания здесь! Подождите, майор, не бросайте трубку!

16 Наконец решение найдено. Медикименты будут отправлены другим рейсовым самолетом и придут вовремя.

Еще не оправившись от сильного волнения, я возвращаюсь в зал. Пожелав нам успеха, большая часть приглашенных уже разошлась. Последний день перед отъездом заканчивается для меня очень поздно.

Я измучен. Нервы напряжены до предела. Напрасно стараюсь уснуть. В течение долгих часов мысленно перебираю все снаряжение, которое мы берем с собой. Не забыто ли что-нибудь важное? Достаточно потерять ящик с кошками¹, и экспедиция будет сорвана.

Пытаюсь представить себе нашу жизнь в этих неизведанных краях, где не будет многого необходимого.

Сон все не приходит.

В памяти возникает комичная фигура Удо, покрытого потом, барахтающегося среди груды медикиментов в вестибюле Французского альпинистского клуба. Всем ли он будет обеспечен? Не забыл ли что-либо передать ему доктор Карль, получивший богатый опыт в экспедиции 1936 года? Будут ли у Жака все лекарства, нужные для лечения, все, что необходимо для поддержания престижа «доктора сагиба»?

А сон по-прежнему не приходит.

Хорошо ли были сделаны прививки Луи Ляшеналу, Гастону Ребюффа и Лионелю Террау? В порядке ли их документы? Иначе при проезде через Карачи нас могут задержать. Найдем ли мы достаточно надежные накомарники, чтобы защитить себя от малярии?

Я все еще не могу уснуть.

А эти горы, что они собой представляют?

Тууча лежит на 2500 метров над уровнем моря, вершины достигают 8000 метров. Перепад в 5,5 километра,

¹ Альпинистское снаряжение с зубьями, надеваемое на ботинки для хождения по ледовым склонам. — *Примеч. пер.*

на протяжении которых природа нагромодила бесчисленные препятствия и опасности.

Хватит ли нам физической и моральной выносливости, товарищеской спайки, чтобы преодолеть влияние высоты со всеми вытекающими последствиями? Не наступит ли преждевременно муссон?

Я не сплю, я не могу уснуть.

Рассвет кладет конец моим тревогам. Последняя ночь на Европейском континенте заканчивается — пора вставать и отправляться в аэропорт Ле Бурже.

«Острова»

- 18 Сразу же после взлета смертельно уставший Удо засыпает. Он будет спать до самого Дели. Время от времени наш доктор приоткрывает один глаз и ворчит: «К черту посадки!» Иногда он спрашивает у Ишака: «Как поживает мой мышонок? Смотри, чтобы он не удрал!»

Этот мышонок — огромная ценность для индийских врачей. Ему привита культура бактерий, чистые образцы которой, необходимые для исследований некоторых разновидностей малярии, уже исчезли из Индии.

Индия! Наш посол Даниель Леви со всем составом посольства встречает нас на аэродроме Палам и помогает разрешить административные затруднения. Индийские таможенники впервые видят экспедицию, прибывающую по воздуху со всем грузом.

— Мне нужен список на английском языке всего вашего багажа с указанием веса, стоимости, размеров...

— Но позвольте, ведь здесь более пятидесяти тысяч наименований!

Не моргнув глазом, чиновник продолжает:

— Вам разрешен проезд только транзитом. На обратном пути вам придется снова пройти через таможенную с тем же багажом.

— Но ведь в Непале нам надо будет что-то есть! А если мы что-нибудь подарим или потеряем, скажем ружье или палатку?

Очевидно, задача не из легких. Доброжелательно улыбаясь, начальник таможни предлагает:

— Весь этот груз мы можем отправить на склад на все время вашей экспедиции. Не беспокойтесь, никто ничего не тронет.

— Однако... а как же мы?

— Вы можете ехать в Непал. На обратном пути заберете свой багаж!

Положение становится угрожающим.

«Зачем вам Гималаи? — читаю я в глазах таможенника. — Пусть туда ходят богомольцы...»

«Мы тоже богомольцы, — отвечаю я про себя, — мы поклоняемся горам...» Но я не решаюсь прервать глупые размышления своего собеседника.

— Ну ладно!.. (Чувствую, что дело улаживается). В таком случае я задержу также и самолет!

Я оборачиваюсь: не падает ли Лубри в обморок?

Вопрос, конечно, будет разрешен, как разрешаются все вопросы, если не торопиться.

В углу Ишак с трудом сдерживает свой бурный темперамент. Полный мщения, он рисует череп таможенного чиновника.

— Идеальная геометрическая фигура, однако ее трудно выразить уравнением! — шепчет ему Кузи.

После двухдневных переговоров таможенные затруднения разрешены и мы выгружаемся на вокзале Олд-Дели ¹. Это нелегкая работа. Дело происходит ночью.

Ребюффа, Терраю и Шацу поручено сопровождать багаж, который не может далее следовать по воздуху.

Затем мы отправляемся самолетом в Лакхнау. Не успели мы обосноваться в машине «Бахарат Эруэйз» ², как в ней появляются трое замечательных сикхов — гиганты с благородной осанкой и роскошными бородами ³. С величественными тюрбанами на головах, темнокожие, с громадными глазами, они производят неизгладимое впечатление. По сравнению с ними мы выглядим мальчишками в коротких штанах.

— Смотри, — говорит Кузи, — сейчас они запутаются в своих одеждах.

— Великолепный типаж! — с восхищением замечает Ишак.

— Убей меня бог! Ведь это пилоты! — восклицает Удо.

Все мы поражены высокой квалификацией необычных пилотов и плавностью пилотажа в течение короткого перелета от Дели до Лакхнау.

Здесь, в Лакхнау, я впервые встречаюсь с самым молодым из наших шерпов Ангавой и с их сирдаром ⁴. В Наутанве, конечной станции узкоколейки и последнем

¹ Олд-Дели — старый город, Нью-Дели — новая административная столица.

² Индийская авиакомпания.

³ Согласно религиозным обычаям, сикхи не имеют права срезать ни единого волоса своей растительности.

⁴ Сирдар — начальник.

индийском селении на границе с Непалом, происходит наше знакомство с остальными шерпами.

С любопытством и волнением я буквально пожираю глазами этих людей небольшого роста, с развитой мускулатурой, которая отличает их от индийцев, в большинстве своем худых.

Шерпы, преданность и самоотверженность которых общеизвестны, будут нашими равноправными товарищами по восхождению, и я должен проследить, чтобы с ними обращались как с равными.

20

Их снаряжение и бытовые условия не должны отличаться от наших, а обеспечению безопасности шерпов наряду с безопасностью моих товарищей я всегда буду уделять главное внимание.

Анг-Таркэ, сирдар шерпов, человек энергичный. Он пользуется непререкаемым авторитетом среди своих товарищей и носильщиков. Убежденный и ревностный буддист, он оказывает на них большое моральное влияние.

Другие шерпы: Панзи, Даватондуп, Саркэ, Путаркэ, Айла, Ангава, Аджиба — также обладают немалым опытом. В продолжение нашей экспедиции им еще не один раз выпадет случай проявить свои способности.

В Наутанве под палящим солнцем мы выгружаемся с помощью наших новых друзей-шерпов; четыре с половиной тонны снаряжения присоединяются к полутора тоннам продовольствия, которые благодаря предусмотрительности де Нуаеля уже ждут нас на платформе.

5 апреля Королевство Непал открывает нам наконец свои двери.

* * *

Так же как Тибет, Непал расположен выше, чем какая-либо другая страна мира. Здесь находятся восемь из четырнадцати высочайших гор земного шара. Оседлав великую Гималайскую стену, это государство, насчитывающее 7 миллионов жителей, простирается на 600 километров в длину и 200 километров в ширину. Тераи¹, район, примыкающий к Индии, покрыт буйной тропической растительностью, вредной для здоровья.

То изнывающая под раскаленным, все сжигающим солнцем, то затопляемая во время муссона ливнями, эта местность представляет поразительное зрелище.

¹ Нездоровая местность, раскинувшаяся у подножия первых гималайских хребтов и прозванная «гималайским тротуаром».

Наш «джип» едет по пыльной и каменистой дороге. В десяти километрах отсюда, у подножия столь дорогих Киплингу гор Сивалик, находится селение Капилавасту (ныне — Руминдеи). Природа здесь проста и лишена всякого величия.

Первое непальское селение Бутвал расположено на границе между великой равниной Ганга и горами. Здесь мы обмениваем деньги, так как в горах и особенно в удаленных районах местные жители не признают банкноты и требуют серебро, являющееся эталонным металлом для большинства азиатских стран.

Ляшеналь и Террай, которые должны выехать вперед, недоверчиво рассматривают приведенных для них жалких кляч. Под расплавленным свинцом солнечных лучей сборы основной части каравана длятся бесконечно долго. Постепенно удается разбить весь груз на равные ноши весом по одной маунд ¹, распределяемые двум сотням носильщиков.

— Bara Sahib, umbrella please? ²

Стройный непалец любезно протягивает мне свой зонтик. Так, почти случайно, происходит мое знакомство с Ж. Б. Рана. Через несколько дней Ж. Б., как будем мы несколько фамильярно его звать, станет для нас настоящим другом. В течение многих лет он служил офицером в полках гурков, а сейчас магараджа Непала поручил ему сопровождать нашу экспедицию.

Внезапно до нас доносятся звуки бешеного галопа по затвердевшей и растрескавшейся от зноя земле. Взмывленные неоседланные лошади Ляшеналья и Террая выскакивают из ущелья Тинау-Кхола ³, мчась к своим родным конюшням.

— Понимаешь, — впоследствии объясняет мне с достоинством Террай, — настоящим альпинистам претит такой искусственный способ передвижения...

Вечером после первого перехода Ж. Б. приводит нас в деревенский рест-хауз ⁴.

— Of His Highness ⁵, — торжественно объявляет он.

— Я весьма польщен!

Со временем я узнал, что все в Непале принадлежит лично магарадже!

¹ Примерно 36 кг.

² Бара-сагиб, хотите зонтик? (В этой стране зонтики употребляются для защиты как от дождя, так и от солнца).

³ Небольшой приток Ганга (Кхола означает реку или поток).

⁴ Бунгало.

⁵ Принадлежит его высочеству (магарадже).

Десятого апреля караван останавливается на три дня в Тансинге, центре провинции. Здесь мы должны перегруппировать свои силы, разобрать груз, нанять новых носильщиков.

Установив лагерь, защищенный веревочными перилами от толпы любопытных зевак, мы оставляем больного дизентерией Ишака на попечение шерпов и взбираемся на холм, возвышающийся над городом, откуда видны дальние горы. Что может сравниться с волнением, охватывающим человека при виде предмета его грез!

Мы все много читали о Гималаях. Мы вели долгие беседы с нашими товарищами, посетившими в 1936 году Каракорум. Мы задавали Марселю Ишаку, единственному среди нас ветерану Гималаев, самые нелепые вопросы. У каждого из нас сложилось собственное представление об этих горах. Не ждет ли нас разочарование?

В действительности же зрелище, открывшееся нам с вершины холма, превосходит все, что мы могли вообразить. С первого взгляда видна только легкая дымка, но, вглядевшись внимательно, можно различить вдали мощные ледяные стены, вздымающиеся из тумана на гигантскую высоту и закрывающие на севере горизонт на протяжении сотен и сотен километров. Эта сверкающая стена кажется колоссальной, без единого понижения. За восьмьютысячниками следуют семитысячники. Мы буквально подавлены величием этого зрелища.

Гималаи! Наши «острова»!

С этой минуты сказочное видение всегда будет перед нами. Теперь задача кажется простой: возможно скорее добраться до этих вершин и вступить с ними в бой.

Вечером мы лежим в палатках молчаливые, погруженные в свои мысли.

Экспедиция покидает Тансинг. Передовая группа отправляется на день раньше.

На следующий день, приближаясь к реке Седи-Кхола, мы встречаем по дороге миловидных непальских женщин, грациозных и легких в своих праздничных нарядах. Семеня босыми ногами, они быстро проходят мимо нас. Чем дальше, тем их больше. На всех окрестных тропинках мелькает множество переливающихся яркими цветами сари¹. Все женщины направляются к одному месту. Анг-Таркэ объясняет нам, что сегодня здесь большой религиозный праздник Кумбх-Мела, который справляется каждые двенадцать лет.

¹ Одежда индийских женщин.

Нам везет! Подходим ближе, и вскоре лишь с большим трудом нам удастся пробиться сквозь расцвеченную бурную и шумную толпу. У подножия утеса садху ¹ выкрикивает пламенные призывы. Священники, окруженные внимательными слушателями, читают вслух ведические тексты. Многие верующие направляются к священной реке Кали-Гандак. Мужчины и женщины раздеваются, входят поочередно в реку и погружают в воду листья лотоса, которыми они затем по несколько раз ударяют себя по лбу.

Некоторые устраивают из листьев нечто вроде лодочек, в середине которых укрепляют зажженные свечи. Затем эти плавучие светильники осторожно спускаются на воду, и река уносит их вдаль, по направлению к Гангу.

К сожалению, экспедиция должна продолжать свой путь.

На другой день внезапно раздается возглас Ишака: «Полиция!» Как это ни глупо, но у меня на мгновение душа уходит в пятки.

Это вам не праздник! Из-за поворота дороги показывается отряд: 12 человек маршируют в строю с оружием наготове.

— Пойманы на месте преступления, — продолжает Ишак. — Это милиция Баглунга оказывает нам воинские почести!

Баглунг, куда мы попадаем на следующий день, в воскресенье 16 апреля, является последним крупным селением перед высокогорными долинами.

До Тукучи остается не более трех-четыре переходов. Но это самый тяжелый участок пути, так как нам предстоит подняться с высоты примерно 700 метров над уровнем моря до 2500 метров.

Сегодня приходится встать рано: нам предстоит расплатиться с носильщиками, нанять новых и пересмотреть весь наш груз.

— Кханна! Кханна! Кханна! ²

Нуаель, всегда встающий первым, будит спящий лагерь диким воинственным кличем. Тут же следует бурная реакция:

— Проваливай к... — ворчит Кузи, вспоминая свой студенческий лексикон.

— Ненормальный! — кричит Ребюффа.

— Убирайся к дьяволу! У меня живот болит так, что хоть в гроб ложись, — рычит Террай.

¹ Святой человек.

² За стол... (буквально — есть!).

— Ты просто переед, — зевая, замечает Удо.

— Удо — убийца! Во всем виноват хлор¹, — также держась за живот, вопит Ляшеналь.

— Как там, снаружи, еще темно?

— Прибыли ли носильщики?

— Ребята! Дхаулагири! Дхаулагири! — вне себя от радости кричит Нуаель.

24 Что? Не может быть! В мгновение ока все оказываются снаружи, прикрывая свою наготу чем попало. Некоторые прыгают в спальных мешках, как на комических соревнованиях, другие используют вместо фигового листка носовой платок. Выделяется Ляшеналь, применивший для этой цели свою кепку.

Грандиозная ледяная пирамида, сверкающая на солнце, как кристалл, возвышается над нами более чем на 7000 метров. Ее южная стена, отливающая голубизной в утренней туманной дымке, сказочно величественна.

Мы стоим с раскрытыми ртами перед этой колоссальной вершиной. Название ее, повторявшееся тысячу раз, так нам знакомо, но ее реальное появление производит столь сильное впечатление, что мы долго не можем вымолвить ни слова.

Постепенно мы вспоминаем о цели экспедиции. Вопросы чувства и эстетики отходят на второй план, и мы начинаем рассматривать гигантское видение с практической точки зрения.

— Ты видел восточный гребень справа?

— Видел, соваться туда не стоит.

— Холодный душ!

Картина захватывающая, но вряд ли можно надеяться найти приемлемый путь на южном склоне.

— Если будете себя хорошо вести, через два дня покажу вам Аннапурну, — говорит Ишак, только что проделавший вместе с Кузи какие-то тщательные расчеты.

Весь день, сидя под громадными бананами, я руковожу оплатой носильщиков. Каждый получает авансом 6 рупий и пачку сигарет «Ред-Лемп», затем благодарит по индийскому обычаю, сложив ладони, и расписывается² в ведомости у Ж. Б. Рана. Список все удлиняется. По мере надобности его наращивают, приклеивая дополнительные листы. После окончания операции длина этого документа превышает 4 метра.

¹ Удо обеззараживал воду таблетками гипохлорита.

² Каждый носильщик в указанном ему месте против имени, написанного бабу (писарем), прикладывает большой палец, предварительно намазанный чернилами.

Подходя по очереди, они оценивают взглядом груз, прикидывают его вес. Незаметно каждый ревниво поглядывает на поклажу другого. С большой ловкостью они сооружают из бамбука и лиан плетеные станки для более удобной переноски груза.

Один за другим разбираются тюки, носильщики поддерживают их с помощью ремня, опоясывающего лоб. Так после 250 км пути по горным тропам наши шесть тонн груза будут доставлены на головах к месту назначения.

— Вперед, на Тукучу!

Перед нами, насколько видит глаз, носильщики растянулись по берегу Кали-Гандак. Вскоре мы доходим до большого притока — это Маянгди-Кхола. Марсель Ишак озадачен:

— Эта река не меньше Гандаки. Судя по карте, ее питает только южный склон Дхаулагири. Но тогда она должна быть не крупнее обычного горного потока!

Действительно, если верить карте, маршрут, намеченный для восхождения на Дхаулагири, начинается от нашей базы в Тукуче и, не встречая препятствий, проходит вверх по ущелью, начинающемуся от северного склона. Судя по величине реки, вытекающей из ущелья и впадающей в Маянгди-Кхола, это ущелье, вероятно, спускается на запад, а не по направлению к Тукуче. Если это так, то должен существовать не нанесенный на карту гребень между Тукучей и северным склоном Дхаулагири, что может серьезно помешать нашим планам.

— Н-да!..— вынужден я признать.— В предмуссонный период Маянгди-Кхола должна бы быть куда менее многоводной!

— Я догадываюсь,— с поразительной интуицией замечает Ишак,— сюда стекают все воды с севера и с запада.

— Но как же карта?..

— Карта неверна! Сомнений нет!

Рассуждение кажется мне логичным.

Однако, прежде чем отвергать карту, я подожду более веских доказательств.

Забегая вперед, скажу, что эти доказательства были получены и через месяц тайна была раскрыта...

На следующий день, 20 апреля, проходя через Дана, мы стараемся разглядеть гребни и вершины Аннапурны.

— Ну как насчет Аннапурны? Ты нам ее покажешь? — напоминаю я Ишаку.

Аннапурны мы не видим, но перед нами открывается глубокое и извилистое ущелье Миристи-Кхола. По нему

проходит четко указанная на карте тропа, ведущая к перевалу Тиличо, откуда по недлинному гребню можно выйти на вершину Аннапурны.

— Не очень-то симпатичное ущелье это Тиличо,— говорит мне Шац.

— Судя по карте, здесь тропа...

Нуаель, поговорив с шикари¹, возвращается с мрачным видом:

— Перевал Тиличо? О нем никто и не слышал!

— Это уж чересчур! Еще один «карточный» фокус!

— Было бы уж слишком здорово,— заявляет Ребюффа,— перевал выше 6000 метров, с подходом по прекрасной тропе, а оттуда рукой подать до восьмитысячника!

В дальнейшем разведка района показала, что ущелье Миристи непроходимо, а пресловутый перевал Тиличо находится совсем в другом месте.

Тропа идет по краю пропасти. Сквозь хвойные деревья едва видны бурные грохочущие воды Кришна-Гандаки, время от времени мы проходим мимо шумных водопадов, низвергающихся с известняковых стен. Подъем на глаз незаметен, но он ощущается косвенно, по различным признакам: походка становится тяжелой, темп движения замедляется.

В Гасе изумленные Ляшеналь и Террай обнаруживают обувную «фабрику»: несколько кустарей в смежных хижинах без передышки отбивают дубленные мочой кожи.

— Работают без клея,— определяет Ляшеналь.

— Ты заметил, Бискант, это не настоящие швы. Они вместо дратвы употребляют тонкие кожаные полоски.

— А куда идут все эти туфли?

По правде говоря, лишь именитые жители города носят обувь. Особенным шиком считается носить ботинки с незавязанной шнуровкой. Между прочим, пара горных ботинок, подаренная нами Ж. Б., чрезвычайно повысила его престиж.

Становится прохладнее, так как мы уже на высоте 2000 метров. До Тукучи остается еще 500 метров подъема. Здесь уже больше нет ни бананов, ни риса. Невзрачные злаковые, в основном ячмень. Вдали видны верхние склоны Дхаулагири, испещренные полосами голубого льда. Спускающийся к нам юго-восточный гребень, на который мы до некоторой степени возлагали надежды, тянется без конца, острый, как нож, с бесчисленными

¹ Проводники-охотники.

ледяными «жандармами»¹ и снежными карнизами. Отсюда он выглядит непреодолимым.

Рискуя вывихнуть шею, мы стараемся разглядеть эти гигантские стены, теряющиеся где-то шестью километрами выше, в голубизне небосвода. Темно-коричневые скальные выходы резко выделяются на фоне сверкающего снега. Блеск настолько ослепителен, что приходится прищуривать глаза.

У нас не хватает дерзости наметить здесь путь подъема. И все же мы не можем скрыть своей радости! Мы счастливы снова оказаться в горах, счастливы, что можем теперь посвятить все свои усилия достижению основной цели экспедиции. Что касается меня, то, наконец, я избавлюсь от роли не то начальника транспорта, не то режиссера и превращусь в руководителя альпинистской экспедиции.

Возле селения Лете мы с удивлением и некоторым волнением пересекаем сосновый лес, поразительно похожий на наши альпийские леса. Те же деревья, те же скалы и тот же свежий мох. Мог ли я подозревать, что не пройдет и двух месяцев, как этот чарующий, полный поэзии уголок будет свидетелем моей агонии?

Вскоре наш отряд выходит на обширную каменистую равнину, столетиями подвергавшуюся воздействию капризной и бурной Гандаки. Реке удалось прорезать в толще огромного Гималайского хребта громадный коридор. Прижимая нас к земле, в него с силой врываются мощные беспорядочные вихри. В течение всего года здесь буйствует ветер, уничтожающий всякую растительность. Клубы пыли поднимаются ввысь. Кругом мрачный каменный ад. Ишак, пытаясь как-то закрыться от дико завывающего ветра, кричит мне на ухо:

— Можно подумать, что мы в Каракоруме!

Босиком, согнувшись, носильщики двигаются маленькими компактными группами, стараясь укрыться друг за другом. Всем не терпится скорее добраться до Тукучи!

Анг-Таркэ, убежденный буддист, уже чувствует себя как дома. Он увидел над домами Ларджунга развевающиеся священные вымпелы. Шелестя под порывом ветра, они возносят к богу нескончаемые молитвы.

Вдали на краю каменной пустыни появляется селение, украшенное сотнями молитвенных флагштоков и окруженное, как нам кажется, укреплениями.

¹ «Жандарм» — отдельно стоящая на гребне скала. — *Примеч. пер.*

— Тукуча, сагиб!

Все ускоряют шаг.

Мы переходим вброд бурлящий поток Дамбуш-Кхола, к которому нам придется еще вернуться, и входим в Ту-кучу.

Вообще говоря, тут не так много народа, как мы ожидали. Нас немедленно окружает толпа ребятишек, с любопытством наблюдающих за каждым нашим шагом. Они барахтаются в протекающем среди улицы арыке, где женщины одновременно моют посуду и берут воду для чая. На порогах домов сидят старики, недоверчиво и подозрительно поглядывающие на этих белых людей, прибывших сюда неизвестно для чего. За несколько минут мы пересекаем селение. Перед нами обширная площадь. Над розовыми стенами буддистского храма развеваются флаги. Хотя место и малопривлекательное, но оно является единственным, пригодным для разбивки лагеря. Над нами возвышается мрачная голая стена утесов, накладывающая грустный отпечаток на окружающую местность.

Подходы кончились. Сегодня 21 апреля; таким образом, нам понадобилось немногим более 15 дней, чтобы полностью пересечь Непал.

Вечером мы ограничиваемся установкой нескольких палаток и приготовлением сытного обеда для успокоения взбунтовавшихся желудков. Холодно. В первый раз надеваем пуховые куртки. Все сагибы и все шерпы собрались вместе, усталые, в несколько мрачном настроении: ветер нас иссушил.

И завтра потребуются все сияние солнца, чтобы оживить наши сердца.

Неизвестное ущелье

Дальнейший план действий несложен. Прежде всего нужно установить лагерь, распаковать, учесть, проверить и сложить продукты и снаряжение. На ближайшие 48 часов для каждого намечена вполне определенная работа. Все мои товарищи, грязные и шумные, проявляют бурную активность. Зрелище весьма красочное! Ишак ныряет в свои драгоценные ящики с пленкой и киноаппаратурой. Удо погружен в бинты и пакеты с медикаментами. Шерпы со своей стороны устанавливают палатки, помогают сагибам разбирать продукты, налаживают кухню...

Погода превосходная, и вершина приукрасилась в честь первого дня, проводимого нами в «Генеральном штабе». С какой радостью мы разглядываем окружающие нас острые пики! Длинное ущелье Гандаки прорезает два громадных массива: Дхаулагири на западе высотой 8167 метров и Аннапурну на востоке — 8075 метров. На дне ущелья часто клубится туман, еще более подчеркивая величие окружающих нас неприступных стен. В 4500 метрах над нами сверкают изящные вершины Нилгири¹. К северу небо значительно светлее. Растительность, насколько можно судить, становится реже: там лежит Тибет.

Тукуча — лабиринт переулков. Трудно увидеть истинную жизнь города. Каждый дом — настоящая крепость. Чаще всего — это караван-сарай, где случайный путник может найти пристанище на ночь. Большинство из 500 жителей города — буддисты. Вереница молитвенных мельниц длиной до пятидесяти метров — свидетельство их религиозности. Наши шерпы, проходя мимо, не упускают случая весело повертеть металлический цилиндр, на

¹ Голубые горы. Эта непроходимая горная цепь образует громадный заклон между Тукучей и Аннапурной. Чтобы добраться до Аннапурны, нужно обойти Нилгири с юга, вдоль Миристи-Кхола, или с севера.

котором выгравированы священные тексты. Это намного практичней, чем читать длинные молитвы.

В темных дворах или в низких лачугах ютятся примитивные кустарные мастерские. Здесь из шерсти яков или овец выделяются замечательно прочные ткани. Непривычное для нас зрелище: мужчины занимаются пряжением.

В то время как «Куку-сагиб»¹ и «Ишак-сагиб», развернув антенны, кричат что есть силы в микрофоны Токи-Уоки², прядильщики, сидя на корточках, до самой ночи терпеливо крутят свое допотопное веретено.

Комичный контраст...

30

На рассвете Тууча безлюдна, и лишь гонг соседнего храма нарушает тишину. Станные низкие гармоничные звуки растворяются в воздухе.

Нечто вроде протяжного песнопения доносится из соседней палатки. Монотонный псалом с внезапными придыханиями похож на жалобу. Другие голоса отвечают в том же тоне. Анг-Таркэ и его товарищи читают молитвы!

— Good morning, Sir!

— Good morning, Panzi,— говорю я, поднимая голову.

— Tcha for Bara Sahib? ³

Добродушная улыбающаяся фигура показывается у входа в палатку.

— Yes, thank you.

Какие-то караванщики, окруженные толпой ребятишек, собрались на площади и оживленно что-то обсуждают, вероятно тибетцы.

На женщинах яркие фартуки. Их типично монгольские лица чем-то намазаны. Уверенные в своей неотразимости, красотки радостно хохочут. Это зрелище немедленно поднимает моих товарищей.

— До чего же они привлекательны! — делится со мной пораженный Террай.

Вскоре вокруг тибетцев собирается толпа. Внезапно начинается неистовый танец.

Танцоры выделяются на величественном фоне снежных вершин. Великолепно отработанный балет выражает из-

¹ Так прозвали Кузи за его художавость и тонкие черты лица.

² Приемо-передающие портативные УКВ рации. Радиус действия их равен примерно двум километрам.

³ — Доброе утро!

— Доброе утро, Панзи!

— Чаю для Бара-Сагиба?

вечный дуализм горя и радости, жизни и смерти. Красота его сурова, примитивна. Танец всегда отражает душу народа. Этот танец, безусловно, представляет интерес.

С момента прибытия в Тукучу мы надеемся отыскать нетрудный и безопасный гребень, дающий возможность выйти на вершину Дхаулагири или Аннапурны. Юго-восточный гребень Дхаулагири, нанесенный на карту и виденный нами из Баглунга, в какой-то мере поддерживает эту надежду. Однако полной уверенности ни у кого нет. Есть еще северный гребень. Он, правда, ледовый, однако небольшая крутизна и сравнительно малый набор высоты, судя по общей структуре вершины, кажутся весьма благоприятными факторами для попытки восхождения. Может быть, если установить несколько лагерей... Что касается Аннапурны, то, поскольку имеется тропа к перевалу Тиличо, эта вершина легкодоступна и именно поэтому представляет лишь ограниченный спортивный интерес.

На другой день Кузи в сопровождении Панзи уходит на разведку. Он собирается произвести наблюдения с панорамного пункта (4000 м) над Тукучей.

В 11 часов устанавливаю с Кузи радиосвязь.

— Говорит Куку! Я добрался до вершины. Вид фантастический, Дхаула мощно возвышается над всем массивом. Юго-восточный гребень ужасен! Очень длинный, множество ледовых жандармов. Места для лагерей весьма проблематичны.

— Слышу хорошо. А как северный гребень?

— Сплошь ледовый. Крутизна порядочная. Наверняка большие технические трудности. Наиболее сложный участок посередине, но тут есть другое препятствие — участок, выводящий на гребень. По всей видимости, можно выйти по восточному леднику¹, но отсюда он кажется невероятно разорванным.

— Виден ли тебе северный склон?

— Он очень опасен из-за больших ледовых сбросов. Вначале склон некрутой, и по нему, вероятно, можно выйти на северо-западный гребень. Но отсюда плохо видно.

— Что скажешь насчет Нилгири?

— Все отвесно. С этой стороны надежды мало!

— Спасибо, старина! До скорого свидания!

— Пока, Морис. Конец связи!

¹ Восточный ледник расположен между северным и северо-восточным гребнями. На первый взгляд это общий путь подхода к обоим гребням.

Первые сведения несколько охлаждают наш оптимизм. Когда вернется Кузи, мы с помощью его зарисовок приступим к первому анализу.

Вечером в большой палатке идет жаркая дискуссия. Между двумя чашками чая Кузи подтверждает то, что он сообщил по радио.

— Надо добраться до основания вершинной пирамиды! — начинает Ребюффа.

С этим все согласны. Но в отношении подходов мнения разделяются.

32 Что делать? Подниматься по Восточному леднику Дхаулагири, такому изрезанному и, без сомнения, опасному? Обогнуть пик Тукуча, которым заканчивается северный гребень, и выйти в северный цирк Дхаулагири по пресловутому Г-образному ущелью, показанному на карте?

— Надо направить разведку по разным направлениям, — говорю я, — а для этого нам, очевидно, придется разделиться. Пока мы будем исследовать окрестности Дхаулагири и Аннапурны, вполне можно работать двойками.

— На Аннапурне, безусловно, можно чего-нибудь добиться, — заявляет Шац и добавляет с мечтательным видом: — Шеститысячный перевал... тропа...

— Дхаула выглядит неважно. Другая симпатичнее, — признается Кузи.

— Ну что же, друзья! Завтра общий выход. Ляшеналь и ты, Гастон, отправляйтесь на разведку Восточного ледника. Врач и Шац возьмут лошадей и, поднявшись над Лете, взглянут на перевал Тиличо и на Аннапурну. Мы с Марселем прогуляемся вверх по Г-образному ущелью, которое здесь называют Дамбуш-Кхола. Может быть, нам удастся увидеть северный склон Дхаулагири.

— А я? — спрашивает разочарованный Кузи.

— Ты? Отдыхай пока в лагере. Не бойся, работы хватит на всех. Сегодня только 23 апреля, до муссона еще далеко! ¹ Это относится и к тебе, Лионель, старайся не простудиться.

— И... не забывай про диету, — советует Удо.

— Мне уже немного лучше, — уверяет Террай, хотя он выглядит неважно после подхваченной еще в Баглунге болезни.

— А мне, что же, прикажете бить баклуши? — спрашивает Нуаель.

— Да соблаговолит «ваша светлость» немного заняться черной работой. Кончайте с Куку установку лагеря.

¹ Муссон начинается в первых числах июня.

Просьпаюсь в 5 часов.

Ляшеналь и Ребюффа проходят мимо с двумя шерпами, несущими лыжи и высотный комплект¹. Чтобы не терять времени даром, через местность, покрытую лесами и оврагами, их проведет шикари.

— Пока, Морис!

— До свидания! Не забудьте про кроки!

— До завтра!

Удо и Шац уже на ногах. Их лошади должны прибыть к 7 часам. За день, надеюсь, они смогут подняться достаточно высоко, чтобы увидеть пресловутый перевал Тиличо и раскрыть его тайну.

В свою очередь мы с Ишаком, довольные тем, что снова выходим в горы, покидаем лагерь. Через несколько минут подходим к Дамбуш-Кхоле, по ущелью которой, обходя глубокие и узкие каньоны, мы пройдем как можно дальше.

— Поток явно мелковат, — отмечаю я.

— Не хочу навязывать тебе свое мнение, Морис, но я почти уверен: северный склон Дхаулагири питает какую-то другую реку. С той стороны должно быть еще ущелье. Следовательно, где-то есть гребень, отделяющий нас от северного склона.

— Ладно, увидим!

Дремучие джунгли поражают своим величием. Первые лучи солнца приветствуют нас. В этот ранний час розовые цветы источают тонкий аромат. От недавно сваленных сосновых стволов исходит хорошо знакомый запах смолы. Уже жарко!..

Прыгая с камня на камень, перелезая через преграждающие путь скалы, балансируя и ежеминутно рискуя свалиться в поток, преодолеваем препятствия и быстро набираем высоту.

— Первый снег! — радостно кричит Ишак.

— Ну как, здесь пойдет веселей, Марсель?

— Какие контрасты! Это тебе не Альпы! Здесь от джунглей до снега действительно лишь один шаг.

Поднимаясь по левому боковому ущелью, мы надеемся найти просветы в окружающих горах и, может быть, даже увидеть северный склон. Мы возлагаем на этот склон большие надежды, так как знаем, что в Гималаях, по многим причинам метеорологического и геологического характера, пути с севера часто бывают более пологими

33

¹ В этот комплект входили: двухместная нейлоновая палатка, два утепленных спальных мешка, два коротких надувных матраца, легкая спиртовая кухня, посуда — общий вес около 10 килограммов.

и легкими. Некоторое время мы движемся вдоль основания скальной стены.

— Похоже на цирк Гаварни, но куда больше по масштабам, — говорит Ишак.

Семитысячный пик Тукуча закрывает вид своими величественными грозными стенами. Вокруг нас низвергаются со скал водопады, на склонах горы зацепились пятна талого снега. Зима кончается. Как-то проявится в этих местах таинственная сила весны? Сморщенная, искривленная, придавленная растительность вылезает из-под тающего или обваливающегося снега. Птицы и насекомые перемещаются выше по ущелью, где они смогут теперь найти себе пропитание!

34

— Еще несколько недель — и наступит лето!

— Экспедиция прибыла вовремя, не правда ли?

Ишак производит засечки. Высотомер показывает 3400 метров.

— Северная Нилгири — 111° к востоку. Пик Тукуча — 270° к западу... Карта явно врет! Все ясно. Громадный цирк Дамбуш-Кхола ограничен с севера гребнем, спускающимся с пика Тукуча! У северного подножия Дхаулагери расположен другой цирк, вот и все. Но если надо пересечь гребень, чтобы выйти в этот цирк для штурма северного склона, то нам хватит работы еще на год! Я начинаю серьезно колебаться. На сегодня, пожалуй, достаточно.

— Спешим вниз, если хотим поспеть в лагерь к ужину! Мы быстро спускаемся, длительно глиссируя¹ по снегу. Время от времени останавливаемся, фотографируем. Собираем для геологов образцы минералов. В 16 часов 30 минут, обгоревшие, но несказанно довольные, мы уже наслаждаемся в лагере чудесным чаем с молоком.

Наши товарищи удивляются:

— Как, вы не видели Дхаула? (Они, кажется, думали, что мы принесем им цветную карту с горизонталями в масштабе 1 : 20 000!)

— Не стройте себе иллюзий, разведка часто дает очень мало. Ведь здесь все настолько грандиозно! Наверняка нужно идти не один день, чтобы взглянуть на северный склон хотя бы издали...

— Почты не было? — спрашивает Ишак.

— Нет ничего, — отвечает Нуаель. — Я говорил с Ж. Б. Он выясняет, в чем дело.

¹ Глиссирование — скольжение на ногах по снегу с опорой или без опоры на ледоруб.

— А как Аннапурна? Видели? — набрасываюсь я на Удо и Шаца, которые только что вернулись.

— Только верхнюю часть...

— И то хлеб!

— То, что мы видели, выглядит прилично. Впечатление неплохое, правда, Удо? А вот подходы... боюсь, как бы они не оказались головоломкой! Ведь мы видели все это только издали.

— Над тесниной Миристи мы заметили небольшую седловину. Склон, спускающийся к нам, как будто проходим. Что делается по другую сторону — неизвестно. Надо было бы подойти поближе...

— Ты прав, нужно, наконец, во всем этом разобраться, — говорю я Марселю. — Как только отдохнете, отправляйтесь снова. На этот раз на несколько дней...

Пока что мы находимся в полнейшей неизвестности. Дискуссии бесконечны, но ясности не прибавляется ни на йоту.

— Эй! Морис! Начальство прибыло!

Появляются Нуаель и Ж. Б. в сопровождении хорошо одетого человека лет сорока. Роскошные висащие усы. Острый взгляд. Это суба, префект района! Следуют индийские поклоны с обеих сторон.

— He is of Thinigaon ¹, — проникновенным голосом объявляет наш друг Ж. Б., указывая на местного жителя, стоящего поодаль, и уточняет:

— A friend of the great man! ²

Незнакомец оказывается шикари, якобы прекрасно знающим перевал Тиличо. Мы тащим его к карте, и начинается допрос:

— Перевал Тиличо под Аннапурной?.. Нет? Так где же? Здесь? А?!

— Не может быть! К северу от Нилгири? Не к югу? Не возле Миристи?

— Он, наверное, путает Тиличо с другим перевалом — Торунгзе, выше Муктинатха!

— Нет, гляди, он говорит «нет!».

— Стойте, это же очень важно! Если перевал Тиличо находится к северу от Нилгири, значит, нужно их пересечь, чтобы выйти к Аннапурне, а это невозможно, или же совершить длительный обход с севера.

— Он может нас привести на перевал Тиличо? За два ходовых дня? Это меняет дело! На месте мы разберемся.

¹ Он из Тинигаона.

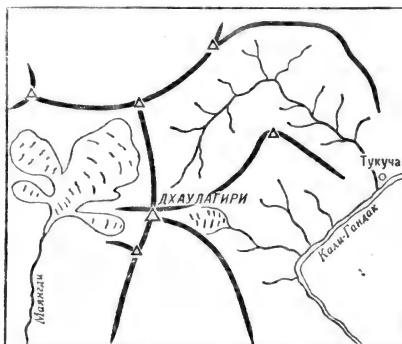
² Друг префекта!

— Действительно, на карте есть звездочка, указывающая на какой-то проход к северу от Нилгири.

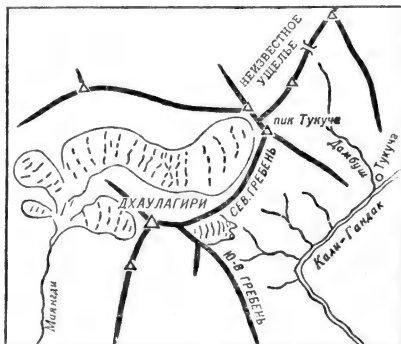
— Но смотри, перевал Тиличо ведь ясно показан между Нилгири и Аннапурной! Может быть, топографы перепутали название? Должен же все-таки здесь быть перевал. Эй! Спроси-ка этого человека из Тинигаона, нет ли прохода между Дана и Манангбхотом?

— Он никогда о нем не слышал!

Чему верить? Есть только один выход: сходить и посмотреть на тот перевал Тиличо, о котором говорит этот человек из Тинигаона. Но это относится к исследованию

Орография массива Дхаулагири по индийским картам

Орография массива Дхаулагири по данным французской экспедиции 1950 года

Аннапурны, и мы пойдем туда позднее. Пока что займемся Дхаулагири.

На следующий день полные энтузиазма возвращаются Ляшеналь и Ребюффа. Проводник вывел их на правую сторону восточного ледника Дхаулагири, почти под самый пик Тукуча.

— Великий вождь этот шикари, — говорит разбирающийся в людях Ляшеналь.

— По сравнению с ним мы просто мальчишки, — добавляет Ребюффа.

— Ну что же, будем знать на будущее. А как насчет ледника?

Ребюффа объясняет:

— Мы поднялись до высоты Монблана, после ночевки

на 4000 метров. Восточный ледник представляет собой сплошной ледопад. Пройти его, наверное, можно, но это отнюдь не прогулка!

Ляшеналь продолжает:

— Предположим даже, что мы преодолеем ледопад. Не видно, как выйти на северный гребень. По-моему, об этом нечего и думать! Настоящее ребро Уокера¹ с ледовыми сбросами в придачу.

— Ближе к югу, возможно, есть более простой выход на гребень, — возражает Ребюффа. — Сам гребень снизу не кажется таким страшным. Конечно, он длинный, но не такой уж крутой. В бинокль видны ледовые башни. В общем проходимо!..

— Во всяком случае мы сильно ошибались в масштабах. Все куда больше, чем казалось. Правда, Гастон?

— О, это факт!

Альпийская тактика здесь неприменима. Нужно переходить к тактике организации последовательных лагерей. Личные подвиги должны уступить место коллективным действиям. Теперь все мы отдаем себе отчет в том, что такое гималайская экспедиция. Ее можно определить одним словом — команда.

Пока пришедшие с жадностью набрасываются на тушенку под острым соусом, мы продолжаем обсуждать ситуацию.

Хорошего пока что мало. Однако первая разведка дала нам возможность проникнуть в Гималайское высокогорье и понять суть задач, которые оно ставит перед нами. О том, чтобы разрешить эти задачи в 48 часов, не может быть и речи. Только теперь мы можем приступить к планомерной осаде намеченных объектов.

Пока Кузи, Удо и Шац исследуют подход к Аннапурне по ущелью Миристи-Кхола, Ишак, Террай и я изучим северный склон Дхаулагири и путь к нему по ущелью Дамбуш-Кхола.

На рассвете 26 апреля оба отряда выходят на несколько дней. Сопровождающие нас шерпы несут лыжи и высотные комплекты. Тот же шикари, который ходил с Ляшеналем и Ребюффа, доводит нас до первого фирна. Выше он никогда не поднимался. После короткого завтрака мы отправляем его вниз.

Ужасная жара. Снег превратился в какую-то кашу. Чтобы не слишком проваливаться, надеваем лыжи. Для

¹ Ребро Уокера северной стены Гранд-Жорас — один из труднейших маршрутов в Альпах.

шерпов, барахтающихся по пояс в снегу, подъем особенно тяжел. 5 часов! Все шерпы, кроме Анг-Таркэ, должны идти вниз. Нам же надо устанавливать бивак.

Невозможно снять темные очки. Блеск снега нестерпим для наших усталых глаз. Рядом с нами грандиозная северная стена пика Тукуча. Сверкая алмазами, она буквально подавляет нас своей неприступностью. Наши палатки очень малы. Мы зовем их «гробами». Влезть туда можно только ползком. Но, сделанные из нейлона и алюминия, они весят всего 2 килограмма и свободно умещаются на дне рюкзака. Лежа в спальных мешках на надувных матрасах, перевернувшись на живот, Ишак, Террай и я готовим ужин. Приходится учитывать каждый сантиметр — резкие движения недопустимы. Нужно иметь крепкие нервы, чтобы не поддаваться угнетающему влиянию столь ограниченного жизненного пространства.

На другой день, с первых же шагов, Террай задает быстрый темп. Может быть, он хочет взять реванш? В последнее время он так ослабел от болезни, что еле двигался. Мы с трудом поспеваем за ним. Крутизна склона настолько велика, что камосы¹ еле держат. Приходится даже налегать на палки. Солнце уже над головой. Рельеф усложняется, мы втыкаем лыжи в снег, чтобы можно было найти их при спуске. Дает себя знать высота, равная примерно высоте Монблана. Несмотря на терзающий нас голод, мы продолжаем подъем, надеясь дойти до пологого места. Террай идет уже с большим трудом. Не слишком ли он понадеялся на свои силы? Не знаю. Во всяком случае, чтобы дойти до площадки, он вынужден «выложиться» без остатка. Тяжело опустившись на снег, он говорит:

— Больше не могу, у меня такое чувство, что я сейчас скончаюсь.

Осторожности ради ему надо выпить чашку горячего чая и спуститься в первый лагерь.

— Это горная болезнь, — замечает Ишак. — Ты еще не совсем поправился. Внизу ты сразу придешь в норму. Анг-Таркэ поможет нам установить второй лагерь и после этого также пойдет вниз.

Прощаемся с товарищем и траверсируем наискосок обширные снежные поля, над которыми возвышаются большие ледяные стены. Снег несколько лавиноопасен. Мы

¹ Камос — полоски из тюленьих шкур, надеваемые на лыжи для уменьшения отдачи.

сознательно идем на риск. Быстро добираемся до склона, ведущего к перевалу, и начинаем бесконечный подъем, который из-за действия высоты дается с большим трудом. Сказывается недостаток акклиматизации. Перевал еще далеко. Решаем отослать вниз Анг-Таркэ. На маленьком скальном островке посреди склона можно установить палатку. Сбросив свой груз, Анг-Таркэ быстро уходит, чтобы поспеть засветло в лагерь. Начиная с 5000 метров головная боль — частое явление; вскоре у нас начинаются сильные приступы. Таблетки аспирина, розданные нам предусмотрительным Удо, оказались кстати. Хотя мы оба сильно устали, однако всю ночь не смыкаем глаз. На восходе, оставив палатку на месте, продолжаем путь. Поднимаемся гораздо быстрее, чем накануне, и нам требуется меньше часа, чтобы подойти под перевал. Утреннее солнце придает пейзажу необыкновенную рельефность. Уходящий от нас гребень окрашен в совершенно чистые тона.

— Эх, старина, это еще не настоящий перевал, — говорю я с глубоким разочарованием Ишаку.

Вместо долины перед нами только цирк — сплошная снежная доска ¹.

— Морис, смотри! Перевал с другой стороны, в двух часах хода отсюда.

Появляется необычная усталость. Несмотря на пройденный длинный путь, чувствуется недостаток тренировки и слабая акклиматизация.

— Необходимо, чтобы все, включая шерпов, участвовали в разведке и ночевали на высоте 5000—6000 метров, — говорю я Ишаку. — Совершенно ясно, что без предварительной акклиматизации подняться высоко невозможно.

На перевале нас встречает ледяной ветер. Приходится надеть штормовки и брюки из голубого нейлона, непроницаемого для ветра и снега.

— Вот так штука! Недурно! Отсюда начинается ущелье!

— На карте его нет, — уверяет Ишак, — это неизвестное ущелье.

— Оно спускается к северу и разделяется на две громадные ветви.

— А Дхаулагири нет и следа! Если не считать эту подделку, эту жалкую имитацию, — говорит Марсель, указывая на какой-то семитысячник, удивительно похожий на Дхаулагири.

¹ Снежная доска — затвердевший под действием ветра и солнца снег. — *Примеч. пер.*

Неглубокое «Неизвестное ущелье», названное так Ишаком, обожаящим давать имена, полого спускается перед нами. Оно довольно широкое, альпийского типа. Переменяющиеся пятна снега и пожелтевшей травы напоминают полосатую шкуру тигра.

— Чтобы увидеть северный склон Дхаула, нужно идти влево, до другого конца ущелья, с той стороны, вероятно, должен открываться потрясающий вид!

Однако мои слова не вызывают у Ишака особого энтузиазма.

— Сейчас слишком поздно, — отвечает он, — и у нас нет с собой палатки.

— Ты прав.

— Спустись немного, я сниму панораму — и вниз!

С другой стороны Тукучи над вершинами Нилгири поднимается мощный пик. Ишак определяет: это Аннапурна. Пока я подхожу к нему, он быстро рисует кроки. Дует пронизывающий ветер. Набегают облака. Поспешно проглотив тюбик сгущенного молока, пускаемся в обратный путь...

Шагаем молча, с неподвижным взором, как автоматы. Дыхания не хватает. В сознании возникают сладкие грезы: нежная долина Шамони с успокоительной зеленью лесов; тенистые тропы, по которым так приятно прогуливаться!

Я чувствую, что силы иссякают. Последний подъем перед перевалом — тяжелое испытание. Ишак пробивает тропу. Стараюсь следовать за ним, но тщетно. Через каждые десять шагов валюсь на снег.

Больше не могу!

Марсель клянет меня последними словами — в таких случаях это единственное средство.

Наконец, гребень! Какое облегчение! Но впереди еще весь спуск.

К своему удивлению, с первых же шагов я чувствую, что у меня выросли крылья. Буквально кубарем скатываемся вниз. Через несколько минут мы в лагере. Я делаю открытие: при подъеме страдаешь от высоты, недостатка кислорода, одышки. На спуске — ничего подобного. Наоборот, все кажется легко.

Пока греется вода для чая, Ишак рассказывает мне о любопытном явлении, замеченном им совсем недавно, когда мы шли по плато.

— Я брел как истукан, и мне все время казалось, что позади слышны чьи-то шаги... Кто-то третий идет за нами. Я хотел даже тебе крикнуть, но язык не поворачи-

чивался. Украдкой я поглядывал назад, чтобы успокоиться. Но это ощущение все время возвращалось как навязчивая идея. Потом все пришло в норму. Как раз в это время у тебя был припадок депрессии.

— Да... это доказывает, что на высоте ясность мышления катастрофически падает.

Мы чувствуем себя разбитыми, ноги дрожат, голова тяжелая. Сквозь окружающие тучи пробивается солнце.

— Анг-Таркэ идет! — кричит Ишак, заметивший на снегу поднимающуюся по следу маленькую черную точку.

— Ура! Он поможет нам тащить все это хозяйство.

В сильном возбуждении мы забываем о прелестях спального мешка. С грехом пополам напяливаем на ноги замёрзшие ботинки. Бивак свернут в рекордное время. Нагруженные, как верблюды, осторожно спускаемся по ненадежному снегу.

— Салям, Анг-Таркэ!

— Tired ¹, Sir?

Он хочет все взвалить на себя! Плечи у меня буквально перепилены лямками, и противиться соблазну — просто пытка. Однако благоразумнее будет распределить груз поровну.

— Вперед!

Мы скатываемся по лавиноопасным склонам, не внушающим мне сейчас никакого доверия. Вот и гребень — кошмар Террая. Лыжи на месте.

Анг-Таркэ спускается до лагеря пешком, в то время как мы на малой скорости выписываем по ненадежному снегу великолепные повороты.

На следующий день нас встречают в Тукуче с триумфом. Террай, спустившийся накануне, чувствует себя лучше, однако его усталость еще не прошла. Товарищи забрасывают нас вопросами:

— Так как же с Дхаулагири, какие перспективы?

— Куда он спускается, этот северный склон?

— На луну!..

¹ Устали?

Восточный ледник

42 За исключением Кузи и Шаца, все в сборе. Прекрасный случай, чтобы обсудить создавшееся положение.

Удо сообщает, что 27 апреля он поднялся на седловину в гребне, показавшуюся нам столь обнадеживающей, когда мы впервые увидели ее из Лете ¹.

— Тяжело, конечно, но носильщики все же пройдут.

Оттуда видна Аннапурна... но так далеко!

Наверху видны гребни, в ущелье Миристи-Кхола спускается ребро. Может быть...

— А перевал?

— Не видно никаких Тиличо! Я там остановился, отпустив других вперед.

— В конце концов,— говорю я после паузы,— перед нами три задачи. Что касается Дхаулагири, нужно исследовать северную часть и подходы к ней. Разведка, которую мы сделали с Ишаком, лишь приподняла край завесы, но отнюдь не разрешила всего вопроса.

— Это не вопрос, это тайна,— говорит Ишак.— У меня на этот счет есть кое-какие мыслишки, но, очевидно, надо посмотреть на месте.

— Значит, нужно сделать еще одну разведку. Это и далеко, и высоко. Придется здорово поднажать!

— Включай и меня, как только я буду в состоянии двигаться,— говорит Террай.— Мне надоело болеть. В последний раз, когда я был с Морисом и Ишаком, я «дошел». Требую реванша. Через два дня я буду в полной форме...

— Не хочу навязываться,— вступает в разговор Удо,— но, признаться, мне бы тоже хотелось пойти. Я здесь только и делаю, что раздаю лекарства тукусским «пациентам».

— Престиж, старина! Не забывай. А потом ты ведь только что вернулся!

¹ Впоследствии эта седловина получила название «Перевал 27 апреля».

— Наш престиж настолько велик, что может обойтись пару дней и без меня.

— Так что же, тебя уже более не забавляют ответы хорошеньких непальских девушек, когда ты допытываешься, нет ли у них лихорадки? — спрашивает Нуаель.

— Знаешь ли, экзотика постепенно теряет свою привлекательность.

— Ну, коли так, пойдем вдвоем, — решает Террай.

— Идет!

— Предупреждаю, — говорит Террай, — я пойду до конца!

— Пойдем вместе.

— Как бы ни было это далеко, сколько бы ни пришлось пройти перевалов, какие бы трудности ни встретились, я не остановлюсь.

— Достаточно будет всем добраться до такого места, откуда можно зарисовать всю северную часть Дхаулагири, — говорю я.

— Хорошо, — отвечает Террай, — но мы должны быть во всеоружии. Мне нужны два шерпа, шесть носильщиков, которых можно нанять здесь, и по крайней мере на восемь дней продуктов...

— Это все мы обсудим подробно.

— Вторая задача? — спрашивает Ляшеналь. Видимо, лихорадочная деятельность Террая заразила и его.

— Вторая задача — Аннапурна. Нужно выяснить вопрос с ней, однако, прежде чем что-либо предпринимать, необходимо дожидаться возвращения Кузи и Шаца. Что касается третьей задачи...

— А! Это для нас, Гастон, — говорит Ляшеналь, обращаясь к Ребюффа.

— Это вопрос, который еще совершенно неясен...

— Ненадолго! — кричит Ляшеналь.

— Ты же не знаешь, о чем идет речь!

— Черта с два!

— Восточный ледник Дхаула? — говорит Гастон.

— Совершенно верно! Можно ли по нему подняться и затем свернуть налево, добраться до юго-восточного гребня или направо — до северного гребня? Разведки, сделанной тобой и Бискантом¹, недостаточно, чтобы составить ясное представление.

— Но пожалуй, достаточно, чтобы впасть в пессимизм, — отвечает Гастон. — Мне кажется, что подъем в лоб по леднику будет трудным. Судя по тому, что мы

¹ Бискант — прозвище Ляшеналья, на местном наречии значит сидр.

видели, — это громадный ледопад, заваленный сераками ¹, пересеченный бесчисленными трещинами. Лавины сходят непрерывно. Все это выглядит не слишком привлекательно.

— Я пойду с вами, — говорю я Ляшеналю и Ребюффа. — Мы доедем верхом возможно дальше и установим маленький базовый лагерь у языка ледника. Будь я трижды проклят, если нам не удастся раскрыть эту тайну.

44 Следующий день объявлен днем отдыха для всей экспедиции. С утра Ишак, Нуаель, Ребюффа и я используем свободное время, чтобы подняться на небольшой холм к югу от Тукучи, откуда прекрасно виден Дхаулагири. Рассматриваем в бинокль детали страшного Восточного ледника. Если пройти слева, т. е. по правому орографически берегу ², можно обойти большую часть сераков на всем пути, за исключением верхней части ледопада. Основная задача — выход на один из гребней.

Отсюда замечательный вид на Дхаулагири; в ущельях еще проплывает утренняя дымка. Ослепительный блеск льда и снега заставляет прищуриваться. Небосвод нежно-голубого цвета. В каких-нибудь двухстах метрах от нас, примостившись на остром утесе, наблюдает за нами неподвижный коршун.

* * *

Вот уже месяц, как мы в Азии!

Просыпаясь, чувствуем ломоту во всем теле.

— Когда же придут наши клячи? — спрашивает Бискант у Ж. Б. — Вставай, Морис, все готово!

Признаюсь, сегодня мое участие в сборах чисто фиктивное.

Проезжаем верхом обширную каменистую равнину Гандаки. Шерпы ведут нас через Ларжунг, вероятно затем, чтобы лишний раз повертеть молитвенные мельницы. Это селение с узкими улочками, перекрытыми крышами (для защиты от обильных зимних снегопадов), выглядит очень живописно. Примерно через километр оставляем лошадей. Караван растягивается по травянистым склонам. Многочисленные яки и коровы усердно поедают густую траву. По склонам горы разбросаны деревья, покрытые душистыми цветами различных оттенков: от красного до розо-

¹ Сераки — ледяные башни разнообразной формы. — *Примеч. пер.*

² Правый орографический берег — правый берег реки или ледника, если смотреть вниз по их течению. — *Примеч. ред.*

вого. Трудно выдерживать график движения в этом земном раю. Шерпы недоумевают, почему сегодня мы так охотно соглашаемся на все остановки, предлагаемые носильщиками. Как-то не укладывается в голове, что через несколько часов вместо этих гигантских цветов, этой приветливой зелени мы увидим вокруг себя ледники, настолько грандиозные, что от нашей смелости не останется и следа. Весь день набираем высоту.

Покидаем зону лесов. Жалкая редкая трава — единственная растительность на этой высоте.

Наш караван поднимается. Все чаще попадаются фирновые участки. Вечером разбиваем лагерь на последнем клочке земли. Устанавливаем рацию, позволяющую поддерживать двустороннюю связь на расстоянии более 10 километров. Вскоре удается связаться с Тукучей; с ребяческим восторгом слушаю голос Ишака, сообщаящего мне последние сведения и городские сплетни.

— Алло, Марсель! Дошли хорошо. Местечко здесь мрачноватое при этой погоде. Все уже улеглись...

— Нуаель выходит завтра за вами. Кузи и Шац вернулись.

— Ага! Ну как с Аннапурной?

— Они шли три дня. Им удалось проникнуть в верховья ущелья Миристи-Кхола.

— Молодцы!

— В конце его они уперлись в ребро, спускающееся с Аннапурны.

— То, которое они с Удо видели 27 апреля?

— То самое. Говорят, ребро грандиозное. Начало как будто приемлемое. Далее ребро, вероятно, соединяется с вершинным гребнем, но где именно, снизу не видно.

— А дальше они не пошли?

— Нет! Решили, что обогнуть ребро, чтобы увидеть северный склон, будет трудно.

— Значит, они так и не видели перевала Тиличо?

— Ни малейшего признака. Если действительно существует перевал Тиличо, ведущий к подножию северного склона Аннапурны, то он где-то в другом месте.

— Значит, тот человек из Тинигаона был прав! Здорово они устали?

— Да, порядочно, сейчас отдыхают.

— Какая у вас там погода?

— Очень холодно. Кругом облака. Привет всем!

— Привет... Желаю успеха!

С рассветом мы быстро отправляемся к большому ледо-

паду. Вблизи в предрассветных сумерках он производит сильное впечатление. В группе кроме моих товарищей Ляшенала и Ребюффа шерпы: Анг-Таркэ, Путаркэ и Саркэ, которым впервые придется встретиться с большими техническими трудностями.

Целый день в поисках снежных мостов¹ мы бродим среди гигантских ледяных стен или вдоль зияющих трещин. Поневоле приходится двигаться под громадными сераками, готовыми обрушиться каждую минуту. Поднимаясь на кошках или вырубая ступени, мы с тревогой поглядываем на еле держащиеся колоссальные ледяные глыбы.

46

Крутизна сильно возрастает. Мы вынуждены непрерывно рубить ступени. Шерпам, нагруженным двадцатикилограммовыми рюкзаками, приходится тяжело. Погода, которая уже с 11 часов была неважной, резко ухудшается. Мы вынуждены установить лагерь на площадке, защищенной от ледовых обвалов. Сейчас 14 часов, а мы прошли только половину ледопада!

Идет снег. Вторая половина дня пропала.

Ночь проходит беспокойно: мы не можем сомкнуть глаз.

Утром встаем очень рано, так как ежедневно с 2 часов дня начинается гроза. Как правило, эхо от раскатов грома повторяется окружающими склонами непрерывно до самого вечера.

Светает, первая связка преодолевает ледовый склон над лагерьем. В рюкзаках позвякивает «слесарня»². Мы готовы ко всему. Лед в эти ранние часы очень тверд. Шерпы поднимаются на кошках вполне правильно, хотя и медленно. Как мы уже заметили позавчера с наблюдательного пункта, наилучший, если не единственно возможный путь проходит по правому краю ледника.

На высоте около 5000 метров начинается одышка. Шерпы на остановках, согнувшись вдвое, опершись на ледоруб, выдыхают воздух с громким свистом. Мы начинаем к этому привыкать — еще во время подходов некоторые носильщики дышали точно так же.

Хотя определенно сказать трудно, но мне кажется, что я меньше страдаю от недостатка кислорода, чем Ляшеналь и Ребюффа. Сказывается положительное действие последних ночей, проведенных на высоте 5000 метров. Это

¹ Под снегом на ледниках может всегда скрываться трещина — это постоянная опасность.

² Так мы называем ледовые крючья, молотки для их забивания, карабины, в которые пропускается веревка.

обстоятельство еще раз подтверждает, что всей нашей команде необходимо побыть на высоте 5000—6000 метров перед решающим штурмом.

Уже полдень! До плато, где трудности кончаются, остается еще 300 метров.

Ледник подобен реке: за пологими участками, где течение его спокойно, следуют разорванные ледопады. Преодоление последних 300 метров весьма проблематично.

— Мне не нравится эта картина, — замечает Ляшеналь.

— Ненадежное место. Взгляни на упавшие глыбы льда! — восклицает Ребюффа.

— Всюду голый лед, — говорю я разочарованно. — А какая крутизна! Пожалуй, следовало бы пересечь весь ледник и попытаться счастья у левого края.

— Прежде надо попробовать подняться в лоб и свернуть влево, вплотную к скалам, — советует Ребюффа.

— Сходите вдвоем, посмотрите, как это выглядит? Я подожду здесь с шерпами.

В мгновение ока они преодолевают ближайший склон зеленого гладкого льда дьявольской крутизны.

— Молодцы! Вот это класс! — кричу я им.

Мастерство друзей подбадривает меня. Шерпы поражены. Через несколько минут слышу крик Ляшеналья.

— Эй, Морис! Влево не ходи. Можешь подняться, мы сейчас посмотрим, что делается справа.

— О'кей! Будьте осторожны!

Небо свинцового цвета — опять плохая погода!

Товарищи проходят очень опасное место. В любой момент они могут оказаться под падающим сераком.

— Вперед! — говорю я обеспокоенным шерпам.

Мне приходится рубить для них многочисленные широкие ступени и захваты для рук. Громоздкие рюкзаки танут вниз. Крутизна столь велика, что стоя упираешься носом в лед.

— Прохода нет! — раздается голос сверху.

— Громадная трещина перегораживает весь ледник! — доносится крик.

Слышится целая серия звонких ругательств — друзья реагируют на неудачу.

Я обнаруживаю их за сераком.

— Ну что, не выходит? Видно, придется траверсировать. Может быть, есть проход с другой стороны...

Падает снежок. Облака нависли над самой землей. Гром гремит непрерывно, действуя на наши и без того измученные нервы. Мы вшестером затерялись среди гигантских сераков, подавленные неожиданными препят-

ствиями, которые воздвигла перед нами гора. С зловещим треском содрогаются под нами ледяные глыбы. Тусклый свет падает на мертвенно-бледные ледовые склоны.

Ляшеналь и Ребюффа находятся под сильным впечатлением зловещего окружения. Однако они мужественно идут на разведку в указанном направлении.

Разведка возвращается. Лица мрачные.

— Пройти невозможно!

— Невесело, — говорю я, озадаченный. — Что же, раз нельзя...

— Морис, лучше спускаться, — уверяет Ребюффа, — здесь пахнет аварией.

48 Внезапно раздается громкий, продолжительный треск. Мы замираем в напряжении... На этот раз пронесло!

— Сейчас нам будет крышка! — кричит Ляшеналь. — Быстрее вниз!

— Бежим! — вопит Ребюффа.

Беспрерывные раскаты грома усиливают общую панику. Это уже не отступление, а самое настоящее бегство перед вершиной, готовящейся нанести удар.

— Если нас не накроет, нам повезло! — успевает вымолвить Ляшеналь, устремляясь вниз по склону в связке с шерпом.

— Давай быстрее!

Я тороплю своего шерпа, который, на мой взгляд, слишком медлит.

Друг за другом мы спускаемся по ледяной стене.

Жестокий град обрушивается на нас. Приходится сдерживать себя, чтобы не спешить, каждое движение должно быть точно рассчитано.

— Смотри за шерпами, как бы они не свалились! — кричу я Ляшеналю, пользуясь минутным затишьем ветра.

— Это был бы шикарный спуск, — бросает он на ходу.

Град ослабевает. У подножия стены мы в безопасности.

— Так близко от цели!

— В таких случаях нельзя упорствовать.

Я же думаю, что, даже если бы нам удалось выйти на это плато, было бы безумием вести туда всю экспедицию. Риск слишком велик. Никакая победа не могла бы оправдать сознательной игры человеческими жизнями.

Град сменяется снегом. Вокруг туман. Видимость не более пяти метров. По временам появляются серые тени и какие-то привидения скатываются вниз к лагерю. Лавины свежего снега беспрерывно обрушиваются с ужасающим грохотом. Постепенно ад удаляется.

Для нас воспоминание о нем останется кошмаром.

Около 17 часов мы наслаждаемся в лагере горячим чаем. Его приготовил Нуаель, увидев, что мы спускаемся.

— Значит, ты поднялся вчера наверх?

— Да, без особого труда. Придя на место, я отправил молодого Ангава обратно в Тукучу. Лишний рот был бы здесь ни к чему... Кроме того, он нужен Терраю.

— Какой сегодня день? Мы потеряли счет времени!

— Э, дорогой, третье.

— Уже 3 мая! Нам остается только месяц до муссона.

— И ничего определенного в отношении Дхаулагири пока что нет! Чтобы исчерпать все возможности, надо было бы исследовать ребра юго-восточного гребня здесь, прямо перед нами.

— Мы могли бы туда сходить! — восклицает Ляшеналь.

— Хорошо! Как только у вас будут лыжи, сбегайте на снежную вершину в конце ущелья.

— Лыжная вылазка! Вот это здорово!

— Я смогу заснять южный склон!

Нуаель предлагает мне связаться по радио с Тукучей:

— Два часа тому назад я разговаривал с Ишаком, но стоял такой треск, что я предпочел прекратить связь.

— Ты, разумеется, боялся за рацию? — иронизирует Бискант.

Спустя несколько минут связь с Тукучей установлена.

— Говорит Эрцог. Что нового в Тукуче?

— Говорит Ишак. В лагере все в порядке. Ничего нового. Лионель и Удо вышли сегодня утром. А как у вас?

— Мы не дошли до конца ледника, но теперь и так все ясно.

— Что именно? Есть путь?

— Как бы не так! Эти горы... Будь они прокляты! Нам никогда здесь не пройти.

— Что же вы собираетесь делать?

— Я завтра спускаюсь. Ребюффа, Нуаель и Ляшеналь на лыжах сходят на Белую вершину 5500 метров в юго-восточном гребне Дхаулагири. Оттуда они просматривают весь южный склон.

— Нужно ли им что-нибудь?

— Подбрось им продуктов и три пары лыж.

— О'кэй! Если спустишься завтра, получишь к обеду жаркое из тхара.

— Из чего?

— Из тхара, гималайской серны. Ж. Б. и «Большой человек» ходили на охоту с нашими ружьями и убили трех тхаров. Один для нас...

— Ну, коли так, будем завтра обязательно! А Лионель?.. Он все же вышел?

— Не беспокойся, он захватил с собой порядочный кусочек!

— До завтра!

— Привет всем. Связь кончаю.

На следующее утро я спозаранку ухожу вниз, в то время как мои товарищи на лужайке у лагеря преподают шерпам основы ледовой техники.

В одиночку возвращаюсь в Тукучу. Дорога сказочно хороша. Я стараюсь не терять напрасно времени, но не могу не останавливаться через каждую сотню метров. С умилением смотрю на деревья с красными цветами. Напевая про себя, спускаюсь по травянистым склонам, покрытым разноцветным весенним ковром. Среди лесистых холмов, стыдливо укрывшись между двумя елями, бирюзовое озеро с прозрачной водой отражает изящные вершины Нилгири. Окружающие его лиственницы кажутся менее суровыми, чем ели. Берега одеты нежным мохом...

К каменистой равнине Гандаки ведут плохие тропы. Вода поднялась. Придется переходить вброд. Я стою в раздумье, не решаясь намочить натертые на ногах волдыри...

В 13 часов прихожу в Тукучу, где меня радостно встречают Кузи и Ишак.

— Наконец в кои-то веки свежее мясо! — говорю я с полным ртом. — Поздравляю Ж. Б. с удачной охотой!

Я в великолепной форме. По части аппетита могу поспорить с Терраем.

— Так, значит, с Восточным ледником дело плохо?

— Технически это, вероятно, что-то вроде северной стены Плана ¹. Но, конечно, намного опасней. Кстати, такого же мнения и Бискант. Перепугались мы до полусмерти. Вниз скатились кубарем! Каждый из шерпов срывался много раз.

— Паршиво! — замечает Кузи.

— Пока еще ничто не потеряно.

— Как так, а время? Дни, которые так и бегут? Да, Джаулагири защищается неплохо!

— Возможно, завтра мы обнаружим подходящий путь.

Ишак бросает взгляд в сторону Кузи, затем отвечает:

— Завтра? Это было бы удивительно!

В конце концов, разумеется, путь должен быть найден. Но меня тревожит, что до сих пор никто из нас не нашел

¹ Известный ледовый маршрут в массиве Монблана.

и намек на обнадеживающее решение. Видно, разведка еще не скоро будет закончена.

— Существуют же подходы к юго-восточному гребню.

Кроме того, верхнюю часть Восточного ледника, где мы не прошли вчера, может быть, удастся обойти по стене слева.

— Ну знаешь, Морис, ты меня извини, но...

— Да, пожалуй, я сам довольно скептически отношусь к этому варианту, — вынужден я признать.

— Мы с Шацем в твоём распоряжении, — говорит Кузи.

— Да, правда! Вы отдохнули?

— Ещё как!

— Прекрасно. Тогда мы одним камнем убьём двух зайцев. Вы пройдётесь для акклиматизации, как мы все, и одновременно окончательно обследуете верхнюю часть Восточного ледника.

— Ты не думаешь, — замечает Ишак, — что эта вылазка будет дублировать восхождение Ляшенала, Нуаеля и Ребюффа на Белую вершину?

— Нет, они вряд ли смогут увидеть что-нибудь, кроме южного склона и выхода на гребень.

— От склона к склону, от гребня к гребню мы наконец обойдём Дхаулагири кругом, — заключает Кузи. — Итак, завтра мы выходим.

— Congratulations for the thar! ¹ — говорю я Ж. Б., входящему в палатку. (Он очень горд своей репутацией меткого стрелка.)

Я чувствую, что сегодня он страдает от безделья и не прочь поболтать. С некоторым трудом завязывается разговор о Непале, о гурках.

Он вытаскивает из бумажника свой мандат — с месячным опозданием. Мог бы показать его и пораньше! Передо мной свиток бамбуковой бумаги, покрытый санскритскими письменами и скреплённый несколькими сложными печатями: похоже на старинные грамоты наших первых королей!

От нас он ежедневно черпает множество новых понятий. Мы доверяем ему полностью и относимся к нему как к товарищу.

— Ж. Б., rice? ²

— Thank you, Sir ³.

Он мотивирует свой отказ религиозными причинами. Действительная причина кроется в том, что он никогда

¹ Поздравляю с тхаром!

² Хотите риса, Ж. Б.?

³ Спасибо.

не пользовался вилкой. Как и все здесь, он ест только пальцами, и ему стыдно перед нами.

На следующий день, 5 мая, около 8 часов утра Кузи и Шац покидают лагерь. Пришла их очередь обломать «зубы» на Восточном леднике! Наступает внезапная тишина. Мы с Ишаком остаемся в лагере одни.

— Soldier for Tansing! Letters? ¹

Конечно, есть, целая грудa! Но куда запропастилась почта из Франции? Вот уже скоро пять недель, как мы сидим без писем! С помощью Ж. Б. мы пишем на гуркальском языке записку почтмейстеру, чтобы выяснить, в чем дело.

52

На штатив от кинокамеры устанавливаем подзорную трубу с двадцатипятикратным увеличением. Вскоре в верхней части Белой вершины на высоте около 5000 метров обнаруживаем своих товарищей. Они готовятся к спуску. Мы с Ишаком вырываем трубу друг у друга.

Блестящая демонстрация французской горнолыжной техники, хотя, по-видимому, снег неважный. По «почерку» узнаю Ляшенала, выполняющего головокружительные повороты на глазах у ошеломленных шерпов; последние предпочитают спускаться на «пятых точках».

После обеда появляются любопытные процессии. Женщины селения, одетые в праздничные наряды, носят кувшины с водой и поливают всех встречающих. Церемония, как видно, рассчитана на то, чтобы с помощью молитв и заклинаний вызвать дождь, который заставляет себя ждать. В горах не проходит дня без грозы, а в долине, нанося огромный вред урожаю, царит засуха.

Ишак носится со своей камерой по главной улице, стремясь заснять как можно больше. Престиж сагибов не помогает, и нас обильно поливают под громкий хохот. Наше достоинство «подмочено», и мы благоразумно отступаем к лагерю. Попросту говоря, удираем во все лопатки!

Вернувшийся Ребюффа с ужасом рассказывает о том, что он видел с Белой вершины. Мы забрасываем его вопросами.

— Что представляет собой южный склон? — спрашивает Ишак. Не дожидаясь ответа, я добавляю:

— Когда мы смотрели на него из Баглунга, он выглядел потрясающе.

— Если бы ты видел его вблизи, тебе было бы все ясно. Колоссальная стена высотой в несколько километров, без единого пологого участка! Что-то вроде утроенной се-

¹ В Тансинг отправляется солдат. Есть ли письма?

верной стены Маттерхорн, а она, как ты знаешь, не слишком привлекательна! Мы с Бискантом и Нуаелем смотрели друг на друга квадратными глазами... На южный склон лучше не рассчитывать.

— Так, понятно! А как насчет юго-восточного гребня? Когда мы смотрели на него с Восточного ледника, ты был среди нас настроен наиболее оптимистично. Ты говорил тогда...

— Я ошибался. Во-первых, он невероятно длинен, поднимается на очень большую высоту, а главное — технически чрезвычайно сложен: стены, ледяные башни, скалы, расчлененный рельеф, масса жандармов — словом, все 24 удовольствия.

— А площадки для лагерей там есть?

— Ни единой.

— Да, все это выглядит не слишком радостно.

— О! — восклицает Ребюффа. — Об этом маршруте не может быть и речи.

— Я думаю, — говорит Ишак, — никто из нас не строил особых иллюзий как насчет юго-восточного гребня, так и насчет южного склона.

— Каковы же выводы?

— Ставим жирный крест на обоих вариантах.

Удрученные плохими известиями, мы идем обедать в общую палатку.

На следующий день к нам приходит с визитом буддистский лама, встреченный нами еще в Баглунге. Лицо сияет жизнерадостным добродушием. Ишак, явно питающий слабость к простоте и непосредственности буддистских лам, щедро его угощает. Наш лама рассказывает о Муктинатхе. Разговор ведется с помощью Анг-Таркэ и не лишен оригинальности. Выглядит это примерно так:

— Вы сейчас туда направляетесь? — спрашиваем мы его.

— Я буду там завтра, — отвечает он с широкой улыбкой.

— Однако это же далеко отсюда!

Хоть он и лама и привык к чудесам, я все же не думаю, чтобы у него были семимильные сапоги!

— Надо там быть, — продолжает он. — Там каждый день происходят чудеса: пламя вырывается из-под земли, священники предсказывают будущее!

— Мы придем обязательно! Через несколько дней...

Ишаку приходит в голову гениальная идея:

— Взойдем ли мы на Дхаулагири?

Вот случай показать свою таинственную силу!

Лама сосредоточенно перебирает огромные четки. Его взор поднимается к небесам, затем падает на руки... Сцена

продолжается более пяти минут. Может быть, мы станем свидетелями необыкновенного колдовства? Нам ведь говорили, что ламы — существа сверхъестественные.

Постепенно лама возвращается на грешную землю, наконец он решается заговорить:

— Дхаулагири для вас неблагоприятен, — и добавляет: — Лучше о нем не думать и направить ваши усилия в другую сторону.

— В какую именно? — интересуется Ишак.

Этот вопрос имеет для нас существенное значение.

— В сторону Муктинатха, — отвечает он, как будто это само собой понятно.

54 Не имеет ли он в виду Аннапурну? — Будущее покажет.

Появляется загорелый Ляшеналь. Наконец-то мы что-нибудь узнаем! Вот уже несколько дней как у него на груди вскочил прыщ. Щедрая натура Ляшеналья так вскормила его, что он превратился в фурункул фантастических размеров. Ишак не может удержаться от искушения заснять на цветную пленку это феноменальное явление.

Ляшеналь оставил Кузи и Шаца в лагере на леднике. Рации вышли из строя, несколько дней мы будем без новостей. Около половины шестого со стены, нависающей над лагерем, приземляются (выражение, отнюдь не преувеличенное) двое друзей: Удо и Террай. Лионель сильно возбужден. Борода придает ему устрашающий вид.

— Ну, братцы, можете ставить на Дхаулагири крест!

Губы выпячены вперед больше обычного. Голос звонкий, почти сердитый.

— Понимаешь, Морис, твой Дхаулагири — невозможная штука. Легче в рай попасть!

— Сначала сядьте и попейте. Вы оба покрыты пылью и потом с ног до головы!

Я надеюсь, что это их немного успокоит.

— Нет ли чего поесть? — требует Террай.

— Сейчас приготовят. Так что же вы все-таки видели?

— Вот как было дело с самого начала, — спокойно рассказывает Удо. — 3-го числа мы разбили палатки на высоте около 4500 метров между двумя вашими лагерями. Следующую ночь мы провели в «неизвестном ущелье». На седловине носильщики заартачились. Они боялись: никогда еще им не приходилось переходить этой границы. Вчера рано утром мы с Лионелем достигли седловины, которую вы видели издалека и которая замыкает северный бассейн Дхаулагири. Ну, брат, тут...

— Что тут?

— Я и сейчас еще в поту! — не удержавшись, орет Террай. — Кошмарные теснины!

— Но где именно?

— Прямо против нас был Дхаулагири, — продолжает Удо, — настоящий Дхаулагири. При подъеме я спутал его с ложной вершиной. На дне перед нами — грандиозный ледник, весь в трещинах...

— Более поганого места не придумаешь, — прерывает Лионель.

— Весь в трещинах, стекающий через каньон, со стенами высотой в несколько километров.

— Видишь, я был прав, — с притворной скромностью вставляет Ишак, — все стекает по ущелью Маянгди-Кхола!

— И все это грандиозно, — добавляет Террай, — это целый мир! Что касается северного гребня, отделяющего этот ледник от Восточного, на котором вы были, так это полускальное, полуледовое, очень крутое ребро. А северо-западный гребень, который до этого никто еще не видел, обрывается отвесами в теснины.

Все это звучит удручающе! «Неужели действительно неприступен?» — шепчу я мысленно. Ишак бросает с игровым видом:

— Лама ведь сказал: «Дхаулагири для вас неблагоприятен! Идите к Муктинатху»... Так вот...

— Так вот, туда и направимся, и не позже, чем завтра утром! — решаю я твердо.

— Куда, к Тиличо? — спрашивает Гастон.

— Пойдем к тому Тиличо, к северу от Нилгири, о котором нам говорил житель Тинигаона, и атакуем Аннапурну с тыла.

— Почему бы не использовать разведку, проведенную в Миристи-Кхола группой Кузи — Удо — Шац? Они же видели Аннапурну!

— Да, но только издали. И они не видели северного склона. Дойти туда не просто. К тому же ребро мне определенно не нравится. Кстати, и им также...

— Посмотри на карту, — прерывает Ишак, — пройдя через Тиличо, мы сэкономим несколько дней подходов.

— Увидишь, — говорю я, — мы попадем прямо к северному склону, а пути с севера в Гималаях часто легче других! Мы пройдем столько, сколько потребуется, чтобы найти Аннапурну! Если понадобится, даже до Мананг-бхота.

— Докатились! На поиски Аннапурны! — разочарованно констатирует Ишак.

В поисках Аннапурны

56 Поторопись, Удо, я умираю от голода!

Ляшеналь и Террай не получают особого удовольствия в это утро: Удо подвергает их различным важным исследованиям.

Проверка обмена веществ, испытание по Флаку¹ и другие процедуры продолжаются более часа. Эти исследования необходимо делать натошак, что является тяжелым испытанием, так как после возвращения из разведки у людей великолепный аппетит.

В то время как Террай подвергается этой мучительной процедуре, Ляшеналь, уже покончивший с ней, хладнокровно отрезает себе гигантские куски колбасы. Время от времени Террай бросает косые взгляды в его сторону.

— Бискант, свинья ты этакая, убирайся отсюда со своей колбасой!

— Замолчи, испортишь результаты, — говорит безжалостный Удо.

Эти исследования очень важны.

Вначале я опасался, что Удо скорее альпинист, чем медик. Ничего подобного: он блестяще сочетает в себе то и другое.

Удо постоянно информирует меня о физическом состоянии участников экспедиции и об улучшении их высотной акклиматизации. Если бы все будущие экспедиции могли иметь такого Удо!

В то время как Террай страдает, Ишак, Ребюффа и я готовимся к выходу в Манангбхот.

Штурм Аннапурны из ущелья Миристи представляется весьма проблематичным. Можно ожидать, что со стороны Манангбхота восхождение будет легче.

¹ Это тяжелое испытание оставило у нас мрачные воспоминания; оно заключалось в том, что испытуемый должен был дуть в трубку и поддерживать в ней давление в 40 миллиметров ртутного столба. Полный цикл исследований включал в себя около двадцати различных испытаний.

— Привет Тилману, — ухмыляется Ляшеналь, уже покончивший с закуской.

Имя Тилмана — одно из известнейших в Гималаях; именно он покорил высочайшую вершину из всех, до сих пор взятых человеком, — Нанда Деви, высотой 7820 метров. Мы о нем самого высокого мнения. Перед отъездом мы узнали, что он собирается исследовать именно этот район вокруг Манангбхота. Судя по составу его команды, его целью, по моему, должна быть разведка подступов к Манаслу¹ и Аннапурне. Альпинисты вечно любят держать в секрете свои планы, но было бы нелепо, если обе экспедиции штурмовали одну и ту же вершину.

Путаркэ уходит вперед, чтобы подготовить место для лагеря в Тинигаоне. Мы берем продовольствие на 8 дней, и до нашего возвращения у Удо и Террая будет время для того, чтобы подняться на Восточный ледник, в случае если Кузи и Шац не добьются успеха.

Эти два дня отдыха пришлось весьма кстати: у меня оказалось время для того, чтобы послать письма во Францию, привести в порядок счета и проследить за тем, чтобы организация лагеря происходила без перебоев. Однако сидячий образ жизни не привлекает меня, и я очень рад снова отправиться в путь.

По дороге тянется множество караванов нагруженных солью и рисом. Мы торжественно шествуем через маленький городок Марфа, в котором развеваются молитвенные флаги. Вокруг нас весело толпится народ.

Здесь еще больше тибетцев, чем в Тукуче. Все экспедиционные конфеты розданы ораве ребятишек. Поистине Марфа должна сохранить о нас приятные воспоминания! Впоследствии мы будем пожинать плоды своей щедрости, так как множество местных носильщиков в нужный момент будет предлагать нам свои услуги. Мы то и дело встречаем молитвенные стены, украшенные каменными плитами, на которых читаем классическую надпись: «Ом мане падме ом!»² Стараясь не нарушать местных религиозных обычаев, мы обходим эти памятники слева.

Мало-помалу внешний облик страны меняется, вид ее становится еще более унылым, даже по сравнению с тем районом, откуда мы только что пришли. К северу рельеф смягчается, холмы, покрытые красноватыми камнями, необычная прозрачность воздуха, характер пустынной мест-

¹ Другой восьмитысячник (8120 м), расположенный к востоку от Аннапурны.

² О драгоценность в цветке лотоса!

ности являются подтверждением того, что мы приближаемся к Тибету.

В сумерках мы входим в бедную деревушку Тинигаон. Местные жители подозрительно нас разглядывают и провожают к единственному приличному дому; там нас встречает улыбающийся Путаркэ, он уже чувствует себя как дома и своим обычным мягким голосом отдает распоряжения множеству женщин, толпящихся вокруг него. Мы находимся у «Great Man» — главного лица в деревне, дом которого служит местом остановки караванов. Это ловкий коммерсант, достающий с выгодой для себя все, в чем нуждается деревня.

58 Хозяин дома знакомит нас с отведенной нам комнатой. Чистота ее весьма относительна, но после соответствующей уборки переночевать в ней можно будет.

Пора ужинать. Анг-Таркэ подает нам еду с церемониями, приводящими окружающих нас жителей в глубокий экстаз. Никто из них до сих пор не видел сагибов. Вилки? Поистине эти белые — непонятные существа!

На следующее утро еще темно, когда Анг-Таркэ приносит нам завтрак. Звезды сияют на очень чистом небе — хорошая примета. Вдали захватывающее зрелище: уже освещенный солнцем, возникает из мрака Дхаулагири. Отсюда его рельеф виден удивительно отчетливо.

Шикари, который должен вести нас, утверждает, что хорошо знаком с перевалом Тиличо, но не может сказать, сколько времени потребуется, чтобы дойти до него. Мы поднимаемся гуськом, сгибаясь под тяжестью грузов. Анг-Таркэ, Путаркэ, Панзи и несколько тибетских носильщиков идут с нами.

Чтобы ускорить движение, мы дали им ботинки, но ради экономии они несут их, перекинув через плечо, пока не доходим до снега.

Через несколько часов ходьбы проводник, кажется, не уверен больше в том, что утверждал раньше: хотя мы забрасываем его вопросами, он как будто не представляет себе, где же на самом деле перевал Тиличо? В действительности этот шикари всего лишь обычный пастух, и все, что он знает, — это дорога на верхние пастбища. С высотой его роль, как и его самомнение, постепенно уменьшается, и в конце концов он спокойно идет сзади всех.

Таким образом, переночевав под грозой в наших маленьких палатках, мы на другой день с трудом добираемся до пресловутого перевала Тиличо.

Какой сюрприз! Согласно карте, мы должны были выйти в глубокое ущелье Манангбхот. Где же великолепный вид

на северный склон Аннапурны, который должен открыться справа?

Ошеломленные, мы смотрим на ослепительную картину снега и льда. Многочисленные вершины сверкают на фоне ясного неба. В блеске и чистоте этого зимнего пейзажа есть что-то сказочное.

Справа вместо Аннапурны возвышается гигантская стена семитысячников, которой мы тут же присваиваем название «Большой Барьер». Перед нами открывается не глубокое ущелье, а обширное плато. В центре его большое замерзшее, покрытое снегом озеро, размеры которого трудно определить. Слева к его необъятной белой глади спадают отвесные скалы.

59

— Но где же, черт возьми, Аннапурна?

— Особенно сомневаться не приходится, Мата! Она почти наверняка за этим красивым треугольным пиком, там, в глубине направо.

— Я в этом не так уж уверен, — говорит Ишак.

— Я также, — добавляет Ребюффа.

— А перевал Тиличо — где он, по-твоему? — продолжает Ишак.

— В дальнем конце плато, с той стороны озера. Он должен господствовать над ущельем Манангбхот, начинающимся там, в самом конце.

— Ну что же, мне придется проверить это, но я вовсе не убежден, что ты прав...

Во всяком случае нам предстоит спуститься к Большому Ледяному озеру, как за неимением лучшего названия мы его уже окрестили.

Час спустя мы оказываемся на его берегу, и, пока Панзи готовит еду, спор продолжается:

— Ни малейшего признака озера на карте! А ведь оно по меньшей мере семь километров длиной...

— О! эта карта... Разве все эти вершины обозначены на ней?

— Куда, по-вашему, стекают эти воды?

— Это место — настоящая воронка.

— Похоже на Мон-Сени.

— Говорю вам, что вода течет к Манангбхоту.

У каждого свои соображения, каждый высказывает свое мнение.

Необходимо перебраться на другую сторону озера. Мы надеваем рюкзаки, и группа идет вдоль левого берега до тех пор, пока красноватые скалы не вынуждают нас перейти на лед.

Это решение не вызывает в наших носильщиках особого

энтузиазма. Ишак страхует меня при помощи нейлоновой веревки, и я рискую отойти метров на 50 от берега. Там я прыгаю, приплясываю, бью ледорубом, чтобы прорубить лед и измерить его толщину. Затем кричу остальным:

— Настоящий бильярд! Все сюда!

60

Лишняя осторожность всегда лучше неоправданного риска, поэтому мы связываемся двумя большими группами. Носильщики и шерпы находятся друг от друга на расстоянии по меньшей мере 8 метров. Они не понимают, что мы делаем это, чтобы обеспечить безопасность всех и каждого; будучи связаны таким образом, они не могут собираться вместе.

Первая связка идет по моим следам; я начинаю описывать широкую дугу, чтобы выйти по другую сторону отвесных скал. Сзади меня, один за другим, носильщики, согнувшись под тяжестью грузов, нерешительно приближаются к краю и затем вступают на лед с таким видом, как будто бросаются в воду. Горячо шепча молитвы, они идут точно по моим следам. Глаза каждого из них прикованы ко льду. Операция проходит благополучно. Теперь уже у носильщиков не будет ни малейшего желания расстаться с нами: им пришлось бы вновь пересекать Большое Ледяное озеро!

Оказавшись на другой стороне, мы поднимаемся по склонам и подходим к перевалу, расположенному симметрично с тем, который мы прошли раньше в это утро. Даем ему название Восточного Тиличо. Его высота около 5000 метров.

Никакого стока, как я предполагал, здесь нет, наоборот, конец озера закрыт.

У наших ног открывается глубокое ущелье: это и есть ущелье Манангбхот.

Здесь я снова ошибаюсь в оценке расстояния. Действительно, мне казалось, что Манангбхот лежит в глубине гигантского цирка, но на самом деле рельеф гораздо более сложный. От того места, где мы находимся, морены круто спускаются вниз на протяжении нескольких километров. Ущелье перегорожено грядой каменных обломков. Единственный выход отсюда через узкую теснину, приводящую к Марсианди-Кхола, бурной реке, берущей свое начало на перевале Тиличо и текущей мимо Большого Барьера, в котором мы надеемся найти Аннапурну. За этим препятствием теснина постепенно расширяется, и там, среди серых камней, осыпей и морен, то и дело виднеются зеленые пятна, жалкие островки возделанной земли.

Справа от Большого Барьера возвышаются другие вершины, еще более красивые и изящные, чем те, которые мы видели над озером Тиличо; слева над красными скалами в хребте Муктинатх поднимается множество вершин высотой более 6000 метров.

Сзади нас — озеро, только что пересеченное нами, а вдали — перевал Западный Тиличо, через который мы прошли этим утром. Мы устраиваем военный совет.

Ишак считает, что карта неверна и что Аннапурна, возможно, не находится в Большом Барьере.

— Эти облака появились совершенно не вовремя. Они закрывают все высокие вершины. Не можем же мы обсуждать то, что не видим!

— Только что был просвет, — говорю я. — Конечно, я знаю, что карта врет, но мне кажется, что вряд ли можно было впасть в такое заблуждение; нельзя ошибаться относительно положения вершины высотой более 8000 метров.

— Стало быть, ты считаешь, что Аннапурна лежит в Большом Барьере?

— Да, за этим большим Треугольным пиком перед нами. Конечно, это только предположение.

— А я готов держать пари, что Большой Барьер не обозначен на карте.

— Даже если он тянется более чем на 20 километров и насчитывает около пятнадцати вершин выше 7000 метров, — говорю я, смеясь.

— Где там пятнадцать, — ворчит Ишак, — там всего-то их несколько!

— Короче говоря, ты считаешь, что длинный гребень, который мы видим, и гребень, указанный на карте, не одно и то же. В таком случае здесь должно было бы быть два гребня, не так ли?

— Да, возможно. — Тут же Ишак производит несколько вычислений, доказывающих, что Аннапурна не может находиться в главном хребте. Его аргументы меня несколько смущают, но не убеждают.

Где же Аннапурна?

— Ладно, — говорю я наконец, — установим лагерь здесь.

— Прекрасно, — соглашается Ишак.

— Ты останешься здесь завтра и даже послезавтра.

— Хоть до будущего года!

— Ты сможешь проверить свою точку зрения, делая всевозможные засечки.

— А вы с Гастоном что собираетесь делать?

— Спустимся в Манангбхот. Уж оттуда-то Аннапурна наверняка будет видна!

— Возможно, возможно... Я не знаю, поможет ли это делу или нет, но что касается меня, я предпочел бы остаться здесь.

— Идет! Мы воспользуемся этой прогулкой, чтобы купить тзампы¹ для носильщиков. Путаркэ и Панзи пойдут с нами.

— Может быть, мы увидим Тилмана?

На рассвете следующего дня мы с Ребюффа будим весь лагерь.

— До свидания, Мата! Мы вернемся послезавтра.

— Когда? — переспрашивает он сквозь сон.

— Двенадцатого!

— Ну, что же, до свидания! Ни пуха ни пера!

Мы идем с пустыми рюкзаками, рассчитывая найти продовольствие на месте. Не обращая внимания на вызываемые нами камнепады, мчимся вниз по громадной ложбине.

— Как ты думаешь, Гастон, успеем к полудню?

— Как раз к обеду.

Прыгая с камня на камень, мы быстро теряем высоту. Наш путь лежит вдоль бурных вод Марсианди-Кхола, берущей начало от большого висячего ледника под Треугольным пиком. Чем ниже мы спускаемся, тем отчетливее видно, как высоки скалы, преграждающие путь в конце ущелья.

Вскоре нам становится ясно, что берег, по которому мы идем, дальше непроходим и необходимо переправляться.

— Тебе-то хорошо с такими ходулями, — говорю я Гастону.

Вмгновение ока он оказывается на той стороне. Я несколько колеблюсь. А что, если воткнуть ледоруб в дно и использовать как шест?.. Одну ногу на этот камень... Однако не слишком надежно... Раз... два! Мышцы у меня слабеют, ледоруб соскальзывает, камень переворачивается, и я оказываюсь в ледяном бурлящем потоке.

— Ну и ванна! Вода дьявольски холодная!

Ребюффа издевается:

— Она такая прозрачная!

— Идиот! Тебя бы туда! — говорю я, отряхиваясь, как мокрый пудель.

¹ Поджаренная ячменная или кукурузная мука, обычная пища тибетцев.

Обоим шерпам, Панзи и Путаркэ, приходит в голову блестящая мысль. Они забираются на самый верх скалы, и нам видно, как они без всякого труда идут там по едва заметной тропе.

Длинные крутые осыпи, которые мы заметили с перевала Тиличо, теперь преграждают нам путь, и не видно никакой тропы. Оба шерпа уже достигли подножия.

Карабкаться вверх нелегко. Склон настолько крут, что камни едва держатся на нем, и малейшее движение может вызвать настоящую лавину. Далеко позади себя видим перевал Тиличо, на котором мы были несколько часов тому назад.

Все камни одной и той же величины, как будто их просеяли через гигантское сито. Когда, наконец, мы выбираемся наверх, нам преграждает путь овраг с крутыми склонами затвердевшей земли.

— Сомнения нет, придется рубить ступеньки, — говорю я несколько озадаченному Ребюффа.

— Я предпочел бы лед!

Представляется удобный случай посмотреть, как выйдут из положения шерпы. Путаркэ идет впереди с ледорубом в руке. Прекрасно сохраняя равновесие, он быстрыми ударами рубит ступени. Панзи следует за ним, чувствуя себя вполне уверенно. Нам остается только идти по их следам.

За этим оврагом мы ожидали найти травянистые склоны, но, выйдя наверх, видим перед собой второй овраг, затем третий и так далее. Таким образом, нам приходится добрый час рубить ступени, прежде чем мы выходим на более легкие травянистые склоны. Спускаемся вниз по огромным осыпям, глиссируя в клубах пыли.

Уже за полдень. Мы останавливаемся у прозрачного источника в нижней части ущелья и устраиваем короткий завтрак. Идти вдоль берега трудно, и подчас нам приходится подниматься на 100—200 метров, чтобы найти путь сквозь густые заросли.

Это совершенно иной мир, чем в долине Тукучи. Здесь намного теплее, растительность гораздо богаче и рельеф более пересеченный. Время от времени встречаются цветущие деревья, придающие окружающему пейзажу мягкий и привлекательный вид.

Человек уже проник сюда: едва заметные следы теперь превращаются в подобие тропы.

До Манангбхота еще далеко, а так как у нас нет с собой палаток и очень мало продуктов, необходимо дойти до него в этот же вечер.

На повороте тропы неожиданно встречаем несколько жилищ. У входа в деревню Кангзар стоит буддистский шортен¹, украшенный молитвенными лентами.

Ребятишки, увидев нас, бросаются навстречу. Впервые в жизни они видят белых людей и с любопытством рассматривают эти призраки, сошедшие с гор. Они не могут понять, что мы пришли с той стороны хребта. Они вообще не подозревают о существовании другой стороны. Единственная дорога, известная местным жителям, это тропа паломников в Муктинатх, которая проходит через Торунгзе.

Панзи требует субу; шумная толпа ведет нас переулками. Суба выходит нам навстречу. Он не выражает ни малейшего удивления: в течение многих веков Будда учит искусству сохранять безразличный вид при самых необычных происшествиях. Я прошу субу достать тзампы для наших носильщиков, оставшихся в горах. Охая и причитая, он уверяет нас, что Кангзар очень беден: нет ни килограмма лишней тзампы, ни горстки риса и ни единого цыпленка. Мы должны идти дальше в Манангбхот, — это всего в часе ходьбы, уверяет он нас, — и там сагибы найдут абсолютно все, что им нужно.

Манангбхот тотчас же начинает представляться раем, и без дальнейшего промедления мы продолжаем свой путь, несмотря на жару, голод и жажду.

За деревней нам попадается совершенно высохший скелет яка, лежавший поперек тропы. Никому не приходит в голову передвинуть эти священные кости: они лежат здесь уже много месяцев и будут лежать пока не обратятся в прах. Каждый из нас почтительно их обходит.

Ступеньки, выбитые в скале, а затем очень крутой склон вновь приводят нас вниз к реке. Мы быстро идем вдоль берега...

— Манангбхот! — говорит Панзи.

Город расположен на отвесных скалах наподобие древних городов Тибета. Отсюда нам видны лишь стены города, и впечатление такое, как будто мы приближаемся к крепости. Перекинутая через реку доска показывает, что мы находимся теперь в цивилизованной стране. Начинаем подъем.

Миновав несколько узких переулков, мы выходим к центру города, где видим огромную молитвенную стену длиной около 50 метров. Жители, сбегаясь со всех сторон, окружают нас: как обычно, ребятишки, старуха с

¹ Религиозный памятник, обычно имеющий форму перевернутого колокола.

очень любопытной портативной молитвенной мельницей, которую она безостановочно вращает, и молодые люди, как правило, очень красивые, с лицами другого типа, чем в районе Тукучи.

Все местные жители буддисты. Все они что-то кричат, не могу разобрать, что именно, но меня это не волнует. Я уже успел убедиться, что в этой стране простое «здравствуй» выглядит как длинная речь, к тому же выкрикиваемая громким голосом. После пятнадцатиминутной дискуссии один из мужчин отправляется на поиски субы. Между тем Панзи уже подыскал нам жилище — чердак на втором этаже. Мы взбираемся туда по забавной лестнице в виде толстой доски с зарубками. Снимаем рюкзаки и вдвоем с Гастоном возвращаемся на площадь.

65

Жители города толпятся вокруг, жестикулируя:

— Американцы?

— Нет, французы!

— ..?

— Да, французы.

Теперь как будто ясно, все понимающе кивают: «американцы!»

— Нет, есть американцы и есть англичане, но мы французы.

— Конечно, конечно. Но вы все же американцы.

Я сдаюсь...

Большинство местных жителей составляют гурки, служившие в британской армии. Мы — первые белые, которые проникли сюда.

Аннапурна? Ничего не известно!

Эта история с Аннапурной начинает казаться мне странной. Вершину высотой 8000 метров нельзя не заметить. Даже если она находится в дальней части хребта, местные жители должны были бы по крайней мере знать о ее существовании. Возможно, здесь называют ее иначе, в честь какого-нибудь другого божества.

Солнце садится, оно уже скрылось за этой великолепной вершиной — нашим Треугольным пиком, возвышающимся над Манангбхотом. От Панзи, который подробно расспросил местных жителей, мы узнаем, что эта гора — Гангапурна.

Две другие вершины слева — Чонгор и Сепшия.

Возвращаясь с прогулки по узким улочкам наконец-то успокоившегося города, мы с Ребюффа встречаем наших шерпов, разочарованно сообщающих, что городишко крайне беден. Достать продовольствие будет чрезвычайно трудно.

В этот момент появляется суба — неглупый на вид старик с длинной бородой, очень просто одетый. Нас представляют, и мы садимся. Разговор немедленно принимает самое деловое направление. Суба может дать нам десять килограммов тзампы, не больше. Он приводит столько разных доводов, что сам в них запутывается. Никаких кур, только четыре до смешного маленьких яичка, ни молока, ни риса. Тзампы, столь необходимой нашим носильщикам, оставшимся на перевале Тиличо, слишком мало.

Эти важные новости вынуждают меня на следующее утро первым делом послать Путаркэ обратно на перевал. Я набрасываю записку Ишаку.

«Манангбхот 11 мая 5 часов

Дорогой Мата!

Путаркэ сейчас отправляется обратно к вам. Добираться сюда очень, очень долго.

Что нам удалось узнать:

За большим Треугольным пиком — Гангапурна находится другая ледовая вершина — Чонгор, высотой более 7000 метров. Затем хребет как будто спускается в долину примерно в двух километрах отсюда, около впадения реки Шундикиу, рядом с маленькой деревушкой Шинди. На правом берегу Шундикиу видна еще одна большая вершина — Сепшия.

Но где же Аннапурна? Загадка! Здесь никто ничего о ней не знает. План действий: Гастон, Панзи и я выходим в Шинди в надежде раскрыть эту тайну. Если полученные сведения позволяют уточнить местоположение Аннапурны, изучить подходы и оценить трудность восхождения, мы немедленно возвращаемся через Муктинатх¹. Если же выяснится, что нам следует провести намеченную разведку к вершине Большого Барьера, что, вероятно, будет несложно и что мы должны сделать вместе, тогда мы вернемся в лагерь 12-го, т. е. завтра.

Если мы не вернемся 13-го утром, снимайте лагерь и возвращайтесь в Тукучу. Привет!

Твой Морис».

* * *

Между тем Ишак, проводив нас в Манангбхот, в тот же день, около 9 часов, выходит с Анг-Таркэ из лагеря на перевале Восточный Тиличо. Он намерен подняться на вершину, расположенную к северо-востоку от лагеря².

¹ Дорога через Муктинатх сокращает путь на один день.

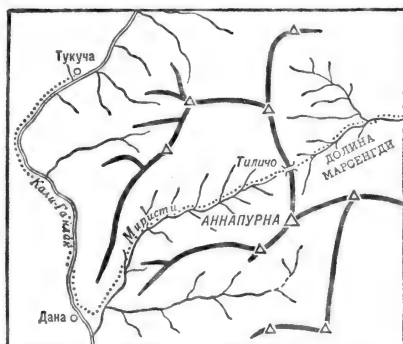
² На Муктинатх-Гимал, против Большого Барьера.

Дойдя до подходящего места, примерно на высоте 5500 метров, он делает ряд снимков и засечек буссолю. Пока Марсель поглощен этим занятием, Анг-Таркэ сооружает тур¹ и так искусно, что ухитряется воздвигнуть внушительный памятник высотой более двух с половиной метров. Тучи, закрывавшие небо на рассвете, теперь появляются снова, и группа вынуждена вернуться в лагерь.

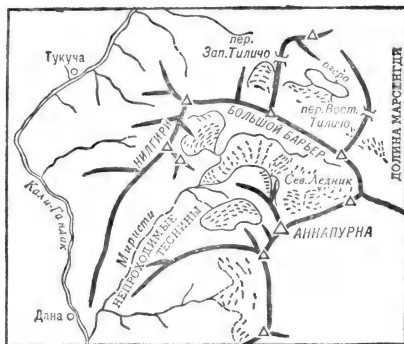
Лежа на животе в палатке, Ишак со всей аккуратностью, какая только возможна в этих условиях, переносит сделанные им измерения на карту.

«Вот и все!.. Теперь ясно!»

67

Орография массива Аннапурны по индийским картам (пунктиром показан несуществующий проход Тиличо)

Орография массива Аннапурны по данным французской экспедиции 1950 года

Собранные им данные доказывают, что цепь, тянущаяся к югу от лагеря, которую мы называем Большим Барьером, в действительности является Аннапурной Гимал.

Пресловутый скальный пик — «Черная скала», о важном топографическом значении которой мы догадывались, является началом бокового хребта, включающего Аннапурну! Аннапурна может находиться только с другой стороны Большого Барьера!

Таким образом, мы с Ребюффа гонялись за вершиной-призраком. Как это глупо! Если бы мы только знали!..

¹ Пирамида из камней.

Но такова уж судьба всех исследований: множество колебаний, сомнений, ошибок и затем, совершенно внезапно, открытие.

Ночью на перевале очень холодно. В палатку проникает рассвет, предвещающая прекрасную погоду. Ишак пользуется хорошей видимостью, чтобы определить местоположение громадных вершин, виднеющихся за Манангбхотом, и среди них Манаслу — одного из восьмидесяти тысяч Непала, громадную пирамиду, доминирующую над остальными вершинами.

Появляются облака, поднимается ветер.

68

Нужно либо сидеть в палатках, либо высматривать в бинокль, не возвращается ли группа из Манангбхота.

Около трех часов появляется Путаркэ и передает Ишаку мою записку. Ишак быстро просматривает ее — он уже знает, что она не сообщит ему ничего нового. Он считает, что не имеет смысла подниматься на «несложную вершину» Большого Барьера, о которой шла речь. Лучше идти в другом направлении и, поднявшись как можно выше по мощному леднику, обнаруженному им накануне, попытаться увидеть, наконец, Аннапурну через Большой Барьер.

Утром 12-го погода изумительная. Ишак объясняет Анг-Таркэ, что они поднимутся вместе по направлению к Муктинатх Гималу. В 8 часов 30 минут, когда облака начинают затягивать небо, Ишак и Анг-Таркэ вступают на пологий ледник и начинают подъем. Лед покрыт слоем свежего снега, и это замедляет движение. Показания альтиметра постепенно растут. Начинается область трещин.

Они не собираются тратить время на преодоление трудностей, их задача — подняться как можно выше в кратчайший срок. То и дело приходится вырубать во льду ступеньки, но трудные участки невелики, и, наконец, они достигают верхних склонов. На гребень выходят в густом тумане.

Где же Аннапурна? Увы! Кругом ни малейшей видимости. Ишак даже не знает точно, где он находится. Он тщетно ждет улучшения погоды. Уже 12 часов 30 минут, альтиметр показывает 6200 метров. Дышать нетрудно. Это означает, что они начинают входить в форму. Место, до которого дошел Ишак, — наивысшая точка, достигнутая экспедицией, и наш первый шестидесяти тысячник!

Погода не улучшается, и в 13 часов 15 минут они начинают спуск, придерживаясь своих следов, которые еще видны, несмотря на снег.

В 16 часов 30 минут Ишак и Анг-Таркэ приходят в лагерь. Здесь они находят... начальника экспедиции, спокойно храпящего в своем спальном мешке.

Что же произошло?

* * *

В Манангбхоте на рассвете 11 мая маленькая группа с трудом просыпается.

После скромного завтрака Путаркэ, надев рюкзак, уходит с моим письмом к Ишаку. Вслед за ним Ребюффа и я вместе с Панзи отправляемся вниз по ущелью Марсианди-Кхола в поисках неуловимой Аннапурны.

69

Перед нами вдали виднеется пик, в котором мы узнаем Манаслу.

Мы намерены идти вдоль Большого Барьера насколько будет возможно. Но в этот же вечер нужно вернуться в Манангбхот. Около полудня нам открывается вид на маленькую деревушку Шинди, за ней ущелье сужается, и я предполагаю, что там глубокая теснина.

Идти дальше было бы бесполезно. Я уверен, что мы не на правильном пути — Аннапурны в этом районе нет.

Местные жители и шикари, которых мы расспрашиваем, никогда не слышали о ней. Они довольно пространно объясняют, что это слово означает «Богиня урожая».

Нам ничего не остается, как вернуться в Манангбхот, и притом на голодный желудок, так как все продукты кончились.

Над Чонгором и Сепшией нависают тучи, мешающие нам сделать снимки, которые хотелось бы принести с собой в качестве документов. В надежде, что небо прояснится, мы решаем сделать небольшой привал. Каждый находит себе укромное местечко, а Ребюффа мгновенно засыпает сном праведника. Панзи докуривает свои последние сигареты. Я стою на страже, как часовой, готовый поднять тревогу, как только откроются наши вершины.

Наконец, Чонгор и Сепшия выходят из тумана. Ребюффа фотографирует их, и мы отправляемся назад в Манагбхот.

Стоит жара, и идти очень тяжело. Всякий раз, когда мы кого-нибудь встречаем, Панзи спрашивает насчет продовольствия, но бесполезно. Уже далеко за полдень мы доходим до своего чердака.

— Итак, мы вернулись с пустыми руками, — удрученно говорит Ребюффа.

— По крайней мере мы знаем, что здесь ее нет.

— Нужно немедленно возвращаться.

— Здесь едва ли найдем какое-нибудь продовольствие. Забирай что есть и убирайтесь с Панзи в Муктинатх через Торунгзе. Это даст вам возможность не подниматься на перевал Тиличо, и вы вернетесь в Тукучу на день раньше. После такого путешествия на голодный желудок вы устанете, поэтому на оставшиеся рупии можете нанять пони.

— А как же ты?

— Не беспокойся, с плиткой шоколада я смогу добраться до лагеря Тиличо.

— Это дьявольски длинный путь!

70

— Я буду там завтра утром. Мне бы хотелось вместе с Ишаком подняться на эту несложную вершину.

Мы съедаем то немногое, что у нас есть, и отправляемся каждый своей дорогой.

Я рассказываю совсем один.

Имея только плитку шоколада, мне следует спешить, чтобы подняться с 2800 метров выше 5000 метров.

Я решил идти как можно быстрее, даже, может быть, бежать, бежать до полного изнеможения.

Час спустя я уже в Кангзаре. Не теряя ни минуты иду по тропинке, вскоре исчезающей на левом берегу потока.

Пробираюсь между скалами; то поднимаюсь, то спускаюсь, чтобы обойти препятствия. Время летит быстро.

Я нахожу ступеньки, выбитые Путаркэ в известняке. Затем начинаю подниматься по длинной крутой осыпи и, наконец, дохожу до потока, через который надо перебраться. О том, чтобы перепрыгнуть, не приходится и думать; я снимаю ботинки и вешаю их через плечо. Уже смеркается. Падение в ледяную воду было бы весьма неприятно. Осторожно, пробуя ногой каждый камень, вхожу в воду.

Течение очень сильное. Внезапно я поскользываюсь, пытаюсь удержаться, но только глубже окунаюсь и в конце концов окончательно падаю и на этот раз вымокаю до нитки.

С большим трудом выбираюсь на противоположный берег и принимаюсь выжимать одежду и выливать воду из ботинок. Дрожа от холода и стуча зубами, одеваюсь. Мне нужно по меньшей мере четыре часа, чтобы добраться до лагеря, а светлого времени остается немногим больше часа. Пошатываясь, я пересекаю длинный крутой склон затвердевшей земли, где неоднократно с трудом удерживаюсь от падения.

Из долины дует пронизывающий ветер, и я дрожу от холода. Дороги не видно. Ищу место, где можно было бы

провести ночь, и в конце концов опускаюсь на клочок травы, натянув капюшон так, что он закрывает меня полностью. Ноги заledenели, колени стучат от холода.

Сидя под капюшоном, я размышляю: съесть ли мне последний кусок шоколада, или оставить его на утро? Выбираю первое, а затем разрешаю себе выкурить последнюю сигарету.

Я затерян в самом сердце гор на высоте 4500 метров, насквозь промокший, уставший и голодный. Найду ли я в себе силы, чтобы подняться на последние 500 метров?

Коварный ветер проникает в каждую щелку моей одежды.

Начинает падать снег.

Закрываю глаза, расслабляю мышцы и стараюсь забыть, как я всегда делаю на биваке в горах.

Часы текут медленно и однообразно. Подо мной глухо ревет поток. Земля дрожит, и эхо без конца отдается в долине. Чувствуется сырость — ужасное ощущение, когда замерз до мозга костей. Я должен отчаянно с ним бороться.

Сколько мыслей в голове! Как было бы хорошо в тепле и уюте! Иногда я приоткрываю один глаз. Погода не улучшается. Если спустятся облака, я не смогу найти дорогу.

Окоченевший, в полузабытии, я с радостью встречаю первые проблески зари. Нужно подождать, пока станет немного светлее. Как мучительны эти последние минуты! Наконец, поднимаюсь. Сложив штормовку, с болезненной пустотой в желудке снова отправляюсь в путь.

Очень холодно, но я надеюсь согреться на ходу.

Погода улучшилась. Я часто останавливаюсь под предлогом выбора пути. Ноги дрожат и отказываются повиноваться, но тем не менее я умудряюсь продвигаться вперед.

Солнце уже освещает Манангбхот, но я еще в тени.

На каждой остановке, прежде чем снова двинуться в путь, я намечаю удобный камень для следующего привала. Остановки становятся все более частыми и длительными.

Начинаю задумываться: смогу ли я вообще дойти?

Всякий раз, когда мне попадается плоский камень, я сажусь и тотчас же чувствую некоторое облегчение. После нескольких секунд отдыха нелепость такого положения становится для меня очевидной: неужели я не могу пройти еще несколько метров? Я выбираю другой камень, с трудом отрываю себя от прежнего и делаю несколько шагов. У меня такое ощущение, как будто я мчусь во весь опор, однако на самом деле я медленно бреду и падаю в тот самый момент, когда достигаю очередной цели. Метр за

метром набираю высоту. Наконец, до лагеря, который мне еще не виден, остается около 200 метров.

Я пытаюсь закричать, но не могу издать ни звука.

Меня шатает из стороны в сторону — безопаснее и удобнее ползти на четвереньках. Голова кружится, хочется спать.

Собрав последние силы, с трудом вылезая на гребень и падаю. Время идет... Когда, наконец, я открываю глаза, мне кажется, что прошло сто лет.

Приподнимаю голову над гребнем.

Лагерь! Всего в двадцати метрах.

— Эй! Эй!

72

Тщетно я пытаюсь привлечь чье-либо внимание; носильщики спокойно беседуют вокруг яркого костра. Если бы они только могли меня увидеть! Если бы хоть один повернул голову! Я сбрасываю несколько камней в надежде, что это заставит их взглянуть вверх, но они не слышат, а окликнуть их я не в состоянии. Голова как будто налита свинцом, в ушах звенит.

Теперь, когда я уже уверен, что дойду, я просто стискиваю зубы и ползу на четвереньках, как животное.

Внезапно Путаркэ оборачивается:

— Бара-сагиб!

Остолбеневший, он смотрит, как я ползу. В следующее мгновение все вскакивают и бросаются ко мне.

Я спасен!

Дрожащего с ног до головы, меня кладут на надувной матрац. Я пью и немного ем. Узнаю, что Ишак еще не вернулся, но вскоре появится. Я прошу приготовить мне поесть. С помощью носильщиков Путаркэ открывает внушительное количество банок. Весело горит огонь. Вмestительные котелки начинают закипать, распространяя столь соблазнительный запах, что я вынужден лежать неподвижно, в полусне, чтобы как-то сдерживать свое нетерпение. Когда еда готова, я начинаю есть прямо из котлов.

Это совсем не то, чего ждал Путаркэ,— он готовил на весь лагерь! В течение полутора часов, без перерыва с упоением и с невероятной быстротой, я поглощаю такое большое количество еды, как никогда в моей жизни. Я напоминаю змею, проглотившую жирную овцу! С облегчением растягиваюсь в своем спальном мешке...

— Доброе утро, Морис!

Я сбрасываю с себя оцепенение.

— Mata!

— Мы только что спустились с вершины в 6200 метров! Обмениваемся новостями. Все увязывается с выводами

Ишака и подтверждает их. Таким образом, вся северная часть массива Аннапурны исследована.

— Сомнения нет,— говорю я Ишаку.— Ключ к Аннапурне на юге. Надо идти через «Перевал 27 апреля» по ущелью Миристи.

— Тогда здесь нам делать больше нечего,— решает Ишак.— Надо немедленно спускаться в Тукучу.

На следующий день снимаем лагерь. Носильщики рады покинуть это место, где они прожили целых три дня, отрезанные от всего мира и без всякого дела. Нет необходимости их подгонять и показывать дорогу. В несколько минут грузы увязаны, распределены, и в то время как мы с Ишаком, беседуя, оставляем лагерь, носильщики во главе с Анг-Таркэ быстро удаляются. Он ведет их... прямо к Большому Ледяному озеру. На этот раз они совершенно спокойно пересекают его в наиболее широкой части.

Я вижу, как Ишак внезапно застывает в сосредоточенной позе. Он рассматривает какие-то камни.

— Полигональные почвы,— преподносит он, как сенсационную новость.

— Что это за штука?

— Ты ученый и не знаешь, что такое геокриология? ¹ Это же важнейшая наука! Взгляни на эти камни. Мне пришлось видеть множество таких же в Гренландии. В Гималаях они попадаются впервые.

— Но кто в наше время знаком с геокриологией?

— Ну по меньшей мере... гм... десяток людей!

Мы с сожалением расстаемся с геокриологией, переносим свое внимание на гребень, ведущий к перевалу Западный Тиличо.

За эти три дня снег, покрывавший гребень, растаял. На перевале мы ненадолго останавливаемся, чтобы бросить взгляд на Большое Ледяное озеро, на окружающий его гигантский амфитеатр и главным образом на великолепный Большой Барьер.

Все это мы видим в последний раз.

Мчимся вниз по склонам и оказываемся в самой гуще великолепного кедрового леса.

Поднимается сильный ветер, но он дует в нужном направлении, и вскоре мы доходим до Тинигаона.

На следующее утро погода прекрасная. Ветер утих. Мы снова проходим через Марфу. Я с удовольствием возвращаюсь в эту живописную деревушку со столь любознательными приветливыми жителями.

¹ Наука, изучающая замерзшие почвы.

После шести утомительных дней мы рады снова попасть на основную базу экспедиции.

При нашем приближении к лагерю Удо выходит на-встречу.

— Привет, доктор! Какие новости?

— Все уже здесь и чувствуют себя отлично. Как вы?

— Видел ли ты Гастона?

— Он вернулся вчера.

— Прекрасно! Сегодня 14 мая, и нам нужно наметить план действий. После обеда устроим совещание.

* * *

74

Что же произошло на Дхаулагири во время нашего отсутствия?

Вечером в понедельник 8 мая Нуаель быстро спускается из лагеря на Восточном леднике. Страшно взволнованный, он рассказывает, что поднялся на ледник с Кузи и Шацем. Затем они ушли вперед, и он увидел их в очень крутом снежном кулуаре.

Этот путь представляет интерес: он, вероятно, позволяет обойти огромные и очень опасные сераки в верхней части Восточного ледника. Однако он так же труден и опасен, как и первый путь, поскольку по кулуару идут лавины.

В полукилометре выше видны гигантские сбросы голубого льда. В тот момент, когда Нуаель наблюдает за движением второй связки, огромная ледяная глыба в верхней части ледника отделяется и летит вниз. Тонны льда со страшным грохотом мчатся по склону, едва не задевая нашего офицера связи, и разлетаются в пыль далеко внизу, на плато Восточного ледника.

— И подумать только, что мой аппарат не был зарыжен,— сокрушается Нуаель.

— Впрочем,— философски добавляет он,— в эту минуту я думал лишь о своей шкуре.

Кузи и Шац настойчивы. С громадным трудом они преодолевают какой-нибудь десяток метров: скалы скользкие и ненадежные. У Шаца одно слабое утешение — он забивает свой первый крюк в Гималаях на высоте свыше 5000 метров. Искерпав все возможности, они прекращают попытку и 9-го числа спускаются вниз.

На следующий день Удо и Террай в свою очередь идут наверх. По дороге они встречают возвращающихся шерпов, но это их не обескураживает. Они устанавливают лагерь на Восточном леднике на высоте 5100 метров у большой скальной стенки на правом берегу. Днем камень по-

падает как раз в их палатку и разрывает ее: не слишком безопасное место!

11-го числа Удо и Террай снимают лагерь рано — в 3 часа утра, и, таким образом, для решения задачи у них целый день.

Надев кошки, они начинают подъем и с большим трудом проходят несколько метров. Очень холодно, лед твердый. Ценой больших усилий им удалось добраться до основания громадной ледяной стены. Первые разведывательные группы на нее поднимались, а Кузи и Шац обошли справа. Вместо того чтобы преодолевать эту стену, на большей части которой еще сохранились ступени, Удо и Террай направляются к левому берегу ледника. Вырубая ступеньки и медленно продвигаясь по крутым склонам чистого льда, они доходят до высшей точки, достигнутой предыдущими группами.

Вскоре им открывается возможный путь, невидимый с того места, куда выходили Ляшеналь, Ребюффа и я: им удастся обогнуть множество сераков и набрать некоторую высоту; с большим риском они доходят до места, где ледник, наконец, выполаживается.

Перед ними простирается лабиринт из трещин и снежных полей, через который не видно пути. Немного дальше, справа, склон снова становится круче и теряется в северном гребне возвышающегося перед ними ясно очерченного и неприступного Дхаулагери.

Удо и Террай правильно решают, что трудность и опасность этого восхождения чересчур велики. Какой смысл продолжать эту затею, от которой позднее все равно придется отказаться? Путь на Дхаулагери идет не по этому леднику, и, если нет другого пути, эта вершина никогда не будет покорена.

Оценив, таким образом, наши реальные шансы и сознавая, каким горьким разочарованием их вывод явится для всех нас, Удо и Террай решают отступить.

В этот же вечер они, усталые, возвращаются в Базовый лагерь у подножия Восточного ледника и на следующий день в Тукучу.

Если нам предстоит сосредоточить все силы экспедиции на штурме Дхаулагери, это предприятие будет величайшим риском, полным неизвестности и опасности, и мы можем решиться на этот шаг только тщательно взвесив все «за» и «против». Мы должны обсудить этот вопрос трезво и беспристрастно.

14 мая вся экспедиция собирается в большой палатке лагеря в Тукуче. Предстоит большой военный совет.

Военный совет

76 Анг-Таркэ разливает нам целые реки кофе. Жара давит. Солнце сверкает нестерпимо, но в общую палатку, где мы собрались, сквозь стенки проникает приятный зеленоватый свет.

Лица сосредоточены. Как бы ни шутил Ляшеналь, я чувствую, что смех и веселье маскируют вполне понятные тревогу и нетерпение: через час будет принято решение.

Шерпы волнуются. Они чувствуют что-то необычное: собрались все сагибы.

— Надо серьезно поговорить,— начинаю я.

Внезапно воцаряется тишина. Я иду напролом:

— Сегодня 14 мая, и с 22 апреля мы не добились никаких успехов. Мы не нашли никакого пути. Мы не знаем даже, в каком направлении идти. Никакой уверенности у экспедиции нет. Нам остается уповать лишь на случай. Время не терпит. Надо принимать окончательные решения.

Все молчат.

— Конечно, горы здесь трудны. Возможности восхождений весьма ограничены. Для подъема на Дхаулагири было бы слишком смело наметить путь через Дамбуш-Кхола и «Неизвестное ущелье», путь, проходящий через два перевала высотой в 5000 метров и по грандиозному, почти непроходимому ледопаду. И все это только для того, чтобы добраться до подножия вершины.

Путь по Восточному леднику еще более сомнителен. Я не могу взять на себя ответственность за переход всей экспедиции по такому рискованному маршруту. Слишком много опасностей ждет нас наверху, чтобы мы позволили себе рисковать в самом начале пути.

Остается еще одно решение: пик Тукучи, который не был разведан. Неужели, чтобы победить восьмитысячник, надо предварительно взойти на семитысячник? Это путь отчаяния. Самый длинный, если не самый опасный.

— Ноги моей не будет на этой вершине,— объявляет Террай, находящийся еще под впечатлением неустойчивых сераков и ненадежных снежных мостов Восточного ледника.

И Лионель добавляет:

— Дхаулагири никогда не будет взят. Я лично пасую!

— Старина,— вставляет Шац,— мне кажется, надежда слабовата. Я не вижу решения: о юго-восточном гребне говорить не приходится, что касается северного гребня...

— Северный гребень,— восклицает Террай,— никогда никем не будет пройден! Он целиком ледовый, а крутизна такая, что пришлось бы рубить захваты для рук!

— Когда Кузи, Удо и Шац ходили в разведку на «Перевал 27 апреля», они вернулись с кроками средней части северного гребня Дхаулагири. Она выглядит приемлемой. Крутая часть как будто не более 400—500 метров по вертикали. На левых по ходу склонах видны трещины, в которых, может быть, удастся организовать лагеря. И, наконец, кто нам мешает навесить перила?

Моя речь, хотя и подкреплённая техническими доводами, никого не убеждает.

Длительное молчание нарушает Ребюффа.

— Во всяком случае до этого гребня нужно еще добраться! Так что!..

Конечно, все это нерадостно, однако я делаю вид, что защищаю эти заведомо безнадежные предложения. Чувствую единодушную и молчаливую оппозицию. Мне не хочется, чтобы, после того как мы покинем Дхаулагири, у нас осталось чувство сожаления и сознание, что мы не сделали всего, что нужно, для окончательного выяснения вопроса. Прежде чем закрыть эту страницу, я хочу, чтобы проблема Дхаулагири была бы действительно и окончательно решена.

Снова пауза, все размышляют и не решаются заговорить. Кузи наклоняется вперед и, не сводя с меня глаз, говорит, с трудом подбирая слова:

— Морис, на Аннапурне... все же там есть какие-то возможности.

Напряжение разряжается.

Языки развязываются. Все довольны смелой инициативой Кузи. Да, конечно, сейчас надо думать об Аннапурне.

— Вот что нам известно об Аннапурне,— говорю я.— Единственно возможный путь штурма — северная сторона.

Но до нее надо еще добраться. Доступ к верхним циркам ущелья Миристи-Кхола найден. Из крайней достигну-

той нами точки просматривались три маршрута: во-первых, северо-западное ребро; в принципе именно по нему следовало бы проводить первую попытку штурма. Во-вторых, Западный ледник Аннапурны, из которого как будто можно выйти по кулуару к точке соединения ребра с вершинным гребнем. Наконец, есть еще ледник, которого никто еще не видел. Можно предполагать, что он стекает на север от Аннапурны.

— Понимаешь,— говорит Удо,— ребро — это самый короткий путь. За два дня можно, по всей вероятности, подняться до вершинного гребня на высоту 6000—6500 метров. Правда, между концом этого ребра и вершиной Аннапурны есть еще невидимый участок. Но если по пути встретится провал, можно будет его обойти по Западному леднику, справа по ходу от ребра.

— Безусловно,— добавляет Кузи,— я лично за этот путь. Тут мы без особых трудностей должны набрать значительную высоту.

Шац заключает:

— Наконец, только средняя часть маршрута не совсем ясна. Верхние склоны Аннапурны выглядят нетрудными. Видны пологие участки, на которых можно будет с успехом установить лагеря. Надо выбирать этот путь. Три дня — и вершина наша.

Мнение Шаца полностью совпадает с моим. Логичнее быть нельзя.

— А как твое мнение, Марсель?

— Ну видишь ли, Морис, я сюда приехал как кинооператор, а не как альпинист.

— Когда ты участвовал в разведке, ты ведь был альпинистом! А ты как считаешь, Удо?

— Мне кажется все же, что Дхаулагири слишком опасен. Я стою за Аннапурну.

Нуаель явно присоединяется к этому мнению.

— А ты, Гастон, считаешь ли возможным подъем на пик Тукучи?

— Я уже говорил тебе, Морис. Мне кажется, следовало бы начать с восхождения на этот пик: он должен быть идеальным пунктом наблюдения. Сейчас об этом говорить уже поздно.

На мне лежит огромная ответственность. Каково бы ни было решение, все участники экспедиции как один человек будут брошены в бой.

Все высказали свое мнение. Я должен принять решение.

— Прежде чем приступить к штурму Аннапурны всем коллективом, мы проведем углубленную разведку с целью

уточнения маршрута восхождения. Разведывательная группа возьмет на 10 дней продовольствия. Запас его будет пополняться, правда в ограниченных размерах, до принятия следующего решения.

Как только передовой отряд найдет подходящий путь, разведка по моему приказу перейдет в окончательный штурм. Мы сегодня же примем меры, чтобы осуществить такой переход без всякой потери времени.

— Ну что же, раз решено, выходим немедленно! — восклицает Шац.

Все встают и идут к выходу.

— Постойте!..

Снова тишина.

— Принять решение — это еще не все! Каждый должен знать, что ему надо делать. Троем из нас известна дорога к «Перевалу 27 апреля». Они будут сопровождать наши группы в течение четырех дней подходов.

Марсель, Гастон и я только что пришли из Манангбхота и очень устали. Кроме того, мне надо осмотреть лагерь, написать письма, а также подсчитать наши расходы, чтобы знать, не понадобится ли нам дополнительная финансовая помощь на обратном пути.

Ляшеналь и Террай в сопровождении Аджиба, Ангава и Даватондуна выйдут сегодня же. Поведет их Шац.

Через день выступит второй отряд, куда войдут Гастон и я. Проводником будет Кузи. Нуаель обеспечит регулярное снабжение обеих групп.

Ишак и Удо присоединятся к нам лишь после получения моих инструкций. Так как это произойдет не раньше, как дней через шесть, они вполне могут сходить за это время в Муктинатх.

— А что будет делать Анг-Таркэ?

— Можешь его взять с собой. Что касается Франсиса де Нуаель, то вместе с Ж. Б. Рана он входит в замыкающую группу, которая двинется в путь лишь по моему распоряжению.

Повернувшись к Нуаелю, я продолжаю:

— Нужно подготовить весь груз, необходимый для разведки, штурма и обратного пути, и, кроме того, своевременно обеспечить вербовку носильщиков.

— А как быть с вещами? — спрашивают Ляшеналь и Террай.

— Разделите все на четыре части. Первую понесете сами. Этот груз должен быть очень легкий, чтобы вас не переутомлять. Во второй комплект войдет альпинистское снаряжение, теплые вещи, принадлежности туалета и

пр. Его понесут носильщики. В третьем комплекте будут вещи, необходимые для общего штурма, то есть запасная одежда, свитера, лыжи и т. п. Наконец, четвертая партия будет составлена исключительно из вещей, необходимых на обратном пути. Эти вещи будут в ящиках с вашими фамилиями и останутся в Тукуче.

Каждый знает, что его ждет и что ему надлежит делать. Я подзываю Анг-Таркэ и объясняю ему план действий.

В лагере царит оживление. Первая группа выйдет немедленно, как только будет готова. Груз невелик, но состоит из множества разнообразных вещей. Это приводит к усиленным хлопотам, массе разговоров и дискуссий, хождению из палатки в палатку...

— Удо, составь аптеку для первой группы, — просит Шац.

Врач отбирает все необходимое для длительного пребывания в джунглях и в высокогорье не только в хорошую погоду, но и в ненастье: противоядную сыворотку, аспирин, глетчерную мазь, макситон, витамин В₂, соду и т. п.

Террай сосредоточенно копается в своих вещах. Он пишет краской свою фамилию на ящике остающемся в лагере, и принимается за продукты.

Ляшеналь, специалист по снаряжению, отбирает крючья, отмеряет веревки...

В это время Марсель Ишак с киноаппаратом в руках бежит от одного к другому, стараясь ничего не упустить. Подкравшись, в самый неожиданный момент, он ухитряется снять вас в весьма невыгодной позе и объявляет: «Готово!»

У Нуаеля озабоченный вид: переговоры с субой и Ж. Б. Рана ведутся с трудом, он безуспешно старается им объяснить, что лошади нужны немедленно.

В конце концов Нуаель добивается своего, но у меня что-то нет особого доверия к этим жалким четвероногим; одна лошадь колченогая, другая, видимо доживающая свои последние дни, горестно качает головой... Смогут ли они дойти до конца селения?

Рюкзаки завязаны, лошади оседланы (и какими седлами!). Наши кони не бьют копытами от нетерпения, но это не так уж важно. Главное — они в наших руках. Каждый перебирает в уме список своих вещей, надеясь, что ничего не забыто. Шерпы с помощью своих коллег взваливают на себя грузы. Остающиеся в лагере желают успеха товарищам.

Группа уходит.

Внезапно после оглушительного шума воцаряется странная тишина. В душу проникает неуловимое ощущение пустоты.

Душно, пахнет грозой. Мне бы хотелось посетить местную пагоду. Я вызываю Анг-Таркэ и говорю ему о своем желании.

— Yes, Бара-сагиб! Yes, Бара-сагиб!

Сирдар со всем согласен и немедленно мчится по направлению к пагоде.

— Он в приятельских отношениях с «пономарихой», — намекает Ишак.

Благодаря этим высоким связям тайна храма будет нам открыта. Может быть, нам даже удастся присутствовать при богослужении.

81

Через несколько минут прибегает Анг-Таркэ.

— All is ready! ¹ — сообщает он.

Действительно, подходя в пагоде, мы замечаем женщину — церковного сторожа, оживленно беседующую со своим семейством, живущим, как выясняется, в служебных помещениях храма. Служба, видимо, скоро начнется, надо подождать несколько минут. Действительно, часть буддистов уже собралась.

Анг-Таркэ приглашает нас войти.

Пройдя темный, совершенно пустой вестибюль, мы входим в большой зал. Кругом полная темнота. Лишь по доносящемуся до нас бормотанию я догадываюсь о присутствии верующих.

Внезапно слышится звук колокольчиков, затем удары гонга. Рассчитывать на Анг-Таркэ больше не приходится. Я чувствую, что он распростерся ниц. Постепенно глаза привыкают к темноте. Держась за стену, двигаюсь вправо и дохожу до громадной молитвенной мельницы, около которой стоит женщина, готовая бить в гонг. Однотонные псалмопения, звуки шагов, колокольчиков, затем трубы, наконец, громкие, ритмично усиливающиеся удары гонга в сопровождении литавр — и церемония окончена. Лама, которого я еще не видел, но о присутствии которого догадываюсь, разговаривает со своими помощниками. До меня доносится запах ладана. Замечаю на алтаре бронзовую статую Будды, слабо освещаемую масляными светильниками. Слева, в глубине, расположен другой алтарь, украшенный раскрашенными суриком божествами. У подножия его стоят металлические чаши, служащие кадилами.

¹ Все готово!

Обстановка странная и таинственная. Однако непохоже, чтобы верующие были преисполнены почтения, громкий шум, сопровождающий службу, вряд ли способствует сосредоточенности. Короче говоря, набожности не чувствуется.

После выхода из храма экспедиция по совету Анг-Таркэ проявляет щедрость по отношению к «пономарихе».

По возвращении в лагерь в ожидании обеда привожу в порядок бухгалтерию и пишу письмо в Париж:

«Тукуча, 15 мая 1950 г.

Дорогой Деви!

82

Возвратившись после длительной и утомительной разведки, проведенной к северу от Аннапурны, хочу немедленно сообщить Вам новости, которые Вы, без сомнения, ожидаете.

Во-первых, можете передать нашим семьям, что все участники чувствуют себя прекрасно. Спортивная форма членов экспедиции во всех отношениях великолепна. Кстати, это подтверждается обследованиями Ж. Удо.

Дух команды неизменно хорош.

Сегодня могу Вам сообщить, что период исследований практически закончен.

А л ь п и н и с т с к а я ч а с т ь :

После моего возвращения мы тщательно обсудили результаты разведок: различные пути на Дхаулагири не только исключительно трудны, но, также, на некоторых участках, весьма опасны. В противоположность этому, на Аннапурне имеются возможности...

Таким образом, я принял решение направить усилия экспедиции на этот объект и немедленно выслать сильную разведку, которая могла бы без потери времени перейти в штурм.

По правде говоря, если Дхаулагири выглядит как чудовищная пирамида, то Аннапурна царствует над крупным массивом, включающим около 50 вершин более 7000 метров, высокие гребни и, вероятно, почти недоступный верхний цирк. Единственное слабое место этого цирка — понижение, через которое мы собираемся начать штурм...

С дружеским приветом Морис Эрцог».

Почему мне кажется, что в воздухе неуловимая печаль? Не потому ли, что часть товарищей уже ушла в поход? Или потому, что до сих пор нет еще определенности? Или, наконец, мы просто устали? Не знаю...

Поздно ночью, когда Гастон уже сладко храпит в своем спальном мешке, я произвожу расчеты, занимаюсь на-

шим бюджетом, строю различные гипотезы; глаза слипаются...

Сквозь сон я слышу молитвы Анг-Таркэ и приглушенные реплики его товарищей.

Зачем прерывать этот полусон, это приятное состояние отрешенности от внешнего мира? Зачем двигаться, когда все мышцы разбиты и налиты усталостью, как свинцом? Зачем просыпаться, когда в этом нет никакой необходимости? У входа в палатку появляется широко улыбающееся лицо шерпа:

— Good morning, Bara Sahib! — говорит он, протягивая кружку чудесного кофе с молоком и тарелку тзампы.

Потягиваясь, мы проглатываем утренний завтрак: кофе с молоком, тзампу, яичницу с беконом, хлеб с маслом и вареньем, колбасу, шоколад.

Из палаток доносятся возгласы:

— Марсель! Чудесная погода. Не зевай, фотодеятель! В ответ слышится лишь нечленораздельное ворчанье.

— Удо! Тесты!

Доносится голос:

— До осмотра есть запрещено!

— Кханна! Кханна, Кханна! — надывается Нуаель.

Понемногу лагерь просыпается. Люди встают. Начинается рабочий день.

За дело! Лично я должен в первую очередь избавиться от восьмидневной бороды, действующей мне на нервы. Мы с Ишаком собираемся дойти до источника, вытекающего маленькой струйкой метрах в двухстах от нас, возле одинокого дерева. В спартанском облачении, в тирольках¹ и теннисках, с туалетными принадлежностями в одной руке и с неизменным фотоаппаратом в другой, мы направляемся к местным «водам».

Две хорошенькие, изящные девушки полощут у источника белье; они одеты в чистые хлопчатобумажные сари, аккуратно причесаны. Мы любуемся их гибкими и грациозными фигурами.

— Очаровательны! — говорю я Ишаку, подходя поближе.

— Постой, — шепчет он. — Сейчас попытаюсь их сфотографировать.

Не тут-то было. Поднимается визг!

Лишь после того как «безбожные» камеры убраны, девушки с удвоенной энергией принимаются колотить по белью, разложенному на камнях. Таков классический ме-

¹ Короткие, до колен, брюки с карманами. — *Примеч. пер.*

тод стирки, принятый в этих краях. Вряд ли белье может долго выдержать такую обработку. Что касается глажения, оно здесь неизвестно.

У источника играют дети. Они толкают друг друга, брызгают водой. В большинстве своем это девочки. Несмотря на детский возраст, они уже носят украшения в ушах, в ноздрях, на лбу, на шее, на запястьях.

Одна из них, восхитительная девчонка, не перестает улыбаться. Мы с ней быстро становимся друзьями. Она заразительно смеется, видя, как я чищу зубы какой-то диковинной цветной замазкой, а затем бреюсь явно подозрительным острым «орудием».

84

Но я знаю, чем ее можно заинтересовать — одеколоном! Даю ей понюхать флакон, а потом брызгаю ей на волосы. Восхищение ее граничит с экстазом. Как видно, духи в этих краях пользуются особой популярностью. Застенчивость моей юной знакомой как рукой сняло. Эта восьмилетняя кокетка чувствует свою привлекательность.

Как редко, должно быть, минуты радости для этого ребенка, живущего в нищете, которой он, к счастью, не сознает.

Внезапно улыбка исчезает. Я оборачиваюсь: Ишак ее сфотографировал! Какой испуг! Долго еще она смеется, пока я расчесываю ее косички. Однако, как ни трогательна и грациозна эта дружеская сцена, нам приходится уходить...

Забираем свои пожитки и покидаем источник.

Моя маленькая буддистка удаляется. Бедная крошка! Она сильно хромает. Ее походка изуродована укороченной ногой. С грустью в сердце я смотрю ей вслед.

Лагерь охвачен бурной деятельностью. Вторая группа уходит сразу после обеда. Кухни дымят, шерпы берутся вокруг палаток.

Постепенно начинают подходить носильщики. Им было велено прийти после обеда, они являются с утра. Ну что же, подождут, наблюдая за нами...

Панзи, Саркэ и Айла с головой погрузились в рюкзаки. Приходится посматривать за ними, так как из-за чрезмерной предусмотрительности или недоверия они склонны взять с собой все свои личные вещи. Я считаю совершенно излишним, чтобы они брали по три пары штанов, однако, не колеблясь, нагружаю их запасными веревками.

Из общей палатки доносится индийская музыка: это Франсис де Нуаель ловит по радио последние известия.

Связь с внешним миром восстановлена, и наши мысли на мгновение уносятся вдаль. Знают ли о нас во Франции? Мы здесь не получаем никаких известий, ни единого слова.

Обед подан. Буквально набрасываемся на пищу. В последний раз едим приправы, винегрет, все то, чего мы будем лишены в высокогорье.

Удо подтверждает, что состояние здоровья моих товарищей великолепно. Понадобилось более трех недель, чтобы каждый из нас акклиматизировался и вошел в форму. Ляшеналь полностью избавился от своего фурункула. Потертости на ногах прошли.

Теперь нужно думать об уходе второго отряда; повторяются вчерашние сцены. Атмосфера лагеря накалена...

На этот раз Ребюффа занимается продуктами, Кузи — снаряжением. Подходят лошади; к счастью, носильщики на месте.

Все готово, можно отправляться. Время уже позднее, но жара не спадает. Похоже, что надвигается гроза. Последние прощания, горячие рукопожатия с Ишаком, Нуалем и Удо — и мы трогаем лошадей.

Настает наша очередь...

Миристи-Кхола

86 Неторопливой рысью мы проезжаем по главной улице Тукучи между двумя рядами ребятишек, женщин, моющих посуду, и стариков, наблюдающих со своих порогов; у сагибов что-то происходит.

Переправа через Дамбуш-Кхолу — довольно сложная операция. Сидя на лошади, приходится поднимать ноги возможно выше, чтобы не намочить ботинки. Это было бы нетрудно сделать, если бы не необходимость держаться возможно ближе к голове лошади, чтобы управлять ею в бурных водоворотах потока; к тому же седла в этих краях имеют неприятную привычку поворачиваться вокруг брюха лошади, а вконец изношенная подпруга может порваться в самый неподходящий момент.

Ребюффа, с его длинными ногами, героически переезжает по щиколотку в воде...

— Лучше намочить ноги, — поясняет он, — чем выкупаться полностью!

На обширной равнине Тукучи мы увеличиваем темп. На седле у Ребюффа лопается ремень, и Гастон совершенно теряет равновесие. Со стороны он выглядит как взведенный курок, но комичность этой позы не производит на него ни малейшего впечатления. Я предлагаю ему поменяться лошадьми, в конце концов все устраивается — и галоп возобновляется.

Миновав уже знакомые селения Канти, Ларжунг, проезжаем через деревушку Думпу, жители которой отличаются приветливостью. Преодолев подъем, достигаем Лете.

Ожидающие нас там гораваласы¹ волнуются: уже поздно, как они вернут лошадей в Тукучу? Однако раз дорога подходящая, почему нам не использовать лошадей и дальше? Это же выигрыш во времени! И вот конюхи во

¹ Конюхи.

всю пруть мчатся за нами! Но все же настает минута, когда нам приходится спешиться. Прибежавшие в мыле гораваласы не могут скрыть своего удовлетворения по поводу окончания этой верховой прогулки. Между прочим, и мы также!

Слева начинается еле заметная тропа, которая, по словам Кузи, должна нас привести к деревушке Чойя. Пускаемся в путь, и действительно вскоре показывается селение. В первом же доме царит оживление. По приставной лестнице поднимаются и спускаются носильщики. Слышны смех, песни, бурное веселье. Это наводит меня на мысль, что здесь не обходится без щедрой раздачи рисовой водки. В Непале продажа алкоголя запрещена. Но кто может запретить угощать гостей?

87

Наша группа покидает селение.

Наступает ночь. Обогнув несколько утесов, выходим на лужайку, приютившуюся на краю пропасти. Саркэ и Айла быстро устанавливают палатки, разжигают костер и достают продукты. Уже поздно. Молча съедаем ужин и забираемся в спальные мешки.

На следующее утро, разбудив шерпов, снимаем лагерь. Узкая тропа ведет в глубину ущелья. Впоследствии в этом месте Марсель Ишак и Жак Удо встретили стадо обезьян, поднимавшихся вверх по ущелью. Далее путь идет по тропе, выбитой в скалах. Крутой спуск неожиданно приводит нас к берегу немногочисленного в это время года потока Шадзну-Кхола. Переправа не представляет никаких трудностей, однако на противоположном берегу даже опытный следопыт не смог бы обнаружить ни малейшего признака тропы. Непроходимые джунгли простираются, по-видимому, вверх по склону. Кузи предупреждает, что до вечера следующего дня воды не будет. Заполняются все наличные фляги водой.

Подъем начинается с настоящего лазания по отвесной скальной плите. Дорога вьется бесконечными петлями сквозь заросли бамбука, через поваленные стволы, между преграждающими путь деревьями. Воздух влажный и тяжелый. У нас с Кузи завязывается длительная беседа. Когда разговор доходит до Бергсона и Юнгера, мы оказываемся на чудесной маленькой лужайке, покрытой подснежниками и другими цветами.

— Здесь, — говорит Кузи, — мы ночевали с Удо и Шацем 27 апреля.

Альпинисты склонны к консерватизму: решаем здесь позавтракать. Рюкзаки немедленно сброшены на землю, тубики со сгущенным молоком переходят из рук в руки.

Прессованные фрукты поглощают те, кому они еще не успели надоесть. К тому времени, когда последние носильщики, уставшие от трудного пути, все в поту появляются на лужайке, мы уже лежим с сигаретами во рту, выпуская замысловатые кольца дыма.

Кузи после нашего разговора впал в задумчивость. Ребюффа думает о своей маленькой Доминике, о которой он не имеет никаких вестей. Необходимо встряхнуться. Вперед! За поворотом тропы открывается роща высоких деревьев, покрытых яркими, неизвестными мне цветами.

С большим трудом мы преодолеваем бесконечно длинный, очень крутой кулуар с ненадежными камнями.

— Здесь полно сурков! — восклицает Ребюффа.

Однако как я ни таращу глаза, не вижу ни одного. Наверху мы снова останавливаемся и выкуриваем по сигарете, поджидая носильщиков. Высота, должно быть, около 4000 метров...

Подходят носильщики. До сих пор они шли очень хорошо, но чувствуется, что они устали. Дорога становится трудной, груз, удерживаемый на голове ремнями, тянет вниз, неровности скал ранят босые ноги, уверенность движений пропадает. Дальше приходится пересекать большой снежный участок. Мы стараемся топтать широкие ступени, и все же носильщикам, согнувшимся под тяжестью ящиков, приходится очень тяжело. Я ощущаю смутные угрызения совести, шагая в удобных ботинках.

К исходу дня мы, наконец, добираемся до провала в гребне, отмеченного туром. Собираемся вместе, и после минутного совещания решаем двигаться дальше. Погода явно портится. Начинаем спуск по пологим склонам альпийских лугов. Дождь идет непрерывно. В неопишемом беспорядке расставляем палатки. Каждый стремится возможно скорее укрыться от дождя.

Сегодня нам пришлось подняться примерно на 2000 метров, чтобы добраться до этой седловины, которую мы решаем назвать «Перевалом 27 апреля». Удивительно, как Кузи, Удо и Шап, открывшие этот перевал, ухитрились проследить совершенно невидимую тропу и с такой настойчивостью пройти по ней до конца.

В лагере быстро наступает тишина...

Ворочаясь во сне, Ребюффа меня будит. Носильщики тщательно и методично готовят свои шарики из тзампы. Внезапно в палатку врывается возбужденный Саркэ:

— Бара-сагиб! Тхар! — кричит он, указывая на далекую точку на гребне. Тхар! Не может быть!

За всю свою жизнь я не подстрелил даже зайца, однако во мне всегда жила душа великого охотника. Как тигр, я бросаюсь на ружье, которое всегда доверялось Саркэ. Через мгновение оно заряжено. Наспех оставляю инструмент по подготовке к выходу и отправляюсь на разведку вместе с шерпом, не сводящим глаз с животного. Что касается меня, я не вижу ничего даже в бинокль. Нет, вижу! Внезапно в поле зрения, на расстоянии двух километров, появляется животное, похожее на серну. Мы стараемся приблизиться к нему, скрываясь за скалами.

Увы! Тхар исчез, и на этом мои охотничьи подвиги в Азии кончаются.

Сегодня нам предстоит все время идти над Миристи-Кхолой, пересекая отроги Нилгири. Когда встретятся непроходимые теснины, придется набрать высоту и затем спуститься прямо к берегу реки, так как дальше ущелье проходимое. Мы вынуждены без конца траверсировать крутые склоны, перебираться через ложбины, преодолевать все более и более полноводные потоки. К счастью, по пути попадаются поставленные стоймя каменные плиты. Это наши предшественники промаркировали тропу. На снежном пятне мне бросается в глаза сделанная Шацем надпись, указывающая, в котором часу было пройдено это место. Мы идем примерно тем же темпом.

Вокруг облака, и широкий обзор невозможен. Вскоре после полудня доходим до такого места, где не видно пути. Окликаем нашего проводника Кузи; слегка поколебавшись, он возвращается на несколько шагов и, наконец, с торжеством нас зовет: на небольшой скале мы видим укрепленный камнями вымпел Французского альпинистского клуба. Здесь начинается спуск к Миристи-Кхоле. Движемся по очень крутым травянистым склонам, и носильщики вновь начинают скользить. Самочувствие у них не блестящее.

Идет дождь, сыплет снег, путь кажется бесконечным. Внезапно слышу крики. Приблизившись, видим большой костер, это носильщики первой группы возвращаются в долину. Завязываются разговоры на гуркском языке... Еще раз убеждаюсь, что это наречие с отрывистыми словами и гортанными звуками мало понятно.

Тропа тянется по склону среди крутых плит вдоль отвесной скальной стены, в которой видны громадные пещеры. Кузи уверяет, что, когда он был здесь впервые, целое стадо тхаров отдыхало у входа в эти пещеры и даже при виде его не двинулось с места. К сожалению, сегодня (ружье у меня в руках!) никаких следов животных.

Через несколько минут мы все собираемся на берегу Миристи-Кхолы, этого бурного потока, выносящего все осадки, выпадающие в верхних цирках Аннапурны, Большого Барьера и Нилгири.

Путь продолжается на другом берегу, и нам предстоит перебираться через реку. Замечаю несколько деревьев, поваленных накануне нашими товарищами для переправы. Однако носильщики отказываются переходить с грузом. Мы с Ребюффа, не колеблясь, решаем перенести его сами. Гастон превращен в носильщика, на лбу его укрепляется ремень, поддерживающий ящики. Его голова, шея, все его длинное тело угрожающе качаются... Он подходит к воде, с помощью Кузи вступает на бревна, делает несколько шагов над беснующимся потоком; стоя на выступающей из воды скале, я протягиваю ему руку, за которую он судорожно хватается: теперь уже я могу спокойно взять у него груз.

Операция повторяется несколько раз. Однако один из тюков внушает мне опасение: он очень тяжел, а главное — громоздок: помимо прочего, в нем находятся два базовых и один высотный комплект. Ребюффа делает несколько шагов, в нерешительности останавливается, теряет равновесие и едва удерживается. Затем снова медленно продвигается вперед... Вдруг ремень соскальзывает с его лба... Тюк падает в поток. В голове молнией проносится мысль о невозместимой утрате наших палаток.

У нас с Кузи одинаковая реакция: прыгая с камня на камень, мы бежим каждый по своему берегу, стремясь догнать уплывающие палатки. Неудачная попытка, еще несколько прыжков... О счастье! Перед большим водоворотом тюк на мгновение останавливается, и я ухитряюсь зацепить его ледорубом.

Победа! Жарко нам пришлось! Ребюффа был в отчаянии... Переправа заканчивается благополучно. Однако прошло уже много времени, и надо искать поблизости место для бивака. Мы находим его без особого труда. Яркий костер, плотный ужин служат нам наградой за труды, и пока носильщики, беседуя, покуривают у костра, сагибы засыпают с чистой совестью.

На другой день мы выходим рано утром. Погода значительно улучшилась. Я ухожу вперед, обгоняя отряд примерно на час, и около полудня наконец встречаю вышедшего нам навстречу Марселя Шаца. Мы с радостью обмениваемся рукопожатием. Он тут же сообщает: Луи Ляшеналь и Лионель Террай утром вышли на разведку северо-западного ребра Аннапурны.

По мере приближения к Базовому лагерю морены становятся ниже, ущелье Миристи расширяется и открывается лучший вид на окрестности. Ребро, до подножия которого несколько сот метров, имеет не слишком грозный вид. Однако у меня почему-то не лежит к нему сердце. Обжегшись на Дхаулагери, я очень опасаясь гребневых маршрутов. Боюсь, что, даже если не встретятся непреодолимые препятствия, путь по ребру может оказаться чрезмерно длинным. Я не могу решиться на переход от детальной разведки к самому штурму до тех пор, пока ребро не будет разведано окончательно. Иначе говоря, пока мы не выйдем на верхнее плато Аннапурны. Мы с Шцем приходим в Базовый лагерь, приютившийся среди морен. Там и тут в котловинах сверкают небольшие синезеленые моренные озера. Кругом — обширная каменная пустыня. Отсюда несколько часов пути до Большого Барьера, замыкающего горизонт на востоке или до Нилгири на севере.

Падает снег, и мы залезаем в палатки. Часы проходят в нескончаемых разговорах.

Внезапно доносится шум падающих камней, удары ледоруба о скалы и звонкие проклятия — это может быть только связка Ляшеналь — Террай. Дверь палатки откидывается, и раздается замысловатое ругательство — узнаю своих товарищей в разгаре работы. Они не успевают произнести ни слова, а я уже вижу, что они устали, однако полны решимости и оптимизма.

Сняв заснеженные штормовки и прихлебывая чай, они рассказывают о том, что сделано ими сегодня. Знаменитая связка, покорившая наиболее грозные и величественные стены Альп, и здесь не ударила в грязь лицом.

— Ничего себе прогулочка, — говорит Террай.

— Сильна! — добавляет Ляшеналь, — попадаютс я участки пятой категории!¹

— Пятой! — восклицаю я. — Как же пройдут шерпы?!

— Это лишь отдельные участки.

¹ Техническая сложность скальных участков оценивается по 6-балльной системе. Самая легкая категория — 1-я, самая трудная, на границе возможного, — 6-я. Большинство известных маршрутов в Альпах оценено 4-й категорией. В Гималаях, где трудность восхождения увеличивается из-за высоты, альпинисты обычно избегают сложных маршрутов или во всяком случае стараются выбирать маршруты не выше 4-й категории трудности.

В СССР принята 5-балльная система классификации маршрутов с подразделением каждой категории на А и Б. Только очень сложным маршрутам присвоена 6-ая категория трудности — *Примеч. пер.*

— Можно навесить веревки, шерпов будем тащить, подталкивать. В конце концов вытянем!

— Ладно, посмотрим. А кроме этих участков, что собой представляет ребро?

— Оно, безусловно, очень длинное,— отвечает Террай,— и чем дальше, тем труднее.

— Так, может, выше того места, куда вы дошли, оно вообще непроходимо?

— Не думаю! Мы лезли сегодня с рассвета и остановились в 11 часов на высоте около 5500 метров. Немного выше ребро покрыто снегом, и крутизна его увеличивается. Дальше ничего невидно, но, по-моему (и Бискант тоже так считает), несколькими сотнями метров выше ребро должно выходить на верхнее плато Аннапурны.

— Гм,— говорю я скептически.

— Слушай, Морис,— предлагает Террай,— все решается просто. Надо только навалиться всем миром. Завтра же перенесем Базовый лагерь на вершину этого травянистого холма, и можно начинать штурм.

— Пока будем колебаться, потеряем еще несколько дней,— добавляет Ляшеналь.

— Нет,— отвечаю я.— Так мы можем окончательно потерять все шансы. Если штурм ребра не удастся, придется снимать Базовый лагерь, спускать его в ущелье и перетаскивать в другое место. Об этом не может быть и речи. Я не собираюсь рисковать всеми силами экспедиции на столь незнакомом нам маршруте. Давайте лучше расширим вашу разведку, поднимемся завтра до того места, куда вы дошли, и продолжим подъем, пока не появится уверенность в том, что путь проходим до самой вершины. Только тогда будет принято окончательное решение.

— Вот упрямая башка! — Ляшеналь и Террай рвут и мечут. Им кажется, что нужно немедленно выходить на штурм. Они снова заявляют, что по этому пути вершину «сделать» можно.

Я хорошо знаю своих друзей. После утомительного дня они в состоянии крайнего возбуждения, и доверять трезвости их суждений не приходится. Ответственность лежит на мне, и я должен показывать пример благоразумия: мое решение твердо. Завтра утром мы все выйдем на ребро с расчетом на временные биваки и вернемся лишь после того, как все станет ясно. Базовый лагерь остается на месте. Наш выход явится углубленной разведкой. Пока товарищи сушат одежду, приводят в порядок свои вещи и готовятся к завтрашнему дню, я пишу записку для «арьергарда»:

«18 мая 1950 г.

Дорогой Нуаель!

Я дошел до Базового лагеря. Лионель и Бискант только что спустились с ребра и смотрят на будущее довольно оптимистично. Тактика остается прежней: продолжаем углубленную разведку. Сейчас погода плохая, и это может существенно задержать продвижение.

Продукты: боюсь, что взял маловато. Вышли, пожалуйста, немедленно 3 ящика «долина», 3 ящика «высота» и 1 ящик с «сильными» банками¹.

Снаряжение: скальных крючьев — 10, ледовых — 10, высотных комплектов — 2, найлонового репшура 5,5 миллиметров — 100 метров, веревки основной 8 миллиметров — 3 конца по 15 метров.

Носильщики: при расплате с носильщиками первой группы — всем одинаковый бакшиш. Носильщиков второй группы оплачивать так же, но бакшиши разные. Некоторые проявили себя очень хорошо. Они предъявляют тебе справки, подписанные мной. Выплатишь им полный бакшиш.

Продукты в дальнейшем: сможешь ли прислать дополнительно (если не будет с моей стороны отмены приказа) три ящика «долина» и три ящика «высота»?

Ишаку и Удо: пока ничего определенного сказать не могу, облачность помешала увидеть Аннапурну! Как только смогу, сообщу свежие новости.

Привет от всех нас. Морис»

* * *

14 мая, в тот самый день, когда состоялся военный совет и было принято решение сосредоточить усилия экспедиции на Аннапурне, Ишак сообщил мне, что им с Удо очень хотелось бы побывать в Муктинатхе.

15-го числа, уходя из Тукучи на разведку Аннапурны, я попрощался с товарищами. На следующий день рано утром они должны были отправиться туда в сопровождении сирдара Анг-Таркэ.

Для него Муктинатх — святая святых! Он ревностный верующий, свято соблюдающий религиозные обряды, и эта поездка для него — редкостный случай совершить

¹ Так назывались на экспедиционном жаргоне наиболее сытные консервы, составлявшие основное питание.

паломничество, от которого столько его сородичей вынуждены отказаться. Выход назначен на 6 часов утра, но он запаздывает, так как лошадей начинают приводить лишь с 7 часов. Часть лошадей, слишком плохих, отсылаются для замены, однако через несколько минут их вновь приводят с торжествующим видом. Те же лошади! Спорить бесполезно: ответом служат только улыбки... здесь ведь Восток!

В конце концов около 9 часов группа все же выезжает. Весь день она поднимается по правому берегу Гандаки. К вечеру вдаль показывается большое селение: белые дома, красноватые храмы и возвышающиеся над ними развалины Тибетской крепости. В сильнейшем возбуждении Анг-Таркэ кричит:

— Муктинатх!

Они минуют первый храм, похожий на храм в Тукуче, и приближаются к священным источникам: вода из ручейка стекает в горизонтальный канал, питающий около 60 водостоков в форме коров или драконов. Посреди прямоугольника возвышается непальская пагода.

Паломники подходят с сосудами, наполняют их водой и пьют. Анг-Таркэ, завладевший флягой экспедиции, обходит по очереди все источники.

Далее к югу группа знакомится с другим храмом, охраняемым дюжиной молодых девушек, одетых в яркие платья. Приподняв камень, они показывают Ишаку и Удо два узких отверстия, откуда доносится шум источника и где мерцает голубой огонек вечно горящего природного газа. «Весталки» поют и танцуют. Сагибы вносят свою лепту, Анг-Таркэ особенно щедр на средства экспедиции.

На следующий день, проведя ночь в забавной деревушке Кагбени, «паломники» возвращаются в Тукучу. Там их с нетерпением дожидается Нуаель, также горящий желанием посетить Муктинатх. Он отправится туда завтра в сопровождении Ж. Б. Рана.

За последние два дня в лагере не произошло ничего нового. Почты из Франции нет. Известий с Аннапурны также нет.

19 мая — день отдыха для наших друзей. Некоторое разнообразие в жизнь лагеря вносит шествие жителей Тукучи, возвращающихся из Марфы с криками и песнями под аккомпанемент тамбуринов.

Затем 20 мая в 9 часов 30 минут появляются Ангава и Даватондуп с запиской, посланной из Базового лагеря под ребром Аннапурны после возвращения разведки Ляшенала — Террая.

19 мая временный базовый лагерь, раскинувшийся у подножия ребра, оживает еще до рассвета.

Раздается рев Террая, поднявшегося первым:

— Эй вы, лодыри! Вы где находитесь — в отеле «Мажестик»?

Кругом непроглядная темень. Шерпы ничего не понимают в этой неожиданной суматохе. В других экспедициях они обычно выходили только после восхода солнца!

Еще не придя в себя после сна, они готовят нестле и то-нимальт¹. Альпинисты складывают рюкзаки.

— Сколько брать ледовых крючьев?

— Витамины не забыл?

— Сколько входит в твою фляжку?

Друг за другом люди поднимаются на морену и растворяются в темноте. Я следую за ними со слипающимися от сна глазами, спотыкаясь о камни, едва видимые в потемках. Скрежет ледоруба говорит о том, что ушедшие товарищи еще недалеко. Траверсирую последнюю морену. Мы тяжело нагружены, так как несем на себе все необходимое для трех лагерей и запас питания на несколько суток. Нас сопровождают шерпы. Они поднимутся с нами возможно выше, а затем быстро спустятся в Базовый лагерь, чтобы не расходовать высотный паек. Уже светает, когда мы добираемся до снега; он еще твердый, и подметки «вибрам»² держат неплохо. Мы поднимаемся медленно, но без остановок.

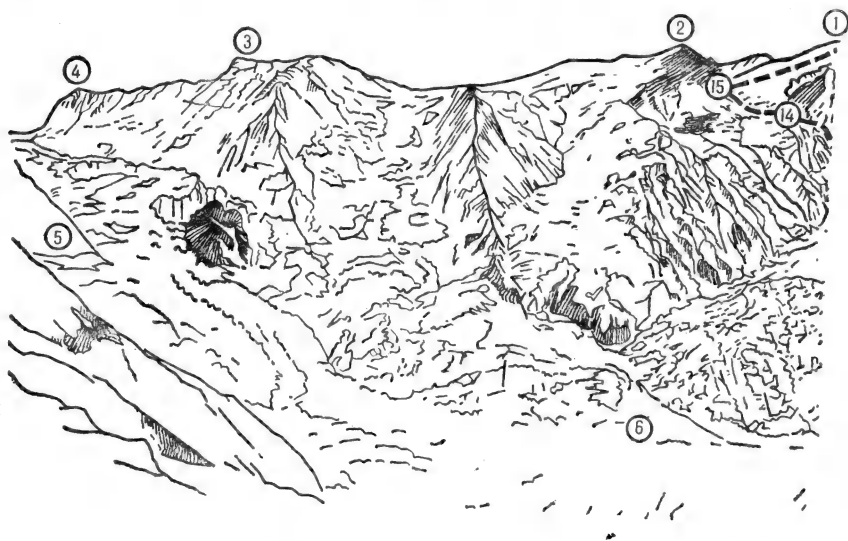
Неужели будет хорошая погода? С момента нашего отъезда из Тукучи я едва ли видел клочок голубого неба. Рискуя сорваться на крутом фирновом склоне, я часто оборачиваюсь, чтобы полюбоваться грандиозным зрели-

¹ Специальные питательные напитки. — *Примеч. пер.*

² Резиновые подметки с крупнорельефным рисунком, увеличивающим сцепление.

шем: Большой Барьер, средняя высота которого на глаз 7000 метров, нас буквально подавляет. В самой середине его возвышается гигантская, неприступная башня. Колоссальные нависающие стены поднимаются над лагерем на 3000 метров. На гладких скалах не видно ни единой неровности, никаких трещин, за которые мог бы зацепиться наметанный глаз альпиниста, отыскивая возможный путь восхождения. Аннапурна — гигантская крепость, и мы приходим лишь к первым ее укреплениям!

Цирк, где мы находимся, поражает своей первобытной дикостью. Ни один человек не любовался окружающими

Главный хребет Аннапурны

1. Вершина Аннапурны 8075 метров. 2. Восточная предвершина. 3. Белая площадка. 4. Черная скала. 5. Конترفорсы Большого Барьера. 6. Северный

ледник Аннапурны.

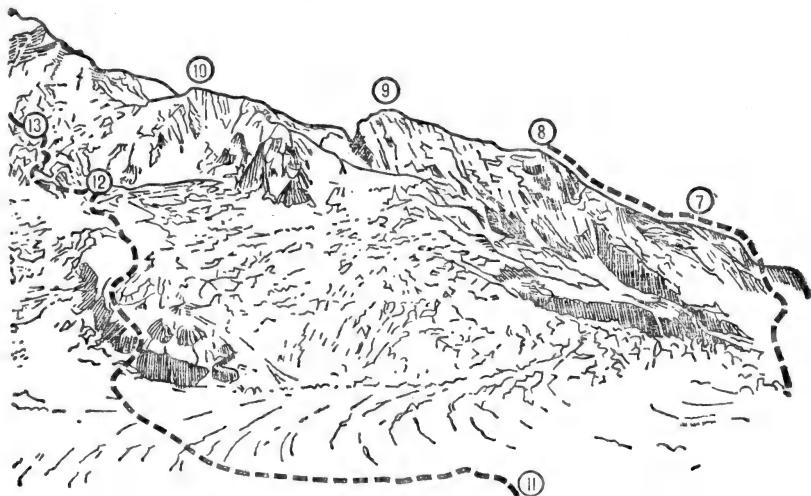
7. Маршрут попытки восхождения по северо-западному ребру. 8. Предвершина северо-западного ребра. 9. Вершина северо-западного ребра. 10. Гребень «Цветной

нас вершинами. Ни одно животное, ни одно растение не имеют тут права на существование. В чистом сиянии утренней зари это отсутствие всякой жизни, эта суровая скудость природы лишь поднимают наши внутренние силы. Кто сможет понять возбуждение, черпаемое нами из этого небытия, если людей, как правило, привлекает к себе именно щедрая и богатая природа?

Мы примерно на высоте Монблана. Все дышат тяжело, каждый идет своим темпом. Когда мы добираемся до вершины холма, солнце уже высоко. Совсем недавно громадные стены были темными и мрачными. Сейчас они ярко сверкают.

Нам нужно дойти до подножия ребра. Террай, присоединившийся к нам, несмотря на вчерашнюю усталость, показывает начало подъема. Из рюкзаков вынимаются веревки, составляются связки. Я выхожу вперед, в связке с Саркэ. Накануне товарищи предусмотрительно навесили здесь веревку. Очень холодно. Скалы известняковые, од-

97

капусты». 11. Местоположение лагеря I. Примерная высота 5100 метров. 12. Местоположение лагеря II. Примерная высота 5900 метров. 13. Местоположение лагеря III. Примерная высота

6600 метров. 14. Местоположение лагеря IV. Примерная высота 7150 метров. 15. Местоположение лагеря V. Примерная высота 7300 метров

нако достаточно прочные. Вслед за нами идут Ребюффа и Аджоба, затем Террай и Айла, замыкает группу Шац.

Если нам суждено проложить путь на Аннапурну по этому ребру, то следует сделать это возможно быстрее. Поэтому мы намереваемся штурмовать ребро «с барабанным боем». План действий таков: как только путь для шерпов станет чрезмерно труден, они оставляют грузы и

спускаются вниз. Четыре сагиба будут продолжать подъем и установят бивак возможно выше. Мы с Ребюффа останемся ночевать, а Шац и Террай спустятся до плеча. Здесь к Терраю должен присоединиться отдохнувший Ляшеналь.

Шац спустится до Базового лагеря, с тем чтобы на следующий день снова подняться вместе с Кузи, установить лагерь на плече и составить третью штурмовую связку.

Первый пункт намеченного плана вскоре выполняется: мы отсылаем шерпов, теряющих много времени на трудное лазание. Однако я заметил, с какой легкостью осваивают они новую для них альпинистскую технику. Саркэ, в частности, уже, вероятно, мог бы вести связку на трудном скальном маршруте.

После ухода шерпов мы быстро набираем высоту. Впечатление такое, как будто мы на самолете. Ребро, по которому мы поднимаемся, проектируется прямо перед нами, и крутизна кажется небольшой. С обеих сторон спадают висячие ледники. Облака, как всегда, точно приходят на свидание с нами, и окружающие вершины исчезают в тумане.

Ребро становится все уже, напоминая милые сердцу иглы Шамони, к которым устремлены сейчас наши мысли. Скалы прочные, и, если бы не высота и тяжелые рюкзаки, лазанье было бы сплошным удовольствием. Становится холоднее, начинает падать снег. Мы уже наверняка выше 5500 метров. Высматриваю впереди место для лагеря, но ничего не видно, кроме редких жалких площадок. Погода становится угрожающей. Надо принимать решение, тем более что Шац и Террай ввиду позднего времени хотят спускаться. Повиснув на руках, болтая ногами над пропастью, мы траверсируем узкий, как нож, скальный гребешок. Под нами бездна. Я не помню, чтобы мне встречалась в Альпах подобная крутизна. Редкие скалы, затерявшиеся на снежном склоне, покрыты льдом. Не могу представить себе, как на такой крутизне может держаться снег. Во всяком случае понятно, почему здесь так часты лавины.

После этого сложного траверса выхожу на маленькую площадку, забитую снегом. Погода испортилась всерьез, и раздумывать не приходится. Здесь будет установлена палатка. Через минуту мы уже сбрасываем снег по обе стороны ребра, вызывая мощные лавины. За ними следует несколько обледенелых камней. И все же после такой работы мы едва можем усесться вдвоем на крошечной площадке! Как быть? Пытаемся при помощи ледоруба

ыворотить вмерзшие в лед глыбы. Каждый попеременно то ритмично бьет ледорубом, то пользуется им как рычагом. Лионель Террай хватает мой ледоруб и колотит им с такой яростью, что кажется, камень сейчас расколется. Увы, поддается не скала, а ледоруб. Ключ его буквально согнут вдвое. К счастью, Лионель ухитряется его выправить. В конце концов удастся создать какое-то подобие площадки. Есть надежда установить палатку. Шац и Террай могут уходить. Не теряя времени они начинают спуск. Не могу отделаться от чувства тревоги за них: такое лазание на этой высоте, когда вокруг свежавыпавший снег, чрезвычайно опасно.

Мы остаемся с Ребюффа одни. Насколько позволяет дыхание, продолжаем благоустраивать наш бивак. Вывернув здоровенную глыбу, устанавливаем ее на краю площадки с тем, чтобы искусственно увеличить полезную площадь. Засыпав неровности снегом и утрамбовав его, выравниваем площадку и начинаем, наконец, расставлять палатку. Передняя растяжка привязывается к забитым в скалу крючьям. Задняя — держится на ледорубах, воткнутых в снег по самую головку. Боковые растяжки прикрепляются к камням. Аккуратный Ребюффа выстраивает на краю стенку для защиты от ветра. Осторожности ради он забивает надежный крюк для страховки. Ночь мы проведем привязанными к этому крюку.

Снег идет непрерывно, холод становится невыносимым, и мы с удовольствием заползаем в палатку, в которой пытаемся навести порядок. Вряд ли найдется другой столь «воздушный» и с таким трудом отвоеванный у горы бивак. Горячий чай несколько приподнимает наше настроение. Есть не хочется, но чувство долга заставляет нас глотать аскорбиновую кислоту и витамин В₂, предписанные врачом. Под завывания ветра в трепещущей палатке мы постепенно погружаемся в тяжелую дремоту.

На рассвете — погода мрачная, падает редкий снежок. Толстый слой сыпучего снега на скалах отбивает всякую охоту к дальнейшему подъему. Решаем подождать до изменения погоды. Если она не улучшится, в середине дня начнем спуск, оставив на месте все снаряжение, необходимое для возобновления штурма. Как раз над лагерьем начинается самый трудный участок. Это скала с небольшой трещиной в верхней части. Как добраться до этой трещины — непонятно: все покрыто снегом. Ребюффа считает, что всякая попытка обречена на неудачу, и даже предлагает немедленно спускаться. Однако я предпочитаю исчерпать до конца все возможности, чтобы в будущем

не терзаться угрызениями совести. Если погода улучшится, снег стает и можно будет как-то продолжать подъем.

— Я говорил, что они здесь!

— Смотри, вот ледорубы!

Ляшеналь и Террай появляются на гребешке.

— Привет!

— Чудеса! Что вы тут делаете?

— Эти господа прохлаждаются!

— Вы что, не видели разве, какой снег?

— Видели, видели, лучше тебя видели! Мы лезем уже с рассвета, чтобы добраться сюда.

— Подагрики! — в бешенстве орет Ляшеналь.

100 — Идти дальше просто безумие, — говорит Ребюффа, — у меня нет никакого желания здесь угробиться!

— Сейчас увидишь, угробимся мы или нет, — с презрением бросает Ляшеналь. И не медля кидается в атаку.

Он начинает с траверса влево, по весьма ненадежному снегу, прилипшему к крутой плите. Продвигаясь, он утаптывает его, увеличивая сцепление со скалой. В конце плиты уходит вверх небольшая трещина, по которой Ляшеналь влезает еще метра на три. Все зацепки залиты льдом. Взглянув на Терраю, убеждаюсь, что он надежно страхует товарища. Теперь Ляшеналь подошел к громадному внутреннему углу. В глубине его он отыскивает под снегом трещину, которую пытается использовать. Ноги соскальзывают, и он чудом удерживается на руках. Спустившись на метр, он забивает крюк. Этот крюк входит лишь на несколько сантиметров, шатается и не внушает мне никакого доверия, но Ляшеналь становится на него без колебаний. Как быть дальше? Он втыкает в расщелину ледоруб и резко раскачивает его, проверяя, как он держится: ледоруб качается, но в конце концов его удается как-то заклинить. Ни секунды не сомневаясь в прочности своего сооружения, Ляшеналь двумя руками хватается за древко, снимает ногу с крюка и отчаянно пытается подтянуться, чтобы выиграть еще несколько сантиметров. На этот раз я не на шутку разозлен: так рисковать при данных обстоятельствах недопустимо. Придвигаясь к Терраю, чтобы помочь ему в случае срыва. Не успеваю я произнести и двух слов, как Ляшеналь уже наверху. Участок пройден с феноменальным мастерством. Не теряя ни секунды Террай следует за ним, забивает второй крюк и вешает пятимиллиметровый нейлоновый репшнур.

Через несколько минут, сняв палатку и сложив рюкзаки, мы с Ребюффа в свою очередь начинаем подъем. Со-

бираемся наверху на просторной площадке, защищенной естественным навесом. Вот где надо было устраивать бивак! Впрочем, вчерашняя отвратительная погода не позволяла выбирать. И сейчас еще нас окружают облака. Однако сквозь разрывы слева виден верхний ледопад северного ледника Аннапурны, который до этого мне не удавалось как следует рассмотреть.

Проводим краткое обсуждение: единственным сторонником пути по ребру остается Лионель Террай. Ляшеналь, который так шумел при встрече с нами, теперь полагает, что ребро бесконечно. Ребюффа явно полон пессимизма. Что касается меня, то я считаю, что ребро, по всей вероятности, не является ключом к Аннапурне: даже если оно и приводит к цели, провести по этому маршруту всю экспедицию представляется мне неразрешимой задачей. Совершенно очевидно, что в случае преждевременного наступления муссона или при спуске пострадавших положение будет исключительно опасным.

101

Еще раньше, на Дхаулагири, подобные рассуждения заставили меня отступить; боюсь, что здесь повторится то же. Лионель Террай полон решимости и энтузиазма, и никакие разумные доводы на него не действуют. Тяжело убивать такую настойчивость и особенно такое горячее стремление «жать до конца». С другой стороны, я ни на один день не хочу задерживать будущие операции.

Рассматривая еще раз северный ледник Аннапурны, гигантский ледопад, виднеющийся под нами, я смутно предчувствую, что именно здесь мы найдем решение задачи. В моем сознании вырисовывается следующий план: Ляшеналь и Ребюффа, не имеющие никакого желания продолжать подъем по ребру, спустятся возможно быстрее к временному Базовому лагерю. Здесь они возьмут шерпа и попытаются проложить путь вверх по леднику, по-видимому, по его правому краю, с тем чтобы выйти к цирку северного склона, вероятно скрывающемуся за ледопадом. Если это им удастся, они должны немедленно мне сообщить. Мы с Терраем будем продолжать подъем по ребру, чтобы рассеять последние сомнения относительно этого пути. Ляшеналь и Ребюффа покидают нас, получив инструкции для Кузи и Шаца, которых мы просим подняться на следующий день, чтобы в случае необходимости усилить нашу связку или помочь снять лагери с ребра.

Мы с Терраем устанавливаем палатку. Я рад возможности впервые провести с ним ночь в высокогорье. Погода неважная. После сытного обеда готовимся к завтрашнему выходу. Нужно идти возможно быстрее с минимальной

нагрузкой, чтобы окончательно решить этот неясный вопрос — такова наша цель.

Мы спим, как сурки, но уже на рассвете Террай, как всегда легкий на подъем, развивает бурную деятельность. Лежа в теплом и уютном спальном мешке, я бессовестно злоупотребляю правами Бара-сагиба: мой товарищ готовит чай, открывает консервы и подает мне «завтрак в постель». Как только груды еды уничтожены, начинаются лихорадочные сборы. В два счета все готово, и через несколько минут мы уже топчем свежий снег, выпавший в изобилии за последние два дня. Пока организм не разогрелся, высота дает себя чувствовать. Рюкзаки облегчены, но мы идем тяжело, стиснув зубы. Каждая минута на счету. У нас сегодня нечто вроде рейда, в стиле «командос»¹.

Пройдя нетрудный камин², снова вылезаем на гребень, постепенно становящийся острым, как нож. Идти по нему невозможно, даже балансируя. Мы передвигаемся зацепившись руками, как на громадном турнике, царапая ногами по отвесной скальной стене. Под нами — пропасть глубиной более 2000 метров.

Постепенно мы приближаемся к пресловутому снежному гребню, о котором Ляшеналь и Террай говорили мне в Базовом лагере. Их высказывания были настолько противоречивы, что я мог лишь догадываться о том, что ждет нас на этом участке. Действительно, чем дальше, тем выше и круче становится гребень. Террай, не колеблясь, идет впереди; я следую за ним на небольшом расстоянии. После изящного гребешка в форме полумесяца крутизна увеличивается, и вскоре под кошками прощупывается твердый лед. Пока Лионель рубит ступени, я забиваю ледовые крючья для страховки. К счастью, тонкий слой фирна держит хорошо, и можно ограничиться неглубокими ступенями. Обходим слева отвесную ледяную стенку. Выпуская Террая на всю веревку, я каждый раз, как полагается, забиваю крюк. Затем мы меняемся ролями. Крючья выбиваем, так как их немного и приходится экономить. Крутизна такая, что носом буквально касаешься склона. Часто приходится вырубать зацепки для рук. Добираемся до первых «жандармов» гребня и видим перед собой нависающие скалы. Какое разочарование!

Смело траверсируя вправо, Лионель доходит до трещины и забивает два крюка. Привязавшись к ним, повиснув

¹ Парашютно-десантные войска.— *Примеч. пер.*

² Вертикальная расщелина в скале.

над ледовой бездной, он страшует меня. Мы в тени, и холод пробирает до костей. В свою очередь страхую Терраю, продолжающего траверс вправо и огибающего целый скальный массив. Место опасное, а холод еще более затрудняет лазание.

Через несколько минут мы снова вместе, на этот раз под лучами солнца. Однако наше положение весьма неприятно и ненадежно. Под действием солнца твердый фирн превратился в предательский снег. Подъем продолжается. Преодолев несколько трудных участков чистого льда, выходим на гребень, на высоте около 6000 метров. Погода разгулялась, и я пользуюсь случаем, чтобы поснимать. Отсюда Аннапурна кажется очень близкой.

103

Ребро, на котором мы находимся, тянется к вершине, однако разорванный участок ледового гребня, напоминающий цветную капусту, от нас сейчас так же далек, как и в начале подъема по ребру; приходится вспомнить о прозрачности воздуха сильно искажающей расстояния. Рассматривая видимые нам отсюда технически сложные участки, мы с Лионелем приходим к выводу, что даже при взятом нами темпе пришлось бы лезть несколько дней, чтобы добраться до конца ребра. Природа оказалась сильнее нас. Препятствия, созданные ею, несоизмеримы с нашими возможностями. Не вдаваясь в бесполезные рассуждения, мы решаем отступить. Даже если нам не встретится какое-либо непреодолимое препятствие (возможно, в гребне есть невидимый отсюда провал), было бы безумием направить экспедицию по этому маршруту.

Ни на одном восхождении в Альпах я не встречал такого нагромождения технических трудностей. Никогда прежде в Гималаях людям не приходилось заниматься подобной акробатикой. В глубине души я мечтаю о том, чтобы ледник Аннапурны открыл свою тайну Ляшеналу и Ребюффа. Отсюда он кажется проходимым. Хорошо видно плато, на которое они должны выйти. Если им придется отступить, рухнет последняя надежда. Неужели же все наши труды, все наши усилия приведут лишь к второстепенным результатам? Это было бы для всех нас огромным разочарованием.

Не задерживаясь, мы начинаем спуск. Идем поочередно, тщательно страхуя друг друга через крючья, так как скалы непрочны. На солнце — нестерпимая жара, в тени — адский холод. После траверса подходим к ледяному гребню. Совершенно раскисший снег теперь уже не держит, предпочитаем спускаться по чистому льду. Первым уходит Террай, я страхую его, но крючьев немного,

их приходится в большинстве случаев выбивать, и я вынужден спускаться без страховки. Террай настороженно следит за мной, хорошо понимая, что в случае срыва я неминуемо увлеку и его. Он спускается лицом от склона, тщательно рассчитывая каждое движение, чтобы не нарушить равновесия. Впоследствии он признался, что дважды начинал скользить и только чудом сумел задержаться. Я применяю другую технику: спускаюсь лицом к склону, используя не только ноги, но и руки. Правой ногой я, не глядя, нахожу на льду подходящую зацепку; левая, несмотря на рыхлый снег, держится на двух передних зубьях «кошки».левой рукой я приминаю мокрый снег ко льду и опираюсь на него, правой — вбиваю клюв ледоруба в твердый, как камень, лед. Когда правая нога находит уступ и я вновь обретаю три точки опоры («опоры» довольно сомнительные!), левая нога в свою очередь повторяет операцию; это невероятное ползание — сплошная эквилибристика. Спускаюсь медленно, осторожно, без единого резкого движения.

— Э-эй!.. Э-эй!

Это голос Шаца, идущего на подмогу. Террай, находящийся сейчас к нему ближе, кричит, что мы спускаемся.

— Эй, Шац! Снимаю палатку, спускаемся в Базовый лагерь!

Шац услышал и издал наблюдает за нашим спуском. Теперь мы окружены облаками. Все вокруг тонет в сплошном сероватом тумане. Мы забиваем крючья, прикидываем расстояние, которое нам предстоит пройти, и вешаем веревку. Террай спускается дюльфером¹, в то время как я наблюдаю за поведением крюка. При каждом рывке он сгибается, но затем возвращается в исходное положение. Лед настолько тверд, что никаких опасений не внушает. Все будет в порядке. В свою очередь по всем правилам альпинистской науки обвожу вокруг себя веревку и быстро спускаюсь к Терраю, уже вырубившему небольшую площадку для моего «приземления». Вытягиваю за один конец веревку, и вскоре мы добираемся до скал. С нескрываемой радостью «разуваемся»² и через секунду уже мчимся по скальному гребню с таким энтузиазмом и с таким горячим желанием ночевать сегодня возможно ниже, что путь, занявший утром полчаса, пробегаем за несколько минут.

¹ Свободный спуск по двойной веревке с последующим выдергиванием ее.

² Снимаем кошки, прикрепленные к ботинкам ремнями.

Мчимся наперегонки со временем: галопом проходим участки нетрудных скал, съезжаем по каминам, скатываемся вниз по кулуарам. Вскоре, несмотря на резкий холод, мы покрываемся потом. В рекордном темпе добираемся до оставленного утром лагеря, где сваливаемся на головы Шацу и Саркэ, складываящим палатки. Глотая говядину в томате и нуга, прихлебывая приготовленный Терраем превосходный чай, мы обсуждаем результаты разведки. Эти возбуждающие, полные энтузиазма часы утомительной работы привели лишь к бесполезной победе над бесполезным ребром. И тем не менее, как впоследствии говорил Террай, ничто не может сравниться с этой отчаянной борьбой, в которую были вложены все наше мужество, сила и воля.

Над нами низкая облачность, но мы надеемся, что погода установится. Добираемся до участка, где навешен репшнур¹. Друг за другом спускаемся в бездну и собираемся на узкой площадке, где за два дня до этого мы с Ребюффа провели ночь. Мы мчимся по опасному и трудному месту, неся вчетвером два полных комплекта лагеревого оборудования. Саркэ сначала приходит в ужас от быстроты спуска, но вскоре включается в общий ритм. Ребро сильно заснежено, и необходима большая осторожность, но как только сложные места пройдены, бешеная гонка возобновляется. Возбуждение охватывает всех. Знакомый нам уже травянистый холм приближается на глазах. Пройдены последние скалы, и вот мы уже мчимся по травянистым склонам, присыпанным свежим снегом. Вскоре мы достигаем передового лагеря, установленного в начале подъема на ребро. За несколько часов мы пробежали путь, занявший при подъеме двое суток. Отсюда хорошо виден Базовый лагерь, установленный в глубине ущелья, на морене; желтые пятна палаток резко выделяются на общем сером фоне окружающих осыпей. Сильный дождь или, вернее, мокрый снег, падавший несколько минут назад, сменился мелкой изморосью. Мы с Терраем понимаем друг друга с первого взгляда: в два счета забираем из установленных здесь палаток снаряжение, набиваем до отказа рюкзаки и устремляемся вниз по склону; Шац и Саркэ стараются не отставать, но мы мчимся со скоростью метеора, несмотря на тяжелые рюкзаки, нарушающие равновесие. Прыгая по травянистым кочкам, используя малейшие неровности склона, контролируем скорость движения. Страверсировав влево, выходим на

¹ Репшнур — тонкая вспомогательная веревка. — *Примеч. пер.*

снежный «язык», спускающийся по дну кулуара, и, не колеблясь, начинаем глиссировать, выписывая великолепные повороты. Таким изящным и быстрым способом мы за несколько минут добираемся до морены.

Вероятно, Шац недоумевает: зачем нам нужно было устраивать такую гонку? По правде говоря — незачем. Вместо того чтобы спускаться пятнадцать минут, мы могли бы спокойно пройти этот путь за час. Все объясняется возбуждением, охватившим нас в этот день, такой трудный и прекрасный.

В Базовом лагере нас ожидает сенсационное известие: Ляшеналь и Ребюффа прислали своего шерпа с сообщением: по правому краю ледника пройти можно, они берутся выйти на большое плато, которого еще не видели. Однако просмотреть верхние склоны Аннапурны им не удалось.

С высоты 6000 метров, находясь на ребре, мы с Терраем просмотрели эту часть пути. Я убедился, что плато почти горизонтально и трудностей на нем не встретится.

Впервые за все время экспедиции появляются какие-то обнадеживающие признаки. Будут ли наконец вознаграждены наша настойчивость и вера в успех? Откроет ли нам вершина свою тайну? Мне кажется, что разгадка близка и через несколько часов судьба экспедиции решится.

Сейчас мы прежде всего должны высушиться, так как одежда совершенно мокрая от дождя, снега и пота. Появляется Шац, а вслед за ним — Саркэ. Мы тут же уточняем план на завтрашний день.

— Вот что, — говорит мне Шац, — я тут наметил кое-какой маршрутик, дай мне двух шерпов и...

— Двух шерпов? — прерывает его Террай, — а еще что?

— Два высотных комплекта и на три дня продуктов!

— Шеф¹ хочет организовать «свою» экспедицию, — иронизирует Кузи.

— Да дайте же ему высказаться! Что ты надумал?

— Я приметил несложный гребень, по которому можно пройти ледник, оставив ледопад справа...

— Он прав, — говорю я. — Что, если Ляшеналья и Ребюффа ждет неудача? Что тогда делать? Неплохо, если у нас будет запасной вариант!

Решено! Завтра на рассвете Шац, полный оптимизма, уйдет в новую разведку. Отыскав вместе с Кузи и Удо дорогу через Миристи, он сейчас надеется окончательно

¹ Таково прозвище Марселя Шаца, данное ему альпинистами за пристрастие к организационным делам.

открыть доступ к Аннапурне. Мы с Терраем, а также Саркэ, порядком устав за последние дни, намерены завтра с утра отдыхать. После обеда мы под предводительством Аджибы выйдем за нашими товарищами. На этот раз я полон надежд и с большим трудом заставляю себя «терять» драгоценные часы.

— Кузи, тебе предстоит весьма неблагодарная работа...

— ...

— Тебе придется снять на ребре передовой лагерь, а затем перенести и окончательно установить Базовый лагерь в том месте, которое я тебе укажу. Это будет крайняя точка, куда смогут добраться носильщики.

— Действительно, не слишком весело, но раз нужно!

— Конечно, это необходимо, ты ведь и сам понимаешь. Вдобавок, у тебя будет всего один шерп.

— Совсем печально!

— Придется самому тащить...

Наш друг Кузи, самый молодой член команды, так жаждущий деятельности, будет вынужден в течение нескольких дней оставаться внизу, проводя очень важную, но незаметную работу. Это задание он выполнит идеально, без единого слова протеста, хотя отчетливо сознает, что к моменту решающего штурма его акклиматизация будет недостаточной и, таким образом, его шансы на первостепенную роль в восхождении значительно уменьшаются — замечательный пример самоотречения, создающего силу коллектива. Несмотря на отвратительную погоду, вечером у всех радостное настроение. Мы полны надежд. Каждый рассыпается в любезностях, в учтивых жестах... приближается время великих решений.

В то время как ливень с оглушительным шумом барабанит по палаткам, мы тихо и блаженно засыпаем в теплых и уютных спальных мешках. Сквозь сон до меня доносятся какие-то возгласы, позвякивание крючьев, шипение примуса, стук открываемых консервных банок, шум катящихся камней: это Шац готовится к выходу с Панзи и Айлой. Еще царит глубокая ночь, когда он подходит к моей палатке:

— Я ухожу, Морис.

— Какая погода?

— Все небо в звездах.

— Ну, желаю успеха, старина.

— Пока!

Несколько минут слышны шаги на морене: товарищи уходят.

Как хорошо нежиться в тепле, когда другие трудятся! Как приятно мечтать в полусне, забывая о течении времени, когда знаешь, что через несколько часов придется сменить безделье на тяжелую работу!

С первых дней экспедиции у меня не было ни минуты покоя. Сегодня мне можно ничего не делать, и я полностью использую эту возможность. Я встаю и направляюсь к другим палаткам. Террай что-то разбирает, сортирует, распределяет. Им овладела мания порядка. На пороге решительной битвы он хочет быть во всеоружии. Перед тем как самому погрузиться в эту работу, бросаю взгляд на горы; солнце уже высоко, в воздухе тепло — будет хороший денек...

Но все имеет конец, даже самые прекрасные минуты. Меня беспокоит важный вопрос: продукты почти кончились и надо составить опись остатков. Мы стаскиваем все вместе в одну кучу, и, сидя на корточках в палатке, я начинаю распределять по сортам, считать, записывать. Наконец, все закончено, все ясно, итоги подведены и совесть моя спокойна.

После обеда мы выходим с колоссальными рюкзаками. Утром я смог отдохнуть от непрерывной восьмидневной работы и чувствую себя великолепно. Хорошая погода еще держится. Однообразные морены тянутся на протяжении километров. Время от времени кто-нибудь из нас поскользывается на предательских камнях, лежащих на льду.

Внезапно мы замечаем идущего навстречу человека, это Аджиба! Он сообщает замечательную весть: Ляшеналь и Ребюффа вышли на плато ледника. В своей записке Ребюффа добавляет, что путь идет по нетрудным скалам правого берега. Итак, большой ледопад северного ледника Аннапурны пройден! С надеждой в сердце мы ускоряем шаг.

Температура вполне приемлема, и окружающие скалы излучают тепло. Стены Большого Барьера, к которому мы направляемся, все ближе и ближе; они совершенно гладкие, неприступные, серого, как грифель, цвета. Как это часто бывает, правая береговая морена ледника — удобный и быстрый путь подхода. Теперь нас ведет Аджиба. В середине второй половины дня мы подходим к пологой части морены, которая здесь расширяется и упирается в Большой Барьер.

Дальше нужно лезть по скалам правого берега. Это значит, что здесь носильщики пройти не смогут. Быстро набрасываю кроки, по которым впоследствии я смогу детально уточнить месторасположение Базового лагеря.

Время бежит: мы хотим сегодня же выйти на плато. В быстром темпе Аджиба ведет нас к контрфорсам Большого Барьера. По спиральным расщелинам, перемежающимся каминами и полками, а затем по кулуарам выходим над ледопадом Аннапурны. Чувствуется высота, мы устали, и рюкзаки кажутся более тяжелыми. Уже настает ночь, когда мы, наконец, добираемся до подножия большой ледяной стены. Здесь, на высоте примерно 5100 метров, наши друзья установили свой лагерь, будущий лагерь I.

Они встречают нас с нескрываемой радостью. Сейчас темно, ничего не видно, но в их словах звучит уверенность:

— Сомнений нет, Аннапурна будет побеждена!

Аннапурна

110 Действительно, на следующий день меня ожидает ошеломляющее зрелище. Когда я просыпаюсь, Ляшеналь и Ребюффа, сидя на сухой скале, не отрываясь глядят на Аннапурну.

Внезапный крик заставляет меня выскочить из палатки: — Я нашел путь! — кричит Ляшеналь.

Подхожу к ним. Ослепительный блеск снежных склонов вынуждает меня зажмуриться. Впервые Аннапурна открывает человеку свою тайну. Ее громадный северный склон, покрытый реками льда, сверкает, как алмаз. Ни разу я не видел еще такой гигантской вершины во всем ее величии. Это целый мир, ослепительный и грозный, необозримый в своей грандиозности. На этот раз, однако, перед нами нет отвесных стен, изрезанных гребней, висячих ледников и тому подобных прелестей, превращающих в утопию всякую мысль о восхождении.

— Понимаешь, — объясняет Ляшеналь, — задача заключается в том, чтобы выйти на этот ледник, похожий на серп, в верхней части Аннапурны. Чтобы дойти до его начала, не рискуя попасть в лавину, надо подниматься совсем слева¹.

— Но тогда, — прерывает его Ребюффа, — как же ты хочешь добраться до начала твоего пути? Ледник с другой стороны плато сплошь изрезан трещинами. Перебраться через него невозможно!

— Смотри...

Мы вовсю таращим глаза. Но, признаюсь, я почти не способен следить за объяснениями товарищей. Меня захлестывает волна энтузиазма.

Наконец-то наша вершина здесь, перед нами.

Сегодня, 23 мая, — самый замечательный день экспедиции.

¹ См. кроки на стр. 96—97.

— Смотри,— настаивает Ляшеналь, сдвигая набекрень свою вязаную шапочку,— трещины можно обойти слева. Затем достаточно преодолеть в лоб ледопад и постепенно уходить вправо, по направлению к «Серпу».

Наше внимание привлекает звон ледоруба. Это Аджиба колет лед, чтобы натопить воды.

— Твой маршрут, Бискант, недостаточно прямой. Наверняка будем проваливаться в снег по пояс: путь должен быть возможно короче, прямо к вершине.

— А лавины? — возражает Ребюффа.

— Опасность одинакова как справа, так и слева. Уж лучше идти там, где короче.

— Ну а... как же кулуар? — не сдается Ляшеналь.

— Если переходить его повыше, риск невелик. К тому же взгляни: видишь следы лавин на твоем пути?

— Да, верно,— вынужден признать Ляшеналь.

— Раз так, кто нам мешает подниматься прямо вверх, обойти сераки и трещины, взять влево, чтобы выйти к «Серпу» и оттуда идти прямо к вершине?

Я чувствую, что Ребюффа настроен не слишком оптимистично. В своем старом, плотно облегающем свитере, который он таскал на всех альпийских восхождениях, он более чем когда-либо оправдывает данное ему шерпами прозвище Ламба-сагиба ¹.

— Однако,— возобновляет спор Ляшеналь,— можно было бы подняться прямо до основания стены и, траверсируя влево, прийти к той же точке...

— Взяв сразу влево, мы, безусловно, сократим путь.

— Ты прав, это вполне возможно,— соглашается Ляшеналь, постепенно сдавая свои позиции.

Соппротивление Ребюффа также понемногу слабеет.

— Эй... Лионель! Ну-ка иди сюда на минутку, взгляни!..

Террай, склонившись над ящиком, со своей обычной серьезностью разбирает продукты. Красная лыжная шапочка и роскошная борода придают ему весьма колоритный вид. Я спрашиваю его в упор, каков «его» маршрут. Оказывается, он уже рассматривал вершину и составил свое мнение:

— Для меня, дружище, все совершенно ясно! — говорит он, выпячивая нижнюю губу. Над лавинным конусом большого кулуара, прямо под вершиной... — и дальше идет описание обсуждаемого нами пути.

Итак, все пришли к единому мнению.

¹ Длинный человек.

— Туда и надо идти! — без конца повторяет возбужденный Террай.

Не менее взволнованный Ляшеналь кричит мне в лицо:

— Сто против нуля, что победа будет за нами!

Что касается Ребюффа, то он более сдержан.

— Пожалуй, это наименее трудный и наиболее логичный маршрут, — признается он.

112 Погода великолепная. Никогда еще горы не казались нам столь прекрасными. Наш оптимизм велик, возможно, даже чересчур, так как грандиозные масштабы стены ставят перед нами такие проблемы, с которыми в Альпах никогда не приходилось сталкиваться. Главное, время не терпит. Если мы хотим добиться успеха, мы не должны терять ни часа. Наступление муссона ожидается около 5 июня. Следовательно, остается 10—12 дней. Нужна быстрота и быстрота! Эта мысль не выходит у меня из головы. Необходимо увеличить расстояние между последовательными лагерями, организовать систему челночных операций для заброски максимального количества груза в минимальное время, акклиматизироваться и, наконец, подтянуть тылы. Последнее обстоятельство меня особенно беспокоит. Наша группа была снабжена только для разведки и в настоящее время располагает лишь пятидневным запасом продуктов и ограниченным набором снаряжения.

В голове возникают тысячи вопросов. Мои товарищи, охваченные энтузиазмом, шумно дискутируют, в то время как шерпы по обыкновению спокойно ходят взад и вперед около своей палатки.

Здесь только два шерпа, и о том, чтобы начать с ними восхождение, не может быть и речи. Ну что же, сагибы пойдут одни и сами понесут грузы. Таким образом, уже завтра можно будет установить лагерь II. Мои товарищи с энтузиазмом принимают это предложение, позволяющее выиграть по меньшей мере два дня. Один из шерпов, Аджига, спустится в Базовый лагерь и поведет оттуда группу до лагеря I, где мы находимся сейчас. Этот лагерь придется устанавливать заново, так как мы забираем с собой все.

Что касается Саркэ, ему дается ответственное задание: передать всем членам экспедиции мой приказ о штурме.

На большом листе бумаги я пишу следующее:

«Срочно, со специальным курьером Саркэ из лагеря I в Тукучу

Лагерь I установлен на леднике Аннапурны.

Принято решение о штурме Аннапурны.

Победа за нами, если каждый не будет терять ни одного дня и даже ни одного часа!

Каждому в части, его касающейся.

К у з и: Возможно быстрее перенести Базовый лагерь и установить его примерно в двух часах ходьбы от старого места на широкой и удобной площадке перед снежным конусом. Перенести туда все. Послать в лагерь I максимум продуктов, рации, спальные мешки — мой и Гастона, кеды Лионеля (Дай Саркэ 15 рупий, они лежат на дне моей «слоновой ноги»¹, которую ты тоже должен мне переслать).

113

Ш а ц: Если Шац быстро спустится с ребра, установить лагерь I, так как Бискант, Лионель, Гастон и я переносим все в лагерь II. Лагерь I находится как раз у начала ледника и отмечен большим туром. Сосредоточить там максимум продуктов и снаряжения.

М а р с е л ь: Подняться возможно быстрее. У меня с собой маленький аппарат. Принеси пленку. До Базового лагеря дойдут носильщики, можешь оставить там запас пленки.

У д о: Прибыть поскорее в лагерь I с маленькой аптечкой. Основное может оставаться в Базовом лагере (в частности, хирургическое оборудование).

Н у а е л ь: Очень важно. Не теряя ни часа отправь в Базовый лагерь: 10 высотных контейнеров, 6 контейнеров «долина», все комплекты высотных лагерей, последнюю УКВ рацию, спиртовую кухню Жеррикан, около 10 литров бензина, веревки 8-миллиметровой — 1 конец 30 метров, веревки 9-миллиметровой — 2 конца по 15 метров, репшура 5,5-миллиметрового — 200 метров, 15 ледовых крючьев, 5 скальных крючьев, 10 карабинов, все карманные фонари и два палаточных фонаря и запасные батареи. Австрийский аварийный рюкзак², 1 пару лыж с палками, сани, спальные мешки всех входящих во второй эшелон, установку Эмерсона с проводкой, 3 запасные пары гетр, 1 меховые брюки, 2 большие палатки (3 будут в Базовом лагере и 2 в лагере I), 4 пары ботинок: 1 — разме-

¹ Нейлоновый мешок, в который можно засунуть обе ноги, чтобы защитить их от холода.

² Приспособление из брезента, с лямками, для переноски пострадавшего на спине.

ра 43, 2 — размера 42, 1 — размера 41. Поскольку комплекты для долинных лагерей разрозненны (спальные мешки и матрасы остались в Тукуче), необходимо доставить все недостающее для их укомплектования.

Кроме того, принести: все запасные варежки, все запасные носки, тзампу и рис для шерпов. Остальное оставить под надежным присмотром. Приготовь 10 высотных контейнеров и 6 «долинных», которые пригодятся нам в дальнейшем. При случае можно будет переправить их в сопровождении одного из шерпов. Поднимайся. Будешь находиться в Базовом лагере. Ж. Б. может делать, что хочет.

114 М а р с е л ь: отправь телеграмму Деви: «Лагерь I — 5100 метров. После разведки принято решение штурмовать Аннапурну с северного ледника. Путь исключительно снежно-ледовый. Погода благоприятная. Все в хорошей форме.

Полон надежды. С приветом *Эрцог*»

Глубокая разведка переходит в окончательный штурм. Этот приказ наполнит радостью сердца всех членов экспедиции, однако меня тревожит мысль о том, что необходимо 4 дня, чтобы добраться до Тукучи. Я объясняю Саркэ:

— Аннапурна! (Я показываю пальцем на вершину) Atcha now! ¹

— Yes, Sahib.

— All Sahibs go now² (опять показываю на Аннапурну).

— Yes, Sahib.

— This (я делаю вид, что беру) very quickly to Tuku-cha for all Sahibs: Couzy Sahib, Doctor Sahib, Noyelle Sahib³.

Лицо Саркэ серьезно. Он прочел в моих глазах, что этот приказ отличается от других, он понял, чего я жду от него. Он знает, что у нас здесь мало продуктов, мало снаряжения и что, если сагибы решили идти на вершину, надо обеспечить помощь.

Саркэ — наиболее энергичный, наиболее сильный из наших шерпов. Ему поручено дело первостепенной важности. Он стоит передо мной, широко расставив ноги. Его типично монгольское лицо оттеняется белым шерстяным шлемом с укрепленными на нем темными очками.

¹ Аннапурна, теперь готово!

² Все сагибы теперь уйдут.

³ Это надо быстро отнести в Тукучу для всех сагибов...

— Go, Sarki! Good luck! It is very important...¹ — и я крепко жму ему руку.

Не теряя ни секунды он хватает вещи, что-то быстро говорит на своем гортанном наречии Аджибе... и через несколько минут мы видим, как они идут вдоль громадной сверкающей ледяной стены и исчезают за мореной...

Некоторое время я смотрю им вслед, а затем оборачиваюсь и любуюсь громадной цепью Аннапурны, залитой солнцем. Около нас мало тени. Несколько минут тому назад мы дрожали от холода, а сейчас приходится снимать пуховые куртки, затем свитера и, наконец, рубашки.

Вдали виден царствующий над всем Дхаулагири, ближе ко мне — Нилгири. В голове проносятся воспоминания... Дамбуш-Кхола, Неизвестное ущелье, Большое Ледяное озеро, Манангбхот... Как далеки мы теперь от всего того, что было задумано: «легкая экспедиция» — «нейлон», как мы называли ее, «быстрая» экспедиция. Перенести опыт альпийских восхождений в гималайские экспедиции — такова была основная тактика, намеченная в Париже. «Опасность, — считали мы, — это лавины, следовательно, надо придерживаться гребней». «Зачем обрабатывать вершину, чтобы могли пройти шерпы? Сагибы возьмут на себя все: шерпов не будет, значит, не надо будет и обрабатывать путь...»

Увы! Какое разочарование! О гребнях лучше не говорить. Шерпы? Как мы довольны, что они здесь! Легкость? Быстрота? Перепады высот здесь так велики, что всегда необходимы многочисленные промежуточные лагеря! А кроме того, мы явно недооценивали значение разведки: прибыть в исследованный район, сгорать от нетерпения, рваться на штурм... Куда?

Мы четверо: Ляшеналь, Ребюффа, Террай и я — собираем свои вещи, запикиваем в рюкзаки максимум продуктов, снаряжения, палаток, спальных мешков. Оставляем лишь один ящик с тем, что не потребуется в ближайшем будущем. Распределяем груз: как всегда, некоторые предпочитают тяжелые, но негромоздкие вещи, другие — наоборот. Нести придется килограммов по 20. На этой высоте, где малейшее усилие дается с трудом, мы чувствуем себя буквально раздавленными под рюкзаками. Лямки врезаются в плечи. Кажется, невозможно пройти и 5 минут. Однако, несмотря на чрезмерный груз, мы все же движемся, ибо нас поддерживает мысль о выигрыше времени.

¹ Иди, Саркэ! Счастливого пути! Это очень важно...

Вытянувшись цепочкой, связанные длинной веревкой, четверо сагибов тяжело шагают по снегу большого плато у подножия Аннапурны. Жарко, солнце прямо над головой, и в этом ледовом цирке его лучи полностью отражаются от окружающих стен. Движение быстро изнуряет, оупляет. Мы задыхаемся и обливаемся потом. Остановка. Достаем тюбики с глетчерной мазью и покрываем толстым слоем пасты наши потные лица. Ребюффа и Ляшеналь, страдающие, по-видимому, больше, чем мы с Терраем, вытаскивают вкладыши от спальных мешков и мастерят из них подобие куклуksклановских капюшонов, уверяя, что такая конструкция прекрасно защищает от инсоляции. Я в этом не убежден, так как они, по-видимому, совсем задыхаются, и мы с Терраем все же предпочитаем мазь.

Кажется, что в этом пекле воздух исчез. Скорее бы добраться до первых склонов! А грузы, пригибающие к земле! Приходится мобилизовать все свое мужество, чтобы преодолевать усталость и одышку. Мы перелезаем скальный островок под гигантскими сераками. Целый лес сталактитов, причудливо преломляющих солнечные лучи, угрожающе навис над нами. Мы с Терраем по очереди прокладываем путь. Двое других, кажется, уже «дошли». Дыхание частое и неровное. Сказывается высота в 6000 метров, рекордная для экспедиции.

Что же с нами будет выше 7000 метров?.. Эта мысль неотвязно вертится в мозгу, и вскоре я убеждаюсь, что об этом же думают и мои товарищи.

— В конце концов, мы ведь не носильщики! — восклицает Ляшеналь.

— Не для того мы приехали в Гималаи, чтобы таскать тяжести, — поддакивает Ребюффа.

Террай передергивает от негодования.

— Альпинист должен уметь таскать!

Ляшеналь стоит, опершись на ледоруб, Ребюффа повалился на рюкзак. Багровые лица покрыты потом, в стеклянных, без всякого выражения глазах внезапно загорается гнев.

— Если мы сейчас подохнем от этой идиотской работы, что будет через несколько дней? Ведь нам еще придется прокладывать путь через сераки!

Террай взрывается.

— И они еще называют себя проводниками из Шамони! Подагрики несчастные!

— На тебя чем больше навьючишь, тем тебе лучше. Тебе нравится такая ишачья работа! — кричит Ляшеналь.

— Когда нужно тащить, я тащу!

Стараюсь их утихомирить.

— Конечно, тяжело, я знаю, но мы выиграем на этом пару дней. Если восхождение будет успешным, то, может быть, именно благодаря тому, что мы делаем сегодня.

Ребюффа возражает:

— Ты и Террай, вы можете тащить, а мы не можем!

— Вы ведь сверхлюди, — добавляет Ляшеналь, — а мы только жалкая посредственность.

Это ядовитое замечание как будто приносит ему облегчение, и движение возобновляется. «Сверхлюди» по очереди прокладывают путь. Мы совсем отупели, ноги подкашиваются, темп медленный и неровный, но все же метр за метром отвоевывается у вершины. Двигаемся как автоматы, взор прикован к пяткам идущего впереди. Поддаваться искушению и останавливаться ни в коем случае нельзя. Никаких компромиссов! Время от времени Террай для бодрости осыпает нас отборной бранью. Может быть, эта ругань не так уж необходима, но в глубине души каждый вынужден признать ее справедливой.

117

Сзади слышатся какие-то крики. Это может быть только Шац. Его маршрут здесь смыкается с нашим. Не нашел ли он «идеальный» путь? Во всяком случае это превосходный предлог для длительной остановки: ледорубы втыкаются в снег, на них надеваются лямки рюкзаков, и удобные сиденья готовы. Открываются консервы. В ход пускаются фляжки, однако каждый глоток на счету, так как запас воды весьма ограничен.

Подходит Шац с двумя шерпами.

— Ну, братцы, я «дошел»!

На лице товарища я вижу неподдельное страдание. Вероятно, нам досталось не меньше, чем ему. Однако он был единственным сагибом в группе.

— Ну, рассказывай, каковы твои успехи?

— Этот путь не представляет никакого интереса! Если ваш проходим, о моем надо забыть.

— Что, слишком сложен?

— Да и к тому же... очень опасен. Вместо того чтобы спокойно страверсировать от верхней части контрфорса к плато, я откопал боковую ветвь ледника, страшно крутую и с великолепными сераками! Вчера пришлось установить палатку кое-как, на крошечной площадке. Сегодня утром мы прошли под стеной сераков, каждую минуту готовых свалиться нам на голову, и, наконец, преодолели невероятно крутой снежный склон, по которому я ни за какие деньги не рискнул бы спускаться.

— А дальше?

— По-твоему, этого мало? Дальше я увидел вас и стал лавировать между сераками, чтобы добраться до ваших следов... Кстати, хватит болтать, я голоден, как волк!

Пока он наспех поглощает старательно приготовленный завтрак, нас начинает окутывать туман — предвестник обычной бури. Террай торопит.

— Пошли!

Постепенно видимость уменьшается. Все заволакивается густым туманом. Путь, который мы с Терраем прокладываем наугад, вероятно, далеко не лучший, но что делать? Нам нужно сегодня установить лагерь II где-то посреди плато, вдали от лавин. Снег начинает падать густыми хлопьями, и мы вытаскиваем из рюкзаков штормовки. Сейчас Террай идет за мной, и я ориентируюсь на него, чтобы двигаться по прямой. Совсем не хочется брести по кругу, как это уже бывало со мной при подобных обстоятельствах. Насколько я могу судить, мы уже должны находиться примерно около центра плато.

Во всяком случае ночевать будем здесь.

Сагибы и шерпы один за другим подходят ко мне и сбрасывают рюкзаки. Устраиваем короткое совещание. Отпускать шерпов одних в лагерь I опасно. Лионель Террай, находящийся в хорошей форме, вызывается сопровождать их.

Уже поздно, и снег по-прежнему валит вовсю. Террай спешит покинуть нас, так как следы уже еле видны. Ночевать он будет в лагере I, в спальном мешке Саркэ, а шерпов отправит в Базовый лагерь, путь к которому несложен. Таким образом, у нас будут люди для ближайшего челнока ¹.

— Нет, Лионель явно ненормальный, — замечает Ляшеналь, — ему нравится делать из себя мученика! Гастон, разве тебе придет в голову, вместо того чтобы спуститься в Базовый лагерь и с комфортом провести ночь, спать на камнях, впивающихся тебе в спину... да еще и хвастаться этим?

Мимика Ребюффа весьма красноречива — он считает такое самоистязание совершенно бессмысленным. У каждого альпиниста свой характер. Есть ли на свете более упрямый народ?

Наш бедный лагерь II затерян в снегах. Мы оглушены непрерывным грохотом лавин, падающих неизвестно где.

¹ «Челноками» называются повторные рейсы по одному и тому же маршруту для организации промежуточных лагерей.

Этой ночью придется довольствоваться весьма относительной безопасностью.

Борясь со снежными вихрями и порывами ветра, выравниваем площадки, вбиваем колья, натягиваем палатки, через час все уже отдыхают в тепле.

Мы с Шацем расположились в «опытной» палатке, послужившей прототипом для четырнадцати других. Она много больше остальных. Шац убеждает меня, что, если лечь головой в глубь палатки, комфорт будет идеальным. Да, возможно... Тем не менее ни разу еще мне не доводилось так плохо провести ночь, и никогда в жизни я не соглашусь повторить этот печальный эксперимент, во время которого едва не задохся. Предпочитаю устраиваться головой ко входу, когда можешь регулировать приток свежего воздуха. Во всех других отношениях Шац — идеальный компаньон! Лежа в своем спальном мешке, я наблюдаю, как он занимается стряпней. Сытный ужин подан мне «в кровать»!.. Вскоре снотворное оказывает свое действие, болтовня прекращается, и мы быстро погружаемся в сон.

Пока мы таким образом приспособляемся к обстановке, Террай, спустившийся ночевать в лагерь I, вынужден из-за сильного ветра провести часть ночи без сна. Обильно падающий снег покрывает его целиком и, рискуя задохнуться, он с головой закутывается в штормовку. Через несколько часов, совершенно измученный, положив под голову какие-то камни, он забывается тяжелым сном.

В лагере II, на высоте 5900 метров, мы просыпаемся в 9 часов. Уже тепло, и сквозь стенки палатки пробиваются золотистые лучи солнца. Но как трудно надеть замерзшие ботинки: они словно деревянные. Теперь я всегда буду класть их с собой в спальный мешок. Высовываю голову наружу: на небе ни облачка, зрелище сказочное.

Вокруг нас на высоте более 7000 метров разворачивается фантастическая вереница вершин и гребней.

Рядом, прямо над головой, виден великолепный, изрезанный гребень, прозванный нами «цветной капустой». Ниже он переходит в то самое северо-западное ребро, на котором мы напрасно тратили свои силы. Теперь его видно полностью, и ясно, что мы не прошли и десятой части! Сюрприз!.. В самой середине ребра — громадный, непреодолимый провал. Таким образом, наша совесть может быть спокойна.

В глубине вырисовывается сверкающий, как кристалл, Дхаулагири. Ближе к нам — неприступный и величественный Нилгири. Справа над нашим крошечным лагерем воз-

вышается Большой Барьер, стены которого отвесно обрываются в верхний цирк Миристи-Кхола. Еще правее видны колоссальный вздувшийся ледник и симпатичная вершина — знаменитая Черная скала!

Я оборачиваюсь: грандиозная ледяная стена со множеством сераков и трещин блестит на солнце. Над ней, в неизмеримой вышине сверкая алмазами, Аннапурна царит над всем, как и подобает богине. Она так высока, что приходится запрокидывать голову, чтобы рассмотреть ее.

С тревогой гляжу я на стену, которую нам предстоит штурмовать. Как все это колоссально и как не соответствует нашим слабым силам! Какую тактику применить? Я должен правильно оценить состояние своих товарищей, учесть ограниченность снаряжения находящегося сейчас в нашем распоряжении, технические трудности, опасности, и главное, возможные задержки. Сколько действующих факторов! Так или иначе я твердо решил форсировать установку лагерей независимо от погоды, если, конечно, не разразится буря. Все сводится к математической формуле: выполнять ежедневно максимальное количество килограммометров работы, поддерживая спортивную форму восходителей на высоком уровне, вплоть до решающего штурма. В этот момент, находясь вблизи от вершины, мы не сможем избежать ослабления организма, и тогда физический и моральный потенциал каждого из нас должен проявиться во всей своей силе, учитывая, что некоторый резерв необходим для спуска.

Утром от вчерашней усталости нет и следа. Надо использовать хорошую погоду и продолжить подъем для установки лагеря III.

Привязываем к ботинкам облегченные кошки, с которыми теперь почти не придется расставаться. Берем с собой палатку, оставляя вторую с небольшим количеством продуктов на месте лагеря. На каждого приходится около 10 килограммов. Перед тем как покинуть лагерь, еще раз бросаем взгляд на ледяную стену. Пытаемся наметить путь через многочисленные сераки, загромождающие склон, ибо, выйдя на стену, мы уже не сможем видеть вперед больше, чем на полсотни метров.

Связываемся по палаткам: Ляшеналь и Ребюффа идут вперед, а мы с Шацем на второй веревке.

Уже почти 10 часов. Пора! Тщательно застегнув палатку — единственное, что остается от лагеря II, направляемся к лавинному конусу большого центрального кулуара, спускающегося с предвершинных склонов. Идем напрямик, так как трещин на пути немного. На снегу ноги на-

чинают мерзнуть и теряют чувствительность. В то же время в воздухе так тепло, что вскоре нам приходится снять пуховые куртки. Чудовищная ледяная стена нависает над нами все больше и больше. Слева — гребень чистого льда, типично гималайский по своей формации, поражает меня своей прозрачной голубизной, еще более подчеркиваемой боковым освещением. Справа — кружевной гребень «цветной капусты», сияя белоснежной чистотой, кажется, смеется над нами: «попробуйте до меня добраться!..»

В этом необычайном мире, где кругом сплошные отвесы, понятие равновесия приобретает особый смысл, перспектива этого хаоса создает в корне неправильные первые впечатления.

121

Вот уже час, как мы идем, и только теперь вступаем на склоны конуса! Меня волнует, что будет дальше: впечатление такое, как будто миллиарды тонн гигантского потока застыли в неопишемом беспорядке. Чем ближе мы подходим к стене, тем круче становится склон. С адским грохотом обрушиваются сераки. Гул падающих лавин действует на нервы. Пока что кулуар чист, но в течение нескольких минут мы будем подвергаться большой опасности, так как придется пересекать горловину кулуара. Конечно, этот участок невелик, но любая глыба, упавшая с верхних склонов, неизбежно попадает сюда.

Первым проходит Ляшеналь. Каждый из нас по очереди идет по его следам под настороженными взорами товарищей, ожидающих на краю кулуара. Над нашими головами — громадная ледяная крыша, отливающая теперь, когда солнце скрылось, мертвенно-зеленым цветом. Сомнительная защита! Выдержит ли она, если пойдет лавина?

Все в порядке! Опасный участок пройден, и мы, запыхавшиеся, стоим на противоположной стороне кулуара. Место здесь малопригодно для отдыха, склон настолько крут, что снег на нем не держится. Останавливаться нельзя.

Передняя связка быстро вырубает крошечные ступени, едва достаточные для двух зубьев кошки. Лед гладкий, твердый, похожий на стекло, под ударами ледоруба он разлетается с сухим треском. Куски льда с головокружительной скоростью летят в бездну и исчезают, вызывая каждый раз небольшие лавины. Мы продолжаем уходить вправо, под защиту сераков. По ненадежному снежному мосту добираемся до заваленной снегом площадки, где можно, наконец, отдохнуть. Хорошая погода пока что

удерживается. По небу плывет несколько безобидных облачков. Настроение бодрое.

Под нами во всей своей грандиозности открывается плато, на котором установлен лагерь II; палатка едва видна, и отыскать ее можно лишь по следу, проложенному нами при подъеме. Дальше маршрут выглядит неважно. Метров на пятьдесят выше нас путь преграждает громадная ледяная стена. Ни слева, ни справа обхода нет. Неужели мы уже в самом начале попали в тупик?..

Полные решимости, мы с Шацем начинаем атаку. Проваливаемся по пояс. Под снегом — крутой лед, и избежать скольжения невозможно. Хватаю двумя руками свою правую ногу и, опираясь на левое колено, ставлю ее сантиметров на тридцать вперед над снегом, затем, воткнув ледоруб как можно выше, подтягиваюсь на нем, стараясь освободить оставшуюся сзади ногу. Скольжу и возвращаюсь на старое место. Сердце готово выпрыгнуть из груди, легкие вот-вот разорвутся. В конце концов приходится вырыть настоящую траншею. Целый час потрачен на эти пятьдесят метров! Теперь мы подошли вплотную к стене и, несмотря на жаркий день, дрожим от холода. Тщательно рассматриваю врага; забитая снегом косая расщелина позволит подняться под громадный ледяной карниз. Этот гордый колосс, отшлифованный многочисленными лавинами, придется преодолеть с помощью ледоруба. Прежде чем приступить к делу, сообщая второй связке, что для выхода на крышу потребуется не меньше двух часов. За это время они могут пройти вдоль стены в поисках более легкого пути.

Я на минуту снимаю очки, но не в состоянии выдержать ослепительного блеска снега. Далеко внизу виднеется зеленое пятно растительности, на котором глаза могут немного отдохнуть. Протираю платком помутневшие от снега и от пота очки, проверяю узел на поясе, количество ледовых крючьев, наличие молотка-ледоруба. Последний взгляд в сторону Шаца — убедиться, что он стоит надежно.

— Пошел! Дай слабины, пожалуйста!

— Давай, — отвечает Шац, понемногу протравливая веревку вокруг крепко забитого в снег ледоруба.

Начинаю расчищать расщелину. Снег плотный и твердый. На такой высоте эта работа отнимает массу сил. После каждого удара я с трудом перевожу дыхание. Наконец, вырубаю площадку сантиметров 30 глубиной и около метра длиной, на которой едва размещаюсь, скорчившись и упираясь головой в нависающий лед. Нужно

продвинуться по горизонтали еще на пару метров. Отвоевываю у стены сантиметр за сантиметром; расщелина сужается, стена давит все сильнее, сталкивая меня в пропасть. Заканчиваю путь ползком. Лежу на животе, судорожно вцепившись в древко ледоруба — моей единственной опоры. Теперь надо пробиться через ледяной карниз. Одной рукой, без всяких точек опоры я не могу рубить в полную силу... Осколки льда сыплются на Шаца, стойчески выдерживающего этот душ. Он зорко следит за каждым моим движением, готовый страховать в случае срыва.

Для начала разбиваю мешающий мне край карниза. Несколько углублений, выцарапанных во льду, служат зацепками для левой руки. Вися над бездной, прилипая к нависающему льду, подтягиваюсь на левой руке и медленно... очень медленно выпрямляюсь. Чувствую на себе настороженный взгляд Шаца. Освободив правую руку, хватаю ледоруб и вырубаю над карнизом более надежную зацепку для левой руки. Затем втыкаю клюв ледоруба и, держась за него правой рукой, мгновенно хватаюсь левой рукой за эту зацепку. С невероятными трудностями вырубаю как можно выше на карнизе две ступени для ног, они дадут мне возможность после преодоления карниза продержаться несколько минут на стене и выйти наверх.

Спускаюсь обратно, на свое старое место в расщелине. Дышу словно паровоз. Втыкаю ледоруб до головки, и, пока я держусь за него, Шац, извиваясь, как змея, поднимается по расщелине. Вскоре он стоит вплотную за мной... Как только я поднимусь на метр, он займет мое место, организует страховку и передаст мне свой ледоруб.

Настает моя очередь... Приподнимаюсь и встаю правой ногой на ледоруб, который при этом входит в снег; тем не менее мне удастся дотянуться левой рукой до верхней зацепки. Я полностью теряю равновесие и держусь только чудом. Вытащив из заднего кармана молоток-ледоруб, использую его клюв как дополнительную, правда весьма сомнительную, опору. Шац выполняет задуманный нами маневр: занимает мое место, страхует меня и протягивает свой ледоруб. Я хватаю его, не оборачиваясь, и изо всех сил вбиваю на полметра выше. Нельзя терять ни секунды: мои ноги болтаются в пустоте, подтягиваюсь, держась за левую зацепку и за воткнутый в лед ледоруб Шаца. Проходит вечность... каждый сантиметр дается с боя. Правое колено доползает до нижней ступени и там заклинивается, уже облегчение! Новый прилив энергии: ботинок становится на ступень, где только что находи-

лось колено. Смогу ли я достаточно высоко поднять ногу? Почти... еще немного!.. Кошка медленно подползает: один зуб, второй, еще усилие, чтобы встать на ступень... Есть!

Тщательно рассчитанным движением, стараясь не потерять равновесия, подтягиваюсь на ледорубе, прижимая древко к склону, чтобы клюв не выскочил из льда. Левая нога находит опору. Еще один шаг... Еще усилие — и обе предусмотрительно приготовленные ступени заняты.

— Ух! Готово!.. Вот собака!

У Шаца, в смертельной тревоге ожидающего внизу, камень сваливается с сердца.

— Bravo, Морис!

— Не двигайся! Метр слабину!

Я стою очень ненадежно и поэтому не теряя ни секунды вырубая в хорошем твердом льду большие ступени. В двух метрах отсюда крутизна уменьшается и появляется снег. Вырубая удобную лоханку¹ и кричу Шацу:

— Подожди еще немного! Три метра слабину! Сейчас забью крюк! — Поднявшийся ветер доносит до меня едва слышный ответ: «О'кей!»

Сердце готово вырваться из груди. Дыхание беспорядочное. По лицу крупными каплями стекает пот. Прежде чем двинуться с места, я опираюсь на ледоруб и на минуту закрываю глаза... Снова начинаю рубить ступени; теперь лед зернистый, рубить легче. Сейчас карниз уже подо мной. Еще метр, и я на удобном месте. Вырубая в ледяном склоне площадку для забивки крюка. Осколки льда летят вниз. Интересно, о чем думает сейчас Шац, распластавшийся на животе в своей расщелине?

— Еще чуть-чуть!

На поясе у меня висит нечто вроде гигантского рыболовного крючка — лезвие длиной сантиметров тридцать. Ожесточенными ударами молотка-ледоруба забиваю этот крюк. Фирн здесь нетвердый, и после нескольких ударов крюк на месте. Будет ли он держаться? Надеюсь, что мороз сделает его прочным. Теперь очередь за веревкой. Это прекрасная нейлоновая веревка, совсем новая, чистая, сухая. Вытаскиваю из кармана нож, отрезаю два метра. Этого хватит на кольцо, прикрепляемое к крюку. Пропущенная через кольцо двадцатиметровая веревка спускается по склону и свешивается с карниза. Делаю несколько рывков, чтобы убедиться в прочности. Все в порядке!

¹ Большая ступень, в которой могут поместиться обе ноги.

Честь первого испытания принадлежит создателю. Схватив веревку, я спускаюсь на руках к своей уютной лотанке.

— Алло, Шац! Можешь идти!

— Хорошо! Я крикну, когда пойду.

Марсель собирается, надевает рюкзак, засунутый им под карниз, и прикрепляет ледоруб к руке специальным шнуром, над которым так издевались все остальные. Слышен звонкий возглас «иду!». Я страхую его, держа веревку все время натянутой.

Шац хватается за веревку. Слышатся проклятья, и над карнизом появляется засаленная кепка, а за ней почерневшее, искаженное гримасой лицо. Нет, в эту минуту он явно не блещет красотой! Упор на кошку, взмах ледоруба! Шац перебирает веревку, подтягивается, и вот он уже рядом со мной. Препятствие взято!

Внезапно становится холодно, небо покрывается облаками. Надеваем штормовки. Но что делают наши друзья? Начинаем кричать...

— Мы здесь! — отвечают они таким тоном, как будто их оторвали от важного дела...

Оба с комфортом устроились на нижнем склоне. Их разведка оказалась неудачной. Как справа, так и слева стену обойти нельзя. Наш путь является единственным... Убедившись в этом, Ляшеналь и Ребюффа с философским спокойствием ожидали дальнейших событий. Через четверть часа они поднимаются к нам.

Продолжаем трудный подъем зигзагами среди ледяного хаоса. Время летит быстро. Каждый шаг, каждый метр стоит невероятных усилий, доводящих нас до изнеможения. На этот раз я серьезно обеспокоен: если нам долго придется здесь барахтаться, мы никогда не доберемся до конца. Мои товарищи настроены не менее пессимистично.

Если бы только прекратились эти каждодневные мощные снегопады! За день снег осел бы, ночью его схватило морозом, и можно было бы продвигаться сравнительно быстро. Однако регулярно каждый день после обеда начинается пурга, и в результате — ежедневная порция свежего снега, тридцать — сорок сантиметров толщиной. Таким образом, каждый день приходится заново проделывать уже выполненную работу. Мы надеемся, что по крайней мере под нашими следами снег будет немного более плотным и это облегчит последующие челноки. Неужели и эта слабая надежда не оправдается?

Через завесу снежных хлопьев различаю серую тень Шаца, идущего сейчас первым и воющего с сыпучим сне-

гом. Ветер свирепствует по-прежнему, видимость не более пятнадцати метров. Склон все такой же крутой. Палатку ставить негде. К тому же лучше было бы установить лагерь III повыше: альтиметр показывает 6600 метров. Однако позднее мы убедились, что высота здесь всего 6400 метров. Нам кажется, что мы забрались невероятно высоко!

Снег идет непрерывно, и вытаптывание ступеней — изнурительная работа. Но все же мы движемся; с огромной радостью я отмечаю, что мы набираем высоту.

Хватит! У подножия серака, похожего на полумесяц, складываем палатку, снаряжение, продукты. Чтобы отметить место склада для тех, кто придет сюда позднее, выкапываем в стене углубление, в котором заклиниваем красную флажку.

— Она будет видна издалека, — говорю я Шацу. Он соглашается со мной.

Еще раз убеждаюсь, что спускаться намного легче, чем подниматься. Первыми теперь идут Ляшеналь и Ребюффа. Они уже скрылись в тумане. Снегопад усиливается. Я иду впереди Шаца. Решаю спуститься с ледяной стенки просто... прыгнув вниз.

Увы! Я забыл о соединяющей нас веревке. Резкий рывок сдергивает Шаца, и он с криком летит мимо меня вниз по склону. К счастью, глубокий снег, который мы так проклинали, смягчает удар и тормозит падение. Шац с трудом встает на ноги и подходит ко мне. Он сильно потрясен и шатается, как пьяный, хотя совершенно невредим. Теперь ему предстоит идти первым, я страхую его на короткой веревке. Буря свирепствует, и мы с трудом находим свои следы. Ребюффа и Ляшеналь ждут нас перед кулуаром. Их беспокоит состояние Шаца, и дальше мы идем плотной группой, соблюдая максимальную осторожность. Вновь без всяких происшествий пересекаем лавинный конус большого кулуара. В последующие дни многочисленным «челночным» группам, проходившим этот опасный участок, удалось так же успешно избежать лавин.

Температура несколько повышается, но мы по-прежнему глубоко проваливаемся в снег. Обнаружить лагерь II, скрытый в облаках, невозможно. Двигаемся наугад, время от времени находя едва видимые следы подъема. Дует ветер, снег залепляет очки, бьет по лицу; все затягивают туже копытоны штормовок. Идем, согнувшись вдвое, под порывами ветра; короткое глиссирование, какие-то следы, большая трещина... Лагерь должен быть где-то здесь!

Забираем вправо и в нескольких шагах замечаем занесенную снегом палатку — виден лишь кусок торцевой стенки. Что делать? Провести здесь ночь невозможно, места для всех не хватит. К тому же, спустившись, мы сможем сделать еще один челнок... Решение принято!

Слегка закусив, продолжаем спуск. Уже поздно. По мере приближения к плато видимость уменьшается. Вокруг сплошной туман. Однако мы идем гуськом и поэтому примерно сохраняем прежнее направление. Около лагеря I нам придется пройти через зону трещин. Там всего один проход, отмеченный турами. Невозможно обнаружить первый тур!

Ребюффа считает, что нужно взять влево. Ляшеналь уверяет, что надо идти правее. Мне же кажется, что мы идем правильно. Во всяком случае разделяться нельзя.

В конце концов склоняемся к предложению Ребюффа, хотя он и не убедил нас окончательно. В самом деле, взяв влево, мы наткнемся на мощные гряды сераков, которые в принципе должны привести нас к лагерю I.

Туман сгущается все больше и больше. Мы идем между двумя трещинами, и внезапно они сходятся. Дальше нельзя сделать ни шагу. Нужно возвращаться и многочисленными зигзагами обходить всю зону трещин. Усталость сразу дает себя знать. Это последнее незначительное препятствие лишает нас последних сил. Зная, что мы должны быть недалеко от лагеря, начинаем кричать:

— Э-гей! Э-гей!

Через несколько секунд справа до нас доносится слабый ответ:

— Сюда! Сюда!

— Я же говорил! — кричит Ляшеналь. — Надо было держать вправо!

Вскоре вырисовывается какая-то тень. Это Террай. По его словам, в лагере мало снаряжения и для всех места не хватит. Что касается продуктов, то их надо тщательно беречь для верхних лагерей. Вывод напрашивается сам собой: Ляшеналь, Ребюффа и я, используя последние светлые часы, спустимся в Базовый лагерь. Шац же, еще не вполне оправившийся после падения, попытается восстановить свои силы здесь. Перед нашим уходом Террай при явном неодобрении Ляшеналья повествует о своей ночевке... В свою очередь мы рассказываем ему о том, что нами сделано, и описываем место, где оставлен склад.

— Я выйду завтра рано утром вместе с Панзи и Айлой, — говорит он. — В это время Аджиба совершит рейс между Базовым лагерем и лагерем I.

Аджиба, исключительно выносливый шерп, стал специалистом в этом деле. Дважды в день он совершает такие челноки и уже поднял сотни килограммов в лагерь I. Он выполняет неблагодарную и незаметную, но очень нужную работу. Именно такое отношение каждого из нас к своему долгу обеспечит успех экспедиции.

Оставив Шаца, Террая, Панзи и Айлу, мы в сопровождении Аджибы устремляемся вниз по склону. Тормозя по мере возможности, глиссируем по осыпям; повороты проходятся галопом; за несколько минут мы теряем сотни метров высоты и, добравшись до фирна, находим на месте Базового лагеря не одну, а несколько палаток.

Только что прибыли Ишак и Удо с шерпами и многочисленными носильщиками. Для всех есть пуховая одежда и большое количество продуктов. Принесена даже большая зеленая палатка, которая должна особенно понравиться носильщикам, так как снегопад не прекращается.

Впереди победа! Тыл и авангард соединились.

*Морис Эрцог
и Сирдар Анг-Таркэ*

Единственная фотография, на которой экспедиция представлена в полном составе. Она была снята в Тансинге 11 апреля 1950 года. Стоят слева направо: Луи Ляшеналь, Жан Кузи, Марсель Шац, врач Жак Удо, Лионель

Террай, Морис Эрцог, Франсис де Нуаель и шерпы Анг-Тзеринг (Панзи), Саркэ, Аджиба, Айла, Даватондуп. Сидят: Гастон Ребюффа, Марсель Ишак и шерпы Путаркэ, Анг-Таркэ и Ангава

*Носильщики поднимаются по
ущелью Кришна-Гандаки*

*Остановка на перевале Тиличо,
под вершинами Большого Барьера*

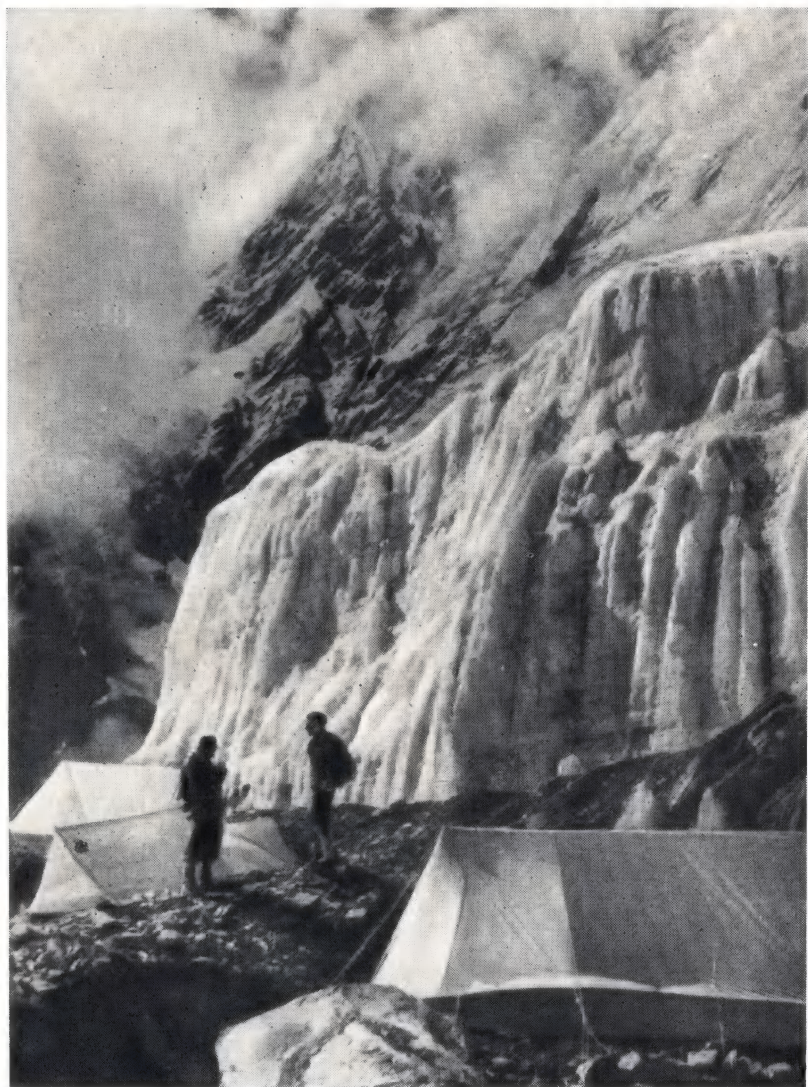

*Ледяное озеро Тиличо, над
которым возвышается Гангапурна*

*Эрцог, Ребюффа и Кузи
отправляются из Тукучи на
разведку Аннапурны*

Лагерь 1

►
Аннапурна

*Лионель Террай и шерп Айла
транверсируют большой кулуар
между лагерями III и IV*

*Морис Эрцог на вершине
Аннапурны*

Ляшеналь, поддерживаемый
Даватондупом и Путаркэ

Ослепшего Лионеля Террай
поддерживает Анг-Таркэ

10 июня в период муссонных
дождей раненые покидают
Базовый лагерь на спинах
носильщиков

По шаткому мостику переносят
раненых

*Трудно идти по вздувшейся от
дождей реке*

Сейчас вечер 24 мая — напомним, что утром 23-го Саркэ отправился отсюда с посланием в Тукучу.

Ишак рассказывает, что, поднимаясь, он встретил нашего связного, мчавшегося по кулуарам Миристи-Кхолы.

Я буквально плаваю в атмосфере уюта и полон оптимизма. Узнав, что мы в рекордное время проложили путь до высоты примерно 6600 метров ¹, Ишак и Удо приходят в восторг. В этот вечер в Базовом лагере радостное, приподнятое настроение.

Ужин роскошный: курица в желе, бутылка рома (впоследствии Террай устроил нам скандал: неужели нельзя было подождать с таким пиршеством до его прихода?). Однако сказывается чрезмерная усталость, и пока все укладываются, я блаженствую в своем спальном мешке; глаза слипаются. Ишак, мужественно борясь со сном, читает мне выдержки из своего дневника, повествующие об экскурсии в город «странных» монастырей — Муктинатх.

На следующее утро встаем поздно, после тяжелой работы у всех ломит поясницу. Солнце пригревает, и мы бесцельно бродим по лагерю. Я решаюсь умыться и даже побриться. Как приятно чувствовать себя чистым и прогуливаться в уютных кедах! В голове рождаются планы решающего штурма. Об этом же думают и все остальные. Достаточно взглянуть на товарищей с биноклями в руках, обсуждающих маршрут восхождения. Что касается меня, я уже принял решение, хотя один вопрос все еще остается невыясненным: снабжение продуктами. Впрочем, я уверен в Нуаеле, заблаговременно подготовившем мобилизацию в Тукуче, и после тщательных подсчетов успокаиваюсь. В отношении продовольствия нечего беспокоиться: все силы могут быть двинуты вперед. Поэтому я решаюсь сегодня же после обеда вместе с Ляшеналем и Ребюффа

¹ Таково было показание наших альтиметров.

выйти в лагерь I с большим грузом, твердо намереваясь не возвращаться без победы. В последний раз пишу Люсьену Деви:

«Базовый лагерь, 25 мая 1950 г.

Дорогой Деви!

130 Последнее письмо перед штурмом. Все складывается хорошо. Базовый лагерь находится в 3—4 днях пути от Тукучи, и это, конечно, довольно неудобно. Переход от разведки к штурму при таком отрыве может встретить большие трудности. Вчера я поднялся до 6600 метров. Путь сплошь ледовый. Объективная опасность сравнительно мала. Расположение лагерей следующее: Базовый лагерь — на правом берегу северного ледника Аннапурны на 4400 метров, лагерь I — также на правом берегу, на краю обширного плато, похожего на верхнее плато Даржантьер, высота 5100 метров, лагерь II — на леднике, спускающемся прямо с вершины Аннапурны, на маленьком плато, примерно на 5900 метров. В дальнейшем я думаю установить лагерь III на высоте около 6800 метров на так называемом леднике «Серп» (кроки и схематическая карта Марселя помогут Вам быстро разобраться). Возможно, придется установить лагерь V. Все зависит от рельефа.

Утром погода обычно хорошая, вечером плохая. Снега выпадает много, и это сильно мешает, так как проваливаемся ужасно. Все в прекрасной форме. Через несколько минут выхожу в лагерь I. В ближайшие дни попытаемся нанести решающий удар. Все полны надежды. Условия на высоте очень тяжелы, но, если мы выиграем битву, все плохое от радости забудется. Писать подробнее некогда, так как дел по горло. Мата детально объяснит Вам ситуацию. Я полон оптимизма.

С дружеским приветом Морис».

Пока я пишу это послание, шерпы и носильщики под руководством Кузи кончают снимать лагерь. После обеда погода портится. В 15 часов 30 минут уже идет снег. Вспоминаю о Террае, который сегодня рано утром вышел из лагеря I с двумя высотными комплектами и 10 килограммами продуктов. Он собирался дойти до лагеря III и там заночевать. Выходим около 5 часов. Сильный снегопад. Тем не менее поднимаемся довольно быстро и к ночи добираемся до лагеря I. Не мешкая устанавливаем «долинную» палатку, в которой располагаемся втроем. Ребюффа снова жалуется на солнечные ожоги и на распухшие губы.

Подъем в 6 часов 30 минут.

— Шерпы, шерпы!

Однако шерпы не спешат, и подготовка к выходу затягивается. В бинокль можно разглядеть на склоне вершины три черные точки, немного выше и левее достигнутого нами места. «Вероятно, лагерь III», — решаем мы. На плато адская жара. Ребюффа идет в связке с Даватондупом, переданного нам Марселем Ишаком, Ляшеналь и Ангава связаны со мной.

Ляшеналь ужасно страдает от жары. Он движется, как автомат, обливаясь потом. Когда к нему обращаешься, он молча поднимает полные муки глаза. Пользуясь малейшим предлогом, он валится на землю. У Ребюффа боль в желудке усиливается настолько, что нам приходится по очереди нести его рюкзак. Идем с трудом. Ляшеналь двигается рывками. Последние сто метров перед лагерем для него особенно мучительны. Губы у него сильно обожжены, и он наклеил на них кусочек липкого пластыря, кое-как защищающего их от солнца. Это единственное светлое пятно на его почерневшем лице производит странное впечатление.

В лагере II встречаем только что спустившихся Террая, Панзи и Айлу. Террай очень возбужден.

— Нельзя терять времени, — говорит он. — Вчера я поднялся до 6700 метров. Найти оставленное вами снаряжение не удалось, вероятно, его завалило. Ни одного подходящего места для палатки вблизи не было. Мы с Панзи и Айлой вырубили ледорубом площадку прямо в крутом склоне. В крошечной палатке среди грохота лавин мы втроем провели ночь.

Иллюстрируя свой рассказ, он имитирует звук лавины, проносящейся в нескольких метрах и даже в нескольких сантиметрах. Затем, смеясь, продолжает:

— Шерпы перетрусили, и я не меньше. После этой ночи мы были способны только спускаться, и вот мы здесь. Теперь я хочу дойти до лагеря I, чтобы как следует отдохнуть.

— Пожалуй, — соглашаюсь я, — это разумно, Кузи и Шац с Ишаком и Удо поднимутся в лагерь I, и там ты сможешь отдохнуть. Кроме того, это даст тебе возможность совершить дополнительный рейс с грузом... Ох, этот проклятый груз!

— Мы оставили свою заброску на 6700 метров, по-видимому, левее вашего склада. Это место находится прямо на самом склоне, метров на пятьдесят правее гряды сераков.

Застегнув рюкзак, он с возгласом «лови!» бросает каждому из шерпов кусок веревки и со звонким «до свидания!» исчезает.

Мы остаемся одни в лагере II. Мои товарищи настроены невесело, так как их физическое состояние далеко от идеала. К тому же замечание Террая насчет глубокого снега на высоте отнюдь не придает им бодрости. Они уже знают, чем это пахнет. Если я хочу рассчитывать на них впоследствии, нельзя давать им завтра слишком большую нагрузку. В моем распоряжении два шерпа, а также снаряжение и продукты. Почему бы мне не сделать еще челнок и не попытаться установить лагерь III, а может быть, даже лагерь IV, пока оба мои товарища не отдохнут? Если я пробуду наверху больше суток, к тому времени подойдут Кузи и Шац, тогда Ляшеналь и Ребюффа смогут вместе с ними сопровождать груз в верхние лагеря. Поскольку сегодня уже 26 мая, четверем сагибам необходимо подняться из лагеря II в лагерь III и, уже больше не опускаясь, медленно, но непрерывно, продолжать подъем из лагеря в лагерь вплоть до конца. К тому времени Террай снова обретет форму. Что касается меня, я смогу сделать еще один челнок, и, таким образом, лагеря будут установлены в кратчайший срок.

Вечером, в виде исключения, погода хорошая. Пока мои товарищи спят, я просматриваю снаряжение и готовлю все для завтрашнего выхода.

На рассвете бужу Даватондупа и Ангаву. Снег ночью подмерз, и, чтобы использовать это, надо выйти пораньше. Когда мы покидаем лагерь, он еще в тени. Иду по следам спуска Лионеля Террая, направляясь к лавинному конусу кулуара. Сегодня со мной кинокамера, и я надеюсь кое-что заснять. В кулуаре выпускаю Даватондупа вперед, чтобы посмотреть, как он справляется с рубкой ступеней. Однако, когда мы доходим до карниза с навешенным репшнуром, ситуация меняется — первым должен идти сагиб. Это напоминает мне вчерашний рассказ Террая. К этому самому месту он поднялся в связке с Панзи и Айлой. Панзи шел первым. Подойдя к стене, терроризированный Панзи решительно воткнул в снег свой ледоруб. Террай — сильный человек, как зовут его шерпы, — промолвил:

— Давай, Панзи, лезь!

С очаровательной улыбкой Панзи ответил:

— No, thank you, for Sahib only! ¹

— Настаивать бесполезно, — решил Террай.

У Даватондупа та же реакция, что и у Панзи, но сегодня я хочу сделать несколько снимков и требую, чтобы Ангава лез первым. Дрожа от страха, он выходит вперед, но все же

¹ Нет, спасибо, это только для сагиба!

лезет, ибо так решил Бара-сагиб. Я тщательно страхую его. Пока он пытается пролезть карниз, я лежу в неудобной позе, вытянувшись в ледяной расщелине. Навес мешает мне поднять голову, но все же я пробую сделать несколько снимков. Кажется, усилия Ангавы достигли предела; хотя страховка надежная, у меня не хватает жестокости требовать от него большего, и я лезу сам. Навешенный репшнур значительно облегчил прохождение этого участка, и через несколько секунд я оказываюсь на маленькой площадке, расположенной на 8 метров выше. Укрепляю веревку и поднимаю Даватондупа, который проходит карниз с некоторым трудом. Заниматься лазанием на льду? Такая мысль никогда не приходила им в голову. Мне кажется, что престиж сагибов в эту минуту поднимается, как на дрожжах! Отдуваясь, как тюлень, Даватондуп подходит с перекошенным от усталости лицом. Я показываю ему, как надо страховать Ангаву, пока я засниму подъем. Все проходит благополучно.

Приводим в порядок свои вещи, и движение возобновляется. Однако, пока мы возились на карнизе, прошло немало времени. Сейчас солнце прямо над головой и жарит так энергично, что мы барахтаемся в снежной каше. Работа изнурительная, следы Террая едва видны. К тому же они начинают уходить влево, а я хочу забрать снаряжение, оставленное во время первого подъема. Поэтому мы продолжаем идти прямо вверх. Вскоре узнаю характерный серак в форме полумесяца. Начинаю прощупывать ледорубом и, наконец, натыкаюсь на что-то твердое. Склад здесь. Расчистив снег, мы действительно обнаруживаем палатку, снаряжение и продукты, принесенные Ляшеналем, Ребюффа и мной три дня тому назад. Взваливаем все на себя и забираем влево, стараясь выйти на следы Террая. Они всего в полуста метрах, однако, чтобы добраться до них, мы затрачиваем около часа, так как проваливаемся по пояс и приходится рыть настоящую траншею. Наконец, выходим на следы у самого подножия блестящей ледяной стены; чтобы облегчить шерпам подъем, я вынужден вновь вырубить несколько ступенек, вбить наверху ледовый крюк и навесить длинный репшнур. Затем встаю на страховку. Мои шерпы совершают по очереди великолепные маятники, крича от страха, приземляются на пятую точку и в конце концов хохочут во все горло.

Вся зона ледовых стен, чередующихся со снежными участками, пройдена. Подняв голову, вижу над собой однородный снежный склон, на котором заметны следы

моего предшественника. Слева — очень крутой центральный кулуар; впечатление такое, как будто он готов проглотить все, что может упасть с верхних склонов. Воздух прозрачен, яркий свет смягчается теплой голубизной. На другой стороне кулуара ребра чистого льда, подобно гигантским призмам, разлагают свет и бросают в воздух разноцветные лучи.

Погода по-прежнему прекрасная, на небе ни облачка, воздух сухой. Я чувствую себя в великолепной форме, в состоянии идеального равновесия. Не в этом ли счастье?

134

Однако надо продолжать. Словно муравьи, преодолевающие гигантское препятствие, мы лезем и лезем, а результатов как будто не видно. Каждый шаг дается с трудом. Склон чрезвычайно крут, и, кроме того, начинает налипать снег, что заставляет меня очень внимательно следить за движениями шерпов. Через каждые два метра останавливаюсь, чтобы восстановить дыхание; чувствую, что идущие за мной шерпы также измучены. Время от времени кидаю взгляд наверх, оценивая остающийся путь. Внезапно замечаю вдалеке золотистое пятнышко, без сомнения, — это палатка Террая. Кажется, проходит целое столетие, прежде чем мы после отчаянных усилий добираемся, наконец, до склада Лионеля. Снаряжение и продукты завалены снегом, но они предусмотрительно спрятаны в чехол. Хорошо, что мы сюда добрались. Однако место расположения склада меня озадачивает. Нельзя же устанавливать лагерь прямо на склоне. Справа — обрыв. Слева — нагромождение сераков, за которыми спадает вниз центральный кулуар. В пятидесяти метрах над нами начинается чрезвычайно изрезанный участок. Рассматривая возвышающиеся слева сераки, я замечаю, что разделяющие их трещины заполнены свежим снегом. А почему бы и нет?.. В голову приходит мысль: что мешает расположить лагерь прямо над трещиной? Учитывая рельеф и высоту, надо думать, что трещины полностью забиты. С другой стороны, окружающие сераки являются надежной защитой от лавин. И вот «почему бы нет?» превращается в «надо посмотреть!».

В сопровождении обоих шерпов траверсирую склон по горизонтали, добираюсь до края террасы и на хорошей страховке рискую. Первые мои шаги осторожны. Втыкаю ледоруб до самой головки и убеждаюсь, что весь снег однороден. Теперь я двигаюсь уже с большей уверенностью, утаптываю маленькую площадку, хожу по ней взад и вперед, потом начинаю танцевать и, наконец, прыгаю что есть мочи. Снег держит. Если срубить кое-где лед

и хорошо выровнять поверхность трещины, место будет идеальным; здесь свободно уместятся входом друг к другу две палатки. Не теряя времени шерпы ставят палатки и готовят чай. На сегодня задача выполнена: цель достигнута, лагерь III окончательно установлен. Снизу его не видно, и мои товарищи будут ломать себе голову, пытаясь догадаться, что с нами произошло.

Пока шерпы хлопочут, устраивая бивак, я провожу небольшую разведку к центральному кулуару, расположенному сразу за нашей трещиной; именно здесь пройдет наш завтрашний путь, ибо я твердо решил установить на следующий день лагерь IV. Используя свободное время, разглядываю окружающие вершины, пресловутый гребень «Цветной капусты» со столь необычными очертаниями, люблюсь далеким Дхаулагири. Мои взоры и мысли бродят по пустынным просторам Тибета, расстилающимся в нескольких десятках километров отсюда.

Поднимается резкий, холодный ветер, однако подозрительных облаков не видно. Завтра наверняка будет хорошая погода! Полный оптимизма, залезаю в свою палатку, чудесную палатку для меня одного, с двумя надувными матрасами, с двумя спальными мешками! Шерпы ухаживают за мной. Они угощают меня чаем, я же раздаю аспирин, снотворные порошки и всю коллекцию снадобий, прописанных Удо. Еще несколько добрых сигарет, и я мирно погружаюсь в сон.

Сегодня снова вверх! Я снимаю палатку, набираю с собой как можно больше продуктов, распределяю груз, и, наскоро позавтракав, мы трогаемся в путь. Я иду первым в связке. Начинаю траверсировать влево, по направлению к центральному кулуару. Мы проходим вдоль серака, защищающего наш лагерь, а затем преодолеваем ледяной карниз, производящий на шерпов неважное впечатление. Дальше подъем невозможен, приходится пересекать кулуар. Правда, в верхней части он довольно узок, как бы сдвоен с двух сторон рядами сераков. Ширина этого участка не более 60 метров. Если переходить быстро и по одному при внимательном наблюдении остальных, то риск попасть под лавину, по-моему, не так уж велик. Оставив Даватондупа на левом краю, начинаю траверс. Исключительно крутой склон убегает из-под ног. Ботинки плохо держат на снегу, утрамбованном многочисленными лавинами, и приходится выбивать лопаткой ледоруба небольшие ступени для зубьев кошек. Вбиваю над головой клюв ледоруба и опираюсь на него, вцепившись обеими руками. Тороплюсь изо всех сил. Время от времени хотя

бы для бодрости полезно взглянуть наверх. Вниз же, напротив, смотреть не рекомендуется, так как вид этих ужасающих пропастей может поколебать твердость духа любого оптимиста. Быстро закончив траверс, я разрешаю себе несколько минут отдыха, прежде чем начнут переходить шерпы.

— Даватондуп!

— Yes, Sir,— отвечает он с необычным видом.

Он чувствует опасность! Не теряя ни секунды, несмотря на тяжелый груз, он пулей пересекает кулуар и укрывается в безопасном месте! Ангава следует за ним, но так как он моложе и менее опытен, то затрачивает на переход гораздо больше времени. Ух! Наконец-то оба, целые и невредимые, на этой стороне. Грозный кулуар пройден. Отсюда хорошо видно, какой опасности мы подвергались. Кулуар поднимается вверх на 300—400 метров и затем теряется в крутом снежном склоне, источнике частых лавин. Еще выше расположена скальная стена и, наконец, ледник «Сerp», с которого то и дело обрываются десятки тонн ледяных глыб.

Положение критическое, передо мной чрезвычайно крутой и изрезанный склон. Как мы предполагали в лагере I, путь отсюда должен был бы идти наискось влево — вверх и затем опять вправо, к началу кулуара, где подгорная трещина, отделяющая кулуар от склона, забита снегом и, по всей вероятности, легко преодолима. Однако впереди лишь хаотическое нагромождение громадных сераков. Можно обойти их слева, если немного спуститься, можно также подниматься по орографически правому краю кулуара прямо в лоб, до верхних склонов. Я склоняюсь ко второму варианту, так как в эти утренние часы лавинная опасность невелика. К тому же, быстро пройдя по самому краю кулуара, мы выигрываем важные для нас 100 метров. Теперь влево, и вот мы снова барахтаемся в глубоком снегу — увы, столь знакомая нам картина! По крайней мере здесь мы в безопасности.

Несколько минут отдыха — и снова в путь! Теперь нужно траверсировать влево, стараясь набирать высоту, однако склон чрезвычайно крут, а я не очень доверяю умению шерпов сохранять равновесие. Они не привыкли к столь сложному рельефу. Если один из них поскользнется, мы все трое будем сорваны. Поэтому я внимательно наблюдаю за ними. Первые траверсы проходят успешно. Стараюсь на каждом шагу тщательно уминать снег, делать надежные и удобные ступени. Участок чистого льда, требующий удвоенного внимания. Два-три удара ледорубом, от которых

разлетаются осколки льда. Для передних зубьев кошек этого достаточно, и я продолжаю путь. Однако у Даватондупа на этот счет особое мнение, и, следуя за мной, он с убийственной медлительностью принимается рубить ступени. Наконец, добирается до меня. Беру его веревку и начинаю страховать Ангаву. Тот идет крайне неуверенно. Поднимает левую ногу... носок ботинка царапает лед, коленка ударяется о склон, и в следующее мгновение он, потеряв равновесие, кубарем летит вниз! К счастью, я следил за каждым его движением, петля скользит вокруг древка, веревка натягивается, падение остановлено. На этот раз Ангава отделался испугом. С этой минуты он поверил в надежность страховки! Продолжаем движение по предательскому снегу, лежащему на твердом льду. Вокруг нас сказочные декорации: на небе — ни облачка, даже наши тени и те наполнены прозрачной голубизной. Слева гребень «Серпа», до которого, кажется, рукой подать, сверкает на солнце тысячами огней: настоящая алмазная вершина.

137

Оба шерпа устали, и Даватондуп, вероятно, уже не рад поставленному им рекорду: столь значительный набор высоты за столь короткое время¹. Преодолевая с трудом очень сложный серак, я в свою очередь переживаю жуткую минуту; вырубив три хороших ступени и зацепку для левой руки, внезапно слышу глухой звук: лед трещит так, как будто рушится весь серак. Затаив дыхание, замираю, но ничего не происходит: очевидно, где-то в глубине осел лед. Можно продолжать. После получасовой рубки выхожу на верхние склоны и ясно вижу большую подгорную трещину, огибающую по горизонтали все плато; могу любоваться гигантской стеной «Серпа».

— Твоя очередь, Даватондуп!

Я указываю ему дальнейший путь, он значительно проще: крутоватый снежный склон, потом метров сто льда средней крутизны, в котором все же придется рубить ступени, затем снова снежный склон и, наконец, подгорная трещина.

На этот раз я отдыхаю, пусть ведет Даватондуп, а я побуду замыкающим. Однако шерпы еще не вполне освоили ледорубную технику: Даватондуп рубит слишком частые и к тому же излишне большие ступени. И все же мы поднимаемся. Вскоре перед нами зияющая, глубокая трещина. Она столь длинна, что глубина как-то не ощущается.

¹ Начиная с Чойя, расположенной примерно на высоте 2500 метров, он без единого дня перерыва поднялся до 7000 метров.

На протяжении примерно километра нет ни единого перехода, за исключением моста, образованного лавинным конусом. Место явно ненадежное, и переход здесь «вынужденный».

Я вновь становлюсь ведущим, преодолеваю ребро, подводящее к конусу, и начинаю подниматься в лоб. Даватондуп снизу страхует меня — предосторожность отнюдь не лишняя, ибо, едва сделав пару шагов, я в следующую секунду настолько же соскальзываю вниз. Снег очень рыхлый, и меня очень беспокоит, не провалится ли подо мной снежный мост? Добравшись до вершины конуса, изо всех сил вытягиваю вверх руку с ледорубом. Слышится звон: это лед! Ударяю что есть мочи, клюв застревает: я спасен! С большим трудом подтягиваюсь; снег не держит и течет под ногами, как-то ухитряюсь зацепиться зубьями кошек на склоне, быстро вырубаю несколько ступенек и добираюсь до верхнего плато. Очередь за шерпами: я держу их надежно. Тут уж не до принципов: ничто не мешает им подтягиваться на веревке. Они так охотно пользуются этой возможностью, что чуть не отрываю мне руки. Наша маленькая группа оказалась теперь на верхнем плато. Меня захлестывает волна энтузиазма: мне кажется, что все технические трудности позади. Что ждет нас наверху? Хороший снежный или ледовый склон... Но уж наверняка ни стен, ни кулуаров больше не встретится.

— Вперед! Поднажмем!

Взвалив на себя рюкзаки, мы направляемся налево, к «Серпу». Отсюда он хорошо виден. Ледник обрывается к нам отвесной стеной красноватых скал высотой около 200 метров. Вид весьма внушительный. К счастью, ручка «Серпа» более доступна; наш путь лежит именно через нее. Снова барахтаемся по пояс в снегу, через каждый шаг останавливаемся, чтобы отдышаться, и все же двигаемся вперед. После часа изнурительной работы добираемся до подножия стены. Мне кажется, что с утра мы прошли много. Целесообразно ли еще увеличивать расстояние между лагерями III и IV? Едва ли! Ведь надо, чтобы любой из нас мог свободно пройти этот участок за день. Поэтому я решаю разбить лагерь тут же. Подходящего места не видно. Весь склон прочесывается лавинами. Наконец, у подножия небольшого серака находим безопасную площадку. Серак великолепно заслоняет нас от ветра, а палатки будут защищены от лавин. С удвоенной энергией мы принимаемся вырубать подходящую площадку. Вскоре лагерь разбит, палатки поставлены, продукты сложены, можно как следует отдохнуть.

У шерпов адская головная боль. Смотрю на альтиметр: 7500 метров. «Вранье», — решаю я: известно, что показания обычно бывают завышенными. Учитывая положение окружающих вершин и нижележащих лагерей, я считаю, что мы находимся примерно на высоте 7150 метров¹. Даю Даватондупу и Ангаве аспирин и предлагаю поест. Они отказываются, и я вынужден в одиночку расправиться с банкой тунца, от одного вида которого их тошнит. Окружающая обстановка вызывает во мне чувство радостного возбуждения и непоколебимой веры в победу. Сейчас мы находимся почти на высоте Большого Барьера. Ниже виден гребень «Цветной капусты», так долго издевавшийся над нами, и, наконец, далеко внизу, на самом дне, простирается плато, где расположен лагерь II и где люди не видны даже в виде черных точек.

— Пошли!

Шерпы не заставляют себя упрашивать, они готовы в ту же минуту. Мы тщательно закрываем палатку, надеясь, несмотря на лавины, найти ее в целости и сохранности, и устремляемся вниз. Спуск проходит без всяких инцидентов и с несравненно большей скоростью, чем подъем. Спускаемся по стенам лицом к склону. Шерпы, страхуемые мной, прекрасно проходят все трудные участки. Примерно через полтора часа добираемся до лагеря III.

— Здесь люди!

Я счастлив сообщить своим товарищам, что Аннапурна теперь у нас в кармане! Быстрый спуск несколько ободрил меня, и я полон энтузиазма. Что касается моих товарищей, они плашмя лежат в палатках и с трудом встают при нашем появлении. Что здесь происходит?

Кузи и Шац, прибывшие накануне из лагеря I, прихватили по дороге Ляшеналья и Ребюффа. Проведя ночь в лагере II, утром все четверо вышли сюда. Как обычно, снег был очень тяжелым. Из-за недостаточной акклиматизации у Кузи сейчас сильно болит голова, у Шаца — мрачное настроение, Ребюффа дальше идти не может, Ляшеналь лишился аппетита. Напрасно я стараюсь встряхнуть их, напрасно втолковываю им, что теперь «дело пойдет», — ничто не помогает. Они явно не вошли в форму, но я надеюсь, что, отдохнув, утром они почувствуют себя лучше. Что касается меня, задерживаться здесь ни к чему. Места нет, и к тому же надо сделать еще рейс. Думаю, что после

¹ В действительности, как было установлено позднее, мы находились на высоте 6850 метров.

заброски группы Террая у нас будет достаточно снаряжения и питания. Впереди победа.

Но время не ждет... С ужасом считаю бегущие дни: сегодня уже 28 мая, а, по последним сведениям, муссон доберется к нам примерно около 5 июня. Таким образом, в нашем распоряжении всего неделя.

На этот раз шерпы идут значительно быстрее, уроки последних дней принесли им большую пользу, техника улучшилась: спускаясь с карниза, они без колебания хватаются за веревку, быстро соскальзывают и, приземлившись, бодро машут рукой, показывая, что путь свободен. Благодаря этому мы тратим гораздо меньше времени, и я с большим удовлетворением вижу, как быстро приближается к нам лагерь II.

Однако последнее время Даватондуп жалуется на странную боль, но где именно — определить трудно. Он проводит рукой от грудной клетки до бедер. Он стонет непрерывно, и Ангава вынужден поддерживать его. Когда мы подходим к лагерю, начинается снегопад. Террай встречает нас радостным кличем...

Лагерь II

Через минуту Террай подает мне горячий чай. Не давая вымолвить ни слова, он заставляет меня есть, применяя примерно тот же метод, что и при откармливании гусей. 141

В другой палатке шерпы хлопочут над Даватондупом, все больше входящим в роль тяжелобольного.

После столь сытного обеда меня нисколько не беспокоит усталость, вполне естественная после такой затраты сил. Наконец, Террай разрешает мне говорить. Я объясняю ему расположение лагерей.

— Теперь, — говорю я, — большая часть снаряжения приготовлена для штурма. Остается сделать еще один челнок, чтобы установить лагерь V, откуда начнется решающий штурм, — мы на правильном пути. На этот раз можно надеяться на успех!

Террай, по-видимому, полностью восстановил свои силы в лагере I, откуда он недавно поднялся. Однако лицо его по-прежнему озабочено.

— Конечно, все будет в порядке, если продержится хорошая погода. Внизу по радио приняты очень тревожные метеосводки. Муссон уже дошел до Калькутты, через несколько дней он будет здесь...

— Во всяком случае я в великолепной форме. Я настолько хорошо чувствовал себя на высоте 7000 метров, что абсолютно уверен, что все пройдет гладко и на высоте 8000 метров, даже без всякого кислорода.

Террай охлаждает мой энтузиазм:

— Если нам придется затрачивать столько же труда, сколько до сих пор, то это гигантская работа, и в конце концов мы просто не выдержим.

Он интересуется, какое впечатление произвели на меня наши товарищи в лагере III. Я вынужден признать, что они выглядят неважно.

Действительно, мне казалось, что четверо друзей, остав-

ленных мной в лагере III, сильно сдали как в физическом, так и в моральном отношении.

— Зато, старина, о нас с тобой я нисколько не беспокоюсь. К тому же путь проложен до самого ледника. С теми четырьмя шерпами, которые у нас есть, мы сможем идти до самого верха.

— Придется здорово поднажать, — возражает Террай с таким видом, как будто он уже «поднажал».

— Послушай, я теперь совершенно уверен: если только не произойдет какой-нибудь непредвиденной катастрофы, мы добьемся успеха. Даже если эти четверо в лагере III останутся в плохой форме (а это маловероятно, особенно для тех, у кого хорошая акклиматизация), мы все же должны победить. Я предлагаю весь завтрашний день провести здесь: это даст нам необходимый отдых. Мы спокойно сможем подготовиться к выходу и послезавтра с рассвета начнем ускоренный подъем из лагеря в лагерь. Когда они завтра сюда спустятся, отберем двух наиболее сильных, и эта связка выйдет через день после нас в качестве вспомогательной группы. Что же касается второй связки, то она отдохнет еще один день и сможет следовать за первой, отставая на один переход. Обе резервные связки понесут дополнительное снаряжение и помогут штурмовой двойке на спуске.

— Время не терпит, — упрямо твердит Террай. — Твой план великолепен, старина, но я не хочу терять времени даром. Что я тут буду делать завтра целый день? Я уже отдохнул! Лучше я пойду вверх. Мы на этом выиграем один челнок, и это может иметь решающее значение...

— Я не возражаю, но если ты выйдешь завтра, мы уже не будем вместе, а в данный момент только мы с тобой находимся в хорошей форме: выше 7000 метров человек не может идти в одиночку. Я уверен, что вместе мы дойдем до вершины.

— Давай смотреть с практической точки зрения, Морис; день мы все-таки потеряем. Наплевать, если я не буду в первой штурмовой связке, буду во второй, вот и все! Но если хоть одной двойке суждено добраться до вершины, то, может быть, это случится именно благодаря тому, что я заброшу наверх груз.

Я несколько озадачен. Меня не удивляет благородство друга: я оценил его уже давно, но в эту минуту подобное самозабвение представляется мне бессмысленным. Террай считает, что он выполняет свой долг. Что же касается меня, то не из эгоистических ли побуждений мне хочется

иметь его партнером по связке? Эта мысль смущает меня и заставляет колебаться.

— Ну что ж, если так, согласен, — говорю я с сожалением. — На первый взгляд кажется, что ты прав, но я уверен, что такого случая больше уже не представится.

Террай задумывается. Меня осеняет:

— Если ты обязательно хочешь идти завтра, Лионель, почему бы тебе не подняться только до лагеря III с одним высотным комплектом, который затем понесут другие. В тот же день ты смог бы вернуться сюда. Мы останемся здесь еще на день, чтобы ты отдохнул, и после этого сможем выйти. Будем подниматься вдвоем, шерпы пойдут с небольшим грузом и, прокладывая путь, смогут часто чередоваться. Снимем лагерь, установим, если потребует-
ся, лагерь V и дальше будем жать до самой вершины!

143

Мне нравится это решение, и я заранее уверен в согласии Террая, главная забота которого — обеспечение непрерывности челноков.

— Если тебе так хочется, ладно, — говорит он, к моему глубокому удовлетворению.

Вечер проходит весело. Я отчетливо осознаю необычайный комфорт лагеря II: большие палатки, электрическое освещение, уютные кеды, вдоволь воды.

После того как лавина однажды снесла палатки, Террай полностью переоборудовал лагерь. Теперь он хорошо защищен, укрыт за громадной трещиной, такой широкой, что она неминуемо должна поглотить самые мощные лавины.

В наших спальных мешках уютно и тепло. Снаружи свистит пурга.

— Как... ты куришь?

Знаменательный день! Лионель Террай курит только в исключительных случаях.

Мы без конца возвращаемся к основной теме.

— Как ты думаешь, остальные смогут подняться с хода?

И после небольшой паузы:

— Ах, если бы муссон дал нам время!

При слабом свете фонаря я едва вижу кольца дыма, поднимающиеся от наших сигарет. Лицо Террая тонет в темноте.

Скоро ли Нуаель придет из Тукучи с основным грузом снаряжения и продуктов?

Однако усталость дает о себе знать. Террай экономный, как всегда, гасит свет. Через несколько минут мы погружаемся в небытие...

Ночью чувствую какие-то толчки. Слышится продолжительное ворчание; чья-то рука задевает меня по лицу. Зажигается свет.

— В чем дело?

— Ничего, просто мне пора!

— Как, уже?

Террай поспешно натягивает ботинки, выходит из палатки и будит шерпов. В продолжение всей экспедиции он неизменно верен своей тактике ранних выходов. Конечно, он прав, так как снег на рассвете намного лучше. Но какое нужно мужество! Оно есть лишь у него. Закрыв глаза, я с глубоким удовлетворением думаю о том, что, пока остальные трудятся в поте лица, я могу нежиться в тепле, а шерпы будут всячески за мной ухаживать! С первым проблеском зари слышу звонкое:

— До свидания, Морис!

— Да завтра, желаю успеха!

Террай аккуратно застегивает палатку. Незаменяемый Террай! Я не знаю во Франции никого, кто бы больше приближался к типу идеального товарища для экспедиции.

Проходят часы, солнце освещает и согревает палатку. В лагере абсолютная тишина. Оба моих шерпа тоже отдыхают... Однако уже поздно. Лежа в спальном мешке, начинаю кричать:

— Ангава! Кханна! Кханна!

Слышны приглушенные голоса, затем:

— Yes, Sir! — Начинается какая-то возня.

Медленно выползаю из спального мешка. Ботинки замерзли, и, чтобы их надеть, приходится долго по ним колотить. Надеваю пуховую куртку, кепи, очки: можно высунуть нос наружу. Погода великолепная, но все дно ущелья закрыто морем облаков. Над головой — ясное небо. Ночью выпало много снега, и я думаю о Террае, пробиравшем сейчас себе путь. С помощью бинокля можно различить его следы, и вскоре я обнаруживаю связку как раз под первой стеной. Он воюет со своими шерпами и, вероятно, кричит до хрипоты. Рассматривая окрестности лагеря III, внезапно вижу две черные точки, спускающиеся оттуда.

Ведь все четверо должны подниматься в лагерь IV; очевидно, плохое физическое состояние моих товарищей сильно подорвало их моральный дух.

В ущелье Миристи-Кхола появляются тяжелые облака, их необычный сероватый цвет внушает тревогу. Меня одолевают мрачные предчувствия. Не предвещает ли это начало муссона?

Даватондуп чувствует себя все хуже и хуже. С первой же группой я отошлю его в лагерь I. Сейчас он стонет, лежа в своем спальном мешке, и держится двумя руками за живот.

Снова идет снег, залегаю в палатку и, лежа на надувном матросе, начинаю дремать. Вскоре раздаются крики. Это наверхника Ляшеналь, я кричу в ответ. Сейчас, после многочисленных рейсов, следы на плато так перепутались, что звуковой сигнал будет очень кстати. Через несколько минут появляются Ляшеналь и Кузи.

— Нет смысла продолжать, — говорит Ляшеналь, — меня всего вывернуло наизнанку!

— А у меня адски болела голова, — прибавляет Кузи, — даже приняв аспирин и снотворное, я не сомкнул глаз.

— Если бы ты его слышал! — подтверждает Ляшеналь. — Он жаловался всю ночь, ему казалось, что череп раскалывается на части

— Влияние высоты, — говорю я. — Вы правильно сделали, что спустились. А как другие? Пойдут ли они вверх с Лионелем?

— Знаешь, — объясняет Ляшеналь, — мы все неважно чувствовали себя наверху, особенно после того, как всю ночь шел снег. Я не могу тебе точно сказать. Думаю, что они дожидаются Лионеля, чтобы решить вместе с ним.

Входим в палатку. Ляшеналь явно наслаждается комфортом. У Кузи на спуске головная боль исчезла — знакомое явление: как только теряешь несколько сот метров высоты, все признаки горной болезни бесследно пропадают. Пока товарищи переодеваются и высушиваются, я иду к Ангаве выяснить насчет завтрака. Тут уж скучиться не приходится. Все резервы должны быть пущены в ход, чтобы поставить на ноги наших товарищей! При такой тяжелой работе они почти ничего не ели с позавчерашнего дня.

К моему большому удовольствию, сытный завтрак имеет у товарищей огромный успех. Вскоре мы растягиваемся на матрасах, и беседа идет уже в более оптимистичных тонах.

Внезапно палатка открывается, показывается взволнованное лицо Ангавы.

— Бара-сагиб, идут другие сагибы!

Затем, после паузы:

— Бара-сагиб, слушай!

Действительно, до нас доносятся какие-то крики.

Так как снег валит непрерывно, я быстро надеваю гетры, штормовку и выхожу. В десяти метрах ничего не видно.

Время от времени отчетливо слышу какие-то крики. Это, несомненно, сагиб, так как шерпы понимают друг друга на очень большом расстоянии. Голос доносится не со стороны лагеря III, а откуда-то гораздо ближе к гребню «Цветной капусты». Две возможности: или кто-то из лагеря III уклонился при спуске влево и попал в зону трещин, или это кто-нибудь из лагеря I, поднявшийся слишком высоко. Во всяком случае очевидно, что опасность ему не угрожает, так как в горах можно всегда отличить сигнал бедствия. В свою очередь начинаю кричать. Несмотря на расстояние, неизвестный меня услышал, он как будто понял и уходит влево. Крики приближаются, я могу уже давать объяснения:

— Влево, все время влево, вдоль большой трещины...

Я повторяю это, пока не доносится ответ: «Понятно!»

Через четверть часа к нам приближается белое шатающееся привидение, в котором я с трудом узнаю Шаца.

— Где Ребюффа?

— Я спустился один!

— Как! Ты что, спятил? В плохую погоду и в такой обстановке! Это уж черт знает что!

Я чувствую, что мое лицо краснеет от гнева.

— Но послушай, старина, — оправдывается Шац, — я не мог поступить иначе, я чуть не сдох в лагере III и не только бы не смог помочь завтра Лионелю, но просто был бы там лишним ртом. Поэтому я и решил спуститься!

Я разозлен не на шутку. Кажется, впервые с момента отъезда экспедиции я выхожу из себя.

— Черт возьми! Находясь в весьма неважной форме, ты лезешь на рожон, причем абсолютно без всякой пользы! Представь себе, что ты просто бы упал, как в тот раз; представь себе, что Ангава не услышал бы твоих криков... Ты бы там и остался!

Ну ладно, что было, то прошло. Сейчас нужно, чтобы наш товарищ пришел в себя после пережитых тревожных дней. Горячий чай и сытная пища вызывают краску на его лице. В свою очередь он проникается царящим в лагере оптимизмом и видит будущее уже в более розовых тонах.

— Лионель добрался до лагеря III? — спрашиваю я.

— Он сильно задержался из-за глубокого снега. Спускаясь в тумане, мы с Гастоном наткнулись на него. Он был в таком приподнятом настроении, что мы вернулись с ним обратно.

— Как это получилось, что Гастон не пошел с тобой?

— Сейчас я тебе объясню: мы устроили небольшой военный совет. Лионель сказал, что лагерь IV должны установить те, кто ночевал в лагере III, т. е. Кузи, Ляшеналь, Гастон и я. Хотя двое спустились, задание все равно необходимо выполнить.

— Значит, вы решили подниматься вместе с ним?

— Совершенно верно.

Как всегда, для Террая дело прежде всего. Он считал, что именно так он выполнит свой долг!.. Но Шац продолжает:

— Я страшно устал и сказал Лионелю, что будет глупо, если я завтра загнусь на склоне. Лучше всего мне спуститься для отдыха. Позже мы с Кузи снова составим связь.

— Значит, завтра Лионель и Гастон идут вверх?

— Да, если будет приличная погода.

Смогут ли они продолжать. Кто знает? Может быть, именно им улыбнется счастье?

Снаружи доносится какой-то шум, шерпы оживленно переговариваются. Еще что-то новое? Высовываю голову из палатки и вижу Аджибу, поднявшегося из лагеря I, в сопровождении нескольких шерпов. Сзади него стоит молодой носильщик по имени Панди. Несмотря на технические трудности, он прекрасно дошел до лагеря II. Теперь он уже почти шерп. Чтобы отметить это повышение в звании, мы дарим ему великолепный нейлоновый жилет, который он тут же с гордостью надевает. Аджиба протягивает мне два листочка, читаю вслух:

«Лагерь I, 29 мая 1950 г.

Марсель Ишак Морису Эрцогу

Анг-Таркэ прибыл в 12 часов 10 минут. В Базовом лагере находится груз для 22 носильщиков.

Для челноков между Базовым лагерем и лагерем I можно использовать молодого парня, которого привел сюда Анг-Таркэ. Сам Анг-Таркэ спускается сейчас в Базовый лагерь, чтобы встретить Нуаеля и его 15 носильщиков. Он постарается отобрать некоторых из них для челноков.

Отшлите Аджибу как можно скорее со списком необходимых вещей (высотные палатки?).

Нужно ли, чтобы мы сопровождали шерпов между лагерями II и III и когда именно?

Марсель Ишак».

Какая хорошая новость!

Итак, Нуаель подходит! Теперь мы получим все запасы продовольствия, и уверены, что недостатка ни в чем не будет. В лагере царит радостное оживление!

Вторая записка — от Нуаеля. В ней он пишет, что получил мой приказ, и сообщает о своем скором прибытии. Это послание отправлено из Тукучи 25 числа, на другой день после прибытия Саркэ. Вот молодец! За 36 часов он прошел путь, обычно требующий 4—5 дней, он хорошо поработал для экспедиции, и ее начальник сумеет отблагодарить его при удобном случае.

Чтобы отпраздновать эти счастливые события, мы открываем бутылку рома... Но нельзя терять время. Аджиба должен немедленно спускаться, чтобы продолжать свои челночные рейсы. Поэтому я тут же пишу сагибам нижних лагерей следующую записку:

«Лагерь II, 29 мая 1950 г.

Эрцог Нуаелю, Марселю и всем сагибам.

Благодарю Нуаеля за быструю переброску тыла. Это вселяет в нас большие надежды. Вчера установил лагерь IV в верхней части ручки «Серпа». В настоящее время в лагере III (6600 метров) находятся: Террай, Ребюффа и два шерпа.

Б л и ж а й ш а я ц е л ь: установить лагерь V перед завершающим штурмом, который будет производиться последовательными связками.

М а р с е л ю — о ч е н ь с р о ч н о: пусть Саркэ, Аджиба, Путаркэ и Панди поднимутся сюда завтра как можно раньше с двумя большими палатками, двумя спальными комплектами (мешки и матрасы) плюс 1 большой примус (кольман) и 2 литра бензина плюс кассеты к киноаппарату (отсылаю заснятые) плюс аптека (снотворные пилюли, 10 тюбиков аспирина, 8 банок мази против обморожения, пять тюбиков глетчерной мази) плюс четыре пары гетр плюс дополнительный высотный комплект.

Остальное добавить продуктами (не забыть колбасу, бутылку коньяку).

Взять из рюкзака Ляшенала чулки, три пары носков, кеды, рубашку, кальсоны.

Связь по УКВ сегодня в 20 часов.

Кузи и Шац завтра спустятся и дадут дополнительные указания.

В а ж н о: все это нужно отправить очень рано, так как мы с Ляшеналем ждем здесь, чтобы выйти в лагерь III с Саркэ и Путаркэ.

Если погода будет хорошей, надеемся на успех!

Морис Эрцог».

Аджиба и Панди принесли высотный комплект, продукты и одну УКВ рацию. Сегодня вечером в 20 часов,

как условлено, попробуем наладить связь. Наконец-то! Сообщение с тылом будет теперь значительно облегчено.

Я очень доволен работой Нуаеля: он показал нам, на что способен. Если бы не он, победа до наступления муссона была бы невозможна. Иду взглянуть на Даватондупа, которого я хочу возможно скорее отправить вниз. Он выглядит совсем умирающим, и, конечно, спускать его сейчас в такую бурю невозможно. Отложим это на завтра. Аджиба не теряет даром времени и удаляется налегке своей широкой, неуклюжей походкой. За ним семенит Панди. Через несколько минут они исчезают в тумане.

Устанавливаю рацию. Время от времени нажимаю на педаль:

— Алло, говорит Эрцог. Мата, как меня слышишь?

В ответ раздается только треск. Вскоре я ловлю индийскую музыку, исполняемую в бешеном темпе. Еще немного, и я пушусь в пляс здесь, в самом сердце Гималаев, на высоте 6000 метров!

— Алло, говорит Эрцог. Мата, как меня слышишь?

Снова молчание.

В 20 часов 15 минут, как условлено, связь прекращается. Радио действительно является слабым местом в экспедициях. Это, пожалуй, наше единственное упущение, но оно сможет иметь большие последствия. Немного огорченный неудачей, я возвращаюсь в палатку, где застаю своих товарищей почти уснувшими.

На следующее утро погода хорошая: воздух исключительно прозрачен, солнце уже освещает палатку. Хорошо отдохнув за ночь, я без промедления вылезая наружу. Маленькие снежные кристаллы блестят на солнце, как алмазы: ночью, вероятно, был мороз. План ясен: нужно дожидаться челнока из лагеря I (надеюсь, что он не запоздает) и тут же выйти с грузом в лагерь III. Кузи и Шац все еще чувствуют себя неважно. Кузи думает отдохнуть здесь, тогда как Шац склоняется к тому, чтобы спуститься еще ниже — в лагерь I. Он будет сопровождать Даватондупа, состояние которого за последние три дня не меняется. В Ляшенале я замечаю перемену, его движения стали гораздо живее. Это бросается в глаза, когда он вылезает из спального мешка, проверяет, чем заняты шерпы, смотрит, где находится Террай...

Его самочувствие явно улучшилось, может быть, теперь он вновь в хорошей форме? В таком случае мы могли бы выйти первой же связкой.

— Но что там делает Аджиба? — спрашиваю я с нетерпением. Я ясно приказал ему выйти из лагеря

И возможно раньше. Нам самим ведь надо сегодня уйти!

По очереди смотрим в бинокль:

— Смотри, Бискант! Хорошо видно, как поднимаются Ребюффа и Террай со своими шерпами.

— Они движутся очень медленно,— отвечает он.

— Снег очень глубокий. Им трудно идти.

Голубоватая дымка, предвещающая хорошую погоду, поднимается из глубины ущелья Миристи-Кхола и растворяется в лучах солнца. Делаем несколько фотоснимков окружающих вершин и лагеря.

— Уже полдень, а Аджибы все нет!

150 За обедом возникает длинная дискуссия о проводниках Шамони. Ляшеналь излагает мнение о своей профессии. Проходят часы. Шац собирается спускаться с Даватондупом, и для меня становится ясно, что сегодня в лагерь III мы уже не выйдем.

— Салям, Бара-сагиб!

— Салям!

Уже 18 часов; к моей радости, появляются наконец Анг-Таркэ, Путаркэ и Саркэ. У них тяжелый груз: снаряжение, продукты и, в частности, вторая большая палатка для лагеря II. В сумерках в последний раз смотрим в бинокль, на лагерь IV. Никакого движения не видно. Вероятно, наши друзья устроились на ночь. Это хороший признак. Завтра они будут продолжать подъем для установки лагеря V.

У Анг-Таркэ довольное выражение лица. Он как будто тоже рад увидиться с нами. Экскурсия в Муктинатх была для него большой наградой, и оживление не покидает его до сих пор. Присутствие Анг-Таркэ снимает с меня многие заботы; обладая большим гималайским опытом, он знает, что надо делать и чего делать не следует, и не боится брать на себя инициативу; его влияние на других шерпов значительно облегчает мою задачу. Сейчас он распаковывает груз — протягивает мне записку от Нуаеля, Ишака и Удо.

«30 мая 1950 года.

1. Отправить шерпов с утра было невозможно, так как твое послание прибыло вчера слишком поздно, шерпы и снаряжение находились в Базовом лагере.

2. Посылаем тебе Анг-Таркэ, Саркэ, Путаркэ. Они приносят все, о чем ты просил; что касается спальных мешков и матрасов, устраивайтесь с шерпами как хотите.

3. Завтра выпшем еще одну группу в лагерь II, возможно в сопровождении кого-нибудь из нас.

4. Если что-нибудь нужно, оставьте записку в лагере II.

5. Сообщите, нужно ли, чтобы кто-нибудь из нас сопровождал шерпов в лагерь III?

6. Радиосвязь: ничего не слышали. Повторите сегодня в 17 часов, 19 часов, 20 часов. У нас сейчас мощный приемник.

7. Здесь временная предмуссонная непогода. Настоящий муссон движется на Калькутту, кажется, с некоторым опережением.

8. Ж. Б. вернулся в Базовый лагерь. Ждем от тебя известий. Отсюда завтра уйдет курьер. Ж. Б. отправляется в Тукучу.

9. Что ты думаешь насчет обратного пути? Положение с носильщиками будет очень тяжелым: с того момента, как мы их затребуем, пройдет 8 дней, прежде чем они доберутся сюда. Причем одновременно будет не больше 20 носильщиков.

Ни пуха, ни пера!

Нуаель, Ишак, Удо.

Р. С. Ишака. Для цветной киноплёнки: при полном освещении можешь ставить диафрагму до 11».

На первую связь я уже опоздал, попробую в 19 часов, на этот раз, надеюсь, с большим успехом! Сообщение о муссоне меня очень тревожит. Мы сейчас у самой цели, и было бы ужасно отступить из-за внезапной непогоды. Если муссон уже достиг Калькутты, он через несколько дней будет здесь... Пытаюсь вызвать лагерь I по радио, но тщетно. Чтобы товарищи внизу получили самые свежие новости, я отвечаю на их записку в самый последний момент, т. е. завтра утром.

Закат восхитителен, стены Нилгири и Аннапурны отливают золотом, постепенно этот цвет переходит в оранжевый и, наконец, в пурпурный; небо идеально чистое, очень холодно: все это обнадеживающие признаки. Может быть, эти последние дни хорошей погоды являются единственным нашим шансом? Нилгири окутана тенью, верхние скалы Аннапурны — темно-розовые, затем весь массив погружается во тьму, и только вершина еще светится несколько секунд. Ночь проходит без всяких происшествий, лавин мало, так как снегопада вчера не было. В 6 часов выскакиваем из спальных мешков, погода великолепная. Ляшеналь производит на меня хорошее впечатление. Кажется, плохие дни для него кончились, и сейчас он возвращается наверх в блестящей форме.

— Ну как, принесли тебе твои носки и рубашку? — спрашиваю я, когда он укладывает рюкзак.

Этот небольшой дополнительный комфорт привел его в хорошее настроение. Оба мы уверены, что на этот раз добьемся успеха!

Пока шерпы собирают груз, я быстро пишу для лагеря I следующую записку:

«31 мая 1950 года.

Всем сагибам:

Сейчас выхожу с Бискантом в лагерь III. Если позволит погода, собираемся идти до самой вершины. Шац и Кузи образуют третий эшелон. Прошу Марселя послать Люсьену Деви следующую телеграмму:

«Начинаем штурм Аннапурны тчк Трудный ледовый маршрут не позволяет быстрый набор высоты тчк Объективные опасности лавины ледовые обвалы маловероятны тчк Лагеря I/5100, II/5900 III/6600 IV/7150 установлены тчк Надеемся на победу тчк Физическое и моральное состояние всех превосходное

Морис Эрцог».

П р о д у к т ы: немного получили. В лагере II Кузи даст инструкции относительно дальнейшей переброски в лагерь III.

Р а д и о: слышали очень плохо. Пусть Шац проверит, в чем дело?

М у с с о н: сообщать мне постоянно.

О б р а т н ы й п у т ь: вышлем в Тукучу передовую группу, которая займется вербовкой носильщиков.

К и н о: сделаю все возможное, чтобы донести камеры до вершины.

М. Эрцог».

Мы настроены оптимистично, и это отражается в наших сборах. Я замечаю, что каждый из нас с особой тщательностью составляет индивидуальную аптечку, отбирает пленки для фото- и киноаппаратов. Тайком прячу в рюкзак маленький французский флаг, специально изготовленный Шацем, а также выпеллы, которые мне так хочется донести доверху. Мы готовы!

Покидаем лагерь. Обогнув большую трещину, направляемся к лавинному конусу. Снег держит хорошо. Погода прекрасная — не слишком жарко, не слишком холодно. Настроение все время повышается.

— Морис, что там происходит?

— Они спускаются!

Увы! Это правда.

К своему величайшему разочарованию, мы видим четыре черные точки, спускающиеся по следу нам навстречу.

Почему они вернулись? Непонятно.

Через несколько минут мы встретимся, и все станет ясно. Ляшеналь идет довольно быстро и, видимо, чувствует себя значительно лучше, чем в предыдущие дни.

Он первым поднимается по конусу, пересекает кулуар. Маршрут мне хорошо знаком: я прохожу его уже в третий раз. Но и теперь еще я считаю его трудным и опасным. Дойдя до площадки у подножия большой стены, где навешены веревки, мы сталкиваемся с Ребюффа и Терраем:

— Привет всем!

— Что произошло?— спрашиваю я Террая.

— Продолжать подъем было бы безумием,— отвечает он. У него смущенный и обескураженный вид:

— С этим ветром и проклятым снегом мы затратили более 7 часов, чтобы добраться от лагеря III до лагеря IV.

— Палатку нашли?

— Нашли, но ее пришлось ставить заново, так как стойки были согнуты лавинами. Установили и вторую. Ветер бушевал всюду. У Гастона начали мерзнуть ноги.

— Я уж думал, что «готов»,— подтверждает Гастон.— К счастью, Лионелю удалось оттереть меня куском веревки. В конце концов кровообращение восстановилось.

— Сегодня утром,— продолжает Лионель,— мороз был хуже, чем в Канаде, а ветер ещё сильнее, чем накануне. Тогда я решил, что если вчера, находясь в прекрасной форме, мы за 7 часов набрали всего 350 метров, то никогда не сможем в таких условиях преодолеть последние 1200 метров. Я понимаю, что нужно испробовать все до пределов возможного, но я начинаю сомневаться в успехе.

Мы с Ляшеналем энергично протестуем, но, кажется, наш энтузиазм слабо действует на товарищей. Несмотря на свою силу, Террай с большим трудом справился с этим снегом, ежедневно заметающим следы, с этими крутыми склонами, которые приходится преодолевать метр за

метром, с высотой, подтачивающей физические силы и моральный дух. Однако он не решается подробно говорить об этих препятствиях, не хочет поколебать нашу решимость.

— Мы идем вверх, — твердо говорю я. — Если мы спустимся, значит, вершина взята. Все или ничего!

Чувствую, что Ляшеналь настроен так же решительно, как и я.

Теперь дело за нами.

Друзья желают нам удачи, но в их взглядах я читаю сомнение.

Атакуем склон. К счастью, Ребюффа и Террай, спускаясь, уже проложили путь. Анг-Таркэ, Саркэ, Ляшеналь и я поочередно ведем группу, улучшая следы. Работа не очень утомительна. Однако Анг-Таркэ поражен технической сложностью маршрута. Панзи уже говорил ему, что никогда ранее ни на Эвересте, ни на Канченджанге не встречались подобные участки. Шерпам впервые приходится заниматься сложным лазанием на льду и преодолевать вертикальные стены. Однако все идет хорошо, и мы продолжаем свой сложный путь, тратя гораздо меньше сил, чем в предшествующие дни. Это еще раз показывает, что акклиматизация при гималайских восхождениях является решающим фактором. Жара становится нестерпимой, и, когда мы добираемся до лагеря III, пот стекает с нас ручьями. Как он чудесен, этот лагерь, затерянный высоко в горах, в маленькой, забитой свежим снегом трещине! У него такой уютный вид!

Надо беречь силы. Сегодня дальше не пойдем. Проведем остаток дня, лежа в спальных мешках, а шерпы передадут нам ужин из палатки в палатку.

Хорошая погода как будто установилась. На этот раз счастье нам улыбается, мы пойдем до конца.

Шерпы тратят бездну времени, чтобы приготовить чай, так как на этой высоте эффективность примусов резко снижается. Выкурены сигареты, шерпы и сагибы проглатывают предписанные врачом пилюли, и уже в сумерках лагерь III погружается в сон.

Утром мы спокойно ждем, пока появится солнце, так как по плану сегодня мы должны подняться только до лагеря IV. Вряд ли это займет больше четырех часов. Правда, нам придется перенести этот лагерь несколько выше и установить его непосредственно на самом гребне «Серпа».

Каждый занят своим делом. Я снимаю несколько кинокадров. Далеко внизу, на плато, виднеется лагерь II, те-

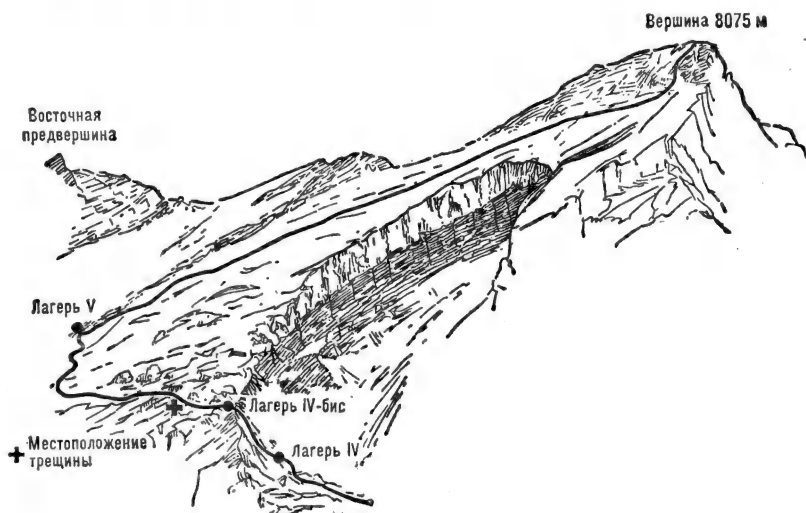
перь уже напоминающий настоящий поселок. Рядом с высотными «гробиками» стоят большие общие палатки; лагерь выглядит совсем как Базовый.

— Лионель и Гастон, наверное, отдыхают, — замечает Ляшеналь.

Вскоре мы выходим, чтобы использовать сравнительно приличное состояние снега. Это позволит нам добраться до лагеря IV быстрее, чем мы рассчитывали.

По пути я делаю несколько снимков, в частности, снимаю переход через подгорную трещину перед плато, где расположен лагерь IV. Погода по-прежнему хороша. Анг-Таркэ и Саркэ идут прекрасно, первый в связке с Ляшеналем, второй — со мной.

155

Еще рано, и мы успеем перенести лагерь на гребень «Серпа». Настроение повышается, так как дальше никаких технических трудностей уже не предвидится.

Быстро снимаем одну из палаток, забираем также продукты и снаряжение.

— Ледяной склон, выводящий на гребень «Серпа», довольно короткий, — говорю я Ляшеналю. — Мы должны пройти его за час.

Анг-Таркэ и Саркэ спустятся обратно и проведут ночь на старом месте, где мы оставляем одну палатку. Завтра рано утром они ее снимут и перенесут наверх. Отсюда мы двинемся в путь к будущему лагерю V.

Начинаем штурмовать склон. Нагруженные, как ишаки, проваливаемся в свежий снег по пояс.

Однако толщина снега быстро уменьшается: вскоре остается лишь тонкий «гнилой» слой, прилипший ко льду. Крутизна такая же, как на самых сложных ледовых альпийских маршрутах.

Идти на кошках на такой высоте нелегко, и мы пыхтим, как паровозы. Время от времени рубим ступени, но чаще обходимся без них.

Шерпы лезут с опаской. На льду они не виртуозы, однако, боясь отстать, они «жмут» изо всех сил. После двухсот метров трудного и опасного подъема вылезает на край гребня. Ляшеналь, идущий первым, осматривает окрестности, пока я бросаю взгляд на пройденный путь. Площадку для лагеря мы выбираем там же, где выпли на гребень, у подножия симпатичного серака. Место идеальное, защищенное от ветра как самим сераком, так и небольшим ледовым гребешком, являющимся естественным экраном.

Ляшеналь в восторге:

— Когда мы все устроим, будет так же уютно, как в моем домике в Шамони!

Немедленно принимаемся за дело. Вскоре палатка установлена. Уже далеко за полдень, и я отсылаю Анг-Таркэ и Саркэ в нижний лагерь IV. Они уходят несколько обеспокоенные, так как им предстоит сложный спуск. Я уверен, что Анг-Таркэ не поленится вырубить по пути дополнительные ступени и, в случае необходимости, соорудит сверху донизу настоящую лестницу...

— Good night, Sir! ¹

Крепкие рукопожатия, и наши шерпы скрываются из глаз; мы уже начинаем устраиваться на ночь. Постепенно наплывает туман, поднимается ледяной ветер, бросающий в лицо колючие снежинки.

Аппетита нет ни у меня, ни у Ляшенала. Однако мы пересиливаем себя и готовим чай. Одновременно выкладываем в ряд всю коллекцию пилюль и порошков, которые Удо строго-настрого приказал нам принимать.

Несмотря на предсказание Ляшенала, комфорт весьма относителен. Мы поспешно залезаем в спальные мешки, не забыв закинуть туда же ботинки, чтобы они не замерзли. Ночь проходит превосходно.

На рассвете с тревогой выглядываю из палатки. Восходит солнце, небо чистое, очень холодно.

¹ Доброй ночи, господин!

Сегодня муссон, кажется, нас еще помиловал. Настроение сразу поднимается, так как последние известия нагнали на меня страх. Мы сейчас идем наперегонки со временем.

Сразу после прихода Анг-Таркэ и Саркэ перераспределяем груз и собираем рюкзаки. Скорее прочь от этого серака, где так холодно! Уходя, оставляем здесь одну палатку. Вторую берем для лагеря V.

Длинный траверс влево по леднику «Серпа» позволяет обойти зону разорванных сераков. Таким образом мы попадаем на дно очень широкой, лежащей среди крутых снежных полей ложбины, где препятствий немного.

Идем молча, с полным напряжением. Груз прижимает к земле. Каждый размышляет о том, что нас ждет в ближайшие дни. Меня больше всего беспокоит муссон; сегодня 2 июня, вряд ли можно надеяться больше чем на четыре дня хорошей погоды.

За четыре дня все может быть сделано. Но нельзя терять ни минуты. Теперь у нас в руках важный козырь: на этом большом снежном поле не встретится никаких технических трудностей. Это вызывает в нас непоколебимую уверенность.

Ни Ляшеналь, ни я ни на минуту не сомневаемся в победе.

Мы часто останавливаемся, чтобы достать конфету или кусок неизменно соблазнительной нуги. Обернувшись, мы видим головокругительное зрелище: плато лагеря II выглядит как носовой платок, большой ледник Аннапурны, на пересечение которого требуется больше часа, кажется отсюда малюсенькой ледяной полоской. Вдали, за Большим Барьером, отчетливо виден Тибет, слева Дхаулагири частично закрыт громадной скальной стеной Аннапурны. Зигзаги наших следов виднеются на всем протяжении маршрута.

Разорванный ледовый гребень под самой вершиной производит странное впечатление. Он как будто причесывает густую шевелюру снежных вихрей, вздымаемых ветром. Разорванные клочья тумана проносятся над нами. Прямо над головой вздымается ввысь скала розоватого цвета, имеющая форму птичьего клюва. К этому «Птичьему Клюву»¹ ведет острое, как нож, скальное ребро.

— Уж как-нибудь мы отыщем местечко на этом ребре, чтобы установить наш «гроб»! — говорю я Ляшеналю во время остановки.

¹ Она очень похожа на «Птичий Клюв» Гребона в массиве Монблана.

— Конечно,— соглашается он.— Там мы будем в полной безопасности, так как можно будет забить сколько угодно крючьев. Кроме того, там сухо.

Мы с Ляшеналем по очереди неутомимо прокладываем путь. Оба шерпа дышат тяжело. Нам также часто приходится останавливаться, чтобы восстановить дыхание. Два или три раза мы вынуждены совершать длительные траверсы, обходя сераки и громадную трещину. Глубоко проваливаемся в снег, и каждый шаг дается с невероятным трудом. Хотя мы и набираем высоту, кажется, что ребро не приближается.

158 — Черт возьми, это может доконать любого! — жалуется Ляшеналь.

Понемногу становится легче. Снег теперь более плотный, и мы проваливаемся не так глубоко.

У меня такое впечатление, что я лезу по гигантской крыше. Склон крутой, около 40°, но более или менее ровный. Идти на кошках можно. Через каждые десять метров — остановка. Очень холодно, и пальцы на ногах уже потеряли чувствительность. Никакого лишнего отдыха: «вперед, к лагерю V!» — такова основная цель.

Подъем становится изнуряющим: под зубьями кошек наст продавливается, и мы снова проваливаемся.

— Проклятая корка! — ругается Ляшеналь.

Тратя последние запасы энергии, добираемся до нижних скал ребра.

— Черт возьми!

Горькое разочарование! Эти светлые скалы, столь соблазнительные на вид, залиты льдом. Никаких площадок, никаких зацепок.

Придется ставить палатку прямо на склоне!

Подходят шерпы. Сейчас мы находимся на высоте 7500 метров, и высота окончательно вывела их из строя. Они не могут вымолвить ни слова. Жестами они жалуются на головную боль. Все за работу!

С помощью ледоруба выравниваем площадку. Склон настолько крут, что приходится сбросить огромную массу снега. Через каждые 30 секунд я вынужден останавливаться для отдыха. Легкие отказываются работать, я задыхаюсь. Сердце стучит, как молот. Шерпы, хотя и в худшем состоянии, чем мы, ухитряются работать по пяти минут без перерыва. Через час площадка готова. Палатка вплотную прижата к скале, и ее можно привязать к двум забитым Ляшеналем крюкам.

На ломаном английском языке завожу с Анг-Таркэ следующий разговор:

— Tomorrow morning Lachenal-Sahib and Bara-Sahib go to the summit of Annapurna.

— Yes, Sir.

— You are the sirdar and the most experimented of all sherpas. I will be very glad that you come with us.

— Thank you, Sir.

— We must have together the victory! Will you come with us? ¹

Я считаю в эту минуту, что мой долг — удовлетворить законные стремления этих людей. Некоторая пауза. Затем Анг-Таркэ, признательный за предоставленную ему свободу выбора, сдержанно отвечает:

— Thank you very well, Bara-Sahib! But my feet begin to freeze... 159

— Yes.

— ...and I prefer go down to the camp IV... if it is possible.

— Of course, Ang-Tharkey. As you like it... In this case go down at once because it is late.

— Thank you, Sir.²

В два счета шерпы собирают свои рюкзаки.

В последний момент они оборачиваются к нам. Чувствуется, что они беспокоятся, оставляя нас одних.

— Salam, Sir... good luck!

— Salam and pay attention!³

Через несколько минут две черные точки спускаются по склону. Странная психология у этих людей, прямота и самоутвержденность которых общеизвестны. Они, несомненно, любят свои горы, и, однако, в тот момент, когда можно наконец пожать плоды длительных усилий, они предпочитают осторожно воздержаться. Правда, наша психология, вероятно, кажется им еще более странной.

¹ Завтра утром Ляшеналь-сагиб и Бара-сагиб пойдут на вершину Аннапурны.

— Да, сэр.

— Ты сирдар и наиболее опытный из шерпов. Я был бы рад, если бы ты пошел с нами.

— Спасибо, сэр.

— Мы должны *вместе* завоевать победу... Хочешь пойти с нами?

² — Большое спасибо, Бара-сагиб!.. Но мои ноги начинают мерзнуть.

— Да.

— И я предпочитаю вернуться в лагерь IV... если можно.

— Конечно, Анг-Таркэ. Как хочешь... В таком случае спускайся медленно, так как уже поздно.

— Спасибо, сэр!

³ — Салам, сэр... желаю успеха!

— Салам, будьте осторожны!

Мы оба погружены в молчание. Оно неотвязно давит на нас. На этот раз мы уже не отступим.

Предстоит тяжелая ночь!

Место неудобное и ненадежное. Ветер сметает снег со склона, и он собирается у нашей палатки... Только бы не было слишком большой нагрузки на крышу!

Забитые в известняк крючья, воткнутые в снег ледорубы имеют, пожалуй, только моральное значение. В отношении безопасности мы не питаем особых иллюзий... В глубине души мы оба сильно опасаемся, что край площадки обрушится, увлекая палатку в бездну.

160

Сознание затуманено. Струдом могу сосредоточить на чем-либо свое внимание. Ничто меня не интересует. Разговор не клеится. С большим напряжением воли после взаимного подбадривания и встряхивания нам удастся согреть немного чаю. С чисто военной дисциплиной мы проглатываем обязательные порошки. Ничто не лезет в рот.

Последняя ночь перед штурмом!

Внезапно поднимается яростный ветер, нейлоновые полотнища оглушительно хлопают. Того и гляди палатка будет сорвана. С каждым порывом ветра хватаемся за стойки, как утопающий за соломинку. Начинается снегопад. Буря стонет и воет непрерывно. Мрачная обстановка действует на нервы.

Каждое движение требует огромного усилия воли.

О том, чтобы раздеться, не может быть и речи. Сняв ботинки, мы прячем их в спальные мешки и спешим залезть сами. Вот когда мы можем благословить Пьера Аллена! Наши мысли обращаются к верному другу, подготовившему для нас такое чудесное снаряжение.

— Проклятие! Что за ветер!

Ляшеналь устраивается у внешнего края палатки, я же прижимаюсь к склону. Обоим несладко: Ляшеналь ежесекундно кажется, что он свалится в пропасть. Мне же угрожает удушье под массой снега, непрерывно накапливающегося на палатке.

— К счастью, нейлон эластичен, — говорю я Ляшеналю, — иначе палатка разорвалась бы. Черт побери! Мой аппарат! Я забыл спрятать его в спальный мешок!

Протягиваю руку, ощупью нахожу драгоценный аппарат и кладу его на самое дно мешка, рядом с ботинками.

Какая кошмарная ночь!

Ляшеналь все больше сползает наружу, я все больше задыхаюсь. Мы с нетерпением считаем оставшиеся часы. Положение становится угрожающим: дышать больше не-

чем. Масса снега меня буквально раздавливает. Прижимаю руку к груди, как боксер в боевой стойке. Теперь я могу дышать.

Дикое завывание ветра рвет уши. Каждый порыв сопровождается оглушительным свистом. Обе стойки угрожающе гнутся. С силой отчаяния мы стараемся их удерживать. Непонятно, как еще держится палатка. Самые худшие биваки не идут ни в какое сравнение с этой неравной, изнуряющей борьбой.

Мы совершенно отупели от крайней усталости, но буря не дает нам уснуть.

* * *

161

Сомневаясь в успехе нашей попытки, Ребюффа и Террай продолжают спуск к лагерю II. Там они встречают Кузи и Шаца, которые сообщают им последние новости. Ребюффа и Террай смертельно устали. Панзи и Айла, вероятно, тоже, так как на весь день исчезают в палатке шерпов. Кузи и Шац, напротив, чувствуют себя великолепно и очень рады возможности вновь пойти в одной связке.

На следующий день ранним утром они покидают лагерь II. Как было решено, их связка следует за нами с интервалом в один переход.

Террай понемногу приходит в себя. Он чувствует, что приближается решающая атака, и с обычной тщательностью готовится к выходу. Ребюффа что-то пишет.

После обеда начинает падать снежная крупа.

— Привет всем!

Белое привидение, проникающее в палатку, оказывается Ишаком!

— Остальные идут за мной.

Входят Нуаель и Удо. С обычной бесцеремонностью людей, залезающих с холода в палатку, они тут же начинают отряхиваться от снега.

Время — 17 часов 30 минут.

— Как,— удивляется Ишак,— это вы?! Мы ожидали увидеть Кузи и Шаца.

— Да! Это всего лишь мы!

Террай объясняет, что накануне им пришлось вернуться, не установив лагеря V, так как Ребюффа почти обморозил ноги.

— Мы снова выйдем завтра утром,— добавляет он.

Снаружи крупа сменилась снегом. Удо не терпит испытать действие кислорода. Используя свой авторитет, он заставляет нашего офицера связи прогуливаться в

маске. Лицо Нуаеля превращается в звериное рыло, соединенное гибким шлангом с дюралевым баллоном. Точь-в-точь первый человек на Луне! Бедный Нуаель в своей невероятной шляпе, надвинутой на нос и на уши, производит неотразимо комичное впечатление, которое не хочет оценить лишь он один.

После испытаний все собираются в палатке. Ишак, пользуясь магнием, делает несколько снимков.

— Знаешь, я хочу побить высотный рекорд применения магния!

Действительно, лагерь расположен на высоте 6000 метров, и весьма вероятно, что в гималайских экспедициях такие съемки производились не так уж часто.

После ужина небо проясняется. Появляются звезды. Большой Барьер укутан в белое покрывало, освещенное луной.

Последняя радиосводка очень тревожна: муссон уже достиг северной части Бенгалии, и, кроме того, сильные атмосферные возмущения надвигаются с запада.

На следующее утро, 2 июня, на небе ни облачка. Будет хороший день. Как обычно, Террай поднимается еще ночью. В 6 часов он с Ребюффа и двумя шерпами покидает лагерь. Солнце еще не взошло. В лагере IV мы еще спим беспробудным сном. Пока Террай преодолевает лавинный конус, Марсель Ишак производит киносъемку, пользуясь телеобъективом.

Постепенно Аннапурна оживает. Наблюдатель мог бы любоваться здесь удивительным зрелищем. В лагере II вокруг палаточного городка толпятся люди. Несколько выше Ребюффа и Террай с шерпами Панзи и Айлой вновь прокладывают путь по нижним склонам. Над лагерем III Кузи и Шац в сопровождении Ангавы и Путаркэ собираются пересекать большой кулуар. Наконец, на склоне ледника «Серпа» Ляшеналь и я вместе с Анг-Таркэ и Саркэ снова топчем снег.

После обеда облака заполняют ущелье Миристи-Кхола и добираются до лагеря II. Через просвет Ишак замечает новое черное пятнышко у подножия острого ребра; вероятно, это лагерь V.

— Сделают ли они завтра утром решающую попытку? Все зависит от погоды!

Туман все более сгущается, слышатся крики. Ишак и Нуаель выходят вперед и обнаруживают блуждающих в тумане Ангаву и Путаркэ. Кузи и Шац были вынуждены отправить их вниз из лагеря IV, так как там оставалась лишь одна палатка (вторая была в лагере V).

Дополнительное снаряжение будет доставлено группой Ребюффа — Террай, которая перенесет сюда лагерь III. В свою очередь лагерь III будет вновь установлен силами группы, вышедшей из лагеря II.

В лагере IV настроение бодрое. Только что прибыли Ребюффа и Террай. Все находятся в хорошей форме. Террай размышляет над загадочной особенностью гималайских условий: четыре дня тому назад они с Ребюффа с трудом доползли сюда из лагеря III за семь часов. На этот раз им удалось осуществить дерзкий план, подобный которому вряд ли можно найти в истории гималайских экспедиций: выйдя на рассвете из лагеря II, они к 11 часам утра уже были в лагере III, полностью его сняли и поднялись до лагеря IV, выиграв таким образом драгоценный день... И при этом они несли вчетвером два высотных комплекта и более 10 килограммов продуктов. Ребюффа, подобно Ляшеналю, великолепно входит в форму.

Кузи и Шац встречают их с восторгом. На следующий день им пришлось бы самим, без всякой помощи, переносить лагерь, и это, естественно, им не улыбалось.

Аспирин, снотворное и другие снадобья, а также состояние радостного возбуждения, вызванного хорошей спортивной формой и надеждой на успех, делают свое дело: ночь для всех проходит великолепно.

164 3 июня. Первые проблески зари застают нас вцепившимися в стойки палатки в лагере V.

Понемногу ветер слабеет. К рассвету наступает штиль. Каждое движение требует героических усилий. Отчаянно пытаюсь сбросить с себя холодную мягкую гору, которая меня душит. Разум оцепенел. Каждая мысль сопряжена с усилием. Мы не произносим ни слова.

Какое отвратительное место! Воспоминание о нем всегда будет одним из худших в моей жизни.

У нас лишь одна забота: скорее отсюда уйти. Однако выходить сейчас нельзя. Нужно ждать первых лучей солнца.

5 часов 30 минут. Дальше пребывать в этом аду невозможно.

— Пошли, Бискант! Я не могу оставаться здесь ни минуты.

— Пошли!

У кого из нас хватит мужества согреть чаю? Хотя сознание и заторможено, однако мы представляем, сколько труда придется для этого затратить. Ни он, ни я не в состоянии. К черту! Обойдемся без чая.

И так уж каких усилий стоит вылезти из спального мешка и вытащить оттуда ботинки. От холода они сделались твердыми, как дерево. Надеть их удастся лишь с большим трудом. Каждое движение вызывает одышку. Мы задыхаемся. Гетры также замерзли. Я ухитряюсь их зашнуровать, Ляшеналь — нет. Теперь очередь за рюкзаками.

— Бискант, веревку не берем?

— Ни к чему, — отрывисто отвечает Ляшеналь.

Килограмм сэкономим.

Кладу в рюкзак тубик сгущенного молока, несколько кусков нуги, пару носков... Как знать? В случае нужды их можно использовать вместо подшлемника. Укладываю

аптечку. Фотоаппарат заряжен обычной пленкой, но у меня есть запасная кассета с цветной пленкой. Из глубины спального мешка вытаскиваю кинокамеру. Завожу пружину и проверяю вхолостую. Щелчок, остановка... камера не работает.

— Вот не везет!.. Стоило ее сюда тащить! — сокрушается Ляшеналь.

Этой ночью мороз был слишком сильным, и аппарат замерз даже в спальном мешке, несмотря на то что Ишак предусмотрительно применил специальную смазку. С огорчением оставляю аппарат в лагере. А мне так хотелось донести его до вершины! Ну что ж — киносъемка велась до высоты 7500 метров.

Вылезает из палатки и надеваем кошки, которые теперь уже не придется снимать до вечера. Все, что можно, наде-
то на нас, и рюкзаки совсем легкие.

В 6 часов трогаемся в путь, радуясь, что кошмар остался позади. Погода прекрасная, но очень холодно. Зубья облегченных кошек глубоко впиваются в крутой ледово-фирновый склон.

Постепенно крутизна уменьшается, и склон становится более ровным. Фирн держит хорошо, но иногда корка прсламывается, и мы барахтаемся в мягком, порошкообразном снегу, сильно затрудняющем движение. Не сговариваясь, часто останавливаемся. След прокладываем по очереди. Каждый из нас сейчас живет в своем собственном, обособленном мире. Я опасаюсь за свое мышление. Сознание сильно затуманено; я прекрасно понимаю, насколько неполноценен сейчас мой разум. Проще и вернее придерживаться какой-нибудь навязчивой идеи. Температура очень низкая. Холод пронизывает насквозь, и, несмотря на пуховую одежду, ощущение такое, как будто идешь нагишом. Во время остановок ожесточенно топаем ногами. Ляшеналь даже снимает тесный ботинок: его преследует мысль о возможном обморожении.

— Я не хочу уподобиться Лямберу¹, — говорит он.

Пока он энергично растирает себе ступню, я рассматриваю окружающие вершины. Все они теперь ниже нас, за исключением далекого Дхаулагири. Сложный и пересеченный рельеф этих гор, столь знакомый нам по многочисленным и тяжелым разведкам, виден сейчас как на ладони.

¹ Раймон Лямбер — проводник из Женевы. После трагического восхождения, во время которого он сильно поморозился, у него были ампутированы пальцы обеих ног.

Подъем изнурительный. Каждый шаг — победа воли и разума. Солнце нас догоняет. Приветствуя его появление, мы делаем очередную остановку. Ляшеналь все чаще жалуется на свои ноги.

— Я ничего не чувствую, — стонет он. — Начинается обморожение.

Он снова снимает ботинок.

Тревога закрадывается мне в душу.

Я прекрасно понимаю, какой опасности мы подвергаемся, и по собственному опыту знаю, насколько коварно и быстро подкрадывается обморожение, если ослабить бдительность. Ляшеналью это известно не хуже, чем мне:

166

— Мы рискуем остаться без ног!.. Стоит ли лезть на рожон?

Я полон тревоги. Ответственность лежит на мне, я должен все продумать и все предусмотреть. Без сомнения, опасность вполне реальна. Оправдывает ли Аннапурна подобный риск? Этот вопрос повергает меня в смятение.

Ляшеналь зашнуровал ботинки, и мы снова боремся с изнуряющим снегом. Залитый светом ледник «Серпа» теперь виден нам полностью.

Траверс бесконечен... а наверху скальная стена... Найдем ли мы выход?

Мои ноги мерзнут так же, как и у Ляшенали. Непрерывно шевелю пальцами. Они потеряли чувствительность, но в горах это со мной случалось нередко: нужно лишь настойчиво продолжать двигать пальцами, и кровообращение восстановится.

Ляшеналь кажется мне каким-то призраком. Он живет своей жизнью, я — своей. Странное явление — идти почему-то легче, чем вниз. Может быть, нас окрыляет надежда? Даже сквозь темные очки блеск снега ослепляет, солнечные лучи бьют прямо по льду. Под нами обрываются в бездну головокругительные ребра.

Далеко внизу ледники кажутся до смешного крошечными. Знакомые вершины устремлены ввысь, как стрелы.

Внезапно Ляшеналь хватает меня за руку:

— Если я вернусь, что ты будешь делать?

Целый мир ярких образов молнией проносится в голове: многодневные переходы под палящим солнцем, сложнейшее лазание, исключительные усилия, затраченные на осаду вершины, ежедневный героизм моих товарищей при заброске и устройстве лагерей... Сейчас мы у цели! Через час, может быть, через два... сражение будет выиграно! Неужели откататься?

Невозможно!

Все мое существо протестует. Я решился, бесповоротно решился!

Сегодня мы боремся за идеал. Любая жертва оправдана.

Ответ ясен:

— Я пойду один!

Да, я пойду один. Если он хочет вернуться, я не могу его удерживать. У него полная свобода выбора.

Ляшеналю нужна была лишь моральная поддержка. Он несколько не обескуражен. Его слова были продиктованы только осторожностью и сознанием риска. Он решает не колеблясь:

— Тогда я иду с тобой!

Жребий брошен.

167

Тревога рассеялась. Я принял на себя ответственность. Теперь уже ничто не мешает нам идти до конца.

Короткий разговор с Ляшеналем изменил психологическую ситуацию.

Теперь мы — братья.

Я чувствую вокруг себя какую-то новую, необычную атмосферу. Все ощущения очень яркие, странные, которые никогда прежде мне не доводилось испытывать в горах.

Есть что-то нереальное в моем восприятии окружающего нас мира... Я наблюдаю извне, как я проделываю одни и те же движения, и улыбаюсь про себя при виде жалких результатов наших усилий. Но напряжение исчезло, как будто исчезла сила тяжести. Это призрачное видение, этот бесценный дар — не моя вершина. Это вершина моих грез.

Скалы присыпаны сверкающим снегом, и лучезарная красота пейзажа бесконечно трогает душу. Прозрачность воздуха поразительна. Я живу в хрустальном мире. Звуки приглушены, как будто уши заложены ватой.

Меня охватывает неясная, непонятная радость. Все это настолько необычайно и настолько ново.

Все это так непохоже на восхождение в Альпах, когда тебя поддерживает непрерывное смутное сознание близости людей, когда, обернувшись, видишь далеко внизу дома, дороги, цивилизацию.

Здесь все иначе.

Я отрезан от всей Вселенной. Я живу в ином мире: суровом, пустынном, безжизненном. Это фантастический мир, где присутствие человека непредвиденно и, может быть, даже нежелательно. Мы нарушаем запрет, мы преступаем границу, и все же мы поднимаемся без боязни. Сердце сжимается от полноты чувств...

Разделяет ли Ляшеналь все эти волнения? Вершинный гребень приближается. Мы подходим к подножию последней большой стены. Она очень крута. Снежный склон пересечен скалами.

— Кулуар!..

Все понятно без слов. Здесь ключ к стене. Последний бастион!

— Какая удача!

Кулуар, прорезающий стену, очень крут, но подняться по нему можно.

— Пошли!

168

Ляшеналь выражает согласие жестом. Уже поздно, наверное, больше 12 часов. Я потерял всякое чувство времени: мне кажется мы вышли несколько минут назад.

Небо по-прежнему голубое, как сапфир. С большим трудом мы входим вправо, чтобы обогнуть скалы. Идя на кошках, стараемся по возможности использовать снежные участки. Вскоре мы проникаем в кулуар. Как круто!.. минута колебания.

Хватит ли у нас сил, чтобы преодолеть последнее препятствие?

К счастью, снег твердый.

Выбивая ногой ступеньки, мы держимся на кошках достаточно надежно. Неверное движение было бы гибельным. Зацепки для рук можно не вырубать: воткнутый клюв ледоруба служит опорой.

Ляшеналь идет превосходно. Какой контраст с первыми днями! Идти тяжело, но он неуклонно поднимается. Время от времени, подняв голову, мы видим верхнюю часть кулуара, выходящую неизвестно куда, вероятно, на гребень.

Но где же вершина? Налево или направо?

Мы идем друг за другом, останавливаясь на каждом шагу. Навалившись на ледорубы, стараемся восстановить дыхание и успокоить бешено рвущееся сердце.

Теперь мы чувствуем, что цель близка. Никакие трудности не смогут нас остановить. Излишне спрашивать взглядом: в глазах товарища можно прочесть лишь твердую решимость. Небольшой обход влево, еще несколько шагов... Вершинный гребень незаметно приближается. Обходим еще несколько скал. Взираемся из последних сил. Не может быть?..

Ну да! Резкий ветер обжигает лицо.

Мы на Аннапурне.

8075 метров.

Сердце переполнено бесконечной радостью.

— О! Если бы остальные знали! Если бы знали все!

Вершина представляет собой ледяной гребень с карнизами. С другой стороны — ужасающая бездонная пропасть. Стена из-под ног обрывается отвесом. Вряд ли можно встретить подобное зрелище на другой вершине.

Внизу плавают облака, под ними, на 7000 метров ниже, скрывается нежная, плодородная долина Покхары. Выше облаков — ничего!

Цель достигнута. Но одновременно завершено нечто гораздо более величественное. Как прекрасна теперь будет жизнь!

Поразительное ощущение — внезапно познать свой идеал и самого себя.

Меня душит волнение. Никогда еще я не испытывал столь сильной и чистой радости.

Этот темный камень, самый высокий, этот ледяной гребень... это ли цель всей жизни? Или, может быть, они являются пределом человеческих мечтаний?

— Ну как, спускаемся?

Ляшеналь меня толкает. Что чувствует он? Не знаю. Не считает ли он, что просто сделал восхождение, как в Альпах? Неужели он думает, что отсюда можно так, запросто, уйти?

— Секунду, я должен сделать снимки.

— Быстрее!

Лихорадочно роюсь в рюкзаке, вытаскиваю фотоаппарат, лежащий на дне французский флаг, вымпелы. Конечно, это бесполезный жест, но это больше чем символ: это свидетельство дружеских мыслей. Я привязываю к древку ледоруба куски ткани, пропитанные потом, засаленные от долгого пребывания в рюкзаке по соседству с продуктами. Затем навожу фокус на Ляшеналь:

— Ну вот, можешь меня снять?

— Давай, давай скорее, — говорит Ляшеналь.

Он делает несколько снимков, затем отдает мне аппарат. Я закладываю кассету с цветной пленкой, и мы повторяем все сначала, чтобы наверняка принести с собой памятные снимки, которые когда-нибудь будут нам так дороги!

— Ты сошел с ума, — говорит Ляшеналь. — Нельзя терять ни минуты, надо немедленно спускаться!

Действительно, одного взгляда вокруг достаточно: погода портится.

Ляшеналь торопит:

— Надо спускаться!

Он прав. В нем говорит житель гор, хорошо знающий их.

И все же я не могу привыкнуть к мысли, что мы одержали победу. Мне кажется невероятным, что я топчу этот снег.

Сложить здесь тур невозможно: камней нет, все покрыто льдом.

Ляшеналь топает ногами: он чувствует, что они замерзают. Я тоже! Но я не обращаю на это внимание. Самая высокая из побежденных вершин! Она у наших ног!

Мысленно перебираю своих предшественников в этих высоких горах: Мэммери, Мэллори и Ирвин, Бауер, Вельценбах, Тилман, Шиптон... Скольких уже нет в живых, сколько нашли в этих горах свою смерть, самую прекрасную для них.

К моей радости примешивается чувство гордости за друзей. Сегодня на Аннапурну взойшла не только связка, взойшла вся команда. Моя мысль обращается к товарищам, разбросанным по лагерям, прилепившимся на склонах под нами, и я знаю, что лишь благодаря их усилиям и благодаря их жертвам мы сегодня победили. Есть минуты, когда самые сложные действия внезапно получают конкретное выражение и предстают пред вами в ярком свете: таков тот непреодолимый порыв, который привел сюда нашу команду.

Давно забытые картины возникают в сознании...

Долина Шамони, где я провел прекраснейшие дни моей юности, Монблан, производивший на меня такое сильное впечатление! Я помню, когда я был еще ребенком, мне казалось, что у этих «возвращающихся с Монблана» был всегда какой-то необычный вид, в глазах горел странный огонь.

— Быстрее, прямо вниз! — кричит Ляшеналь.

Он уже надел рюкзак и начинает спуск. Вынимаю карманный альтиметр: 8500 метров. Невольно улыбаюсь... Проглатываю немного сгущенки и оставляю здесь тубик — единственное свидетельство нашего пребывания на вершине. Завязываю рюкзак, надеваю рукавицы, очки, хватаюсь за ледоруб, еще один взгляд вокруг... и в свою очередь устремляюсь вниз по склону. Перед тем как нырнуть в кулуар, бросаю прощальный взгляд на эту вершину, которой суждено стать для нас единственной радостью и утешением.

Ляшеналь уже намного ниже, он достиг подножия кулуара.

Я мчусь по его следам.

Тороплюсь изо всех сил, однако склон очень опасный. Любая ступенька под тяжестью тела может обрушиться. Ляшеналь уже на большой диагонали. Я не думал, что он способен идти с такой скоростью. Пересекаю смешанный участок скал и снега. Наконец, основание стены! Я дви-

гался так быстро, что совсем запыхался. Останавливаюсь, развязываю рюкзак. Зачем? Сам не знаю...

— Ай! Мои рукавицы!

Я не успеваю нагнуться и вижу, как они катятся, скользят прямо вниз по склону... Стою озадаченный, глядя, как они медленно удаляются, не останавливаясь. Их движение воспринимается мной как нечто неотвратимое, окончательное, против чего я бессилён! Последствия могут быть очень серьезные. Что делать?

Скорее в лагерь V!

Ребюффа и Террай должны быть там. Моя тревога мгновенно исчезает. Возвращаясь к навязчивой идее: скорее в лагерь! Ни на секунду не приходит мне мысль о запасных носках в рюкзаке, хотя именно на такой случай я всегда беру их с собой. Я устремляюсь вниз, стараясь догнать Ляшеналья. На вершине мы были в два часа, из лагеря вышли в шесть. Надо примириться с очевидностью: я утратил всякое чувство времени. Мне кажется, что я бегу, на самом деле иду нормально и даже, может быть, медленнее обычного. То и дело я вынужден останавливаться, чтобы восстановить дыхание. Облака покрыли теперь все небо. Все приобрело грязновато-серый цвет. Поднимается ледяной ветер, не предвещающий ничего хорошего. Вперед! Но где же Ляшеналь? А я-то думал, что он еще не полностью вошел в форму. Замечаю его по крайней мере в двухстах метрах ниже себя. Он бежит не останавливаясь.

Облака сгущаются, спускаются ниже, ветер дует сильнее, но холода не чувствуется. Может быть, быстрота спуска усилила кровообращение?

Найду ли я палатки в тумане?

Я поглядываю на ребро с пиком в форме птичьего клюва, возвышающееся над лагерем. Мало-помалу оно исчезает в облаках, но, к счастью, внизу виднеется острое лезвие контрфорса. Если туман станет еще гуще, я пойду прямо к ребру, спущусь вдоль него и неминуемо наткнуся на палатку.

По временам Ляшеналь исчезает, затем туман сгущается настолько, что я окончательно теряю его из виду. Я иду тоже быстро, на пределе дыхания.

Склон становится круче. Снег перемежается участками чистого льда. Хороший признак! Я приближаюсь к лагерю. Как трудно ориентироваться в сплошном тумане! Стараясь сохранить правильное направление, ориентируюсь по главному склону. Рельеф пересеченный, спускаюсь на кошках по стенкам чистого льда.

Какие-то пятна... Еще несколько шагов... Это действительно лагерь, но здесь две палатки!

Значит, Ребюффа и Террай пришли. Какое счастье! Сейчас они узнают, что мы победили, что мы возвращаемся с вершины. Как они будут рады!

Ну вот и все! Подхожу сверху. Обе палатки поставлены входом друг к другу. Площадка удлинена, палатки немного сдвинуты в стороны. Натыкаюсь на растяжку первой палатки. Внутри задвигались, меня услышали. Вот Ребюффа. Затем показывается голова Террая.

— Готово! Мы возвращаемся с Аннапурны!

Трещина

Знаменательная новость встречена с энтузиазмом.

— Постой,— удивляется Террай,— а где Бискант?

В его голосе слышится тревога.

— Сейчас придет. Он был немного впереди. Какой день! Мы вышли в 6 часов утра, шли без перерыва... Наконец, добились!

Слов не хватает. Так много надо сказать!..

Смотрю на дружеские лица, и странное ощущение, овладевшее мной с утра, пропадает. Внезапно вновь чувствую себя членом альпинистской семьи.

Террай, полный радости, сжимает мне руки... Улыбка исчезает с его лица:

— Морис! Твои руки!..

Зловещее молчание.

Я уже забыл, что у меня не было рукавиц: мои пальцы, мертвенно белые, с фиолетовым оттенком, тверды, как дерево. В отчаянии смотрят на них друзья, сознавая серьезность случившегося.

Я купаюсь в атмосфере бессознательного радостного возбуждения. Нагнувшись к Терраю, шепчу ему:

— Ты ведь был в такой хорошей форме! Ты затратил столько усилий на этой вершине! Как жаль, что тебя не было с нами наверху!

— Все что я делал, старина, было для экспедиции... А потом, раз ты взошел, значит, победила вся команда!

Мной овладевает безмерная радость. Как мне выразить, что значит для меня этот ответ? Радость победителя могла бы быть эгоистичной. Он превращает ее в чистое, незапятнанное счастье. Его ответ приобретает в моих глазах всеобъемлющее значение. Он доказывает, что победа над вершиной не является только личным подвигом и предметом личной гордости; нет, Террай первым понял, что это победа всех нас, победа коллектива.

— Эй! Эй! Помогите!

— Бискант! — восклицают Ребюффа и Террай.

Опьяненный победой, потеряв чувство реальности, л ничего не слышу.

Сердце Террая сжимается: это его товарищ по связке, с которым он так много пережил, с которым он так часто был на волосок от смерти, с которым он одержал столько блестящих побед! Он высовывает голову из палатки и видит Ляшенала на склоне, в сотне метров ниже. Террай поспешно одевается, обувается.

— Скорее вниз!

174

Но на склоне уже пусто, Ляшеналь исчез! Террай невероятно потрясен. Он испускает нечленораздельные крики. Ужасное мгновение, когда на глазах исчезает товарищ, с которым прожиты вместе лучшие дни твоей жизни!

Подгоняемый ветром, по склону с бешеной скоростью проносится туман. В волнении Террай не сообразил, что в тумане расстояние обманчиво.

— Бискант! Бискант!

Он заметил его. Он кричит вне себя. Сквозь просвет Лиснель видит своего друга, лежащего на склоне гораздо ниже, чем ему казалось.

Как сумасшедший, Террай устремляется вниз и, колеблясь ни секунды, глиссирует с бешеной скоростью. Чем это кончится? Разве можно затормозить на этом твердом снегу? Но Террай недаром первоклассный лыжник. Резкий поворот, и он останавливается. От продолжительного падения у Ляшенала шок. Он лежит неподвижно, с бессмысленным взглядом, без ледоруба, без шлема, без рукавиц, с одной кошкой.

— У меня отморожены ноги! Веди меня вниз... скорее вниз. Удо меня спасет!

— Невозможно, — отвечает в отчаянии Террай, — ты же видишь, кругом буря, наступает ночь.

Однако Ляшенала преследует ужасная мысль о грозящей ампутации.

В порыве отчаяния он вырывает у Террая ледоруб и пытается уйти. Но тут же, убедившись в бесполезности своих действий, соглашается на подъем. Террай безостановочно рубит ступени. Измученный, опустошенный Ляшеналь ползет на четвереньках...

В это время я лежу в палатке Ребюффа. Сердце его холодеет при виде моих пальцев. Он заботливо ухаживает за мной. Урывками я рассказываю о сегодняшнем дне. Сознывая действительное положение вещей, он начинает меня хлестать по пальцам концом веревки. Снять ботинки удается лишь с большим трудом, так как ноги распухли.

Ребюффа растирает пальцы ног, хлещет по ним веревкой. Слышно, как в соседней палатке Террай проделывает то же с Ляшеналем.

Трагические минуты!

Да, Аннапурна побеждена, первый восьмитысячник взят. Каждый из нас был готов пожертвовать всем ради этой победы. И все же что сейчас думают наши товарищи при виде наших рук и ног?

За стенками палатки свирепствует буря. Густой туман. Быстро наступает мрак. Падает снег. Как и в предыдущую ночь, приходится удерживать стойки, чтобы палатки не унесло.

У нас только два надувных матраса. Чтобы защититься от ледящего снега, Ребюффа и Террай усаживаются на рюкзаки, веревки, продукты. Они без усталости растирают, колотят, хлещут. Иногда удары приходится по живому месту. В обеих палатках раздаются вопли. Ребюффа настойчив. Какая мучительная боль! Но необходимо продолжать. Понемногу руки и ноги оживают. Кровообращение восстанавливается. Ляшеналь в таком же состоянии.

У Террая хватило мужества приготовить горячее питье. Он кричит Ребюффа, что сейчас передаст ему кружку; две руки протягиваются навстречу друг другу через входы палаток, немедленно покрываясь снегом. Температура кипящей жидкости не превышает 60°, и я с жадностью ее проглатываю. Самочувствие резко улучшается.

Кошмарная ночь! Бешеные порывы ветра не прекращаются. Заваливая палатку, непрерывно падает снег.

Временами из соседней палатки доносятся возгласы: Террай с поразительной настойчивостью продолжает растирать товарища, останавливаясь лишь для того, чтобы напоить его кипятком. Ребюффа совершенно обессилен, он доволен, что теплота вернулась в мои пальцы.

В полузабытии я не чувствую течения времени. Изредка до меня доходит истинно драматический характер нашего положения, но большей частью я пребываю в необъяснимом состоянии опьянения, не думая о последствиях восхождения.

Чем дальше, тем хуже. Снова под тяжестью снега оседает палатка, и снова возникает ужасное ощущение медленного, беззвучного удушья. Иногда меня охватывает приступ бешенства, и я изо всех сил пытаюсь приподнять руками раздавливающую меня массу. От яростного усилия я задыхаюсь, но все остается по-прежнему. Тяжесть еще больше, чем в предшествующую ночь.

— Гастон! Гастон!

Узнаю голос Террая.

— Надо выходить!

Я слышу слова, но до меня плохо доходит их смысл. Разве уже рассвет?

Я нисколько не удивляюсь, что мои товарищи отказываются от восхождения. Я не сознаю всего величия их жертвы.

Буря свирепствует с удвоенной яростью. Палатка дрожит, полотнища угрожающе хлопают. Утром погода была приемлемой. А что, если это уже муссон? Мы знали, что он приближается. Может быть, это его первая атака?

— Гастон, как вы там, готовы? — торопит Террай.

176 — Минутку! — отвечает Ребюффа.

Задача нелегкая: меня нужно обуть, одеть. Я беспомощен, как ребенок. В соседней палатке Террай кончает одевать Ляшеналья; у того опухшие ноги не влезают в ботинки. Террай отдает ему свои, несколько большие. Чтобы надеть ботинки Ляшеналья, ему приходится сделать в них надрезы. Из чувства предосторожности он укладывает в рюкзак спальный мешок и немного продуктов и кричит, чтобы мы последовали его примеру. Потерялись ли эти слова в вое бури? Или в нетерпении покинуть этот ад мы не придали значения совету?

Ляшеналь и Террай уже снаружи. До нас доносится: «Мы пошли!»

Наступает наша очередь. На четверых у нас только два ледоруба. Их, естественно, забирают Ребюффа и Террай. Ребюффа привязывает меня к своей веревке.

Оставляем палатки. В последний момент мелькает нелепая мысль: жаль бросать хорошее снаряжение!

Первая связка уже, кажется, далеко внизу. Снежные вихри нас ослепляют. На расстоянии метра мы уже не слышим друг друга. На нас штормовки, и все же очень холодно. Я часто проскальзываю в снегу, и веревка оказывается очень кстати.

Первая двойка не теряет времени. Ляшеналь, идущий первым на страховке Террая, торопится. Ему не терпится скорее спуститься. Следы исчезли, но все отчетливо помнят путь: надо спуститься по склону на 400 метров, затем траверсировать влево на 150—200 метров, и мы доберемся до лагеря IV, где должны сейчас быть Кузи и Шац¹.

Снегопад уменьшился, ветер немного стихает. Неужели просвет? Мы боимся поверить.

Впереди вырисовывается стена сераков.

¹ Верхние лагеря не должны были оставаться незанятыми.

— Влево, — говорю я, — я прекрасно помню!

Остальные считают, что нужно обходить справа. Спуск продолжается. Ветер стих окончательно, но снег падает густыми хлопьями. Плотный туман, ни зги не видно. Чтобы не потеряться, движемся гуськом. Я иду третьим и еле вижу Ляшенала, спускающегося первым. Местность совершенно неузнаваема. У каждого из нас богатый опыт восхождений, и мы хорошо знаем, что в такую погоду даже на знакомом маршруте заблудиться нетрудно. Расстояния искажены, очертания изменяются: мы спотыкаемся о бугры, казавшиеся нам впадинами. Туман, склон, падающие хлопья снега — все сливается в однообразный белесоватый ковер. Высокие силуэты сераков принимают фантастические очертания, кажется, что они медленно двинутся вокруг нас.

177

Отчаиваться рано, мы еще не заблудились! Нужно только спуститься немного пониже: там начнется траверс влево, я хорошо помню серак, являющийся ориентиром... Снег покрывает штормовки. Мы походим на белые привидения, безмолвно скользящие на белом фоне. Начинаем глубоко проваливаться. Что может быть тяжелее для уже обессиленных людей?

Где мы находимся? Слишком высоко или слишком низко? Никто не может сказать. Возьмем влево!

Этот ненадежный снег очень опасен, но мы не сознаем этого. Приходится примириться с очевидностью: мы пошли по ложному пути. Надо подняться обратно и обойти возвышающийся над нами серак: вероятно, там мы найдем правильный путь. Вслед за Ребюффа вновь проходим так тяжело доставшийся нам участок. Я двигаюсь судорожными шагами, твердо намереваясь идти до конца. Но если Ребюффа сорвется, удержать его я не смогу.

Без конца переходим от одного серака к другому. Каждый раз кажется, что мы нашли правильный путь, и каждый раз нас ждет разочарование. Если бы только рассеялся туман, если бы ненадолго перестал падать снег! Толщина его на склонах растет со страшной быстротой... Лишь Ребюффа и Террай в состоянии прокладывать путь. Они меняются через равные промежутки, без колебаний, без единого слова.

Я восхищен настойчивостью Ребюффа, благодаря которой он приобрел такую известность. С невероятным ожесточением, с отчаянным напряжением он движется вперед. Медленность продвижения могла бы привести к унынию любого, но он продолжает бороться, и вершина в конце концов уступает его настойчивости.

Террай, наоборот, рвется напролом, как бешеный. Он подобен стихии, он хочет во что бы то ни стало разбить стены тюрьмы, держащей нас в заточении. Его сила исключительна, его воля не менее замечательна.

Ляшеналь доставляет ему много забот. Может быть, его рассудок не в полном порядке? Сейчас он утверждает, что нет смысла продолжать спуск, что надо вырыть яму в снегу и дожидаться хорошей погоды. Он оскорбляет Террая, называет его сумасшедшим. Но кто иной стал бы так заботиться о нем, кто способен вытащить его отсюда, если не Террай? Лионель дергает веревку, и Ляшеналь вынужден следовать за ним.

178 На этот раз мы действительно заблудились.

Погода не улучшается. Еще несколько минут назад у нас были какие-то смутные соображения, выбрать ли тот или иной путь, сейчас все равно: идти направо или налево. Мы движемся наугад, надеясь на чудо, которое становится все менее вероятным. Инстинкт самосохранения, еще теплящийся у Лионеля и Гастона, постепенно сменяется отчаянием и полным безразличием. Поочередно они делают безумные вещи: Террай с одной болтающейся кошкой на ноге пересекает крутые и лавиноопасные склоны. Однако оба они проявляют чудеса, спускаясь без единого срыва, без единого проскальзывания.

Мы хорошо знаем, что лагерь IV расположен на краю «Серпа». Все с этим согласны. Но найти его очень трудно. Ледяная стена, так хорошо его укрывающая, становится теперь для нас роковой. Она прячет от нас лагерь. Обнаружить в этом тумане маленькие палатки можно, только уткнувшись в них носом.

Может быть, нас услышат? Ляшеналь пытается кричать, но звук замирает, поглощенный снегом. По команде кричим хором:

— Раз... два... три... На помощь!

Нам кажется, что этот крик должен быть слышен далеко. Повторим:

— Раз... два... три... На помощь!

Молчание.

По временам Террай разувается и растирает коченеющие ноги. Наш печальный пример заставил его осознать всю опасность положения, и он энергично борется. Так же, как Ляшеналь, его преследует мысль об ампутации. Что касается меня — уже слишком поздно! Я чувствую, что руки и ноги, так сильно пострадавшие вчера, теперь отмерзают вновь.

Со вчерашнего дня мы ничего не ели, хотя работали не-

прерывно. Перед лицом смерти силы человека неизмеримо возрастают. Кажется, все уже кончено, но нет! Есть еще запас, нужно только иметь достаточно воли, чтобы к нему прибегнуть.

Незаметно проходит время. Приближается ночь. Нас одолевает ужас, однако никто не выдает своих чувств.

Мы с Ребюффа наталкиваемся на проход. Он кажется знакомым, но нас останавливает чрезмерная крутизна склона: в тумане он выглядит совсем как отвесная стена. На следующий день стало ясно, что мы были всего в тридцати метрах от лагеря и что именно под этой стеной стояли палатки, которые могли бы нас спасти.

— Надо найти трещину!

— Не будем же мы торчать здесь всю ночь!

— Вырыть яму! Единственное спасение.

— Все мы здесь подохнем!

Ночь подкралась внезапно. Необходимо не теряя ни минуты принять какое-то решение. Если мы останемся на склоне, нам не дожить до утра. Нужно устраивать бивак. Можно себе представить, в каких условиях! Каждый из нас понимает, что такое холодная ночевка на высоте 7000 метров...

Террай начинает копать ледорубом яму. В нескольких метрах от него Ляшеналь ходит по засыпанной снегом трещине. Внезапно он с криком проваливается. Мы стоим беспомощные: хватит ли у нас, или, вернее, у моих двух товарищей, сил, чтобы его вытащить оттуда? Трещина вся покрыта снегом, и только небольшая дыра зияет на месте падения. Террай кричит:

— Э-гей! Э-гей! Ляшеналь!

Заглушенный толстым слоем снега и льда, до нас доносится голос. Разобрать слова невозможно.

— Э-гей! Ляшеналь!

Террай резко дергает веревку, на этот раз мы слышим!

— Я здесь!..

— Цел?

— Цел! Здесь можно ночевать! Спускайтесь!

Случилось чудо! Никогда у нас не хватило бы сил, чтобы вырубить во льду защищенное от ветра убежище. Не колеблясь, Террай прыгает в трещину. Звонкое «Давай!» сигнализирует о его успешном приземлении. В свою очередь соскальзываю вниз — настоящий бобслей! Меня несет по кривому, очень крутому туннелю длиной метров в десять, вылетаю на большой скорости в пещеру и плюхаюсь на дно. Рывком веревки даю знать Ребюффа, что он может спускаться.

Вокруг царит ужасный холод. Пещера сырая, стены ее слезятся. Прижавшись друг к другу, мы с трудом умещаемся на свежем снегу, покрывающем дно. С потолка свешиваются сосульки. Обломав несколько штук, ухитряемся немного увеличить свободное пространство над головой. Сосем кусочки льда: мы давно уже ничего не пили.

Таково наше убежище на эту ночь.

По крайней мере здесь мы защищены от ветра, и температура не понизится намного. Сырость чрезвычайно неприятна. Устраиваемся в темноте насколько возможно. Как на всяком биваке, снимаем ботинки, иначе стиснутые пальцы немедленно замерзнут. Террай расстилает спальный мешок и устраивается с относительным комфортом. Мы надеваем на себя все теплые вещи. Чтобы не соприкасаться со снегом, я усаживаюсь на киноаппарат.

Прижимаемся друг к другу, пытаюсь найти такое положение, при котором теплота наших тел суммировалась бы без потерь. Однако мы непрестанно шевелимся.

Сидим безмолвно: движение требует меньших усилий, чем слова. Каждый замыкается в себе. Террай растирает ноги Ляшеналю. Ребюффа чувствует, что у него тоже замерзают ноги, но находит в себе силы растирать их. Я сижу неподвижно, бездумно. Ноги и руки у меня продолжают замерзать, но что делать? Стараюсь не думать о боли; свернувшись в клубок, пытаюсь забыть о времени, забыть о холоде, который предательски проникает в каждую клетку, делая тело нечувствительным.

Террай делит свой спальный мешок с Ляшеналем. Он прячет ступни и кисти друга в драгоценный пух и одновременно продолжает растирание.

«Во всяком случае обморожение дальше не пойдет», — думает он.

Малейшее движение одного беспокоит всех остальных. С трудом найденные положения все время изменяются, нужно начинать сначала. Все это как-то отвлекает нас. Жалуясь на ноги, Ребюффа продолжает настойчиво их растирать. Так же как Террай, он думает: «Дотянем до завтра, а тогда уж будет видно!»

Но он прекрасно сознает, что это «тогда» является большим вопросительным знаком.

С трогательной заботливостью Террай старается уделить мне часть спального мешка. Он осознал серьезность моего состояния и догадывается, почему я сижу спокойно и молча. Он понял, что я уже отказался от борьбы. В течение двух часов Лионель растирает мне ноги. Хотя ему

самому в это время грозит обморожение, он не думает об этом. Восхищение его благородством дает мне мужество. Он так много делает, чтобы сохранить мне жизнь, что с моей стороны было бы неблагодарностью отказаться от борьбы.

Кажется, что даже сердце превратилось в лед, но, к своему удивлению, я не ощущаю боли. Все материальное во мне как бы атрофировалось. Сознание ясное, и в то же время я пребываю в состоянии какого-то счастливого спокойствия. Во мне еще тлеет искра жизни, но все более и более тускло. Я уже не обращаю внимания на усилия Террая. Кажется, скоро конец. Разве эта пещера не самая прекрасная из гробниц? Смерть меня не страшит, не вызывает никаких сожалений; я улыбаюсь ей.

181

В течение многих часов мы находимся в оцепенении.

— Настало утро! — бормочет кто-то.

Эта новость производит на моих товарищей некоторое впечатление. Меня она удивляет: я не думал, что дневной свет может проникнуть на такую глубину.

— Слишком рано для выхода! — замечает Ребюффа.

В пещере царит зловещий сумрак. Можно смутно различить очертания голов.

До нас доносится странный далекий звук, похожий на продолжительное шипение. Он все усиливается, приближается... Внезапно меня засыпает, ослепляет лавина свежего снега. Он заполняет пещеру, проникает сквозь одежду. Я прячу голову в колени и закрываюсь руками. Снег все течет, течет... Стоит гробовое молчание.

Нас не завалило с головой, но все наши вещи засыпаны. Стараясь не стукнуться головой о ледяной потолок, приподнимаемся и отряхиваемся. Мы стоим в снегу босиком. Прежде всего надо разыскать одежду.

Ребюффа и Террай начинают поиски, и сразу же выясняется, что оба ослепли. Вчера, на спуске, они сняли очки. Сегодня приходится расплачиваться.

Ляшеналю первому удастся наткнуться на пару ботинок. Он пробует их надеть: это ботинки Ребюффа. Последний в это время пытается вылезть по крутому туннелю, где мы вчера спускались.

— Эй, Гастон! Какая погода? — кричит Террай.

— Ничего не вижу, сильный ветер!..

Террай нашел свои ботинки и натягивает их ощупью с помощью Ляшенала. Бискант в припадке нервного возбуждения проявляет поразительное нетерпение, составляющее резкий контраст с моей неподвижностью.

В свою очередь Террай устремляется в ледяной туннель. Пыхтя и ругаясь, он, наконец, вылезает на поверхность. Его встречают ужасные порывы ветра, пронизывающие насквозь и хлещущие по лицу.

«Плохая погода, — мелькает в голове, — на этот раз — конец. Мы пропали... Нам не выбраться!».

В глубине пещеры мы вдвоем продолжаем искать ботинки. Ляшеналь яростно тычет ледорубом. Я гораздо спокойнее и пытаюсь действовать методически. Постепенно мы извлекаем из снега кошку, ледоруб, но ботинок все нет!

Итак, эта пещера будет нашим последним убежищем!

182

Места мало. Согнувшись вдвое, мы мешаем друг другу. Ляшеналь решает вылезать босиком. Отчаянно крича, он подтягивается на веревке, старается как-то зацепиться, заклинить, царапая пальцами ног снежную стенку. Снаружи Террай тянет изо всех сил: я вижу, как Ляшеналь медленно поднимается и, наконец, исчезает.

Когда он вылезает на поверхность, перед ним открывается безоблачное небо. Как безумный, он бежит взад и вперед и кричит:

— Хорошая погода, хорошая погода!

Я снова перерываю пещеру. Во что бы то ни стало надо найти ботинки, иначе мы с Ляшеналем обречены. Падаю на четвереньки. Роюсь в снегу, голыми руками и ногами перемешиваю его во всех направлениях, надеясь наткнуться на что-нибудь твердое. Я больше ни о чем не думаю, я просто животное, борющееся за жизнь.

Нахожу ботинок! Второй должен быть к нему привязан — пара!

Я продолжаю настойчиво, упрямо искать и, наконец, перевернув всю пещеру, нахожу последнюю пару.

Фотоаппарат? Несмотря на все усилия, я не могу его найти и с тяжелым сердцем прекращаю поиски. О том, что-бы надеть ботинки, не может быть и речи: кисти рук — как деревяшки, пальцы не в состоянии держать, ноги сильно распухли, на них не налезут ботинки! Кое-как прикручиваю ботинки к веревке и кричу в туннель:

— Лионель!.. Ботинки!

Ответа нет. Однако он, очевидно, услышал, потому что ботинки уплывают вверх. Вскоре веревка спускается обратно: теперь моя очередь. Я обертываю ее вокруг себя, и так как затянуть надежно узел я не в состоянии, то завязываю множество мелких узелков. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы выдержать мой вес. Кричать не хватает сил: я дергаю веревку, Террай меня понял.

На первом же шагу приходится выбить ногой в твердом снегу ступеньку для пальцев. Выше, вероятно, можно будет заклиниваться, и дело пойдет легче. Поднявшись на несколько метров, пытаюсь воткнуть в стену окаменевшие кисти и ступни. Ни руки, ни ноги не гнутся, и это очень мешает подъему.

Кое-как удается заклиться. Террай тянет с такой силой, что мне грозит удушье. Несколько раз я срываюсь: цепляюсь, заклиниваюсь и каждый раз ухитряюсь как-то задержаться. Сердце готово выскочить из груди, и я вынужден остановиться. Новый приступ энергии позволяет мне ползком добраться до верха. Уцепившись за ноги измученного Террая, я выползаю наружу. Террай возле меня. Я шепчу:

183

— Лионель! Я умираю!..

Он поддерживает меня и помогает вылезти из трещины. Нужно добраться до Ляшеналья и Ребюффа, сидящих на снегу в нескольких шагах от нас. Как только Лионель меня отпускает, я валюсь на снег и ползу на четвереньках.

Погода великолепная. Вчера выпало много снега. Вершина сверкает. Никогда она не была так красива! Наш последний день будет прекрасен.

Ребюффа и Террай совсем ослепли. Террай поминутно спотыкается, и мне приходится вести его. Ребюффа также не в состоянии самостоятельно сделать ни одного шага. Ужасно быть слепым, когда опасность подстерегает на каждом шагу. У Ляшеналья отморожены ноги, и он не владеет собой. Его поведение внушает тревогу, ему вдруг приходят в голову бредовые идеи:

— Я тебе говорю... надо спускаться... сюда, вниз...

— Ты же босой!

— Не беспокойся!

— Ты сошел с ума... не сюда... налево!

Он уже поднялся и хочет спускаться по склону прямо вниз. Террай его удерживает и ощупью помогает надеть ботинки.

Я живу словно во сне. Смерть близка, я чувствую. Какая прекрасная смерть для альпиниста! Как она гармонирует с благородной страстью, владеющей нашими душами! Я благодарен вершине за то, что она сегодня так прекрасна. Ее безмолвие напоминает величие собора. Я нисколько не страдаю и не волнуюсь. Мое спокойствие ужасно. Шатаясь, Террай подходит ко мне. Я говорю ему:

— Для меня все кончено! Уходите, у вас есть еще шанс, надо его использовать... Идите влево... путь там!

Я чувствую себя лучше после этих слов. Мне хорошо. Но Террай смотрит на вещи иначе:

— Мы поможем... Если мы отсюда вылезем, значит, спасешься и ты!

В этот момент Ляшеналь кричит:

— На помощь! На помощь!..

Он явно не понимает, что делает. А может быть, понимает? Ведь он один может сейчас видеть лагерь II. Может быть, его призывы будут услышаны.

Это крики отчаяния, они трагически напоминают мне сигналы бедствия, подаваемые в массиве Монблана альпинистами, которых я некогда пытался спасти. Теперь наша очередь... Я чувствую это очень остро: да, мы действительно терпим бедствие.

Я присоединяю свой голос:

— Раз... два... три... На помощь!

— Раз... два... три... На помощь!

Мы стараемся кричать хором, но тщетно, вряд ли наши крики слышны больше чем на несколько метров. С моих губ срывается скорее шепот, чем крик.

Террай требует, чтобы я надел ботинки. Но руки окаменели, я не в состоянии это сделать. Ничего не видя, Ребюффа и Террай вряд ли смогут мне помочь. Я говорю Ляшеналю:

— Помоги мне надеть ботинки.

— Ты что, спятил? Надо спускаться!..

Он устремляется по неправильному пути прямо вниз. Я не чувствую ни малейшей обиды. Происшедшие события и высота сильно повлияли на его разум.

Террай решительно хватая нож, ощупывает своими окаменевшими пальцами ботинки и разрезает верх. Теперь их можно надеть. Приходится делать несколько попыток, так как задача не из легких. Вскоре я впадаю в уныние. Зачем мучиться, раз все равно мне суждено здесь остаться? Но Террай тянет вовсю. В конце концов он добивается успеха. Он зашнуровывает эти громадные ботинки, пропуская крючки. Я готов. Но как я смогу идти, если ни ноги, ни руки не гнутся?

— Налево, Лионель!

— Не болтай вздора, Морис,— говорит Ляшеналь,— надо идти направо и прямо вниз!

Террай озадачен этими противоречивыми указаниями. Он не смирился, как я, он продолжает бороться, но что можно сделать в такую минуту? Трое товарищей спорят о правильном пути.

Я сижу на снегу. Мало-помалу сознание затуманивается.

Зачем сопротивляться? Будь что будет! В мозгу возникают видения: тенистые склоны, мирные тропинки... запах смолы... Как хорошо! Я умираю в своих горах... Я ничего не чувствую, все во мне замерзло...

— А-а!.. А-а!..

Что это? Предсмертный хрип... или призыв?

Я собираю все силы, чтобы крикнуть: «Сюда идут!..»

Остальные меня услышали, они кричат от радости.

Сказочное явление! Шац!.. Это Шац!

В двухстах метрах от нас, погружаясь по пояс в свежий снег, Марсель Шац, как корабль, плывет по склону.

Изумительное видение неотразимо сильного и могучего спасителя! Я жду от него всего. Я перенес глубочайшее потрясение. Я был уже в объятиях смерти, я отдался ей. Теперь я возвращаюсь к жизни, я хочу жить! Во мне происходит резкий перелом... Нет, не все еще потеряно!

Он приближается... Мой взор прикован к нему... двадцать метров... десять метров... Он идет ко мне... Зачем? Он молча нагибается, прижимает меня к своей груди, целует... Его горячее дыхание меня оживляет...

Я не могу сделать ни одного движения: я как мрамор! Сердце рвется от волнения.

Глаза остаются сухими.

— То, что вы сделали, прекрасно! — говорит Шац.

186 Я то прихожу в себя, то теряю сознание. У меня странное ощущение, как будто глаза стали стеклянными. С материнской заботливостью Шац привязывает меня к своей веревке. Мои товарищи кричат от радости. Безоблачное небо глубоко синего, характерного для больших высот цвета, столь темное, что почти видны звезды. Мы купаемся в жарких лучах солнца. Шац обращается ко мне:

— Морис, голубчик, пошли потихоньку!

Голос проникнут нежностью. Я с благодарностью повинуюсь. С его помощью мне удастся подняться и как-то удерживать равновесие. Двигаясь вперед, Шац тихонько тянет меня за собой. У меня такое чувство, как будто я вхожу в соприкосновение со снегом через посредство двух посторонних предметов, твердых, прямых, как ходули: это мои ноги...

Остальных я уже не вижу, а обернуться боюсь, чтобы не потерять равновесия.

Блеск снега ослепляет. Мы не проходим и двухсот метров, когда, обогнув ледяную стену, наталкиваемся на палатку. Мы ночевали в двухстах метрах от лагеря!

Кузи поднимается при нашем появлении. Не говоря ни слова, он сжимает меня в объятиях и целует. Террай бросается в палатку снять ботинки. У него тоже немного обморожены пальцы на ногах. Он немилосердно их трет и хлещет.

Во мне оживает воля к жизни. Стараюсь трезво оценить положение. У нас немного ресурсов, нужно суметь их использовать. Единственное спасение — это Удо. Он один сможет спасти наши руки и ноги. Я с восторгом принимаю предложение Шаца: немедленно спускаться в нижний лагерь IV, вновь установленный шерпами.

Террай хочет остаться в палатке. С энергией отчаяния он колотит по ступням и кричит:

— Приходите за мной завтра. Я хочу быть целым или мертвым!

У Ребюффа ноги также поморожены, но он предпочитает немедленно спускаться и скорее добраться до Удо. Вместе с Кузи и Ляшеналем он начинает спуск. Шац продолжает меня опекать, за что я ему глубоко благодарен. Он берет за веревку и дружески подталкивает меня вперед.

Сразу идет очень крутой склон. Тонкий слой снега на льду наполовину растаял и совершенно не держит. Я часто срываюсь, но каждый раз Шац задерживает меня на натянутой веревке.

Ниже на склоне виден широкий след. Видимо, отсюда наши товарищи просто съехали к нижнему лагерю IV, вызвав лавину, очистившую склон. Это усложняет и без того нелегкий спуск. В лагере ко мне сразу же подходят шерпы, занимавшиеся раскапыванием заваленных лавиной палаток. В их взглядах столько доброты и сочувствия, что я впервые осознаю, насколько печально мое положение. В углу Ляшеналь растирает свои ноги, а Панзи время от времени ободряет его, уверяя, что доктор-сагиб его вылечит.

Я тороплю людей, главная цель — быстрейший спуск. Наплевать на снаряжение, нужно покинуть вершину до следующей атаки муссона.

Судьбу пострадавших решают считанные часы. Ляшеналь, Ребюффа и меня необходимо сопровождать, и для этой цели я выбираю Айлу и Саркэ. Стараюсь объяснить шерпам, что они должны страховать меня на очень короткой веревке. Ляшеналь и Ребюффа, не знаю почему, связываться не хотят.

Пока мы спускаемся, Шац вместе с Анг-Таркэ и Панзи идет вверх за Терраем. Шац молодец! Никто другой не способен проявить ни малейшей инициативы.

После трудного подъема он добирается до Террая:

— Можешь собираться, через некоторое время пойдем, — говорит он.

— Ноги начинают отходить, — отвечает Террай, настроенный теперь более мирно.

— Я пройду к трещине... Морис не нашел аппарата... а там все высотные снимки!..

Террай не отвечает, он плохо соображает. Лишь через несколько дней мы оценим героизм Шаца. Он долго копается в снегу на дне пещеры. Террай начинает беспокоиться... Наконец, Шац возвращается, неся фотоаппарат с пленкой, снятой на вершине. Он нашел также мой ледоруб и другие вещи. Однако киноаппарата он так и не

откопал. Таким образом, фильм заканчивается кадрами, снятыми на высоте 7000 метров.

Начинается спуск. Анг-Таркэ ведет себя изумительно, он идет впереди и рубит для Террая удобные ступени. Спускаясь последним, Шац внимательно страхует всю группу.

Первая группа, в которой иду я, спускается бесконечно медленно. Снег мягкий, и мы проваливаемся по колено. Ляшеналь чувствует себя все хуже, он часто останавливается, жалуется на свои ноги. Ребюффа идет в нескольких метрах за мной.

188 Необычная жара внушает тревогу. Я боюсь, что именно здесь может закончиться история Аннапурны. Говорят, что альпинисты обладают шестым чувством, предупреждающим их об опасности. Сейчас я чувствую эту опасность всем своим существом. Я ощущаю что-то необычное в атмосфере. Накануне был большой снегопад, и сейчас жара подтачивает эти колоссальные, готовые обрушиться массы снега. В Европе ничто не может дать представления об ужасной силе таких лавин. Они не имеют ничего общего с лавинами в Альпах. Они идут фронтом в несколько километров, а впереди движется сметающая все ударная волна.

Отражение от снега так сильно, что без очков невозможно открыть глаза. Никогда еще вершина не была столь величественной, как в эти минуты крайней опасности. К счастью, мы довольно далеко друг от друга: риск немного меньше.

Шерпы забыли путь. То и дело я с большим трудом, выхожу вперед и спускаюсь на всю длину веревки до удобного места. У меня нет кошек, держать ледоруб я не в состоянии. Слишком медленно, как мне кажется, мы теряем высоту, меня угнетает, что шерпы так медлительны, излишне осторожны и в то же время так неуверенны. В действительности они идут прекрасно, но я горю нетерпением и не могу объективно оценить их возможности.

Ляшеналь намного отстал, каждый раз, когда я оборачиваюсь, я вижу его сидящим на склоне. Он тоже обжег себе глаза, хотя не так сильно, как Ребюффа и Террай, и это мешает ему уверенно выбирать путь. Ребюффа движется наугад, его лицо искажено страданием. Тем не менее он упрямо идет вперед. Кулуар пройден без всяких происшествий, и я рад, что этот опасный участок остался позади.

Солнце в зените. Погода великолепна, краски изумительны.

Внезапно под ногами шерпов появляется трещина: отделяется колоссальный участок склона, трещина становится все длиннее и шире. В голове мелькает дикая мысль: бежать вверх по склону, добраться до надежного снега... Меня приподнимает, подхватывает нечеловеческая сила. Шерпы исчезают из виду. Я лечу через голову... ничего не вижу... Ударяюсь головой об лед... Несмотря на все усилия, дышать невозможно. Резкий удар по левому бедру причиняет мне острую боль. Я кувыркаюсь, как картонный паяц... Сквозь мелькающий перед глазами снег, как молния, ослепительно сверкает солнце... Веревка, соединяющая меня с Саркэ и Айлой, захлестывается вокруг шеи: шерпы, катящиеся ниже по склону, меня сейчас задушат. Боль невыносима... Я задыхаюсь! Непрерывно ударяюсь об лед. Меня бросает от одного серака к другому... Снег душит... Вдруг веревка резко натягивается. Я останавливаюсь. Не приходя окончательно в сознание, начинаю непроизвольно мочиться.

Открываю глаза. Я вижу головой вниз; веревка держит меня за шею и левую ногу. Я подвешен над пропастью в какой-то ледяной дыре. Развожу в стороны локти, пытаюсь прекратить невыносимое качание, отбрасывающее меня от одной стенки к другой. Подо мной виднеются нижние склоны кулуара. Дыхание восстанавливается. Какое счастье, что веревка выдержала!

Надо непременно выбраться отсюда. Ноги и руки потеряли чувствительность, но можно использовать небольшие неровности стенок, где уместится край подошвы. Резкими рывками мне удастся освободить от веревки левую ногу. С большим трудом я переворачиваюсь и поднимаюсь на несколько метров. После каждого движения останавливаюсь, уверенный в том, что исчерпал последние силы. Через секунду, возможно, я сорвусь, и все будет кончено.

Еще одно отчаянное усилие: еще несколько сантиметров!.. Тяну за веревку... чувствую на другом конце что-то мягкое, наверное, тела шерпов. Я кричу... но так слабо! В ответ гробовое молчание.

А где Гастон?

На меня падает тень, как будто проходит облако. Инстинктивно поднимаю глаза... Чудо!..

Две черные, испуганные физиономии вырисовываются на фоне голубого неба: Айла и Саркэ!

Шерпы целы и невредимы. Они собираются меня спасти. Я не в состоянии дать ни малейшего совета: Айла исчезает, Саркэ остается у края дыры. Они начинают

тянуть веревку очень осторожно, чтобы не причинить мне боль. Уверенность и сила, с которыми они вытаскивают меня, укрепляют мое мужество. Наконец, я вылезаю из дыры и валюсь на снег.

К счастью, при падении я и шерпы уравнили друг друга. Вербка застряла на ледяном гребешке, и мы повисли по обеим сторонам его. Если бы не случай, мы летели бы еще пятьсот метров. Вокруг нас все перевернуто лавиной. Где Ребюффа? Я в смертельной тревоге: он не был связан... Подняв глаза, вижу его в ста метрах от нас:

— Все в порядке! — кричит он.

190

Я облегченно вздыхаю, но ответить ему не в силах. Лежа на снегу в полубессознательном состоянии, смотрю тупым взором на окружающий меня хаос.

Мы пролетели более ста пятидесяти метров. Остаться здесь опасно! Что, если пойдет вторая лавина? Я говорю шерпам:

— Now... Doctor Sahib... Quick, very quick!¹

Стараюсь объяснить жестами, показать, что меня надо держать очень надежно. При этом выясняется, что я повредил левую руку. Невозможно ею двигать, она не сгибается в локте. Перелом? Может быть. Позднее увидим!

Скорее к Удо!

Ребюффа начинает спускаться, он идет на ощупь и очень медленно. Сердце сжимается при виде его. Он также летел с лавиной и, очевидно, ударился лицом об лед, так как губы кровоточат. Он потерял свои очки, впрочем, и я также. Мы вынуждены держать глаза закрытыми. Айла обнаруживает у себя пару запасных очков, которые приходятся мне как нельзя кстати. Саркэ, не колеблясь, отдает свои очки Ребюффа.

Нельзя терять ни секунды. Скорее вниз! Шерпы помогают мне подняться. Я двигаюсь с трудом, еле сохраняя равновесие. Шерпы понимают, наконец, что должны меня страховать. Огибаем участок, где прошла лавина. Вскоре вновь видны следы.

Перед нами первая стена. Как по ней спускаться? Снова прошу шерпов страховать меня как можно лучше:

— Take me up strongly because...²

И я показываю им свои руки.

— Yes, Sir,— отвечают они хором, как прилежные ученики.

¹ Теперь... доктор сагиб... Быстро, очень быстро!

² Держите меня крепче, потому что ...

Дохожу до крюка. От него вдоль стены свешивается веревка. За нее нужно ухватиться, другого выхода нет. Тяжелое испытание! Мои ноги, твердые, как дерево, царапают ледяную стену. Онемевшие руки не могут держать тонкую веревку. Стараюсь обернуть ее вокруг кистей. Но они распухли, в нескольких местах кожа треснула. Громадные клочья кожи отделяются и прилипают к веревке. Обнажается мясо. Однако надо продолжать, нельзя же остановиться на полпути.

— Ailal Pay attention!.. Pay attention!..³

Чтобы освободить кисти, я пропускаю веревку через предплечье и таким образом рывками опускаюсь. Приземляясь, я прыгаю примерно с высоты метра. Вербка выворачивает мне предплечье и запястье. Резкий удар отзывается в верхней части ног. Странный треск заставляет меня думать, что где-то произошел перелом. Вероятно, я не чувствую боли из-за отморожения.

За мной спускаются Ребюффа и шерпы, и мы продолжаем путь. Он кажется мне бесконечным. Плато с лагерем II представляется невероятно далеким. Мои силы исчерпаны. Каждую секунду я готов сдаться. Зачем упорствовать? Теперь для меня все кончено. Совесть моя спокойна: все спасены. Остальные спустятся... Вижу далеко, далеко, внизу палатки... Собираю остатки сил. Еще час, только час! Даю себе эту отсрочку, а затем, где бы я ни был, лягу на снег и, счастливый, освобожденный от всех забот, спокойно усну.

Это решение придает мне мужества. Я скользну не оставившись. На таком склоне шерпы удерживают меня с трудом. Это чудо повторяется каждую секунду. Следы обрываются над бездной... вторая стена, самая большая, с навешенной веревкой. Пытаюсь примириться с неизбежным, но не могу даже представить себе, как я буду спускаться. Снимаю рукавицу с одной руки и красный шелковый шарф с другой. На этот раз все ставится на карту... Тем хуже для пальцев!

Помещаю Саркэ и Айлу на то место, откуда я обычно их страховал. Вдвоем, упираясь друг в друга, они держат страховочную веревку. Стараюсь схватить навешенную веревку. Никакой пощады! Закладываю ее между большим и указательным пальцами... обе руки кровоточат. Начинаю спуск. Сразу же возникает мучительная альтернатива: если я отпущу веревку, мы все полетим вниз, если удержу, что останется от рук? Я удержу.

³ Айла, внимание!.. Внимание!..

Каждый сантиметр причиняет ужасную боль, но я твердо решил с этим не считаться. От вида моих рук меня мутит. Обнаженное мясо ярко-красного цвета, веревка вся в крови. Стараюсь не полностью отрывать клочья кожи: предшествующие несчастные случаи научили меня, что следует тщательно сохранять эти лохмотья, так как в этом случае рана заживает быстрее. Пытаюсь по возможности уберечь руки, притормаживая животом, плечами, всеми возможными точками опоры. Когда же кончится эта пытка?

Добираюсь до ледяного карниза, край которого я сам же срубил ледорубом при подъеме. Болтаю ногами, стараясь нащупать площадку. Увы! Кругом лед. Ни крупинки снега. Я еще не дотянулся. В отчаянии кричу шерпам: — Айла... Саркэ...

Страховочная веревка спускается быстрее, и трение увеличивается.

Мои руки в ужасном состоянии. У меня такое чувство, что все мясо содрано. Наконец нога нащупывает какое-то препятствие — это расщелина. Все-таки добрался! Теперь, по-прежнему на страховке, надо проползти по ней. Всего три метра, но как они трудны!.. Теперь все!.. Погрузившись по пояс в снег, я лежу, измученный, не думая о времени.

Ребюффа и шерпы уже подошли ко мне. Приоткрыв глаза, вижу черные точки, передвигающиеся возле палаток лагеря II. Саркэ обращает мое внимание на двух шерпов, поднимающихся нам навстречу: они еще далеко, но все же это придает мне мужества.

Приходится вставать, отряхиваться; движение все более и более мучительно. Мне кажется, что отморожение уже достигло локтей и икр. Хотя погода стала пасмурной, Саркэ надевает на меня очки и натягивает на правую руку рукавицу. Левая рука так изуродована, что при виде ее ему становится не по себе, и он спешит обернуть ее моим красным шелковым шарфом.

Кошмарный спуск возобновляется. Кажется, каждый шаг будет последним. Мимо нас мчится туман, по временам через просветы видны силуэты поднимающихся шерпов. Вот они добрались до основания лавинного конуса. Но почему они остановились? Меня снова охватывает отчаяние.

Опять идет снег. Еще длинный траверс по трудному склону с ненадежной страховкой. Конус — в пятидесяти метрах.

Узнаю в быстро приближающихся шерпах Путаркэ и Ангаву. Они боятся услышать печальные вести. Ангава,

вероятно, беспокоился о своих братьях Айле и Панзи. Айла с нами, он может его лицезреть целого и невредимого, а где Панзи?

Начинаются переговоры на расстоянии. Когда мы доходим до них, они уже все знают. У меня вырывается глубокий вздох облегчения, безмерная тяжесть свалилась с меня, такая тяжесть, от которой, казалось, я каждую минуту готов был умереть. Путаркэ рядом со мной. Его дружеская улыбка полна нежности и участия. Кто назвал этих людей «примитивными»? Кто сказал, что тяжелые условия существования лишили их чувства сострадания? Шерпы бросаются ко мне, снимают рюкзаки, открывают флажки...

Хотя бы пару глотков... не более! Как долго я об этом мечтал!

Путаркэ бросает взгляд на мои руки и в замешательстве поднимает глаза. С бесконечной грустью он шепчет:

— Ведный Бара-сагиб!

Появление шерпов подбадривает меня.

Теперь уже лагерь II недалеко. Путаркэ меня поддержит, а Ангава будет страховать обоих.

Путаркэ ниже меня, обнимаю его за шею и, опираясь на плечи, крепко прижимаюсь к нему. От его близости мне делается легче, теплота его тела придает мне силы.

Координация движений нарушена, я иду неровными шагами, все больше и больше наваливаясь на Путаркэ. Даже с его помощью хватит ли у меня силы дойти? Собираю последние остатки воли. Умоляю Путаркэ помочь. Он снимает с меня очки: я вижу лучше. Еще несколько шагов... последних...

* * *

В лагере II Марсель Ишак, в течение двух дней следивший за нами в бинокль, тщательно записал свои наблюдения. Вот несколько выдержек из его дневника:

Суббота 3 июня ¹ — лагерь II: Удо и Нуаель выходят в 9 часов ²; в 10 часов 30 минут Нуаель возвращается. Может быть, применение кислорода себя не оправдало? Не мала ли подача к маске? Удо и трое шерпов очень медленно поднимаются по конусу.

¹ В этот момент мы с Ляшеналем выходили из лагеря V по направлению к вершине.

² Удо и Нуаель намеревались подняться в лагерь III и установить там палатки взамен унесенных Гастоном и Лионелем. Для Удо этот подъем явился важной проверкой эффективности использования кислорода.

В это время я играю в прятки с облаками, наблюдая в трубу теодолита, и слежу в бинокль за связками, находящимися над сераками «Серпа»: четыре человека — Лионель и Ребюффа, за ними Кузи и Шац.

Мориса не видно. Он, наверное, где-то на предвершинных склонах. Они более пологи и отсюда не видны. Сильный ветер, поземка. Но сейчас уже Морис должен быть недалеко от вершины. Может быть, даже...

Воскресенье 4 июня. Пасмурный день. В середине ночи начинает падать крупа, затем снег. Сильный северный ветер. Аннапурна исчезает в тумане. Я утомлен и полон тревоги. Что с остальными?

К полудню выпало двадцать сантиметров свежего снега. Непрерывные лавины, видимости никакой.

В 16 часов услышали голоса. Из тумана, кончающегося метров на сто ниже лагеря, появляются четыре силуэта: Удо и трое шерпов. Вероятно, они проваливаются по пояс. Все, что мы можем для них сделать, — это согреть воды.

В лагерь III они добрались вчера к 19 часам. Сегодня Удо просидел все утро в палатке. К 13 часам погода стала ухудшаться. Аджиба ему сказал:

— Это муссон! Если мы здесь останемся, нас ждет смерть!

Понедельник 5 июня. Закончится ли этот день лучше, чем он начался? Сколько волнений нам пришлось пережить!.. Была минута, когда мне начало казаться, что из восьми человек, покинувших 30 марта Ле Бурже, только мы с Удо останемся в живых!

В 6 часов мне послышался крик, и я вышел из палатки: среди грозных туч встает солнце. Ничего не видно. Возвращаясь в свой спальный мешок, но тут же отчетливо раздаются два призыва; в бинокль на ледяном склоне видны два человека, они на высоте лагеря IV, но значительно левее. Они кричат почти непрерывно и машут руками: кто это? Удо считает, что это Кузи и Шац. Их неподвижность (особенно одного из них) внушает тревогу. Наверное, поморожены ноги. На что они надеются? В обычное время при хорошей погоде нужно не меньше 10 часов, чтобы до них добраться. Но муссон непрерывно атакует... глубокий снег... Крики не прекращаются, дело плохо. А где остальные восемь?.. Ближе к вершине? В лагере IV сейчас, вероятно, неладно, но почему они не спускаются в лагерь III?

8 часов: Удо готовит спасательный отряд. Не хватает ледовых крючьев и другого снаряжения. Нуаель и Аджиба уходят в лагерь I за подмогой (за снаряжением и Даватон-

дупом). Шерпы встревожены. Трое принадлежат к одной семье. Панзи, Айла и Ангава.

8 часов 30 минут: Крики продолжаютсЯ. На всякий случай пишу на снегу буквы «Vu» ¹. Через несколько минут один человек быстро идет к серакам, под которыми должен находиться лагерь IV. Не дойдя до горизонтали триста метров, он останавливается, подает сигналы и возвращается. Остальные как будто без особого труда встают и проходят через лагерь IV. Теперь их не двое, а четверо.

Таким образом, всего там четверо, плюс тот, кто вышел им навстречу, плюс товарищ или товарищи последнего! Местоположение лагеря IV около воронки «Серпа» лучше защищено, и отсюда можно быстро спуститься к лагерю III или II. Как раз сейчас лавины прекратились.

9 часов 30 минут: Виден Нуаель, он добрался до лагеря I.

10 часов: Наконец в воронке «Серпа» появляются три человека, спускающиеся к лагерю III (один сагиб, два шерпа?). Ветер западный. Чудом еще держится хорошая погода. Аннапурна свободна от облаков. Если бы погода сохранилась!

11 часов: Появляются два человека, быстро спускающиеся по следам первой группы. Они не связаны, вероятно, это сагибы. При таком темпе движения они будут здесь до вечера. Наконец-то мы все узнаем!..

11 часов 15 минут: Появляется фигура, как раз в том месте, где мы видели утром человека, и д у щ е г о п о н а п р а в л е н и ю к л а г е р ю V. Он останавливается и явно смотрит вверх. Это до некоторой степени хороший признак, так как этот человек, очевидно, не один в лагере IV. Таким образом, он и его вероятный товарищ, это уже двое. Три+два — пять человек на спуске, а всего семь. Из десяти — семь. Как будто где-то выше должна быть еще одна связка.

12 часов 20 минут: Слежу за группой из четырех человек, траверсирующих очень крутой склон над лагерем III. За ними отставший одиночка. Затем, очень высоко, еще один, который только что вышел из лагеря IV и очень быстро спускается: может быть, это один из тех, кого я недавно видел? Внезапно из-под ног у тех, кто подходил к лагерю III, как извержение вулкана, вырывается снежное облако. Беспорядочно кувыркаясь, люди катятся по склону. Лавина уходит вниз: на снегу неподвижно лежат три человека, тот, кто находится ниже всех, проле-

¹ Увидели.— *Прим. пер.*

тел метров сорок ¹. Он встает и поднимается по склону, затем появляются еще двое, когда они расходятся, за ними виден четвертый. Слава богу, все целы!

Наши шерпы поняли, что случилось. Ангава и Путаркэ выходят навстречу с ледорубами и очками взамен утерянных при падении. Потерпевшие продолжают спуск, в 15 часов в верхней части лавинного конуса они встречаются с двумя шерпами. Наконец-то мы все узнаем!

* * *

Палатки лагеря II теперь совсем близко... Ишак, Нуаель, Удо устремляются к нам. Мне не терпится сообщить им радостное известие. Я кричу:

— Мы возвращаемся с Аннапурны... Позавчера мы были с Ляшеналем на вершине!

И после некоторой паузы:

— У меня отморожены руки и ноги?..

Все они помогают мне, Ишак что-то протягивает. Нуаель поддерживает. Удо уже начинает осмотр...

Моя роль закончена. Мы добились успеха, и я знаю, что все товарищи вскоре будут здесь.

Спасены!.. Аннапурна побеждена, и мы спустились. Теперь инициативу должны взять на себя мои товарищи, и в первую очередь Удо, на которого мы возлагаем все надежды. Я целиком передаю себя в их руки. Я доверяюсь преданности друзей. Для меня теперь имеет значение лишь завоеванная нами победа, которая навсегда останется в наших сердцах, как сверкающая радость и безмерное утешение.

Другие должны теперь организовать возвращение и доставить нас на землю Франции.

Товарищи хлопочут вокруг меня: снимают рукавицы, штормовку, укладывают в приготовленную для меня палатку. Все это меня вполне устраивает, новое существование будет недолгим, но сейчас оно приятно и удобно. Несмотря на ухудшение погоды, вскоре появляются остальные: сначала приходит Ребюффа, у него поморожены пальцы на ногах, и ему очень трудно двигаться. Сокровавленными губами, с измученным лицом он производит тяжелое впечатление. Так же как и меня, его быстро раздевают и до оказания первой помощи укладывают в палатку.

¹ В действительности — сто пятьдесят метров.

Ляшеналь еще далеко. С отмороженными ногами, измученный, ослепший, как он смог пройти этот тяжелый и опасный путь? На спуске его догоняет Кузи, который помогает ему идти. Ляшеналь преодолевает небольшие трещины, глиссируя на задугу. Кузи, сам страшно утомленный, все же оказывает ему большую помощь.

Вплотную за ними следует Лионель; Террай в связке с еще очень крепким Шацем. Маленькая группа подходит к лагерю. Впереди Лионель.

Марсель Ишак идет ему навстречу, к большому конусу. Появление Террая полно драматизма. Совершенно ослепший, он идет навалившись на Анг-Таркэ. Его лицо, обрамленное громадной бородой, искажено гримасой боли. Этот сильный человек, этот богатырь, едва передвигая ноги, восклицает:

— Но у меня еще много сил! Если бы я мог видеть, я бы спустился сам!

Нуаель и Удо потрясены его видом. Всегда такой сильный, как измучен и беспомощен он сейчас! Это ужасное зрелище переворачивает им душу.

Сразу же за Терраем приходят Шац, Кузи и, наконец, Ляшеналь. Последнего почти несут два шерпа. Беспорядочными движениями он выбрасывает вперед ноги, и издали впечатление такое, как будто он крутит в пустоте педали. Откинутая назад голова перевязана. Лицо изуродовано нечеловеческими страданиями и бесконечной усталостью. Вряд ли он смог бы еще продержаться больше часа. Так же как и я, он назначил себе краткий срок, и это помогло ему добраться до цели. И, однако, несмотря ни на что, наш Бискант находит в себе силы сказать Ишаку:

— Хочешь видеть, как проводник из Шамони спускается с Гималаев?

Вместо ответа Марсель Ишак протягивает ему кусок сахара, пропитанный адреналином. Террай ищет палатку в двадцати сантиметрах от своего носа. Больно видеть, как он протягивает руку, осяпывая препятствия. Ему помогают, его укладывают. Ляшеналь также вытягивается на надувном матраце.

Отступление

198 Теперь уже все спустились вниз и собрались в лагере II. Но в каком состоянии! Инициатива теперь принадлежит Удо. Он производит беглый осмотр. При виде ужасного зрелища, которое мы собой представляем, на его лице попеременно отражаются то отчаяние друга, то суровое хладнокровие хирурга.

Меня он осматривает первым. Руки и ноги намного выше запястий и колен совершенно потеряли чувствительность. Руки в ужасном виде: в сущности на них не осталось кожи, а немногие сохранившиеся куски свисают черными клочьями. Пальцы распухшие, искривленные. Ноги едва ли выглядят лучше: подошвы коричневато-фиолетового цвета и абсолютно нечувствительны. Я боялся, что рука, причинявшая мне такую боль, сломана, но как будто ничего серьезного нет. С шеей тоже все в порядке.

Полный тревоги, я жажду узнать первое впечатление Удо.

— Что ты об этом думаешь? — спрашиваю я его, готовый услышать худшее.

— Дело очень серьезное. Вероятно, кое-что придется ампутировать и на руках, и на ногах. Пока я не могу сказать более определенно.

— Ты надеешься что-нибудь спасти?

— Уверен, что это удастся. Сделаю все возможное.

Это звучит не слишком ободряюще. Я не сомневаюсь, что руки и ноги придется ампутировать.

Удо измеряет мне кровяное давление. Кажется, он несколько озабочен. В правой руке давления нет, в левой также. Слегка отклоняясь, стрелка показывает, что в ногах сохранился слабый приток крови.

Положив мне на глаза повязку для предотвращения офтальмии, Удо говорит:

— Я хочу осмотреть Ляшенала. Вернусь сразу же и сделаю тебе инъекции. Мне приходилось заниматься этим

во время войны. Это единственное средство, помогающее при обморожении.

Состояние Ляшенала немного лучше. Руки у него не повреждены, а на ногах почернели только пальцы, однако зловещие пятна появились и на пятках. Скорее всего он потеряет большие пальцы, но это не мешает ему заниматься альпинизмом и по-прежнему быть проводником.

Состояние Ребюффа гораздо менее серьезно. Его ноги обычного цвета, за исключением двух маленьких серых пятен на пальцах. В течение часа Ишак массирует ему ноги, и Ребюффа становится легче. Глаза у него еще болят, но это пройдет через пару дней.

Террай невредим: как и Ребюффа, он страдает от офтальмии — очень болезненного, но непродолжительного заболевания. Кузи очень слаб и, очевидно, не сможет помогать.

199

Таково положение дел!..

Медленно наступает ночь. Удо готовит свои инструменты, привлекает Ишака и Шаца в качестве санитаров, и лагерь II превращается в госпиталь. В холоде, в самых неприспособленных условиях, под постоянный грохот лавин, эти люди до поздней ночи борются за спасение своих друзей. Вооружившись фонариками, они переходят из палатки в палатку, склоняясь над больными, оказывая им первую помощь. Прилепившийся на высоте 6000 метров, этот лагерь лишь маленькая точка, затерянная на склонах одной из высочайших вершин мира.

Удо уже готов делать мне артериальные вливания. Операция сложная. При слабом свете лампы, в полутьме Ишак старается, насколько это возможно, стерилизовать шприцы при помощи эфира. Прежде чем приступить к делу, Удо объясняет:

— Я хочу ввести тебе новокаин в бедренную и плечевую артерии.

Поскольку повязка на глазах мешает мне видеть, он прикасается пальцем к тем местам, куда введет иглу: к паху и к сгибам локтей.

— Будет больно. Может быть, с первого раза я не попаду в нужное место. Но во всяком случае ты не должен двигаться, особенно в тот момент, когда я попаду в артерию.

Все эти приготовления отнюдь не успокаивают: уколы всегда вызывали у меня чувство ужаса. Однако сделать их необходимо, это единственный выход.

— Давай, — говорю я Удо. — Но только предупреди меня, когда будешь колоть.

Может быть, в моем теперешнем состоянии я и не почувствую особой боли. До меня доносится шепот. Удо осведомляется, все ли готово, Ишак отвечает:

— Все в порядке. Подавать?

Удо проводит пальцами по моей коже. Чувствую острую боль в паху, и ноги начинают дрожать, я пытаюсь взять себя в руки. Он пробует снова, так как артерия ускользает от иглы. Еще укол, и все тело сводят судороги. Я напрягаюсь, хотя надо расслабиться, и чувствую, что нервы не выдерживают.

— Осторожней! — не могу я сдержаться.

Удо начинает сначала: кровь чрезвычайно густая и свертывается в игле.

— У тебя черная кровь — точь-в-точь как патока, — говорит он с изумлением.

Наконец-то! На этот раз попытка увенчалась успехом, несмотря на мои вопли, которые, я прекрасно это понимаю, еще больше усложняют процедуру.

Сейчас игла в нужном месте:

— Не двигайся! — кричит на меня Удо и обращается к Ишаку:

— Давай!

Ишак передает ему шприц. Я чувствую, как игла движется в моем теле, и жидкость начинает вливаться в артерию.

Никогда в жизни не представлял я, что можно выносить такую невероятную боль. Из всех сил стараюсь удержаться от дрожи — необходимо, чтобы операция прошла успешно. Жидкость продолжает поступать.

— Чувствуешь тепло? — меняя шприц, отрывисто спрашивает Удо.

Снова льется жидкость. Я стискиваю зубы.

— Чувствуешь тепло?

Удо настойчив — очевидно, это обстоятельство является решающим, и все же я ничего не чувствую. Несколько раз шприц опорожняется, наполняется и снова опорожняется.

— Ну как, чувствуешь что-нибудь?

— Как будто стало немного теплее, но это едва ощутимо.

Может быть, это самовнушение?

Игла резко вытаскивается. Ишак стерилизует инструменты, я пользуюсь кратковременной передышкой.

— Адская боль, — говорю я, как будто Удо это не ясно!

— Я знаю, но нужно продолжать.

Вся процедура повторяется с другой ногой. Мои нервы совершенно измотаны. Это невероятное напряжение доводит меня до изнеможения. Укол. Я кричу и плачу и тщетно пытаюсь не двигаться.

Из-за повязки ничего не видно. Если бы передо мной были лица друзей, может быть, мне было бы легче. Но я во тьме — ужасной тьме, и, кроме как внутри себя, нигде искать утешения.

Уже поздно. Все очень устали.

На сегодня кончено, и отряд скорой помощи отправляется в палатку Ляшеналея. Возможно, он перенесет эту боль с большим мужеством.

Наконец, по неясному шуму я понимаю, что процедура окончена. У Ляшеналея она, кажется, прошла быстрее. Террай спит в палатке Ляшеналея, а Кузи и Шац — около Ребюффа, который всю ночь бредит и стонет:

— Мои ноги!.. Мои ноги!..

Удо ложится рядом со мной. Если что-нибудь случится, он будет на месте...

На следующий день окончательно принимается план эвакуации всего лагеря: трех больных будут везти на саянях, двое могут идти с посторонней помощью, и четверо совершенно здоровы. Нам предстоит пройти километры ледника, спуститься со скальных стен, обойти или пересечь бесконечные морены и осыпи, переправиться через реку и преодолеть перевал высотой 4000 метров — и все это в муссон!

Сегодня 6 июня, и Ишак озабочен: он вспоминает экспедицию Тилмана на Нанда-Деву, задержанную на три недели разливом рек, вздувшихся от бурных муссонных ливней. Успеем ли мы добраться до долины Гандаки, где на нашем пути встретится меньше препятствий? Через неделю мы должны выбраться из высокогорья. Кузи скоро окончательно справится, Террай излечится от офтальмии, и Ребюффа сможет идти сам. Но есть и двое серьезно больных, которых в самых невероятных условиях придется нести на себе носильщикам вплоть до главной долины.

— Не могу поверить, — замечает Ишак, — но сегодня действительно прекрасная погода.

Из лагеря I прибывают медикаменты, с таким нетерпением ожидаемые Удо. Он начинает свой осмотр с меня. Впечатление благоприятное: вливания сделали свое дело, и тепло вернулось. Удо перебинтовывает мне руки. Хотя я не ощущаю настоящей боли, тем не менее в пальцах появляется некоторая чувствительность.

Я задаю все тот же вопрос:

— Что мне останется?

— Не могу определенно сказать. Картина еще не вполне ясна, и я надеюсь, мне удастся выиграть несколько сантиметров. Думаю, что ты сможешь пользоваться руками. Конечно,— он мгновенно колеблется,— придется отнять одну или две фаланги каждого пальца, но если удастся сохранить часть от больших пальцев, ты сможешь зажимать предметы, а это главное.

Известие удручающее. Но еще вчера я считал, что последствия будут значительно более тяжелыми. Для меня это означает крушение многих планов, новую жизнь, может быть, новые взгляды на мир... Меняется все, и у меня нет ни сил, ни воли заглядывать в будущее.

Я ценю мужество Удо и благодарен ему за то, что он не боится говорить со мной об ампутации. Он относится ко мне как к человеку и к другу, и я никогда не забуду его мужества и прямоты.

Вливания, которые уже принесли столько пользы, необходимо повторить. На этот раз процедура будет еще мучительнее. Эта мысль приводит меня в ужас. Стыдно сознаться, но мне страшно, а ведь стольким людям делались такие уколы. На этот раз предстоит ввести не новокаин, а ацетилхолин, несколько ампул которого принесли из лагеря I. Террай заходит в мою палатку и становится рядом. Он тоже ничего не видит из-за повязки, и его приходится водить под руки.

Пока Ишак и Удо готовят иглы, эфир и ампулы, я мысленно представляю себе черты Террая и провожу руками по его лицу. Я шепчу Лионелю:

— Какая пытка! — и умоляю:

— Побудь со мной.

— Не беспокойся,— отвечает он.

— Удо предупредит меня перед тем, как колоть... После этого мне нельзя шевелиться... Ты должен держать меня как можно крепче.

Я надеюсь, что присутствие Террая даст мне силы перенести эти тяжелые минуты. Удо начинает с ног. Так же как накануне, боль совершенно невыносима. Я кричу и плачу в руках Террая. Он держит меня изо всех сил. Я чувствую, что нога как в огне — как будто ее внезапно окунули в кипящее масло. Удо на седьмом небе от восторга, и все остальные разделяют его радость по поводу моих страданий: ведь это означает, что лечение идет успешно. Это придает мне мужества, и наконец после четвертого шприца необходимые 100 куб. см введены.

— Теперь руки, — объявляет Удо.

Процедура кажется бесконечной. Я совершенно измучен, но зато чувствительность правой руки определенно улучшилась. Удо бушует: иглы либо слишком толсты, либо слишком коротки, слишком тонки или слишком длинные — ни одна не подходит, и каждый раз это означает новый укол. Я снова вою, как собака, чуяющая смерть.

— Держи меня крепче, — сквозь рыдания говорю я Терраю, и без того напрягающему все силы. Я делаю невероятное усилие, чтобы не дрожать, но Удо все еще недоволен:

— Не шевелись, черт тебя побери! Будем колоть столько, сколько нужно, пока не получится.

— Прости меня. Я сделаю все, что могу, не бойся, я выдержу.

203

Протягиваю руку для новой попытки. Когда Удо находит артерию — закупоривается игла: густая кровь свертывается внутри. Начав от сгиба локтя, Удо постепенно поднимается все выше и выше к плечу, чтобы не колоть все время в одно и то же место. Дважды он попадает в нерв: я уже не могу плакать и только судорожно всхлипываю. Какое нечеловеческое страдание! Я ничего не могу с собой поделать. На мгновение Удо останавливается.

— Все будет в порядке, — заверяет меня Ишак.

— Потерпи, Морис! — шепчет Террай. — Скоро все кончится. Это ужасно, я знаю, но я здесь, рядом с тобой.

Да, он рядом. Если бы не он, я не вынес бы всего этого. Человек, которого мы привыкли считать суровым лишь потому, что он был сильным, душа которого скрывалась под маской напускной грубости, относится ко мне с такой любовью и нежностью, с какой мне никогда не приходится встречаться. Я прижимаюсь к нему лицом. Он обнимает меня за шею.

— Продолжай! Ну, давай же!

— Слишком коротка и тонка!.. — кричит Удо.

Он начинает терять терпение. Вся эта неразбериха с инструментами доводит меня до изнеможения. Хотел бы я знать, смогли бы в клинике сделать такой укол с первого раза?

Через несколько часов, на тридцать пятой попытке, процедура успешно завершается. Несмотря на дикую боль, я недвижим, пока шприц не пустеет. Удо искусно меняет шприц, не выводя иглы из артерии. После второго вливания я чувствую, как по телу разливается тепло. Удо ликует. Но это ощущение становится невыносимым, боль несравненно больше, чем при уколах в ноги. Я кричу и с отчаянием прижимаюсь к Терраю, однако по-прежнему

держу руку прямо, стараясь, чтобы она не сдвинулась с места. Я чувствую, что иглу вытаскивают и к руке прикладывают вату.

— С правой рукой покончено. Теперь — левая!

Удо не может найти артерию. Это озадачивает его. Я объясняю, что в молодости серьезно повредил эту руку. Теперь все ясно: вот почему он не мог измерить кровяного давления и найти пульс. Артерия смещена, поэтому сделать укол в локоть невозможно — придется делать его в плечо, а это гораздо сложнее. Я с ужасом вспоминаю о том, что было с правой рукой! Внезапно при пятой или шестой попытке Удо кричит:

— Нашел!

Я лежу абсолютно неподвижно: он вводит шприц за шприцем.

Затем Удо объясняет, что он собирается ввести мне новокаин в нервный узел. Для этого необходима длинная игла, которую можно было бы ввести через шею в область плевры. Мне становится плохо! Это уж слишком. В течение многих часов я выносил эти пытки, и для большего у меня уже нет сил. Но Удо не теряет времени. Игла готова, и он ощупывает мою шею:

— Понимаешь, это довольно сложное дело: нужно ввести иглу в определенном направлении, затем, натолкнувшись на препятствие, оттянуть ее влево, и можешь быть уверен, что попал в нужное место.

— Предупреди, когда будешь колоть!

Пауза. Слышно, как что-то двигают.

— Колю! — объявляет Удо.

Я беру себя в руки и намерен лежать совершенно неподвижно. Игла входит в тело, должно быть, она чудовищной длины. Она касается очень чувствительного места, и я кричу от боли. Террай меня держит. Теперь Удо старается попасть в нервный узел. Чувствую, как игла входит еще глубже. Попал! С первого раза! Должно быть, жидкость уже льется, но я ничего не ощущаю.

— Еще долго? — спрашиваю я чуть слышно.

— Почти все, — отвечает он сдавленным голосом. — Осталось ввести 20 кубиков.

Чувствую, как ужасная игла вытаскивается. Все кончено, и я могу отдохнуть. Удо очень доволен: почти день работы, но зато он сумел сделать все, что хотел. Никогда в жизни не испытывал я таких страданий, но если мои руки и ноги будут спасены, то лишь благодаря Удо и его настойчивости. Ишак помогает ему собрать инструменты и отнести в палатку Ляшенала. В настоящий момент

Удо доволен моим общим состоянием, но как перенесет мой организм общее обморожение?

Лагерь все больше и больше напоминает госпиталь: мысли и действия каждого определяются состоянием больных. Глаза всех прикованы к Удо. Теперь он у нас первый после бога.

В этот же день начинается невероятно трудная работа по транспортировке больных, которая окончится только после долгого и мучительного отступления в течение шести недель под проливным дождем, по крутым и опасным склонам. Этот переход, во время которого больные возвращаются к жизни, навсегда останется примером величайшего подвига, делающего честь всем членам экспедиции.

В нашем распоряжении сверхлегкие сани, укрепленные на двух лыжах. Шерпы, естественно, незнакомы с этим приспособлением, поэтому Удо и Ишак решают сделать Ребюффа, чувствующего себя лучше остальных, жертвой первого эксперимента.

Шац принимает на себя руководство. Он размещает четырех шерпов в виде буквы V вокруг саней, и процессия трогается в путь в 2 часа 30 минут. Ребюффа хорошо укутан. Его крепко привязывают на случай, если сани опрокинутся.

К вечеру шерпы возвращаются обратно с запиской от Шаца, в которой он советует проводить спуск при помощи шести человек.

Между тем Удо сделал инъекции всем своим пациентам и весь вечер занимается перевязками. В первой половине ночи погода ухудшается. Снова начинается сильный снегопад. Мои товарищи встревожены и решают спускать остальных пострадавших — иначе будет слишком поздно.

К счастью, утром погода хорошая. Мне предстоит спускаться первому. Перед выходом Удо осматривает мои ноги и руки и меняет повязки. Он очень доволен поразительным, по его словам, улучшением. Меня одевают, засовывают в спальный мешок и кладут на сани. Повязка мешает мне видеть. Я чувствую, что воздух теплый, значит погода хорошая. Однако неприятно спускаться, не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг.

Анг-Таркэ возглавляет шерпов. Я с радостью слышу, что Ишак будет сопровождать меня. Я не буду один, если мне что-нибудь потребуется. В глубине души я страшусь этого спуска, особенно перехода через скалы. Как-то это получится? Но шерпы — умные ребята, им никогда не придется объяснять что-либо дважды. Позднее, уже в лагере, Ишак выражает свое восхищение:

— Даже во Франции было бы трудно найти такую команду, — говорит он, — все они выкладывались как могли, и каждое движение было точно согласовано.

Несколько рывков, и сани трогаются. Я очень слаб и немного оглох, но узнаю голос Удо, посылающего нам традиционное напутствие альпинистов:

— Счастливого спуска!

Он, конечно, сейчас машет рукой, провожая нас. На мне вся моя одежда и я весь в поту — должно быть, припекает солнце. Время от времени спина касается снега. Ишак то и дело подходит с какими-нибудь словами. Мне приятно слышать его голос и сознавать, что он рядом. Внезапно склон делается круче, и, несмотря на удерживающие меня веревки, я скольжу вперед. Шерпы располагаются в виде перевернутой буквы V, чтобы тормозить. Мы подошли к большому скальному участку. Насколько я помню, здесь очень круто. Догадываюсь, что Ишак забил ледоруб, чтобы удерживать меня.

Слышно глухое эхо — сераки, надо торопиться, ибо они в любой момент могут обрушиться. Мы добираемся до скал. Как ухитряются здесь двигаться шерпы, навсегда останется для меня загадкой. Стена чрезвычайно крута, но меня несут прямо на санях. Впоследствии Ишак говорил, что если бы я мог видеть, то не выдержал бы этого зрелища. Это сплошные акробатические номера, совершенно невероятное лазанье. Слышу вздохи облегчения — должно быть, мы, наконец, добрались до ледника. Сани возвращаются в горизонтальное положение, я — на снегу. Несколько минут отдыха, и затем мы продолжаем путь, как мне кажется, в быстром темпе. Я представляю, как шерпы, натягивая веревки, мчатся по снегу, хотя, конечно, это всего лишь фантазия. Затем скорость уменьшается — мы подошли к морене лагеря I.

Некоторое время я остаюсь один. Шерпы ставят большую палатку, куда через несколько минут меня переносят. Ишак располагается рядом со мной. С этого момента мы не разлучаемся ни днем, ни ночью: он живет в той же палатке и ухаживает за мной, как за братом. Спуск занял 2 часа 20 минут. Шерпы показали чудеса. Что бы мы делали без них?

Ишак вкратце рассказывает мне, что происходит вокруг. Ужасно быть слепым. Я чувствую себя какой-то вещью. Я знаю, что у меня офтальмия менее серьезна, чем у других, и без конца прошу снять повязку. Но я всего лишь вещь и не имею права голоса. Хотя погода пасмурная и сыпет крупа, шерпы вместе с Шацем и Нуаелем возвра-

щаются в лагерь II за Ляшеналем. Около 3 часов начинает падать снег. Я тоскую в палатке наедине со своими мыслями. Время от времени тишина нарушается треском ломающегося льда. Эти звуки вызывают у меня некоторую тревогу — где они поставили палатку? Что, если внезапно откроется трещина? Я стыжусь этого детского страха — уж альпинист с многолетним опытом должен прекрасно знать, что трещина не открывается в одну секунду!

Ишак, единственный здоровый сагиб, наблюдает за организацией лагеря I. К концу дня, около 5 часов, он, к своему большому удивлению, видит, как из тумана появляются Нуаель и шерпы, спускающие Ляшенала. Все они покрыты снегом. На этот раз шерпам для спуска потребовалось всего 1 час и 45 минут — у них был ужасный день, и они совершенно измотаны. Это выражается жалобами: еды недостаточно, и часть снаряжения осталась наверху, в III и IV лагерях. Это их особенно беспокоит, так как в гималайских экспедициях обычно принято, что личное снаряжение шерпов оставляется им в качестве награды. Они горько сожалеют об утрате всего этого имущества, и Анг-Таркэ даже объявляет о своем намерении подняться снова в лагерь III.

Я подзываю Анг-Таркэ и предупреждаю его, что запрещается кому бы то ни было подниматься выше лагеря II. В то же время я говорю, что глубоко удовлетворен прекрасным поведением руководимых им шерпов. Им нечего беспокоиться об одежде. Все они получают щедрое вознаграждение. Анг-Таркэ удовлетворен и отправляется сообщить это приятное известие остальным.

В лагере царит оживление: Ляшенала устраивают как можно удобнее. Палатки вырастают как по волшебству. Лагерь, напоминающий небольшое селение, расположился у основания высокой ледяной стены.

На следующий день утро ясное, но к 11 часам снова собираются тучи, и вскоре начинает падать снег. Удо еще не спустился из лагеря II. Я слышу, как лавины грохочут чаще, чем когда-либо; этот ужасающий концерт действует мне на нервы. Ишак шутит:

— Ага! Вот и товарный в три часа тридцать семь минут. А вот четырехчасовой экспресс.

Ему удается вызвать у меня улыбку.

Около полудня он видит наконец в подзорную трубу, что в лагере II снимаются последние палатки, и во второй половине дня появляется наш врач в сопровождении нагруженных шерпов. Еще не сняв рюкзака, он осведомляется

о состоянии пострадавших — что изменилось со вчерашнего дня?

Наступило определенное улучшение: Ребюффа уже может ходить, и офтальмия у него почти прошла. Что касается Ляшеналья, у него восстановилось кровообращение в ногах, чувствительность вернулась всюду, за исключением пальцев. От черных пятен на пятках, вероятно, останутся рубцы. У меня также произошло видимое улучшение, и Удо не скрывает своего удовлетворения. Однако он говорит со мной откровенно. Никогда не узнает он, как тронула меня эта откровенность.

— Я думаю, что левую кисть придется ампутировать наполовину, но надеюсь, что удастся спасти последние фаланги на правой. Если все пойдет хорошо, у тебя будут не такие уж плохие руки. Что же касается ног, боюсь, что придется отнять все пальцы, но это не мешает тебе ходить. Конечно, сначала будет трудно, но ты к этому привыкнешь, вот увидишь...

Мне становится жутко при мысли о том, что могло бы произойти, если бы Удо так быстро и энергично не сделал мне инъекции. Возможно, их эффект еще не проявился полностью. Потребуется еще несколько сеансов: не знаю, выдержи ли я колоссальное напряжение этих тяжелых испытаний? Во всяком случае, я хочу полностью испытать передышку и торжественно отпраздновать наш успех... Впервые после победы все члены экспедиции вместе, и состояние больных позволяет устроить небольшой праздник. Мы собираемся вокруг единственной банки курицы в желе и откупориваем заветную бутылку шампанского. Желающих отведать вина родной Франции и без того достаточно, но я хочу, чтобы шерпы так или иначе приняли участие в общей радости. Приглашаю Анг-Таркэ, и мы пьем с ним в честь победы. Ишак выражает наши мысли:

— Вы тяжело пострадали, но победа останется за вами!

Несмотря ни на что, в палатке царит радостное настроение. Мы набрасываем телеграмму, которая будет послана Деви со следующей почтой:

«Французская гималайская экспедиция 1950 победила тчк Аннапурна взята 3 июня 1950

Эрцог».

Сразу же после торжества Удо приступает к уколам. С ногами ему удастся покончить очень быстро. Затем он принимается за руки, а я уже знаю, что это будет наиболее мучительно. В течение часа все попытки не приводят к успеху. День на исходе, и Удо доходит до белого каления.

— Не шевелись! — восклицает он с упреком.

— Не обращай внимания на мои крики... Продолжай... делай что нужно.

Террай подходит ко мне. Я корчусь от боли, и он крепко держит меня.

— Потерпи! Не шевелись, не шевелись, Морис!

— Это невозможно! — кричит Удо. — Стоит мне нащупать артерию, как кровь сворачивается. Ничего не выйдет!

Его слова вызваны отчаянием, на самом деле он думает иначе. У него нет ни малейшего намерения прекратить попытки, так же как и у меня, несмотря на дикую боль. Крики, доносящиеся из палатки, где действует Удо, приводят всех остальных в ужас. Шерпы молчат. Может быть, они молятся за своего Бара-сагиба? Я так судорожно рыдаю, что не могу остановиться. У меня непрерывные спазмы.

Наконец, после короткого отдыха, поздно вечером, около 10 часов, процедура успешно завершается. Ишак передает Удо шприцы уже в темноте. Вся палатка в крови. Ишак и Удо выходят. Террай с бесконечной нежностью утешает меня, но никогда в жизни не чувствовал я себя таким несчастным. Измученный страданиями, мой организм не способен сопротивляться. Террай продолжает обнимать меня:

— Все будет хорошо, вот увидишь.

— О дружище, для меня все кончено. Я больше не в состоянии выносить все это.

— Жизнь не кончена, — настаивает он, — ты снова увидишь Францию, Шамони...

— Да, может быть, и Шамони, но никогда больше мне не ходить в горы.

Затаенная мысль вырывается. Террай слышит, и я даю волю своему отчаянию:

— Нет, никогда не смогу я больше лазить — теперь уже мне не сделать Эйгера¹, Лионель, а я так мечтал!

Рыдания душат меня. Мое лицо касается лица Террая, я чувствую его слезы — он тоже плачет. Он — единственный, кто может полностью понять, какая это для меня трагедия, и я вижу, что ему это тоже кажется безнадежным.

— Конечно, Эйгер... Но я уверен, что ты снова сможешь вернуться в горы... — и очень нерешительно он добавляет: — Не то, что раньше, конечно.

¹ Северная стена вершины Эйгер — классическое и очень сложное восхождение в Альпах.

— Препрежнее ннкогда не вернется. Вндншь лн, Лнонель, конечно, я не смогу ходить, как раньше, но если я вообще смогу лазнтъ — это уже много. Горы для меня все — я провел среди нх лучшие дни своей жнзни... Пусть даже я не смогу делать эффектных, громкнх восхождений, но я хочу наслаждаться горами, хотя бы на самых обычных маршрутах.

— Ты вернешься, вот увндншь. Я тебя вполне понимаю...

— Но горы еще не все, жнзнь состоит нз множества других вещей — что со мной будет?

— Уверяю тебя, ты приспособншься...

Молчанне н затем:

— Сейчас тебе лучше прнлечь.

Он укладывает меня с такой нежной заботой, что ему удается совершнтъ чудо: я утешаюсь н успоканваюсь.

Последннй взгляд, чтобы убедиться, что мне хорошо. Террай медленно уходит. Какого друга я нашел!

На следуюшее утро Удо снимает с меня повязку. Как чудесно снова вндетъ окружающее! Убеждаюсь, что погода прекрасная. Спрашнваю, какое число — несколько прошедшнх дней тянулись как одна длинная ночь.

— Пятннца, 9 июня, — говорит Ишак.

Ляшеналья готовят для спуска в Базовый лагерь. Его понесут в «каколе» — неуклюжем, примнннвном приспособленнн, нкогда не внушавшем мне доверня. Ляшеналь же, наоборот, нчего не имеет против такого способа транспортнровки. Он прнвык к этому приспособленнню, с помощью которого н сам неоднократно переноснл пострадавших. Однако позднее его энтузناзм несколько уменьшнтся. Вскоре он со своими шерпами в сопровожденнн Кузн н Нуаеля трогается в путь. Его ноги свешнваются вниз, н он стонет от болн. В полдень шерпы вместе с Кузн возвращаются: спуск занял два часа. И Ребюффа н Ляшеналь благополучно перенесли путешествие.

Пока я отдыхаю, остальные упаковывают груз. На другой день Удо перед выходом осматрнвает меня. Благоприятное впечатленне подтверждается: ннъекцн ацетнлхолнна, прнчнннвшие такую днкую боль, спаслн мне по крайней мере часть обеих рук н ног. Аджнба, Саркэ, Путаркэ н Пандн собираются по очереди нестн меня в каколе.

Путь хорошо промаркнрован, камней нет, н мы идем как по дорожке. Я прнжат к носнльщнку. Меня страшно встрнхнвает на каждом шагу. Я боюсь свалнтся н судорожно цепляюсь обеими руками за шею носнльщнка, стараясь, однако, не мешать ему. Я отчетливо воспрннмаю каждый

неуверенный шаг. Несколько раз и Аджиба и Панди поскользываются, и я инстинктивно выбрасываю руку, забывая, что не могу ею пользоваться. В кулуарах я чувствую себя спокойнее, чем на крутых скальных плитах, где носильщик может упасть; каждую секунду боюсь задеть о скалу руками или ногами.

— Саркэ! Осторожней!.. Осторожней! — сотни раз я повторяю этот крик, переходящий в мольбу.

На трудных местах шерпы действуют сообща: один смотрит, чтобы несущий правильно ставил ногу, второй поддерживает его, помогая сохранять равновесие. Преодолеваем множество препятствий, и, наконец, скалы позади. Впереди виден Базовый лагерь.

Ощущение такое, как будто спуск длился бесконечно, на самом же деле он занял всего два с половиной часа и прошел без всяких происшествий. Теперь уже в Базовом лагере разворачивается не виданная ранее деятельность.

Внезапно в палатку, куда меня только что положили, врывается Ишак, крича:

— Носильщики! Пришли носильщики!

В лесах Лете

212 Местные жители, большинство которых мы узнаем, прибывают небольшими группами. Каким-то чудом они пришли в срок, назначенный им две недели назад.

Ишак не скрывает своей радости.

Он быстро налаживает связь: приближается время передачи метеосводки.

Бюллетень, передаваемый специально для нас, предупреждает о приближении муссона:

«Говорит Дели на волне 60,48 метра. Передаем специальную сводку погоды для французской экспедиции в Непале. Муссон, распространившийся на всю восточную часть Гималаев, достигнет вашего района к 10 июня. Давление в Горакпуре — 960 миллибаров. Повторяю: вы только что прослушали специальную сводку...»

Стало быть, бури, бушевавшие последние несколько дней, так усложнившие положение экспедиции, — не что иное, как предвестники этого гигантского возмущения, ежегодно в это время охватывающего Азию. Проливные дожди, заливающие всю Индию, в горах в течение нескольких часов превращаются в настоящий потоп. Завтра небеса разверзнутся, но теперь, уже выбравшись из гор, мы воспринимаем это известие довольно спокойно.

Носильщик протягивает в палатку клочок бумаги — это записка от Шаца, ушедшего вперед в поисках более удобного места для переправы через Миристи-Кхолу, чем то, где мы переправлялись по дороге сюда. Шац пишет, что только за полдня воды прибавилось вдвое.

Необходимо как можно быстрее покинуть это ущелье, иначе можно легко оказаться в гигантской ловушке.

Хотя все молчат, мысленно каждый вспоминает о том, что случилось на Нанда-Девы.

На следующее утро, как и предполагалось, погода портится. Дождь льет беспрерывно. Шерпы в невероятной спешке снимают лагерь. Перед выходом мы даем им рас-

поражение раздать носильщикам все продовольствие, которое мы не можем взять с собой. Носильщики с радостью набрасываются на консервные банки, подбрасываемые в воздух Саркэ и Анг-Таркэ. Совершенно непредвиденный бакиши! Удо же, напротив, начинает ощущать недостаток необходимых материалов. К тому же нам не везет: иглы теряются, шприцы ломаются. Удо продолжает сражаться с моими неуловимыми артериями.

Положение серьезное: осталось всего две ампулы ацетилхолина. Удо делает два укола Ляшеналю и мне — в руки и в правую ногу... Приходится прекратить. Это известие, столь встревожившее всех, оставляет меня равнодушным. Я лежу, как умирающий, в состоянии крайнего нервного возбуждения, сознавая только, что эти процедуры были для меня невероятным мучением.

В то время как из лагеря под руководством Анг-Таркэ отправляется последний груз, начинают спускаться Ляшенала. Пройдя несколько метров, носильщики пытаются испробовать вместо носилок сани, но безуспешно.

Удо посылает за каколе.

— Мы должны выбраться отсюда любой ценой, — говорит он решительно.

Перед тем как отправить Ляшенала, Удо вводит ему морфий.

Для меня находят плетеную корзину. Подняв, шерпы засовывают мои ноги в спальный мешок, покрытый «слоновой ногой».

Все промокло насквозь. Со всех окрестных стен доносится грохот лавин, смешивающийся с непрерывным гулом падающих камней, увлекаемых дождем. Босые ноги носильщиков вязнут в грязи. Кругом рушатся скалы. Именно так я и представлял себе отступление немногих уцелевших после катастрофы: беспорядочное, паническое бегство.

Группа, состоящая из Удо, Террая, Кузи, Ишака, Саркэ, двух пострадавших и восьми носильщиков, движется мучительно медленно. Мы обеспокоены: дойдем ли к вечеру до намеченного места? Судя по тому, сколько времени мы здесь поднимались, это вполне возможно, даже легко, но, глядя, как носильщики сгибаются под тяжестью пострадавших и то и дело поскальзываются на морене, где каждый шаг — проблема, мы начинаем в этом сомневаться.

Время идет. Тучи рассеялись, и дождь ненадолго перестал. Нам не хватает электрических фонарей и продовольствия: Анг-Таркэ, не подозревая о наших затруднениях,

не обеспечил в тылу никакого запаса, поэтому Саркэ посылается вперед с запиской.

Мы совершенно затеряны в этой невыразительной местности без цвета и горизонта. Камни морен сменились окруженными колючей растительностью огромными валунами. Это еще больше затрудняет наше продвижение. Носильщики проявляют исключительное мужество. Не слышно ни одной жалобы. Стемнело. Три фонарика, обнаруженные среди вещей, пущены в ход. Сагибы ведут носильщиков сквозь туман и дождь, возобновившийся с еще большей силой. Уже в девятом часу носильщики и пострадавшие, измученные, потерявшие всякую надежду, останавливаются после акробатического спуска по скользкому камину, который мы ухитрились пройти каким-то чудом.

Нас с Ляшеналем помещают под навес. Товарищи решают, что в этот вечер мы не в состоянии двигаться дальше. Террай остается с нами, а Кузи, Ишак и Удо быстро идут в лагерь. Пройдя немного, они встречают поднимающихся Саркэ и Путаркэ — с одной-единственной фляжкой кофе! Саркэ они посылают к нам, а Путаркэ захватывают с собой в лагерь, куда добираются через час. Они сообщают Шацу и Нуаелю, что ночью нести двух пострадавших по столь опасным местам невозможно, и описывают наш жалкий бивак. Шац немедленно предлагает отвести нам продовольствие и снаряжение. Даватондуп идет с ним. Между тем, несмотря на усилия Террая ободрить нас, обстановка под нашим навесом довольно мрачная. Ляшеналь еще под действием морфия, но я в ярости, что мы не смогли добраться до лагеря, находящегося в двух шагах.

Когда мы уже никого не ждем, внезапно появляется Шац. По его лицу бегут потоки воды. Улыбаясь, он с торжеством объявляет, что принес спальные мешки, пуховые куртки, теплые вещи и продукты. Что нам еще нужно! Вскоре раздается приятное гудение примуса. Никто из нас не ел с утра, и при запахе открытых консервных банок у Террая текут слюни. Тем временем Даватондуп надул матрас, и, поскольку еда меня не привлекает, я с наслаждением растягиваюсь на нем.

Всю ночь льет дождь. Я не могу уснуть. Я смертельно замерз, зубы стучат. Меня мучает тревога и даже, должен признаться, страх — ужасный, позорный страх.

Утром погода как будто улучшается. Вид облачности изменился: облака ползут вдоль стен и поднимаются вверх. В Шамони это предвещало бы хорошую погоду.

Лезть обратно в плетеную корзину неприятно. Ляшеналь в свою очередь видит мало привлекательного в том, чтобы снова возвращаться в каколе. Мы спешим добраться до лагеря, и каждую минуту я задаю один и тот же вопрос:

— Мы еще не дошли?

И каждый раз мне отвечают, как ребенку:

— Потерпи еще пять минут.

Наконец, видим небольшую площадку, на краю которой желтеют крыши палаток.

Когда мы доходим до лагеря, где нас встречают Ишак, Нуаель и Удо, небо проясняется.

Однако неприятности еще не кончились: мост, построенный Шацем, продержится не дольше вечера, — он вышляется над водой уже не больше чем на тридцать сантиметров, и его, во всяком случае, необходимо укрепить, прежде чем переносить груз и пострадавших.

Ни один носильщик не рискует перенести нас. Даже шерпы считают это опасным. Между ними разгорается спор. Наконец, Аджиба решается, а остальные становятся по обе стороны моста, чтобы помочь ему. Лежа в палатке, я слышу, что переправляют Ляшеналья, затем Аджиба возвращается. Он поднимает меня на спину и твердыми шагами направляется к мосту. Мост состоит всего-навсего из четырех-шести бревен, связанных лианами и кое-как прикрепленных к берегам. Бурлящая вода перехлестывает через мост. Над рекой стоит туман мельчайших брызг. У носильщиков мокрые ноги, им легко поскользнуться. Мне хочется закрыть глаза — настолько ужасно чувство беспомощности. Но это свыше моих сил: я смотрю и, хотя Аджиба несет меня очень осторожно, шепчу ему на ухо:

— Slowly, Adjiba!¹

Сумеет ли он сохранить равновесие на этом шатком скользком мостике? Наблюдающий за нами Удо пытается скрыть свое волнение. Ему хочется подбодрить нас, но улыбка получается вымученной. В тот самый миг, когда мы вступаем на мост, я осознаю всю неустойчивость нашего положения. Аджиба рассчитывает каждое движение и очень осторожно ставит ногу.

—Slowly, Adjiba!

Вода бешено мчится, образуя водовороты, при одном взгляде на которые у меня кружится голова. Шерпы, стоящие на той стороне, уже недалеко. Я боюсь, что по мере приближения к твердой земле Аджиба ускорит шаг. Я снова бессознательно шепчу:

¹ Не спеши, Аджиба!

— Slowly, Adjiba!

Еще несколько сантиметров, нам протягивают руки, поддерживают, вытягивают... Все!.. Я с облегчением вздыхаю, но в то же время с трудом удерживаюсь от слез — неминуемая нервная реакция после такого испытания.

Аджиба тотчас же несет меня в палатку и устраивает в ней, пока остальные поспешно переправляются через реку, вода в которой поднимается на глазах. Носильщики выстраиваются в очередь на переправе. Через два часа все кончено. Теперь экспедиция не окажется в ловушке в массиве Аннапурны... На следующее утро мост будет сорван бушующим потоком.

216

Удо немедленно нас осматривает. Он боится, что холод и сырость предыдущей ночи повредили нам. Ноги Ляшеная сильно распухли, его состояние ухудшилось. У меня же после нашего неудачного бивака в основном пострадала правая рука. Раньше Удо утверждал, что потребуются ампутировать только конечные фаланги пальцев, теперь же он говорит, что придется отнять по крайней мере две фаланги. Все это меня крайне удручает.

Мы все собираемся в большой палатке на завтрак. Шац, ходивший вчера на разведку ущелья Миристи, говорит, что нет ни малейшего шанса пройти по этому ущелью прямо до Баглунга и долины Гандаки.

Такой путь позволил бы избежать длинного обхода, но он непроходим: на протяжении нескольких километров гигантские стены отвесно обрываются в реку, и, таким образом, нам почти сразу же пришлось бы взбираться на один из гребней — иными словами, идти той же дорогой, по которой шли наши товарищи 27 апреля.

Мы решаем специально послать Панзи в Нью-Дели, чтобы он отправил телеграммы, написанные несколько дней тому назад.

Я почти не принимаю участия в разговоре. Когда от меня не требуется внимания, я предпочитаю дремать и не думать о настоящем. Силы все более и более падают, и меня страшит дальнейший путь.

После нового осмотра Удо признает, что, поскольку поражена большая область, трудно предсказать, какой оборот может принять дело. Полузакрыв глаза, я слушаю, как он объясняет Ишаку, каким образом сухая гангрена может перейти в газовую, требующую немедленной и значительной ампутации. Ишак содрогается, услышав о том, что токсины, проникающие из пораженной части тела в живую ткань, могут распространиться по всему организму и вызвать общее заражение крови. Иногда же они концен-

трируются в каком-нибудь одном органе, например в печени: особенно часто это случается после введения антибиотиков, например пенициллина.

Тем временем Террай искусно мастерит для Ляшенала сидение в виде крюка наподобие тех, которые используются для транспортировки в Альпах. Оно делается из палок, скрепляемых проволокой, таким образом ноги больного поддерживаются на том же уровне, что и все тело, и основное неудобство, причиняющее боль пострадавшему, устраняется. Шерпы делают точно такое же приспособление для меня. Дождь с адским шумом беспрерывно барабанит по палаткам. Выдержат ли они такую бомбардировку?

217

После тяжелой ночи я медленно прихожу в себя. Узнаю, что погода улучшилась. Если бы только она продержалась до вечера! Сегодня мы должны подняться с высоты 3700 метров до 4600 метров по чрезвычайно крутым склонам, причем до «Перевала 27 апреля» не будет ни одного места, мало-мальски пригодного для бивака.

По крайней мере наши сиденья неплохи. Благодаря изобретательности Террая мы с Ляшеналем уже не испытываем такого страха при мысли о предстоящем путешествии.

Носильщики равномерно набирают высоту, хотя тропы нет. Подчас склон так крут, что приходится выбивать в земле ступеньки. Стремясь до темноты добраться до намеченного места, они героически пробиваются сквозь густой туман, являя собой нереальное фантастическое зрелище. Тени появляются и исчезают... Силуэты растворяются в тумане. Это путешествие могло бы показаться сном, а люди — призраками, если бы не тряска, вызывающая во всем теле нескончаемую боль. Я изо всех сил пытаюсь остаться в состоянии тупого оцепенения. Ляшеналь спит на спине носильщика. Я завидую. Как это ему удастся?

Незадолго до полудня основная часть отряда, поднявшись по травянистым кулуарам, достигает места, где при подъеме Шац оставил вымпел Французского альпинистского клуба. Носильщики хотят здесь заночевать, уверяя, что выше не будет подходящей площадки. Ишак и Удо делают вид, что не слышат. Они посылают пострадавших вперед, а сами идут с шерпами... Носильщики вынуждены следовать за ними. Начинается бесконечно длинный траверс к «Перевалу 27 апреля».

Видимость уменьшается до 10 метров. Носильщики идут гуськом. Пока они двигаются с грузом, им тепло, но при остановках они начинают стучать зубами: их единственная

одежда — маленькое одеяло. Я пытаюсь приспособиться к ритму походки моего носильщика, но он то и дело нарушает мои расчеты, то сокращая, то увеличивая шаг на каком-нибудь сложном месте. Я непроизвольно протягиваю руки, пытаюсь помочь или уберечься от толчков. Далеко внизу, в самой глубине этого дьявольского ущелья ревет Миристи.

К концу дня мы попадаем на площадку — ночевку пастухов, единственное ровное место до «Перевала 27 апреля». О том, чтобы в этот вечер дойти до перевала, не может быть и речи. Благоразумие требует, чтобы мы остались на ночь здесь. Единственное, о чем я прошу, — положить меня в палатку, где я мог бы лежать неподвижно.

Угрюмый рассвет. Выходим под проливным дождем. Видимость меньше 20 метров. Сегодня нам придется продолжать траверс и пересечь множество потоков. Это будет нелегко.

Мне предстоит тяжелый день. Я отчетливо сознаю, что мое состояние ухудшается: сил больше нет, я абсолютно измотан.

Шац пытается подбодрить меня, уверяя, что гребень уже близко. Затем раздается торжествующий крик: Ишак, которого я едва слышу, хотя он от меня всего в нескольких метрах, орет:

— Морис, ты уже на стороне Кришны!

Я не чувствую особой радости, хотя момент важный. Проходя мимо Ишака, я вижу, что он крутит киноаппарат. Это занятие кажется мне бессмысленным, — наверное, ничего не получится, ведь света нет, а для цветного фильма, как неоднократно говорил Ишак, свет необходим.

Мы начинаем спускаться к перевалу. На каждом шагу носильщики скользят вниз по склону ногами вперед. Резкие толчки причиняют мне невыносимую боль. Невозможно поверить, но дождь льет еще сильнее. В тумане мы пытаемся найти ровное место для лагеря. Пока мои товарищи ищут площадку, носильщики продолжают спускаться к понижению в гребне, отмеченному туром.

Я ничего не понимаю: ведь было решено, что мы останемся на перевале. Идущие первыми, очевидно, решили, что у нас хватит времени дойти до края леса, расположенного более чем в двух часах хода отсюда. Они забыли об остальных. Я протестую. Двигаться вперед было бы безумием, и кроме того, я чувствую, что не в состоянии выдержать эту пытку еще в течение двух часов. У меня не осталось сил. Я готов отдать богу душу. Хочу только, чтобы меня положили где-либо. Я умоляю Ишака остановить

отряд и снова вернуться на площадку, которую мы только что прошли. Очень неохотно авангард возвращается, в то время как шерпы ставят на мокрой земле палатки.

Впереди последний трудный день: нам предстоит спуститься на 2000 метров к Шадзиу-Кхоле и добраться до лагеря пастухов. Пройдут ли носильщики, особенно те, что понесут пострадавших, по этим невероятно крутым склонам? Как раз в самом начале пути, после понижения в гребне, отмеченного туром, один из носильщиков поскользывается: он катится метров пятьдесят. Сейчас он полетит на два километра вниз, прямо в реку... Нет! Ему удастся зацепиться, и он лежит, распластавшись. Тюк, который он нес, катится вниз по склону, так же как и контейнер. Вот он подпрыгивает, описывает широкую дугу и скрывается в бездне. Носильщик отделался испугом, он поднимается и подходит к нам.

Внезапно раздается ужасный крик. Я не видел, что произошло, но догадываюсь по возгласам: огромный камень сорвался в кулуаре прямо над Ляшеналем. Терраю, стоявшему рядом, удалось оттолкнуть его, но камень задел носильщика Ляшенала. Он падает и не может защитить лицо, так как руки засунуты в карманы штормовки. Удар приходится прямо по носу. На лице большая ссадина: оно все залито кровью. Отнюдь не ободряющее начало!

Ишак, Ребюффа и Шац спускаются по большому травянистому кулуару — обиталищу сурков, обнаруженному Ребюффа при подъеме. Они останавливаются у первых деревьев, а остальная группа осторожно идет по их следам. Чтобы обнаружить, кому принадлежит тюк, упавший в Шадзиу-Кхолу, они решают проверять грузы по мере того, как будут подходить носильщики.

— Мне кажется, это мой, — говорит Шац, — а я, как нарочно, первый раз в жизни сунул туда бумажник и авторучку.

Шац впивается глазами в одного из носильщиков... Он приподнимает верхний тюк и с радостью обнаруживает под ним свой рюкзак.

— Сомнений нет, — произносит Ишак, руководствующийся методом исключения, — это, конечно, рюкзак Гастона.

Ребюффа воспринимает эту новость без энтузиазма. Обратный путь для него тоже мученье: обмороженные ноги все еще дают о себе знать. Я вижу, как он печально сидит, стараясь припомнить, что он потерял. Внезапно Ишака осеняет:

— Гастон, взгляни, на чем ты сидишь!

Тот мгновенно вскакивает и читает на рюкзаке: «Г. Ребюффа».

Все кончается как в сказке: упавший рюкзак — единственный, не имевший владельца. В нем была запасная одежда...

Мы вступаем в чрезвычайно густой, непроходимый лес. Мы бредем в подводном царстве, в сырых, нездоровых джунглях, где в любой момент ждешь появления отвратительных чудовищ. Именно здесь, поднимаясь вверх, мы видели гигантские рододендроны такого великолепного красного цвета.

Вступаем под знаменитую «Триумфальную арку» — естественный свод из цветов.

Идущие впереди носильщики остановились. Почему бы и нет? Общий привал, и вскоре трещат костры.

Удо считает, что самая трудная часть пути впереди. Он хочет во что бы то ни стало продолжать движение. Он делает мне новые инъекции морфия и спартокамфоры. Я настолько худ, что уколы причиняют мне резкую боль. На какое-то мгновение я теряю сознание.

Повсюду на себе взгляды шерпов и носильщиков. Какое зрелище я, должно быть, представляю! В их глазах — новое выражение, не виданное мною прежде. Жалость ли это, или печаль, или сочувственное безразличие? Перед выходом шерпы кладут мне на колени гирлянду самых красивых цветов, какие только они смогли найти. Этот жест меня глубоко трогает. С этой минуты в продолжение всего длинного перехода при малейшей возможности шерпы не забывали положить около меня цветы.

Начинается спуск сквозь мертвые джунгли. Шерпы идут впереди. Сильными взмахами своих кукри¹ они рубят стволы бамбука и ветви, преграждающие путь. Земля размокла. Все скользят — едва ли найдется хоть один, кто не упал бы в этот день. Кузи, Ишак, Удо, Шац и Террай уходят вперед для разведки. Нуаель, согласно плану, все время впереди на один переход, а Ребюффа остается со мной и Ляшеналем. Уколы Удо оказываются весьма эффективными: я совершенно измучен, но уже не чувствую такой боли и большую часть времени дремлю, полускрыв глаза. Ляшеналь следует за мной по пятам. Последний участок перед рекой особенно крут. На мой взгляд, у меня не больше одного шанса из тысячи спуститься живым. Фактически склон почти отвесный, а узкая тропка пере-

¹ Изогнутый кинжал — национальное непальское оружие.

секает его под углом; носильщикам приходится цепляться за деревья, растущие вдоль тропы.

Мой носильщик не знает, что делать: он не может двинуться ни вперед, ни назад. Наконец, он прижимается животом к стене и продвигается боком шаг за шагом. Мое сиденье буквально висит над бездной. Шерпы то и дело втыкают ледорубы в мокрую землю и отчаянно налегают на них, пытаясь помочь моему носильщику. Я мучительно чувствую малейший толчок. С ужасом смотрю я на несущуюся подо мной Шадзиу-Кхолу, в которую я могу упасть каждую секунду. Если носильщик поскользнется, спасения нет: возможно, ему самому удастся остановиться, но кто сможет задержать меня? У меня уже нет сил бороться со страхом. Теперь я знаю, что такое настоящий страх. Ляшеналь также терроризирован. К счастью, его руки свободны и время от времени он может помогать себе. Каждый шаг, приближая нас к цели, приносит облегчение. Однако перед концом нас ждет последнее испытание. На протяжении шести метров тропинка, уже едва заметная, совершенно исчезает. Вдоль скалы вьется маленькая расщелина, в которую иногда удается засунуть ногу. Мой носильщик, проявляя величайшее мужество, продолжает идти вперед. Я не могу выразить своего восхищения этими людьми, которые, не колеблясь, выполняют столь опасную работу. Он передвигается боком, цепляясь за малейшие неровности, в то время как другие помогают ему правильно поставить ногу.

Наконец-то мы добираемся до Шадзиу-Кхолы. Нам предстоит переправляться вброд через этот поток, вздувшийся от муссонных дождей. Вслед за мной Ляшеналь прошел опасный участок. Несмотря на весь свой страх, он, кажется, вполне владеет собой, тогда как я — просто жалкая развалина. Стоя плечом к плечу и поддерживая друг друга, носильщики успешно сопротивляются силе потока. Мы поднимаемся метров на сто по благоухающим зарослям, и там, вдалеке, я вижу место ночевки пастухов.

Перед тем как сделать это последнее усилие, носильщики останавливаются, но через несколько минут я прошу своего носильщика дойти до лагеря как можно быстрее. У подножия скальной стены мне кажется, что он неправильно выбрал направление — по дороге сюда мы траверсировали этот склон, но сопровождающие нас шерпы идут уверенно. Мы выходим на такой крутой травянистый склон, что вынуждены применить технику, используемую обычно на льду. Шерпы упорствуют, и мы продолжаем путь, переходя к самому настоящему лазанию. Мои нервы не выдержи-

вают, и я кричу Ишаку, чтобы он влезался, иначе мы сорвемся, но носильщики упрямятся. Теперь мы под карнизом, нависающим над вертикальной стеной. Скалы разрушенные. Сидя на спине носильщика на метр от скалы, я вижу под собой самую глубину ущелья. Шерпы взволнованны. Они говорят мне, что носильщик не может повернуть назад — он должен двигаться вперед. Больше я вынести не в состоянии и зову на помощь... Однако счастье улыбается мне уже давно.

Через несколько шагов идти становится легче. Мы вновь оказываемся на траве и находим тропу, по которой и следовало двигаться с самого начала. Учтя наш опыт, Ляшеналь выбирает этот путь. Мы доходим до лагеря как раз в тот момент, когда кончается дождь.

Оказавшись в палатке, я не хочу ничего, кроме тишины и покоя... У меня едва хватает сил, чтобы говорить, но я шепчу Удо, что самое трудное теперь позади — вплоть до Лете хорошая тропа. Мне вспоминаются лиственничные леса около деревни и красивые луга, усеянные гранитными валунами. Эти лужайки напоминают мне долину Шамони. В течение всего обратного пути эта роща представлялась мне гостеприимным и полным поэзии убежищем! Как мне хотелось бы побыть здесь подольше! Товарищи соглашаются. В конце концов бессмысленно всем идти в Тукучу, раз все равно придется возвращаться через Лете. В этих лесах мы реорганизуем всю экспедицию, прежде чем начнется долгое путешествие по долинам Непала к индийской границе.

— Где мой ледоруб? — спрашиваю я Шаца.

Для меня это очень важно. Поскольку Ляшеналь потерял свой, мой ледоруб — единственный, побывавший на вершине Аннапурны. Никто не видел его с момента выхода из Базового лагеря. Шац осматривает все ледорубы шерпов, но не находит моего. Я глубоко переживаю потерю. Сам по себе ледоруб не представляет ценности, но я собирался по возвращении подарить его Французскому альпинистскому клубу¹.

Сегодня у нас короткий переход: Удо считает, что мы доберемся до рощи Лете раньше полудня. Торопиться нет необходимости, и мы можем наслаждаться лучами солнца, появившегося словно по волшебству. Носильщики уходят, а затем и мы покидаем пастуший лагерь.

Все вместе мы прибываем в Чойю, где нас встречают с энтузиазмом. Местные жители со всех ног бросаются к

¹ Ледоруб был найден через два дня.

нам и с любопытством глазек на пострадавших. У Дава-тондупа, должно быть, пересыхает в горле при одном вос-поминании о полученном здесь удовольствии... Анг-Таркэ пространно объясняет Ишаку и Удо, какое это великолеп-ное место для лагеря — здесь есть и вода, и лес, и еда...

— Good place!¹ — настаивает наш сирдар.

В Чойе чанг тоже неплох...

Но сагибы как будто не понимают. В путь! Отряд неохотно трогается, и вскоре мы подходим к берегам Кришна-Гандаки. Ее прозрачные чистые воды стали черными и грязными, она бурлит и пенится с адским шумом. Мы переходим по мосту без каких-либо происшествий и после часа ходьбы добираемся наконец до места привала, о котором я так долго мечтал.

223

Выбираем большую, покрытую травой площадку, ограниченную тремя огромными гранитными валунами. Нас окружают нежно-зеленые лиственницы. Прохладное и покойное место! Ветер играет ветвями деревьев, и, когда я закрываю глаза, мне кажется, что я снова в Шамони.

Шерпы расставляют палатки где им нравится. Солнце греет, и Удо решает осматривать нас под открытым небом. У меня начала гноиться нога и руки в ужасном состоянии. В воздухе совершенно омерзительный тошнотворный запах — все бинты пропитаны гноем. Удо использует последние запасы бинтов — он знает, что из Тукучи придут новые. В первый раз за все время он берет в руки ножницы и принимается «снимать кожуру», т. е. срезать куски мертвой ткани. В ногах я не чувствую особой боли, но руки столь чувствительны, что малейшее прикосновение заставляет меня кричать. Я не выдерживаю — я не в состоянии больше бороться. Удо решает прекратить. Он смазывает раны хромовокислой ртутью.

— Полежи здесь, пока я «сделаю» Ляшеналея, — говорит он.

Состояние Ляшеналея улучшилось. Он хорошо перенес этот мучительный переход, и теперь, когда мы уже внизу, в долине, у него прекрасное настроение. Великолепный аппетит его не покидает.

В полдень Ишак, Удо и Шац уходят в Тукучу, где их радостно встречают Нуаель и Ж. Б. Рана. В этот вечер они долго беседуют, расположившись в немногих оставшихся палатках. Однако их разговор не слишком весел, так как его главная тема — состояние больных. Удо считает, что меня, несомненно, надо оперировать раньше, чем

¹ Хорошее место!

мы доберемся до индийской границы, что произойдет лишь в первой половине июля.

На следующий день лагерь окончательно снимается. Вокруг кольцо носильщиков и детей, которые, часами сидя на корточках, присматривают консервные банки или старые тюбики от молока. Нуаель наблюдает за оплатой носильщиков: щедрая раздача рупий! К вечеру Удо завершает приготовления и отправляется обратно в Лете к своим пациентам.

Через 24 часа все готово. Мои товарищи могут покинуть деревню, где нас встретили с таким радушием и где мы пользовались гостеприимством в течение почти двух месяцев. Носильщики и местные жители провожают сагибов долгими криками. Это прощание! К 4 часам все возвращается в Лете.

Состояние больных — особенно мое — становится угрожающим. Вернувшийся накануне Удо считает положение критическим.

Сегодня с утра он оперирует. Возобновляются мучительные уколы. Я представляю собой все более жалкое зрелище. Потеряв 20 килограммов, я стал невероятно худым. Лихорадка все усиливается — в этот вечер 40,9 °C!

— 39 °C, — не моргнув глазом, объявляет Ишак.

Я ни на что не реагирую и по большей части нахожусь без сознания, в коматозном состоянии.

— Усиленные дозы пенициллина! — командует Удо.

Глаза неудержимо закрываются... Из тумана появляются тени... Они подходят все ближе... Склоняются надо мной... Бесшумно исчезают.

Тишина подавляет.

Боль прекратилась. Друзья молча ухаживают за мной. Работа окончена. Сознание ясно. Собрав остаток сил, в своей последней, длинной молитве я умоляю смерть прийти за мной.

Я потерял желание бороться за жизнь.

Я сдался — предельное унижение для человека, движущей силой которого всегда была гордость.

Ни для вопросов, ни для упреков сейчас нет времени.

Смерть! Я смотрю ей прямо в лицо.

Я отчаянно призываю ее.

Внезапно предстает перед моим взором жизнь людей. Те, кто уходит навсегда, не одиноки. Горы охраняют меня. Мне открываются невиданные горизонты. Там, у моих ног, на этих обширных равнинах миллионы человеческих существ следуют за судьбой, выбранной не ими.

Умирующие обладают сверхъестественной силой. Не-
обычайная интуиция отождествляет личность с целым ми-
ром. Вершина разговаривает с ветром, свистящим над
гребнем или играющим листвою.

Все будет хорошо. Я останусь здесь навсегда, под не-
сколькими камнями и крестом.

Мне дали мой ледоруб.

Дуновение ветерка нежно и благоуханно.

Мои друзья уходят. Они знают, что теперь я в безопас-
ности.

Я смотрю, как они удаляются медленными, печальными
шагами.

Процессия растягивается по узкой тропе. Они уходят к
равнинам и прекрасным горизонтам.

Молчание...

По рисовым полям

226 Я кричу, почувствовав легкую боль: Ишак только что сделал мне свой первый укол и страшно взволнован. Дождь идет, идет... Грустная обстановка для ухода.

Удо колебался, прежде чем отдать приказ о выходе, но сегодня уже 19 июня, и нам пора отправляться.

Мы с Ляшеналем лежим на носилках, сделанных для нас Ж. Б. Рана. Прежде чем снова впасть в оцепенение, я в последний раз бросаю растроганный взгляд на эту рощу.

Отряд трогается. Ребюффа, раздобывший лошадь, гарцует вокруг нас. Перебираемся вброд через поток, сбегающий с Дхаулагири.

Носильщики становятся плечом к плечу, чтобы бороться с течением. Ишак и Удо раздеваются и с большим достоинством шествуют через реку в одних кальсонах. В результате всех последних событий они похудели и теперь выглядят стройными юношами.

Придя в Дана, мы впервые чувствуем, что высокие горы остались позади: маисовые поля, бананы, жара — это возвращение к долинам.

Даже после всего, что произошло, больно сознавать, что мы навсегда оставляем этот край, где мы пережили такие волнующие дни.

Один за другим носильщики покидают нас. Несмотря на все наши уговоры, даже Панди отказывается идти дальше. Ему не нравится климат долины. По его телу ручьями бежит пот.

20 июня, после полудня, мы идем по хорошей тропе. Солнце, давно не появлявшееся, выглядывает на несколько минут. Мы останавливаемся позавтракать под огромными баньянами. Для меня это — пытка: самая мысль о еде вызывает отвращение. Удо стал моим палачом — он заставляет меня есть, да и все другие стараются, чтобы я что-нибудь проглотил.

Ишак и Террай пробуют все способы: иногда они убеждают, иногда упрасивают, пока наконец не выходят из себя и не переходят к угрозам:

— При таком режиме ты не протянешь и нескольких дней.

Если бы они знали, как мало трогает меня этот довод! Когда они прекращают свои тщетные уговоры, посвящается Удо. Он не церемонится, а попросту приказывает мне проглотить что дают:

— Ты должен покончить с этими почками. Я вернусь через минуту посмотреть, съел ли ты их. Ведь ты же не хочешь, чтоб тебя накормили силой.

Саркэ нарезает отвратительного вида почки и преподносит их мне на кончике ножа. Я, как ребенок, без конца жую... Проглотить невозможно! Удо сейчас вернется! Он для меня как пугало. Наконец-то! Кусок проглочен. Мне кажется, что он меня душит и что меня сейчас вырвет. О, дьявол! Проглотить еще столько! Удо возвращается с суровым видом:

— Это несерьезно, Морис!

Повернувшись к Саркэ, он приказывает продолжать. И так каждый раз.

Под баньянами воздух прохладный. Симпатичные толстые цыплята безбоязненно бегают рядом с нами. Если бы можно было съесть одного из них, это было бы намного приятнее жесткой баранины, от одного запаха которой меня тошнит. Крестьянин готов продать нам одного при условии, что мы поймаем его сами. Едва он успевает договорить, как Ж. Б. Рана хватается свое ружье и стреляет! Цыпленок разорван пополам и оканчивает свою жизнь в кастрюле. Анг-Таркэ приносит его с триумфом: не так уж часто Бара-сагиб хочет что-нибудь съесть.

Мои носильщики, родом из Дана, обладают сверхъестественным мастерством. Вчетвером они несут меня, как спичку. Один из них, одноглазый, лет около пятидесяти, проявляет по отношению ко мне самую трогательную заботу. На каждом привале он объясняет, что идти осталось совсем немного и что они хорошо знают дорогу.

Вера в их силу и ловкость ободряет меня: если хоть один носильщик споткнется, Ляшеналь или я можем пролететь сотни метров. Подчас носилки наклоняются, и я отчаянно упираюсь коленями и локтями, чтобы не соскользнуть. Когда это не удается, я зову на помощь: подбегает один из шерпов и поддерживает меня.

Эти волнения действуют мне на нервы, и я прошу, чтобы кто-нибудь из шерпов постоянно находился около меня.

Для этого выделяется Саркэ, который и остается возле меня на все время. Он подает мне свежую воду и бананы, помогает есть и на каждом привале надувает матрас, чтобы меня не беспокоили лежащие на земле камни. Я так худ, что малейшая неровность причиняет мне боль.

Одну ночь мы проводим около Бандука, недалеко от огромного водопада. Льет дождь. Лежа в своей палатке, едва замечая атаки муссона, я пытаюсь уснуть. Вспоминается наш кошмарный спуск. Мне кажется, что невозможно вынести столь продолжительную голгофу. Хотя запах моих бинтов у всех вызывает отвращение, не слышно ни одной жалобы. Но сам я зачастую почти теряю сознание.

Рядом со мной спит Ишак, и я тоже наконец забываюсь. Посреди ночи я внезапно просыпаюсь. Абсолютная тьма. Сверхъестественная сила заставляет меня приподняться. Ужасная тоска сжимает мне сердце. Меня охватывает чувство небытия. Мне кажется, что я сейчас умру. В ушах непрерывно раздается оглушительный звон. У меня вырывается крик: «Где я?» Зажигают свет, с колоссальным облегчением я осознаю, что я в палатке, и вспоминаю, что я член экспедиции. Ишак встревожен:

— Черт возьми, что случилось?

Я пытаюсь объяснить ему ужасное ощущение «небытия», только что испытанное мной.

— Должно быть, кошмар, — замечает он.

Тем не менее он не гасит свет и ласково разговаривает со мной, пока я совсем не успокаиваюсь.

На следующее утро я первым делом рассказываю об этом Удо. Он объясняет, что морфий иногда вызывает такую реакцию... С этих пор я уже никогда не отваживаюсь его принимать. Легче перенести самую ужасную боль, чем платить такой ценой за облегчение.

Около Бени мы узнаем, что здесь эпидемия холеры. Приходится обходить деревню, переправляясь по мосту, перекинутому через бурлящую необузданную Гандаки. Этот мост длиной примерно 60 метров, висящий на высоте 15 метров над рекой, причиняет нам немало беспокойства. Он сделан из двух длинных цепей и ржавых искривленных прутьев, поддерживающих старые гнилые доски. Он весь колеблется, и эти колебания могут стать угрожающими. Придется использовать каголе! Первым переправляется Ляшеналь. Он не проходит и нескольких метров, как начинает отчаянно кричать. Шерпы помогают Аджибе, несущему Ляшеналь, отводя прутья, за которые задевают ноги пострадавшего. Когда наступает моя очередь, я ста-

раюсь мужественно перенести это испытание, однако, хотя шерпы отводят прутья и Аджиба идет так осторожно, как только может, качание вызывает у меня тошноту. На противоположной стороне я присоединяюсь к Ляшеналу, и мы вдвоем образуем великолепный дуэт, плача от боли перед смущенными носильщиками.

Ж. Б. Рана намерен пустить свою лошадь вплавь. Связывается несколько нейлоновых веревок, и с противоположного берега все принимаются ее тянуть. Несчастное животное, чуя опасность, героически сопротивляется. Волей-неволей оно оказывается в реке и немедленно исчезает в волнах. Вербку тянут изо всех сил. Время от времени появляются уши, нога или бок... Сейчас выплывет труп! Ничуть не бывало! В нескольких метрах от берега показывается голова, затем лошадь медленно ступает на твердую землю и направляется к нам с олимпийским спокойствием.

Уже поздно. Мы разбиваем лагерь около реки. Но на этой стороне тоже свирепствует холера, и на следующее утро после очередной мучительной процедуры «снятия кожи» мы поспешно покидаем этот нездоровый район.

Каждый день льет дождь, и по вечерам, когда нам приходится искать убежища, мы клянем и ругаем все на свете. Нам нужен дом, где бы мы могли быть все вместе, где бы у нас было достаточно места, чтобы разобрать вещи и где бы мы были наконец избавлены от раздражающего шума ливня, барабанившего по палатке. Добравшись до маленькой деревушки Кусма, мы попадаем в затруднительное положение. Здесь нет ни одного подходящего дома, и «власти», к которым мы обратились, ведут нас... в пагоду! Мы непринужденно устраиваемся, и вскоре из этого священного места, которое, очевидно, больше не используется, доносится адская какофония песен, не предназначенных для ушей молодых девушек.

Часть членов экспедиции занята расплатой с носильщиками, которые должны возвратиться в Дану, и вербовкой людей для перехода в Тансинг. Шац собирает снаряжение и проверяет груз. Кузи, единодушно избранный поваром, сует свой нос во все открытые контейнеры.

Все неясно. Мы даже не знаем, найдем ли носильщиков, чтобы выйти на следующий день. Нам сказали, что остается еще пять переходов. В действительности же мы затрачиваем больше десяти дней.

Террай, по обыкновению обуреваемый жаждой деятельности, собирается меня стричь. Едва он начинает, как в трех метрах от нас раздаются громкие крики:

— Смотрите! Смотрите! — надрывается Кузи. — Колоссальный паук!

— Никогда не видел такого гиганта!

— Осторожнее!

Кузи, не далее как позавчера укушенный скорпионом, предусмотрительно отступает.

— Потрясающе, — говорит Ишак. — Надо непременно поймать его и сохранить. Мы покажем его будущим гималайцам...

— Один момент, — отвечает Удо, шаря в поисках ампулы хлористого этила, уже применявшегося им для анестезирования лошади.

— На, держи! При помощи этой штуки ты сможешь легко и безболезненно отправить его на тот свет! — Ишак, потрясая ампулой, преследует паука. Тот делает огромные прыжки, сантиметров по тридцать и наконец, скрывается в какой-то дыре. В тот момент, когда его убийца уже готов откатиться от своего намерения, паук вновь появляется в траве.

— Теперь не уйдешь!

Облитый хлористым этилом, паук застывает неподвижно.

Через несколько минут он уже лежит в коробке, распятый на булавках. Диаметр его тела 25 миллиметров, а размах лап более десяти сантиметров.

На следующий день около пятидесяти пациентов ожидают «доктора сагиба». У них самые разнообразные болезни, в основном флегмоны и непонятные лихорадки. Осмотр всех пациентов требует много времени, много медикаментов, а главное — бесконечного терпения со стороны Удо. Он составляет стандартный перечень вопросов:

- 1) Сколько лет?
- 2) Хорошо ли спите по ночам?
- 3) Хороший ли аппетит?
- 4) Где болит?
- 5) Есть ли кашель?

Эти вопросы вручаются Нуаелю, который с помощью нескольких слов на хинди переводит их на английский для Ж. Б. Рана, а Ж. Б. в свою очередь переводит на гуркали. Ответам приходится проделать этот путь в обратном порядке, и после всех промежуточных инстанций они зачастую выглядят весьма странно. Шерпы покатываются со смеху. Они понимают только часть разговора, который начинается на хинди, продолжается на гуркали и затем снова переходит на хинди. К этому моменту смысл изменяется самым нелепым образом!

Престиж Удо колоссален. Люди приходят к нему изда-лека, ибо он стал чем-то вроде полубога. Нас восхищает трогательная наивность этих людей, доверяющих свое здоровье, а иногда и жизнь абсолютно незнакомому человеку. Впервые в жизни их осматривает настоящий врач. Когда они болеют, их обычно лечит деревенский знахарь или так называемый «исцелитель».

Пациенты не всегда сговорчивы, так как связаны религиозными обычаями. Они корчат гримасы, когда Удо до них дотрагивается. Самое трудное — осматривать женщин. Они чрезвычайно стыдливы и ни за что на свете не разрешают прикасаться к себе, а уж тем более не соглашаются раздеваться. Однажды Удо удалось снять лохмотья с непальской девушки. Когда она была раздета наполовину, Саркэ, помогавший Удо, скромно удалился из палатки. Сама девушка на большее не согласилась. Всем нужно давать лекарства. Когда это возможно, Удо дает им соответствующие средства, в противном случае он раздает безвредные пилюли, производящие в основном психологическое действие. Но как они их употребляют? Не моргнув глазом, они глотают крем от загара и дружелюбно меняются лекарствами, предназначенными для совершенно определенных болезней. Во всяком случае, они с большим мужеством переносят любые хирургические операции.

Однажды приходит несчастный юноша с двойным открытым переломом запястья. Из-под массы гноя вылезает кость, рука распухла, а кисть раздулась до невероятных размеров. Очевидно, дело плохо. Посредством все того же сложного процесса перевода Удо выясняет, что несчастье произошло две недели назад.

Он предлагает родителям ампутацию — как единственное средство спасти их сына. Они отказываются и дают понять, что именно им нужно: перевязка. Ничего не поделаешь. Удо дает пациенту морфий и затем пытается поставить кости на место: кое-как это ему удастся, и, наконец, он кладет руку в гипс.

— Что же будет дальше? — спрашиваю я с беспокойством. — Ведь никто не будет менять повязку и через несколько дней нагноение возобновится.

— Ничего не поделаешь. По всей вероятности, недели через две он будет мертв. — В его словах звучит такой фатализм, что мороз подирает по коже. Однако он прав. Мы не можем рассуждать здесь так, как в Европе, — вокруг нас еще средневековые. Я думаю обо всех этих несчастных — жертвах эпидемий, от которых они не в состоянии защи-

тяться: нет ни врачей, ни вакцины. В таких странах смерть легко находит дорогу. Отбор здесь строгий. Во время своего длительного отступления мы часто встречаем похоронные процессии. Нам с Ляшеналем не доставляет особого удовольствия смотреть на похоронные носилки, столь напоминающие наши собственные. Умершие завернуты в саваны странных цветов. Перед ними несут трубы, эхо от которых долго отдается в горах. Родственники и друзья умерших идут молча, не проявляя особой скорби. Смерть — всего лишь переходный этап. В ней нет ничего печального: ведь человек возродится в других, более совершенных формах. Тела зарываются по берегам Кришна-Гандаки, и муссонные потоки уносят их вниз, к священному Гангу.

Каждый день Удо ухаживает за больными участниками экспедиции. Он постоянно бегаёт за своим ящиком с лекарствами. Этот ящик находится либо намного впереди, и нам приходится догонять его, либо далеко в тылу, и мы вынуждены долго ждать. Однако ни я, ни Ляшеналь обычно не спешим видеть нашего друга за работой. Постепенно сказывается введение больших доз пенициллина: лихорадка ослабевает, и призрак общего заражения крови отступает. Я начинаю разговаривать и интересоваться окружающим. Однажды на зеленой лужайке в Путликете Удо, как обычно, принимается за меня.

— Не кричи так, — просит он.

— Пожалуйста, Удо, осторожней!

— Я стараюсь делать как можно осторожней. Приготовьте. Ну как, больно?

Я напрягаю всю силу воли, чтобы вынести боль, и стискиваю зубы:

— Все в порядке. Я даже не почувствовал.

— Прекрасно, — говорит Удо. — Ножницы.

— А-а... а!..

Боль пронизывает все тело. Удо объявляет:

— Первая ампутация! Мизинец!

Сердце вздрагивает. Мизинец не так уж необходим, но все равно мне его жаль! Первая ампутация. На глаза навертываются слезы. Удо протягивает мне отрезанный палец.

— Может быть, хочешь взять его на память?

— ...!

— Знаешь, его можно сохранить! Но ты как будто не проявляешь особого энтузиазма!

— Он мне совсем не нужен: хранить черный, совершенно сгнивший мизинец... не вижу в этом никакого смысла.

Небрежно бросая «сувенир» на крышку контейнера, Удо говорит:

— Однако ты не сентиментален.

Граница между живой и мертвой тканями теперь отчетливо видна. Удо орудует распаторием¹, и ежедневно я лишаюсь одной-двух фаланг на ногах или руках. Все это делается без наркоза, под открытым небом, когда можно и как можно.

Иногда Удо оперирует в туземном жилище, иногда у обочины дороги, в неизбежной пыли, подчас он работает рядом с рисовыми болотами, несмотря на сырость и пиявки, и снова посреди поля, под дождем, укрывшись под зонтиком, который держит дрожащей рукой Ж. Б. Рана.

233

Без передышки Удо чистит, режет, перевязывает.

Во время операций, когда мы терпим эти муки, когда вокруг нас тошнотворные запахи: гной, кровь, сочащиеся сквозь бинты, и сотни мух, сидящие на ранах, — как это ни странно, мы зачастую становимся свидетелями забавных инцидентов. Сейчас после первых муссонных дождей, настало время рассаживания риса. Все, кто только может работать, заняты на рисовых полях. Найти носильщиков для экспедиции становится невозможно. Мои товарищи очень обеспокоены: мы должны выбраться отсюда любой ценой. Удо просит Ж. Б. Рана воспользоваться своим авторитетом и применить крайние средства для вербовки носильщиков. Он напоминает, что мы находимся под покровительством магараджи, который не потерпит, чтобы нас задерживали в тот момент, когда мы хотим покинуть страну. Ж. Б. делает все, что в его силах, но безуспешно.

Мы предлагали сверхвысокую цену, однако вскоре выясняется, что, чем дальше мы проникаем в районы интенсивного земледелия, тем больше возрастают наши затруднения.

В продолжение многих и многих дней мы идем через эту самую необычайную страну, спускаясь из высоко расположенных ущелий Непала на равнины. Пройдя в течение целой недели вдоль Кришна-Гандаки до Кусма, мы вынуждены изменить выбранный нами путь: вода в этой огромной реке так поднялась, что переправа очень опасна, если вообще возможна. Поэтому в Кусма мы покидаем Гандаки и пересекаем высокие холмы, чтобы выйти в бассейн Анди-Кхолы, текущей параллельно Гандаки. Ее берега еще проходимы.

¹ Хирургический инструмент в форме скребка, применяемый для чистки костей и отделения живой ткани от мертвой.

В Тансинге мы снова возвратимся на старую дорогу.

Экспедиция превратилась в скопище изможденных людей, уныло бредущих непонятными дорогами. Нас поддерживает одно желание: как можно быстрее попасть в Индию. Бесконечный спуск по нескольким долинам под вечным дождем или во влажную жару муссона оказывает на всех пагубное влияние. Мои товарищи потеряли энергию.

Кузи и Террай замыкают. Нуаель впереди. Когда мы подойдем к границе, он отправится в Горакпур, чтобы организовать обратный проезд по индийской железной дороге. В центре отряда — Удо, Ишак, Ляшеналь, Ребюффа, Шац и я. С каждым днем Ляшеналь становится все более нервным. Малейшая задержка выводит его из себя, и он клянет носильщиков.

Во время остановок мы иногда оказываемся бок о бок. Он читает единственный детектив экспедиции, читает маленькими порциями, чтобы продлить удовольствие. Насколько я понимаю, это рассказ о каком-то безголовом человеке. Это единственное, что я уловил.

— Черт знает сколько времени мы теряем даром!

— Немножко терпения, Бискант. Это все не так-то просто.

— А Ж. Б.! Не кажется тебе, что он мог бы быть немножко порасторопней?

— После тяжелого перехода на всех действует жара.

— О, дьявол! — взрывается Ляшеналь.

— Осталось идти немного. После Тансинга всего два дня ходьбы до Индии. Теперь можно уже считать не дни, а часы. Все, о чем я мечтаю, — это хорошая больница с современной операционной, с массой медикаментов и бинтов, которые бы постоянно менялись... А главное — побольше ваты! Дело в том, что за последнее время у нас стало очень мало ваты, хотя Удо использует все мало-мальски пригодные куски. Медицинский спирт кончился, и иглы приходится дезинфицировать в моем одеколоне.

— Слава богу, что с нами наш эскулап, — с признательностью замечает Ляшеналь. — Я просто не представляю, что бы мы делали без него!

— Тебя-то уж, наверное, тут не было бы! Но не кажется тебе, что он мог бы быть чуть-чуть... помягче? Черт побери, какую адскую боль он иногда причиняет! Видишь ли, этим хирургам наплевать, под наркозом человек или нет, они преспокойно режут, колют, кромсают. О, мы несчастные!

И какой мы устраиваем дуэт! Как приятно жаловаться!

Горакпур

Постепенно экспедиция привыкает к той бродячей жизни, которую мы ведем в течение многих недель. Иногда мы пробираемся по скользким низким стенкам, разделяющим рисовые поля, но носилки слишком широки, и их приходится нести прямо по полю. Мне вспоминается, как в детстве я представлял себе средневековых феодалов, топтавших для собственного удовольствия созревший урожай. Иногда мы движемся гуськом по тропинкам, проходящим посреди странных маисовых полей с гигантскими растениями, возвышающимися более чем на метр над нашими головами.

При приближении к Тансингу погода улучшается. Теперь мы жестоко страдаем от солнца. Мухи роями кишат на моих пропитанных гноем бинтах, и я ничего не могу с этим поделать.

Мы уже приближаемся к Тансингу.

Носильщики мечтают дойти до «большого города» и бодро шагают вперед.

— Это Панзи!

— Не может быть!

Панзи, с которым мы расстались давно и о котором уже начали беспокоиться, подходит с невозмутимым видом со своей обычной приятной улыбкой, как будто он отлучился всего на несколько минут.

Все бросаются поздороваться с этим великолепным шерпом, совершившим девятнадцатидневный переход с одной лишь остановкой — в Дели, где он оставался в течение 48 часов.

— Почта!

Все в один голос восклицают:

— Почта?!

Это невероятно! В первый раз за все время мы получим свежие известия из Франции! Письма розданы, и лица скрываются за листами бумаги.

— Моя жена не вполне здорова, — поверяет мне Ишак. — Последнее письмо написано давно. Меня беспокоит, что с ней.

— Эй, послушайте! Организуется еще одна гималайская экспедиция!

Новость вызывает удивление.

— Вот это да!

— А много их?

— А куда они собираются?

Возникает перекрестный огонь вопросов и ответов. Не все получили хорошие известия, некоторые участники экспедиции озабочены и обеспокоены.

236

Вдали показывается зеленый холм. Саркэ указывает пальцем:

— Тансинг, Бара-сагиб, Тансинг!

Неужели конец?

На следующий день после сильного ливня, хотя нам приходится спускаться по страшно грязной тропинке, полной рытвин, носильщики не идут, а летят как на крыльях. Тансинг всего в нескольких сотнях метров, мы уже на окраине. Снова маленькие домишки, пестрая и любопытная толпа. Мы пересекаем город и наконец выходим на широкую, ровную площадку, где разбиваем лагерь. Террай с воодушевлением перетаскивает вещи, во все горло распевая (хорошая примета) единственную известную ему песню:

«Au son joyeux des balalaikas...»¹

У всех легко на душе.

Для контраста Удо после обеда оперирует. При этом я лишаюсь последнего большого пальца на ногах и большого пальца правой руки.

Начинается дождь. Меня кладут в палатку. Больше часа я с ужасом слушаю крики Ляшенала, подвергающегося первым ампутациям. Его страдания производят на меня ужасное впечатление, особенно когда я слышу его протестующее «Нет! Нет!», как будто он не может смириться с потерей того, что для него так дорого.

На следующий день в лагерь прибывают «власти». Губернатор, производящий на меня самое благоприятное впечатление, кажется, весьма расположен к нам. Почему бы ему не помочь нам набрать носильщиков? Он обещает сделать это немедленно. Сейчас утро 4 июня: через несколько часов носильщики будут в нашем распоряжении — какое облегчение!

¹ «Под веселые звуки балалаек...»

В принципе миссия Ж. Б. кончается послезавтра в Бутвале, но мне хочется, чтобы он сопровождал нас до Катманду. Несомненно, он будет нам весьма полезен, но главное то, что это явится для него вполне заслуженной наградой. Ж. Б. соглашается на наше предложение и обещает провести необходимые переговоры с магараджей. Несколько часов спустя он сияющий врывается в палатку и объясняет, что магараджа дал свое согласие на его поездку в столицу.

Перед последним этапом нашего путешествия, когда мы готовимся к выходу в Бутвал, мне хотелось бы хоть немного привести себя в порядок. Я прошу достать парикмахера, ибо у меня отросла борода, как у древнего пророка. Ординарец Ж. Б. берется все устроить. Вскоре он возвращается в сопровождении непальца. Я с опаской слежу за его приближением, однако с восторгом предвкушаю, как бритва нежно заскользит по моей коже. Приносят воду, и парикмахер начинает меня намыливать. Он пользуется каким-то странным составом, не способным ни мылиться, ни давать пену, которым он решительно натирает мое лицо. Все десять пальцев, а также ладони, энергично гуляют по моей физиономии — массаж довольно болезненный.

— Бештари, бештари!¹ — взываю я.

Но он, кажется, уверен в себе. Вскоре все готово для бритья. Порывшись в своем ящике, он извлекает сомнительного вида оружие. Это маленькое стальное лезвие, очень короткое, зажатое между двумя бамбуковыми прутиками. В целом эта штука выглядит крайне подозрительно. Парикмахер берет мое лицо и начинает «брить». Лезвие тянет волосы, и он пальцами старательно вырывает их один за другим... Я выпускаю дикие вопли... Он ворчит и не обращает на мои протесты ни малейшего внимания.

Удо просовывает голову в палатку. На его лице почти торжествующее выражение

— Я перенес бы еще одну ампутацию, — кричу я, — чем услуги этого «парикмахера!»

Через час мои щеки и подбородок приобретают более или менее приличный вид. Теперь — усы! Я особенно забочусь об их форме. Он принимается за дело, и на этот раз я чувствую, что лезвие режет самым настоящим образом! Я сжимаю губы — от усов не осталось и следа! Процедура окончена.

Ляшенала отправляют в Бутвал в первой партии, руко-

¹ Осторожнее!

водимой Ребюффа. Я следую во второй. Вокруг нас столько зелени, что я не узнаю дорогу, по которой мы прошли три месяца назад. К вечеру мы оказываемся на вершине какого-то холма. Ишак рядом со мной.

— Взгляни, Морис! — говорит он и просит шерпов повернуть мои носилки так, чтобы я мог видеть покидаемую нами страну. В этот час все дышит какой-то неясной печалью. Возникает ли это чувство при виде высокогорных долин, грандиозных вершин, виднеющихся на горизонте, или при воспоминании о нашей почти невероятной борьбе, или это происходит потому, что мы чувствуем, что реальность незаметно переходит в мечту? Мы с Ишаком молчим.

238

Через несколько минут мы снова соприкоснемся с внешним миром.

Волнующая эпопея, связавшая нас с этими горами, вскоре отойдет в прошлое. Носильщики готовятся меня поднять: длинная процессия должна продолжать свой путь. Я пытаюсь дотронуться локтями до лица, мне кажется, что оно все изрезано морщинами. Должно быть, у меня совершенно седые волосы... Мое сердце переполнено, и я отворачиваюсь. Мы молча отправляемся искать ночлег. На следующий день перед Бутвалом мы встречаем Нуаеля, вернувшегося из своей поездки в Горакпур.

— Хеллоу, ребята! — едва заведев нас, кричит он издали. Вскоре он присоединяется к нам.

— Как поживаешь? Как в Индии — жарко?

— Угнетающе — настоящая баня!

Нуаель сообщает, что вагоны будут на станции Наутанва 6 июля, то есть завтра. Нельзя терять ни минуты. В сильную грозу, под проливным дождем мы прибываем в свой старый лагерь в Бутвале, где застаем Ляшеналья. Только тот, кто страдает, может понять страдания другого. Вот уже несколько дней Ляшеналь с бесконечным терпением и поразительным искусством возится с моими пропитанными гноем бинтами. Конец дня отводится для операции. Несколько раз я почти теряю сознание.

Весь груз собран. Но вопрос в том, достанем ли мы на следующий день грузовики, чтобы добраться до начала индийской железнодорожной линии, куда мы должны прибыть к 10 часам? Я прошу Ж. Б. сделать все, что в его силах. Он немедленно отправляется в путь среди ночи сквозь дремучие, гнилые джунгли, чтобы добраться до Бетсари. Утром 6 июля грузовики прибывают. Это триумф Ж. Б., и я его горячо поздравляю. Мы расплачиваемся с носильщиками и отправляемся в Наутанаву. В джунглях полно обезьян; наше появление их нимало не смущает.

У одного грузовика лопается камера. Нашему — не хватает бензина. Однако все устраивается: из двух вышедших из строя машин можно сделать одну действующую.

Наконец мы прибываем в Наутанаву и размещаемся в двух вагонах, кажущихся нам настоящими дворцами. Вскоре после полудня весь багаж погружен, и поезд отправляется в Горакпур. Строятся всевозможные планы. Все мечтают как можно быстрее вернуться во Францию. Все члены экспедиции, в течение трех месяцев проявлявшие исключительное мужество и терпение, сейчас готовы на что угодно, лишь бы выиграть сутки. Однако трудно увязать самые разные желания. Что касается меня, я намерен во что бы то ни стало сдержать обещание, данное в самом начале экспедиции, и нанести визит магарадже Непала. Удо будет сопровождать меня в Катманду. С нами поедут также Ишак и Нуаель. Остальные отправятся в Дели, где будут ждать нас несколько дней. Ляшеналь же, чтобы избавиться от сильной жары, поедет на один из высотных курортов, например в Муссори.

Пока обсуждаются эти планы, Удо занят своим обычным делом. С ножницами в руках он «очищает» руки и ноги, несмотря на жару 45° С в тени и полчища mosquitos. Мы приближаемся к Горакпуру. Теперь очередь Ляшеналья. Через два часа экспедиция разделится, и почти неделю он будет лишен заботы нашего доктора.

Нас невероятно трясет; как Удо трудно оперировать: он пользуется остановками для ампутаций. На перегоне все приводится в боевую готовность: разматываются бинты, раскладываются все необходимые вещи, готовятся лекарства, ножницы держатся наготове, чтобы Удо смог приступить к работе, как только поезд остановится.

— Давай, Бискант, твоя очередь! — торопит Удо. — Саркэ!

Ляшеналь предусмотрительно снял свои бинты сам и, готовый к жертве, протягивает палачу свою ногу. На станции перед Гаракпуром он теряет два пальца на правой ноге. С тремя другими будет покончено в самом Горакпуре.

— Осторожнее, Удо! Пожалуйста, поосторожнее!

— Клянусь тебе, я делаю все, что могу, Бискант. Я не могу сделать большего.

— Давай, быстро!

Ляшеналь держит ногу обеими руками. Глаза у него почти вылезли на лоб, он умоляет Удо о пощаде.

— Горакпур, — говорит Шац. — Мы приехали!

Поезд замедляет ход. Кузи, Ребюффа, Шац и несколько шерпов готовятся прыгнуть в багажные вагоны. Все сна-

ряжение необходимо быстро перегрузить в другие вагоны, прицепленные к поезду, отправляющемуся через час в Лакхнау.

С Удо крупными каплями льет пот. Он режет и режет, не обращая внимания на вопли Бисканта: остается полчаса, а надо отнять еще один палец. С того момента как он начал, их уже набралось много. На этот раз ножницы слишком велики.

— Быстро, Мата, маленькие ножницы! — В этот момент поезд резко останавливается. — Проклятие! — Ножницы упали в дверную щель. Удо выходит из себя.

— Я пока буду продолжать, а ты попытайся их достать.

— Ничего не выйдет. Невозможно за одну минуту снять с петель громадную дверь!

— Черт с ними, буду продолжать этими!

Это вовсе не нравится Ляшеналю, но с большим пальцем должно быть покончено...

— Но я не хочу! Осторожней, осторожней! — говорит он сквозь рыдания.

— Нет, Удо, пожалуйста! — На этот раз терпение Удо лопается. Он останавливается и смотрит на Ляшенала.

— Ну, это, наконец, уже слишком! Ты мог бы быть хоть немного более покладистым. — Ляшеналь теряет дар речи... «Если быть «покладистым», — думает он, — Удо с легкостью мог бы отрезать мне обе руки и обе ноги!»

На платформе все время толпится народ, пройти трудно.

— Саркэ! — кричит Удо и делает неопределенный жест рукой, означающий:

«Убери все здесь!»

Саркэ и Путаркэ принимаются за дело: они широко открывают дверь и импровизированным веником выметаю все, что находится на полу. Среди прочего мусора виднеется внушительное число пальцев всевозможных размеров, вылетающих на платформу к ногам остолбеневших жителей. Поезд отправляется через несколько секунд.

Как только перевязка закончена, Террай хватается Ляшенала и уносит его. Мы едва успеваем крикнуть:

— До свидания, Бискант! Держись! До Дели!

Раздаются свистки, поезд дергает и среди криков трогается. Мы проплываем мимо массы людей. Я едва успеваю заметить Терраю, махающего нам на прощание парой ботинок.

Убаюканный ритмичным пением колес, я мечтаю об этой далекой столице, куда мы направляемся, об этом городе из «Тысячи и одной ночи».

Есть еще другие Аннапурны

Поезд мчится на всех парах. Ишак, Нуаель, Удо и я молча лежим на длинных полках купе, освежаемые струей воздуха из вентилятора. Мысли улетают, постепенно наступает ночь.

После двадцатичетырехчасового путешествия по равнине Ганга с комфортом, который нам кажется невообразимым, приезжаем в Раксаул.

Под руководством Саркэ и Панзи, сопровождающих нас до Катманду, наш багаж быстро перебрасывается на непальский вокзал. После Аннапурны Саркэ не отходил от меня ни на шаг. Работы ему хватало... Я часто вспоминаю о его выдающемся 36-часовом переходе, решившем по существу судьбу экспедиции. Катманду — это город его грез, сказочное видение, о котором он не смел и мечтать. Он, безусловно, заслужил эту награду так же, как и ветеран крупных гималайских экспедиций Панзи, преданность и спокойное добродушие которого так привлекательны. Сирдар Анг-Таркэ не смог к нам присоединиться: на его родине произошло громадное наводнение, и он очень тревожился за свою многочисленную семью. Он попросил отпустить его и уехал прямо в Дарджилинг.

Прощание в Горакпуре было особенно трогательным. Кроме заработанных денег шерпы получили щедрый бакшиш и все личное снаряжение, представляющее для них большую ценность. Даже в Европе такое снаряжение является ультрасовременным. Шерпы поочередно приходили прощаться со мной, складывая, по индийскому обычаю, руки вместе. Некоторые, например Путаркэ, медленно кланялись в знак уважения, затем, касаясь меня рукой, прикладывались лбом к моей одежде. Хотя они и были довольны, что разделились с экспедицией, которая долго останется у них в памяти, однако на лицах была написана неподдельная печаль.

Присланному магараджей офицеру дано задание: смотреть, чтобы мы были обеспечены всем необходимым, и помочь добраться до Катманду. Плохая новость: поезд уйдет только завтра. Мы разочарованы, но отнюдь не удивлены: в Непале всего три паровоза! К счастью, ожидание удастся сократить благодаря стараниям трио офицеров связи: Нуаеля, Ж. Б. и непальского офицера. Сегодня в 3 часа ночи уходит товарный поезд, к нему прицепят для нас специальный вагон-люкс. Генерал Бижая, министр иностранных дел и родной сын магараджи, дал телеграфное предписание предоставить этот вагон в наше распоряжение.

Ночью, под надоедливый аккомпанемент сверчков и прочих насекомых, мы размещаемся в роскошном купе. Мои товарищи уже крепко спят, когда поезд медленно отходит от станции. В пути так ужасно трясет, что я боюсь, как бы меня не выбросило из постели. Ширина колеи всего 60 сантиметров! Крошечный вагон демонстрирует чудеса равновесия, от продольной и поперечной качки начинает мутить. Всю ночь не смыкаю глаз. Мы проезжаем через дремучие, гнилые джунгли.

Утром прибываем на конечную станцию. Офицер магараджи угощает нас сытным завтраком. Около вокзала приготовлены машины: для нас автобус, а для снаряжения грузовой шевроле. Меня усаживают на переднее сиденье. Уже больше месяца мне не приходилось быть в таком положении, но я настолько похудел, что не могу оценить по достоинству предоставленный мне комфорт. Тридцать километров, отделяющие нас от Бимпеди, можно было бы покрыть за несколько минут. Мы же потратили на этот путь более двух часов. Дорога узкая, но неплохая. Через многочисленные горные реки перекинута стандартные, готовые мосты. Эта дорога — единственная в Непале, и жители очень ею гордятся. Она является важной жизненной магистралью, ведущей в Катманду. Понемногу набираем высоту. По временам встречаются серпантины. Грузовик неотрывно следует за нами. Взгромоздившиеся на него шерпы в восторге. Большое количество местных домов покрыто гофрированным железом. Это, пожалуй, наиболее безобразный из даров западной цивилизации местному населению. В 11 часов приезжаем в Бимпеди, где нас ожидают лошади и «дэнди»¹. Дорога здесь кончается, и, чтобы добраться до Катманду, куда мы должны прибыть

¹ «Дэнди» — носилки для переноски пассажира в сидячем положении.

к вечеру, приходится использовать горную тропу, непроезжую для автомашины.

У Удо болезненные фурункулы, которые он получил, ухаживая за нами, и, следуя моему примеру, он выбирает себе «дэнди». Тропа сразу же начинает подниматься серпантинами по очень крутому склону.

Поразительно ловкие носильщики ухитряются идти так, что я не чувствую ни малейшего толчка. Смена происходит на ходу, без снижения темпа. Путешествие длится весь день. «Дэнди» слишком мал для меня, и я вынужден согнуться чуть ли не вдвое, всячески оберегая свои повязки. Долго оставаться в таком положении невозможно. Удо «для храбрости» делает мне уколы солюкамфоры. Вдоль дороги разбросаны «рест-хаузы» — здания, предназначенные для отдыха приглашенных гостей магараджи. В час дня мы прибываем в крепость, занятую соединением гурков. Непальцы, видимо, очень гордятся этим укреплением, построенным в стиле Вобана¹. После легкого завтрака в рест-хаузе, расположенном наверху крепости, мы снова трогаемся в путь, так как до Катманду еще далеко и нам предстоит перейти через два перевала.

243

Мое положение становится невыносимым. Единственный выход, уже испытанный в мрачные дни в Лете, — отупеть, оцепенеть, постараться отвлечься от настоящего, забыть о страданиях и боли. Как будто уже становится поздно. С перевала высотой 2000 метров открывается горизонт. Подняв голову, замечаю множество тросов, пересекающих долину. Канатная дорога? Не может быть! Да! Это канатная дорога, причем, как я узнаю, самая длинная в мире: она тянется более чем на 30 километров и обслуживает Катманду с его окрестностями, т. е. более ста пятидесяти тысяч жителей.

Мои товарищи на резвых лошадях ушли вперед. Говорят, они нас будут ждать у начала автомобильной дороги. Откуда здесь автодорога? Я не могу скрыть удивления, когда узнаю, что до Катманду мы доедем на машине. Как сюда могла попасть автомашина? Надеюсь, не по этой узкой тропе, где мы сейчас проходим с трудом!

Урывками удается получить кое-какие сведения.

— Она доставлена носильщиками?

И обернувшись к Удо:

— Значит, они толкают машину по этой тропе? Чепуха, посмотри, какая крутизна! В некоторых местах не

¹ Вобан — знаменитый французский военный инженер. — *Прим. перев.*

пройдут рядом и двое пешеходов. Да возьми хоть сейчас. Мы только что перешли по металлическому мостику не более полутора метров шириной.

— Они не толкают машину... Они ее несут.

— Невероятно! Говорят, есть даже грузовики... а как же два перевала по 2000 метров?

Мои собеседники объясняют:

— Машина со снятыми колесами устанавливается на большой платформе, которую несут 50—70 человек. Большая часть тропы обходится по руслу рек, где носильщики идут босиком. Избежать перехода через два перевала нельзя, поэтому в этих местах тропа расширена и повороты не такие крутые. Чтобы облегчить этот тяжелый труд, носильщики поют ритмичные песни. Таким образом, в Катманду смогли построить сеть хороших дорог протяжением почти 20 километров, по которым ходят около сотни машин.

Наступает ночь. Носильщики шли без отдыха весь день и сейчас с трудом взбираются на перевал. Говорят, что отсюда видна большая часть гималайской цепи, а внизу, за устьем знаменитой Непальской долины, раскинулся на равнине Катманду — историческая крепость страны с сотнями пагод, храмов, дворцов. Это внезапное явление, должно быть, поразительно. К сожалению, когда мы добираемся до перевала, вокруг крошечная тьма и к тому же небо покрыто облаками. Как ухитряются носильщики находить в такой темноте дорогу — непонятно! Об остановке не может быть и речи, хотя я так устал, что готов отдать богу душу. Моя поза вызывает в памяти железные клетки времен Людовика XI...

Вдали мелькают электрические огни! На следующий день я узнал, что на реке Брагмати построена гидростанция. Время идет, огни приближаются невероятно медленно. Глубокой ночью мы проходим через спящие селения. Когда же все это кончится? Я уже не в состоянии даже стоять.

Около полуночи добираемся до деревушки. Вокруг бесшумно движутся какие-то тени: чувствую, что это конец пути. Действительно, недалеко нас ожидает допотопный американский автомобиль. Нужно рассчитывать с носильщиками, перегружать снаряжение на грузовик.

Мы с Удо усаживаемся в машину. Тотчас же обнаруживается, что одна камера лопнула. Четверть часа на смену колеса... Начинается дождь. Вперед! Дождь перешел в ужасающей силы грозу. По кузову барабанит ливень. Дорога плохая, рессора сломана.

В час ночи мы въезжаем в рест-хауз магараджи. На аллее у входа нам салютует вооруженный гурка. Раздаются крики... Нас ждут. Ишак, Нуаель, Ж. Б. выходят нам навстречу. С большой радостью я вижу также советника нашего посольства Кристиана Беля, исполняющего сейчас должность поверенного в делах Франции в Индии и Непале. Наш посол М. Даниель Леви в настоящее время во Франции, и в его отсутствие Кристиан Бель совершил это путешествие, чтобы лично представить магарадже членов экспедиции. Этот хороший друг в курсе всех наших дел, однако он явно потрясен моим состоянием.

Наконец-то впервые за многие месяцы я смогу отдохнуть... Здесь есть мебель! Стол, холодильник... В нашем распоряжении ванна... Но все это ничто по сравнению с тем, что ожидает нас на столе: бутылка эльзасского вина! У меня голова идет кругом, и я уже готов злоупотребить такой сказочной возможностью, однако важные метрдотели в тюрбанах с такой церемонностью наливают мне драгоценную жидкость, что я поневоле возвращаюсь к правилам хорошего тона. Приятный сюрприз: я смогу пользоваться кроватью. Мы собираемся пробыть здесь до 11 июля включительно. Для меня это означает три дня полного отдыха и хорошего питания, для моих товарищей — три дня на осмотр этой сказочной столицы.

Катманду — центр жизни всего Непала, колыбель страны. Мои товарищи собираются в город. Перед уходом Удо «снимает кожуру» со всех четырех ран и просит меня побыть несколько часов без всяких повязок. Однако это не легкая задача! Нельзя ни к чему прикасаться, нужно лежать, задрав руки и ноги, и тщательно оберегаться от мух и комаров. В таком положении время тянется медленно, и к тому же я очень боюсь этих насекомых, носителей всевозможной заразы. Мухи здесь огромные, с красным брюшком; они прилипают, как пластырь, и согнать их невозможно. Мои опасения вполне оправдались: в Дели, перевязывая меня, Удо обнаружил, что в ране на ноге кишат черви. Как только к ним приближался пинцет хирурга, они немедленно исчезали в глубине. Пока мы добрались до Парижа, они выросли до громадных размеров, толщиной с вязальную иглу... их было не меньше 200 граммов. Я пережил ужасное потрясение! Мысль, что ничто меня не пощадило, приводила меня в отчаяние. Это ужасное зрелище навсегда врезалось мне в память, несмотря на утешение Удо, утверждавшего, что черви очищают раны лучше любого современного лекарства. Го-

ворят даже, что в некоторых случаях ими специально заражают раны.

Мои товарищи в восторге от своей экскурсии. Им удалось осмотреть множество пагод, украшенных резьбой по дереву, исключительно оригинальные статуэтки.

На следующий день — подготовка к большому дурбару¹. Нуаель объясняет нам порядок церемонии, которая в конце дня состоится во дворце. Сперва будет официальная часть, затем прием примет более интимный характер. Мы все взволнованны. Об этом большом дурбаре нам уже давно прожужжали все уши. Прежде всего необходимо быть точным! Ни минутой раньше, ни минутой позже, этикет соблюдается строго. За исключением Кристиана Беля, который будет одет в мундир советника посольства, все остальные должны облачиться в пресловутые белые смокинги, которые мы таскаем с собой от самого Парижа.

Из альпинистов, из путешественников мы должны за несколько минут превратиться в светских людей и более того — в придворных!

— Мои брюки поматы,— жалуется Удо.

— Отдай их выгладить,— отвечает Ишак.— О, дьявол! В жизни мне не продеть этих запонок!

— Я готов! — кричит наш дипломат Нуаель.

Надо мной хлопочет парикмахер, на этот раз более деликатный, чем в Тансинге. Ему удастся меня побрить, не порезав — по-видимому, это величайший артист, так как мое лицо — лишь кожа да кости.

В назначенный час на двух огромных машинах мы въезжаем за ограду дворца. У входных решетчатых ворот салютуют гурки. За великолепной аллей во французском стиле расположено озеро; мы медленно его огибаем.

Приближается конница: целое соединение, мчащееся рысью. Всадники в красной одежде, с висячими усами, вооружены пиками. Выезжаем на цементированную площадь и останавливаемся перед дворцом магараджи. Мои друзья быстро выходят из машин и распоряжаются, чтобы за мной прислали носилки. Подбежавшие солдаты помогают меня усадить. Мы поднимаемся по лестнице. Его высочество магараджа Непала идет нам навстречу, одетый в белый мундир, усеянный множеством необычайных орденов и редчайших драгоценностей. Его головной убор украшен крупными драгоценными камнями, среди которых выделяется феноменальный по величине бриллиант. Усы в стиле

¹ В Непале — торжественная аудиенция у короля.

императора Франца-Иосифа делают внешность магараджи еще более величественной.

Он подходит ко мне с благожелательным видом, с отеческим добродушием во взоре. Я почтительно приветствую его на индийский манер, складывая вместе свои перекрещенные руки. Он говорит, что рад принять нас во дворце, счастлив поздравить меня и моих товарищей. Мы вместе с ним поднимаемся по лестнице и входим в громадный, залитый светом зал. Вокруг толпятся королевские вельможи, на нашем пути ряды расступаются. Магараджа приказывает поставить мои носилки таким образом, чтобы мне была хорошо видна вся церемония. Я с удивлением смотрю на окружающих: все одеты в такие же белые мундиры, как у магараджи, правда не столь роскошные. Ослепительно сверкают изумруды, бриллианты, рубины. Как-то странно, что в наш век еще существуют такие баснословные сокровища.

247

Так как мы прибыли на несколько минут раньше, чем полагалось, у меня еще есть время как следует разглядеть выстроенных в порядке старшинства наследных принцев. Их примерно пятнадцать. Они сидят безмолвно, неподвижно.

Официальный пост магараджи, должность премьер-министра, передается им по наследству, в соответствии с очень строгими правилами, своим братьям или сыновьям. Король Непала почти никогда не показывается своим подданным. Он олицетворяет духовную власть. Справа, строго по рангу, сидят принцы, одетые в такие же сверкающие мундиры, затем министры, высшие офицеры армии — словом, вся непальская знать и именитые лица.

Сидящий рядом Ишак шепчет:

— Потрясающе! Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно... Мне кажется, я долго не выдержу.

Действительно, стоило мне принять вертикальное положение, как сквозь повязки начал просачиваться гной. Ишак тоже в затруднительном положении: этикет здесь весьма строг, один из самых строгих в мире, и лицу, удостоенному приема во дворце, не полагается выполнять обязанности фотографа. Но в этой стране фотография пользуется громадной популярностью, и присутствующие смотрят сквозь пальцы на нарушение этикета. Время от времени вспыхивает магний: Ишак исподволь фотографирует.

Затем он вновь становится «приглашенным». Официальные придворные фотографы возятся с колоссальными аппаратами на штативах, которые они устанавливают так тща-

тельно, как будто бояться, что в случае неудачи им отрубят голову.

На Ишака они посматривают со снисходительным видом. «Какой-то любитель...— думают они,— нельзя же сделать снимок на лету!»

Кристиан Бель поднимается и обращается к магарадже с речью на английском языке. От имени Франции он благодарит магараджу за данное нам особое разрешение посетить Непал.

— Высочайшая вершина, побежденная человеком, находится в Непале,— говорит он...

248 В знак благодарности он преподносит магарадже от имени президента вышитый стеной ковер в современном стиле, обюссонской работы. Однако в Непале этот вид прикладного искусства неизвестен, и, когда Кристиан Бель объясняет, что это не ковер, который расстилают на полу, а род вышивки, служащей, подобно картине, для украшения стен, все удивлены. Молчание нарушается шепотом восхищения.

Снова наступает тишина, затем встает магараджа. Отвечая нашему послу, он говорит, что с радостью дал это разрешение, которое мы использовали наилучшим образом. Этот акт, действительно носящий исключительный характер, показывает, как стремится магараджа содействовать укреплению дружеских отношений между Францией и Непалом, некогда установленных усилиями его отца и Сильвена Леви, великого французского ученого, специалиста в области санскритского языка.

Во время его речи наследные принцы переглядываются и незаметно посматривают на часы. Остается всего несколько секунд: неужели этикет будет нарушен? Нет! Магараджа кончает. Еще несколько любезных слов, и церемония окончена. Слово по волшебству, вельможи исчезают.

Через несколько минут начнется полуофициальная часть. Некоторые лица возвращаются уже в обычной форме: черный мундир, шапка из подстриженного меха, а вместо орденов лишь знак гурков: две скрещенные золотые сабли. Снова появляется магараджа. На этот раз на его груди лишь один орден — Крест Почетного Легиона. Общий тон изменился: мои товарищи беседуют с министрами и с наследными принцами, любующимися выставленной на большом столе вышивкой. Магараджа подходит ко мне, и в течение нескольких минут мы ведем дружескую беседу.

Я говорю ему о симпатии, которую питаю к его родине, так мало известной на Западе, о превосходном впечатле-

нии, которое произвел на нас сопровождавший нас офицер Ж. Б. Рана. Ж. Б. немедленно производится в лейтенанты, а его жалованье удваивается! Весьма взволнованный, он, стоя на почтительном расстоянии, робко рассыпается в знаках благодарности и, согнувшись вдвое, отвечает магарадже уже известный нам странный поклон.

Эти суровые воины, как показывает история, едва ли склонны к нежным чувствам. Поэтому я поражен, увидев такое внимание, столько доброты по отношению ко мне. Внезапно воцаряется молчание: входят какие-то лица, почтительно несущие небольшие коробочки. В чем дело? Магараджа встает, меня переносят на середину громадного зала. Нас окружает двор. Тут же присутствуют недавно прибывшие послы Англии и Индии со своими атташе.

Торжественно открыв футляры, магараджа объясняет, что король нездоров, а потому поручил ему вручить мне высший орден Непала, которым награждаются лишь солдаты и офицеры непальской армии во время войны, а именно «Доблестную правую руку гурков».

Очень волнуясь, он произносит простые слова:

— Вы проявили исключительное мужество, и мы приветствуем вас как мужественного человека.

Ни одна награда не могла бы тронуть меня больше, чем этот орден смелых гуркских воинов. Сидя на своих носилках, едва не теряя сознания, я пытаюсь связать несколько ответных слов. Я благодарю за эту неожиданную награду и говорю, что в моем лице награждена вся экспедиция. Магараджа поздравляет меня. Затем мимо меня проходят наследные принцы, министры, дипломаты, то и дело слышится «Congratulations»¹.

Постепенно все общество разбивается на небольшие группы. Время от времени ко мне подходят магараджа и его сын генерал Бижая. Они осведомляются о моем самочувствии, расспрашивают о царстве вечных снегов: история Аннапурны их интересует и беспокоит. Будем надеяться, что если произойдут какие-нибудь несчастья, то нам, нарушившим божественные законы, не поставят это в вину.

Пора уходить, я совершенно обессилен... Долг выполнен до конца. Мои товарищи это хорошо понимают, и мы прощаемся с хозяином. Его высочество с сыном в сопровождении других вельмож торжественно провожают нас до грандиозной лестницы. Мне не терпится лечь, но в тот момент, когда мы начинаем спускаться по ступеням, внезапно

¹ «Поздравляю!»

слышится отрывистая команда: медленно подъезжающие машины останавливаются.

Раздаются звуки музыки. Все встают в положение смирно. С последним аккордом я поворачиваюсь к министру иностранных дел и, желая сделать ему приятное, хочу сказать: «Как любезно с вашей стороны исполнить для нас французскую мелодию!» Хорошо, что я не успеваю раскрыть рта; министр наклоняется ко мне со словами:

— Как вам понравился наш национальный гимн?

— Великолепно! И особенно трогательно для нас, французов...

250

В этот момент раздается «Марсельеза». Мы поражены и взволнованы, услышав звуки родного гимна в стране, столь далекой от нашей отчизны. Очевидно, исполнение его потребовало длительной подготовки.

Наступает молчание. Магараджа прощается с нами. Мы почтительно кланяемся и садимся в машины. Снова отрывистая команда, и вновь льются звуки «Марсельезы», машины медленно трогаются.

Вечером мои товарищи ужинают в английском посольстве и отправляют послание Тилману, находящемуся сейчас в районе Манангбхота. На следующий день после заслуженного отдыха мы едем осматривать одну из бывших столиц — Бадгаон, где обнаруживаем поражающие роскошью индусские пагоды.

В центре Катманду, на площади возле храма, мы любимся статуей богини Кали. Мои товарищи отправляются осматривать знаменитую буддистскую «ступу» Сваямбхуната, над которой возвышается башня, сделанная из концентрических металлических обручей.

На следующий день, 12 июля, общий отъезд. Согласно традиции, каждому из нас надевают на шею венок душистых цветов.

Мы покидаем рест-хауз. Магараджа позаботился о том, чтобы облегчить мне обратный путь. Меня кладут на удобные носилки, которые несут восемь человек. Снова начинается уже ставшая привычной тряска; тропа поднимается к перевалу.

Ж. Б. сопровождает нас до первого серпантина. Он честно служил нам, и в знак личной признательности я дарю ему свой револьвер, с которым не расставался в течение всех военных лет. В здешних краях это оружие неизвестно, и Ж. Б. очень тронут подарком, который всю жизнь будет напоминать ему о наших похождениях.

Он никак не может с нами расстаться. Волнуясь, он прощается со мной, некоторое время идет рядом с носилками

и постепенно отстает. Тропа поднимается на холм, скоро она затеряется в джунглях... Гирлянды цветов благоухают... На лице Ж. Б. бесконечная грусть, и слезы стекают по его загорелым щекам.

Мой взор обращен к далеким голубоватым вершинам: здесь собрались все великаны мира. Устремив свои сверкающие вершины к небу, они как бы застыли в отчаянной борьбе...

Товарищи ушли далеко вперед. Мерное покачивание носилок отрывает меня от сказочного видения, которое скоро станет лишь воспоминанием.

Я отдаюсь приятной дремоте и пытаюсь в грезах представить себе первую встречу с цивилизованным миром в самолете. С ожидающими нас на аэродроме в Орли родными, друзьями...

Однако невозможно вообразить то жестокое волнение, которое я в действительности испытаю в эту минуту, то сильное нервное потрясение, которое готовит мне судьба. Эти операции прямо под открытым небом, эта тошнотворная бойня, притупили постепенно наши чувства.

Конечно, перед посадкой мы с Ляшеналем сделаем себе в честь «приезда» красивые повязки, однако в первый же момент все эти дружеские, полные жалости взгляды в одно мгновение сорвут тщательно приготовленную маску.

Нас нечего жалеть... И все же эти слезы в уголке глаз, эти растерянные взгляды грубо, жестоко вернут меня к действительности. Странное утешение, которое откроет нам глаза на наше горе...

Покачиваясь на носилках, я размышляю о завершении нашей эпопеи, о нашей неожиданной победе. Об идеале говорят всегда как о цели, к которой человек вечно стремится и которой никогда не достигает.

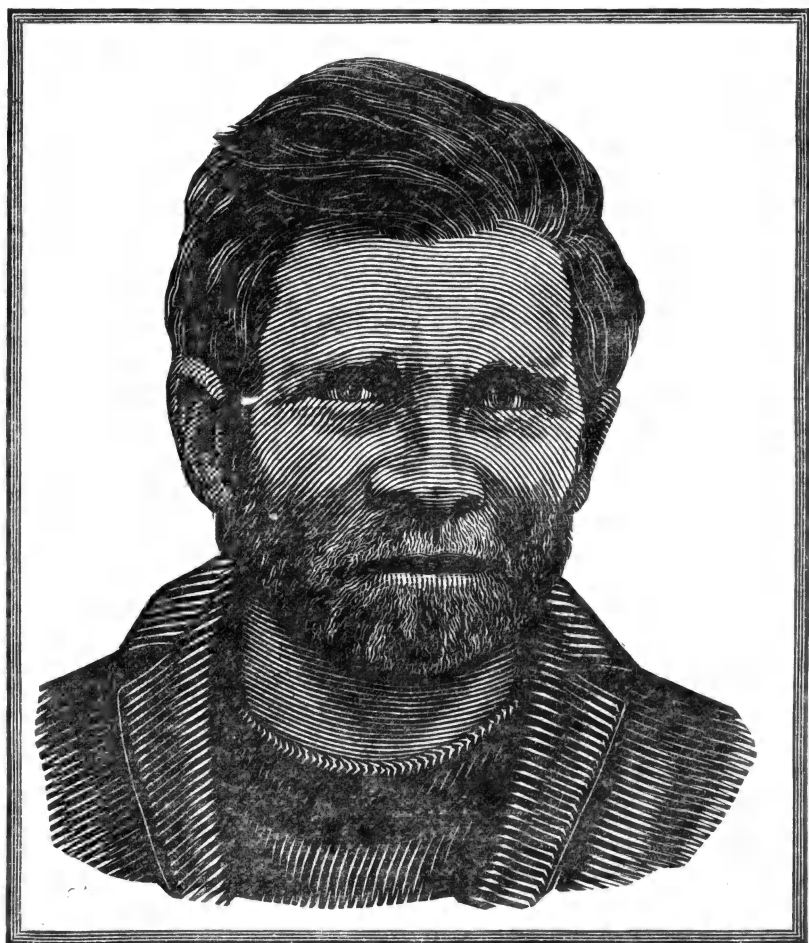
Для каждого из нас Аннапурна — это достигнутый идеал. В юности нас не волновали ни фантастические рассказы, ни кровавые битвы современных войн, дающие пищу детскому воображению. Горы были для нас природной ареной, где на границе между жизнью и смертью мы обрели свободу, которой бессознательно добивались и которая была нужна нам, как хлеб.

Горы щедро дарили нам свои красоты. Мы восхищались ими с наивностью детей и почитали их, как монах божественную идею.

Аннапурна явится сокровищем в наших воспоминаниях для всей нашей будущей жизни. С этой мыслью мы переворачиваем новую страницу... Начинается новая жизнь!

Есть и другие Аннапурны в жизни людей...

Уилфрид Нойс

ЮЖНОЕ СЕДЛО

Введение

254 Каждый, кто побывал на какой-либо выдающейся вершине, обязан выразить тем или иным путем свое отношение к ней. Художник будет рисовать, фотограф — делать снимки, ученый — исследовать поверхность горы и строить соответствующие теории. Каждый будет использовать наиболее близкие ему средства. Я же стал писать в прозе и в стихах о тех событиях, участником которых мне пришлось быть. Многие мои стихи, сложенные высоко в горах, ничего не стоят, но мне нужно было выразить словами волнение, охватывающее меня не только при взгляде на красоту склона, скалы, башни или облака, но также и от сознания общности наших усилий. Последнее чувство исключительно трудно выразить словами.

Чувство локтя лежит в основе любого успешного мероприятия, и это каждый из нас старался выразить на свой лад. Когда в апреле мы исследовали местность к югу и западу от Эвереста, то видели с любой возвышенности грандиозную черную пирамиду, властвующую над другими вершинами, так же как она властвовала над нашими мыслями. Она возвышалась здесь как нечто манящее нас и определяющее каждое наше намерение. Все вместе мы атаковали ее и победили.

В произведениях, посвященных Гималаям, укрепляется традиция выразительных и волнующих рассказов подобно тем, которые обязаны перу Шиптона. Однако Эверест¹ и другие высокие горы столь часто описывались с точки зрения восходителя! Я тоже восходитель, но смею надеяться, что среди будущих поколений найдутся также путешественники, занимающиеся литературной деятельностью. Когда в 1785 году был впервые покорен Монблан, альпинистская литература только зарождалась...

¹ В советской географической литературе принято название Джомолунгма. — *Примеч. ред.*

Наш коллектив в своем роде был наиболее удачным из всех, в которые я когда-либо входил. В значительной степени это объясняется личностью нашего руководителя, завоевавшего всеобщую привязанность; было вполне естественно при этом, что все, как англичане, так и шерпы, были друзьями. Все мы весьма успешно решали повседневно возникавшие вопросы. В высотных лагерях редко можно было слышать дискуссии о судьбе Вселенной, о мировых вопросах — в основном разговор шел о продуктах питания. Характерным было изобилие веселых анекдотов. Приятно отметить, что даже специалисты в том или ином вопросе проявляли отсутствие педантичности и большой такт, касаясь деликатных тем. И неизменно на протяжении всей экспедиции царствовал смех.

Сможете ли вы участвовать в экспедиции на Эверест?

11 октября 1952 —
12 февраля 1953

256 Это было в субботу 11 октября 1952 года. Во второй половине дня должно было состояться крещение моего первого сына. Утром, как обычно, я был занят на преподавательской работе; когда пришел домой к обеду, жена сообщила, что звонил из Лондона Джон Хант. Я никогда не забуду этот день из-за охватившего меня чувства нереальности. Я догадывался о значении этого звонка.

Прошло три дня, пока нам удалось наконец связаться. Мне пришлось для этого выйти из класса, где я вел урок. «Пожалуйста, займитесь немного неправильными глаголами на странице 96», — сказал я для проформы. По междугородному телефону я услышал голос Джона: «Не смогли бы вы приехать в Лондон, Уилф, мне хотелось бы обсудить с вами кое-что по Эвересту. И во-вторых, не сможете ли вы освободиться сами для участия в экспедиции?»

Итак, как я и подозревал, это произошло, и, возможно, на меня это произвело большее впечатление, чем на других членов экспедиции. Я не ожидал ничего подобного и считал, что распрощался с высочайшими вершинами Гималаев, собирався летом посетить Италию и закончить книгу о некоторых итальянских путешественниках XIX века. Кроме того, я не был уверен в своей спортивной форме. Однако теперь в мои планы вторглось нечто совершенно новое. Конечно, я свободен в выборе, да, но какой же может быть ответ, помимо согласия?

Я ответил Джону, что вряд ли кто-либо, кроме него, смог бы убедить меня, что я «свободен» от всяких обязательств и смогу принять участие в экспедиции на Эверест. Однако, когда официальное письмо от секретаря Гималайского Комитета Базиля Гудфеллоу легло ко мне на стол, мы оба с женой почувствовали в эту минуту, что это скорее неизбежный, чем счастливый случай, обстоятельство, влекущее в неизвестное, к новой жизни. Я должен

ехать, потому что... потому что я должен. Так же как Эверест должен быть побежден.

Таким образом, все казалось мне несколько нереальным, когда я 17 ноября входил в одну из комнат Королевского Географического Общества и подходил к большому, покрытому сукном столу, по краям которого были разложены листы с повесткой дня и остро очиненные карандаши. В комнате толпился народ. Мы были представлены друг другу (некоторые из присутствовавших успели подружиться еще во время экспедиции на Чо-Ойу¹) и заняли свои места. В последующие два часа в комнате царили мир и табачный дым. Два часа Джон Хант руководил обсуждением вопросов, касающихся организации экспедиции, снаряжения, денежных средств, диеты, дюралевых лестниц, радиостанций и множества других вещей. Мы были заняты, как на коллегии министерства.

257

Время от времени я отвлекался, чтобы разглядеть развешенные на стене фотоснимки вершины. Это было нужно мне, чтобы поверить, что мы, обыкновенные люди, одетые сейчас в обычные костюмы, доберемся когда-нибудь до тех мест, где швейцарцы, возможно, уже сейчас ползут по головокружительным скалам. И мне было страшновато сталкиваться впервые с людьми, с которыми вскоре предстояло прожить пять месяцев в тесных палатках в самых различных условиях. Моего воображения не хватало, когда я пытался представить себе швейцарцев, этих людей со стальными нервами и мышцами, лежащими скорчившись под ударами ветра, с немеющими от холода руками и ногами. Я взглянул на свои руки, торчащие из свитера, — совершенно обычные руки, которые мерзнут уже при лондонской ноябрьской прохладе. Мне было интересно, может ли какое-либо медицинское исследование действительно определить мою пригодность к высотным восхождениям? Ибо осматривающий нас лорд Ходэр с доброжелательностью сообщил мне, что он не видит причины для моего «отвода». А может быть, просто считается, что духовное начало в состоянии преодолеть все не отмеченные медицинским диагнозом трудности? Да, по-видимому, это так. Я плохо переношу холод, но на Эвересте я не должен его чувствовать.

Мои размышления прервал голос Джона Ханта: «Сможете ли вы помочь при отправке грузов?» Я ловко скосил

¹ Бурдиллон, Эванс, Грегори и Пью, Хиллари и Лоу были на Чо-Ойу, а Бурдиллон, Хиллари и Уорд участвовали в разведывательной экспедиции к Эвересту в 1951 году.

глаза на повестку дня. Мы дошли до раздела «Обязанности в горах». «Да, охотно», — ответил я.

С литературной стороны все в порядке. Я с этим справлюсь. А что еще? Каждый имел по крайней мере две обязанности. Я необдуманно вызвался помогать в упаковке. Кто-нибудь, наверное, имел какие-то соображения по этому вопросу. А относится ли ко мне снаряжение? Увы, думал я, как мало они меня знают. Я представил себе возможное выражение лица Тома Бурдиллона, когда он в безоблачный день среди трещин вдруг обнаружит, что моя рассеянная особа забыла упаковать глетчерную мазь.

Мы перешли в другую комнату, где с нас были сняты мерки для обуви, кислородных масок и одежды. Затем был чай, предложенный женой Джона — Джой Хант. Она отлично управляла вверенной ей областью — кулинарией.

Подготовка и упаковка

На этом этапе никто еще не знал, чем кончилась швейцарская осенняя попытка восхождения на Эверест. Время этой неопределенности тяжелее всего сказывалось на Джоне, однако оно затрагивало и всех нас. Мы не могли без волнения читать сообщения, напечатанные во многих газетах, о том, что швейцарцы заночевали в пятидесяти метрах от вершины, хотя разум отказывался верить этому. А что, если они добьются успеха? Некоторые из нас склонялись к тому, чтобы предпринять тогда попытку второго восхождения, считая, что мы должны действовать независимо. Такое рассуждение казалось мне нелогичным, ибо тогда мы не должны были бы использовать опыт швейцарцев. Другие считали, что следовало бы в этом случае выбрать другой объект. Однако, если экспедиция должна направиться к другой вершине, как это правильно решил Гималайский комитет, трудно будет обеспечить финансирование. Слово «Эверест» завораживает. Возвратясь как-то вечером домой, я прочел в газете заголовок «Его мечтой был Эверест». Какой-то подросток утонул в Эвоне, и было сочтено, что в заголовке отражена вся стоящая внимания информация о нем.

Кангченджанга, которая по предложению Джона была принята Комитетом на случай, если швейцарцам будет сопутствовать успех на Эвересте, не обладала таким же волшебным действием, и поэтому нельзя было надеяться на поступление достаточных средств от газет и из частных

источников. Ожидание было весьма тягостным: все, что я смог придумать для себя, — это путешествовать вокруг дома с рюкзаком, набитым кирпичами, в качестве подготовки к перетаскиванию кислородных аппаратов.

Конец недели, начиная с 6 декабря, Джон Хант, Чарлз Уайли, Грегори и Пью провели в Швейцарии, на перевале Юнгфрауих (3478 м), испытывая оборудование, образцы которого были предоставлены различными фирмами: палатки, спальные мешки, белье, обувь. Большие рюкзаки для шерпов с надписью «Английская экспедиция на Эверест 1953 г.» могли бы дать повод к вежливым усмешкам, если бы в то время пришла весть о победе швейцарцев. Но мы узнали об их отступлении, и все было, следовательно, в порядке. 10 декабря фирмам было сообщено, что они могут приступить к изготовлению снаряжения, причем срок поставки был оговорен немногим более месяца. Теплоход отчаливал 12 февраля, и упаковка снаряжения должна была начаться в Уэппинге в середине января.

259

15 декабря ответственный за продовольствие Чарлз Эванс и я впервые встретились со Стюартом Вейном, руководившим упаковкой снаряжения. Мы сидели в маленькой конторе на верхнем этаже, рядом с большим помещением, где должны были производиться работы по упаковке. Восхитительные запахи доходили до нас снизу, из склада. Вскоре грузы начнут прибывать из различных районов Англии, из Франции и Швейцарии. Они должны быть рассортированы и упакованы по трем категориям: грузы, подлежащие распаковке в Катманду, помечены черной полосой; в Базовом лагере — красными и желтыми полосами и, наконец, в Передовом Базовом лагере (6460 м) — без полосы. Имелась в виду и четвертая категория — грузы, которые будут распакованы на Южном Седле. Но кто мог себе тогда представить, что именно понадобится «им» для завершающей атаки? С общего согласия четвертая категория была отставлена.

Затем мы принялись сортировать остальное по секциям, насколько это позволяла проведенная нами неполная и неточная инвентаризация: альпинистское снаряжение, нагревательные приборы, лестницы для преодоления трещин, различные детали, конструкции, палатки, радиостанции, медицинское и физиологическое оборудование, фотооборудование и материалы, продукты питания, кислород и все прочее. Кроме того, возникало множество вопросов: сколько палаток понадобится во время подходов? сколько пар рукавиц ниже Передового Базового

лагеря? сколько веревок для организации перил? На некоторые вопросы можно было ответить на основании опыта экспедиции на Чо-Ойу и швейцарских попыток восхождения на Эверест. Об ответах на остальные вопросы приходилось только догадываться. Каждый из нас трудился в порученной ему области; не отставали и помощники. Как до, так и после нашего отъезда неутомимо работал Эмлин Джонс. К моему великому счастью, снаряжение привели в порядок в основном Джек Тэнер, Джон Джексон, Хемиш Никол и Энтони Рауликсон. Том Бурдиллон был целиком занят кислородом, Джордж Бенд изучал радиостанции, Майкл Уэстмекотт копался в палатках, Грифф Пью — в продуктах и т. д. Считалось, что каждый составит какой-то окончательный список, однако эти списки были только черновыми.

Во время поездки в Уэльс, в начале января, мы с Чарлзом Эвансом проработали вечер над внесением дальнейших уточнений, составляя список грузов, упакованных по весу: 25 килограммов вплоть до Базового лагеря и 18 килограммов для Передового Базового лагеря. Должен сказать, что это было сделано по инициативе Чарлза; я в основном лишь слушал его, восхищаясь его квалификацией и пытаясь вставлять замечания, которые, надеясь, не слишком выдавали мою неопытность. Возьмем для примера груз из секции «Альпинистское снаряжение», состоящий из 13 наименований, и мы увидим, как ящик в конце концов превращается в груз для носильщика:

№ 5: Фанерный ящик с водонепроницаемой обшивкой, содержащий:

- 11 банок со средством от солнечных ожогов «Скрин» — 3140 граммов
- 2 банки с таким же средством — 113 граммов
- Листки с инструкцией по применению вышеуказанного средства
- 155 метров нейлонового шнура
- 14 ледниковых фонарей (со свечами)
- 8 компасов
- 2 катушки лейкопластыря
- 61 свечу для фонарей (на два часа горения)
- 2 бинокля военного образца
- 2 барометра-анероида в кожаных футлярах
- 3 компаса в кожаных футлярах
- 1 теодолит в кожаном футляре
- 2 альтиметра
- Общий вес — 28,3 килограмма

В тревоге и волнении, с карандашом в руках мы производили бесконечные расчеты. В спокойном морозном воздухе Сноудона я смотрел вверх, на горы, покрытые снегом и бледно мерцающие в свете звезд, и снова думал о бурях и холоде, неизмеримо большем холоде, чем тот, искажавший и смягчавший знакомые очертания, от которого я сейчас дрожал. Сравнить крошечный Сноудон с Эверестом кажется абсурдным, однако можно рассматривать Сноудон как некогда великого и ныне впавшего в ничтожество предка. Когда вершина Эвереста только начинала появляться из моря, Сноудон гордо возвышался на пьедестале, от которого теперь остались лишь жалкие крохи. И сейчас он лежит, погруженный в грезы об этом прошлом, наблюдая за ничтожными существами, собирающимися карабкаться на склоны его гигантского потомка. Тут я вспомнил, что пора ехать.

Вскоре я встретил Чарлза. Это снова произошло во мраке лондонского января. Мы влезли вместе в тесное, сырое метро, идущее в Уэппинг. Осмотрели грузы, уже собранные в обширном помещении четвертого этажа. Откуда нам знать, сколько именно должно было весить каждое место? Имело ли значение то, что некоторые детали, например рукавицы, упакованы в различные ящики? Какие ящики, подобно ящику с нагревательными приборами, должны в будущем открываться и закрываться, а какие могут быть забиты? Сколько спальных мешков понадобится каждому на ледопаде? Должна ли винтовка перевозиться отдельно и как быть с двухдюймовым минометом? Это могучее оружие ввиду ужаса, который оно вызывало в Управлении британских железных дорог, было изолировано и отдыхало, как ему полагалось, в Вулвичском арсенале.

Тем временем припасы начали прибывать. Многие фирмы с щедростью предоставляли их даром, однако это создавало таможенные затруднения. О боже! Каково быть организатором! Взглянув на список вещей, на сваленные в кучу на полу ящики, я пришел в восхищение от способностей Стюарта Вейна. Он был, по-видимому, совершенно уверен, что ему удастся расписать свое хозяйство по соответствующим ящикам. Мне же казалось, что этому хозяйству суждено всегда валяться разбросанным по пыльному полу.

Испытание кислородных аппаратов в Уэльсе

262

Затем имела место интересная интермедия: испытание кислородных приборов в Северном Уэльсе. Мы встретились в Хилайге, в горном приюте альпинистского клуба, утром 18 января и при блестящей погоде потратили этот день и следующий за ним, испытывая различные кислородные аппараты. Том Бурдиллон и Джордж Бенд в необычайно теплое утро мучились, пробуя в Сноудоне аппараты с замкнутой циркуляцией. Я не хотел бы раньше времени вдаваться в описание этих систем. Вкратце для людей, мало знакомых с техникой, можно сказать, что принципиальное отличие аппаратов, по-видимому, состоит в том, что в обычном аппарате с открытой циркуляцией (применявшемся в предшествующих экспедициях) выдыхаемый воздух теряется, в то время как в аппарате Тома с замкнутой циркуляцией он направляется в сосуд с натронной известью и здесь благодаря одному из чудес науки возвращается к Вам в виде кислорода. Маска должна облегать лицо весьма плотно. Это не всегда приятно, особенно в жаркий день.

Вечером приют Хилайг преобразился. Станки для рюкзаков загромождали пол, баллоны, электрофонарики и лампочки «боролись за место под солнцем» с большим чайником.

20-го мы примеряли нашу одежду и восхищались видом своих персон, облаченных в шикарные кожаные рукавицы. 27-го, перед приемом в Королевском Географическом обществе, прибыло много гостей для осмотра снаряжения. У искусно расставленных ящиков и пакетов не было и следа перенесенных ими тяжелых испытаний. Весьма легкие и изящные вещи: зеленые одеяла на гагачьем пуху, грудa чрезвычайно легких алюминиевых тарелок и кастрюль, разноцветные флажки и секции дюралевой лестницы, небрежно прислоненные к стене. При мысли о том, что все это — результат работы тысяч людей в трех разных странах — предназначено нам, я почувствовал свое ничтожество.

Затем фотографировали нашу провизию, ряды темных ящиков, содержимое которых создавало в уме фантастическую картину колоссального количества аппетитных вещей, идущих на усладу многих голодных альпинистов. Когда я впервые попал на этот этаж, то подумал, что нам предстоит питаться исключительно зеленым горошком, ибо громадная партия его занимала, казалось, все поме-

щение. В действительности оказалось, что наши ящики стоят более скромно в стороне, в одном углу. Здесь были рационы армейского типа для походов, ящики с напитками и случайная бутылка с острой приправой, высовывающаяся из ящика «люкс». Все это было проверено и одобрено нашими друзьями.

Дело в том, что для меня чувству нереальности в значительной мере содействовало оказываемое нам всеобщее внимание. Никто сказавший «да» экспедиции на Эверест не может представить себя в роли диктора, артиста телевидения, даже звезды экрана. Однако в определенном смысле мы исполняли все эти роли. И эта «слава», как назвали бы ее французы, продолжала идти за нами, хотя, казалось, не имела ничего общего с работой, заключающейся в перестановке ног на гранитных скалах. Более того, в каждом из нас живет бесенок, которому нравятся подобные удачи, который шепчет: «Наслаждайся кратким мигом счастья, пока светит солнце, пока не накроют тебя грозные тучи».

Наша работа все же продолжалась непрерывно, несмотря на упомянутые отвлечения и терроризирующие маневры прессы, гонящейся за интервью (будучи связанными контрактом с «Таймсом», мы пребывали в настоящем страхе — невольно нарушить его и потерять право на его щедрую финансовую поддержку). В середине января каждый из нас заканчивал порученные ему дела. Наступила торжественная минута, когда мы увидели, как последние наборы входили в предназначенные им ящики или мешки и направлялись на взвешивание. Каждое место было готово к отправке на теплоходе «Стреседен».

Кроме физической подготовки приходилось также многое планировать и обдумывать. Недаром Джон трудился четыре года, разрабатывая различные планы. Его труд в качестве руководителя и труд Чарлза Уайли в качестве организационного секретаря составляли ядро всей работы, и было бы слишком сложно перечислить, что они сделали. На их долю в эти дни пришлись наибольшая ответственность и самые тяжелые обязанности. Однако помимо академических теорий приходилось хладнокровно учитывать усилия, которые потребуются для восходителей; изучать фотографии стены Лхоцзе, чтобы решить, возможно ли организовать на ней два лагеря; определить, сколько грузов, переносимых сколькими носильщиками, потребуется для скольких ночей на Южном Седле — месте, которое в прошлом году швейцарские альпинисты охарактеризовали как «пахнущее смертью». И наконец, нужно

было, чтобы Джон и Чарлз Эванс сами совершили кратковременную поездку в Швейцарию. В Цюрихе швейцарцы любезно поделились своим опытом, показали фотоснимки и высказали свои соображения. То, что восхождение на Эверест совершается на плечах предшествующих восходителей, полностью соответствует истине, и поэтому Джон был полон решимости поступить столь же благородно с французами, которые в случае нашей неудачи собирались штурмовать вершину на следующий год.

Последние дни напоминали настоящее столпотворение. В это время мы приступили к устройству своих личных дел, прежде всего надо было позаботиться о семье. Затем поступило неприятное известие, что у Джона обнаружили полостную инфекцию и ему придется перенести небольшую операцию, в связи с чем он присоединится к основной партии несколько позднее. Чарлз Уайли, Майк Уорд, Джордж Бенд, Майкл Уэстмекотт, Том Стобарт (кинофотооператор) и я должны были плыть морем. Мне было поручено управлять перевозкой багажа по Индии. Чарлз Эванс и Грег улетали на «Комете» в качестве передового отряда; Том Бурдиллон, занятый в последнюю минуту кислородной аппаратурой, должен был лететь позднее, так же как Джон и Грифф Пью (физиолог). Эд Хиллари собирался лететь прямо из Новой Зеландии, потратив последние дни на прощание со своими пчелами ¹. Наконец, Джордж Лоу хотел присоединиться к нам в Бомбее, куда его теплоход приходил неделей раньше нашего.

Пришлось и мне готовиться к поездке. Сколько зубной пасты понадобится на пять месяцев? Как скоро моя семья переедет из Хиндхида в Хисуэлл? К этому времени я прекратил свою педагогическую работу; для меня было большим облегчением, что я не был более обязан писать на классной доске какие-то символы, которые в этот момент ничего для меня не означали. Посещение зубного врача, прививки, барокамера в Фернбороу, дикторы, телевидение, друзья, вплоть до прослушивания курса по починке обуви, — все это с поразительной внезапностью осталось позади. Так или иначе я чувствовал себя вполне «нормальным» доведенным примерно до полусмерти, когда во второй половине 12 февраля мы поднялись на борт «Стреседена», повернувшись в последний момент лицом к журналистам и телекамерам, сказали «прощай» и обратили наши взоры к открытому морю.

¹ Эд Хиллари в то время был по профессии пчеловодом. — *Примеч. пер.*

Действующие лица

Теперь, когда мы плывем, как раз время представить себя читателю или, вернее, начать мне действовать в качестве летописца и познакомить со всей компанией, направляющейся в Катманду.

Читая отчеты других Гималайских экспедиций и беседуя с членами других коллективов, мне стало казаться, что не было экспедиции, организованной удачнее, чем наша; без сомнения, это одна из причин ее успешного исхода. Высота играет странные шутки в вопросе о привязанностях. Тот, кто на уровне моря ваш друг, может стать смертельным врагом на Южном Седле. Я лишь повторю избитые истины, когда скажу, что манеры восходителя, своеобразие его речи, склонность к хныканью, храп по ночам, особенности его сморкания или кашля, привычка напевать себе под нос могут довести товарищей до мыслей об убийстве. Приятно отметить, что те, кто был моими друзьями в марте в Катманду, в июне остались такими же и даже стали более близкими мне. Эту дань я должен в первую очередь отдать тому, кто спаял весь коллектив, — Джону Ханту. Джона следует вкратце представить. За короткий срок он стал одним из наиболее популярных лиц в стране.

Впервые я встретился с ним, когда был еще юным лейтенантом, только что получившим звание, а он майором с видным положением и заслуженным авторитетом. Джон Хант был также человеком, о котором при первом же рукопожатии вы знали, что он будет вашим другом. При первой встрече мы рассматривали его фотоснимки. Несколько позже, когда он организовал бригадные курсы в Северном Уэльсе, мы вместе с Альфом Бриджем приехали к нему работать инструкторами. Вряд ли мы думали тогда, что нашему трио суждено и дальше работать вместе; между тем именно Альф весной 1953 года подготовил к отправке кислородное оборудование и сделал это столь мастерски,

что требуемая партия была отправлена точно в срок и в горах мы были снабжены кислородом в достаточном количестве, даже с некоторым запасом.

Наиболее характерными чертами Джона были решительность и умение сосредоточиться на достижении цели. Он был твердо убежден, что, если человеческий разум может помочь добраться до вершины, ничто человеческое не в силах нам в этом помешать. В процессе сборов он готов был при малейшей необходимости лететь в Швейцарию. Более того, он полетел бы в любую точку земного шара, где он мог бы получить полезную информацию. Наши сборы оставляли ему очень мало свободного времени, и все это время Джон тратил на обдумывание вопросов штурма. Мне никогда не приходилось встречать человека, который бы так мало щадил себя, слишком мало, как порой считали его друзья. Через три дня после того, как он заболел плевритом (таков был диагноз Майка Уорда), он совершил 600-метровый подъем от Озерного лагеря через ледопад к лагерю II, чтобы «проверить условия». С таким же воодушевлением он настаивал на личном своем участии в разведке в начале мая.

Большинство из нас в то или иное время спускались в «лагерь отдыха» на зеленой травке. Джона невозможно было уговорить покинуть Базовый лагерь, так как оттуда можно было связываться по радио с верхними лагерями. Лишь однажды он посетил «лагерь отдыха» для краткого визита к больному Тому Стобарту.

Джон довольно плотного телосложения. Он двигается быстро, что я знал и раньше, и на первый взгляд в стайеры не годится. Действительно, поднимаясь в Цирк и выше, он нередко приходил в состояние видимого изнеможения. Однако на следующее утро вставал свежий как ни в чем не бывало и организовывал распорядок дня. Такой характер соответствовал, пожалуй, энергичному выражению его резко очерченного, но отнюдь не грубого лица. Наиболее живо я вспоминаю лагерь IV, где Джон, чисто выбритый, с лицом, покрытым глетчерной мазью даже поверх усов, с прищуренными глазами припал к биноклю.

Соедините теперь эту железную твердость характера со всеохватывающим обаянием — и вы получите примерный портрет нашего лидера. Лишь после возвращения из экспедиции я открыл, что Джон увлекательный оратор, который спокойной, задушевной манерой очаровывал аудиторию. Мы уже знали, что он способен пленить любого слушателя. Секрет, я думаю, заключается в том, что он рассматривает каждого как друга, как возможного в со-

ответствующих условиях помощника. Джон бесконечно верил во влияние Эвереста на весь мир, и официальным лицам, промышленникам, дипломатам и нам самим оставалось только с этим согласиться. В горах он мог убедить наиболее тщеславного, что тот делает жизненно важную для экспедиции работу, даже когда в Базовом лагере чистит картошку. Подобное руководство — это искусство заставить каждого, даже равнодушного, поверить, что он сам стремится идти вашим путем.

Общая для военных черта — любовь к планированию. Для эксперта Объединенного планового штаба ¹ соблазн непреодолим, и к тому же Эверест действительно требовал планирования. Начиная с первого собрания нашего коллектива мы получали почти ежедневно пачки инструкций, программ, расписаний, распределений, исходящих от Джона Ханта и Чарлза Уайли (тоже бывший майор в войсках гурков). До того еще как покинуть Англию, мы располагали уже полным списком палаток для любого лагеря в горах совместно с распределением людей в различные отрезки времени. Следует отдать должное этим планам: многие из них впоследствии были полностью выдержаны и немногие остальные, как и предполагается хорошо составленным планам, могли быть легко исправлены. Последним документом, с которым мне пришлось иметь дело на Эвересте, был напечатанный на машинке в лагере IV перечень грузов, подлежащих заброске на Южное Седло. Однако это было еще не все. При возвращении вплоть до Катманду мы получали списки, где были распределены встречи, различные приглашения, приказы и т. п. Наша «армия» к моменту составления этих документов еще не была демобилизована.

Джон осуществлял на практике высказанное Джином Уоткинсом положение, что руководитель должен быть в состоянии выполнить все то, что должна делать команда. Он никогда не должен чрезмерно оценивать свои достоинства и должен поддерживать товарищеские отношения. Можно без преувеличения сказать, что в такого рода экспедиции восхищение лидером и даже любовь к нему — один из главных факторов счастья. А наш коллектив был более чем счастливым.

Джордж Бенд — студент геологического факультета в Кембридже. Раньше я лишь однажды встречался с ним — во время восхождения в Северном Уэльсе. Поднимаясь

¹ Таков был пост, занимаемый Д. Хантом незадолго до экспедиции.—
Примеч. пер.

по скале немыслимой крутизны, он открывал новый путь. Я знал также о его спортивных достижениях, когда Джордж был еще студентом последнего курса, таких, как восхождение на Дан-Бланш по Северному ребру и даже прохождение более сложных маршрутов. Благодаря высокому росту он способен доставать недоступные для других зацепки. Джордж носит очки, обладает орлиным носом и улыбкой, расплывающейся внезапно по всему лицу. Он полон доброжелательной учености, которая часто поднимала тонус нашей экспедиции; особенно это проявилось, когда он возвратился в лагерь IV, тяжело нагруженный образцами минералов. Оранжевая борода и панاما делали его похожим на доктора Ливингстона. Это сравнение невольно напрашивалось каждому, кто встречал его идущим с группой шерпов.

Два характерных для Джорджа штриха: первый относится к тому, как он сортировал и приводил в порядок грузы в Передовом Базовом лагере,— работа, существенно отличающаяся от предельно сложного скалолазания. На теплоходе Джордж, пожалуй, прилежнее всех изучал непальский язык, однако впоследствии он обнаружил (впрочем, как и мы все), что, когда приходилось беседовать с Тхондупом о меню, последний лучше понимал язык урду. Выступая иногда в качестве переводчика, я бывал поражен, видя, как здорово Джордж разбирается в количестве и особенностях нашего питания. Он принялся за эту неблагодарную работу по той причине, что «сильно заинтересован в пище». В экспедициях именно питание обычно критикуется больше всего и в наиболее сильных выражениях. Это единственная область, в которой каждый считает себя крупным специалистом. Бедные организаторы Джордж и Грифф могли бы в данном случае принять это за личную обиду. Однако Джордж никогда не терял спокойствия. Он сидел, разбираясь в бесконечных цифрах, представляющих количество продуктов, подлежащих заброске, вставляя в подходящем случае юмористические замечания. В течение недель, проведенных в Цирке, его основной работой кроме заброски грузов в лагерь VII было жизненно необходимое, хотя и скучное распределение продуктов питания. И снова ни единой жалобы.

Второе замечание посвящено Джорджу-юмористу. Невозможно запомнить все случаи выступления Джорджа в этой роли. Своими шутками он оказывал самое положительное влияние на наше моральное состояние. Он мог поддразнивать любого, но в таком дружеском стиле, что

никто на него не обижался. Однажды Джордж состряпал «Хантовское руководство по управлению человеком» — устное произведение, которое в написанном виде составляло бы несколько страниц, а также сопутствующий опус под названием «Разоблаченный Эверест».

Мне нравится слушать про современный альпинизм. Джордж в 24 года, казалось, знал каждого альпиниста и любое восхождение как в Англии, так и в Альпах. Он любил жизнь, и жизнь его была яркой.

Том Бурдиллон с первой минуты произвел на меня впечатление человека крупного и мощного. Недаром про него кто-то сказал: «Здоровенный парень, который может изящно работать на скалах». Это соответствовало истине. Было просто приятно наблюдать, как на скалах, возвышающихся по сторонам нашей дороги к Базовому лагерю, эта грузная фигура, балансируя на плите, аккуратно продвигает ногу, возвращается, находит зацепку для рук и лезет выше. Сила и самоконтроль. Между прочим, он был одним из очень немногих среди нас, кто никогда не срывался.

Уступая некоторым в росте, Том был явно сильнее любого из нас. Я лично никогда не видел его влезавшим во входной рукав палатки с кошками на ногах и с полным рюкзаком, как это с ним было однажды на Чо-Ойу, но очевидцы говорят, что это было впечатляющее зрелище. Подобно многим людям плотного телосложения он много потерял в весе на Эвересте. Шерпы прозвали его «мота сагиб» (жирный сагиб), но Том затем сделался значительно тоньше и изящнее, к значительной выгоде для себя, ибо «машина», приводящая в движение больший вес, легко справляется с меньшим. На мощных плечах покоилась квадратная голова с квадратным подбородком, большой рот, волосы непослушно торчали почти вертикально. Прочная куртка из грубошерстного твида вместо изысканной пиджачной пары, и даже эта куртка стремилась выпучиваться, как будто ее выпирали скрытые под ней мышцы.

Том разговаривал медленно и спокойно, почти запинаясь, как будто взвешивая свои слова. На собраниях, пока выступали другие, он почти все время молчал, затем подытоживал результаты обсуждения заключением, созревшим на почве тщательного размышления в стиле Катона. Можно быть уверенными, что он не выскажется ни по одному вопросу, который не прочувствовал глубоко. А по «своему» вопросу — по кислороду — он не признавал

никаких компромиссов. Я не имел достаточной квалификации, чтобы судить о его мастерстве в этой области; однако то, что альпинисты и некоторые шерпы вполне освоили применение кислородных аппаратов, что в высотных лагерях было достаточно баллонов и станков для переноски их, что Том и Чарлз Эванс вопреки почти всеобщим ожиданиям поднялись с аппаратом замкнутой циркуляции от Южного Седла до высоты 8700 метров,— все это, по-видимому, указывает на определенную квалификацию, если не сказать больше.

Жить в одной палатке с Томом все равно что жить с медведем или с ураганом. Решив в 6 часов утра, что возиться с кислородными баллонами удобнее внутри, он мог с самыми добрыми намерениями превратить мирную, маленькую спальню в мастерскую Вулкана. В то же время Том мог направить свое рвение механика на многие полезные цели. Когда требовалось наладить вентиль надувного матраца или в трудных условиях высотного лагеря починить примус, он делал это немедленно, не ожидая ни единого слова благодарности.

Стремлением Тома было подняться возможно выше, причем во имя науки в равной степени или даже в большей, чем из честолюбия. Естественное рвение — доказать надежность своего аппарата придавало крылья его твердой решимости.

На первом нашем собрании небольшого роста человек с густой рыжеватой шевелюрой, которая стремилась стоять торчком, разгуливал вокруг стола, делая заметки в блокноте. Он очень мало говорил на этой встрече, но то, что он сказал, было произнесено необычным низким голосом, что придавало сказанному характер взвешенного суждения. Я уже говорил вкратце о нашей совместной работе по отправке багажа. Чарлз Эванс, покинувший 31 декабря свою работу хирургического регистратора в Уэлтонском госпитале Ливерпуля, строил свою жизнь по плану. Экспедиция была важным мероприятием, следовательно, он должен целиком ей отдаться.

Теперь он был совершенно свободным, и я пребывал в восхищении, слушая расчеты весов и мер, заполнившие наши дни. Чарлз уделял глубокое, тщательное внимание каждой мелочи («Нам, конечно, понадобятся кошки в период акклиматизации»). Такая же заботливость проявлялась и на подходах, и на восхождениях, где он отвечал за припасы, которые надо было сортировать и маркировать. Будучи его помощником, я чувствовал себя счастливее,

сидя за книгой, если знал, что Чарлз занят тем же. Если он снова принимался за работу, меня охватывал стыд. Он был неутомимым, и я думаю, что этим он был обязан трезвой оценке своих физических возможностей. Такой контроль объяснял его исключительную выносливость. Чарлз обладал, конечно, и крепким телосложением: более широкоплечий, чем это казалось, когда на нем был городской костюм, плотной комплекции, но весьма проворный. Однако эти достоинства ничего бы не стоили в условиях высокогорья, если бы не воля, способная вести его вперед, невзирая на усталость. Детские голубые глаза на круглом лице Чарлза были ясные, вопрошающие и пронизательные. Из всех друзей, которые у меня были, ему меньше всех я был в состоянии солгать. Он был одним из тех, кто немедленно разделялся со всяким обманом, притворством и фальшивыми чувствами.

Он сперва относился с сомнением к кислородным аппаратам, особенно к замкнутой циркуляции. После одного из совещаний по кислороду (он был вторым специалистом в этой области) он сказал мне: «Я действительно думаю, что наилучший шанс — это подобрать двух парней, которые смогли бы подняться без него». И в начале мая перед разведкой стены Лхоцзе, в процессе которой должны были использовать аппараты с открытой и замкнутой циркуляцией: «Мы знаем, что до Южного Седла можно добраться без кислорода. Вопрос в том, можно ли туда добраться с ним». Между тем он все же склонился к применению кислородных аппаратов и, к своему же удивлению, к схеме с замкнутой циркуляцией. Но это уже другая история.

Грегори (Грег) был самым низкорослым в нашей команде. Его худоба подобно Смайсу не позволяла ему терять вес в горах, ибо нечего было терять. С умилением можно вспоминать теперь наши старые споры об «идеальном» телосложении восходителя на Эверест, учитывая наличие столь разных фигур, как у Грега и Тома Бурдиллона, генерала Нортон и Уэджера, Эда Хиллари или Раймонда Грина и Чарлза Эванса. У Грега было преимущество — его малый вес, меньшая энергия, требуемая на подъем. Единственное место, где он мог пожалеть о своей легковесности, — это брод через быструю Лобуе-Кхола. Возможно, именно из-за малого веса он не любил ничего таскать (за исключением фотоаппарата, если этого можно было избежать). У меня осталась в памяти живописная фигура Грега, стоящего под дождем вне палатки, около своего тяжелого рюкзака. «Эй, что произошло с шерпами? Рюкзак

промокает!» Однако, когда это было необходимо, он поднял почти такой же груз выше Южного Седла.

Грегу, который работал директором транспортного агентства в Блэкпуле, досталась, естественно, обязанность обеспечить организацию нашего движения на всем пути до Катманду. Перед отъездом мы получили хорошо отпечатанные документы, касающиеся денег, билетов, дат и прочего. Будучи в передовом отряде вместе с Чарлзом Эвансом, Грег организовывал и дальнейшие этапы пути. Кроме того, он должен был заниматься и фотосъемкой, причем с одинаковой непринужденностью снимал все подряд по всем направлениям. Чаще всего мы видели его маленькую фигуру, когда он стоял с согнутыми коленями, склонившись над штативом, и сосредоточенно ворчал, оскаливая зубы. Шерстяная ермолка с кисточкой и две или три добавочные камеры, висящие на плечах, дополняли картину. Я провел неделю с Грегом и группой шерпов, переносящих грузы между лагерями III и IV. Его походка была исключительно ровной, его движения отличались точностью весьма опытного альпиниста. После самого Джона Грег был в альпинистской группе старшим по возрасту. Каждый день он шел во главе второй связки (для фотографирования), одетый так элегантно, как будто он только что вышел из фешенебельного отеля: чисто выбритый, усы подстрижены, два совершенно равных кольца нейлоновой веревки, свисающие из двух карманов рюкзака. Будучи сам весьма неорганизованным, я восхищаюсь аккуратностью в горах; восхищаюсь лучшим, но следуя примеру худшего.

Я знал, что Грег славился как абсолютно надежный восходитель. Он был способен подниматься до границы своих человеческих возможностей, однако не превышая опростетчиво эту границу.

Эда Хиллари я впервые встретил в Катманду, однако знал о нем и раньше благодаря репутации, завоеванной им во время разведки Эвереста и в экспедициях на Чо-Ойу. Его длинное лицо, резко очерченная челюсть и улыбка «до ушей» стали теперь знаменитыми. Однако первым моим впечатлением была необыкновенная длина его рук и ног. Эд не был самым высоким, я думаю на эту честь мог бы претендовать Том Стобарт, но, без сомнения, он был самым длинным. Его угловатая фигура, казалось, специально создана для лазанья. Прижавшись к склону, Эд легко поднимался, проходя при каждом движении огромное расстояние. Еще до отъезда Эрик Шиптон как-то

сказал мне: «Он может лезть даже слишком быстро». Однако этого не случилось.

Возможно, среди нас Эд был тем поклонником гор, к кому больше всех пристало бы слово «страсть». В лагерях, и особенно когда он был в возбуждении от перспективы восхождения на Эверест, от него можно было услышать мешанину рассказов о вершинах, рекордных переходах и о перспективах, о восходителях и восхождениях. Когда он стоял на высшей точке земного шара, его взор был прикован к Макалу, и уже тогда он намечал путь для восхождения в следующем году. Ради Эвереста он был готов даже использовать кислород, несмотря на личное желание сделать попытку подъема без него.

273

В Передовом Базовом лагере привычной картиной была фигура в ковбойке. Это Эд, согнувшись, налаживал кислородный аппарат или чистил примус. Ему же приходилось заботиться об аппарате Тенсинга. Когда ночью 29 мая мы, лежа в палатке, обсуждали вопрос о заключительном штурме, нам было ясно, что мастерства Хиллари хватит на обоих.

В предыдущих экспедициях Эд кое-что усвоил из языка урду, чтобы хоть как-то объяснить шерпам, что ему нужно, и они охотно отвечали на его веселое обращение и дружеский смех. Любой рассказ, одобренный смехом, вызывал овации. С Тенсингом он всегда говорил по-английски, и начиная с первого же совместного выхода оба, по-видимому, хорошо «сходились». По-английски Тенсинг говорил неважно, однако в лице Эда он должен был найти, конечно, более подходящего собеседника, чем Раймонд Ламбер в предшествующем году. Ламбер вообще не говорил по-английски, однако они как-то понимали друг друга. Эд был сговорчивым в значительно большей степени, чем это можно было ожидать от человека, который сам себя характеризовал как «жадного до руководства». На Канг-Чо (в период акклиматизации), в Цирке, на первом участке стены Лхоцзе я был ведущим, причем в двух последних случаях ни у кого не спросясь. Один из членов экспедиции как-то сказал: «Хочу попробовать ходить под начальством Эда. Это более спокойно».

При решении любой задачи Эд развивал лобовую атаку, для каждого вопроса у него был прямой ответ. Так было и на Эвересте: «Давайте, попробуем!» и «Должен сказать, что мне нравится эта штука с открытой циркуляцией». Штурм был успешным, ответ простым. А что потом? Человека не должна покидать скромность, даже если он поднялся на высшую точку Земли. Он не должен меняться.

Когда репортеры в Катманду нажимали с вопросом: «Кто же именно первым вступил на вершину?», он нам признался: «Я не хочу говорить им, что это был я, это звучит бахвальством». Подобная скромность в сочетании с уверенным мастерством и с дружеской откровенностью, присутствующей новозеландским альпинистам, составляет портрет восходителя, достойного величайшей вершины мира.

Имя Джорда Лоу связывается у меня весьма тесно с именем Эда, ибо сильнее всего в мою память врезалась ночь 29 мая, когда мы все трое лежали в палатке «Мид» на Южном Седле и толковали о следующем дне.

274 Джордж участвовал вместе с Эдом в Новозеландской экспедиции в Гарвал в 1951 году. Он был также членом прошлогодней экспедиции на Чо-Ойу, после которой оба поднялись на очень трудную вершину Нуп-Ла и совершили еще несколько замечательных по скорости и блестящей ледовой технике восхождений. Джордж, так же как Эд, был долговязым, но более стройным и на первый взгляд выглядел менее выносливым. Однако совершенный им подвиг, когда он провел девять дней, работая на стене Лхоцзе, и затем, спустившись, присоединился к транспортной группе в лагере на гребне, остался непревзойденным в течение всей экспедиции. Подобно другим новозеландцам, он был прежде всего мастер ледовой техники и в этой области вполне мог бы платить той же монетой нашим скалолазам, когда они вели рассказы об ужасающих отвесных британских скалах.

Оба Джорджа были неподражаемыми юмористами. Джорджу Лоу в этом помогала его выразительная физиономия комика: с острым носом и слегка скошенным подбородком, а также мгновенно исчезающий с потрясающим эффектом зубной протез.

Джордж настолько изучил кинодело, что смог выполнить все киносъемки на высоте и частично на ледопаде. Юмор Джорджа смягчал столь типичные для него прямоту и искренность. Фактически создавалось впечатление, что он и Эд рассматривали любую задачу предельно просто, решая ее со смехом и без всяких тонкостей. Джордж никогда не ссыался на то, что он не успел обдумать тот или иной вопрос, и никогда не уклонялся от ответа из-за «политических» или иных причин. Об одном случае дипломатии следует все же упомянуть. В лагере VII мы говорили о стене Лхоцзе, и я похвалил работу, которую Джордж проделал, прокладывая путь. «Ну да, это так, — ответил он, — однако о тебе судят по тому, как высоко ты забе-

решься, а теперь, по-видимому, я вряд ли дойду до Южного Седла». — «Ничего подобного, — возразили мы, — главную роль играет работа, которую ты проделал». — «Ладно, конечно, и я так считаю». Я думаю, что уже тогда в его голове назревала идея: именно ему суждено установить лагерь на гребне, на высоте 8500 метров.

Если я уделяю Гриффу Пью и Тому Стобарту меньше места, то вовсе не потому, что они играли менее важную роль; фактически с точки зрения мира науки и кино — двух главных созвездий нашей планеты — они были самыми главными. Однако мы неизбежно видели их реже других, так как они не входили в альпинистский состав. Очень часто они были вместе, занятые своими делами.

275

Некоторых из нас отталкивала сама мысль о том, чтобы взять в экспедицию физиолога. Если на вопрос: «Зачем вы совершаете восхождение?», вы отвечаете: «Потому что мне это нравится», то мысль о научных задачах, естественно, будет неуместной. Имеются, однако, еще более веские возражения, выдвинутые Эриком Шиптоном. Лишний член экспедиции — не альпинист означает большее количество продуктов, усложнение с транспортом, большую ответственность в случае болезни или возникновения трудностей при прохождении ледопада. «Физиологическая экспедиция на каком-нибудь перевале — куда ни шло, — говорил Эрик, — но не на Эвересте. Эверест — это особая статья».

Гриффу удалось примирить нас, насколько это было возможным, со своей физиологией. Прежде всего потому, что он не измывался над нами так интенсивно, как мы боялись. Я лично серьезно рисовал его себе в виде вампира, затаившегося в лагере III и готового сосать нашу кровь или выкачивать легкие, когда мы будем тяжело трудиться на ледопаде. В действительности, не считая укола в большой палец, производимого изредка, взвешивания и подробного опроса в конце, мы никак не пострадали. Вначале Грифф сам, как я думаю, плохо переносил высоту. Позже, когда он мужественно преодолел это затруднение, объектами экспериментов стали его собственный организм, а также окружающая температура, палатки, кислород и т. п. Вел он эти эксперименты гораздо строже, чем альпинисты.

Результаты, полученные Гриффом, будут интересными и полезными. Широкой публике неизвестно, в какой сильной степени наша экспедиция воспользовалась его опытом, полученным на Чо-Ойу; мы многое узнали о продуктах

питания, питье и влиянии кислорода, если не говорить об остальном. Без этих знаний Эверест, вероятно, не смог бы никогда быть покоренным. Но альпинисты, как известно, народ ленивый. Они пользуются снаряжением, сделанным в мастерской, ворчат на неудобства, которые вынуждены терпеть из-за всяких научных штук, и считают, что все, чего они добиваются,— их личная заслуга. Я знаю, что Грифф напишет кое-что, где изложит истинное положение вещей и выявит нашу человеческую слабость.

Помимо физиологии Грифф обладал ценным опытом во многих неожиданных областях. Он был экспертом по снаряжению, которое изучал в армии во время войны, что позволило ему спроектировать для нас специальную одежду или видоизменить существующие модели. Он организовал наше питание, был запасным врачом, весьма нужным, когда Том Стобарт заболел или когда шерпы спустились в Цирк. Кроме всего сказанного, Грифф обладал широкой научной эрудицией, удивительной способностью к цифрам (сколько калорий в пакете?) и знал множество историй, которые рассказывал в медленном академическом стиле, заканчивая обычно поразительной фривольностью.

Каждый из нас радовался, когда стало известно, что отечественная киноассоциация может выделить кинооператора Тома Стобарта. Было известно, что он хороший товарищ и к тому же альпинист. До войны им была сделана попытка восхождения на Нун-Кун в Ладхаке ¹. Том был очень высоким, обладал свободно спадающей шевелюрой и круглым лицом, судя по которому ему можно было дать скорее двадцать пять, чем тридцать девять лет. На теплом ходу я думал о том, что ему придется туго. Том только недавно выписался из госпиталя и не мог даже принимать участие в наших скромных пробежках по палубе. Однако в походе его поддерживала преданность своей профессии. Порой, ведя вместе с Грегом киносъемку, он был способен выжидать два часа, пока алые рододендроны не будут освещены надлежащим образом, и догонял нас лишь тогда, когда все уже позавтракали. *Ars longa, vita brevis* ². Из всех энтузиастов кино Том был самым одержимым; ничто не могло его остановить, и этот фанатизм заставлял его

¹ Вершина высотой 7137 метров над уровнем моря, покоренная французами в августе 1953 года.

² Искусство вечно, жизнь коротка (латин.).

забывать о своей альпинистской неполноценности до тех пор, пока, сам того не сознавая, он не вошел в надлежащую форму.

Во время акклиматизационного периода Том прошагал много миль в поисках местного колорита, однако в Базовом лагере акклиматизировался довольно медленно. 1 мая ему и вовсе не повезло: он схватил воспаление легких, правда в легкой форме. Возникла некоторая тревога о судьбе нашего кинофильма, ибо на ледопаде ежедневно встречались поразительные кадры, которые грех было бы упустить. Однако Том был полон решимости. 14 мая он уже снимал в нижнем конце Цирка, и в последующие дни было трудно попасть в Передовую базу или уйти из нее, не услышав привычного жужжания и не увидев знакомой высокой фигуры, склонившейся у штатива, в сопровождении шерпа, готового подать или положить на землю волшебные коробки. Том поднялся выше лагеря V, но решил, что недостаточно поправился, чтобы дойти до лагеря VI. Кинокартина в ее конечном виде показывает, какого совершенства достигло мастерство Тома. Она доносит до простого человека, как это не может сделать никакой другой посредник, жизнь экспедиции и окружавшие нас красоты.

277

В Кембридже Майка Уорда знали как выдающегося скалолаза. Среднего роста, крепкого телосложения, он обладал одновременно большой гибкостью и исключительной быстротой. Его лицо было удивительно подвижным, почти как резиновое. В 1951 году вместе с Эриком Шиптоном он участвовал в разведке Эвереста, где вошел в историю, будучи сфотографированным рядом со следами «ужасного снежного человека». В предшествующем году, занятый медицинским осмотром новобранцев, он не смог поехать на Чо-Ойу; в этом году Майк появился на теплоходе в качестве нашего врача, еще вымазанный в чернилах после заполнения медицинских карточек. Загорел, однако, он быстрее нас всех и был самым смуглым из всех, кого я знал. Лондонская бледность вскоре превратилась в индийское красное дерево.

Если вам пришлось бы беседовать с Майком, вы убедились бы, что он одинаково серьезно относится как к своим обязанностям врача, так и к медицинским аспектам экспедиции в целом. Например, его предложение, чтобы мы с ним 26 мая снова поднялись в лагерь VII как вспомогательная группа, зародилось как следствие его решения взять альвеолярные пробы (образцы воздуха со дна легких)

на высоте 7320 м. В то же время неприязнь к внешней наукообразности разговоров и стремление прерывать такие разговоры какой-нибудь историей (какой угодно продолжительности) считаются англичанами одними из наиболее ценных черт характера. Альпинисты не любят вечно витать в эмпиреях. Мне пришло в голову позднее, что одна из причин успеха нашей экспедиции как коллектива заключалась, возможно, в стремлении не слишком задерживаться на возвышенных эмоциональных и философских вопросах. Кое-кто может осудить нас, считая это недостойным. Но Эвересту не нужна сентиментальность. В высотном лагере, слушая занятную историю, отдыхаешь; жонглируя сложными эмоциональными или сентиментальными понятиями — утомляешься.

Майк был самым удобным и приятным товарищем. Он хорошо сознавал, что занимаемый им пост врача ограничивает его активность, однако это его мало волновало. Популярные беседы в палатке о физиологии и патологии, а также обсуждение содержания и значения экспедиции были не плохим времяпрепровождением. Меня лично Майк также вполне устраивал как компаньон при совместном движении: одинаковый темп, не слишком быстрый, не слишком медленный, к тому же Майк хорошо оценивал перенапряжение, вызываемое высотой.

В заключение я должен отметить, что после первоначальных кашля, болей в горле и поносов, которые одно время мучили наших шерпов, наше здоровье в общем было отличным; это неплохо характеризует медицинскую квалификацию врача.

Майкл Уэстмекотт и Джордж Бенд были двумя членами группы, которым не приходилось ранее совершать восхождения в Гималаях. Возможно, по этой причине и в связи с их молодостью (Майклу было двадцать восемь лет) они были «назначены» некоторыми газетами первой штурмовой двойкой. Появился весьма драматический, но совершенно мифический отчет о «неудачной попытке достичь вершины». Другой общей чертой (вероятно, не связанной с настоящей историей) было то, что оба носили очки.

Майкл работает статистиком на Роземшtedской экспериментальной станции, а воинскую службу отбывал в Биоме в саперных войсках — две неопределимые для экспедиции специальности. Сначала Майкл ведал денежной стороной продвижения нашего багажа через Индию, что вовлекло его в такие сложные ситуации, которых мне от роду не приходилось видеть. Затем он превратился в кас-

сира, оплачивающего носильщиков во время первого этапа подходов. В пределах человеческой возможности он всегда был в состоянии дать отчет о не поддающихся описанию осложнениях, вызываемых нашим персоналом: невесть откуда появляющиеся шерпани, носильщики, которые без всяких мер предосторожности сбрасывали как перышко свой груз на землю и не являлись на рассвете за этим грузом; тюки, которые не приходили вовремя, вызывая тревожные часы ожидания.

На Эвересте Майкл отвечал за палатки и различные устройства. Палатки были вечной проблемой, так как запас их был весьма мал. И достаточно было бы кому-нибудь двоим серьезно заболеть и отправиться вниз, как этот запас сократился бы до нуля. Таким образом, за местоположением каждой отдельной палатки нужно было следить орлиным взором. К счастью, Майкл таким взором обладал. В процессе различных расчетов, так же как и при простой беседе, его точное мышление отмечало и исправляло неправильное местонахождение палаток.

Я никогда не имел удовольствия участвовать вместе с ним в восхождении, если не считать «саперного» дня, когда мы строили мосты на ледопаде. Однако, если судить по «ужасу Майкла», крутой цепочке ступенек на краю трещины, Майкл был силен в ледовой технике не менее, чем в скальной. Он относился к своим восхождениям и к своим вершинам столь же серьезно, как и Джон, хотя внешне в несколько более легком стиле. Он разделял с Джоном пристрастие к бабочкам, относясь к этому с достаточной основательностью во время подходов и возвращения.

Решительность и отсутствие эгоизма — два качества, которые в первую очередь, как я считаю, требует Эверест. Майкл акклиматизировался с изумительной для первого раза эффективностью. Позже, тяжело страдая от кашля и затяжных поносов, он ежедневно после 10 мая делал попытки добраться до лагеря VI и отступил только после того, как истощил свои силы до предела. Спустившись, он все же далеко не отказался от борьбы и этим, возможно, стал спасителем жизни других альпинистов или во всяком случае избавил их от тревожных минут, так как все свое мастерство посвятил утомительной, но жизненно важной работе на ледопаде по укреплению и удлинению мостов, сопровождению шерпов, прокладыванию порой совершенно новой дороги там, где прежняя становилась опасной. Благодаря ему мы смогли благополучно спуститься за один день от лагеря IV до Базы, пройдя путь, который в июне выглядел совершенно иначе, чем раньше.

Трудно говорить о хорошем организационном секретаре. Чувствуешь себя неловко при мысли о том, что, пожалуй, лучше бы ему писать о тебе. *C'est son métier*¹, между прочим. Чарлз Уайли был ветераном в нашей экспедиции. Гималайский Комитет назначил его организационным секретарем в сентябре 1952 года, и в связи с этим он был отпущен из армии. Когда я впервые встретился с ним, он мирно работал в течение октября в Королевском Географическом Обществе.

Чарлзу досталась, возможно, самая тяжелая и хлопотная работа, и он выполнял ее словно любимое дело. Было бы трудно подобрать двух более мягких по-джентльменски военных людей, чем Чарлз и Джон, чтобы нами управлять. В течение месяцев, пока длилась подготовка, Чарлз по необходимости находился всегда у штурвала, к его помощи обращались по телефону или срочным письмом по каждому вопросу: снаряжение, реклама, договоренность с шерпами, контакты с прессой.

Будучи офицером в полку гурков, Чарлз хорошо говорил по-непальски. Значение возможности разговора с шерпами на одном из их наречий было неоценимым. Действительно, мы никогда не могли понять, каким образом швейцарцы ухитрились обойтись без единого члена экспедиции, могущего объясняться с Тенсингом по-английски. Как ответственным за транспорт, Чарлзу приходилось улаживать бесконечное число соглашений, не всегда приятных для шерпов, и все же его популярность не знала границ. Я думаю, это объясняется тем, что он всегда был исключительно внимательным к шерпам. Он был с ними очень мягким и никогда, по-видимому, не выходил из себя, даже в таких ситуациях, которые могли бы довести кого угодно до белого каления. Как я понимаю, искусство обращения с шерпами или с другими горцами заключается в том, чтобы убедить их, что они являются товарищами, полноправными участниками экспедиции, в том, чтобы работать не меньше их и завоевать их примером, а не наставлениями. Такой подход был быстро усвоен Чарлзом, и он продемонстрировал его в наивысшей степени, когда поднялся на Южное Седло с тринадцатью шерпами. У вершины Конترفorsa Женевцев кислород в баллоне кончился. Одному из шерпов в это время стало плохо, и его груз необходимо было тем или иным образом перенести через скальное ребро. Чарлз это сделал.

Мне несколько неловко, что я повторяюсь, когда говорю

¹ Это его специальность (франц.).

о том, что члены нашей экспедиции весьма серьезно и ответственно относились к экспедиции и к ее «идеалу». Но про Чарлза это должно быть сказано снова, ибо он особенно, с более непосредственным интересом к людям, чем кто-либо другой, за исключением, может быть, Чарлза Эванса, рассматривал экспедицию как социальный акт не в меньшей степени, чем альпинистское мероприятие. Совместные усилия нескольких стран были достойны того, чтобы им посвятить больше года жизни, достойны непрерывного, радостного напряжения.

Я даю не более, чем краткий личный набросок того Тенсинга, каким его видел. Я надеюсь, что он разрешит мне это сделать с той лучезарной улыбкой, которой с такой охотой и учтивостью всех одаривает.

281

Тенсинг обладает необычно высоким ростом и весом, превышающим 63 килограмма. Перед нами он появился с энергичным видом квалифицированного альпиниста; любая деталь его одежды, а также ледоруб, подаренный ему Раймондом Ламбером, напоминали о том, что он участвовал в нескольких экспедициях. Тенсинг знал, что ему надо делать. В тридцать девять лет он перестал работать носильщиком и стал «сирдаром», или начальником шерпов, практически старшиной в экспедиции. Некоторое время был инструктором лыжного дела в армии. В качестве сирдара он отличился во время французской экспедиции на Нанда-Деву в 1951 году, достигнув Восточной вершины. И конечно, он играл руководящую роль в обеих швейцарских экспедициях прошлого года.

Меня поразило с самого начала, что темные глаза под черной как смоль, зачесанной назад шевелюрой становились задумчивыми, когда упоминались вершины. Эта черта, по-моему, отличает Тенсинга от других известных мне представителей его племени, включая Ангтхаркея. Последний, как мне казалось, свой личный долг и цель (будучи сирдаром) видел лишь в том, чтобы угодить сагибам. Если это сделано — работа выполнена. Когда Эрцог на Аннапурне предложил Ангтхаркею сопровождать штурмовую группу, французы были удивлены его отказом. Он считал, что свою работу он закончил. С Тенсингом дело обстояло иначе. Когда 26 мая Эванс и Бурдиллон были замечены на Южном пике, который выглядел с Южного Седла как сама вершина, все ликовали, кроме Тенсинга, который не мог скрыть своего разочарования, как это сделал бы представитель Запада. Отдадим ему честь: он считал себя в первую очередь восходителем,

представителем шерпов, который должен подняться на вершину и лишь во вторую очередь быть сирдаром. Между прочим, он действительно был выдающимся восходителем.

Итак, Тенсинг стремился к совершенно ясной и похвальной, хотя и завуалированной некоторой восточной неопределенностью цели: взойти на вершину Эвереста, по северным и южным склонам которого он уже поднимался. Тенсинга отличала исключительная скромность, которой нельзя не восхищаться; это сочеталось с наивной учтивостью, столь же очаровательной, сколь и неподдельной.

Многие говорили: «Тенсинг — прирожденный джентльмен» и это действительно так. Трогательны также его интерес к вашей семье и в свою очередь стремление показать фотоснимки своих родных. Это была природная, весьма приятная вежливость.

Когда мне пришлось заниматься продуктами питания для шерпов, я вдруг понял, почему расчеты были так затруднительны: Тенсинг не умел ни читать, ни писать. Таким образом, сложение и умножение становятся невозможными и приходится следовать простому правилу: плата выше питание лучше — моральное состояние хорошее. Храбрыми ребятами были те, кто донес 18 грузов до Южного Седла. Тенсинг был их вождем и их представителем на вершине.

Мне следовало бы, может быть, заодно со всей командой, представить и себя, но это вряд ли нужно, так как слишком много будет обо мне сказано на последующих страницах. Я должен заметить, однако, что после 17 ноября я чувствовал себя в некотором роде самозванцем. Одной из причин сплоченности нашей команды было то, что многие альпинисты ходили совместно в горах на Чо-Ойу, на Эверест в 1951 году или же на британские вершины. Я же не ходил ни с кем, за исключением руководителя, хотя и встречался ранее с двумя другими. Более того, мне пришлось перенести в горах три аварии, вызванные плохой погодой и порывами ветра. Первый раз в 1937 году, когда мне было девятнадцать лет, это было падение на 60 метров из-за сорвавшегося мокрого уступа. Последний случай произошел в 1946 году на несложном ребре Грейт-Гэйбл, когда меня сдуло резким порывом ветра и при падении я неудачно подвернул ногу и сломал ее. Тогда же я решил, что с меня хватит, и дал клятву никогда больше не ходить на серьезные восхождения. Когда же я вновь начал ездить в Альпы и другие горы, то чаще всего для того, чтобы приобщить к альпинизму юношей

или разведать какие-нибудь новые уголки. Хотя я все еще занимаюсь скалолазанием, но предпочитаю на «очень сложных» маршрутах не быть ведущим в связке.

И вот теперь я оказался в роли самозванца, влезшего в весьма серьезное мероприятие. Может быть, было непростительно оставлять в тревоге мою семью. Может быть, мне было суждено обмануть сильную и трогательную веру Джона в меня. Сверх того, я сперва чувствовал себя также невеждой в области науки, и любой другой, казалось мне, более предан этой богине, чем я.

Однако думаю, что я достаточно рассказал о нашей компании, чтобы читатель понял, что любого немедленно принимали в коллектив, если только он был готов участвовать в деле.

283

Два обстоятельства содействовали тому, что я чувствовал себя вошедшим в коллектив. Во-первых, Джон хотел, чтобы каждый был ответственным за свой «департамент» как в Лондоне, так и в горах, таким образом, чтобы в этой узкой области он мог бы быть счастливым и полновластным хозяином. Во-вторых, как я уже говорил, он выбрал людей, взаимно «совместимых», к тому же большинство из них уже совершали совместные восхождения. В этом вопросе, как, впрочем, и во многих других, авторство принадлежит Эрику Шиптону, который комплектовал экспедицию 1952 года на Чо-Ойу.

Наконец, мои товарищи были такими людьми, с которыми легко было договориться; подойти к любому, спросить что-либо было чистым удовольствием (проба на кислую реакцию!). Я говорил, что наши беседы проходили не в стиле литературного салона, хотя в них участвовало много интеллигентов. Но атмосфера «обыденных интересов» была, как я убедился, явно полезной: простота общения с товарищами превращает жизнь в высотных лагерях в приемлемый распорядок, а не в мучение. На высоте обычно рассудок мрачен и эмоции бесцветны. Поэтому:

Оптимизм и веселая болтовня
Облегчают трудную дорогу,
А легкомысленная голова
Поддерживает падающее небо.

Путь до Катманду

12 февраля — 8 марта

До Бомбея

284 До Бомбея мы путешествовали с комфортом на борту «Стреседена». Гостеприимство экипажа и пассажиров оживляло поездку, однако не было назойливым. Гуляя по палубе, мы могли строить догадки о том, что же собой представляет эта вершина, являющаяся таким магнитом для каждого альпиниста.

Участвуя в подобной экспедиции, я должен был заплатить более чем трехмесячным жалованьем в Чартерхаузе, а также, что значительно важнее, лишиться на пять месяцев общества моей жены и сынишки. Кроме того, мне предстояло держать их в тревоге, вместо того чтобы спокойно оставаться дома. Никто не будет утверждать, что подниматься на Эверест так же безопасно, как гулять по зеленому лужку.

С точки зрения простого человека, это опасное занятие: как бы он ни верил в мастерство восходителя, объективные опасности остаются угрожающими. Обо всем этом семья альпиниста предпочитает не говорить, чтобы не беспокоить и так уже измученного человека. Но страх всегда присутствует, так же как он присутствует и в подсознании самого альпиниста. Последний делает все, что может, для своих близких, страхуя свою жизнь, что, впрочем, является совершенно бесполезной мерой, ибо, если такая потеря произойдет, ничто не в силах ее восполнить; и все же он должен принять такую предосторожность, чтобы обеспечить свое собственное спокойствие.

Я не мог утверждать, что ехал к Эвересту для удовольствия. Есть более низкие горы, да, пожалуй, и более низкие хребты, где свист молотка, движение ноги на подъеме, балансирование тела на скале — все это является «физической музыкой» восходителя. Однако на Эвересте все эти удовольствия оказываются развеянными вместе с тибетской пылью, развеянными мучительным дыханием в разреженном воздухе, штормовыми ночами. Я сам также

не ожидал счастливых минут. Следовательно, ехал не за удовольствиями. Я ехал, как мне представлялось, потому, что эта экспедиция была прекраснейшим, волнующим и возбуждающим жизненным переживанием. Во время радиопередачи на корабле перед отплытием итальянский комментатор спросил Майкла Уэстмекотта, чувствует ли он большое волнение, отправляясь на Эверест. Майкл ответил, что «это будет неплохая забава» или что-то вроде этого же, мало проникнутое энтузиазмом. «E molto emozionato»¹, — перевел комментатор через микрофон. И конечно, он был прав. Мы были полны волнения, хотя, как истинные британцы, не хотели выставлять свои чувства напоказ. Это событие выходило за рамки обычных происшествий, оно накладывало важные обязанности, нарушающие проторенную жизненную колею. Обычно современные люди имеют мало шансов участвовать в чем-то, что можно назвать выдающимся. Каждый может ощутить потребность порвать, хотя бы раз, с комфортом и с монотонностью привычной жизни, прожить эти немногие дни как можно полнее и интенсивнее. Мысль об Эвересте как о непокоренной вершине должна в первую очередь возникнуть у альпинистов. Эверест должен быть взят «потому, что он есть», как говорил в свое время Мэллори. Таким образом, у отдельного человека возникает идея о великом общем усилии, о событиях, переживаемых в коллективе товарищей.

Таковы порой были мои мысли, в то время как наш корабль пересекал спокойное февральское море, направляясь к более теплым водам, а мы приближались к необычайной точке, отмеченной на карте в одном из уголков Непала, — Эвересту. Мы изучали с Чарлзом Уайли непальский язык, но боюсь, что довольно бессистемно: играя на палубе в теннис и поглощая колоссальное количество пищи. Мне приходилось порой гадать, что правильнее: съедать возможно больше продуктов, пока они есть, или потуже затягивать пояс в качестве подготовки к будущему? Или же, наконец, вовсе его не затягивать, может быть, таков правильный ответ.

¹ «Весьма волнующее дело» (итал.).

К непальской границе

286

Мы прибыли в Бомбей утром 28 февраля и были встречены на борту теплохода профессором Джорджем Финчем, А. Р. Лейденом, секретарем местного отделения Гималайского комитета, Безилем Гудфеллоу из Гималайского комитета и Джорджем Лоу из нашего коллектива. Лейден, наиболее любезный из всех, кого мне довелось встречать, умело провел нас через таможеню. Мы ушли оттуда, однако, с тревожной мыслью: что будет, когда мы возвратимся и с нами не окажется большей части того, что было оценено Чарлзом и за что он расписался? Таможенники власти посчитают, что мы все это продали. В отеле после ленча Финч присоединился к нам, чтобы побеседовать о кислородных аппаратах. Затем я пошел на станцию проследить за погрузкой нашего багажа в специальный вагон.

Впервые я увидел этот багаж целиком. Я стоял, наблюдая за странным ассортиментом грузов необычной формы, которые перетаскивались на спинах носильщиков, погружались и укладывались в соответствующих местах на полу вагона. Процессия казалась бесконечной. Некоторые тюки были небольшими, как, например, ящики с фотоснаряжением; некоторые — длинные и громоздкие — секции дюралюминиевой лестницы; некоторые — увесистые, квадратного сечения, как, например, ящики с кухонными принадлежностями. Были здесь вещевые мешки с личной одеждой и громоздкий круглый тюк — проклятие всех, кто пытался поднять его, — содержащий новозеландские спальные мешки. Погрузка заняла два с половиной часа; мы подсчитали, что всего было около восьми тонн снаряжения, упакованного более чем в пятистах тюках (включая личный багаж). Вагон был заперт, я положил ключ в карман и ушел, горячо надеясь, что встречу его благополучно в Лукноу.

После восхитительного утреннего купания в Юху-Бич, мы наконец погрузились в поезд, идущий в Каунпур. Чарлз Уайли и Том Стобарт остались, намереваясь лететь по делам в Калькутту и оттуда прямо в Катманду, столицу Непала.

Был жаркий день. В пути поездной двигатель вышел из строя, а когда был доставлен запасной, то он также чуть не развалился на части, пытаясь вытолкнуть состав на вершину холма.

3 марта, в 9 часов утра, нас встретил в Лукноу Е. А. Гаскел, представитель фирмы «Бирма Шелл». Наш багаж, как нам сообщили, должен прибыть лишь во второй половине дня, таким образом, мы были вынуждены провести ночь в Лукноу. В 2 часа 15 минут после полудня мы вернулись на станцию, чтобы проследить за перегрузкой нашего багажа в вагон узкоколейки, идущей в Раксаул. На следующий день, в тот же час, мы заняли места в поезде. Мы уехали с полной уверенностью, что вагон с нашими вещами отправился раньше нас. Вечер не принес нам желательной прохлады, так как Лукноу переживал период сильной жары. Мы стали только еще грязнее. Ночью я допустил позорную ошибку. Около 2 часов кто-то постучал в дверь. Помню, что в моей сонной голове мелькнула мысль: «А! Наверное, контролер!» Не совсем еще проснувшись, я встал и отпер дверь. Увы, в то же мгновение, прежде чем мы могли эту дверь закрыть, казалось, все население Индии с криком ввалилось в наш вагон. Отчаянная жестикуляция и угрозы Джорджа Лоу были тщетны. Носильщики, торговцы и еще кто-то целыми семьями, все ехали «только до следующей станции». В эту ночь нам уже спать не пришлось.

В Самаштинуре мы сделали пересадку для последнего участка пути до Раксаула, на границе с Непалом. В 8 часов 30 минут вновь тронулись в путь. После волнующих событий прошлой ночи мы вообще не решались открывать дверь, даже для приема пищи, и, так как поезд запаздывал, прибыли в Раксаул лишь в 3 часа 30 минут пополудни зверски голодными. Погрузка длилась долго, началась она в 3.30, когда мы прибыли, и лишь в 6.30, когда уже было почти темно, мы смогли уйти. При этом девять тюков, которые не поместились на две небольшие непальские платформы, пришлось снять, несмотря на отчаянную жестикуляцию, энергичный нажим и всеобщий бедлам. Мы поместили эти тюки на ночь в пакгауз. Вместе с Майклом я направился к уютно расположенной среди деревьев станционной гостинице, где мне удалось смыть в ванне часть покрывающей меня грязи. Затем мы уселись для первого в этот день действительного приема пищи. В меню входили цыплята с овощами и чапатти. Мы были теперь далеко от «хлебных» стран. Когда я попросил хлеба, служитель уставился на меня с удивлением.

Задержка в Бхимпеди

На следующее утро, 6-го, вскоре после 7 часов утра, мы были на станции. Забрали наши девять тюков, и пыхтящий паровоз повез нас далее. Вся поездка протяжением 40 километров заняла два с половиной часа, и мы могли бы свободно, как это делали другие до нас, ехать верхом впереди паровоза, наблюдая, как дикие животные перебегают через рельсы. К тому времени, как мы добрались до Амлегкауна, деревни индийского типа у подножия лесистого холма, нам безумно хотелось спать, но одновременно нас донимал голод. Поэтому, пока поезд маневрировал, флегматичные британцы вытащили двух цыплят, картошку и помидоры и устроили ленч.

Последний участок пути до Бхимпеди предстояло преодолеть на грузовиках; в конце концов появились четыре вполне приличные на вид машины. В обстановке непрекращающихся споров состоялась четвертая перегрузка. Мы поздравили себя с тем, что нам удалось отправиться дальше в 12 часов 30 минут, именно в этот день, согласно графику, составленному Грегом, мы должны были погрузить наши вещи на канатную дорогу в Бхимпеди и двигаться до Чизапани, почтовой станции на дороге в Катманду. Последний этап пути до столицы нам предстояло пройти пешком. Добраться туда мы должны были 7-го и уже 9-го, как надеялся Джон, могли бы начать наш путь к Эвересту.

Разместившись на грузовиках поверх тюков, мы отправились в 38-километровое путешествие. Следует признать, грузовиками лучше было любоваться, чем на них ехать: распространенный в индийских горах метод — чинить мотор только с помощью изоленты, когда уж дым идет из-под капота, действовал, по-видимому, и в данном случае.

Дорога бежала по долинам, поросшим дубом и елью, прорезаемым порожистыми речками. В некоторых местах встречались необычайные отвесные башни из песчаника.

Сопровождаемые ливнем, мы приехали в Бхимпеди к 2 часам 50 минутам, тогда как Джорджи (Бенд и Лоу) из-за прокола камеры добрались несколько позже. Из деревни виднелись мачты канатной дороги, убегающие вдаль через лес от громадного, открытого по бокам навеса с железной крышей, где носильщики присоединяли тюки к блокам, катящимся по стальному тросу. Появился Майкл Уэстмекотт с печальной вестью: наша погрузка

займет по крайней мере три часа и, так как работа кончается в 5 часов, закончить погрузку в этот день не удастся. Грузовики между тем свалили все на неровный, покрытый мешковиной пол, а мы постарались спасти лишь наиболее ценные тюки. Что делать? Попробовали воспользоваться тремя телефонами, которые, по-видимому, имели весьма смутное понятие о том, как надо действовать. Тут один из писарей подсказал нам идею: обратиться к отряду индийского инженерного Управления, строящему дорогу от равнин к Катманду. Майкл, как «офицер для особых поручений», вызвался добровольно туда сбегать. Невдалеке он встретил начальника отряда полковника Гранта, едущего в «джипе». Положение было спасено.

289

На протяжении всех дней путешествия через Индию Катманду мерцал перед нашим мысленным взором, далекий и таинственный, как сам Эверест. Для путешествующего по воздуху он находится в трех днях полета от Лондона. Для нас, передвигавшихся по морю и посуху, это было трехнедельное путешествие с препятствиями и неудобствами на каждом шагу. Мы стремились скорее к нему, стремились к спрятанному городу, охраняемому в своей затерянной долине барьерами жары и высоты. Завтра мы увидим его. Мы достигнем цели. Но тем самым чары будут развеяны.

Мы входим в долину

Полковник Грант был весьма любезен: он угостил нас черным кофе и заказал на четверть первого ночи «джип». В мрачный ночной час мы оказались под тусклым электрическим светом на станции канатной дороги. Началась работа. Мы смотрели, как наши грузы один за другим подвешивались к блокам и, качаясь, ныряли куда-то вверх, в ночную тьму. Каждый тюк следовало проверить и записать номер соответствующего блока. Как всегда здесь было больше людей, чем нужно; большинство, как обычно, присутствовало для дачи «весьма ценных указаний». Весь процесс занял пять часов; при этом 507 мест были сгруппированы в 87 тюков. Обычно к нашим грузам в качестве балласта на блоках добавлялись тяжелые мешки с рисом. Я невольно подумал, что, вероятно, такой метод транспорта используется в экспедиции в последний раз. Наши внуки будут потрясены теми трудностями, которые выпадали на долю ранних пионеров Непала в ту пору, когда дорога еще не была построена.

В 6 часов утра мы, шатаясь, ушли и у палатки помогавших нам строителей попили чаю с громадными сэндвичами. Затем нас повезли на «джипе» обратно в деревню, откуда начиналось тридцатикилометровое путешествие до конца дороги, до селения Танкота, примерно в 8 километрах от Катманду.

Дорога через холмы начиналась крутым подъемом по каменистым, поросшим кустарником склонам, обращенным к Чизапани. С вершины гребня, усеянного темно-красными рододендронами, открывался прекрасный вид на большой пролет канатной дороги. Мы могли видеть наши грузы, раскачивающиеся на тросе, который казался отсюда тоненькой нитью, и плывущие через ущелье к едва видимой на противоположном склоне мачте. Было страшно подумать, что один лишь ящик с высокогорной обувью, упавший с трехсотметровой высоты и разбившийся вдребезги, мог погубить всю экспедицию. Я верю, что такие аварии весьма редки, однако в этом вряд ли можно убедить поставщиков ценных грузов. К счастью, другая наша тревога была быстро развеяна вычислениями Майкла: за исключением, может быть, ящика со смешанными рационами, все наши запасы прибыли в целости и практически в сохранности на конечную станцию канатной дороги.

Сам переход был нашей первой настоящей разминкой. На корабле, несмотря на бесчисленные прогулки по палубе, мы все же практически принимали лишь воздушные ванны. Здесь же переход проходил по местности, на которую пыльное лето еще не наложило свою лапу. Розовый цветущий миндаль гармонично выделялся на фоне желтой глины, основного материала многих деревенских построек. Часто можно было наблюдать и такое: верхняя часть постройки желтая, нижняя — побеленная; и, как правило, соломенная крыша. Рощи миндаля и груши на переднем плане, возвышающиеся за ними крутые склоны холмов, поросшие лесом или пересеченные террасами, — сплошная идиллия. Однажды, отдыхая на траве у обочины дороги и уплетая вторую лепешку, Майкл промолвил: «Не знаю, что там будет с экспедицией, но сегодня я действительно счастлив!» Мне оставалось только согласиться с ним.

Когда мы подходили ко второму перевалу высотой 1800 метров, следы бульдозера становились все более заметными. Впоследствии мы узнали, что незадолго до нас по этой каменистой, пыльной и обдуваемой ветром дороге прошла одна из этих машин, что являлось рекордным достижением. Единственные механические устройства,

которые мы могли еще обнаружить, были грузовики, разобранные на основные части. Тридцати носильщикам требуется примерно неделя, чтобы перетащить грузовик через холмы до Катманду, и по пути мы видели три такие команды, однако я не могу утверждать, что хоть одна из них была в движении; по-видимому, в таких походах требуется весьма усиленный отдых. Мы сами, продолжая подъем по небольшому оврагу, начали чувствовать, как трудность пути сказывается на наших не вошедших еще в форму ногах. Мы вздохнули с облегчением, взобравшись на последний перевал и окинув взором долину Непала — такое место, которое еще утром казалось нам столь же далеким, как Тихий океан. Первый же взгляд на широкую, спокойную равнину, окруженную лесом и холмами, мог очаровать любого. Однако мы еще туда не добрались; мы не достигли даже Танкота, где нас должны были встретить, как обещал мне накануне по УКВ-рации Джон. Зигзагообразный спуск через заросли сосны, кедра и других деревьев казался нескончаемым. Во второй половине дня небо заволочло облаками, стало душно. Появились многочисленные непальцы, с трудом преодолевающие подъем; наиболее состоятельные передвигались в чем-то подобном портшезу. Все они с любопытством посматривали на наши необычные фигуры.

Последний участок до Танкота пролегал вдоль низины. Здесь, к концу нашего перехода, мы смогли попить чаю в чайной под открытым небом. Мы надеялись, что механический транспорт завершит нашу работу, однако предпочли не ждать и отправились в путь пешком для преодоления последнего, десятикилометрового участка. Через три километра около нас остановился роскошный лимузин британского посла Христора Саммерхейса. За считанные минуты мы пронеслись через пригород, мимо статуй бывших королей, промчались мимо высоких стен — единственное, что нам посчастливилось увидеть в Катманду, — и с грохотом подкатали к посольству. Впервые все члены экспедиции собрались вместе.

Подходы

Один день в Катманду

292 Первая реакция моих товарищей, особенно тех, которые томились в ожидании уже больше недели, — наброситься на багаж и, едва стащив его на землю, начать в нем копать. «Где сигареты?» «Все ли здесь новозеландские спальные мешки?» «Где мое ружье?» и т. п. 9 марта было для всех плотно загруженным днем; для осмотра храмов и базаров Катманду времени не хватало. Все мы были искренне признательны за возможность отдохнуть порой в уютном приюте — посольстве. Посол принял нас как таковых, со всеми нашими причудами и заботами; если бы не его терпение и неоценимая помощь, мы вообще никогда бы не смогли тронуться в путь. В посольстве царил простая, домашняя атмосфера. Было приятно войти в гостиную и застать там, скажем, Грега, развалившегося в необъятном кресле и погруженного в чтение; было приятно хоть минутку посидеть со свежей газетой в руках.

В Бхадгаоне, в десятке километров к востоку, багаж был выложен на площадке, и мы все пришли на него взглянуть. Все, за исключением Джона: он, бедняга, должен был остаться в ожидании весьма срочного телефонного вызова.

Прождав три часа, пока сумели связать Лондон с Катманду, он наконец узнал, что вызвала его какая-то газета, жаждающая его проинтервьюировать. Остальные проконтролировали груз, за который отвечали, и пооткрывали надлежащие ящики, аккуратно выложенные Чарлзом Эвансом и Чарлзом Уайли на открытом лугу. Наконец здесь мы встретились с Тенсингом и шерпами, точнее, с теми особыми шерпами, высотными носильщиками, которые сопровождали Тенсинга из Джарджилинга или приехали из родного селения Намче-Базар для встречи с нами. Не следует их смешивать с работающими во время подходов носильщиками, которые стояли или сидели рядами позади тюков.

Впервые я увидел Тенсинга, когда он увертывался от фотокамеры назойливого журналиста. Увидел его ставшую ныне знаменитой застенчивую улыбку, когда он обменивался рукопожатием с сагибами; он спросил меня, не был ли со мной Ангтхаркей на Паухунри¹. Хотя мои знания языка урду были весьма неуверенными, он как будто все же предпочитал его английскому. Тенсинг выглядел значительно крупнее других шерпов. Его одежда — шорты военного образца, краги и зеленый берет — придавала ему командирский вид. Шерпы между тем суетились около грузов.

Черты лица у шерпов значительно ближе к тибетскому типу, чем к непальскому. Характерными являются более широкое лицо и узкие глаза. Некоторые из них привели с собой своих женщин: последние также пришли работать носильщиками, но только на подходах. На практике женщины на подходах несли более тяжелые грузы, чем мужчины, хотя их статус в платежной ведомости никогда не был определен достаточно четко. Они были одеты в длинные тяжелые черные платья; голова покрыта старым платком или типичным для шерпов шарфом, помогающим удерживать головной ремень при переноске груза. С груди спускался характерный фартук, изготовленный дома, в Намче, и украшенный разноцветными вплетенными лентами, которые соединялись вместе и обвязывались вокруг пояса.

На заднем плане площадки, предоставленной нам непальской армией, возвышались покрытые облаками холмы, на которых проходила обычно тренировка солдат. Рядом с тюками нас ожидала пестрая армия носильщиков, завербованных по большей части на месте, для переноски грузов до Базового лагеря. Чтобы не слишком походить на батальон, мы решили разделиться на две партии: Чарлз Уайли, Майк Уорд и Грифф Пью вышли на день позже с двумя сотнями носильщиков при содействии пяти сержантов войск гурков. Оставшиеся сто пятьдесят носильщиков должны были двинуться в путь вместе с нашей основной партией на следующий день, 10-го числа, под предводительством некоего Хакомана Сингха.

¹ Ангтхаркей выведен в «Нанда-Девы» и других книгах Эрика Шиптона а также в моей книге «Горы и люди», где я пишу про горы Сиккима. Его часто называют Анг-Таркэ, но я сохраняю правописание Шиптона.

Путь через Непал

Последняя ванна. Прощай, горячая вода! Сколько жизненных удобств, с которыми мы расстаемся без труда! Последний отбор личных вещей. Как обстоит дело с новой зубной щеткой, которую я собирался купить? Пользоваться еще четыре месяца старой, может быть, не слишком гигиенично. И вечная проблема — сколько брать книг? Я всегда беру с собой до смешного много.

Мы должны тащить от 6 до 8 килограммов личных вещей, а тут еще добавляется 4, не считая спальных принадлежностей, покоящихся в рюкзаках шерпов. Пока я упаковывался, Джон, с кем я жил в одной комнате, будучи занят очередной передачей для «Таймса», отсутствовал. Он собирался выйти на следующий день со второй партией и форсированным маршем догнать первую. Ему, как начальнику, всяких дел еще было по горло.

Автобус до Бхадгаона отходил в 9.45. Скоро мы будем одни. Сколько радостей и сколько трудностей! Конечно, сердце начинало усиленно биться, когда волнующие образы жизни в палатке и мысли о ночах, полных уединения, проносились в моей голове. Однако для размышлений времени не было. Путь по тряской дороге был недолог; вскоре мы вновь инспектировали нашу «армию», на этот раз нагруженную и готовую к «быстрому маршу». Накануне вечером оба Чарлза задержались, чтобы проверить систему упаковки тюков по 25 килограммов. По-видимому, она была неплохой. В тех случаях, когда тюки были слишком легкие, к ним что-нибудь добавлялось. Одни из наиболее тяжелых тюков содержали разменную монету для оплаты носильщиков. Она была вывезена Джоном в металлических коробках из Катманду и распределена в двенадцати полновесных тюках. Следует отметить громоздкие секции лестницы длиной 1,8 метра и колоссальный, принадлежащий Гриффу металлический ящик с принадлежностями для физиологических исследований. Наконец после «фотооргии» многих посетителей Майкл Уэстмекотт и я отбыли под рев мотора в путь. Было 11 часов 20 минут. Поход к Эвересту начался.

Бадхгаон — красивый город с большими буддистскими храмами в стиле пагод. Дома, выстроившиеся вдоль мощенных камнем улиц, весьма живописны благодаря затейливой резьбе по дереву широких карнизов. Построены эти дома из красноватого камня и часто имеют до четырех этажей, причем последний снабжен балконом. На одной из площадей работали гончары, мастерившие на массив-

ных кругах красивые вазы больше метра в диаметре. Затем мы выехали на широкую дорогу, идущую к Банепа, нашей первой остановке. Путь здесь еще проходим для машин.

К нам присоединились поджидавшие на краю дороги тощие и длинные новозеландцы Эд и Джордж, с улыбкой до ушей и зверским альпинистским аппетитом.

Наконец мы въехали в крупную деревню Банепа. День, охлажденный прошедшими грозами, был облачным, почти английского типа. Говорили, что эти грозы — следствие позднего муссона. Мы нашли ранее прибывших, сидящих на горке за деревней; здесь же был Тхондуп — повар, разводящий костер. Некоторые из нас подвергали критике его кулинарное искусство. Правда, чай готовить он не умел. Однако при наличии лишь сухого молока это было бы равносильно подвигу. Я лично всегда считал, что он готовит хорошо и удачно разнообразит наше меню с помощью тех немногих местных овощей, которые удавалось раздобыть. Высокий, худой, с ястребиным носом, с зачесанной назад черной шевелюрой, он неизменно раньше всех был в лагере, пытаюсь соорудить этот несчастный чай. Характерным его недостатком во время подходов была склонность к весьма сложным поварским авантюрам, в результате которых сагибы оставались голодными бесконечно долго. Пока Тхондуп готовил чай, Анг Дава помогал мне приводить в порядок мои личные вещи, список которых я в то время составил. Личный груз (11,5 кг): 3 дневника, 9 книг, из них основные: «Чистилище», «Братья Карамазовы» и «Отверженные» (II и III тома), камера, компас, мешок для губки и два малых полотенца, 2 тонкие хлопчатобумажные пижамы, плащ, электрофонарь Видор, таблетки, выданные Майком Уордом: поливитамины и для очистки воды; иодин и крем Майлол против насекомых, кислородная маска, лейкопластырь, 2 курительные трубки, пакет трубочисток, 5 пар носков, кеды (которые надевал иногда вместо ботинок).

В рюкзаке Анг Дава: надувной матрац, 2 новозеландских спальных мешка и чехол, полиэтиленовые мешки, в одном из которых шелковые перчатки, толстый свитер, запасные брюки и куртка, запасная рубашка, альпинистские бриджи.

Я намеревался идти в старых горных ботинках, не очень доверяя кедам, и был единственным, кто не надевал эту модную ныне обувь на всем протяжении пути.

Все казались занятыми по горло. Том Стобарт и Грег производили фотосъемки на глазах полной восторга толпы

местных жителей. Майкл Уэстмекотт, отвечающий за все операции с носильщиками, заполнял соответствующий реестр. Чарлз обсуждал с Тенсингом маршрут подходов. Эд и Джордж Лоу, умудренные опытом предшествующих экспедиций, надули свои матрацы и глубоко погрузились в чтение Питера Чейни, приняв позу, которая позже, вследствие частого применения, приобрела название «эверестская поза». Джордж Бенд вытаскивал банки из ящика «компо», и я присоединился к нему в качестве переводчика, чтобы объяснить Тхондупу, что нам требуется: суп, жареное мясо и почки с местным картофелем и шпинатом, кекс и кофе. Ящики «компо» содержали различное меню на каждый день; консервированный кекс имел шумный успех и потому повторялся в качестве десерта пять раз в неделю. Остальные два дня мы снисходили до консервированных персиков. Согласно одобренному всеми плану, мы обычно выходили рано, в 6 часов утра, зарядившись лишь чашкой чаю с печеньем; через два часа хода мы останавливались для завтрака, предпочтительно на берегу реки, где могли искупаться. Пока мы, не совсем еще проснувшись, собирались и выходили, появлялись носильщики из селения и начинали возиться с тюками. Между тем большая палатка, в которой все ели и кое-кто спал, была готова отправиться в путь. У нас были две такие палатки — высокие, с металлическим каркасом, весьма быстро собирающиеся и разбирающиеся, как нам в первое же утро продемонстрировал ответственный за палатки Эд. Однако нужно было не зевать и покинуть палатку до того, как будут отвязаны растяжки.

Участок до Долалгхата, на главном рукаве Сун-Кози, был одним из самых длинных. На перевале, вскоре после Банепы, мы впервые увидели еще неясную картину высоких Гималаев, затем последовал длинный спуск среди сосен и гималайских дубов к Жику-Кхола, речке, разлившейся по широкой равнине и питающей рисовые поля. Для небольшой головной группы дорога казалась бесконечной, жара все усиливалась, все больше донимала жажда. Наконец деревня, и Тхондуп милостиво соглашается приземлить нас под гигантской смоковницей. Эти громадные священные индийские деревья высются около каждой гималайской деревни, охраняя ее покой. Их раскидистые ветви и толстенный морщинистый ствол дарят путнику тенистое гостеприимство. Невольно возникает вопрос: что раньше появилось — селение или смоковница?

Было 8 часов 55 минут, и мы с Джорджем Бендом пошли посмотреть на давилную установку. Конструкция не-

сложная: длинный брус качается таким образом, что один из его концов при движении вниз входит в углубление, где зерно перемешивается рукой или палкой. Брус движется вверх и вниз. В 9 часов 45 минут появились возмущенные Грег и Том Стобарт. Мы ушли черт знает куда, фотографии были страшно заняты и потеряли уйму времени, пока нас догнали, и т. д. и т. п. Вскоре, однако, мир был восстановлен, а нам пришлось ожидать еще 40 минут, пока готовился замысловатый завтрак из овсянки, тушеного мяса с яйцами, чапатти, масла и варенья.

Опять небольшой перевал, затем спуск в другую долину, также впадающую в Сун-Кози, — так мы продолжаем наш путь по дороге с бесчисленными подъемами и спусками. Шагая вместе с Чарлзом Эвансом и наблюдая стадо крупных обезьян лангуров, которые раскачивались на деревьях, растущих по крутым склонам холмов, я убедился, что невозможно их спутать с представителями «ужасного снежного человека» (некоторые предлагали такое решение проблемы). К тому времени, когда мы достигли широкой реки у Долаалхата, на высоте не более 800 метров над уровнем моря, жара нас окончательно доконала, и мы с наслаждением предались сказочному купанию.

Ранний выход имеет свое немалое преимущество: приходите на бивак сравнительно рано пополудни и можете использовать остаток дня в личных целях: писать, читать или ловить бабочек с Джоном и Майклом Уэстмекоттом. Именно здесь нагнал нас Джон, когда мы ужинали в темноте. Большинство устраивалось уже на ночь. Под яркими звездами, любуясь серпом луны, появление которой мы наблюдали утром, я вновь подумал о необычном характере экспедиции. Поэзия должна была временно стушеваться в суматохе с кислородными масками, с сортировкой снаряжения, неурядицей с багажом и тому подобным. Теперь она робко проглядывала вместе со звуками далеких голов над бесчисленными лагерными кострами, приглашая меня измерить звездную бесконечность неба, убаюкивая монотонным пением реки.

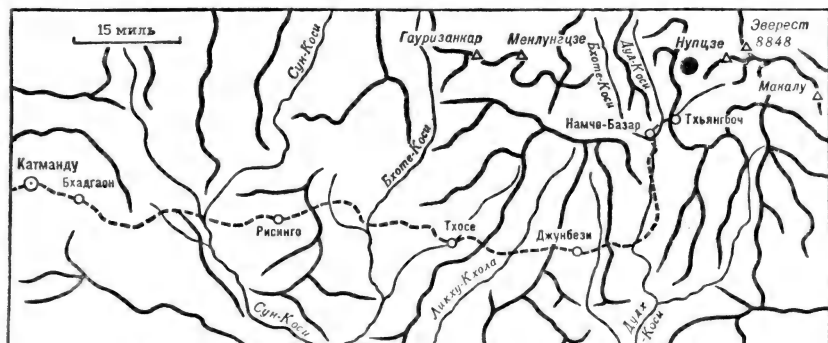
Ранним утром, когда звезды начинали бледнеть и на лугу раздавался знакомый кашель носильщиков, было приятно лежать и пить чай, даже тхондуповский чай. Однако затем нужно было вставать и принимать участие в предстартовой суматохе до того момента, как палатка ляжет на землю. Обычно я оставался вместе с Майклом, чтобы проследить за последними тюками, так как, если в селении был чанг (местное рисовое пиво), носильщики, вполне вероятно, могли опоздать. Хакоман Сингх, похо-

жий на пророка со своей длинной тростью и сверкающими глазами, с поразительным красноречием громил в этом случае виновных за их злодеяния, в то время как они, полные стыда, прокрадывались к своим грузам. В это утро мы преодолели большой подъем от русла Сун-Кози до селения Чиабаса, расположенного на следующем гребне, на высоте 1980 метров. Переходы не могли быть слишком длинными, так как груз носильщиков достигал 25 килограммов.

298 Перед отъездом из Англии мы были информированы о необходимости во время подходов надевать для тренировки кислородные маски. Обычно я ухитрялся ранним утром мгновенно ускользнуть, но некоторые, и в особенности Джон, были героически добросовестны. После завтрака, когда солнце начинало припекать во всю, они облачались в маски для подъема на какой-нибудь чудесный холм повыше, «вкалывали» со страшной силой и достигали вершины полумертвыми, купаясь в поту и в ореоле добродетелей. Все были готовы поклясться, что никогда не было так трудно, как в этот последний раз. В данном случае приятная прогулка с вершины гребня, через склоны холмов в кэмберлендском стиле привела нас, не доходя примерно 800 метров до селения, к месторасположению лагеря. После обеда я присоединился к охотникам за бабочками для изнурительной экскурсии через соседний гребень. Далеко впереди облака и туман скрывали манящие нас снежные вершины. Но все же сквозь дымку промелькнули участки внушительного гребня.

На следующий день небо также было покрыто мрачными тучами. Накануне некоторые из нас сожглись, а спина Чарлза Эванса напоминала вареного рака. Мои локти тоже побаливали, однако прогулка в шортах и тенниске, в темных очках и без головного убора всегда была приятна мне. Носильщики двинулись в путь с трудом (по-видимому, в Чиабасе имелся чанг), и мне представилась возможность уточнить наше окружение — сто пятьдесят носильщиков: тридцать шерпов, включая шерпани, пришедшие из Намче три проводника, три командира, каждый из них считался ответственным за пятьдесят носильщиков, и один Хакоман Сингх, вооруженный свистком и тростью.

Путь проходил по гребню, на высоте 2280 метров. Рододендроны, как алое пламя, окаймляли дорогу. Спуск в долину и путь через рисовые поля привели к короткому подъему до Рисинго, приютившегося на обрыве над рекой. В Рисинго есть хорошо известный «гомпа», или храм, вблизи которого мы раскинули лагерь. Я был преиспол-

Путь к Тхьянгбочу

нен уважения к святому месту, однако Тхондуп придерживался другого мнения и, чтобы укрепить навес над кухней, стал забивать кольца и гвозди в стену храма, в то время как шерпани расстилали свои спальные принадлежности на обеих верандах. Как раз когда поспел чай, нас настигла прелюдия надвигающейся грозы в виде ливня камней размером с лесной орех. Отрезвленные этим явлением, мы осмотрели гомпу.

К счастью, к 8 часам дождь прекратился. Следующий переход — до Манга Деорали (2300 м) — проходил под сверкающим солнцем, которое нас быстро высушило. Наиболее сильное впечатление в этот день произвели на нас роскошное купание в ожидании завтрака и последующий длинный и скучный подъем на перевал, откуда мы впервые смогли увидеть по-настоящему лежащий к западу от Эвереста хребет Гауризанкара. Характерной чертой каждой Гималайской экспедиции является контраст наслаждения и тяжелой работы. Джон и Джордж Бенд добросовестно мучились в масках. Когда мы по травянистым склонам подходили к перевалу, то чувствовали, что что-то должно произойти; однако вряд ли мы были готовы к открывшейся нам захватывающей картине гребня, казавшегося таким близким и ясным, как Бернские Альпы из Туна. Сама вершина Гауризанкара возвышалась бастионом слева. Рядом с ней красовалась сверкающая гранитно-ледовая пирамида Менлунгтзе высотой примерно 7300 метров. Далеко справа виднелись гребни Нумбура и Кариолунга, четко выделяющиеся на фоне голубого неба.

Я не могу удержаться от сравнения этих подходов с прошлыми экспедициями через Тибет. Там температура намного ниже нуля, и сильный ветер, несущий по пустынному плато облака пыли, превращал каждый день в тяжелое испытание. В 1953 году, во время нашего перехода через непальские долины, не было ни единого неприятного дня. Каждую ночь большинство из нас спало под открытым небом.

Мы пересекали страну по самому центру, так как реки восточного Непала текут на юг, вливаясь в Сун-Кози и в Арун, в то время как путь к Эвересту проходит почти по направлению на восток. Поэтому, переходя через боковые хребты, нам приходилось без конца подниматься и спускаться. 15-го числа мы спустились примерно до 1220 метров, к Чанавати-Кхола («Кхола» означает, как и «Кози», реку, но меньших размеров). Здесь мы выкупались и позавтракали. Над рекой раскачивался подозрительный с виду цепной мост: деревянные доски, лежащие между V-образными железными прутьями с перилами. Том Стобарт, рвущийся в этот день к фотосъемке, запечатлел этот мост со всех сторон. Подъем отсюда до селения Кирантечап (1340 м) невелик, и мы одолели его к полудню. Лагерь был разбит на террасе вне селения, возле поросшего соснами мыса, возвышающегося над ближайшей к нам рекой Бхота-Кози. Здесь после полудня мы с Джоном лежали и обсуждали отправку первой корреспонденции с подходов. К вечеру, когда порозовели вершины гор, я попытался наконец переписать свой собственный отчет, который отправлял в адрес трех школ.

Бледное золото на снегу начало блекнуть, по мере того как тени ползли вверх, углубляя темноту склонов Мен-лунгце. В лиловом, усыпанном звездами небе вершины стали невидимыми. Однако их присутствие еще долго продолжало чувствоваться.

На следующее утро по крутому спуску мы подошли к Бхота-Кози, большой реке, перекрытой хорошим стальным мостом. Как раз перед этим Джон высмотрел метрах в десяти над дорогой отвесную скалу, и каждый из нас продемонстрировал на ней свое мастерство. С тех пор скалолазание стало излюбленным времяпрепровождением. От реки, преодолев крутой подъем в лесу, мы добрались до небольшой деревушки, ниже которой позавтракали. Здесь любители самоистязания вновь надели свои маски. Среди них не было наших специалистов по кислороду, и я, решив, что они уже достаточно освоились с практикой и избавлены от дальнейших экспериментов, также надел

безропотно свою маску. Ярза, место нашего ночлега, лежит в котловине среди гор, несколько ниже перевала. По другую сторону селения поток под тем же названием прорезает в склоне горы широкое ущелье. После чая мы с Джоном прогуливались вверх-вниз, вдоль чарующего берега, наблюдая за птицами: многочисленными, как всегда, белоголовками, горихвостками, олянками и каменными дроздами. К тому времени носильщики построили укрытия из ветвей. Вокруг двадцати сверкающих в темноте костров виднелись смеющиеся лица. Несмотря на тяжелую работу, носильщики радовались жизни.

Часто выпадала роса, и некоторые из нас лежали в палатке так, что наружу торчала лишь одна голова. 17-го мы вышли при росе, которая сопровождала нас в течение двухчасового подъема к перевалу на высоте 2560 метров. На высшей точке построена «манэ», или молитвенная стена, и «чаутара» (место отдыха). Эти каменные устройства — простые скамейки из плит, вполне подходящие для отдыха с грузом. Они воздвигнуты местными благотворителями, и ни один уважающий себя носильщик не пройдет мимо такого места, не остановившись. Когда имеется много благотворителей и, следовательно, много «чаутара», следующих друг за другом, продвижение становится весьма медленным. Данный «чаутара» был расположен великолепно.

Высоко над рододендронами сверкал хаос высочайших пиков, но над одним из провалов небольшой снежный треугольник приковывал к себе взор — Эверест. Я думаю, что все мы в ту минуту смотрели на него с волнением. Мое впечатление от этой столь дальней поездки было как от полного счастья бродяжничества, не свободного, конечно, от забот, — носильщики и многие другие вопросы были тому виной, — но радостного от повседневной непосредственности. Эверест угрожал мне словно экзамен после школьных каникул — испытание, к которому относиться с опасением, но от которого не откажешься ни за что на свете. Туманное видение, возникшее в грезах и спешно отложенное в сторону вместе с другими мечтами и надеждами! И вот он предо мной! Как он высок! Его вершина подмигивала нам, возвышаясь над всеми более близкими хребтами, которые пытались его спрятать. Он был так далек от мира сего, что сама мысль о восхождении на него казалась столь же бессмысленной, как и святотатственной. Когда мы спускались перед завтраком по залитому солнцем склону, меня не покидала задумчи-

вость. Не правы ли буддисты, считающие Эверест обиталищем богов?

Остаток пути до Тхозе, расположенного на Кимти-Кхола (приток Бхота-Кози), был оживлен зарослями малиновых рододендронов. Тхозе представляет собой большое селение, даже с лавками. На склонах над ним добывается железная руда, и именно тут выделяются виденные нами цепи для мостов. Проходя через деревню, мы могли наблюдать ковку цепей и полос в кустарных кузницах. Лагерь был разбит на травянистой лужайке за деревней.

302 Полтора часа я провел в маске, поднимаясь на очередной перевал высотой 2900 метров. Отсюда начинается страна шерпов.

Мы были теперь в Сола-Кхумбу, на родине шерпов. Из нашего лагеря, раскинувшегося на восхитительной лужайке возле цветущих сливовых деревьев у Чиангма, на 450 метров ниже монастыря, мы спустились следующим утром до Ликху-Кхола. От Чиангма мы смогли увидеть нашу очередную цель — перевал Ламбюра Баньянг высотой 3660 метров, однако, чтобы добраться до него, нам потребовалось полутора суток. Все гималайские долины таковы. Следующий лагерь мы должны были разбить в Сэта, несколько выше по долине; отсюда дорога вилась вверх через широкий, покрытый лесом горный склон, спускающийся с расположенного справа от перевала гребня. Когда мы ранним утром поднялись повыше, стало холодно, и нам, одетым в шорты, пришлось перед завтраком, чтобы как-то согреться, выбивать чечетку до тех пор, пока нас не согрело солнце. Дорога к перевалу долго траверсирует влево через заросли рододендронов, извилистые стебли которых, лишенные листьев, выглядят из-под снега. Картина составила бы прекрасный задний план для фильма Диснея «Дети в лесу». Встречающиеся нам шерпы были одеты в платяя домотканой материи и высокие фетровые сапоги. Мужчины носили косички, женщины закладывали волосы в валики. Встречавшиеся нам до этого непальцы носили индийскую одежду или плотные брюки типа пижамных под длинной курткой.

Я добрался до перевала Ламбюра Баньянг к 11 часам 15 минутам. Одним из достоинств таких переходов является то, что вы можете идти порой в одиночестве, порой в компании любого попавшегося друга.

Мы были в районе Сола, и внизу сквозь сосновый лес проглядывала окаймленная громадной скальной стеной очаровательная долина, которая вполне могла бы быть

и в Кэмберленде. Мы начали спускаться через покрытые ирисами луга, мимо желтого нависающего утеса с выведенной двухметровыми буквами надписью: «Оте тана». Селение Джунбези, которое нравится мне больше всех других, лежит в долине, ведущей к снежному пику Нумбур. Со склонов, сверкающих примулами, мы видели внизу ряды чистеньких домиков из белого камня, деревянные крыши с уложенными на них камнями для защиты от сильных порывов ветра. Это было селение шерпов, в корне отличное по своему характеру от тех, через которые мы ранее проходили. Мы отправились с Чарлзом Эвансом на спасение Тхондупа, который всегда имел свои особые соображения по выбору места для лагеря и ушел метров на 800 дальше, чем надо было, отыскав площадку, абсолютно лишенную воды. Мы вернулись к протекавшему за деревней потоку для ритуального купания.

Джунбези известно своим монастырем и мастерскими изготовления кинжалов «кукри». Монастырь представляет собой красивое квадратное здание с балконами, выходящими во дворик, однако приятный вид испорчен обилием навоза. В монастыре мы с Майклом Уэстмекоттом обнаружили самого большого Будду, которого мне пришлось когда-либо видеть. Забравшись на второй этаж, чтобы осмотреть внушительную библиотеку и кресло Великого Брамина, мы оказались как раз на уровне божественной головы.

После Джунбези еще в большей степени чувствуешь, что находишься в районе Эвереста. Теперь цель стоит перед нами, четкая и неизбежная. На следующий день мы снова увидели вершину, царствующую над своими спутниками и подавляющую на этот раз проходящий на высоте 7600 метров гребень Нупце.

Очередной переход до монастыря Таксиндху должен был вывести нас над Дудх-Кози, вдоль которой нам предстояло затем следовать вплоть до Намче.

Мы пересекли Дудх-Кози по шаткому мосту, приведшему наших шерпов в смятение, и в последующие три дня шли или высоко над рекой, или в ее глубокой теснине. Именно здесь горы начали особенно сильно проявлять свое присутствие. Склон долины сверкал рододендронами и магнолиями, восковыми белыми цветами сантиметров 30 в поперечнике, которые выделялись на склоне, как гроздь звезд. Карабкаясь в небо, на немыслимую высоту, возвышались над нами Кариолунг слева и массив Кангтега справа. Снег лежал на их резко очерченных склонах и ледовых гребнях, на невиданной в Альпах крутизне.

К тому времени Джон начал советоваться, составлять и обсуждать планы как для периода акклиматизации, так и для штурма. Он даже подсчитал вес грузов для высотных лагерей: минимум 45 килограммов для штурмовой палатки под Южной вершиной, 123 килограмма на Южном Седле и 62 килограмма в лагере на стене Лхоцзе. Все эти разговоры велись за чашкой чаю, в то время как мы разглядывали величественные вершины.

Три перехода до Кхарикхола (2010 м), Пуян (2800 м) и Гхат (2620 м) были пройдены в атмосфере растущего возбуждения. Эверест должен был вскоре появиться над нами.

304 Наконец 25-го числа мы поднялись на крутой холм, возвышающийся над слиянием Дудх-Кози и Имья. Вдали возвышался Эверест. Мы завернули за угол, и перед нами открылось в странном буром амфитеатре склона селение Намче-Базар, столица и центр «Шерпландии».

Перед деревней нас встретила почтенная женщина, преподнесшая нам необычного вкуса чай и кристаллический сахар — трогательный жест. Чайник был украшен разноцветной бумагой. Нас окружила дружеская толпа, однако в этот момент мы не смогли заняться осмотром селения, так как разбили лагерь несколько выше, в частности чтобы избежать инфекции.

Наконец мы были среди «наших» гор. Позади нас — Квангде, громадная стена из снега и скал. Справа — красивейшая, по-моему, вершина Тхамзерку — отделившийся представитель массива Кангтега. На протяжении сотен метров взор скользил по кружевным гребням, переходил с одного на другой, словно по гигантской лестнице с острыми как бритва краями; все вместе было увенчано блестящей, как лезвие меча, вершиной. При виде этих гор, как выразился Джордж Бенд, пропадало всякое стремление к победе над ними. Проще было лежать на спине и любоваться ими, не планируя никаких восхождений.

За массивом Кангтега, слева от него, из-за холма, под которым был наш лагерь, выглядывала наиболее поразительная вершина: Ама-Даблам (6750 м). Ее сравнивали неоднократно с зубом, но мне кажется, что она больше походит на клин с отчетливой плоской вершиной и практически отвесными гранями. Она царствует над своим окружением гораздо больше, чем Эверест, который отстоит отсюда на 30 с лишним километров и еще нечетко проглядывается над длинным гребнем Нупце.

Вершина, к склонам которой прижался Намче-Базар, носит название Кхумбила — парящий в высоте скальный

пик, на который в прошлом году Том Бурдиллон пытался взойти. В тот вечер я поднялся в тумане на нижнюю часть его склона, а на следующий день мы шли вокруг него, пока не начали понемногу отклоняться к реке. На этом пути, на живописной лужайке, огражденной стенками из камней, мы были встречены «миссис Да Тенсинг» — женой одного из наших верных шерпов, которая несла кувшины с чангом. Этот чанг был неплох. По вкусу он напоминал нечто среднее между сидром и пахтаньем. Довольно густой, молочного вида, иногда с комками, этот напиток здорово поднимает настроение на разных торжествах. Я заметил, что чанг, преподнесенный нашим носильщикам, был более водянистым. Во всяком случае, подкрепившись, мы во главе с Джоном, восседающим на крошечном, нанятом в монастыре пони, продолжали наш путь к реке, к завтраку и к последнему на ближайшие два месяца купанию (между прочим, весьма холодному).

Тхьянгбоч расположен на вершине длинного гребня, плавно спускающегося к слиянию Имья и Бхоте-Кози. К моему ужасу, во время длинного, 600-метрового утомительного подъема от реки до высоты 3200 метров я начал задыхаться, хотя должен был, бесспорно, чувствовать себя в форме на этой скромной высоте. К счастью, была уйма предлогов для остановки перед просящимися на пленку пейзажами. Наконец вместе с Томом Стобартом и Греггом мы все же добрались до арки со скульптурными украшениями, неожиданно ведущей к ровной лужайке, похожей скорее на место для райского сада, чем для человеческого жилья. Впереди громада Эвереста, и справа от него, как часовой, Ама-Даблам. Слева, из-за совершенно лишнего здесь холма, выглядывал снежный конус Тавече. Перед нами травянистая лужайка, окруженная сосной, древовидным можжевельником и серебристой березой. И сбоку, слева от нее, группа каменных зданий в виде пирамиды с позолоченной эмблемой на вершине гомпы. В одно из этих зданий нас почти втащили два гостеприимных почтенных ламы, после чего мы плюхнулись на подушки и нам был преподнесен европейский чай. Затем мы вышли наружу, чтобы принять участие на фоне идиллической пасторали в разборе кислородных баллонов, консервов и снаряжения.

Мы были в хорошей форме и хорошо питались. И важнее всего, не слишком трудные подходы, согласно плану, позволили нам стать друзьями. Вокруг лагерного костра, под холодными звездами сидели и болтали счастливые люди.

У подножия Эвереста

26 марта — 16 апреля

В Тхьянгбоче

306 Тхьянгбоч — наш первый базовый лагерь — стал одновременно и местом первой разборки грузов. Мы пробыли здесь три дня. Ранние утра были холодными и ясными. Затем набегали все более сгущающиеся клочья тумана.

Многочисленные палатки: красные, оранжевые и желтые — составляли живописный задний план, на фоне которого проходила наша деятельность. Один из дней нашел отражение в моем дневнике:

«Перед завтраком гуляли и видели мускусную кабаргу. Животные почти ручные, так как ламы запрещают убивать живые существа.

Раздали кошки сагибам и шерпам. Занялись их подгонкой. Крепления не совсем удовлетворительны.

Готовил с Джоном корреспонденцию для «Таймса». Составлял карту района акклиматизации.

Помогал Тому проверять кислородные баллоны. 1 час пополудни. Ленч. Лососина с овощами. —

Помогал поднимать стенки палаток для проветривания. 2 часа 45 минут. Отдых. Поднимался 50 минут и чувствовал себя намного лучше вчерашнего. Возвратился в 4 часа. Упаковал запасные ледорубы и дефектные кислородные баллоны.

Чистил зубы в какой-то грязноватой луже. Писал письмо домой. Помогал перетаскивать в большую палатку ящики для устройства сидений.

Вскоре все собрались в палатке, и Джон рассказал о плане акклиматизации».

Я послал в Намче за кузнецом для исправления «дефектных» кошек. На следующий день появился небольшого роста плотный человек, который устроился со своими инструментами в одном из углов поляны. Его оглушительная работа, возможно, послужила причиной последующих поломок. Во всяком случае блестящим умом он не отли-

чался, ибо, например, потратил массу энергии, подгоняя кошки Джорджа Бенда к моим ботинкам. В этот же день нас пригласили посетить монастырь. Наибольшее впечатление здесь производила громадная библиотека. Настоятель Тхьянгбочского монастыря пользуется в буддистском мире почти таким же престижем, как и ронгбукский лама. Некоторые из наших местных шерпов, и среди них здоровенный Анг Норбу, сидели на корточках на полу, в то время как мы разместились на коврах возле окна. Неожиданно появилось громадное блюдо картофеля и превосходных рисовых лепешек. Хоть я только что разжег свою трубку, отказаться я был не в силах.

Каждый из нас с большим или меньшим удовлетворением уже облачился в экспедиционные одежды. Яркие голубые плащи и красные свитеры выглядели почти как форма.

Джордж Бенд ухитрился наладить радио, и, сидя вокруг лагерного костра, мы слушали сообщение о том, что Кембридж выиграл регату. Это была последняя ночь, которую мы могли провести все вместе.

Первая акклиматизационная группа: Чарлз Эванс, Джордж Бенд, Том Бурдиллон и Майкл Уэстмекотт — должна была выйти утром (29-го) к ущелью и перевалам ближайших к нам склонов Ама-Даблам. Том еще не полностью пришел в себя после шока, полученного им, когда он обнаружил, что многие кислородные баллоны текут. Низким, запинаящимся голосом он объявил, что если баллоны основной партии протекают таким же образом, то нечто «довольно сногшибательное» произойдет со всеми планами использования кислорода. Ибо основную партию кислородных баллонов, посланную Альфом Бриджем, должен доставить нам майор войск гурков Д. Робертс в середине апреля. В связи с этим на индийскую радиостанцию был послан гонец с телеграммой. Станцию мы с удивлением обнаружили в Намче, и ее начальник любезно отправил телеграмму. Робертс проверил каждый баллон перед отправкой из Катманду, и все кончилось благополучно.

Для остальной части экспедиции 30-е было днем подготовки к выходу. Должен признаться, что я был рад разделению на группы. Мы представляли собой слишком громоздкий коллектив для истинного общения, для настоящего альпинистского содружества. В то утро большинство из нас для проверки наших УКВ станций поднялось на возвышающийся над лагерем скальный пик высотой 4700 м. Это походило на скалолазание в британских горах с тем лишь исключением, что здесь нам здорово

надоедали многочисленные заросли боярышника и карликового можжевельника. Странное было ощущение — сидеть под солнцем на вершине и переговариваться с лагерем, который на 750 метров ниже выглядел как точка. Наша солнечная ванна была непродолжительной, и мы спустились.

Вторая половина дня была загружена делами до отказа. Джон просил меня заняться продуктами питания для шерпов, и мы с Тенсингом погрузились в бесконечные расчеты. Сколько съедят люди за три недели? Было невозможно точно определить потребность в продуктах для неопределенного числа носильщиков. Далее следовали продукты для нас четверых и для шести шерпов.

Эд задерживался из-за больного горла, однако через день он должен был следовать за нами. Чарлз Уайли, Майк Уорд и я должны были начать разведку в неисследованной долине Шола-Кхола. На первые два дня нам нужно было взять с собой кроме шерпов еще четверых носильщиков. Задача заключалась в том, чтобы нагрузка оказалась разумной: четыре палатки, две кухни с запасом горючего, альпинистское снаряжение, кислород для испытания (две поклажи носильщиков) и, наконец, продукты питания. Посоветовавшись, мы послали шерпов отобрать себе пропитание. Увы, после взвешивания оно одно оказалось по весу равным примерно грузу трех носильщиков. Мы вторично отослали шерпов с указанием уменьшить вес, доведя его до 800 граммов в день на человека. Мы так и не смогли подвести окончательный весовой баланс до утра, так как теперь еще прибавились палатки и наши личные вещи. В конце концов список наших припасов на восьмидневный поход в горах выглядел приблизительно следующим образом:

Кухни	— 13 килограммов
Питание шерпов	— 29 »
4 палатки	— 18 »
Кислородные аппараты и т. д.	— 24 килограмма
3 кислородных баллона	— 29 килограммов
Питание	— 49 »
<hr/>	
Итого...	162 килограмма

В качестве эксперимента, касающегося всех, в питание были включены двухдневные высотные рационы. В дополнение к списку у нас были керосин, надувные матрацы, спальные мешки, личное снаряжение и всякая вся-

чина: высотомер, компас, глетчерная мазь, бинокли, незапотевающие очки-консервы, спички, свечи, фонари, электрофонарики, сигареты для шерпов, камеры с запахом пленки, 8 карабинов и 95 метров нейлоновой веревки.

Восхождения к западу от Эвереста

К моменту выхода оказалось, что на шерпов, к их явному неудовольствию, приходится по 28 килограммов груза; носильщики, включая шерпани, несли по столько же, и, наконец, мы сами — по 16 — 20 килограммов.

30-го числа в 8.15 мы тронулись в путь, сначала под гору через лес со свисающими бородами лишайников, затем вдоль теснины Имья, над которой возвышалась громада Ама-Даблама. В первом же селении, Пангбоче, мы обнаружили Джорджа Лоу и Грега. Они основательно застряли и пришли к решению нанять еще носильщиков, так как нагрузка в их группе не уступала нашей. Джон, их лидер, ушел далеко вперед. С некоторым облегчением мы последовали примеру товарищей. Благодаря Тенсингу была поднята на ноги вся деревня, и мы смогли нанять еще носильщиков. Через полчаса каждая из групп выходила с двумя сверхштатными носильщиками. Со скрытым злорадством мы вспоминали о Джоне, который где-то все еще тащил свои 20 килограммов. При слиянии Шола-Кхола и Имья мы остановились подкрепиться и полюбоваться Ама-Дабламом, который отсюда выглядел четко очерченной пирамидой, высоко парящей в голубом небе.

Здесь наши пути расходились; группа Джона двинулась вдоль Имья, мы же повернули влево, вверх по течению бешено мчащейся Шола-Кхола (между собой мы называли ее Кока-Колой). Мы провели эту ночь на плоском дне долины у самых стен скотоводческой деревушки Фалонг Карпо (4450 м). Дорога к Эвересту отсюда идет точно вверх, вдоль потока Кхумбу. Наш путь лежал левее, к верховьям самой Шола-Кхола. Для ориентировки мы с Майком влезли на каменистый склон холма. Я сильно задыхался, что мне отнюдь не нравилось. На этом этапе акклиматизации тратишь массу времени на то, чтобы сравнивать, насколько ты задыхаешься по сравнению со своими товарищами. Если читатель смог что-либо почерпнуть из моего рассказа, то это скорее всего представление о том, как много времени у альпиниста отнимают подобные тривиальные заботы: надежды на завтрашний день,

Пунктиром показаны пути акклиматизационных походов

заботы об оцарапанных пальцах, затрудненное дыхание и в первую очередь еда. Возможно, это не должно быть так, однако мы так устроены.

Окружающая нас картина производила сильное впечатление. Мы почти обошли кругом Тавече (6500 м), который отсюда представлялся как колоссальный снежный конус на скальном основании. Справа от него, почти на такую же высоту, вздымался еще более фантастический пик, падающий отвесной километровой стеной в нашу долину. Местные жители называли его Арканье. Вправо вытянулся ряд скальных вершин, прозванных нами (слева направо) пик Гаспар, Горб, Острокопечный пик, Близнецы. Еще правее выделялся мощный массив с главной вершиной, известной под именем Ави. Больше всего нас поразило отсутствие снега на всех этих вершинах. Солнце припекало, и горы в верховьях долины стояли словно опаленные, и вся местность больше напоминала Тироль в за-

сушливом августе, чем Гималаи в апреле. Мы отметили Остроконечный пик как возможный объект восхождения и спустились.

На следующий день мы собирались покинуть проторенную дорогу и дойти до неисследованных верховьев ущелья. Путь был очевидным, и к тому же мы прослышали о некоем вышележащем озере, возле которого шерпу Ангтхаркею приходилось в детстве пасти овец. Действительно, мы добрались до озера, замерзшая поверхность которого скрипела и трещала, как плохой пол. Далее дорога явно вела через луга и покрытые валунами плоские участки по направлению к Остроконечному пику.

Фактически мы заночевали чуть ниже языка ледника, спадающего справа от Остроконечного пика, на высоте, пожалуй, 4900 метров. Мы устроились за громадным валуном (первовосхождение на который было совершено шерпом Гомпу), однако укрыться от ветра было невозможно, и, когда солнце село, стало очень холодно. Несмотря на это, четыре шерпани, к великому удовольствию шерпов, решили остаться. Остальные два носильщика ушли вниз. Таким образом, в две палатки «Мид» набилось девять человек, залезших по двое в спальные мешки. Как они ухитрились готовить пищу, было совершенно непонятно. Мы с удовольствием съели хороший бифштекс с вареной «тзампой». Всем нравилась эта мучнистая поджаренная ячменная каша как великолепный гарнир к жареному мясу и особенно как добавление к чаю. Чарльз изрядно дожимала здесь головная боль, и он глотал аспирин. На высотах от 4600 до 5200 метров многие так или иначе страдают от горной болезни. Целью наших исследований было как раз преодоление подобной слабости и «акклиматизация» перед Базовым лагерем. На мне влияние высоты сказывалось больше всего в сухости горла, вероятно, потому, что нос, подверженный катару, был заложен и в течение ночи я вынужден был вдыхать пыльный воздух через рот. Весь следующий день я поглощал таблетки, и мне удавалось сохранить статус-кво.

Мы хотели достичь перевала, который вывел бы нас из ущелья, а также разыскать перевал, на котором в 1951 году побывали Том Бурдиллон и Майк Уорд. Они поднялись тогда со стороны Нгожумбо и смотрели вниз, на нашу Шола-Кхола, но спуститься не смогли. Второй нашей задачей было испытание кислородных аппаратов.

Чарльз и Майк надели кислородные маски, и начало ледника было пройдено за 40 минут. Я порядком задыхался, однако был все же в состоянии выдержать темп,

думаю, к легкой досаде своих товарищей. Затем мы связались с шерпами и надели кошки. После крутого взлета ледника с удивлением обнаружили, что склон выполаживается и почти горизонтальный путь приводит к перевалу как раз справа от Остроконечного пика. Последний со стороны Шола-Кхола был скальным. Отсюда, с перевала, он предстал нашим взорам великолепным ледяным гребнем. Было только 10.40, а мы еще не нашли «перевал Майка», который, по нашим догадкам, должен был находиться еще правее, за пиком Ближнецов. Ледник в этом месте плавно поворачивал вдоль подножия пика. В 11.05 мы остановились, и я надел кислородный аппарат открытого типа. «Надеть аппарат» кажется просто, однако это нудное занятие, которое нам доводилось испытать впервые. Здоровенный баллон должен быть втиснут всеми правдами и неправдами в станок, затем надо подогнать гайки, надеть маску и взвалить аппарат на спину. Включаете кислород, и все выглядит иначе, словно между вами и окружающей обстановкой прокралось каким-то образом божество, убеждающее вас, что жизнь все-таки хороша. Одно из проявлений такого эффекта, которое мы все почувствовали даже на этой значительной высоте, заключалось в том, что мы стали способны наслаждаться окружающей панорамой. Вместо того чтобы двигаться тяжело дыша, со взором, прикованным к земле, мы шли, восхищаясь сказочными видами. Мир уже виделся в розовом, а не в уныло-сером свете.

Обогнув угол, мы увидели менее чем в километре от нас небольшой скальный перевал, венчающий длинное снежное поле. Кислородные установки были выключены и свалены в кучу, после чего мы с трудом поплелись по почти горизонтальному склону. Еще несколько десятков тошнотворных метров по осыпи, где с каждым шагом вверх мы сползали с камнями на два шага вниз, и наконец мы на перевале. Майк без колебания признал его как «свой». У наших ног лежала неизвестная долина, названная позже Чугима, а за ней стена; за стеной стояли горы, над которыми, прямо за Гуанара, царствовал широкий массив Чо-Ойу.

Это был первый взгляд, брошенный во многие неизвестные ущелья и на многие безымянные вершины; перед нами лежало такое богатство, с которым до этого почастиливалось познакомиться лишь экспедиции Эрика Шиптона. Для меня это был мир новых форм, так как, с тех пор как я в детстве лепил из пластилина Уэльские горы, основным в горах для меня всегда была форма.

Непальские вершины представляли собой богатый, простирающийся до бесконечности хаос подобных точеных, кованых и фантастически связанных между собой моделей; при этом у путешественника возникало смутное чувство, что один из образов властвовал над всеми: Эверест маячил, словно чудовище, над любым гребнем. В течение этих трех недель он всегда был с нами, неизбежный как судьба. Казалось, что его материальная сущность притягивала наши взоры, так же как мысли о нем определяли наши разговоры.

Было 12.30, и высота перевала была около 5650 м. Спускаясь по снежному склону, я с ужасом заметил, что у меня одна из новых, с фирменным клеймом кошек сломалась и болтается. Так как Гомпу уже сломал одну кошку, я начал не на шутку беспокоиться. Действительно, это оказалось началом «великого кошечного кризиса», который угнетал нас в течение всей экспедиции.

313

В лагерь мы вернулись к 3.30. Когда поспел чай, появился Эд в сопровождении Да Намгяла. Горло Эда еще немного болело, однако это не мешало ему, приводя в восхищение зрителей, двигаться гигантскими шагами. На следующий день трое из нас решили попробовать свои силы на Остроконечном пике, а Эд заявил, что он перетаскивает наш лагерь на первый перевал (примерно 5430 м). Он должен был использовать кислородный аппарат одного типа, а мы — другого. Все по плану. Прямо от перевала начинался крутой снежно-ледовый гребень. В некоторых местах, несмотря на наличие кошек, пришлось рубить ступени. Я попробовал заняться этим в маске, и, к моему удивлению, это оказалось даже приятным делом. Вскоре по мере нашего подъема Эверест начал выглядывать из-за скрывавшего его Ави. Вершина, не загороженная на этот раз Нупце, предстала перед нами в новом облике. Справа возвышался Макалу (8476 м) — громадная пирамида, по своей форме удивительно похожая на своего более высокого брата.

К вершине (5850 м) мы подобрались по предательскому скальному гребню. Было лишь 11.30, три четверти часа мы провели, наслаждаясь самым, пожалуй, красивым за все время экспедиции видом. В этот ясный апрельский день все главные вершины выстроились перед нами, мрачные и непреклонные: Нумбур, массив Гауризанкара, Чо-Ойу, Гьячунг Канг, Чангце, или Северный пик, Эверест, Нупце и Лхоцзе, Макалу, Чамланг.

Ниже нас, на перевале, мы увидели Эда, перетаскивающего лагерь. Спускались вниз не спеша, весьма до-

вольные Остроконечным пиком. Позднее мы перекрестили его в пик Лхакпа в честь сына Чарлза Уайли — Яна, который родился в среду (среда по-шерпски — «лхакпа»). Перед самым перевалом Майк внезапно остановился и указал на что-то пальцем. Как раз перед нами, по другую сторону новооткрытой долины Чугима, стояли две вершины, левая из которых представляла собой изумительный по красоте ледовый пик. По правому гребню просматривался возможный путь. А что, если мы пересечем ущелье, сделаем восхождение и затем спустимся вдоль реки, которая, несомненно, должна где-то ниже вливаться в Дудх-Кози? Эд охотно согласился и начал разрабатывать путь спуска по глинистому склону ниже перевала. Тем временем, однако, нам пришлось подтянуть пояса потуже. Кажется, я уже упоминал, что мы взяли всего по два штурмовых пайка. По плану предполагалось проверить в качестве эксперимента, можем ли мы и шерпы прожить лишь на этих пайках. Привожу содержание пайка на один человеко-день:

400 г сахара

1 пачка пеммикана Боврил (для супа)

56 г сыра

2 пачки печени (одна из них — сладкого)

1 пачка конфет

1 пачка грейпнатс ¹

чай, кофе, маленькая пачка овсянки для добавления в суп

1 пачка молока в порошке

1 пятидесятиграммовая плитка кекса или шоколада, или фрубикса, или прессованных бананов

1 пакет апельсинового или лимонного напитка в порошке.

Эти пайки были тщательно упакованы в облицованных фольгой картонных ящиках. Однако нужно учитывать, что для человека, возвращающегося в лагерь с волчьим аппетитом, такой паек не может служить сытным обедом, в особенности если вы принадлежите к тем, чей желудок не выносит пеммикана или грейпнатс. Мне повезло, что я к такому не относился. Итак, мы тихонько вздохнули и уселись поглощать суп и сыр. Четверых шерпов отослали обратно с кислородом в наш последний лагерь; они должны были вернуться на следующий день и поднести нам

¹ Хлебные изделия в виде маленьких шариков, похожие на кукурузные хлопья.— *Примеч. пер.*

грузы в лагерь, организованный возможно выше на Канг-Чо (так назывался, как мы позднее узнали, наш новый пик); двоих же предполагалось направить обратно с кислородом через Шола-Кхола вплоть до Тхъянбоча.

Мы с Эдом заняли одну палатку и погрузились в дискуссию по великой проблеме: как убить время на большой высоте? Он провозгласил лозунг: «Битва со скукой». Моя методика, весьма простая, заключалась в чтении романа, предпочтительно длинного. Одной из приятных, предстоящих нам в этот период задач было более глубокое познание друг друга, и в данном случае я принялся изучать Эда, его прямую, лобовую атаку любой задачи, его неутомимую энергию, его веселый низкий смех и чувство юмора, его верность в дружбе.

315

На следующее утро простуда дала себя знать. Я был как в тумане, нос оставался всю ночь заложенным и казался комком свинца. Майк и Чарлз мучились головной болью, а Эд — расстройством желудка после употребления пеммикана. Бедный Эд! В следующие два дня, несмотря на тяжелую работу при восхождении, он почти ничего не ел; он жил, казалось, на одном лимонном порошке с большим количеством сахара.

Такая нетвердая на ногах группа с нетерпением ожидала возвращения четырех шерпов. Было уже 10 часов 15 минут, когда мы начали спуск по ужасающему глинистому склону, ведущему к двум озеркам, приютившимся среди каменных глыб морены. Здесь мы с великим сожалением оставили под скалой наши консервы и повернули направо, вверх по каменистому ущелью. Нашей целью была площадка для бивака, расположенная в спускающейся с ледника ложбине. По этому леднику можно было подняться на снежный перевал между Канг-Чо и его соседом справа. Мы нашли подходящую площадку чуть ниже языка ледника и разбили бивак на скалах, рядом с которыми протекал ручей.

Утро 4 апреля было хорошим, хотя падал легкий снежок; ночь я проспал неплохо. Мы попрощались с Нимми и Анг Дава II (уходящими, чтобы собрать кислородные аппараты) и двинулись в путь в 7.30. Благословенные Гималаи! Здесь не надо вставать в 2 часа ночи, как в Альпах. Не успели мы ступить на ледник, как Чарлз сломал кошку. С ума можно сойти! Теперь ему, так же как и мне и Гомпу, пришлось идти весь день на полуторах кошках.

Перевал мы достигли в 8.20. Все мысли о пике, возвышающемся справа, исчезли, однако гребень Канг-Чо,

видимый теперь вплотную, выглядел приемлемым: лед, крутой взлет на предвершинное плечо и оттуда пологий гребень, ведущий к самой вершине, лишь грибообразный ледовый жандарм на пути мог причинить неприятности.

Эд, Да Намгиал, Анг Дава и я шли в первой связке. Эд рубил ступени на крутом, идущем от перевала склоне. Мы шли в кошках, и я подумал, что расстояние между ступенями слишком велико.

О шерпах Эд проявлял большую заботу. После участка скального лазанья сменили ведущего, на что Эд великодушно согласился. Вскоре нам пришлось идти вплотную к гребню в любопытном ледовом образовании ячеистой формы. Порой такая структура нам здорово помогала; в некоторых особо крутых местах, вместо того, чтобы рубить ступени, я мог просто поставить ногу в ячейку, а вместо зацепки — хвататься за выступающую часть. Подъем был крутым. С обеих сторон склоны весьма эффектно обрывались в бездну, и шерпам было не по себе, однако сам гребень, казалось мне, был уютным и безопасным.

К полудню мы добрались до плеча; Шепелай и Анг Дава I решили тут остаться. Последний рассказал нам позже, что в 1952 году он попал в аварию и это лишило его уверенности. Майк, Чарлз и Гомпу вышли вперед, однако перед ледовым жандармом они остановились. Жандарм можно было явно обойти слева по большой ячеистой ледяной плите. Они атаковали ее, но, пожалуй, слишком высоко. Эд, усмотрев путь несколько ниже, стал с невероятной скоростью траверсировать. Однако и этот путь оказался сложным. А я внезапно открыл еще один путь между двумя предшествующими — по диагональной полке с ячеистой структурой, по которой, слегка помогая ледорубом, можно было пройти. Это оказалось правильным решением. Вскоре я стоял на гребне по ту сторону жандарма; между мной и вершиной, расположенной метров на сто выше, не было препятствий, за исключением возможных трещин. Трещина действительно оказалась, и Эд ее блестяще преодолел по весьма хрупкому на вид мостику. Я вспоминаю, что к этому времени мы все пыхтели как паровозы. По-видимому, мы не были еще полностью акклиматизированы. Мне все время казалось, что я иду слишком медленно; в действительности я чувствовал себя неплохо. Бывают моменты, когда каждый страстно стремится обскákat своих товарищей.

В 1 час дня мы были на снежной вершине, высоту которой оценили в 6190 м. Отсюда открывался изумитель-

ный вид на ледник Гуанара. Мы проглотили мятные кексы, а некоторые, особо отважные, попробовали и «фру-бикс». Однако в основном все хотели пить; вода с лимоном и сахаром была куда лучше всякого вина. Оба шерпа — Да Намгиал и Гомпу, семнадцатилетний ординарец Майка, «толстый парень» экспедиции, — проявили себя при восхождении великолепно.

Посматривая вниз, Эверест и Макалу следили за нами. Но уже начал появляться послеобеденный туман, пора было спускаться. Забрав по дороге двух шерпов, отдыхающих у плеча, мы, вместо того, чтобы свернуть налево, выбрали путь по ребру, ведущему ближе к нашему лагерю и на вид несложному. Обогнув укутанный туманом мыс, вышли на ледовое ребро. Прошедший месяц был такой сухой, что снег с ребра сошел полностью; более того, лежащий под ним лед весь покрылся морщинами и гигантскими ячейками, похожими на кальгоспоры, их еще называют «кающиеся грешники». Передвижение по такому рельефу могло довести до отчаяния, особенно когда идешь на половине кошки. В тумане склон, казалось, уходил в бесконечность. Помню, как Чарлз сказал: «У меня такое впечатление, что я иду во сне».

В конце концов мы спустились. Внизу виднелись палатки. На каменистом грунте мы сняли кошки. Дальше, дальше, катясь и скользя, умирая от жажды, мы преодолели последние сотни метров. В 3.30, достигнув лагеря, выпили бесконечное количество чая и лимонного напитка. Затем, удовлетворенные, залезли в спальные мешки и занялись болтовней; истории о восхождениях, об альпинистах, которые можно рассказывать без конца и с одинаковым успехом в любых экспедициях. В этом одна из наиболее приятных особенностей путешествия. Эд захватил мое внимание рассказами о прошлогодней экспедиции. Когда стемнело, все медленно погрузилось в сон, мечтая о блюдах, которые завтра будем поглощать.

Утром, забрав оставленные нами консервы, мы, довольные, помчались вниз по неизведанной долине¹, обсуждая на ходу в чисто академическом плане возможность восхождения на соседа справа — Канг-Чо. Вскоре, миновав зону моренных камней, очутились на зеленых лужайках, которые, честно говоря, весьма располагают путника к отдыху. Мы наслаждались величайшей прелестью Гималайского горовосхождения: небольшой группой исследовали новую страну в окружении самой величест-

¹ Чугима.

венной в мире природы. Мы только что победили неизвестную вершину и спускаемся по не показанной на картах долине. Здесь была богатая пища для разговоров, для уточнения, для расспроса наших верных товарищей — шерпов. Более того, мы чувствовали большое удовлетворение от выполнения долга по отношению к экспедиции; прошли акклиматизацию и пополнили наши знания в части применения кислорода и особенностей питания.

Наконец мы достигли крутого травянистого склона над слиянием нашей долины с Дудх-Кузи и обошли слева обрывистый берег ее теснины.

318 Наиболее запомнившимся мне событием этого дня было блюдо картофеля, накопанного нами в поле, где мы разбили лагерь. Это была первая свежая пища за неделю; некоторые из нас питались в эти дни неважно, и я никогда ранее не ел и не видел, чтобы съедали столько картофеля в один присест. Эд, кто в сущности голодал, раздулся на глазах.

Лежа в палатках в обычной одежде, мы не ощущали холода. Когда пришла вечерняя прохлада, я вытащил пижаму и просто накинул ее на одежду, снова сняв, когда укладывался спать.

Следующий день, 6-го, при отличной погоде мы продолжали наш путь вниз, к селению Порче, спустились к Имья и одолели последний крутой подъем к Тхьянгбочу. Около 1 часа дня мы слушали отчет о том, как другие группы путешествовали вокруг Ама-Даблама и Лхоцзе. Вершина Эвереста еще раз бросила нам вызов, выглянув из-за длинной стены Нупцзе.

Эти дни в Тхьянгбоче, занятый работой, я чувствовал себя действительно счастливым. Я чинил ботинки, у которых резиновая подметка отстала от кожаной подошвы, благословляя при этом шурупы — лучшего друга неопытного сапожника. Помимо этого, было много работы по упаковке, а также по подготовке снаряжения для нашего ближайшего выхода. Кое-что должно было остаться в Тхьянгбоче, никому уже не нужно было возвращаться туда, за исключением группы Чарлза Эванса, которая должна была встретиться там с Джимми Робертсом и принять от него основной запас кислородных аппаратов. Эд Хиллари, оба Джорджа (Бенд и Лоу), а также Майкл Уэстмекотт должны были начать обработку Эверестского ледопада. Джону, Майку, Уорду, Тому Бурдиллону и мне надлежало исследовать вершины в верховьях ледника Имья, испытывая кислородные аппараты открытого и замкну-

того типа. Затем мы должны были пройти на ледник Кхумбу через перевал, соединяющий его с рекой Имья. Взятый нами груз выглядел следующим образом:

пирамидальная палатка	— 10,2 килограмма	
2 палатки «Мид»	— 11,5	»
1 малая американская палатка «Джерри»	— 3,6	»
2 нагревательных прибора	— 12,7	»
6,8 литра керосина	— 4,9	»
продукты питания на 7 дней на 10 человек, по 1,25 кг в день	— 87	килограммов
кислород (включая и аппараты замкнутого типа для тренировки)	— 152	килограмма
веревки	— 4,1	»
личные вещи (по 12,3 кг на каждого)	— 123	»

Итого... 409 килограммов

319

Это было немало. На этот раз мы были более предусмотрительными и взяли с собой 10 носильщиков из расчета по 25 килограммов на каждого (в действительности пришлось побольше). Шести шерпам приходилось нести по 20 килограммов.

Дни, проведенные на ледниках Имья и Кхумбу

Мне не хотелось отнимать у читателя время, излагая дневник нашего второго пребывания в Сола-Кхумбу; для большинства смертных одна гора ничем не отличается от другой, и вновь мы услышали бы протесты: «Когда же доберемся до Эвереста?»

Вот вкратце, что с нами произошло: одна группа — Хиллари, Бенд, Лоу и Уэстмекотт — вышла 9 апреля и в сопровождении Пью, Стобарта, шерпов и более 30 носильщиков направилась прямо к Эвересту. Об их работе на ледопаде будет сказано подробно дальше. У второй группы — Эванса, Грегори, Уайли и Тенсинга — основной задачей была тренировка отобранных шерпов в при-

менении кислородных аппаратов. Члены этой группы исследовали ледники, спускающиеся с Лхоцзе в бассейн Имья, и взошли на Айленд пик (6100 м) — ледовый клык, возвышающийся на полпути. Они вернулись в Тхьянбоч, забрали наш багаж и основной запас кислорода и ушли вместе с Робертсом. Наконец, Джон Хант, Бурдиллон, Уорд и я поднялись до самых верховьев ледника Имья. Мы пытались добраться до снежного перевала к северу от Ама-Даблама. На леднике под этим перевалом двое из нас надели аппараты открытого типа и шли с ними пять с половиной часов. Затем, применяя под руководством Тома аппараты с замкнутой циркуляцией, мы взошли за два дня на скальную вершину Амбюгиябьен (6000 м), расположенную к западу от Ама-Даблама. Спустившись к Чукхунг, мы перешли затем через высокий перевал, ведущий из долины Имья в долину Кхумбу. Этот перевал «для яков» (5500 м) позволял подойти вплотную к хребту Покальде (6100 м) и спуститься далее к Кхумбу. 16 апреля мы поднялись к озеру, вклинившемуся между склоном и мореной, туда, где швейцарцы в прошлом году организовали свой базовый лагерь.

Изложив схему наших передвижений, я вправе теперь отойти от этой темы и вместо нее предложить некоторые беглые зарисовки. Считайте, что коллектив твердо и неуклонно проводит в жизнь запланированную программу тренировок, и позвольте немного разгуляться воображению, останавливаясь на некоторых подробностях нашей повседневной жизни, на некоторых мыслях, фоном для которых все еще по-прежнему служит резко очерченная черная пирамида, владеющая нами так же, как она царствует над окружающими вершинами.

Приготовление пищи. Четверо из нас разбили лагерь на высоте примерно 4900 м, на покрытой снегом песчаной площадке. Установлены две палатки «Мид». Я готовил в этот вечер ужин, поставив примус перед входом под нейлоновым тентом, растянутым между моей палаткой и палаткой Джона. Эти нагревательные устройства представляют собой сконструированную Ч. Куком модифицированную модель обычного примуса. Три кастрюли входят одна в другую, несколько экранов, окружающих кухню, защищают ее от ветра. Так как вход в палатку «Мид» имеет форму круглого рукава, приготовление обеда связано со стоянием на коленях в неподвижной позе. Чай был вскипячен вполне успешно, но, увы, к посрамлению моего поварского искусства, все окончилось опрокидыванием кастрюли. Далее следовал ужин: суп в одной кастрюле,

куски свинины с морковью в другой, консервированный кекс на десерт и, наконец, кофе. Ну как? Неплохо, если не обращать внимания на привычное ворчание в связи с индивидуальными и коллективными капризами. Когда грелся кофе, примус как раз не вовремя «сдох». Моя вина! Джон самоотверженно взял на себя нудную работу по его заправке.

В маленькой палатке совсем не легко установить, где что находится: например, в нашей на надувных матрацах, занимающих большую часть палатки, лежат спальные мешки; все остальное распихано по краям и образует небольшой хаос из сухарей, консервных банок, книг, дневников, пижам, рюкзаков, карандашей, деталей к кислородным аппаратам, свитеров и пр. То и дело возникает волнующее кладоискательство: «Куда делся денатурат?...»

Амбьюгиабьен — 12 апреля

Мы медленно поднимались мимо громадных, пышущих жаром валунов. Местность напоминала вершину Глайдер Феч в Северном Уэльсе. На мне был аппарат закрытого типа. Поскольку он был у нас единственным, мы передавали его друг другу через каждые полчаса. Наконец я от него освободился. На высоте более 5800 метров мы дышали неровно и с большим трудом. Белые скалы сверкали на солнце. Внезапно все скалы перед нами исчезли. Мы стояли рядом с небольшим туром и, наклонившись, с благоговейным трепетом заглядывали вниз, в немыслимую бездну. Вершина Амбьюгиабьен обрывается ужасающей пропастью прямо к зеленеющим полутора километрами ниже пастбищам Дингбоча. Внезапностью своего появления вершина производит сильнейшее впечатление.

И какую же еще лучшую вершину можно пожелать в апрельский вечер? Не торопясь, как полагается на высоте, мы сняли рюкзаки, распределили еду и устроились поудобнее в ближайших каменных креслах. Затем, также не торопясь, чтобы продлить удовольствие, стали пережевывать пищу, указывая друг другу ледорубами на ту или иную вершину. Майк обратил мое внимание на местность, где проходила экспедиция 1951 года, показывал мне Нуп Ла и громадины Чо-Ойу и Кьянчунг Канг. Затем мы обратили наши взоры на юг, к величественным снежным пикам Нумбура. У наших ног темными пятнами выделялись картофельные поля селения Дингбоч, и, следуя

вверх по долине, глаз начинал карабкаться, преодолевая одну скальную стену за другой. Все выше и выше — и вот уже скалы начинают кутаться в плотный снег. Еще выше — появляется лед в виде мощных полос и желобов, сверкающих на фоне черных вертикальных скал, и, наконец, венчает все снежная шапка. Оттуда вниз на 1000 м смотрит прямо на нас, нахмурившись, как нам кажется, и наводит ужас огромная снежная голова Ама-Даблам; она страшит и в то же время неудержимо влечет к себе.

Ослепленный солнцем, я повернулся в другую сторону, к той точке, которая неизменно притягивала наши взоры так же сильно, как север стрелку компаса.

322

Громада Эвереста, поднимающаяся над высокой стеной Лхоцзе — Нупцзе, отсюда видна еще лучше. Квадратная, темная, покрытая пятнами снега вершина похожа на великана, вылезающего из сказочной ванны. Эверест, когда на него смотришь отсюда, производит впечатление притаившегося, но всегда присутствующего гиганта. Он всегда здесь, всегда вопрошает, и, даже когда мы загораем на солнышке, радуясь обычному походному дню, он с силой воздействует, заставляет думать все время о предстоящей битве.

Йети. В нашем лагере, у Имья, мне «пришлось иметь дело» с «ужасным снежным человеком». Шерпы в это время прибыли в лагерь, Джон со мной рядом в палатке строил какие-то письма или составлял отчет, работая, как всегда, весьма деловито. Поздно вечером, при свете фонарика или свечи, которую ему удалось где-то взять, он писал с характерной для него интенсивностью. Заглушенный стеной палатки, откуда-то из нижней части долины до нас донесся свист. Вскоре свист повторился.

— Интересно, что это такое?

— Должно быть, это шерпы Чарлза Эванса. Они остановились под Айленд пиком и пришли за керосином, однако что-то очень поздно.

— Может быть, пойдем посмотрим?

— Наши ребята должны были услышать. Пусть сами разбираются. И на этом мы перестали думать о случившемся, занявшись своими делами.

Спустя полчаса Гяльен просунул нос в палатку, спрашивая об ужине. «Пришли ли шерпы? Те, которые свистели?» — «Однако никто не слышал свиста», — ответил он. — На что он был похож? Наше описание привело его в сильное возбуждение: «Это был Йети, сагиб!»

На следующий день снег, покрывавший морену, стоял, и следов не было видно. Если бы мы, услышав свист, сразу

вышли, мы, возможно, могли бы взглянуть на таинственного обитателя морен и ледников. А может быть, и нет; может быть, и к лучшему, что он остался в тайне, которой он вполне достоин.

Покальде (6100 м) — апрель 15-го

Покальде — это попавшая в Гималаи вершина альпийских масштабов. Взлет переходящего в скалы снежного ребра становится порой столь же чистым и ясным, как юго-западный гребень Менш в Швейцарии. Вершина безудержно манит к себе с высокого перевала «для яков», соединяющего ледники Кхумбу и Имья.

Из лагеря под перевалом сагибы двинулись в путь; к несчастью, мы взяли слишком влево и со стыдом наблюдали, как шерпы, вышедшие намного позже нас, спокойно поднимались на перевал тотчас же после того, как мы выползли туда бездыханными. Это было неровное, каменистое седло, и для яков, по-видимому, подъем был крутоват. Здесь Джон заявил, что он должен идти вниз: дышать ему было трудно. Согласно последующему диагнозу Майка, это начинался плеврит. В сопровождении шерпов он направился к Кхумбу, в то время как Майк, Том и я при виде сметаемых ветром с гребня и резко выделяющихся на фоне голубого неба снежных вихрей начали натягивать на себя дополнительную одежду.

Это был приятный в альпийском смысле гребень. Снежная гряда, пара выветрившихся скальных жандармов и крутой взлет по гранитным осколкам приводили к острой вершине. Эверест и Макалу возвышались над облаками, словно два громадных собачьих зуба, два «лишних клыка» в пасти земли, как выразился когда-то Меллори. Мрачные желто-бурые вершины, казалось, стряхнули с себя зимний снег.

В лагере на леднике Кхумбу, спустившись на 1670 м, мы почувствовали, что находимся наконец в вотчине Эвереста. Джону было гораздо лучше. На следующий день нам предстоял путь через ледник к озеру, где у швейцарцев был Базовый лагерь, а еще через день — ответ на тревожащий всех главный вопрос: что произойдет на ледопаде?

Наконец ледопад!

16—23 апреля

Первое посещение Базового лагеря

324 Для тех, кто не читал книг об Эвересте, я должен пояснить здесь, что мы были четвертой экспедицией, пытающейся штурмовать вершину, подходя по ведущему к ледопаду леднику Кхумбу. Первые семь британских экспедиций, начиная с 1921 года, проходили через Тибетское плато и поднимались по северным склонам. В 1949 году Непал, до этого недоступный, открыл свою территорию для экспедиций. В 1951 году группа Эрика Шиптона произвела успешную разведку ледопада и наметила путь вверх по стене Лхоцзе,—путь, по которому в 1952 году швейцарцы произвели две попытки штурма. Этот маршрут, естественно, не повторял пути предшествующих экспедиций; общая точка с ними могла быть лишь на самой вершине.

Итак, мы находились на берегу озера, на месте Базового лагеря швейцарцев и на один переход ниже нашего Базового лагеря (лагерь I швейцарской экспедиции).

Мы установили палатки в нишах скальной стены, защищающих нас от холодного ветра, который дул иногда от озера в проход между мореной и склоном.

Забравшись на морену, окаймляющую озеро с востока, можно было составить себе верное представление о долине, по которой мы приближались к Эвересту. Прямо под ледником Кхумбу высилась доходящая до Покальде вереница зубчатых пиков, сателлитов Нупцзе. Позади виднелись иглы Кангтега, а справа — массив Ави. Но взор, бегущий вдоль хребта Покальде, внезапно останавливался, пораженный видом фантастической стены, достойной сказок «Тысячи и одной ночи». До этих пор мы рассматривали Нупцзе на всем ее протяжении как барьер, из-за которого выглядывал Эверест. Теперь нам открылась крутизна стены. Начинаясь небольшими башнями и ребрами, стена переходила в устрашающий взлет. По-

давяя все окружающее, вершина вздымалась столь круто, что даже крепчайший гималайский лед не в силах был на ней удержаться. А цвет! Основные скалы — гранит бледно-кремового цвета. Они выглядят так, словно какой-то легкомысленный великан схватил кисть и с буйной фантазией начал малевать на черном известняке. Часто это выглядело как большое пятно, от которого жилки белого цвета убегали на сотни метров наподобие суживающихся вен. А выше всего, на фоне неба, ненадежно цеплялась узкая полоска снега, похожая на сахарную глазурь на куске кекса.

Я задерживал ваше внимание на Нупцзе, ибо среди множества эффектных пиков она, как наиболее благородная из всех, произвела на меня самое сильное впечатление. Позади ее более низких ледовых отвесов Западное плечо Эвереста выглядело как округлый снежный бугор. Никакого намека на лежащий между ними ледопад не было и в помине. Слева срезанная вершина Чангцзе, Северного пика вырисовывалась из-за широкого седла Лхо-Ла, по которому гулять в ночную пору не рекомендуется: он представляет собой плоскую белую площадку, однако стоит пройти несколько шагов вперед — и вы упадете с висячего ледника, по которому, обрушиваясь на каменистый Кхумбу, непрерывно мчатся лавины. Слева от Лхо-Ла возвышается острый пик Лингтрена, а между ним и Пумори стоит еще одна более высокая вершина, на которую Эрик Шиптон и Дэвид Брайант поднимались в 1935 году. Пумори, или «Дочкин пик», прозванный так в честь дочери Меллори, властвует над левым (орографически правым) берегом верховьев ледника Кхумбу и, он без сомнения, второй наиболее захватывающий объект в поле зрения. Откуда ни смотри — это крутой конус, верхняя часть которого, образованная чистейшим снегом, похожим на сбитые сливки, служит вершинным карнизом. Несколько ниже гребень, соединяющий Пумори с Лингтреном, представляет собой изборожденную ледовыми желобами скальную стену, совершенно недоступную, по нашему мнению, для восхождения.

Приятно сидеть вечером на морене и в свете угасающего дня любоваться окружающей красотой. По неведомой причине крутые ледовые ребра Кангтега долго хранили восхитительный розовый румянец, хотя Нупцзе сверкала в лучах последнего зари дольше всех.

Невдалеке, несколько ниже и позади нас, шерп, спустившись на 200 метров, наполнял ведра необычайно мутной водой из озера. На склоне морены неутомимый Гом-

пу сооружал пару ненадежных туров, которые затем метко расстреливал камнями. Шерпы превосходили в этом виде спорта привычных к крикету сагибов.

Гомпу был одной из наиболее загадочных личностей. В походе, будучи излишне полным, он единственный из всех шерпов просил иногда сагиба умерить темп. Тем не менее он взошел на вершину Канг-Чо, хотя ему тогда было только семнадцать лет, позже он поднял свой груз до Южного Седла.

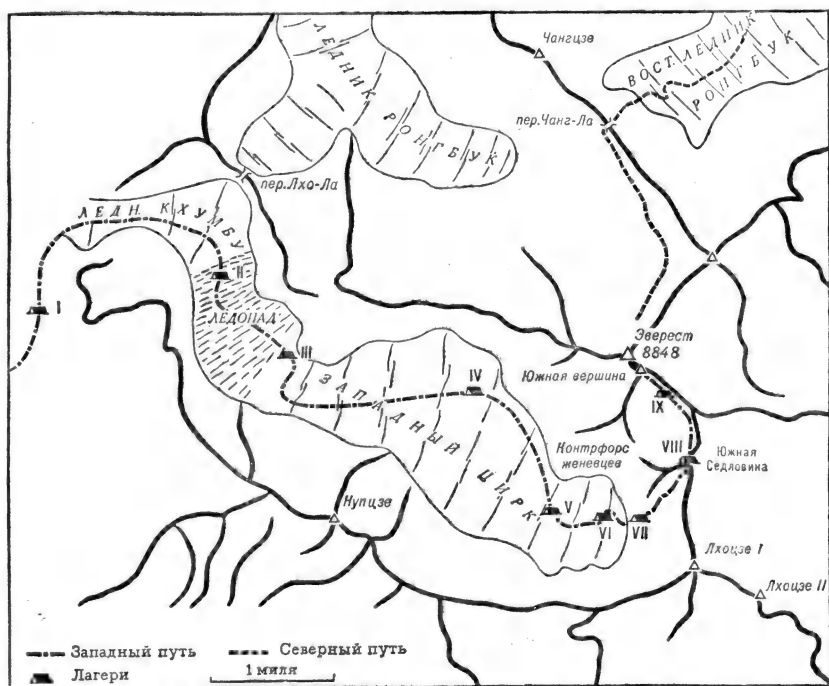
Нам повезло, и мы смогли в непосредственной близости увидеть удиравшую среди камней бесхвостую тибетскую крысу. Эти маленькие привлекательные зверьки, похожие на морских свинок, служат, по слухам, пищей для йети. Оглянувшись, можно увидеть за скалами Пазанг Футара или Анг Тенсинга (Балу), готовящих ужин. Обоим этим здоровенным парням, которые впоследствии взошли на Южное Седло, такая работа была, видимо, по душе. Пазанг Футар обладал прекрасным телосложением, улыбкой до ушей и приветливой экспансивностью, которую он излучал всем своим «я». Балу своей громадой оправдывал прозвище «медведь». Этот шерп был мрачным и замкнутым, за исключением тех случаев, когда его зубы сверкали в улыбке. В его твердой независимости было что-то ирландское. Тилман дал очень хорошую характеристику его работе на Ракапоши.

Один из них должен был заниматься стряпней на костре. На мне, по-прежнему, лежала обязанность квартирмейстера до тех пор, пока мы не соединимся с группой Эда, которая, как мы надеялись, захватила наверх припасы, необходимые нам после 17-го числа.

В меню входили обычно грибной или томатный суп, какое-нибудь мясное блюдо с картофелем и, наконец, кекс и кофе. Кекс, великолепный фруктовый кекс, никогда не надоедал. Затем наступала лучшая минута дня: кофе и последняя трубка или сигарета. Засыпали мы обычно в 8.30.

Следующий день, 17-го, Джон по приказу врача должен был отдыхать, и в связи с этим мы с Майком Уордом вызвались идти в Базовый лагерь. Вот уже несколько дней нас волновал вопрос: что происходит на ледопаде? Мне нужно было также составить отчет для Джона и для «Таймса» о том, что делает передовая группа.

Утро было прекрасным. Поднявшись на морену, мы, к удивлению, попали на хорошо промаркированную турами тропу, ведущую к хаотическому нагромождению камней ледника Кхумбу. Местами туры, лежащие на каменном

На подступах к Эвересту

основании, напоминали мне вершину нашей родной Грейт Гебл. Однако, построенные в стиле Гомпу, они были тонкими и высокими, и жизнь их была недолгой. Наиболее яркой особенностью ледника является последовательное, ряд за рядом расположение остроконечных ледяных сераков, достигающих 45-метровой высоты. Первый встретившийся нам представлял собой гладкую вертикальную стену зеленовато-голубоватого цвета, основание которой купалось в протекавшем ниже нас небольшом ледовом потоке. Над этим сераком появились два других характерных образования: ледяные глыбы от 0,6 до 1 метра высотой, зачастую подрезанные у основания так что дуновение ветра валило их вниз. Разбросанные над плоскими сланцами, через которые мы пробирались, они в массе были похожи больше всего на какое-то кладбище. Вместе с тем встречались и знакомые по Альпам ледяные

столы: громадные каменные глыбы, вокруг которых стоял снег и которые покоились на ледяной ножке высотой до 1 метра.

Все эти образования обязаны своим происхождением активному воздействию солнца на поверхность ледника. Интереснее всего, что кальгаспоры — «кающиеся грешники» (названные так по своей форме, напоминающей коленопреклоненную фигуру) — встречаются лишь в некоторых районах Гималаев. Через час хода они стали встречаться нам чаще и чаще. Однако необычной формы желоб слева позволил преодолеть все трудности. Последующее продвижение в течение получаса между двумя стенами привело к большому каменному бугру, увенчанному туром. Забравшись на него, мы обнаружили три палатки, установленные на более низких буграх. Это был наш Базовый лагерь (у швейцарцев лагерь I, так как их Базовый лагерь помещался ниже, около озера). Майкл Уэстмекотт был дома в компании с Киркеном, нашим вторым поваром. Майкл страдал от расстройства желудка. Такие болезни были на Базе обычными, так же как кашель и боль в горле, и получили общее прозвище «базолагеритис». Оба Джорджа были не так сильно поражены недугами. Когда несколькими днями раньше притащился несчастный Ральф Иззард, репортер «Дэйли мэйл», его приветствовала мрачная спина Джорджа Лоу, сидящего на скале в глубочайшей депрессии. К счастью, несколько позже Грифф Пью и Том Стобарт, которые участвовали в разведке ледопада, организовали вечерние приемы и тем существенно подняли общее настроение. Майкл Уэстмекотт рассказал нам об их героическом походе, особенно 10 апреля, когда их накрыл тот же снегопад, что досаждал двум другим группам в Дингбоче. С ними было много носильщиков, и поэтому выжидать хорошую погоду было невозможно: носильщики не могли двигаться при ослепительном блеске свежевыпавшего снега без очков-консервов.

Я думаю, именно Том Стобарт придумал остроумную конструкцию консервов, составленную из больших панорамных очков и черной изоленты. Эта изолента стала весьма популярной среди шерпани, которые использовали обрывки ее в качестве мушек на своих круглых, румяных щеках. Они утверждали, что такие мушки предохраняют от головной боли, однако ни один представитель мужского пола не был замечен в использовании такого средства. Ленты не хватило на все защитные очки. Были пущены в ход носовые платки, шарфы.

Работа на давно ожидаемом ледопаде началась 13 апреля. По словам Эда, ледопад выглядел более разрушенным и сложным, чем в 1951 году. Стоя в полуденную жару возле палатки, мы могли оценить трудность задачи. На большей части пути вверх от Озерного лагеря казалось невозможным, чтобы в районе между обрывистым концом гребня Нупцзе, спадающего с 7600 до 5180 метров, и круглым куполом Западного плеча Эвереста могло бы спрятаться хоть какое-нибудь ущелье. «Тело» Эвереста покоилось на ледниках, которые сами нависали над окружающим пространством. Но теперь ледопад был перед нами: замерзший поток шириной более полутора километров, хаос упавших сераков и колоссальных обломков. Первое мое впечатление — подобных ледопадов в Альпах нет. (Никто также и не стал бы в Альпах подниматься по такому ледопаду.) Передо мной было нагромождение башен и глыб, разделенных сетью бесчисленных трещин. Это напоминало пену и брызги, разбросанные по поверхности быстро мчавшегося потока, или тысячи кусков сахара, высыпанные в водную стремнину. Потребовалось несколько дней упорного труда, чтобы достигнуть площадки, расположенной на полпути к лагерю II.

В этот день Эд и оба Джорджа с сопровождающими их шерпами запасались продуктами. Они намеревались здесь переночевать и на следующий день выйти в разведку к верховьям ледопада в поисках места для лагеря III. Было ясно, что для того, чтобы сделать путь безопасным для нагруженных носильщиков, потребуется колоссальная работа: выбрать наиболее легкую дорогу, перекрыть мостами непроходимые трещины, улучшить ступени, сбросить опасные сераки или ледяные башни, промаркировать путь флажками. Таких флажков у нас была сотня, и я просил Тхондупа спуститься и раздобыть для них бамбуковые древки.

Мы пошли вниз с Майклом Уэстмекоттом, который в нижнем лагере надеялся поправиться. Через 300 метров Майк Уорд остановился.

«Что вы скажете об этом месте для Базового лагеря?»

Мы с сомнением огляделись. Однако место было явно лучше прежнего. Вместо многих скользких бугров здесь был лишь один, ограниченный изгибом ледникового потока, с одной стороны, и рядом сверкающих двадцатиметровых ледяных башен — с другой. Если ночью потребуются вылезать из палатки, риск сломать себе шею не так уж велик. К тому же для водоснабжения мы могли бы использовать маленький ручеек, впадающий в основной

поток, и, кроме того, находились бы намного дальше от швейцарского лагеря. Мы решили, если Джон согласится, переместить сюда наш Базовый лагерь.

Ледопад пройден

Джон не послушался врачей и использовал свое «отдыхательное» утро, чтобы залезть на возвышающиеся над лагерьем травянистые склоны, откуда в 1950 году Тилман впервые увидел с юго-запада Эверест.

330

Вторая половина дня была солнечной. Майку Уорду пришла в голову идея: что действительно было бы ценным для «Таймса» — это фотоснимок одного-двух альпинистов, отдыхающих на надувных матрацах посреди озера, на фоне грандиозной стены Нупцзе. Джон был несколько озадачен: «Нет, нет, это создало бы абсолютно неверное представление». И я должен с печалью отметить, что подобный снимок так и не был сделан.

Джон к тому времени чувствовал себя так хорошо, что решил на следующий день идти вверх и сам посмотреть на ледопад, хотя в ближайшие день или два никаких серьезных работ на нем не намечалось. Однако он был против того, чтобы с ним пошел еще кто-нибудь, говоря, что вскоре всем и так придется вдоволь насмотреться на ледопад.

Майк и я решили подняться на гребень Пумори. Мы должны были заглянуть в таинственный Западный Цирк и разведать состояние стены Лхоцзе.

Этой ночью начались неприятности с надувным матрацем. У нас были большие двухслойные матрацы, которые позволяли создать жесткое дно и мягкий верхний слой. К сожалению, теоретически. Некоторый дефект клапанов заставлял нас надувать оба слоя как барабаны в надежде, что хоть один слой продержится всю ночь. На этот раз мне пришлось в час ночи заняться подкачиванием матраца, и я подумал о том, что на Южном Седле такая процедура будет не слишком приятной.

Мы вышли в 8.10, следуя хорошо испытанному принципу, что, если пойдет снег, всегда можно вернуться. Чтобы добраться до гребня Пумори, надо было сперва подняться по ущелью, тянувшемуся почти параллельно Кхумбу, и пересечь бывший язык ледника, представляющий собой сейчас нагромождение камней. Преодолеть последние было нелегко, главным образом из-за висящих и резко снижающих видимость клочьев тумана. Нам казалось, что мы все время либо висим на громадной красно-

бурой скале, либо карабкаемся на следующую. Рельеф исключал всякую возможность ритмичного движения. Мы благословляли наши подошвы «вибрам» и наш опыт движения по Кхумбу и Имья.

Через некоторое время меня начало одолевать любопытное ощущение, что когда-то я уже здесь бывал и даже совершал некоторое время назад тот же самый прыжок через трещину.

Наконец мы увидели наш гребень, огибающий маленькое озеро. Каменная, неясно выраженная стена вздымалась над нами на 300 метров. Дальше на 60 метров простирался снежный гребень, переходящий выше в отвесную вершину. Пока мы продолжали наш путь, длинный хвост облаков спустился с Нупце, казавшейся с гребня самой благой из всех виденных мной вершин. Ее ледовые отвесы и контфорсы спадали словно прекрасный развевающийся кринолин. На вершине самого Эвереста зацепилось и висело как шапка темное облачко. И в проносящихся клочьях тумана стена Лхоцзе мерцала, освещаемая зловещими вспышками солнечных лучей. Это значило: лед и тяжелая работа.

331

Мы направились к левой части гребня, к гранитному контрфорсу. Местами путь был довольно сложным. Хотя мы уже бывали и выше, однако дышать и на этой высоте было нелегко. Наконец выбрались наверх, к гребню, покрытому твердым снегом, в котором я «выцарапал» несколько ступенек. Пересекли его и немного спустились, чтобы укрыться от холодного ветерка. Полуспрятанная в тумане черная южная стена Эвереста образовывала задний план в стиле декораций опер Вагнера. Теперь мы могли рассмотреть весь ледопад, пробивающий себе путь по шестисотметровой теснине.

На этот раз кроме питания мы взяли с собой и бинокли для осмотра. Поискав немного, заметили около конца ледопада фигурки, остановившиеся, вероятно, чтобы связаться. Поднявшись выше, увидели небольшое желтое пятно лагеря II, по-видимому затерявшегося в диком окружении ледовых сераков.

Группа Эда не была видна. Но верхняя часть ледопада казалась разбитой на громадные обломки, за каждым из которых она вполне могла скрываться. Мы определили нашу высоту в 5850 м.

В 11.45 мы направились вниз по гребню, к проклятым валунам.

В этот день произошли два радостных события: первым было прибытие почты, причем весьма обильной. Для пу-

тестественника не может быть большего счастья. Всю вторую половину дня мы провели, читая и перечитывая письма. Вторым событием было появление в 6 часов Джона с приятной вестью о том, что группа Эда прошла ледопад.

Джону в этот день пришлось много поработать. С Базы он взял с собой спокойного, услужливого Анг Намгиала. Немного раньше вышли также Грифф и Том Стобарт. Метрах в ста ниже лагеря II Джон встретил спускающуюся группу Эда. Некоторое время они шли вместе, чтобы разведать путь. Одно из препятствий, которое могло оказаться непреодолимым, было побеждено.

332

Следующий день был первым выходным с тех пор, как мы вышли из Тхьянбоча. В 12.30 появились Эд и оба Джорджа в сопровождении шерпов. Они были очень довольны и мечтали об отдыхе, однако из рассказа выяснилось, что они не совсем были уверены в безопасности разведанного ими пути.

Вторая половина дня была посвящена писанию писем и отчетных сочинений в школьном стиле. Затем появился Джон, изложивший разработанный им до сверхъестественных деталей дальнейший план. Единственное, в чем я сомневался, — сумею ли его выполнить с достаточной эффективностью. Первый этап во всяком случае был несложен. Джон, Майк Уорд и я должны идти вверх, к Базовому лагерю, и работать на ледопаде. Затем более «высотная» группа должна пройти ледопад для организации лагеря III. Джон собирался начать заброску грузов через ледопад в Западный Цирк 24 апреля.

Базовый лагерь переезжает

Голос Гриффа Пью, пророчествующий горестные события или по крайней мере длительную и неприятную работу, звучал в наших ушах, когда мы, то есть оба Майка (Уорд и Уэстмекотт) и я, встали 19-го с твердой решимостью перетянуть Базовый лагерь на новое место. Мы проглотили приготовленный Киркеном ранний завтрак и начали действовать. Сперва надо было снять и хорошо упаковать палатки. Эта работа, а также переноска палаток вниз по желобу были делом пяти шерпов во главе с низкорослым Гиальеном. Последний был одним из наиболее жизнерадостных и приятных шерпов, хороший организатор, однако, как я считал, недостаточно сильный, чтобы стать «вы-

сотным» носильщиком. Бедный Киркен как раз только что закончил сооружение монументальной фабрики-кухни с каменными стенами и брезентовой крышей. Однако он охотно согласился перебазировать свое производство на новое место.

Наиболее значительная площадка должна быть выровнена для большой палатки, что потребовало три часа тяжелой работы, частично благодаря твердому решению Тома Стобарта не повторять ошибки, допущенной на старом месте: там лед был слишком близко к поверхности земли и неловкие посетители скользили по полу. Кроме того, в палатке было холодно. Отсюда следствие: мы должны были вести строительство, используя камни правильного размера и формы — широкие и плоские. К счастью, Гомпу, который не раз складывал туры, имел наметанный глаз; он легко находил крупные плоские камни и перетаскивал их с большим энтузиазмом. Работая сообща, мы к 5 часам соорудили громадную, великолепную ровную площадку, на которой воцарилась палатка. Было, правда, неловко наблюдать, как шерпы сооружали площадки для других палаток за 10 минут.

Было приказано брать воду из небольшого притока выше лагеря, а любой мусор выбрасывать на склон ниже по течению.

Наша палатка приютилась около громадной ледяной башни. В первый же день я вырубил на плече башни ступени, которые долго оставались заметными. Перевалив через плечо, я попал в таинственное и прекрасное ледяное ущелье, вдоль которого прошел сколько смог и вернулся в нашу мульду где-то недалеко от местоположения первого Базового лагеря. В этой башне имеется также вырубленная под руководством Тома Стобарта пещера. Узкий проход ведет к помещению размерами примерно 1,8 на 1,8 метра, где хранится фотохозяйство Тома. Несколько человек, начиная с Тома, пробовали спать в пещере, пока Том не подхватил воспаления легких. Преимуществом такого помещения является стабильная температура (3°С ниже нуля). Ночью, при свете свечей, это прелестное местечко. Однако днем работать там неуютно; некоторые из нас слегка встревожены зловещими предсказаниями о том, что в Западном Цирке всем придется жить в пещерах.

Ниже наших палаток множество небольших площадок с палатками «Мид». Еще ниже, ближе к реке, установлена вторая большая палатка, в которой живут шерпы, работающие на ледопаде. Это в большинстве своем местные

жители с одним-двумя запасными, прибыли сюда только для того, чтобы перенести наши грузы в лагерь III. Они обеспечены нормальным альпинистским снаряжением, однако не имеют высотной обуви и теплого белья. Конечно, лучшие смогут пойти с нами выше. Двое из них уже сейчас выделяются: небольшой, морщинистый Дава Тхондуп, старший по возрасту среди всех носильщиков, и прибывший к нам из ближайшего селения Анг Норбу.

Ниже палаток установлена кухня — роскошное каменное строение с брезентовой крышей. Одна из стен сложена из продуктовых ящиков.

Спускаясь от кухни, мы подходим к реке, огибающей территорию лагеря. Справа виднеется узкий проход, вырубленный среди сераков в соответствии с замыслом Майка Уорда создать гигиеническую уборную. К сожалению, она расположена весьма далеко, и к тому же, когда пробираешься к ней глубокой ночью в лагерной обуви, опасность поскользнуться весьма велика. За южным склоном бугра Том Бурдиллон соорудил из ящиков из-под кислородных баллонов постройку, где проводил свои эксперименты. Не будем заходить в палатку Гриффа, установленную несколько выше в мульде; он во что бы то ни стало стремился поставить ее на льду, чтобы проверить, действительно ли это так неудобно, как все говорят. Лучше остановимся и насладимся восхитительной картиной гор. Несмотря на желтые огни, тепло мерцающие сквозь стенки палатки, я вспоминаю слова де Соссюра, которые вполне могли быть написаны здесь, а не на Монблане:

«Небо было идеально чистым и безоблачным, и нигде не было видно тумана, за исключением дна долин. Звезды ярко светили, но они были лишены всякого признака мерцания. Они проливали на вершины очень слабый, бледный свет, достаточный, однако, чтобы различать предметы и расстояния. Спокойное и глубокое безмолвие, царящее над этими обширными просторами, увеличенными к тому же воображением, вызывало у меня настоящее чувство страха. Казалось, что я единственный, оставшийся в живых из всей Вселенной, и мое тело лежит распростертым у моих ног».

Звезды сверкают, но луна теперь касается черного, резко очерченного гребня Пумори. Далеко внизу, в долине, вершины Тавече дремлют в дымке медленно движущегося тумана. В верховьях нашего ущелья Лхо-Ла, такая шумная днем, кажется сейчас белой шелковой подушкой, брошенной под ноги горным великаном. Ближе к нам ледяные сераки отливают серебром над блестящей черно-

той неровной земли, по которой мы прогуливаемся. Ночь смягчает резкость, усиливая в то же время восприятие волшебной красоты, которая в Гималаях непрерывно стучит в наши сердца.

Все заботы исчезли. Завтра — новые заботы!

Инженеры на ледопаде

Ледопад. Мы так много слышали и читали о нем, об этом драконе, охраняющем сад Гесперид Западного Цирка. Мое первое знакомство с ледопадом состоялось, когда я участвовал в технической экспедиции. Мы вышли поздно, в 9 часов, из-за задержки с выдачей продуктов шерпам. Связь по всем вопросам между мной и шерпами была возложена на этот раз на Нимми, небольшого роста шерпа, выглядевшего весьма компетентным. Слабое сердце не давало ему возможности подниматься на большую высоту. Атта (для приготовления *чапатти*), тзампа (жареный или толченый ячмень) — основные продукты питания, а также рис, масло, сухой картофель — все это должно быть доставлено носильщиками из Намче. Время от времени Нимми ходил туда для закупок этих продуктов, а также баранины и свежего картофеля, к которым как сагибы, так и шерпы питали большую слабость.

Я вышел немного раньше обоих Майков, чтобы на месте старой Базы прикрепить флаги к оставленным древкам. Вскоре появился Майкл Уэстмекотт, несший здоровенный гаечный ключ, который он использовал для сборки дюралевой лестницы — моста. В этот день Гяльен и Пазанг Футар самоотверженно взялись тащить эту пятипролетную лестницу. В их компании в 9.45 мы окончательно тронулись в путь к ледопаду, предварительно надев кошки. Сначала мы шли вдоль ложа ледника, примерно под прямым углом к самому ледопаду. Дорога довольно долго шла в этом направлении, затем круто поворачивала направо. Однако Джордж Бенд нашел хитроумное сокращение пути, начало которого было не так легко обнаружить.

— Может быть, сюда?

— Нет, я совершенно уверен, что мы здесь не проходили, лезьте на этот бугор, если есть охота.

— Видно что-нибудь?

— Возможный путь просматривается, но я не могу найти следов. Пройдем еще немного.

— Может быть, сюда?

— Здесь должна быть отметка, но снег мог ее уничтожить, пожалуй, первое место было правильным. Лучше было вернуться.

В наиболее подходящем месте я с трудом втиснул флажок в узкую трещину. Впоследствии укрепление флажков служило мне столь же хорошим предлогом для остановки, как и фотосъемка. Достаточно было остановиться и начать расширять отверстие, как все остальные также останавливались, без сомнения думая: «Ну что за добросовестный парень!»

Замерзший приток, петляя, прокладывал свой замысловатый путь и постепенно приближался к крутому ледопаду. Высоко на горизонте, над тем местом, где должен быть лагерь II, фантастические ледяные пальцы вот-вот, казалось, падают и покатаются по хаотическому склону. Обнаружить здесь путь вверх совершенно невозможно. Вскоре мы покинули ровную местность, начав петлять, преодолевая по все большей крутизне небольшие стенки, террасы, лощины, полные сухого снега, — словом, участки, отнюдь не приспособленные для прогулок. По мере возможности я маркировал дорогу флажками. Уже в апреле нас начали мучить ежедневные, действующие на нервы, послеобеденные снегопады. Снег засыпал проложенные утром следы и заставлял туить ли не вновь отыскивать дорогу. Предвестниками таких снегопадов были появляющиеся к ночи цирусы, за которыми следовало сверкающее раннее утро. Поднимаясь по глубокому снегу, мы с трудом барахтались в нем, часто теряя направление. Внезапно раздался истошный вопль Майкла Уэстмекотта. Метрах в шестидесяти над нами он узнал крутой край трещины с виднеющимися на нем следами — «Ужас Майкла» — название, данное в его честь, когда несколькими днями ранее он был руководителем группы. Мы связались, преодолели небольшой трудный склон и очутились на крутом, закругленном ледяном краю, нависающем слева над многообещающей свежей трещиной. Мы поднимались весьма осторожно, зондируя снег ледорубом, а затем страховали сверху нагруженных шерпов. Решили, что навешенные в этом месте перила будут надежным подспорьем для следующих носильщиков.

Выше этого участка нас остановила широкая трещина. Ранее ее обходили стороной. Майкл решил использовать для ее преодоления две секции лестницы, которую Гяльен с радостью сбросил на землю. Обе секции были соединены, и получившийся мост длиной 3,5 метра повис над бездной. Забавно было впоследствии вспоминать, как осторожно

мы переползли на ту сторону трещины, переправляя по очереди грузы на веревке. Когда шерпам приходилось пользоваться этим мостом, в особенности при спуске, они зачастую переходили его стоя, даже будучи в кошках. И уж неизменно поступали таким образом, когда лестница была заменена двумя сосновыми бревнами. Если кто-либо был на грани падения, то это рассматривалось как веселая шутка.

Двигаясь дальше, мы использовали еще одну секцию лестницы для более узкой трещины и наконец добрались до хорошо уже знакомого препятствия — «Ужас Хиллари». Любопытно стремление альпинистов называть отдельные участки гор по имени конкретных лиц. Перед нами была широкая трещина, перекрытая ледяным, засыпанным снегом мостом. Снежные мосты никому особенно не нравятся. Перспектива ходить по ним в течение двух месяцев отравляла кое-кому существование. Мост приводил на другой стороне к крутой стене высотой около 5 метров, на которой были вырублены ступени и повешена веревка.

Наверху после установки флажка мы остановились. Было уже больше 12 часов, день был жаркий, однако в верховьях ущелья уже клубились черные снежные тучи. Мы решили дальше не идти, а получше обработать пройденный путь. Майкл Уэстмекотт и Пазанг Футар расширили вырубленные на стене ступени. Мы с Майком Уордом высмотрели немного ниже ледяную башню, грозившую свалиться нам на голову; глыба в форме бриллианта высотой метров пять балансировала на узком основании. Мы принялись за нее так, как поступают при валке леса. Сперва мы обвязали ее веревкой, которую Гиальен держал непрерывно натянутой. Затем стали по очереди осторожно подрубать основание. Внезапно раздался треск, появилась трещина, и громадина с неожиданно глухим звуком повалилась на ровный снег.

К 3.40, то есть когда мы вернулись, легко ориентируясь по флажкам, снег уже падал во всю. И так каждый день необъятная пелена облаков поднимается и кладет первые порции снега на вершины Тавече. Постепенно весь громадный цирк верховьев Кхумбу заполняется мрачной темнотой. Солнце мигнет последний раз, и прощай! Хлопья падают все быстрее и быстрее, и наступает момент, когда со вздохом надеваешь штормовку.

Во второй половине этого дня Джон, как всегда, первым прибыл из Озерного лагеря. Несколько позже появились оба Джорджа, Эд и их шерпы. Все были похожи на снежных людей и содействовали увеличению духоты в большой

палатке. На следующий день, 21-го, «ледопадная» группа должна была пройти ледопад насквозь и оборудовать дорогу выше лагеря II. Хант, оба Майка и я собирались улучшить путь ниже этого лагеря. Ночь была холодной, и в одном спальном мешке я впервые озяб, к тому же все время ворочался на камнях, дающих о себе знать под «сдохшим» матрацем.

Снова мы вышли в девять утра. Снова я шел немного впереди, ставя дополнительные флажки. Снова было жарко и душно на склоне, ведущем к «Ужасу Майкла», однако знакомая дорога странным образом уменьшает трудности. Здесь забили длинный стальной стержень и привязали к нему веревку с узлами. Выше «Ужаса Хиллари» мы попали на не пройденный еще участок. Подошли по снегу к левому (орографически правому) краю ледопада. Метрах в 130 над нами, возвышаясь над склоном, выделялся на фоне неба самый крупный из ледяных пальцев. По пути к нему мощный хаос сераков. Как тут найти дорогу? Как раз под ледяным пальцем широкий снежный желоб казался среди ледяной неразберихи чем-то вроде тропы. Преодолев этот участок, известный под кличкой «Переулочек адского огня», мы продолжали наш путь, отыскивая глазами оставленные передовой группой там и тут флажки. Изредка попадался швейцарский флажок, взгромоздившийся далеко влево от нас, над пропастью, на немислимо высоком сераке. Это наглядно показывало, как сильно изменил за зиму ледник свой рельеф.

Я был ведущим в первой связке. Мой напарник Майкл Уэстмекотт самоотверженно тащил секцию лестницы, оставленную накануне около «Ужаса Хиллари». Громоздкость этой штуки, ее стремление стукнуть каждого по голове и зацепиться за каждую неровность позволили нам наглядно представить себе будущие удовольствия. В конце «Переулочка адского огня» мы должны были пройти направо под нависающими карнизами и вверх через массу нагроможденных обломков. Как сообщил Майкл, один из участков, являющийся ключевым для прохода между вертикальными стенами и выходом на более легкий склон, получил название «Глупость Хиллари». Именно здесь Эд уронил свой ледоруб и потратил полчаса, вися вниз головой над бездной, пытаясь его разыскать.

Мы все надеемся, что крутизна уменьшится. Проходит много времени, пожалуй около часа, пока наконец настает этот момент. И тогда, стоя на глыбе в форме ломтя кекса, мы взираем на закругляющееся ущелье. Вогнутая поверхность его испещрена лабиринтом небольших тре-

щин. По словам Джона, изменения, происшедшие здесь за последнюю неделю, поразительны. Что же произойдет за два месяца?

Продолжаем медленно подниматься, поворачивая к левому краю; отметили преодолеваемое прыжком опасное место, где следовало бы устроить мост. В верховьях ущелья через глубокую трещину нужно было перекинуть одну из секций дюралевой лестницы. Для этого приходилось выбирать между атлетическим прыжком, на который никто из нас фактически не был способен, и хлипким ледяным мостом, весьма ненадежно заклинившимся над пропастью. По некоторым причинам я решился попробовать второй вариант и уже через несколько секунд вырубал на противоположном краю площадку для лестницы, которую мы затем установили и укрепили с помощью ледовых крючьев. Еще две сотни метров вправо, и мы, обогнув правую стену нашего ущелья, очутились над палатками.

В то время место, где был расположен лагерь II (5917 м), казалось нам таинственным. Тогда мы не дошли еще до того, чтобы презирать его, рассматривая как неприятную ночевку по дороге вниз с вершины. Здесь, на широкой площадке, стояли четыре желтые и оранжевые палатки, над которыми метрах в пяти почти нависали, как показалось мне, две громадные, покрытые буграми ледяные башни.

Появились со своими шерпами Эд и Джордж Бенд. Несчастный Джордж Лоу заболел в пути тяжелой формой «базолагеритиса» и должен был идти вниз. Джон попросил Майкла Уэстмекотта остаться с ним. Поглядев, как они устроились, мы с Майком Уордом начали спуск, пока снегопад не стал слишком силен. Когда проходили последний участок ложбины, я сказал Майку: «Если кто-нибудь спросит, что мы делали сегодня, мне не очень хотелось бы ответить: «Лазали на Эверест». И действительно, нам ни разу не приходило в голову, что мы провели день на Эвересте. Мы пришли к выводу, что, по-видимому, это объясняется тем, что альпинисты — близорукие существа и ничего не видят за ближайшей зацепкой, выступом или в крайнем случае лагерьем. Однако когда я впоследствии думал об этом, то решил, что это относится и к экспедиции в целом. Полюбуйтесь на фотоснимок Тенсинга, поднявшего вымпелы на вершине, и вернитесь мыслью к Тхондупу, чистящему картошку в Базовом лагере, к Роберту, проверяющему кислородные баллоны, после того как их доставил Альф Бридж; вспомните, наконец, о нас самих, сокрушающих сераки. Что каждый делал все это время?

Лез на Эверест, иначе говоря, создавал возможность появления вышеупомянутого фотоснимка.

Базовый лагерь был переоборудован в этот день к 4 часам после полудня при сильном снегопаде. Джимми Робертс, гималайский ветеран, прибыл с основным запасом кислорода. Вместе с ним появился и Джеймс Моррис из «Таймса», «отличный вежливый журналист», как я бы его охарактеризовал. Было приятно рассказывать о своих переживаниях спокойному, доброжелательному слушателю и знать, что они будут изложены хорошим английским языком. Кроме них прибыл и Чарлз Эванс со своей группой, доставившие основной запас экспедиционных грузов. Чарлз уже был занят, размечая краской на ящиках номера лагерей. Прибывший с ним Чарлз Уайли был окружен группой оживленно болтающих шерпов. По лагерю расхаживали лица, которых я видел впервые: Фу Дорьи в своей ярко-оранжевой куртке и маленький, робко представившийся нам Дава Тхондуп. Том Бурдиллон уже сооружал свой кислородный отдел, а вне лагеря целая группа работала над устройством ледяного погреба. Мы были теперь официально организованным Базовым лагерьем.

Единственным недостатком была давка в большой палатке во время еды. Человек в полном комплекте одежды казался вдвое больше своих нормальных размеров. Кроме того, ложки и вилки быстро вышли из строя, мы были вынуждены заняться импровизацией. Джеймс в своем спокойном стиле заметил однажды, что постороннему покажется необычным, что национальная экспедиция не имеет отдельной палатки — столовой и что ее лидер ест кашу вилкой, сидя на полу. Я обнаружил как-то в лагере VII Чарлза-Уайли, уничтожающего грейпфрут с помощью гаечного ключа, причем «работа», по-видимому, продвигалась весьма медленно.

Ночи были все еще холодными, вероятно, температура была несколько ниже нуля. Поскольку Эд с самого начала весьма успешно наступил на большой термометр, я не мог сообщать ежедневно точную температуру.

Завтрак проходил неторопливо, начинаясь около восьми, когда теплое солнце выглядывало из-за ущелья Лхо-Ла. Мы посиживали снаружи на ящиках, пока Киркен суетился, приготавливая овсянку, бекон (особенно несъедобный, так же, кстати, как и мясо в соусе) и, если повезет, яйца. Джеймс разбил свою палатку на небольшом холме в верхней части ложбины, но питаться приходил к нам.

Следующий день, 22-е, был в приказном порядке выходным для всех находящихся в лагере. Однако мы с

Майком Уордом высмотрели исключительный вариант пути через «Ужас Хиллари». Выйдя под теплыми лучами солнца, через 50 минут мы дошли от старой Базы до цели. Вариант был весьма простой. Пересекли ту же трещину, но левее и ниже, где она была настолько узкой, что ее можно было перешагнуть. Затем следовал подъем на ту же ледяную стену, но также левее. Я рубил ступени сверху вниз, Майк — снизу вверх. Мы подвесили в этом месте веревку и вскоре имели прекрасную лестницу с перилами. Вернувшись назад, весьма довольные, к ленчу, мы позволили себе полчаса позагорать на солнышке. Погода была как на морском курорте. Сонное око удивлялось, полуоткрывшись и увидев необъятную стену Нупцзе вместо спокойной синевы Средиземного моря.

24-го высотный отряд и отряд, работающий ниже, должны были начать действовать. Вечером 22-го, в 6 часов, появились Джон с Джорджем Бендом. Приятные новости! Они нашли в верховьях ледопада место для лагеря III, и Джордж Лоу установил с ними радиосвязь. Эд и Майкл Уэстмекотт остались для обработки дороги, так как 24-го две группы должны были идти вверх; «низкой» группе предстояло доставить груз до лагеря III; Грег и я с семьей шерпами, базируясь на лагерь III, собирались пройти выше и перенести грузы в Западный Цирк. Наша группа считалась «высотной». Таким образом, 23-е было у нас занято подготовкой к выходу: обсуждение рационов, починка обуви, письма домой, совещания с Чарлзом по вопросу припасов для лагеря III, отбор шерпов. Кроме того, этот день остался у всех в памяти благодаря восхитительным лепешкам. Тхондуп постарался и выдал нечто сверхъестественное, запоминающееся надолго, тем более что любая разновидность свежего хлеба всегда вызывала бурный энтузиазм. Добавление масла и джема возвело лепешки в ранг «харча богов». Мы неизменно превращались в обжор всякий раз, когда подобные лепешки и реже свежий кекс появлялись на сцене. Это хоть как-то утешало нас, травмированных медленным, беззвучным снегопадом, который снова и снова покрывал все вокруг и действовал угнетающе. Ужин в этот вечер прошел в минорных тонах. Конечно, мы съели слишком много лепешек, но, если отвлечься от этого, что же делать со снегом? Как он повлияет на ледопад и на заброску верхних лагерей?

Заброска высотных лагерей

24—30 апреля

Медленный переход к лагерю II

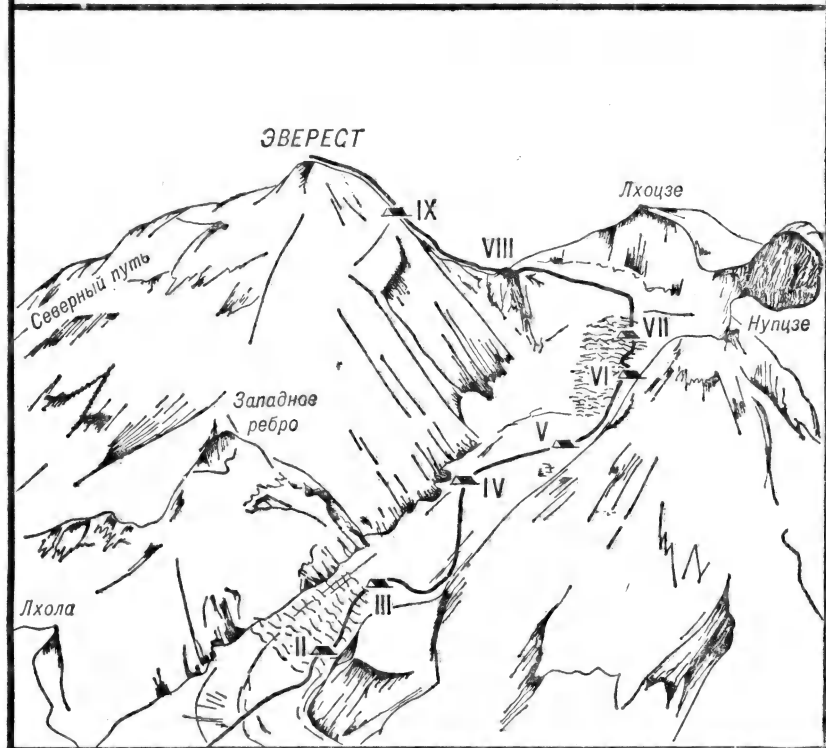
342 Встав на рассвете 24 апреля, я расстроился, обнаружив, что сам стал жертвой «базолагеритиса». Делать было нечего, и единственная надежда заключалась в том, что уход из лагеря меня излечит. С 7.30 при жарком солнце жизнь на ближайшие три часа становится весьма беспокойной, почти неприятной. Мне предстояло провести в этот день «высотную» команду до лагеря II и на следующий день до лагеря III. Грег должен был командовать «невысотным» отрядом; Майклу Уэстмекотту нужно было этот отряд спустить, в то время как мы с Грегом должны были остаться наверху. Джон и Чарлз Эванс вместе с Тенсингом хотели подняться до лагеря III и здесь присоединиться к Эду для разведки Цирка. Все это время Эд и Майк будут работать, обрабатывая путь вверх от лагеря III.

Подготовка к недельному пребыванию в высотном лагере требует много работы и точного расчета. Надо установить тесный контакт с шерпами обеих групп, и, поскольку Грег плохо говорил на урду, мне предстояло рассказать им о возложенной на них задаче и распределить грузы. Паек выдавался на весь период. Затем наступило «великое кошачье мучение». Кошки не только ломались, но обнаруживали также тенденцию тайнослетать, когда их оставляли вне палаток; мысль о том, чтобы держать их в палатках, приводила в уныние.

Оба Тома, чтобы разыскать свои кошки, перерыли все палатки, но ничего не нашли; все, что я мог сделать, сводилось к импровизации и к займу чужих кошек.

Затем наступила очередь расплаты за приведенного накануне яка (122 рупии), который кидал на нас жалобные взоры. Никто из шерпов не хотел его забивать. Когда мы уходили в 10.30, последнее, что я видел, — это два Джорджа; одного из них як, по-видимому, долбанул так,

ДОРОГА К ВЕРШИНЕ

343

что он покатился вниз по Кхумбу, в то время как второй с ружьем в руке озабоченно преследовал животное в надежде его изловить. Вскоре все пропали из виду.

Затем появился шерп с больным горлом, с просьбой о врачебной помощи или, еще лучше, о замене его кем-нибудь. На шерпов, да и на кое-кого из сагибов навалилась в то время настоящая эпидемия кашля и болезни горла. Том Стобарт ночевал в своей ледяной пещере и вышел оттуда с совершенно заложенным носом. («Чтобы прочистить ваш нос, требуется ледоруб», — уточнил Джордж Лоу.) Кое-кто жаловался, что подцепил воспаление легких. Врач был постоянно занят. Рецепты Майка: «Попробуй эту дрянь» и «Спускайся ниже!» — начали

становиться лозунгами экспедиции. К счастью, лекарства были лучше, чем эти советы.

Наконец в 10.30 мы вышли. Я записал в своем дневнике:

344

«Идем медленно. Сначала было жарко и солнечно, но находят облака. Кошка Гомпу сломалась (это уже вторая), но еще держится. 11.30 — начинается снегопад; он усиливается. Дошли до первого моста, замененного теперь двумя бревнами. Шерпам очень трудно, они нервничают. Таши Футар переползал на животе. Грузы переправляли по веревке. Тюк с флажками очень неудобен для переноски. Грег своей командой недоволен. Она, конечно, не блещет. Много крика. Идем дальше. Два часа до «Ужаса Хиллари», который по новому пути проходит легче. Иду с поднятым капюшоном, видимости никакой. Грузы шерпов сваливаются, пряжки кошек проскальзывают, идущий за мной шерп падает при траверсе ледяного склона. Однако, хоть и медленно, четыре связки двигаются. В лагерь II приходим в 2.50 пополудни. Четыре с половиной часа!»

В лагере II мы нашли Джона и Чарлза, которые собирались дойти до лагеря III, но был сильный снегопад, и они решили переждать здесь. Шерпы поставили три дополнительные палатки. Мы установили мачту для радиодантенны. Я залез в палатку, присоединившись к остальным.

Вечером мы наконец устроились в палатках поуютнее. Туман рассеялся, и, словно откровение, покрытая свежим снегом Пумори явилась нам как сверкающее чудо.

Лестница поднимается в лагерь III

25-е, должен признаться, было для меня днем внутреннего раздражения. У каждого альпиниста, очевидно, случаются такие дни, когда человек получает величайшее удовлетворение, если все его товарищи провалятся гуртом в возможно большую трещину. Однако такой день имеет и свои преимущества; я получаю более интимное впечатление о дороге, пройденной неоднократно сагибами и шерпами, — дороге сложной и все же, по-моему, безопасной, если не считать, что, например, пересечение площади Трафальгар является опасным. В течение трех подъемов перед высотной заброской и трех после нее я никогда не считал, что двигаюсь по опасным местам; я знал только, что это трудные участки, и трудные в основном потому, что любой подъем после снегопада требует

прокладывания нового пути. Сверх того, присутствие шерпов налагает на меня одного обязанности выбора пути и прокладывания следов. Моральное напряжение в связке столь же велико, как и физическое.

В этот день я и шерпы «высотной» группы остались с двумя секциями лестницы, соединенными воедино, так как в лагере II не было гаечного ключа, чтобы их разъединить. Три с половиной часа, затраченные на путь, требующий обычно лишь час пятьдесят, обеспечили мне много свободного времени и позволили запомнить все черты верхней части ледопада, в особенности потому, что четырехметровая лестница давала ясное представление о ширине трещин, а позже, когда мы пробовали тащить ее в вертикальном положении, она показывала, насколько низко нависают карнизы, под которыми нужно было пройти.

345

Сначала я был вне себя от радости, когда Таши Футар предложил свои услуги для переноски лестницы. Мы знали Футара по предшествующему году, когда он сопровождал Эда и Джорджа на Нуп-Ла, где весьма успешно ухитрился пасть во всевозможные трещины. Накануне он продемонстрировал непреодолимый страх перед снежными мостами. Даже переползая на четвереньках, он чуть-чуть не угодил в самую большую трещину, и его пришлось страховать на туго натянутой веревке. Однако он, несомненно, был готов на все. Футар попробовал сперва тащить лестницу в горизонтальном положении на спине, и на первых участках это ему удавалось, так как рельеф был открытый. Позже, когда мы еще раз оказались среди упавших обломков и лестница начала стучаться и цепляться за все ледяные выступы и все снежные колдобины, мы попробовали нести ее вдвоем, причем я шел впереди. Это оказалось также невозможным, так как при поворотах за угол один из нас оказывался притиснутым к стене, в то время как его коллега балансировал над пропастью. Наконец, лестницу схватил Пемба Норбу. Пемба шел из Намче с другим шерпом за солью, когда встретил нас по ту сторону Джунбези, и решил сопровождать экспедицию. Он был высоким и стройным, с густой черной шевелюрой и задумчивым выражением лица. Впоследствии, после оставшейся невыясненной размолвки с Тенсингом, он внезапно от нас ушел, но вновь появился примирившийся к тому времени, когда экспедиция собиралась выступить в обратный путь. Его нам, конечно, не хватало, так как он был одним из лучших носильщиков. Норбу тщательно привязал лестницу к своему голов-

ному ремню и понес ее в вертикальном положении. Этот способ был хорош для ровного места и для узких проходов, но не годился, когда мы перелезали через глыбы, так как какая-нибудь глыба всегда оказывалась как раз над головой и готова была зацепить похожую на антенну лестницу.

Первый участок от лагеря II, проходимый до восхода солнца, был всегда приятен. Неизменный послеполюденный снег не мог полностью уничтожить тропу. Слабая цепочка следов вела через соседний плавно закругленный шелковистый выступ. Часто о пути к следующему флажку приходилось догадываться. Я говорил уже, что две башни высотой метров по 30 расположились среди сераков по ту сторону площадки лагеря II, справа от нее. Мы всегда считали, что левая из башен опасна, и не очень удивились, обнаружив при последнем спуске, что она обвалилась, частично покрыв обломками место, где ранее стояли палатки. Узнавать эти места в сильно изменившихся к этому июньскому дню условиях было трудно.

Дорога поворачивала за башни, вела вверх по узкой ложбине и далее через широкий склон, над которым угрожающе склонились сераки. Случалось, что во время нескольких более поздних выходов мы находили наши следы заваленными обломками; тем не менее никто ни разу не наблюдал самого обвала, и в то же время сераки были слишком массивными, чтобы их можно было заранее разрушить, разве что с помощью двухдюймового миномета. Пройдя сераки лагеря II, нужно двигаться прямо вверх по ледопаду, пока еще среди обломков, но более крупных и приемлемых по форме, нежели раньше. Под конец, когда крутизна увеличивается, необходим траверс вправо. Он приводит к нетрудной, залитой солнцем стене, по которой вырублены хорошие ступени и навешены перила. Затем следует идти по сравнительно ровному месту — очаровательный участок, если только четырехметровая лестница не ударяет кого-нибудь по ногам или по голове.

Здесь нас настигла группа Тенсинга, и я просил его сообщить возможно скорее в лагерь III, что нам нужен гаечный ключ; действительно, пожалуй, мы нуждались в нем больше, чем в чем-либо ином на свете. День был не жарким, но работа по рубке ступеней, проводимая Тенсингом, была крайне жаркой. Мы добрались до узкого прохода между сомкнувшимися ледяными утесами, где я ранее проводил неудачный эксперимент по переноске

лестницы. Этот проход приводит к длинной раскрытой пасти трещины, источнику наибольшей тревоги на верхнем участке ледопада. Трещина полностью преграждала нам путь, и ее верхний край был метров на шесть по вертикали выше нижнего. Лишь в одном месте слева можно было навести мост, и здесь уже лежали 4 метра нашей лестницы. Нас всегда преследовал страх, что эта трещина, подобно другим, станет шире. Даже после того как мы заменили нижележащие мосты бревнами, мы не могли высвободить лишнюю секцию дюралевой лестницы.

К несчастью, следующий участок представлял собой подъем по крутому нагромождению глыб, где я должен был направлять конец лестницы, чтобы она не цеплялась за карнизы. Мы продвигались постепенно влево и при этом протискивались через узкий проход, где торчала отколовшаяся от соседнего ледопада тридцатиметровая башня. Такое «приятное» продвижение по направлению к следующей, более широкой седловине в высоком зубчатом нагромождении свалившихся из Цирка обломков продолжалось при начавшемся снегопаде. Под этой седловиной появился Майкл Уэстмекотт с шерпами «невисотной» группы и с гаечным ключом в руке. Страдая от сильного кашля, он спускался на базу. Разъединив нашу лестницу, он промолвил: «Ничего я сейчас не хочу, кроме как выспаться». Я пожелал ему успешного быстрого спуска в мир уютных палаток, и наш повеселевший караван двинулся вперед с разделенной на две части лестницей.

От второй седловины, представлявшей собой обширную серую, покрытую развалинами террасу, путь шел вправо. Выпавший и продолжающий падать снег укутывал все белой пеленой, придавая окружающему какую-то таинственность. Без сомнения, следовало идти вправо: ледяная баррикада впереди в виде нагромождения обломков, столь же хаотичного, как содержимое тележки бродячего торговца, была совершенно неприступна. Она являлась последним бастионом перед ровным и уютным Цирком. Справа плита, сползшая с верхнего ледника, отошла от него, образовав брешь шириной метра два, похожую на щель в щипцах для орехов. К ней мы и направлялись, чувствуя себя более чем когда-либо пигмеями, ползающими по гигантским глыбам колотого сахара, которые некий великан щедро посыпал сахарной пудрой. Я вспоминаю, как я, доведенный до белого каления, клялся, что кто-то нарочно поставил эти штуковины на нашем пути. При каждом шаге я должен был предварительно

ощупать место, куда я ставил ногу, затем зондировал ледорубом и определял ближайшую надежную территорию. Наконец, ориентируясь по удачно расставленным флажкам, мы смогли после одной или двух ошибок осторожно закончить траверс и спрыгнуть на площадку. Отсюда веревка, прикрепленная карабинами к крючьям, вела через правый склон «Щелкунчика», как и впрямь стали впоследствии называть это место. Вниз шла вырубленная цепочка больших ступенек, однако несчастный Таши Футар, поскользнувшись после неуверенного шага, все же чуть не испортил «сюиту Щелкунчика». Цепочка ступенек кончалась большим шагом через ледяной скол, отсюда путь шел вверх, к продолжению ледяного хаоса.

Худшее уже было позади. Теперь необходимо сделать большой полукруг, прежде чем вновь подойти к основной стене, к точке, из которой можно увидеть наконец пятна желтых палаток. Мы подходили к выступающей части сбоку; вместо того чтобы использовать узкую ледяную щель, преодоленную передовой группой, мы очутились у великолепной восьмиметровой веревочной лестницы, полученной экспедицией в качестве подарка от Йоркширского туристского клуба. Здесь отличился Пемба, поднявшийся дважды, причем второй раз с ношей Таши Футара. Последний нервничал, опасаясь кувырнуться вверх ногами. Лестница была практически вертикальной, и деревянные ступеньки цеплялись за зубья кошек. Наверху из снежной пелены неожиданно вынырнули улыбающиеся физиономии Канча и Тенсинга, вышедших из лагеря нам навстречу. Скоро последние пологие склоны были преодолены; последняя трещина — и мы уже сидим на ящиках, распивая чай в обетованном лагере III (6160 м).

Постройка моста через большую трещину

Место было прекрасным. Ровная поверхность Западного Цирка именно здесь раскалывается, образуя ледопад. Колоссальные ледяные плиты, захватывающие порой большую часть ледника, нависают над долиной, дожидаясь своей очереди опрокинуться в нижележащий хаос. К вершине последней плиты Эд и Майкл Уэстмекотт прикрепили веревочную лестницу. Отсюда вместо нескончаемой ледяной неразберихи открылся вид на странное фантастическое ущелье. Ровная снежная поверхность,

утомляющая глаз своей монотонностью, плавно вела вверх, к Лхоцзе. Справа возвышалась Нупцзе — каскад падающих ребер, ныряющих с вершины до самого Кхумбу. Обращенная к Цирку скальная стена была теперь уже видна. Слева заявляло о своем присутствии Западное плечо; оно, казалось, висело над нами и все же было надежно отделено кулуаром, сбегаящим по склону к леднику.

Лагерь III представлял собой ласкающую взор группу палаток, установленных на плоскости, недалеко от края ледопада. Я разделил палатку с Тенсингом, весьма внимательным товарищем. Чтобы сохранить в тепле мои ботинки, он спрятал их вместе со своими между надувными матрацами. Джон, Чарлз Эванс и Эд собирались уходить и присоединяли к приташенной нами лестнице ранее доставленную секцию. В предшествующем году швейцарцы при пересечении большой трещины выше лагеря III столкнулись с серьезными трудностями; для облегчения этой операции и предназначалась наша лестница. Мы, последняя группа, прибыли сюда в 2.25. Теперь было 3.30.

«Должны ли мы идти с вами?» — спросил я.

Через минуту мы уже надевали кошки. От лагеря III дорога ведет влево, по направлению к громадной, прилепившейся под Западным плечом ледяной массе, которой суждено когда-нибудь свалиться в виде гигантских обломков на нижележащую плоскость. Примерно в сотне метров от лагеря начинается ведущая вверх ложбина с ледяными стенками, однако в том месте, где она сужается, переходить опасно из-за возможного обстрела сверху. Поэтому трое наших товарищей соединили три секции лестницы (5,5 м) около более широкой части ложбины. Мы закрепили веревкой нижний конец лестницы, и все без труда успешно переползли на другую сторону. Дальше зигзаг между трещинами. Затем широкий желоб, подобный предыдущему, но не со столь крутыми стенками. Я как раз начал вместе с Тенсингом обходить влево вверх, когда за нами внезапно начал спускаться Джон. Он усмотрел другой путь и, удерживаемый двумя товарищами, тяжело дыша от нагрузки, но все же равномерно спускаясь, начал рубить на крутой стенке ступени. Достигнув дна, он затем без особых затруднений вылез на другой край. Время приближалось к 4.45, к священному часу радиосвязи. Джон обернулся к нам: «Я знаю, что я поступаю по-свински, но не сможете ли вы вернуться, Уилф, вместе с Тенсингом на связь?»

Мы постояли несколько минут на краю трещины, поглядывая на таинственное ущелье, открывающееся наконец нашим взорам в просветах редящего тумана. Они пойдут дальше и увидят его. Я заметил помрачневшее лицо Тенсинга, его темные опечаленные глаза. Однако радиосвязь должна быть обеспечена, и мы поспешили вниз.

Ночь нашего прибытия в лагерь III была одной из самых холодных за все время экспедиции. Крыша палатки при свете свечи сверкала от выпавшего от нашего дыхания инея. Чашка кофе. Последняя сигарета. Завершающее, ни с чем не сравнимое наслаждение — заползти в спальный мешок, укрыть свое обнаженное тело от холода. Единственная ложка дегтя — необходимость манипуляций по приведению в порядок нижней рубашки, чтобы она не задиралась ночью вплоть до плеч. Или, возможно, еще более сильно действующая процедура — подкачивание надувного матраца; на этой высоте это тяжелая работа. В то время после урегулирования моих «носовых проблем» я уже крепко спал по ночам. Обычно я просыпался лишь с заложенным носом и пересохшим горлом, не более.

Дорога к лагерю IV

26-го Джон, Чарлз, Эд и Тенсинг готовились выйти для прокладки дороги к лагерю IV. Первые трое вернулись накануне в 6 часов вечера, весьма довольные тем, что между ними и верховьями Цирка не было никаких непреодолимых препятствий. Тем временем мы с Грегом готовились следовать с нашим высотным отрядом. Членами этого отряда были: Пазанг Дава, семнадцатилетний Гомпу, массивный Канча, маленький нервный Таши Футар, Ангтхаркей (не смешивать с большим Ангтхаркеем), Пемба Норбу и Фу Дорьи, выделяющийся своей оранжевой курткой. Это был веселый сплоченный коллектив. Мы вышли в 9.30, промешкав немного, так как трудно было скомплектовать полноценные грузы из малого количества прибывших к тому времени запасов. В 8.15 из-за большого Западного плеча выглянуло солнце; вскоре стало очень жарко. Поднявшись на снежный бургор, мы по очереди переползли через пятиметровую трещину. Шерпам, по-видимому, такие вещи с каждым днем нравились все более; действительно, было захватывающе интересно смотреть вниз сквозь ступеньки лестницы на голубые глыбы и обломки, рассыпанные по дну трещины.

Вскоре мы дошли до «Трещины Ханга». Я спустился первым, страхуемый Ангтхаркеем. В порыве чрезмерного усердия он так натянул веревку, что я двигался вниз резкими толчками, подобно кукле на шнурке. После сильного рывка я долетел до самого ледяного дна, отсюда нетрудный траверс вверх по снегу выводил на другую сторону. Шерпы храбро прошли по этому пути.

Одним из результатов нашей радиосвязи накануне было получение сведений о кошках. Так как было невозможно снабдить кошками всех шерпов, работающих на ледопаде, Джон просил меня отослать вниз кошки высотного отряда шерпов, поскольку путь по Цирку выглядел достаточно ровно и в течение недели кошки вряд ли понадобятся; в то же время идти без них на ледопад было бы безумием. Я шел без кошек, чтобы проверить, можно ли так идти. В этот день шерпы на первых же ровных участках скользили в свежем снегу. Позднее при сухой погоде было легче проходить весь путь без кошек.

Пройдя расселину, мы все еще находились прямо под нависающими ледяными сераками Западного плеча. Дорога естественно уходила вправо, к ровному снегу середины ледника. Я вытащил маркировочные флажки и начал их устанавливать. Когда мы впоследствии возвращались, сцена выглядела словно покрытая снегом площадка для гольфа. Виднелись лишь лунки от флагов. Приходилось без конца петлять, чтобы обойти гигантские, кажущиеся бездонными трещины, в которые мы с изумлением заглядывали или бросали куски льда, звякающие где-то в глубине и безмолвно исчезающие. Так мы шли вверх и вниз по малым и большим снежным буграм, зачастую поворачивая назад, чтобы обойти какую-то сверкающую голубизной преисподню, так что флаг, пройденный 20 минут назад, мог вдруг оказаться в нескольких метрах от вас. Наконец мы остановились перед подъемом в верхнюю часть Цирка.

Было безумно жарко. Грег снимал открывающуюся нашему взору панораму. Прямо перед нами, словно вставленная в раму, возвышалась 1200-метровая стена Лхоцзе, которую нам предстояло преодолеть: правая сторона рамы — вертикальные черные и желтые прожилки скал Нупцзе, перемежающиеся прямыми лентами жирно поблескивающего под лучами солнца льда. Гребень Лхоцзе казался удивительно хрупким рядом с правильной черной пирамидой, властвующей теперь над всем бассейном, — это Эверест, западное ребро которого падало на 2,5 километра до самого ледника. Между этими двумя велика-

нами повисло Южное Седло, словно веревка для сушки белья над тускло светящейся ледяной стеной. Тем временем я снял с себя всю, какую только смог, одежду, оставшись в хлопчатобумажной тенниске, вязаной куртке, пижамных штанах и плаще. И все это время солнце издевалось над нами, словно мы были в парнике. Оно накапливало тепло в скалах Эвереста и Нупце, чтобы поджаривать нас в нижележащей печке. Я намазался толстым слоем мази и надеялся, что пот ее не смое. Что же касается головы, густая шевелюра и борода казались мне достаточной защитой. Головного убора я никогда не надевал.

К этому времени мы достигли правой (орографически левой) стороны ледника. Преодолевая 180-метровый подъем, известный как первая ступень в Верхнем Цирке, мы уходили влево, к ряду громадных трещин, которые нам предстояло обходить или пересекать по ненадежным снежным мостам, требующим тщательного зондирования ледорубом.

Под конец трещин стало меньше. Мы находились теперь на ровной поверхности, ведущей, по-видимому, прямо к стене Лхоцзе. Было 12.30. Шерпы под комбинированным действием груза и жары начали увядать, и не было видно никаких признаков лагеря IV или группы Джона, по следам которой мы шли. Мы остановились и подкрепились шоколадом и финиками. Может быть, Джон в порыве энтузиазма ушел дальше, забыв указать, где находится лагерь IV. Ведь лагерь V должен был быть уже недалеко, и, если мы пойдем еще дальше, между лагерями III и IV будет непропорционально длинный переход. Мы решили пройти еще полчаса по плоскому участку и затем сбросить наши грузы.

Было 1.30, когда мы окончательно повернули назад. Шерпы лежали на снегу, тяжело дыша и глотая пригоршнями снег. Мы с Грегом обсуждали вопрос о том, что же будет в мае, если уже сейчас в полдень царит такая жара. Однако спуск оказал такое же влияние, как возбуждающий напиток. Мы спускались по леднику с трудом, но почти весело, пока не остановились, поджидая две появившиеся наверху точки: Эд и Тенсинг. Они быстро подошли к нам и сообщили, что швейцарский лагерь IV находится в получасе хода выше того места, где мы оставили груз. Джон и Чарлз скоро спустятся, а они пойдут вниз, вплоть до Базового лагеря. Тенсинг нашел швейцарскую банку полузамерзшего апельсинового сока, самого восхитительного из всех мыслимых напитков.

Все пошли вниз, причем теперь наши шерпы на плоском участке с небольшими буграми шли медленнее. Не доходя получаса до лагеря III, мы обнаружили в большой яме ниже наших следов все, что осталось от швейцарского лагеря III: два мешка, наполненные консервными банками. Взяв с собой Канча и Ангтхаркея, я спустился по склону, прошел через снежный мост и подошел к складу. Несчетное число банок пеммикана, пакеты с шотландской овсянкой, немного сыра и любимый швейцарцами «Санбол» — один из наиболее укрепляющих напитков. Мы захватили с собой сколько могли унести, и я составил список оставшегося. Экспедиция могла в крайнем случае прожить на одном пеммикане.

Сквозь снегопад, который искажал очертания каждой глыбы и увеличивал ее размеры, так что казалось, само Западное плечо вот-вот свалится нам на голову, мы потащились дальше. Лагерь III достигли в 3.45, незадолго до прихода Джона и Чарлза.

Этот день имел важное значение. Проложена дорога от лагеря IV почти до лагеря V, который мог быть не более чем в часе хода выше. Учитывая усталость шерпов, мы максимум должны были на следующий день перебросить грузы с того места, где их оставили, до лагеря IV, исходя при этом из положения, что переход совершается с каждым разом легче и быстрее.

Запись одного дня

Рассмотрим в качестве примера обычный экспедиционный день, например день высотной транспортировки грузов. Мы с Грегом все еще были в лагере III.

«Разбужены в 6.30 чашкой чаю. Лежу и малость читаю (тоже роскошь!) и наблюдаю, как капли падают с красной крыши палатки, стараясь зацепиться за мои волосы или бороду. Мешок покрыт снаружи ледяной коркой; некоторые вещи отсырели, в частности куртка, которую я использую в качестве подушки. Они должны высохнуть на солнце. Надевать куртку на ночь мне незачем, так как новозеландские спальные мешки достаточно теплые.

Вышли в семь. Небо серое, в Альпах сказали бы — снегопад. Но здесь мы, по-видимому, привыкли к хорошей погоде по утрам. Прямо напротив меня приветствует четкий треугольник Пумори, а у моих ног странный белый мир ледяных глыб и башен. Я сказал «глыб», хотя некоторые из них величиной с дреднот. Прекрасная гамма оттенков от зеленого и серого до кремового.

Завтрак в 7.15. Большое блюдо овсянки, которое я одобрил грейпнатсами. Грегу они слишком надоели в прошлом году. До настоящего времени мы оба отказывались от второго блюда — бекона. Другие блюда мы уничтожали весьма успешно. Только тушеное мясо яка, присланное сюда вчера, заставило нас капитулировать — настоящая подметка. После завтрака вылезаю вторично — навестить шерпов. Кое-кто нездоров: сильно болит голова или горло, просят кодеин. Сегодня очередь Пемба Норбу, который жалуется на мигрень и хочет остаться в лагере. Возможно, это и неплохо, так как все равно груза, принесенного вчера «низким» отрядом, хватает только на шестерых: палатки «Мид», кислородные баллоны, коробки с продуктами.

Мы связались и двинулись в путь. Я шел впереди, а Грег вел вторую связку, чтобы быть в состоянии нас фотографировать. Мы вышли в девять, и, учитывая неизбежную возню с распределением грузов, нужно сказать, что это совсем не плохо. Обычно я выкладываю и подготавливаю грузы примерно около восьми. Когда мы с Грегом вертим в руках веревки, готовые к выходу, шерпы внезапно усаживаются и начинают поглощать порции тзампы. Покончив с едой, они вылезают и по-своему переналаживают грузы. Сегодня решено оставить Пемба Норбу, чтобы привести в порядок столовую. Мы пойдем вперед быстрее.

Итак, в девять мы выходим. Пазанг Дава идет вплотную за мной и держит в левой руке многочисленные веревочные кольца. На узком снежном гребне шерпы все еще без кошек скользят по размякшему снегу. Дорога после «трещины Джона» выглядит более чем когда-либо похожей на площадку для гольфа, где последняя лунка находится за подъемом далеко, вне пределов видимости. Когда мы наконец добираемся до вершины этого бугра, через два с половиной часа ходьбы от лагеря, солнце воистину обрушивается на нас. Кто бы мог подумать, что на 6400 метрах может быть так жарко! Расстояния в Гималаях обманчивы. Кажется, что до следующего бугорка, укрывающего лагерь IV, несколько сот метров легкой прогулки. В действительности на это уходит целый час, и к концу мы пыхтим, как киты.

Проклинаю выпавший вчера вечером снег. Он совершенно уничтожил следы. Нам приходится пробивать, порой по колено в снегу, новую тропу. Останавливаюсь поправить два покосившихся флажка; мы снова отдыхаем, однако не так долго, как вчера. Удивительно, как за три

проведенных здесь дня мы акклиматизировались и как улучшилось наше дыхание. Нам кажется, что мы движемся так же быстро, как в Альпах. Впрочем, в будущем кино покажет, что это не так.

Наконец! Взглянув налево, видим коробки, обозначающие месторасположение лагеря IV. Пара сотен медленных шагов, и мы пришли, особенно радуясь тому, что дотащили сюда оставленные ранее грузы. Время 12.20. Коробки, частью цилиндрические, частью квадратные, остались от швейцарцев. Одна из них содержит продукты питания: овоспорт, витавит, нескафе, сыр и даже банку апельсинового сока, которую Канча успел проткнуть ледорубом. Я объявил о приказе Джона, запрещающем открывать ящики с продуктами, однако хотел соблюдать это правило в те однообразные дни, когда здесь соберется весь коллектив. Ругая «преступника», мы не можем устоять, чтобы не вкусить плодов «преступления». Но вообще есть не очень хочется — немного малинового джема со снегом и шоколада. Приятнее всего посидеть.

355

Внезапно слева, со стороны трещин, под западным гребнем раздается шум. Лавина! Сильный треск, затем низкий гул. Обломки величиной с добрый собор отделяются от нависающих сотней метров выше ледяных сераков и валются вниз. Падая, они разбиваются в пыль и катятся волна за волной, заполняя легкой дымкой ущелье. Грег мгновенно выхватил свою камеру и лихорадочно снимал. Я стоял в трансе, следя взором, как медленно оседает каждый вал снежной пыли. К счастью, наш лагерь расположен в центре, вне опасной зоны.

Пока мы сидим, Эверест и Лхоцзе исчезают в дымке светящегося тумана. Солнце пробивается через вуаль, которая, кажется, еще более усиливает жару. Поднимающиеся к Кхумбу облака заволакивают скалы Нупце. Когда мы начинаем спуск, уже падает снег, почти горячий снег. Так душно, что даже теперь мы не рискуем надеть плащи и предпочитаем наблюдать, как снег тает на обнаженных руках и затылках. Настроение шерпов в корне изменилось. Они несутся вниз во всю прыть, с криками и песнями, неохотно уступая сагибам лидерство, которое последние стремятся всячески удержать за собой, дабы не мчаться слишком быстро. Снежные мосты через трещины по-прежнему ненадежны, а шерпы по-прежнему склонны к бегу и прыжкам. Спустившись ниже, попадаем в привычный послеобеденный снегопад. Приходится сделать остановку и одеться потеплее. И опять вперед, подгоняя друг друга, прыгая, скользя, с шутками и ост-

ротами. Пересечение ровного участка снова требует многочисленных зигзагов. Попадают раздражающие подъемы, весьма утомительные, так как темп и дыхание уже настроились на спуск. Слева, в стороне, виднеются жалкие остатки швейцарского лагеря III — небольшая кучка банок с пеммиканом. Мрачный туман скрывает «трещину Ханта» и мост. Одолеваем последний снежный холм. Внезапно неясные желтые очертания палаток просвечивают сквозь мрак. Приближается высокая, хорошо укутанная фигура — Том Стобарт, как всегда, в погоне за кинокадрами.

356

Пемба, к счастью, уже скипятил воду, что требует не мало времени, когда ее приходится топить из снега. Скоро появляется чай, затем по специальному запросу Грега суп и снова чай. Жара и усталость высосали из нас всю влагу. Мы болтаем о том, как идут дела в Базовом лагере, и радуемся, что находимся в таком приятном месте. Мы вернулись в 2.45, что по гималайским стандартам означает вполне приличный рабочий день. В 4.30 мы уже в спальнях мешках. Вскоре в палатку вползает холод, и мы надеваем теплое белье. До ужина необходим еще один выход: раздать шерпам пилюли и сигареты, поболтать малость с ними и заказать Пазанг Дава приготовить вдоволь картошки с мясом и почки (чтобы компенсировать вчерашнего яка). В 6.30 снова появляется Гомпу с ужином. Кофе, трубка и беседа с Томом, оставшимся здесь ночевать. Затем пытаюсь почитать при свете свечи, однако лежать очень неудобно. Верчусь и извиваюсь, поясница затекает, снова верчусь и куда-то скатываюсь. В 8.30 решаю в последний раз подкачать матрац.

Занятный матрац. Как я уже говорил, клапаны обладают жутким темпераментом. Если я к ночи накачаю матрац до отказа, то к 6 часам утра я лежу почти на земле. Поэтому я подкачиваю его непрерывно, скорчившись, с согнутыми коленями. Станный свет пробивается сквозь стенки палатки. Я должен вылезти. Вперед, по ту сторону ущелья, словно сбитая на бок сутана монаха-доминиканца, ослепительная, белоснежная Пумори отражает лунный свет; нереальность вершины усиливается кольцами тумана, скрадывающего и искажающего ее очертания. Ближе к нам ускользающий в сторону обрыв гребня преграждает путь свету. Его ледяные склоны отливают чистым серебром на черных скалах. Квадратные, похожие на ломти гигантского пирога сераки ледопада все еще купаются в серых полутонах. Но за ними, высоко

над Цирком, зубчатый черный гребень Лхоцзе пересекает лунный диск.

Я стою, зачарованный красотой, жадно впитывая каждую деталь, пока мои мерзнувшие ноги не возвращают меня грубо в мир палаток, надувных матрацев, спальных мешков, в мир прозаических вещей, властно напоминающих о своем существовании. Вползаю обратно в палатку. Правильно сказано, что гималайский восходитель проводит большую часть своего времени на спине. Приятно сознавать, что подобное безделье, хочешь не хочешь, является вынужденным. Хватит читать. Спать — ближайšie десять часов!»

357

Лавина и спуск

Однако именно в эту ночь сон не очень-то удался. Я проснулся от легкого снегопада на мое лицо. Снег, по-видимому, проникал где-то между палатками, однако при свете фонарика я не смог обнаружить щели. Книжки, постельные принадлежности и рюкзаки были покрыты тонким слоем снега. Повозившись немного, я плюнул, завернулся в уцелевшие от снега тряпки, натянул капюшон на нос и снова заснул. Для этой задачи, как для многих других решение найдется в будущем.

Такое приятное и полезное времяпрепровождение длилось до 30 апреля. Нам нравилась наша компания и компания шерпов, нравилось, что мы знаем, что нам нужно делать, и нравилось работать в этом местечке, вдаль от Базового лагеря с его неизбежным бесконечным обсуждением планов, личностей, возможностей, со смутным ощущением своей вины, неизбежным в большом коллективе, когда ты считаешь себя лентяем, если не хватаешься сразу за следующую работу.

Шерпы также становились с каждым днем все более расторопными и готовыми к действию. Были установлены рекорды: по подъему по Цирку — три часа двадцать минут, а также по спуску — час тридцать пять. Иногда, к тому моменту как мы добирались до лагеря IV, был мертвый штиль и жара, как в печке; иногда подкраившийся ветер пробирал до костей. Это могло привести на последней стадии восхождения к типичной для больших высот нервозности. Я чувствовал себя глубоко несчастным и был вне себя от ярости, если Грег хотел идти первым и прокладывать след, так как тогда должен был приноравливаться к ширине его шага. Обычно шерпы «невысотного» отряда

приходили снизу и после нашего возвращения уходили, но иногда к нам приходили посетители, как, например, Эд и Джордж Лоу, появившиеся как-то после обеда из снегопада, чтобы сменить наши радиошлемофоны. И при любых обстоятельствах — галки. Эти очаровательные птицы, самые нахальные в мире, сновали вокруг с важным видом, поклеывая каждую крошку или копаясь в спитом чае. Их черные круглые тела и оранжевые ноги придавали им вид придворных времен Елизаветы.

30-го числа Грег пошел вниз, а я вышел с последней заброской. Пока сортировал и переписывал припасы, принесенные в лагерь IV, Гомпу ворчал по поводу того, что ему запретили открывать банку с апельсиновым соком. Таков этот детски непосредственный народ: надутый и мрачный в данную минуту, но всегда ненадолго, в следующий момент он уже улыбается; готов зачастую взять что-нибудь для себя и так же готов положить свою голову, защищая собственность сагиба от других. Высотный отряд пошел вниз под руководством Эда и Джорджа, в то время как Джон, Том Бурдиллон и Чарлз Эванс поднялись в лагерь III, чтобы начать разведку очередной стоящей перед нами проблемы — стены Лхоцзе. Они должны были организовать лагерь V и двигаться дальше. Джон стремился выйти 1 мая в 8.30, так как все применяли в качестве эксперимента аппараты с замкнутой циркуляцией и мои высказывания о жаре, царящей в Цирке, наполняли Тома тревогой. Должен сознаться, что я улыбался, зная, насколько несбыточными были их надежды. Было 9.45, когда они наконец вышли из лагеря. Тому пришлось сначала выполнить большую работу по сборке аппаратов, затем привычная возня с подготовкой шерпов к выходу: подгонка грузов, веревок, кошек и т. п. Установка с замкнутой циркуляцией выглядела более тяжелой (15 кг) и громоздкой, чем я себе представлял: три зеленых баллона, жестянка в виде ящика, пристроенный снизу «болтун». Повертевшись вокруг регулирующих ремней, я пожелал удачи, отнюдь не завидуя тем, кому предстояло преодолевать пышущие жаром склоны, ведущие к мосту. Что касается меня, я решил ждать, пока поднимется «невысотный» отряд, с тем чтобы вести его вниз. Чарлз Уайли и Майк Уорд могли, если хотели, присоединиться к Джону для исследования стены Лхоцзе. Наведя кое-какой порядок, я уселся на ящик в защищенном от ветра местечке. Рядом с ящиком, как оказалось, лежала «Книга об английской поэзии». Никогда я не читал с таким удовольствием Уордсуорсовские «Оду» и

Школьницу-цыганку», как в это солнечное утро, с сознанием хорошо выполненной работы. В какой-то момент мое чтение было прервано громким звуком, донесшимся от Западного плеча,— очередной обвал. Громадные глыбы скатывались с нарастающим грохотом по скальным отвесам до самой мульды на ледниковом склоне, которая очень ловко прекращала их падение. Казалось, что некий гигантский ребенок швыряет вниз ледяные кирпичи весом в тысячи тонн. Туча снежной пыли взлетела вверх и медленно, очень медленно стала оседать на расположенный метрах в 400 лагерь, образовав миниатюрный снегопад, от которого уже пришлось скрыться в палатке.

В 11 часов мое приятное чтение было нарушено криками шерпов, штурмующих последнюю веревочную лестницу. Это был «невысотный» отряд под предводительством ветерана Дава Тхондупа. Все были обуреваемы энтузиазмом. Я разжег примус и стал ждать Гриффа, который был техническим руководителем отряда и для которого у меня были припасены послания, касающиеся Да Намгиала и Гиальена, двух заболевших шерпов из группы Джона.

В 12.15 отряду уже не терпелось возвращаться вниз, и мы тронулись в путь. Мы встретили Гриффа Пью как раз у подножия веревочной лестницы. У него были «неприятности с Мингма». Мингма, четырнадцатилетний сын Да Тенсинга, проходил обучение, работая ординарцем у Гриффа. Когда на Гриффа начинала действовать высота, он мужественно продолжал идти и при расспросах признавал лишь, что «Мингма что-то не очень хорошо себя чувствует сегодня!», и ушел вместе с шерпами вниз. Я согласовал с Гриффом все дела, и мы продолжали путь по хорошо протоптанной дороге, необычайно быстро дойдя до лагеря II. Пройдя еще ниже, мы встретили Чарлза Уайли и Майка Уорда, поднимающихся, чтобы присоединиться к разведке стены Лхоцзе. Они использовали аппараты открытого типа. В 2.45 мы были на Базе. Здесь был лишь Эд Хиллари, который готовился провести на следующий день вместе с Тенсингом опытный переход с аппаратами открытого типа до лагеря IV и обратно. Джеймса Морриса из «Таймса» мы встретили, когда он впервые преодолевал ледопад (это было вообще его первое восхождение), эскортируемый Джорджем Бендом и Майклом Уэстмекоттом и всем «невысотным» отрядом. Джордж Лоу, Грег и Том Стобарт ушли к тому времени вниз, к Лобуе, к первому лагерю, ниже Озерного, где была хорошая вода и зеленая травка. Этот лагерь вообще счи-

тался у нас «домом отдыха». В нашей высокогорной работе наступала пауза. За исключением группы разведки, которая должна была спуститься несколько позже, все шерпы и сагибы нуждались в отдыхе перед следующим этапом. Сдал даже Тхондуп; восхитительные лепешки к чаю, о которых я мечтал все время на спуске, так и остались несбывшейся мечтой.

Мы с Тенсингом попытались рассчитать потребности в продуктах питания для шерпов на оставшийся период. Казалось, мы уже истратили значительную часть наших запасов и превысили лимит в 2500 рупий, выделенных на все время экспедиции. Эд связался по радио с лагерями II и III. Как это часто случалось, связь была крайне плохой. Мы поняли только, что как будто лагерь III разговаривал с лагерем IV, установленным в тот день группой Джона. Больше ничего не было слышно, рация была выключена, и я присоединился к Эду в его палатке для ужина: сказочные котлеты из мяса яка! Проблема была решена с помощью тривиальной мясорубки. Затем мы обсуждали, каким путем разведка выросла от группы в два человека до крупного отряда, в который входили шесть сагибов. Затем Эд включил приемник, и мы оба единодушно решили, что цейлонская рекламная программа звучит на леднике Кхумбу весьма странно. «Чистили ли вы зубы сегодня пастой, Мак-Лин?» и «Когда вы мрачны, Эно» являются необычной колыбельной для «сна среди уединенных холмов». Необычной, но не святотатственной, ибо я думаю, что точка зрения альпинистов в этом отношении претерпела существенные изменения. В тридцатых годах и ранее горы служили средством избавления от таких усложнений в жизни, как, например, наличие радио. В настоящее время Гималаи сами по себе стали интересным усложнением. Лазить на них — занятие, вполне совместимое с рекламой. Фактически оно зачастую требует рекламы. Необходимость оправдания альпинизма описанием природы соответственно уменьшается. Возьмите «бестселлер» «Аннапурну». Если вы помните, там ведется рассказ о практических вещах: о восхождении, о проблемах снабжения, о страданиях и жестокости хирургии, а вовсе не о солнечных восходах и о красотах снежных полей. И мы прислушиваемся без всякого возмущения к различным видам домашнего комфорта, восхваляемым пискливыми женскими голосами. Я залез в свою палатку с мешаниной песен и грохотом лавин и рекламных дифирамбов, сопровождающих меня во сне.

Прогулки по ледопаду

1—14 мая

Лагерь отдыха в Лобуе

2 мая я с громадным трудом встал в 6 часов утра, чтобы помочь Эду отрегулировать какую-то гайку в его аппарате. Затем я снова залез в постель. Эд и Тенсинг вышли в 6.30. Позднее мы узнали, что они промчались по ледопаду как на крыльях, добрались до лагеря IV (6460 м) и вернулись к концу дня при отвратительном снегопаде.

361

Именно во время этого спуска произошло событие, о котором так много писали некоторые газеты. Эд был обманут одной из бесчисленных заклинившихся ледяных глыб, поскользнулся и провалился в трещину. Тенсинг, шедший за ним, удержал его на веревке. Типичный случай для «восхождения в связках»!

Вскоре солнце в Базовом лагере начало припекать. Стало слишком жарко для верхней одежды и достаточно тепло для умывания. Наше верхнее платье, куртки и брюки были, пожалуй, наиболее удачной частью нашей экипировки. Они были сделаны во Франции, и, влезая в это одеяние, мы чувствовали себя, как если бы нас заворачивали в три пуховые перины, и выглядели похожими на зеленых неуклюжих медведей. Громоздкость одежды не играла особой роли, так как она была удивительно легка и могла в сильной степени сжиматься. По своему действию она равнялась четырем свитерам и обладала тем преимуществом, что ее в мгновение ока можно было снять и снова надеть, как только похолодает. Итак, раздевшись, я нежился на солнце и впервые с тех пор, как мы покинули Тхьянгбоч 9 апреля, сменил сорочку. Я поздоровался с Гриффом, который вынужден был спуститься из лагеря III, так как кто-то неосторожно подменил его ящик ящиком с банками сока манго. Должен признать, что Грифф воспринял это горестное событие весьма мужественно и пережил свое поражение в битве за эксперименты как истинный мужчина.

После обеда я направился в Лобуе. По этому же пути шествовала вереница шерпов, использующих два-три дня «каникул», чтобы навестить свои семьи. Они отобрали у меня рюкзак, так что я шел под ярким солнцем в тенниске и болтающейся за спиной штормовке. Ледяные башни кругом сверкали голубыми молниями, и я шел медленно, наслаждаясь окружающей красотой. Дорога по покрытому снегом льду была к этому времени хорошо пробита. Ниже Озерного лагеря начался послеобеденный снегопад. Я никогда ранее не проходил по этому пути, так как Лобуе лежит на правом берегу Кхумбу, так же как и Пумори. Приходится пересекать старое ложе ледника, ориентируясь по турам, которые в тумане или снегопаде заметить нелегко. Случилось так, что я потерял дорогу и вынужден был возвращаться, так как далеко опередил шерпов. Наконец, спускаясь по узкому ущелью с плоским дном, которое фактически является частью мульды между склоном и мореной, я дошел до травы. Дорога казалась бесконечной. Сквозь пелену падающего снега каждая глыба выглядела как здание, пока я не утыкался в нее носом. Я был уверен, что заблудился, и в перспективе маячила холодная ночевка среди скал при отсутствии свитера. Я приуныл. Может быть, мне удастся добраться до Фалонг Карпо, расположенного далеко внизу. Там я найду во всяком случае крышу и огонь. Внезапно справа, в стороне, появилась каменная постройка явно шотландского вида, а рядом с ней неузнаваемая под белым покрывалом наша желтая сводчатая палатка. Вскоре я был уже внутри, где первым долгом начал забирать у хозяев свитера.

Тому Стобарту нездоровилось, он хрипло дышал, страдавая бронхитом, оказавшимся при последующем диагнозе началом воспаления легких. Среди шерпов также были больные. К Тхондупу присоединился в каменном доме Топки, которого замучил кашель, а позже Да Намгиал, вернувшийся с разведки в жалком состоянии. Я не переставал никогда удивляться, вспоминая эту болезненную, страшно худую фигуру с опухшими глазами и жалкой улыбкой и переноса затем свои мысли к Да Намгиалу, поднимающему вместе с Джоном заброску на восточный гребень до высоты 8340 метров. Джордж Лоу и Грег сидели у приемника, ибо Грег страшно болел за победу своей родной команды «Блэкпул» в розыгрыше Кубка по футболу. Лобуе даже в тот момент казался уютным лагерем. Это впечатление намного усилилось следующим утром, когда дружеское солнце растопило снег и пригласи-

сило нас повалиться на травке, уже усыпанной лиловыми примулами. Пройдя несколько шагов, вы подходите к речке, где можете сидеть часами, наблюдая зеленые водоросли, извивающиеся в кристальной воде, горихвосток, прыгающих по скалам, и даже, если вам повезет, бесхвостую тибетскую крысу или каменную куницу, важно выглядывающую из своей маленькой каменной крепости.

В Лобуе все призывает к отдыху, и этим он отличается от других лагерей. Здесь просто нечего делать, кроме как писать, читать или есть. После двухдневного пребывания здесь каждый испытывает ощущение сказочной свежести — следствие отдыха после нагрузки. Это ощущение контраста является, пожалуй, наиболее сильной составляющей чувства радости в любых обстоятельствах, особенно в горах; чувство удовлетворения после хорошо проделанной работы одновременно с желанием сделать еще больше. После полудня пришел Эд, рассказавший о своем восхождении. На него произвело сильное впечатление влияние кислорода на скорость движения. Спуск при вечернем снегопаде был, по-видимому, крайне неприятным, а все вместе, осуществленное за один день, следовало признать выдающимся достижением. Аппарат с замкнутой циркуляцией, примененный на одном из участков во время разведки стены Лхоцзе, работал, как сказал Эд, не слишком хорошо; он сильно перегревался и в отличие от аппарата с открытой циркуляцией вызывал чувство утомления.

Так или иначе в Цирке решительно действовала группа разведки, а мы сидели здесь, среди примул у журчащей речки. Сейчас по крайней мере все было хорошо. После обеда нас вновь донимал снегопад, однако на этот раз более хилый, чем вчера. Во время последовавшей беззаботной болтовни внезапно замаячила темная, покрытая снегом фигура — наш курьер, ожидаемый в этот день. К тому времени действовала уже хорошо налаженная Грегем система: курьеры забирали почту для Катманду и возвращались. Поскольку Джеймс Моррис имел, кроме того, еще и свою собственную систему доставки почты, мы обычно были хорошо обеспечены связью.

Теоретически почта приходила раз в неделю, если же курьеры ухитрялись покрывать путь до Базового лагеря за рекордный срок в 6 дней, они получали премию 100 рупий. Некоторым это удавалось, в отношении других, отнюдь не торопящихся, термин «скороход» был явно идеализированным. Разговаривая между собой, каждый

из нас обещал «перерезать горло курьеру за опоздание», когда он появится. Легко понять, что в действительности эта сумеречная фигура была встречена дружными криками «молодец!» и каждый немедленно погрузился в свои письма. Снимки жены и ребенка в тот вечер несказанно приблизили ко мне родной дом.

Утром туман. Сквозь небо неясно светятся вершины, как будто грани их деформированы. Большинство из нас провели 4-е число все еще в палатках, беседуя и намереваясь что-то писать. Разговор шел на различные темы: от экспедиционных книг до предела возможного в альпинизме. Я потихоньку прошелся вниз по ущелью, пытаясь взглянуть на Пумори и другие вершины, царствующие над верховьем Кхумбу. На этом расстоянии они просматривались под правильным углом зрения: благородный, зубчатый силуэт на синем небе. В 6.30 вечера я вновь вышел погулять, так как снегопад прекратился.

Туман исчез, и вся группа Кангтега была хорошо видна на фоне странного бледно-розового неба. Бесконечный покой охватывал долину. Тавече опоясала себя облаками и казалась выше ранее виденных нами вершин. Пока я любовался открывшейся мне картиной, розовое небо постепенно темнело, приобретая медный оттенок, а вершины продолжали выделяться на нем словно картонные модели.

В этот вечер оба Джорджа установили радиосвязь между Лобуе и Базовым лагерем, что для десятикилометрового расстояния было неплохо. До сих пор еще не было врача, могущего осмотреть Тома Стобарта, и состояние последнего внушало нам опасения. Он ежедневно мужественно уверял, что чувствует себя лучше, и лишь на третий день это начало приближаться к истине. На следующий день, 5-го, всем, кроме меня и Эда, нужно было идти наверх, чтобы вновь приступить к переноске груза на «низких» участках. Джордж Лоу с Майклом Уэстмекотом и Джорджем Бендом намеревались пойти выше для штурма стены Лхоцзе. Наконец группа разведки спустилась для отдыха в Лобуе. Ко времени ленча появился Грифф. Хотя он не являлся нашим официальным врачом (Майк Уорд был в это время на стене), однако он, как нельзя кстати, прервал свои эксперименты и спустился, чтобы осмотреть Тома и шерпов, которым особенно по душе был стетоскоп.

После всех этих осмотров, во второй половине дня возникла великая дискуссия на тему о сравнительных

преимущества замкнутой и открытой систем кислородных аппаратов. Недостатком первой системы все считали повышенный вес, 15 килограммов, что было крайне неприятно и вряд ли могло компенсировать повышение эффективности до условий, соответствующих уровню моря. Грифф был с этим не согласен.

События на ледопаде

Утром 6 мая, хорошо отдохнувши, мы с Эдом сложили свои вещички и, тяжело нагруженные, направились вверх, к Базовому лагерю. Около озера мы внезапно увидели Джона, который, по-видимому, спустился с Пумори. Хорошо зная неистощимую энергию и усердие Джона, даже такой необыкновенный факт нас не особенно удивил. На самом деле оказалось, что он заблудился, взяв слишком вправо и рано сойдя с ледника. Он направлялся вниз для посещения Тома, хотя сам всегда отвечал категорическим отказом на неоднократные предложения отдохнуть в Лобуе, мотивируя это отсутствием связи с верхними лагерями. Джон рассказал нам несколько подробнее о плане: в настоящее время — продолжение переноски грузов на низком и высоком уровнях вплоть до 15 мая. К этому времени все должны перейти в лагерь IV, в передовой Базовый лагерь.

365

Утомительный подъем продолжался; в этой замкнутой, залитой солнцем чаще, нас начало обволакивать нечто вроде «ледниковой усталости»: сильное утомление всего организма, хотя нагрузка лишь на спине. Ледовые столы и башни, покрытые дымкой этого майского утра, потеряли свое очарование. Наконец мы добрались до цели одновременно с бараном, доставленным Нимми вместе с тзампой, рисом и сухим картофелем. Нимми было приказано доставить двух баранов. Однако крестьяне здесь слишком бедны, чтобы с ними расставаться; к довершению всего баран, которого он ухитрился раздобыть, заболел по дороге.

В 3.30 вернулась группа разведки. Чарлз Эванс и Том с помощью Майка Уорда и Чарлза Уайли разбили бивак на месте старого швейцарского лагеря VI, примерно на четверти высоты стены Лхоцзе. Аппарат Майка стал барахлить, Майк начал задыхаться, и ему пришлось идти вниз. Несмотря на это, общее мнение склонялось в пользу открытой системы. Том и Чарлз, специалисты по замкнутой системе, провели ночь в лагере VI (7015 м)

и проделали отличную работу, форсируя стену в глубоком снегу. Однако становилось ясным, что этот путь к Южному Седлу будет долгим, более долгим, чем предполагалось. Этой ночью в палатке Джон поделился со мной подробностями плана дальнейших этапов, так как я должен был наутро уйти вверх с «низким» транспортным отрядом и не мог услышать официальной информации, которую он собирался сделать. Итак, предполагалась попытка штурма Чарлзом Эвансом и Томом прямо с Южного Седла с аппаратами замкнутой системы. Затем должна последовать вторая связка — Эд и Тенсинг — с применением открытых аппаратов и с промежуточным биваком на гребне. Стена Лхоцзе должна быть пройдена передовой группой в составе Джорджа Лоу, Джорджа Бенда и Майкла Уэстмекотта. Чарлз Уайли и я должны руководить шерпами, несущими грузы на Южное Седло. Вспомогательная группа для второй штурмовой связки, нуждающейся в промежуточном лагере, будет состоять из Джона и Грега.

Ночью я отметил в своем дневнике, что обязанность руководить шерпами оставляет мне мало шансов на что-нибудь новое, и уже решил, что, будучи писателем, то есть тем, кому суждено пером на бумаге фиксировать свой опыт, я должен написать свою личную историю экспедиции. Но о чем же я мог написать? Может быть, о высоте, накладывающей мрачный налет на монотонность восхождения? Мне вспоминается чувство разочарования, стынящие руки в карманах. Пихаешь камни ногой и говоришь: «Не думаю, чтобы я увидел что-нибудь новое». Подобно мальчишке, рвущемуся в нападающие, которому вдруг сказали, что ему придется стоять в воротах. Эти мысли застревали у меня в горле, когда 7-го числа я спустился и просил Джона, если нужно будет провести какое-то исследование, подумать обо мне. Его ответ был обезоруживающим. Чарлз Уайли и я были теми двумя, кто лучше всех мог довести шерпов до Седла. А небывалая по затрате сил заброска восемнадцати грузов (в действительности их оказалось девятнадцать) на высоту более 7900 метров будет иметь столь большое значение, что без нее завершающий штурм немислим.

На ледопаде произошли большие события. Первым была организация лагеря II. Никому лагерь II не нравился в основном, по-видимому, потому, что он был промежуточным и все считали его плохо оборудованным. Никогда в нем не останавливались больше чем на одну

ночь. Царящая в нем атмосфера пансиона низкого пошиба отнюдь не доставляла удовольствия. Радиосвязи, как правило, не было, редко работали оба примуса, а из-за глубоких проталин во льду лежать в палатках было крайне неудобно. В добавление ко всему была возможность обвала серака сверху и появления подозрительных трещин снизу. Как-то раз, когда из глубины раздался зловеющий грохот, дюжина обьятых тревогой голов мгновенно высунулась из палаток. Во время последнего периода «низких» забросок, когда щели расширились и стали превращаться в ледовые трещины, шерпы настаивали на том, чтобы не пользоваться лагерем II и осуществлять переноску грузов за один день сразу до лагеря III. Это была не такая уж исключительная мера; с привычкой любая дорога становится легче и короче. Кроме того, после 13 мая больше не было уже послеполуденных снегопадов и тропа сохранялась в хорошем состоянии.

Несмотря на все это, мне лично лагерь II нравился. В то время (начиная с 6 мая) Грег, Тенсинг и я руководили забросками, позднее нас должны были сменить отдохнувшие Чарлз Уайли и Майк. Состав моего отряда при подъемах был разнообразным. Я мог ютиться в палатке с десятью шерпами или мог иметь отдельную палатку, покидая ее только для того, чтобы проверить, как идет приготовление ужина, поболтать или разжечь примус.

Шуршание вечернего снегопада навевало пессимистические мысли о предстоящем на следующий день тяжелом труде. Я лежал и слушал, немного читал или писал и снова слушал. К 5 часам снегопад обычно прекращался, и тогда я выходил, чтобы полюбоваться темнеющим контуром Пумори, расплывающимся в дымке поднимающегося из долины снежного тумана. Высоко над ним небо было покрыто медленно плывущими облачками. Солнце уже зашло, но его отраженные лучи еще освещали нежным серебром ближайшие очертания ледопада: колоссальные складки и белые отвесы, внезапно сменяющиеся мрачными пропастями (такая гладкая поверхность, что хотелось погладить ее); дикое, но аккуратное величие — кубики, сложенные гигантской детской рукой. Ночь будет безоблачной звездной сказкой над черными дружественными очертаниями.

Мне нравится лагерь II и потому, что именно здесь мне удалось поближе познакомиться с шерпами. В тесной обстановке (порой по три человека в палатке) и в отсутствие других сагибов они открывали свое «я».

Поднимаясь 7 мая, после пятидневного перерыва, по ледопаду, я заметил громадные перемены в его нижней части. Ложбина превратилась здесь почти в реку. Снежные мосты угрожающе трещали под ногами, готовые провалиться в тартарары. Поднимаясь по старым следам, я внезапно очутился по колено в потоке и оцарапал пальцы о ледяную корку.

Вниз по первым зигзагам ледопада бежали многочисленные ручейки. Выше появились новые сераки, а трещины значительно расширились. По первому мосту, замененному теперь сосновыми бревнами, шерпы пробегали весьма бодро. Даже Таши Футар решился проходить по нему стоя. Однако на полпути мужество едва не покинуло его. Он покачнулся, ступил назад, зацепился кошкой... Но последовал прыжок, остальные рванули веревку — он был уже на той стороне, а товарищи разразились хохотом.

Ледопад, прокладывая путь вниз, жил своей жизнью. Его «шкура» морщилась и трескалась. Часто приходилось петлять, избегая вновь образовавшихся трещин. А конечное ущелье! Ранее я сравнивал его с частично засыпанной продолговатой площадкой для гольфа в Хинкиде; лунки превратились в бездонные пропасти, а небольшие холмы стали наводящими ужас великанами. Вначале, как и раньше, надо было брать влево, переходить мост по бревнам длиной 1,8 метра, принесенным этим утром Да Тенсингом и Гиальеном. Последние должны были меня сопроводжать, но ушли вперед. Далее продолжалось бесконечное движение вперед-назад, остановки, зондаж снега ледорубом, поиски маркировочных флажков. За прошедшую неделю образовалась совершенно новая дорога по новому леднику.

10-го числа на Базе я вылез в 7 часов утра из уютного мешка и оказался вовлеченным в длительный разговор с Джоном, находящимся в лагере III. (Он накануне вместе с Эдом поднялся туда для руководства двумя высотными забросками, между лагерями III и IV и между IV и V.) Появились, по-видимому, два новых опасных места: громадная глыба, нависшая над «Аллеей адского огня», и трещина между лагерями II и III. Последняя угрожающе расширялась, так что обе секции дюралевого моста все меньше и меньше перекрывали снег на каждом краю. Смогу ли я проверить эти места, когда пойду вверх со своими шерпами? Джон считал, что решению второй задачи может помочь веревочная лестница, протянутая между верхним и нижним краем трещины.

Солнце сияло вовсю, когда мы утром упаковывали большую палатку, служившую до этого на Базе сагибам. Без нее сразу вокруг стало уныло, а черная ледяная пещера казалась и вовсе мрачной. Как обычно, утро было жарким, и мы щеголяли в теннисках. С трудом поднимаясь к «Аллее адского огня», я вскоре дошел до подозрительного серака. Это была здоровенная грибообразная глыба, размером с небольшой автобус, приютившаяся на плоском «стебельке». Сзади она примыкала к зеленой трещине в выпуклом ледяном массиве. Первой задачей было отделение ее от стены. Шерпам вся эта работа была не по душе. Совершенно ясно, что во время остановок надо отдыхать. Зачем тратить энергию на какие-то «детские игры»? Однако они все же согласились помогать. С трудом я вскарабкался наверх. Отделить тыловую часть было нетрудно, но куда сложнее было добраться до «стебля» гриба так, чтобы серак не свалился мне на голову. Согнувшись вдвое, я долбил и долбил. На такой высоте это была тяжелая работа; я задыхался, останавливался, поворачивая ледоруб, и снова работал. Вскоре «стебель» стал угрожающе тонким. Мы пустили в ход таран — бревно длиной метра 2,5, принесенное снизу для устройства моста. Один из шерпов согласился таранить серак вместе со мной. Мы взяли бревно, несколько отошли и стукнули как следует. При втором ударе «неприятель» дрогнул, перевернулся вверх тормашками и грохнулся на наши нижележащие следы. Пусть теперь лежит среди своих собратьев. Мы помогли природе и, возможно, себя обезопасили.

Для меня верхняя часть ледопада больше всего ассоциируется со свежевывавшим снегом. Я всегда старался выходить до 8 часов, пока солнце не размягчило его, и обычно мне это удавалось. 11-го мы вышли в 7.50. Следов не было видно, но было сплошным удовольствием на этом участке размашисто шагать, уверенно ставить ногу на хрустящий ажурный иней, надежно вонзать при каждом шаге ледоруб для самостраховки. Однако, когда появилось солнце, вместе с утренней дымкой растаяло и удовольствие. Мы добрались до еще более расширившейся большой трещины и оставили на краю принесенное бревно, собираясь на обратном пути удлинить им мост. Когда я посмотрел направо, весь верхний склон показался мне внезапно наполненным жизнью. Часть верхнего края трещины, метров 15 длиной, с ужасающим грохотом обвалилась в пропасть. Об устройстве веревочных лестниц в этом месте нечего было и думать. По мере подъема

снег становился глубже и идти стало тяжелее. Остальным в Цирке было, по-видимому, не сладко! До лагеря III мы добрались к 10.15 и нашли здесь записку Эда, в которой он требовал многие вещи; надо сказать, что Эд отвечал за транспорт между III и IV лагерями, Джон — между IV и V вплоть до стены Лхоцзе, тогда как Джордж Лоу, Майкл Уэстмекотт и четверо шерпов отправились работать на самой стене. Джорджа Бенда, который также был с ними, я нашел 8-го числа в лагере III страдающим от сильной боли в горле. 9-го он спустился в Лобуе для отдыха.

По просьбе Эда мы установили большую палатку и отправились вниз. Дойдя вновь до трещины, мы остановились. Все ясно! Концы лестницы сантиметров по шестьдесят, которые так уютно покоились на снегу с каждой стороны трещины, укоротились теперь сантиметров на пятнадцать. Как удлинить мост? Очевидно, надо было подвязать к одному концу бревно, что позволило бы передвинуть другой конец лестницы дальше от края. Я вырубил углубление для конца бревна и выровнял площадку для лестницы. Последняя у этого конца сильно наклонялась влево, вызывая у переходящего неуютное ощущение, что его кто-то заставляет прыгать в пропасть. Положив бревно, я приготовился привязать его к лестнице и со вздохом подумал о том, как бы мне помог сейчас хороший такелажник! С веревкой, еще не оттаявшей после того, как мы утром вытащили ее из ледяной щели, никакой уверенности в надежности моих узлов не было.

В конце концов мы, по-видимому, придали конструкции достаточную надежность. Во всяком случае никто не мог с нее свалиться от резкого сдвига моста, так как верхний конец был надежно зарыт в снегу, а нижний поддерживался хорошо уложенным бревном. Впоследствии вся конструкция была значительно усовершенствована Майклом Уэстмекоттом, который хорошо подвязал два бревна, по одному с каждой стороны лестницы, и сделал настоящие сходы. Мы продолжали спуск при снегопаде, не останавливаясь в лагере II, и достигли Базы к 2.15, вполне готовые проглотить ленч и чай Тхондупа одновременно. Пара яиц в комбинации с оладьями полностью восстановили силы.

Перечитывая в этот вечер свой дневник, я подумал о том, как стандартно прошел этот день и насколько я уже позабыл о благородной цели восхождения на Эверест. Я мог бы с равным успехом провести этот день, строя мост с отрядом молодых бойскаутов из Чатерхауза. Даже красота окружающего, став обыденной, не радовала бо-

лее глаз. Никакое, даже необыкновенное, происшествие не может, как я думаю, долго сохраниться в памяти на наивысшем уровне.

В этот вечер снегопад был особенно силен. Снег кружился вихрями, все покрывал и быстро твердел. Скоро на каждом ящике красовался большой головной убор в 7—8 сантиметров толщиной. Из снежного тумана появились Чарлз Эванс и Том Бурдиллон, отдыхавшие в Лобуе. Настроение у всех было неважное. Джон, заваленный снегом высоко, в лагере IV, начал подозревать наступление муссона. Ведь был же случай в 1936 году, когда перерыва в плохой погоде не было вовсе. Однако в прогнозе, который мы каждый день получали от Индийского бюро погоды, ни слова об этом не говорилось. Каждый день мы слышали: «Возмущения с Запада. На высоте — снегопады и метели. Скорость ветра на высоте 9000 метров — 40—50 узлов». Может быть, они забыли про муссон? Джон попросил послать специальный запрос, чтобы узнать, где именно этот муссон сейчас находится. Предпочитая парусину кухонной палатки ледяной пещере, все устремились туда, оттеснив бедного Тхондупа и его очаг в самый угол. Однако, прежде чем устроиться как следует, я должен был заняться дополнительными сборами, ибо Джон просил меня и Майка Уорда идти вверх и помогать Джорджу Лоу в прокладке пути по стене Лхоцзе. При таком снегопаде это отчаянно трудная работа. Я с удовольствием согласился: все же что-то новое. Посматривая на падающий снег, мы обсуждали бесконечно и безрезультатно, как всегда, достоинства кислородных аппаратов с замкнутой и открытой циркуляцией. Грег считал, что попытка восхождения с замкнутой системой непосредственно с Южного Седла обречена на провал.

«Вы не можете добраться оттуда до высшей точки. И если даже это выльется в разведку Южной вершины, что из этого? Когда спуститесь, то либо заявите, что путь по вершинному гребню нетруден, либо скажете, что он дьявольски сложен. А дальше что?»

Тем временем я сел и стал обдумывать пришедшую мне в голову забавную мысль: сколько времени пройдет, пока я снова увижу Базу? Может быть, это будет через месяц, может быть, позже, а может быть, никогда. Мы перебрасывали все имущество в недавно организованный Передовой базовый лагерь. Мы продолжали беседовать, а снег все падал и падал, пока не настало время сесть за последний тхондуповский ужин и затем лечь спать.

Лагерь IV и выше

372

Рассвет 13 мая был безоблачным. Лишь над Чангцзе курился зловещий флаг, признак сильного ветра. Дел было много; надо было разобрать и упаковать вещи, окончательно отобрать продукты для питания шерпов. Во мне зрела неприятная уверенность, что на долгое пребывание наверху наших запасов не хватит. Нимми вскоре должен был возвратиться из очередной экспедиции за продуктами и с такой же целью отправиться снова вниз. Тенсинг ушел вверх, забрав с собой семь шерпов из «низкого» отряда. Мы же, Чарлз Эванс, Том Бурдиллон, Грег и я, вышли в 10.55. Недалеко от «Ужаса Майка» мы догнали шерпов, медленно прокладывающих в снегу траншею. У места отдыха, ровной площадки ниже «Аллен адского огня», мы их обогнали.

Начался снегопад. Однако сквозь хлопья снега я все же мог разглядеть бодрую улыбку Тенсинга. Мы взяли на себя лидерство, что было отнюдь не легким делом. Маркировочных флажков оказалось слишком мало, и мы часто путались, проваливаясь иногда в снег по грудь. Особенно трудной была дорога между громадными глыбами перед «Глупостью Хиллари», где предательский снег покрыл все ямы и трещины. В 1.50, когда мы добрались до лагеря II, снегопад прекратился. Сквозь светящийся туман доносилось странное гроыхание лавин из свежего снега, похожее на звуки пастушеского рожка.

Выше лагеря II путь как бы стал легче, если можно так сказать про последовательность операций: зондирование ледорубом, барахтанье в глубоком снегу, отыскание опоры для ноги, шаг вперед, учащенное дыхание. К этому времени слышались жалобы на усталость, подталкивание друг друга, невнятное бормотание. Однако вскоре мы встретили спускающуюся группу Майка Уорда; протоптанная ими дорога облегчила наш путь.

В 3.30 при вновь начавшемся снегопаде мы добрались до перенаселенного лагеря III. Джеймс Моррис прибыл сюда второй раз. Грифф Пью уединился в своей палатке для каких-то экспериментов, а выздоровевший Том Стобарт отважно крутил фильм.

Мы все кое-как набрались в палатки. Эд сообщил, что шерпы потребляют больше продуктов, чем предполагалось: не менее 500 граммов тзампы в день, не учитывая различных штурмовых пайков. Считая даже, что наверху запасен 1 маунд (33 кг) тзампы и еще три должны прибыть, все же будет мало. В этот вечер было передано по

радио требование на дополнительные 3 маунда. Мы все теперь, за исключением Чарлза Уайли и Майка, были в Цирке. Времени для доставки дополнительных запасов до последней ходки, 18 мая, едва-едва хватало.

Одним из преимуществ присутствия Гриффа было то, что он записывал ночную температуру. Было — 25 °C (по его мнению, тепло). Он также экспериментировал с Эдом, заставляя его потреблять кислород во время сна. Звуки споров или забавной болтовни, доносящиеся из палатки Гриффа, не давали всему лагерю спать далеко за 9 часов. Возбуждение Эда выливалось в разговорах. Наконец молчание. Все спят.

Когда мы поднялись, чтобы подготовиться к выходу в 8 часов утра, Эд признался, что ему пришлось пережить весьма своеобразную ночь. Оказалось, что выпускной штуцер в аппарате был установлен таким образом, что воздуха Эду попадало весьма мало — неплохое своеобразие! В 8.00 мы вышли, захватив с собой Джеймса. При утренней прохладе идти было приятно, но, увы! это продолжалось недолго. В 8.20 я вспомнил, что забыл взять бинокль Джона, который ему был нужен, чтобы наблюдать генеральским взором продвижение по стене Лхоцзе. Эд вызвался сопровождать меня вниз. К тому времени, когда мы снова догнали остальных, было уже очень жарко, а рюкзачок тянул килограммов 12. Благодарение небесам, что у нас была фляжка лимонада. Последний ровный участок казался бесконечным и крайне утомительным. Но наконец мы здесь, у палаток, образующих передовой Базовый лагерь, центр всех операций на ближайшие три недели и цель наших прежних стремлений. Здесь был Джон, он проводил нас под защиту навеса. И здесь же, высоко наверху, виднелись точки на слепящей белизне снега — Джордж и шерп Анг Ниима, работающие на стене Лхоцзе.

Стена Лхоцзе

14—17 мая

На высоте 6400 метров
слишком жарко

374 К этому времени (14 мая) большая палатка с куполом еще не была установлена. Ленч проходил в тесноте, между стойками, образованными двумя цилиндрическими швейцарскими ящиками; над ними — полотняный навес. Лежа в неудобных позах, мы с удовольствием поглощали швейцарские продукты: кнекерброт (швейцарская ривита), швейцарский сыр и, самое лучшее, витаунт овоспорт употреблялся в твердом виде. Лишь однажды мне пришлось попробовать его в виде питья. Все это вносило в наше меню приятное разнообразие. Сухари и консервы, надо признаться, уже порядочно надоели, и это было существенным добавлением к запасам, убывание которых вселяло во всех тревогу.

По радио были посланы приказы форсировать доставку добавочных продуктов, но, по-видимому, пайки компо, которые по плану предназначались использовать по крайней мере до середины июня, должны были на практике кончиться до конца мая.

Что же мы будем делать, если задержимся в горах на лишний месяц? И почему все это так случилось?

Что же касается Передовой базы, она сразу же всем понравилась. Единственное, что донимало, — это жара, что для лагеря на высоте 6500 метров звучит довольно оригинально.

Солнце цвета дубленой кожи, сияющее в бездонной синеве, бомбардировало громадные гранитные стены своими лучами. Отразившись, они с удвоенной силой обрушивались на нас. Ни малейшего дуновения ветерка. Сравните эту обстановку с тем, что пишет Смайс о лагере IIIA на северной стороне в 1933 году (речь идет о 7 мая и примерно о той же высоте): «Ужасающий ветер стремился изо всех сил снести лагерь».

А вот что он пишет о лагере II, расположенном на высоте нашего Базового лагеря (5440 м): «Я попробовал

читать, но было слишком холодно. Даже в перчатках я не мог держать книгу. Руки вскоре теряли чувствительность, и я был вынужден прятать их в спальный мешок и энергичным растиранием восстанавливать кровообращение»¹

У нас ночью также бывало несколько градусов холода и неприятные снегопады в начале мая, однако жизнь была намного комфортабельнее; меньше ветра и значительно, порой слишком значительно, теплее на нижних участках.

Выйдя из палатки, мы могли следить в бинокль за двумя маленькими фигурками Лоу и Анг Ниимы, медленно, очень медленно ползущими вверх по сверкающей белизне. За полчаса они как будто вообще не продвинулись. Джордж поддерживал каждый вечер связь, докладывая о своих успехах, и Джон самолично поднялся вверх, где в тяжелых условиях наблюдал за подъемом. Джордж и Ниима остановились на месте бывшего швейцарского лагеря VI (7000 м) и мы могли видеть оранжевое пятнышко палатки, приютившейся под большой квадратной ледяной стеной. На длинном ледяном склоне, ведущем к лагерю VI, они, где нужно, заменили 100 метров веревочных перил, оставленных швейцарцами прошлой осенью, и вырубили ступени. Как говорил впоследствии Джордж, это была самая тяжелая в его жизни работа. Крутизна подъема резко менялась. Они двигались зигзагами между стенами в форме полумесяца, крутизна которых подчеркивалась голубовато-зеленым цветом, резко отличающимся от белизны снежных террас; оба лидировали в связке по очереди. «Анг Ниима заставил меня почувствовать себя пассажиром», — говорил позже Джордж. В этот день они достигли расположения лагеря VII (7560 м), примерно на середине стены Лхоцзе. В глубоком, все покрывающем снегу подъем занял пять с половиной часов.

Я стремился подняться после обеда до лагеря V. Тогда бы я смог акклиматизироваться на несколько большей высоте и начать на следующее утро атаку стены. Хорошо известно, что сон на высоте — это ключ к акклиматизации, а я должен быть в форме, хорошо акклиматизированным, чтобы помочь Джорджу. Другое правило, которое я узнал от Реджи Кука и которого я по возможности придерживался, состоит в том, что, если вы поднялись над лагерьем и снова спустились, вы спите лучше и чувствуете

¹ «Лагерь шесть», стр. 142 и далее.

себя лучше на следующий день, чем в том случае, если просто подниметесь и проведете ночь на высоте. Во время акклиматизационного периода я всегда старался после обеда, когда лагерь был установлен, подняться хотя бы на сотню-другую метров и спал, безусловно, очень хорошо. Теперь у меня было только одно желание — превзойти самого себя. Я хотел быть уверенным в своем сне, чтобы еще подняться выше, чем я был когда-либо раньше. Однако шерпы Джона уже были в тот день в лагере V и вовсе не стремились идти туда снова. Поскольку Эд также собирался меня сопровождать на следующий день, мы провели вторую половину дня (к моему глубокому облегчению, ибо подъем к лагерю V был бы истинным адом), прячась от солнца до самого заката. Затем мы стали прятаться от холода.

В этот вечер в пирамидальной палатке мы сидели с кружками чая в руках и снова обсуждали в наступающих сумерках план действия на ближайшие дни. Моей задачей было идти вверх и работать 16-го и 17-го вместе с Джорджем на стене; если возможно, установить 16-го лагерь VII. Глаза всех были уже прикованы к этой стене. И в течение всей второй половины дня, как бы ни начинался разговор, он неизменно возвращался к одному и тому же вопросу: как скоро мы сможем подняться и сколько шерпов должны будут забросить до самого Седла жизненно необходимые для штурма грузы? Наше внимание было приковано к маленьким фигуркам на стене; за едой кто-то обязательно вставал в перерыве между двумя блюдами и смотрел наверх.

Наконец-то они обошли этот большой серак! И у всех вырывался вздох облегчения.

Вечером 17-го я должен был спуститься для отдыха, пока будет организовываться первый подъем шерпов. Джон стремился, отчаянно стремился к тому, чтобы обе группы поднялись до Седла 21-го и 22-го мая (вторая под руководством Чарлза Уайли). Швейцарцы, когда пытались пройти стену за один день, недооценили влияние высоты на восходителей при таком большом переходе. Теперь и мы, будучи предупрежденными, все же не учли высоту и трудность пути. Нам казалось, что четырех дней будет достаточно для прокладки тропы. В действительности понадобилось одиннадцать, и в то же время причина такого расхождения была для нас неясна. Дело в том, что вначале считалось, что высота Цирка (лагерь V) равна 7015 метров. В настоящее время мы оцениваем ее всего

в 6700 метров, и, таким образом, подъем до верха Конترفorsa Женевцев составляет не менее 1200 метров.

По мере того как работа на стене Лхоцзе шла своим чередом, лагерь III должен был почти полностью эвакуироваться; палатки перебрасывались в лагерь IV, где уже в ближайшие дни должен был собраться практически весь состав экспедиции. Грегу надлежало руководить заброской из лагеря IV в V, Джону — из III в IV. Чарлзу Эвансу следовало организовать подъем к лагерю VI или VII, в то время как Том терялся между всеми четырьмя лагерями в таинственных проблемах кислорода.

К тому времени мы все были снабжены высотной обувью, распределение которой мы с Джоном осуществили не без труда в лагере III. Она предназначалась только для тех, кто будет работать в верхней части вершины, и дала повод к возникновению обычной в таких случаях паники. То был лишь один сапог, то не подходили кошки. Об этих ботинках написано было немало. Выскажу здесь свое впечатление.

Обувь была специально изготовлена для экспедиции в Ноттингеме; основными требованиями к ней были сохранение тепла и малый вес. Обувь была черного цвета, водонепроницаема. Внутри ботинок — прокладка из гагачьего пуха, в которой уютно тонула нога. Восходитель в такой обуви выглядел как какое-то двуногое существо со слоновыми ногами. Толстая подошва состояла из нескольких слоев изолирующего материала, столь эффективного, что я, например, ни разу не мог пожаловаться на холод. Недостатков, причем неизбежных, было два. Срок жизни этой обуви предполагался недолгим, и действительно вскоре появились трещины и разрывы, зачатую образованные зубом кошки. Так как подошва с подметкой из микропористой резины была весьма широкой, нога плохо чувствовала рельеф. Высотные кошки, естественно, были также широкими, и продвижение по ступеням было затруднительным. Однако нельзя обладать всем сразу; тепло и легкость — вот что было самым важным.

15-го мая в 6.45 мы с Эдом наконец тронулись в путь. Нас сопровождал Дава Тхондуп, чтобы поднести наши вещи до лагеря V. Утро было холодным, голубые тени пересекали Цирк, но справа от нас, в недостигаемой вышине, гранит Нупцзе уже теплился золотом. Хрустящий снег хорошо держал, и идти было нетрудно.

Небольшой обход позволил избежать подъема по изобилующему трещинами склону, известному под названием

Вторая ступень, и привел нас вплотную к провалу под Эверестом. Невдалеке, на левой по ходу морене, была могила Мингма Дории, на которую нам указал Даватхондуп. Во время осенней швейцарской экспедиции предшествующего года этот чудесный шерп был убит обломком льда на стене Лхоцзе.

Эд чувствовал себя неважно, возможно, из-за плохо проведенной ночи; он даже дважды останавливался для отдыха, что для него было совсем необычно. Однако мы все же дошли до лагеря V уже к 7.55. Переход был примерно в 1,5 километра, а набор высоты — 250 метров. Когда мы прибыли в лагерь, тень Эвереста, подползающая к большой стене Нупцзе, добралась наконец и до нас. Ослепительный блеск солнца радовал глаз и согревал душу. На наш зов из палатки выглянул Майкл Уэстмекотт.

Майкла преследовало исключительное невезение. Уже при уходе с Джорджем из Базового лагеря его мучил кашель. На протяжении всей ночи его хриплый лай звучал как грозное предостережение. После прихода в лагерь V он хотел вместе с тремя шерпами, доставившими вверх первую заброску, выйти в лагерь VI. Однако Майкл до сих пор еще страдал «базолагеритисом» и был вынужден остаться в лагере V. Теперь он решил идти вниз, однако к тому времени лагерь оказался без спичек, и бедный наш товарищ потратил все утро в отчаянных попытках поддержать огонь, направляя струю кислорода на горелку с сухим спиртом. Система работать отказывалась. Прошло много времени, пока удалось разжечь огонь и вскипятить достаточно воды для нас пятерых (поскольку к тому времени Том и Чарлз еще не пришли) и для троих шерпов. Мы лежали, стиснутые как сельди в бочке, в палатке «Мид», все более ослабевая по мере уплотнения атмосферы. Стремление двигаться дальше постепенно угасало. Солнце жарило вовсю, когда наконец мы с Эдом в сопровождении Да Тенсинга, Гяльена и Анг Намгиала вышли к лагерю VI.

Лагерь V представляет собой ближайшее к стене Лхоцзе безопасное место. Можно было бы установить палатки и повыше, однако справа от ледяного ребра, по которому предстояло подниматься, стометровая стена, бомбардируя площадку, посылала в это время гостинцы размером с грузовик.

Мы пришли к выводу, что два часа следует считать неплохим временем для перехода в лагерь VI. Первый час расходуется на скучный подъем по снежному склону

к подножию ледяной стены. Мне нравился общий вид стены Лхоцзе, приютившейся на дне гигантской белой чаши, край которой был когда-то отбит, чтобы освободить место для Цирка. От центра чаши взмывает вверх, до двух третей высоты стены, выпуклая структура, похожая на ряд громадных горбов. Этот хаос глыб и трещин резко контрастирует с мягкими ровными склонами с каждой стороны. За этими склонами, уклоняясь влево, начинается скальное ребро, ведущее к возвышенности как раз над самым Седлом и известное под названием Контрфорса Женеццев.

У подножия крутого участка есть ровная площадка, на которой мы подвязали кошки. Небольшой желоб, ограниченный слева вертикальными ледяными стенами, позволил без особого труда набрать высоту. Каждая ступенька была заполнена снежной пылью, занесенной ветром, который начинал теперь бушевать. В лагере V было тихо и тепло. Теперь мне пришлось надеть свитер, а затем и штормовку. Пошли дальше. Первым шел Эд. Очередным препятствием был траверс по снегу вокруг громадного горба. Здесь ступени были также засыпаны. Расчистив дорогу, мы сказали одному из шерпов, кажется Да Тенсингу, оставить тут веревку, чтобы на обратном пути устроить перила. Выше крутой, наполненный снегом желоб вел к подножию того, что было действительно ключом этого участка. Со стены почти вертикально свисала веревка. Посмотрев вверх и затем направо, я увидел что мы находимся как раз на правом склоне нашего ряда горбов. Еще правее можно было видеть сверкающий изгиб чаши, переходящий в сераки, обломки которых образовали внизу мощное нагромождение «колотого сахара».

Именно здесь швейцарцы навесили 130 метров перил, замененных нами веревкой из манильской пеньки. При расчистке ступеней в нижней части крутого участка на головы нижестоящих валились сверху порядочные осколки. Лучше было немного переждать, пока связка Эда (Гяльен и Анг Намгял) не скроется за перегибом. Ниже я хорошо мог регулировать свое дыхание в соответствии с темпом движения. Маленькая пауза, и жизнь снова приходит в равновесие; взгляд вниз, на сверкающую чистоту белых полей в Цирке, легкий рывок обернутой вокруг головки ледоруба веревки — сигнал Да Тенсингу подходить ко мне. Подъем ноги, шаг вперед, руки счищают снег, нога нащупывает следующую ступеньку. Так или иначе мы находились уже примерно

на 7000 метров, на высоте вполне почтенной гималайской вершины. Работа на такой высоте прерывает дыхание. Мы вполне могли оценить, какую выдающуюся работу выполнили Джордж и Анг Ниима, обеспечив безопасность и соорудив настоящую лестницу на чрезвычайно крутом участке, а также какими поразительными были усилия швейцарцев.

Метров через тридцать вышли на самую щеку, если можно так выразиться, нашего горба. Далее путь идет по диагонали влево, к невидимой пока что цели. Обычная техника движения заключалась в том, чтобы держать веревку в правой руке, пробовать путь ледорубом и расчищать снег левой рукой. Это была тяжелая работа. Подниматься все время приходилось боком подсабно крабу, и подъему, казалось, не будет конца. Наконец веревка кончилась у крюка, ее место занял нейлоновый репшнур.

Внезапно сквозь серое окружение блеснуло оранжевое пятно. Из палатки выглядывал, скаля зубы, Джордж, снимающий кинокамерой наши последние шаги. Это был его излюбленный трюк, примененный им несколькими днями ранее на Джоне, когда тот поднялся, чтобы его навестить. Снег был тогда очень глубоким, подъем тяжелым, и у Джона был соответствующий вид. Он выглядел именно так, как показывают гималайского восходителя в кино. Подняв голову и встретившись взглядом с беспощадной камерой, он пришел в шок. В состоянии шока.

В лагере VI было место лишь для одной палатки. Это был небольшой выступ над горбом, защищенный от обстрела сверху изгибом серака. Таким образом, условия для уютной беседы были неподходящими. Мы стояли в снегу в довольно утомительной позе. После краткого отдыха Эд благородно решил перетащить для нас палатку, примус и прочее снаряжение вплоть до местоположения лагеря VII. Тут, стоя по-прежнему в снегу и стараясь не запутаться в бесчисленных веревках, мы начали обсуждать весьма важный вопрос: не будет ли подъем от V до VII лагеря слишком длинным? Джорджу для первого подъема из VI в VII потребовалось пять с половиной часов, и, даже учитывая, что повторное восхождение всегда проще первого, переход все же очень длинен. Если мы считаем необходимым устройство промежуточного лагеря, надо прежде всего посоветоваться с Джоном.

Эд с тремя шерпами вышел в путь. Я осторожно обошел вокруг палатки, так как идущий вниз склон был слишком крут для человека в кошках. Через минуту, разрушив

снежную площадку перед входом, я снял кошки. Мы втиснулись в палатку, и Анг Ниима приготовил чай.

Несколько слов об Анг Нииме. На низких высотах он казался нам человеком, явно не приспособленным к делу. Однако в действительности он принадлежал к тем (а таких, может быть, немало), которые хорошо себя проявляют на высоте более 6000 метров, так как только здесь они обретают свое истинное «я»; они становятся не только более деятельными, они становятся намного лучше. В течение последних дней он вместе с Джорджем хорошо справлялся как с прокладыванием пути по льду, так и с лагерными обязанностями. Позднее он участвовал в заброске в самый верхний лагерь.

381

Мы сидели, разместившись как попало в палатке, и пили чай. Порывы ветра усилились, и стенки палатки хлопали над нашими головами. Первейшей задачей было обеспечение нормальной работы примуса. Несмотря на ветрозащитный экран, пламя трепетало и стремилось погаснуть при каждом порыве. Как я уже говорил, палатки «Мид» закрывались с обеих сторон рукавами, иначе говоря, цилиндрическим отверстием 200 мм в диаметре с аппендиксом длиной около 600 мм; после того как все влезали в палатку, аппендикс завязывался. Тесьма, завязывающая входы, порвалась, и мне пришлось барахтаться (поскольку моя сторона была как раз подветренная), пытаясь зажать рукав, когда я слышал, что начинается порыв ветра. Только поздно вечером пришла мне в голову мысль использовать в качестве завязки кусок ленты, свисающей с потолка. Однако и это оказалось неудобным. Когда нужно было выйти наружу, ленту приходилось отвязывать, а по возвращении она оказывалась потерянной и приходилось обрывать еще кусок. А ведь запас ленты был ограниченный.

Несмотря на все, мы ухитрились наладить приготовление чая. К 4 часам вернулся забросивший за нас грузы Эд. Он дошел до лагеря VII за один час пятьдесят минут, и, по-видимому, этот рекорд так и остался непобитым. Когда он отправился в Передовой Базовый лагерь, еще светило солнце, но воздух был холодным: едва высунешь голову из палатки, как пронзительные порывы ветра обжигают лицо.

Дел было по горло. В 5 часов Джордж начал бесконечный разговор по радио о промежуточном лагере и о других делах. Я решил набрать снега, но прошло, наверное, четверть часа, пока мое решение не претворилось в действие. Мне пришлось вылезать дважды, причем каждый

раз это было связано со значительным усилием воли. Я решил сложить вырубленные мной ледяные осколки около входа, в зоне досягаемости. Казалось, я никогда не покончу с этой нудной работой. Через несколько минут я отступил, вполз на коленях на спальный мешок, засунул руки в карманы и стал бешено тереть их о бедра — примитивный способ, однако быстро восстанавливающий кровообращение. И тем не менее когда я вышел из палатки, то невольно остановился; сияющая передо мной красота была столь непреодолимой, что ворчание на холод казалось просто абсурдом. От нашего орлиного гнезда взор скользнул вниз, в самое необычайное в мире ущелье, где ровная белая река Цирка петляла в фантастическом мире черных контрфорсов. Далеко внизу виднелись игрушечные палатки лагеря V, лагерь VI выглядел как грязное пятно. Пумори (7137 м) — великолепный задний план всей картины — посматривала теперь на нас как на равных себе. Ее конус ни в чем не уступал двум возвышающимся за ним великанам Чо-Ойу (8204 м) и Кьянчунг Канг (7900 м). Зачастую она (ибо Пумори, бесспорно, она) использовала значительную облачную завесу, чтобы закрыть неуклюжих мужланов. Над облаком тумана небо с заходящим солнцем отливало чистым серебром.

Пока мы дождались ужина, в палатке стало почти темно. Громадный ком снега давал в кастрюле при таянии лишь 10—12 мм воды, и кто-то должен был вылезать за новой порцией. Мы ели, полулежа на спальных мешках, рискованно балансируя различной утварью. Недостатком обеда в спальном мешке (если в силу гигиенических причин вы укладываетесь валетом) является большое расстояние между соседями. Чтобы вылезти за снегом или умыться, приходится прилагать большие усилия. К счастью, прибегать к последней процедуре на высоте приходится далеко не часто. За едой продолжалась беседа. Джордж весьма живо рассказал нам об испытаниях, которые выпали на его долю в связи со свежевыпавшим снегом. Я похвалил великолепную работу, выполненную его группой внизу. Очень быстро мы перешли на нестрашающую тему — еду. Продуктов питания недостаточно, а штурмовых пайков слишком много.

Эти пайки были теперь разделены на упакованные в фольгу пакеты, в каждом из которых находился двухдневный запас таких продуктов, за которые никто не дрался. Поскольку грейпнатс и пеммикан (то и другое нас вполне устраивало) были исключены, основательной пищи было еще меньше, чем раньше. «Каждую ночь,—

сказал мне Джордж, — он устраивает скандал по радио, требуя вместо кислорода побольше консервов. Нам говорили, что на высотах 6700 метров есть не хочется, однако на деле аппетит у нас и не собирался пропадать, так как мы слишком хорошо акклиматизировались. Во всяком случае сегодня мы притащили с собой несколько банок и, кроме того, прикончили остатки швейцарского бекона».

Ветер усиливался. Для нас было очевидным, что эта маленькая палатка, освещаемая трепещущим пламенем свечи, была единственной целью его преступных намерений. Моя импровизированная дверная лента хлопала, натягивалась и пропускала небольшие порции снега, сброшенного с верхних склонов. Далеко вверху, на Южном Седле, возникал заглушающий симфонию глубокий рев. Через минуту или две сильный шквал тяжело мчался по «траверсу», и затем тишина, пока воздух не начнет трепетать, как будто какой-то призрак высекает искры из льда. Глухой звук — палатка встряхивается, бешено хлопает, и на нее со свистом обрушивается снежный заряд. С трудом приготовленная чашка кофе долго ждет, пока мы прислушиваемся. Наконец с грехом пополам кружки вымыты. На дне кастрюли лишь грязные капли. И вот блаженный миг: мы залезаем в спальные мешки.

Эта ночь играла важную роль. Мы должны были на следующий день установить лагерь VII, от которого зависел дальнейший режим всего восхождения. Значит, несмотря на ветер, я во что бы то ни стало должен был этой ночью выспаться. Я никогда не пользовался снотворным, но у меня были странного вида зеленые ромбовидные таблетки, рекламируемые как снотворные. «А вы как, Джордж?» — «Пожалуй, мне лучше также принять одну», — ответил он.

Снотворная таблетка и непредвиденная задержка

На некоторых снотворное не действует. В самом деле, Грег не спал выше 6100 метров ни одной ночи. У нас были различные таблетки: красные, желтые и ядовитого синезеленого цвета, одну из которых я проглотил. На Грегa она, помню, действовала в лагере III так слабо, что он просыпался в 11 часов и должен был принимать свое особое снотворное. В данном случае дело обстояло иначе.

Я спал глубоким сном, убаюканный свистом ветра и снега, представляющих собой внешний мир, в то время как я сам был теплым внутренним миром. Проснулся в 6 часов. Утро сияло безоблачной красотой, и ветер стих; замерзшая стенка палатки затрещала, когда я просунул голову в рукав палатки. Мы натопили с вечера снег, и примус оставался возле Джорджа.

«Джордж!»

Никакого ответа. Снова: «Джордж!» — и так дважды или трижды, пока заспанная фигура тяжело приподнялась и оказалась наконец на коленях. Я выглянул из палатки: «Отличный день!» Когда я вновь спрятал внутри голову с онемевшим носом и ушами, Джордж, все еще стоя на коленях, успел уже снова заснуть. Не буду детально останавливаться на следующих трех часах. Я умолял, ругался, колотил Джорджа кулаками. Лишь значительно позже понял, что он под сильным действием наркотика слышал все, что я говорил, однако его активная половина была мертва. Он не обиделся на меня (хотя я наговорил немало лишнего). В то время он не мог ни говорить, ни что-либо делать. Он испытывал глубокое страдание от своей беспомощности и страстное стремление лишь к одному — ко сну.

384 Солнце было выше, небо чище, положение наше все более идиотским. Снизу, наверное, смотрят в бинокль, ожидая, когда будет установлен лагерь VII. И с каждой минутой снег на верхних склонах становится все более липким, все более мягким, все более реальной становится перспектива тяжелой работы. Моя тревога достигла лихорадочной степени. Около девяти я позавтракал: сардины, чай, печенье и джем. Мы должны идти. Наконец Джордж стал с трудом приходить в сознание. Может быть, все обойдется. Он непрерывно тер свои заспанные глаза, медленно наполнил рюкзак. Выпил чашку чая, почти ничего не стал есть. К тому времени, когда мы связались и закрыли палатку (в 10.30), солнце было уже над защищающим лагерь сераком.

Вначале шел первым Джордж. Он знал дорогу и, кроме того, мог выбрать темп, соответствующий своему сомнамбулическому состоянию. Хотя группа Эда унесла наверх палатку и нагревательные приборы, мы были все же тяжело нагружены личными вещами, рациями и продуктами. Путь шел влево, вверх по снежной доске. Иной раз нога проваливалась, иной раз покрытая рябью поверхность выдерживала наш вес. Было очевидно, что Джордж мучительно борется с одолевающим его сном. Я вышел

вперед, так как нужно было рубить ступени. На коротком крутом склоне была навешена веревка и вырублены мелкие ступени, в которых ступня держалась весьма ненадежно. Мы шли очень медленно, и дважды Джордж просил: «Подождите минутку. Я должен остановиться!» Первый раз он снял свои сапоги, и мы оба начали растирать пальцы, онемевшие, как я подозреваю, от действия наркотика. В 11.30 вторая остановка: он упал на свой рюкзак и заснул.

Над нами нависала громадная, в форме полумесяца стена. Мы пошли под ней вправо. К тому времени, когда мы дошли до навешенной веревки, на снежном склоне, снова поворачивающем влево, по направлению к вершине стены, нам опять было в пору садиться. «Может быть, мне перекусить чего-нибудь, промолвил Джордж, — это должно мне помочь». Он сидел на снегу, прислонясь к рюкзаку. Я вытащил коробку сардин и открыл ее. Но дело действительно было дрянью, раз Джордж ухитрился заснуть с вкусной рыбиной во рту! Незабываемая картина. Тяжелое предчувствие, усиленное, без сомнения, высотой, сдавило мне сердце: мы не дойдем до лагеря VII.

Немного дальше, преодолев по натянутой веревке шестидесятиметровую стену, мы оказались на более пологом склоне и снова упали на снег. Джордж спал. Я стал трясти его и орать (или мне казалось в этой тишине, что я орал): «Пойдем еще немного и посмотрим!» — «Не знаю, смогу ли я». — «Ладно, пройдем еще чуть».

На этот раз мы прошли лишь несколько метров и снова сели. Было просто безумием и, конечно, в первую очередь моей виной, нелепой виной, если хотите, предложить ему эту зеленую отраву: ведь это может погубить всю экспедицию. Представим себе, что погода испортится, а мы опаздываем на день? Почему мне пришла в голову эта идиотская мысль принять таблетку и предложить вторую ему. Никто из нас не знал, как относится его организм к таким искусственным средствам, за исключением того, что Джорджу не понравилась красная таблетка, которую он когда-то принял.

За сверкающим Цирком гладкая, неясная, желтеющая под полуденным солнцем Пумори, казалось, насмехалась над нами, запрещая нам подняться выше ее.

Далеко над нами обдуваемый ветром снежный гребень Нупце протянулся на гигантское расстояние. Внизу стоял мертвый штиль. У подножия каждой вершины ползал туман. И я был здесь один, чувствуя себя совершенно одиноким, с больным человеком на руках. Представим

себе, что мы не дойдем до лагеря VII и что у Джорджа не хватит сил, чтобы спуститься. Меня начал охватывать страх. «Как далеко до VII?» — «Мы примерно на полпути».

Впоследствии выяснилось, что мы были тогда даже ниже чем на полпути, возможно на одной трети. Но и этого было довольно. Мы рисковали добраться до лагеря VII слишком поздно и, может быть, вообще не найти его. А ведь нужно было еще установить палатку — работа для двух полноценных людей. С молчаливого согласия мы пошли вниз по склону. Я хорошо понимал, что в эту минуту каждая пара глаз на Передовой базе должна за нами следить и все недоумевают: что там делают эти двое? Я никогда так не восхищался Джорджем, как в те минуты; он мобилизовал всю свою волю, чтобы аккуратно ставить свои неуклюжие (в тот момент вдвойне неуклюжие) ботинки в ступеньки. Но даже при этом я все же чувствовал, что веду лунатика по почти неизвестному склону, так как местами следы было трудно разглядеть. Однако по сравнению с нашим подъемом спуск оказался до нелепости быстрым. Не было еще 2 часов, когда мы дошли до лагеря, а в 2 часа 5 минут Джордж спал на матрасе беспробудным сном.

В этот вечер радиосвязь с находящимся в лагере III Джоном продолжалась дольше обычного. При этом, как было принято в лагере VI, я лежал, опираясь на локти, высунув голову наружу, но оставляя все тело и нижние конечности в тепле. Джон высказал свою тревогу о нашем состоянии и одновременно радость, что не произошло ничего худшего. Затем я попросил Гриффа, так как Майк Уорд в это время был в лагере IV. Грифф считал, что Джордж должен выспаться «до конца». Возможно, что это мне показалось, но все же официальный диагноз был успокаивающим. Джон торопил нас установить лагерь VII, если это в пределах человеческой возможности. После этого разговора со мной говорил сидящий в лагере IV Эд, который никак не мог связаться непосредственно с лагерем III. Оба могли разговаривать со мной, и я, таким образом, находясь на километры от каждого, потратил четверть часа, осуществляя между ними связь. Затем я вновь нырнул в палатку и начал возиться с примусом. Что сделать на ужин? Было мясо в соусе. Будучи мясом, оно заслуживало одобрения, однако по вкусу было совершенно неприемлемо. Я решил потушить его в супе. Когда оно было наполовину готово, произошел непредвиденный инцидент: горячее в примусе кончилось. С тяжелыми стонами я вскочил, уменьшил подачу (вращая ручку, не

помню, в какую сторону) и пополз на четвереньках с ледорубом в руках, извиваясь и проклиная на чем свет стоит подлый ветер, похоронивший под снегом канистру с керосином. И вдруг я замер.

После скучной возни с примусом это казалось чудом. Маленькая Пумори, покрытая теньями, украсила свои плечи барашками облаков. Однако на этот раз она не в силах была закрыть весь обширный задний план. Длинные неровные гребни Чо-Ойу и Кьянчунг Канга сверкали, манили, меняли свой вид на фоне бледного, серебристо-голубого неба. Солнце все еще смотрело мне в лицо, освещая сверкающее ущелье у моих ног. Какое значение могут иметь керосин, примусы, спальные мешки, даже восхождение, к которому были прикованы все наши мысли? Что-то такое вне меня, затрагивающее намного глубже мое «я», чем мог осознать мой опьяневший разум, излучало очарование и делало бессмысленным любое человеческое усилие. Ободренный, хотя и не знаю почему, я вернулся в палатку.

387

Организация лагеря VII

17 мая рассвет был снова прекрасным. Ночью Джордж ухитрился все же кое-как поужинать. Он проснулся ровно в 6.00, совершенно свежий. На этот раз мы должны были установить лагерь VII. Мы позавтракали весьма скромно, снова жалуясь друг другу, что кислородные баллоны Тома вытесняют при транспортировке добропорядочные продукты питания. Оставался еще драгоценный пакет грейпфрутов. Свою долю я съел накануне, а у Джорджа была еще половина пакета, которую мы тщательно и разделили. Затем последовала надоевшая рутина «выхода в путь»: упаковка спальных мешков, надувных матрацев и т. п.; псевдомойка чашек и ложек замерзшими пальцами в холодной воде, вытирание их вечно куда-то пропадающей тряпкой; писание, стоя на коленях, записки для Майка Уорда, группа которого, как мы надеялись, перебросит в этот день в лагерь VII основную часть нашего снаряжения и, наконец, холоднее льда работа по привязыванию кошек, пролежавших всю ночь в снегу, — работа, при которой пальцы обжигаются жестоким металлом. Мы вышли в 8.30, в любимое время Джорджа, оставив маленькую палатку еще в объятиях холодных теней.

На этот раз я нес рюкзак, а Джордж снова шел впереди, причем с такой скоростью, как будто продолжительный сон вселил в него всю энергию мира. На первом простирающемся перед нами участке наст хорошо держал, навешенная веревка свободно скользила по поверхности. За сорок три минуты мы прошли путь, который накануне потребовал 2,5 часа тяжелого труда. Короткий отдых — и снова в путь. Выше дорога опять свернула вправо, вдоль узкого ребра, покрытого фирном. Трещина отделяла от ребра нависшую над ним большую стену чистого льда, высотой, пожалуй, метров 45, напоминающую по форме встающее из моря солнце. Стена льда была так близка, что я мог разглядеть прожилки, бегущие вниз по ее твердой непроницаемой зелени. Сейчас я находился на такой высоте, на какую не поднимался никогда в жизни: я был выше, чем Паухунри в Сиккиме, и психологический эффект от сознания этого, вероятно, еще более затруднял дыхание. Джордж уже побывал ранее на больших высотах и теперь шел и шел. Настоящая машина, альпинист-автомат!

С каждым шагом рюкзак становился тяжелее. После каждых тридцати шагов — остановка, чтобы привести дыхание в соответствие с темпом движения. Один, два, три, четыре... Можно остановиться: у меня в руке запас веревки. Я наблюдаю, как она скользит сквозь пальцы, кольцо за кольцом, до тех пор пока со вздохом и пожиманием плечами я вынужден снова двигаться, чтобы не сдернуть идущего впереди Джорджа. Если это случится, мое достоинство будет сильно уязвлено. Но ведь есть законные остановки... «Стоп! Хочу сделать снимок».

Джордж останавливается и любезно позирует. Я вынимаю камеру и весьма тщательно навожу на фокус, пока дыхание не успокаивается. Я снова в форме и удивляюсь, что же это со мной было. Затем мы трогаемся, и вскоре ситуация повторяется.

После некоторого продвижения вдоль ребра Джордж, к моей невыразимой тайной радости, вдруг остановился по-настоящему. Он с грустью наблюдал за светофильтром своей камеры, бодро скачущим вниз по склону. Беглец задержался где-то около еле видимого зигзага наших следов. «Придется сходить за ним», — промолвил Джордж. Я скрыл в улыбке свое удовольствие и после зрелого обсуждения высказал свою точку зрения: спускаться обойти нет никакого смысла. Он может позволить себе проявить благородный энтузиазм и спуститься без меня, а я пока буду потихоньку подниматься, неся рюкзак,

ледовые крючья и веревку. Джордж и Анг Ниима обрабатывали дорогу достаточно хорошо, чтобы по ней, соблюдая необходимую осторожность, мог пройти одиночка.

Я немного подождал, опираясь на ледоруб, глубоко и с наслаждением дыша, пока Джордж начал спускаться. Затем я медленно пополз вверх. Короткий крутой склон вел снова влево вверх, к вершине стены. Постепенно склон становился положе и привел меня в муьду, на которую с неодобрением поглядывали сверху сераки. Справа и выше нависла громадина, похожая на нос дредноута. Я не знал в то время, что это был серак, защищающий площадку лагеря VII. Темп моего подъема значительно снизился. Мы шли в этот день практически без отдыха. Теперь, на высоте 7260 метров, я наваливался, тяжело дыша, на ледоруб после каждых двадцати шагов. Двадцать было слишком много. Остановка через десять шагов, затем через шесть. На каждой остановке картина окружающего мира, качающаяся и смещающаяся в унисон с моим пульсом и учащенным дыханием, возвращалась в фокус. После этого я мог различать и сверкающую белую стену, над которой мы стояли, веревки швейцарцев, все еще висящие слева, мог ощущать солнечное тепло, от которого небольшие куски снега скользили и падали вниз, в трещины. А вдаль, на недоступном для человека расстоянии, достаточно высоко над Пумори и другими вершинами, чтобы бросать им вызов, танцевали в честь солнца облака.

Джордж находился теперь непосредственно за мной. Мы продолжали подъем. Пролезая желоб между сераком и склоном, я оказался на мягком, гнилом снеге и провалился по колено. Четыре шага — и задыхаешься. В конце концов мы начали длинный траверс влево, по склонам самих сераков. Для облегчения пути здесь были натянуты веревки, но они нам негодились. Казалось, мы навсегда покинули землю и все более погружаемся в голубые эмпирии. Резкая остановка: тропа снова повернула по направлению к неглубокому желобу слева. Неудобный шаг за угол, обход крутого контрфорса серака. Затем рывок прямо вверх. Нас не покидало раздражающее ощущение, что в любую минуту мы можем увидеть плато, где должен быть наш лагерь. Однако линия горизонта не снижалась, и лагерь, казалось, никогда не появится. Наконец мы увидели небольшую кучу самых обыкновенных тюков, лежащих на самом необычном для стены месте — на ровной площадке.

Было только 10.45, но оставалось еще много дел. Здесь лежала палатка «Мид», но, прежде чем мы могли укрыться в ее спасительной тени, нужно было утрамбовать площадку и установить палатку. Чтобы утрамбовать пушистый снег глубиной около 300 мм, требуется много времени. Затем на площадку нужно осторожно перетащить и расставить палатку. На высоте 7320 метров это изнурительная, прерываемая многочисленными паузами работа, и прошло около часа до той минуты, когда мы наконец, задыхаясь, как рыба на льду, улеглись под крышей. Замерзшие сардины, оттаявшие на спиртовке, печенье и мятный кекс составили наш обед. Нам не очень хотелось есть, и мы считали, что лимонный напиток в наших фляжках куда лучше любого вина. По своей глупости мы не разожгли примуса, чтобы приготовить дополнительное количество питья, и позже я горько об этом сожалел, так как мы потеряли много влаги. Но в тот момент было намного приятнее просто лежать, дремать, просыпаться, размышлять и снова дремать.

В 1.15 Джордж приоткрыл один глаз и сказал: «Хорошо!» Я ответил: «Хорошо!», и мы вновь задремали на несколько минут. Так продолжалось некоторое время. Вскоре после 1.30 две очень заспанные фигуры, отягощенные той сонной инерцией, которая превращает каждое движение в титаническую битву с природой, вынырнули из палатки, щуря глаза на окружающее невероятное сверкание.

У нас еще оставалась обязанность — разведать дальнейший путь на завтрашний день, в частности обследовать первую трещину.

Здесь следует рассказать о местоположении лагеря VII. Лагерь расположен на широкой, плоской вершине громаднейшего серака, на который мы теперь забрались. Со стороны горы он был защищен глубокой трещиной шириной 2,5 метра, в раскрытую пасть которой должно было падать все летящее сверху. Однако, будучи защитой, эта трещина являлась одновременно и препятствием, а у нас не было здесь дюралевых лестниц. Мы опаздывали уже на сутки и обязаны были немедленно найти дорогу к верхним полям. Было 17 мая. Майк Уорд хотел прийти к концу этого дня в надежде, что он и Джордж еще могут закончить работу на стене. Я же, руководя шерпами, должен буду вновь подняться 20 мая для первой заброски на Южное Седло.

Пока с нижних склонов ничего не было слышно о Майке. Мы медленно справились с утомительной про-

цедурой надевания непокорных кошек и вышли в путь, направившись сначала вправо, вдоль трещины. Через 40 минут мы остановились. В этом месте трещина к счастью, была завалена снегом, стекающим из небольшого кулуара, косо спускающегося налево. Я закрепил веревку Джорджа над снежным мостом, на котором он стал осторожно вырубать одну за другой большие ступени, пока наконец не исчез за углом. Я последовал за ним, стараясь возможно скорее вогнать свой ледоруб в плотный снег противоположного края и надеясь при каждом зондировании, что подо мной не окажется бездонной пустоты.

Я обнаружил Джорджа уютно устроившимся в кулуаре и дальше пошел первым, что было в тот момент самым легким делом. Снег был плотным. Воткнутый по головку ледоруб хорошо меня выдерживал, когда я тяжело и неуклюже наваливался на снег. После каждого шага остановка, чтобы удобно поставить ногу. Здесь, в тени, я проснулся окончательно и смог наконец оценить Брунингскую «чистую радость жизни», которая ниже явно отсутствовала. Сколь безумными были тогда поэты! Справа от нашего кулуара капли стекали с громадного «носа» и со звоном падали в трещину. Лагерь VII исчез где-то слева. Продолжая подъем, я очутился на льду; попробовал рубить ступеньки (к счастью, лед был мягким) и через 15 метров принял Джорджа. Мы стояли наконец на склоне, который видели у палатки; трещина была позади нас ¹.

Склон оказался утомительным. Он был покрыт снегом, однако порой чувствовался лежащий под снегом лед. В некоторых местах ветер образовал снежные ребра и насыпи с просветами чистого льда между ними. Приходилось решать, что лучше — ставить ногу на снежную насыпь, рискуя поскользнуться или рубить ступеньку. Я вел связку, уходя все время влево вверх. Палатка теперь виднелась внизу и сзади нас; перейдя вершину склона, мы потеряли ее из виду. Путь, по-видимому, должен был по-прежнему идти влево, и, взглянув вверх, я увидел обманчиво близко верхние склоны знаменитого «Траверса». Можно наверняка пересечь склон по диагонали, и мы окажемся где-то близко от вершины Конترفorsa, но трещина нас остановила. Мы прошли влево по ее гребню, затем вверх и стали пересекать ставший более пологим склон.

¹ Для меня эта трещина стала впоследствии «трещиной Анг Тембы».

Я пишу об этом так, словно это было непрерывное восхождение. В действительности оно прерывалось частыми и длительными паузами. Через несколько минут — остановка, еще несколько минут — и снова остановка. В 3.45, поднявшись примерно метров на 100 над лагерем VII, мы окончательно остановились. В этот день мы сделали немало, и на ближайшем участке никаких трудностей не просматривалось. В то время мы думали, что достигли 7625 метров, но позже пришли к выводу, что достигнутая высота не превышала 7470 метров. Ну что же, и этого вполне достаточно. Мне кажется, что мы оба в тот момент чувствовали себя гораздо лучше, чем ниже, в лагере VII. Возможно, причина этого — интерес к прохождению новых участков, положительное влияние сна, красота открывшейся на западе панорамы. До этого мы останавливались лишь ненадолго. Теперь мы сидели в теннисках, греясь на солнышке, задаваясь мыслью, приходилось ли кому-нибудь наслаждаться красотой природы на такой большой высоте. Видимая над нами в необычном отсюда ракурсе черная пирамида Эвереста выглядела на первый взгляд подобно Сноудону или любой другой вершине. Прямо над нашими головами вырисовывался фантастический зубчатый гребень Лхоцзе. Затем он поворачивал к Нупцзе, переходя в тонкое лезвие бритвы, где все удары и раны, нанесенные ветром, запечатлевались навечно и образовывали как бы горб вершины и где главным мотивом было ледяное ребро с изящной формой перевернутого V, круто падающее к чудовищной, готовой разбиться на части ледяной массе. За гребнем виднелись испещренные пятнами облаков громады Чо-Ойу и Къянчунг Канга. Был штиль. Только небольшие порывы, доносящиеся порой с Эвереста, и глухой гул с Южного Седла напоминали о ветре.

Мы стали спускаться. Проходя над лагерем VII, увидели Майка и четырех шерпов. Мы нашли его очень уставшим после быстрого подъема от Базового лагеря. Так же как и мы, он был обезвожен. Учитывая тяжелую работу, которую необходимо будет выполнить до Южного Седла, я хотел остаться вместе с ними. На меня влияла, так же как на алкоголика, страсть к поглощению океана жидкости, прежде чем я смогу сделать хоть один шаг. Однако оба моих товарища, а также лучшая половина моего «я» пришли к выводу, что мне следует идти вниз, так как Джон, по-видимому, заинтересован больше в том, чтобы я руководил первой, а не второй заброской, а к этому как раз срок и подошел. Но прежде всего на свете пить!

Вся влага, до последней капли, ушла из нас. Да Тенсинг, используя мой спальный мешок, останется здесь с остальными. Двое шерпов должны немедленно спускаться, а Анг Намгиал подождет меня, пока готовится вода для лимонного напитка.

Мы с ним вышли в 4.30 под ослепительным солнцем. Каждая вершина кланялась нам своим резко очерченным профилем. Спускались медленно, частично из-за недостатка пищи в эти дни, частично из-за того, что с кошками высотного типа, надетыми на ботинки с широкой подметкой, спуск по ступеням был труднее подъема. Незадолго до 6 часов мы брели через последний ровный снег к лагерю V, видя впереди дружеские лица Тома Бурдиллона и Гомпу. Это был день хорошего альпинизма.

Южное Седло: первый подъем

17—21 мая

Сборы в лагере VII

394 Возвращение в свете солнечных лучей, золотящих плоское поле Цирка, было настоящей радостью. Приятно также было сознавать, что я помог проложить хотя бы пару сотен метров пути на неизведанном участке. Какое бы удовлетворение ни приносило выполнение таких важных задач, как успешное проведение шерпов по уже знакомой, но изобилующей препятствиями дороге, тяга к приключениям, хотя и кратким, в неизведанной области не идет ни в какое сравнение. Кроме того, я побывал на 7600 метров (как я считал) и чувствовал себя не так уж плохо. Обо всем этом я говорил в тот вечер в оранжевой палатке с Томом Бурдиллоном (чем, вероятно, ему ужасно надоел). Тому на следующий день предстояло вести шерпов до лагеря VII. Заброски должны проводиться челночным способом с промежуточным складом, чтобы облегчить последнюю заброску на Седло. Джону очень не хотелось иметь для этой заброски два лагеря на стене. Проблемы палаток, питания — все будет страшно усложнено. Следовательно, если шерпам придется проходить всю стену за два дня, их ноша должна быть облегчена и в лагере VII, на полпути, может быть организована перевалочная база. Несчастный Чарлз Эванс, который должен был в этот день подниматься, лежал в другой палатке, страдая желудком. Его рвало, и чувствовал он себя отвратительно.

Многочисленные наши заботы обсуждались за ужином, состоящим из тушеного мяса с горохом. Большим преимуществом спустившегося является еще и то, что он освобожден от готовки, бездельничает, а за ним все ухаживают.

Я чувствовал себя прекрасно; если снотворные таблетки помещали нам подняться так высоко, как мы мечтали, они зато прекрасно содействовали нашей акклиматизации. Следующее утро, 18-го, началось ленивым лежанием

в мешке и поздним завтраком, в то время как Том тяжело вздыхал, готовясь к дневной жаре. Так как я оставил свой спальный мешок в лагере VII Да Тенсингу, я спал в мешке Тома. Мешок был достаточно удобным, однако прснулся я от исходящего из него сильного запаха керосина. Очень скоро из палатки вылез Чарлз и принялся сортировать продукты. Затем мы с ним начали спускаться. Прогулка от лагеря V к IV занимает приятнейшие полчаса: идешь по пологому склону и по легкому рельефу, дыхание твое достаточно ровное, чтобы насладиться красотами Цирка, которые почти уж начали нам надоедать; каждый раз рассматриваешь детали ледяных сераков, привычка к которым притупила наш взор, детали пестрой, кремово-черной раскраски контрфорсов Нупце с их неожиданными вертикальными взлетами; каждый раз любуешься волнами висящего ледника с сомкнутыми рядами башен, спадающих с Западного плеча и обрамляющих резкость Пумори. Лагерь IV был весь в волнениях новой жизни. Чарлз Уайли и Тенсинг ушли с шерпами вверх с последней заброской из Базы. Мы стали теперь полностью независимыми. Тхондуп был здесь, две большие сводчатые палатки стояли на месте. Шерпы не показывались до начала обычной суматохи с кошками и кухонным имуществом. Стало намного труднее находить пропавшие вещи. Накануне Гиальен II, ординарец Тома Стобарта, начал кашлять кровью и был отправлен на Базу совсем больным. Бедный Грифф снова был оторван от наиболее важных экспериментов, на этот раз для сопровождения больного, возможно, даже умирающего человека через ледопад¹. Все это создавало тревожную атмосферу. Но это было ничто по сравнению с тревогой, в которую нас повергла стена Лхоцзе. Джон, вышедший, чтобы нас приветствовать, вновь схватился с беспокойством за бинокль. Три муравья на стене медленно поднимались. Они перешли через высшую точку, достигнутую нами накануне. Затем очень скоро трое остановились. По-видимому, там было препятствие.

«Они спускаются!» — крикнул кто-то. Невероятно, но факт. Все бросили свои дела и смотрели только на стену. Бедный Джон! Он выглядел очень усталым. Какой-то злой рок не позволял ему, казалось, добраться до Седла. Опять сновторное? Они отступили в полдень, а вышли только в 10.15. В бинокль мы могли хорошо разглядеть

¹ Гиальен, совсем поправившийся, встретил нас на обратном пути около Намче-Базара.

маленькие черные фигуры, стоящие или сидящие на террасе, перед тем как начать спуск (в действительности они оттирали помороженные ноги). В большой палатке, служившей теперь столовой, разговор о спускающихся был прерван тревогой. То и дело кто-нибудь выходил взглянуть на стену. Джорджу Бенду, отправившемуся в лагерь V, чтобы на следующий день производить дальнейшую заброску, был дан специальный наказ — узнать, что же произошло. В 5.30 в лагерь со своим отрядом притащился Том Бурдиллон и рассказал происшествия этого дня. Майк действительно проглотил две снотворные таблетки, однако они были ни при чем. Группу остановил жестокий ветер, такой же, как тот, который мучил нас двумя днями раньше. Возникло подозрение, что пальцы на руках у Майка Уорда и на ногах у Джорджа поморожены. Да Тенсинг при таких обстоятельствах решил спуститься.

После ужина до поздней ночи не затихала увлекательная дискуссия по вопросу о шансах остаться в живых, если на вершине откажет аппарат с замкнутой циркуляцией. Сможет ли человек вернуться, перейдя через Южную вершину? Будет ли оправдан альпинист, бросивший своего напарника, если тот осужден на гибель? Смогут ли два человека пользоваться одним аппаратом? У Гриффа была вполне твердая точка зрения, у Тома также, хотя он в основном только слушал. Вечер прошел очень оживленно.

Затем я вышел полюбоваться звездным небом. К тому времени Передовая База стала солидным лагерем. На стороне, обращенной к Западному плечу, стояли в ряд шесть небольших палаток. Большая палатка размещалась на бугре, по которому ночью можно было соскользнуть по направлению к ледопаду. За ней лежала груда припасов. Вначале эта палатка была кухней, причем подходящая миниатюрная трещина служила мусоропроводом. Но сагибы в погоне за теплом и пространством постепенно перебрались в эту палатку.

Когда снизу подходили к лагерю, первым сооружением на вашем пути, на стороне, обращенной к Лхоцзе, была большая белая сводчатая палатка, в которой проживали шерпы. Далее шла организованная Тхондупом новая кухня: стены ее были образованы брезентом, растянутым между опорами так, как это может делать только шерп, а пол застлан картоном от продовольственных коробок. Рядом, образуя последнюю сторону квадрата, стояла трехместная пирамидальная палатка. Вы могли получить

для себя одну из маленьких палаток «Мид», хотя некоторые предпочитали жить в компании в большей палатке. В центре образованного таким образом квадрата, освещаемого в этот момент бледным светом звезд, происходили все лагерные события. Здесь Том Стобарт крутил свою камеру, Том Бурдиллон возился с кислородными аппаратами, Чарлз Уайли разглагольствовал перед шерпами, здесь приветствовали приходящие группы или говорили «доброго пути!» уходящим.

Эта ночь была необычайно ветрена, однако я крепко спал с 8.30 до 6.45, когда появился чай. Единственное, но и существенное неудобство, которое мне доставлял сон на высоте, заключалось по-прежнему в том, что нос был плотно заложен и в результате я дышал ртом.

У каждого выходящего из палатки глаза, как притянутые магнитом, поворачивались к стене Лхоцзе. Никаких признаков движения. Вскоре после девяти можно было видеть фигуру Джорджа Бенда, преодолевающего склоны под лагерьем VI. Трое в лагере VII были невидимы. Только лишь после обеда, когда вернулся Джордж Бенд, мы узнали, что они лечили полученные накануне обморожения пальцев ног у Джорджа Лоу и пальцев рук у Майка и были вообще не в состоянии выйти из лагеря. Я снова стал советоваться с Джоном. Крепость по-прежнему не взята. Первый выход на заброску должен был начаться сегодня же.

Затем у меня был длительный разговор с Чарлзом Эвансом, единственным, как всегда, невозмутимым человеком среди встревоженных, не могущих оторваться от стены альпинистов. Я привожу здесь последний полученный мной отпечатанный на машинке документ. Отпечатан он был Джеймсом Моррисом для Джона и передан мне в Передовом базовом лагере. Подробности в части продовольствия добавлены Чарлзом.

Слова курсивом являются моими замечаниями, написанными карандашом и вставленными вместе с Чарлзом этим утром.

Этот документ доказывает помимо всего прочего тщательность проводимой Джоном подготовки, даже несмотря на то, что постельные принадлежности, не фигурирующие в списке, надувные матрацы и всякая прибавляющая вес мелочь чуть не вывели из строя мою группу. Следует объяснить, что баллоны Дрегера — это баллоны, оставленные швейцарцами в прошлом году. Когда стало известно, что таких баллонов много, часть даже выше Южного Седла, наша экспедиция решила изготовить кислородную

Эверест — 1953. Таблица штурмовых грузов
Грузы для Южного Седла

Название	Количество	Вес, кг	Примечания
Нагревательные приборы	2 уже есть в VII	6,15	
Горючее	4 л в VII	3,7	
Пайки	6 для сагибов, 3 для шерпов по 2,05 кг, 4,1 тзампы	9,85 [6,15]	в VII отсюда
Кислород	13 баллонов из легкого сплава,	57,8	3 в VII, остальные в V
	5 баллонов R.A.F.	41,0	2 в VII, 3 в V (см. прим. 5)
Канистры	4	14,7	в V. Вернуть
Палатки	1 «пирамид» в VII,	10,25	
	1 «Мид» в VII,	6,15	Высотная группа
	1 «Блистер» взять наверх	2,05	переносит М («Мид»)
Веревки	285 м, нейлон		

Общий вес 155,8, или 14 тюков по 12,3

Примечания:

1. Эти грузы должны быть доставлены в лагерь V к 15 мая.
2. Они должны быть заброшены на Южное Седло двумя группами под руководством Нойса и Уайли в два последовательных дня.
3. Палатки должны быть заброшены второй группой, а не первой.
4. Обе группы останавливаются в лагере VI по пути вверх и вниз.
5. Можно будет уменьшить кислород для этой («этой» добавлено карандашом и слово «первоначальной» заменено) заброски путем замены баллонов R.A.F. баллонами Дрегера из лагеря VI.

Взять: 2 нагрев. прибора, горючее, пайки, 3 баллона из легкого сплава, 2 баллона R. A. F., канистры, «Блистер».

аппаратуру, которая могла бы быть использована со швейцарскими баллонами.

Доставка этого груза наверх была моей обязанностью, и, не находя себе места, я бродил по лагерю, собирая время от времени шерпов, чтобы говорить им пламенные речи и требовать от них выполнения задачи. Как было бы благородно, если бы я мог об Эвересте говорить всегда в возвышенном стиле. Увы, моменты экстаза редки по сравнению с бесцветными часами, по сравнению с мрачными усилиями, прилагаемыми мной, чтобы оторваться от Николаса Никлби, которого я обычно читал, лежа на матраце, и активно решать какие-то пустяковые вопросы. Однако такая инерция не лишена хороших сторон. Я что-то не припомню, чтобы в Передовой Базе меня одо-

левали сомнения в моих способностях, как это было до отъезда из Англии: как тяжело я буду переносить холод и т. п. Все эти вопросы отпали как совершенно ненужные. Как я теперь понимаю, жизнь — это рутина, заполненная приемами пищи, вечной организацией чего-то и милой болтовней, а верхушка нашего разума весьма удобно откинута прочь. Я считал себя в то время в такой же форме, как и на уровне моря.

В это утро мы много фотографировали. Группы снимались в различных позах. Кроме того, британские и другие флаги заранее прикреплялись к ледорубам, чтобы быть развернутыми единым взмахом. Затем последовал ленч: два яйца на каждого, чудесный сыр Чеддер. Четыре яйца в день (ибо на завтрак было тоже по два яйца) в Западном Цирке, на высоте 6460 метров были ободряющим началом. После обеда, отвешивая с Тенсингом 6 килограммов тзампы для Южного Седла и ежедневные пайки по 600 граммов на человека, я физически чувствовал царящее вокруг состояние «безотлагательности».

Том что-то читал, Эд проверял аппарат Тенсинга, Чарлз Эванс, спокойный, как всегда, делал какие-то заметки, Джон с белым, как его кепка, лицом, покрытым толстым слоем глетчерн мази, с кем-то разговаривал, скашивая каждую минуту глаза наверх.

Шерпы топали вокруг в громоздких ботинках или, лежа в большой палатке, болтали. Механизм штурма был готов к старту, ближайшие дни должны выявить стартера.

Сразу после 4 часов вернулась группа Джорджа Бенда и рассказала нам о том, что делается на стене. В это время мы с Джоном собирались уже выйти вверх вслед за шерпами. Джон решил сопровождать меня до лагеря V как для того, чтобы проследить за моим дальнейшим подъемом, так и для того, чтобы испытать свой кислородный аппарат. Что касается моего аппарата, то мужества у меня не хватило, и я отложил его испытания на завтра. Хватит на один день. При двухлитровом расходе Джону идти было трудно, и он дважды, остановившись, просил меня отрегулировать аппарат. Даже при этих условиях мы дошли до лагеря V точно за час. Шерпы уже были там. Джон собирался решить некоторые задачи, относящиеся к радиосвязи, однако не смог добиться ни малейшего ответа от лагеря IV. Полный радужных надежд, я суетился вокруг предназначенных для заброски тюков, и в частности присоединил к своему станку восьмикилограммовый баллон. Как всегда бывает, что-то заедало,

испытывая мои нервы, когда тяжелый баллон влезал в контейнер. Мои восемь шерпов разгрузились и занялись приготовлением пищи. Было 5.30. Хотя солнце нас еще освещало, было холодно и ветрено. Мы с Джоном попрощались.

— Ладно, я сделаю все, что в моих силах, — сказал я.

— Если можете, Уилф, дойдите до Седла. Это сейчас наиболее важное, и все зависит от этого.

— Возможно, что мне не удастся поднять все грузы.

— Возьмите Ануллу и, если придется, идите один, как я уже говорил; тех, которые не смогут идти с вами, оставьте для Чарлза Уайли. С ним должно быть побольше людей. Здесь есть лишний аппарат, оставленный Джорджем Лоу, и Ануллу может им воспользоваться.

— Ладно, я достал для Ануллу маску Джорджа.

— Прекрасно, до свидания, Уилф, и счастливого пути! Мы будем наблюдать за вами.

— До свидания, Джон, счастливого спуска!

В этот вечер я записал в дневник: «Солнце зашло, и стало очень холодно. Рад залезть с замерзшими пальцами в спальный мешок. Странное чувство одолевает меня при взгляде на Лхоцзе. Друг он или враг? Кто бы то ни был, он колоссален. Что-то мне немного одиноко и страшно».

Горная болезнь в лагере VII

Я встал в 6.30. Великая стена, оба ледяных склона выглядели по-прежнему неприступно грандиозными. На фоне голубого неба Контрфорс Женевцев резко выделялся рядом с черно-серым, в форме треугольника конусом Эвереста. С правой стороны этого конуса срывался, пропадая в бесконечной дали, снежный флаг.

Как всегда, я собирался выйти в 8.00, однако увидел, что шерпы всерьез занялись развлечением, поглощая порции кекса из тзампы. Я продолжал топтаться, размышляя о положительных сторонах терпения. Наступило 8.35, когда мы наконец начали подъем по тропе, припорошенной выпавшим накануне снегом.

Мы шли тремя связками. Я вел первую и надел свой кислородный аппарат. Несколько слов об этой жизненно важной стороне «Плана». Обработку стены предполагалось проводить без кислорода. Однако мы с Чарлзом Уайли должны были пользоваться кислородом, так как кроме трудности пути мы должны были руководить шер-

нами, что требовало дополнительных сил, а заброску необходимо сделать во что бы то ни стало. Таким образом, я теперь пользовался выгодой от моей двойной роли — первооткрывателя и руководителя заброски. Для всех, за исключением двух штурмовых двоек, открытые аппараты состояли из здоровенных черных баллонов, полученных от Королевских воздушных сил и весящих по 8,6 килограмма. Эти баллоны нужно было вставить и закрепить в держателях весьма легкого дюралевого станка. Штурмовой набор состоял из двух или даже трех баллонов, преимущество которых было то, что их можно было поочередно выбрасывать после употребления.

Во время акклиматизационного периода мы все потренировались в обращении с аппаратурой. Неудобством установки в такое утро была необходимость при диком холоде заворачивать гайки вентиляей. Надев на спину станок и на лицо маску, надо было еще присоединить трубку маски к трубке баллона. Все это было очень сложно.

Во время длительного траверса ниже лагеря VI ноша за плечами пыталась при каждом шаге сбросить меня вниз, в Цирк. Идти было трудно. Свежий снег замел все наши следы. Иногда я останавливался, чтобы вырубить новую ступеньку, но чаще крутизна была такой, что с трудом держалась нога с кошкой, если даже тело находилось в устойчивом равновесии. А с последним баллоны и рюкзак никак не хотели согласиться; взгляд вниз, в Цирк, по ту сторону холодного зеленого бугра, приводил в сматание. Подъем, правой рукой держусь за веревку, несколько шагов — и остановка. Сзади меня шерпы, согнутые в три погибели, тяжело дышали, я же со своим кислородом наслаждался комфортом и чувствовал себя преступником. За час и три четверти мы добрались до лагеря VI.

Мы провели около часа на открытом месте. Во-первых, потому, что шерпы были приведены в ужас от дополнительного груза в виде шести баллонов Дрегера и другой мелочи, который им надлежало здесь взять. Я подозреваю, что в тщательно составленном списке грузов были пропущены надувные матрацы, спальные мешки и личное снаряжение, что могло потянуть до 8 килограммов. Кроме того, мной было сказано Ануллу, моему сирдару, что до лагеря VI мы пойдем налегке, а здесь возьмем дополнительный груз. Но шерпы, живя по-детски настоящей минутой, видели только, что ноша не тяжелая и, следовательно, путь будет легким. На стене меня охватила тре-

вога при виде того, как тяжелы были грузы уже на первом участке. Теперь я ясно ощущал, с какой неприязнью шерпы смотрели на новый груз. Они сидели, менялись местами, пробовали баллоны и снова садились; при каждом движении веревка безнадежно запутывалась.

Второй причиной нашей долгой остановки было странное уменьшение запаса кислорода. Я был удивлен, обнаружив, что за короткое время подъема давление в моем аппарате упало со 172 до 64 кг/кв. см. Утечка! Мне казалось, что я слышу легкое шипение из-под больших гаек у тыльной стороны баллонов. Но, увы! у меня не было большого ключа, чтобы их подтянуть. Однако здесь лежали в снегу два баллона, как я надеялся — полные. К сожалению, в этих черных баллонах Р. А. Г. нельзя было узнать давление, не смонтировав и не присоединив их, что для меня было не так просто. Оба баллона я медленно, с трудом установил на место, закрепив их по очереди в правильном положении. Оба оказались не лучше моего. Ничего не оставалось, как попробовать те, которые я, может быть, найду в лагере VII. Добираться туда мне придется с дефектным баллоном при расходе два литра на минуту. Маленькая группа, которая в конце концов сумела разобраться в веревках, имела грустный вид. Мы поднимались очень медленно, остановки были часты. «Арам (отдых), сагиб» и вся группа падает, задыхаясь, на снег. Я нашел, что все это дело намного более утомительно, чем наше восхождение с Джорджем без кислорода, пошел на риск и увеличил подачу кислорода до 4 литров в минуту.

Перед последним сераком мы встретили спускающихся трех человек из группы Джорджа. Ужасные условия, царившие последние два дня на верхней части стены, исключали возможность подъема, а Джордж, прошедший на стене девять полных дней, крайне нуждался в отдыхе. Единственным решением был рецепт Майка: «Спускаться ниже», что они и делали. Они сообщили мне, что мороз повредил пальцы рук у Майка и пальцы ног у Джорджа; кроме того, еще более важным обстоятельством была нехватка керосина в лагере VII. А я как раз и не взял керосина из лагеря VI, рассчитывая, что его хватит наверху. «Вы, наверное, сможете поджечь из примусов, предназначенных для Южного Седла», — промолвил нерешительно Джордж. Но ведь я знал, что запасы для Южного Седла неприкосновенны. Я посмотрел, как тащились связки шерпов; среди них лишь один человек был бодрым, как всегда. Анг Норбу в предшествующем году проделал

для швейцарцев выдающуюся работу, однако осенью он перенес операцию и не мог подниматься на большие высоты. Он был местным жителем, а его сестра, пожилая «тетушка», была нашим лучшим носильщиком. Оба одинаково приземистые, плотные, сдержанные и абсолютно надежные. Я это заметил уже давно.

«Анг Норбу и Анг Дава II (был и второй Анг Дава), спускайтесь в лагерь VI и возьмите керосин».

Анг Норбу был готов через минуту. Анг Даве ничего не оставалось, как последовать его примеру. Я перетасовал связки, чтобы выделить для них веревку. Они мужественно зашагали вниз вместе с группой Джорджа.

«Ждем вас вскоре в Лобуе», — крикнул на прощание Майк. 403

Мы потащились дальше. Траверс через склон сераков усложнялся тяжелыми грузами. Несколько шагов — и остановка. Тела согнуты вдвое. К счастью, ступени сейчас стали шире, однако навешенная веревка никакой пользы не принесла. Что касается меня, я наслаждался кислородом, хорошо отдыхал, посматривал на часы и даже подготавливал моих подопечных, забывая, что мой голос для них должен звучать, как голос слона с укутанной мордой. Когда мы добрались до лагеря, был 1.45. Оставалось еще установить пирамидальную палатку и дополнительную палатку «Мид» — работа, всегда связанная с толкотней и неразберихой, но выполнялась она всеми весьма охотно, так как давала возможность измученным людям буквально плюхнуться внутри палаток. Чтобы приготовить чай, я отлил немного керосина из священного запаса для Южного Седла и запустил один из примусов. В моей палатке я нашел в термосе остатки благословенного лимонада. Так как моя палатка соединялась теперь торцом с другой палаткой, занятой шерпами, пришлось поделиться. Оживило нас питье. Канча рассказал мне, что все были истощены из-за голода, так как ничего не ели с 8 часов утра до 3 часов после полудня. Однако, анализируя спустя два дня их подвиг, я решил, что не недостаток пищи был тому виной. Причиной частично была жажда и жара, частично — неожиданно тяжелый груз. Впервые на высоте 7300 метров нагрузка на человека достигала 20,5 килограмма.

Сам я весьма медленно и с неожиданным удовольствием уничтожил целую банку сардин, неосторожно кем-то оставленную в боковом кармане палатки. Для пересохших губ и пустого желудка лучшего блюда в экспедиции не было. Я делал все страшно медленно. Расправа с сарди-

нами длилась, пожалуй, минут двадцать. Как глубоко был прав Джордж, высказывая свой взгляд на высотную дилемму: чем больше ты работаешь, тем больше тебе надо еды; чем больше ты ешь, тем больше тебе хочется.

Я вышел на солнышко. Анг Норбу и Анг Дава II с керосином за спиной преодолевали последний склон. Других признаков жизни не было, так как остальные лежали бездыханные в палатках. Я побрел вокруг палаток, хлопая по задним торцам. «Сик хай?» (Все в порядке?) — «Бахут бимар, сагиб!» (Очень больны!) Я раздал все лечебные таблетки, которые имел. Затем вызвал Ануллу.

404

Ануллу был младшим братом Да Тенсинга. Возвратившись в предшествующем году из экспедиции на Чо-Ойу в Джарджилинг, он обрезал свою косичку в шерпском стиле и превратился в горожанина. Он, вероятно, делил рекорд выкуренных сигарет с Анг Ниймой, и все же это были наши лучшие два шерпа.

Я изложил задание на следующий день. Мы должны отобрать припасы для заброски наверх, и я произвел подгонку кислородного аппарата для Ануллу. Он надел маску Джорджа — она подошла. Пользуясь кислородом, Ануллу должен был вести одну группу, я — вторую.

У нас было шесть шерпов, специально отобранных Чарлзом Уайли для подъема на Седло, однако в связи с перегрузкой пойдут только те, кто будет прилично себя чувствовать. Я прекрасно себе представлял, насколько трудна комбинация заброски грузов с одновременным прокладыванием дороги. Если никто не может выйти, мы должны с Ануллу сконцентрировать свои усилия на выполнении второй задачи при условии, конечно, что кислородные аппараты будут в порядке.

Я занялся баллонами. Один за другим я переворачивал восьмикилограммовые баллоны, присоединяя их, отбирал. У всех из-под большой гайки на тыльной стороне баллона была как будто утечка. Что делать? Я перерыл свою палатку в поисках большого ключа. В отчаянии я прибег в урочный час к радиосвязи. Несколько обыденных посланий, затем: «Я включил все баллоны, и они все, кажется, протекают». Увы, радио — капризное создание. В этот момент «нарушение связи» было причиной бессонной ночи Тома Бурдиллона в лагере IV. Как истинный техник, он, конечно, заметил, что ничего не было сказано о том, что я выключил баллоны. Хорошо зная, что я весьма далек от механики, он сразу заподозрил, что я этого не сделал. Впоследствии мне рассказали, что Джон потратил остатки вечера, пытаясь как-то наладить связь.

Забыв про созданную мной панику, я меж тем занялся плотную поглощением ужина, в который входили суп, лимонад в неограниченном количестве, печенье, сыр, шоколад и сгущенное молоко. Последнее мы либо высасывали из тюбика, либо намазывали, как джем. Ануллу, сидя у двери на корточках над примусом, занимался готовкой и, по-видимому, точно знал, где что лежит.

Солнце село, и стало очень холодно. Я начал было заполнять дневник и пытался даже удариться в поэзию, но, несмотря на перчатки, это стало невозможным. Слишком много времени я тратил на оттирание рук в спальном мешке, и думать уже было некогда. Около восьми я в последний раз вылез из палатки под свет луны и жестоких звезд. Эверест высился над нами, величественный, спокойный и миролюбивый, но все же насмехающийся над «нашими жалкими палатками». Только едва слышный гул, доносящийся с Западного плеча, предвещал появление ветра. Я почувствовал себя одиноким, подавленным неприступностью этой увенчанной звездами пирамиды.

Верхняя часть ледника Лхоцзе

Выйдя из палатки, я был поражен фантастическим золотым, сиянием, уже разлившимся над Пумори и другими вершинами ущелья; столь поражен, что даже в моем состоянии полусонного изумления осознал необходимость все запечатлеть и поплелся обратно за камерой. Мучительные поиски камеры ощупью показывают, насколько сильна была необходимость такого снимка. Я уже ранее предупредил Ануллу, что мы не выйдем слишком рано из-за опасности обморожения, поэтому я с чистой совестью нырнул обратно в палатку.

Руки повара вполне могли заменить часы; чай появился ровно в 6.30. Прошло много времени, пока я вылез наружу, обутый в неуклюжие, громадные сапоги, шнурки которых старались зацепиться при каждом шаге. Было 7.45. Горели один или два примуса, но никаких признаков жизни больше не было, если не считать многочисленных стонов. Больной Пазанг лежал безмолвно. Все было плохо, и я полез за лекарствами.

В 8 часов меня позвал Ануллу. Он состряпал чудодейственный порридж, смешав овсянку из разных штурмовых пайков. Этот завтрак имел большое значение, ибо все дела, наиболее связанные с жизнью, прозаически держатся на еде. Неопределенность стала еще больше. Ануллу по-

жал плечами. Из палаток раздавались охи и стоны. Наконец из палатки вышли несколько шерпов. Один или двое посматривали на грузы взглядом, который иначе и не назовешь как «тусклый». Я спросил, кто в состоянии идти вверх, и коренастая фигура вышла вперед: «Иага, сагиб» (Я пойду). Это был Анг Норбу. Но кто пойдет вместе с ним? Ведь не мог же Анг Норбу идти без кислорода в одной связке с нами.

«Анг Дава хай, сагиб», — сказал он. Я был в восторге. Два груза по крайней мере будут заброшены. Однако, пока я занялся подготовкой, подошел надрывно кашляющий Анг Дава. Идти вверх он не мог. Настала тяжелая минута. Вступал в действие альтернативный план. Двое больных должны были спуститься с запиской для Джона, остальным нужно было остаться, акклиматизироваться и присоединиться на следующий день к отряду Чарлза. Мне было обидно за Анг Норбу после его благородного поведения, да и сам он был явно разочарован. Лишь в 9.30 кончились все дискуссии. Надев кошки и отрегулировав подачу кислорода в 2 литра в минуту, мы с Анулу вышли по направлению к первому снежному мосту.

Пройдя кулуар, я повел связку с умеренной скоростью по короткому траверсу, где снег с 17-го стал значительно более плотным. За три четверти часа мы добрались до высшей, достигнутой мною ранее точки. Несколько дальше остановились. Осторожно, стараясь не опрокинуть, сняли тяжелые баллоны, поставили на склон и содрали с себя маски. Отдых — это абсурдное спокойствие иного мира. В походе, в лагере тривиальность повседневной жизни возвышена напряженностью каждой мысли, каждого движения. Это ряд последовательных жизненных невзгод, увеличенных кривым зеркалом. Но отдых от этого отличается. Все, что таилось внутри нас, выходит наружу. Разум свободен, он готов воспринимать и отмечать, он может даже в данный момент и не отмечать, но восприятие остается, словно картина, с которой в свое время будет смыт верхний слой мази — в данном случае усталости. И тогда, возможно, в какой-нибудь из вечеров будущих лет картина предстанет перед нами более четкой и ясной, чем она казалась там сквозь дымку действительности.

Отдохнув, мы двинулись дальше. Да, конечно, дорога уходила все время влево, как это, бесспорно, показывала навешенная веревка. Презрев помощь веревки, мы вскоре начали барахтаться в бездонном снегу. Пришлось взяться за веревку (оставленную группой Джорджа), пройдя

несколько выше справа. Затем нас встретила высокая стена в форме полумесяца. Где обходить, справа или слева? «Справа», — уверенно сказал Ануллу, и мы направились к тому месту, где широкий снежный склон вел, казалось, назад и вверх над вершиной стены, отделяя ее от следующей стены. Склон был покрыт отвратительно твердым фирном. Я рубил и рубил. Но нет! Снег стал переходить в лед. Нечего было делать. Надо было, не теряя времени, спускаться. Я был рад, что с нами не было шерпов, которых мы задерживали бы. Худший на вид путь слева, после крутой стенки, привел нас к более легким, уходящим влево склонам. Я заметил дюралевый крюк с большим кольцом толстой веревки. Позже мы узнали, что это была высшая точка, достигнутая группой Джорджа, а кольцо было навешено Да Тенсингом.

407

Мы держали направление на левую часть ледника Лхоце, но без всякой перспективы с него сойти, хотя порой нас подмывало перейти на сверкающие ровные склоны, отделяющие нас от большого контрфорса. Зигзагообразный траверс в тяжелом снегу привел теперь к основанию другой веревки, оставленной швейцарцами. Ни одной из таких веревок мы воспользоваться не решились, не зная, как сказалась погода на прочности закрепления. Поднимаясь сбоку от веревки на кошках, я достиг небольшой площадки. Фактически это было началом длинного уступа, убегающего вправо поперек стены. Мы тяжело потащились по полке, мучительно думая все время о висящем возле нас веревочном соблазне. Вид с карниза вызывал головокружение. Далеко внизу, прямо под ногами, виднелись на ровном месте точки — палатки лагеря V. Казалось, что стена быстро стала сужаться, теперь можно было прыгнуть прямо в объятия наших друзей 900 метрами ниже.

Хорошо, что мы не доверились веревке. Как я говорил, она висела весьма соблазнительно, однако мы увидели сверху, что она была присоединена к забитому в небольшую площадку крюку. Крюк уже вылез наполовину и ждал лишь следующего рывка, чтобы присоединиться к ледяным обломкам, прыгающим вниз, к лагерю V. В тот момент я был слишком занят другими делами, маской и дальнейшим путем, чтобы выразить PROVIDENCE благодарность.

Верхнее плато было в действительности вершиной суживающейся плиты, ограниченной пропастью со стороны Цирка и трещиной со стороны горы. Пошли вперед в надежде разыскать мост. Трещина стала расширяться и ста-

новиться глубже, пришлось возвратиться. Выбора не было. Единственный путь — справа с выходом на стену по ту сторону нашей плиты, по узкому взлету ледяной полосы. Еще несколько шагов привели нас наконец за линию стен, имеющих типичную для стены Лхоцзе форму полумесяца. Глядя вверх, я мог видеть нагромождение вечно падающих сераков и далее, сотней метров выше, мрачные, черные башни Лхоцзе, вырастающие из полированного снега. Казалось, что мы уже наверху.

Я шел, чувствуя, сколько бодрости, жизненной силы придавал мне кислород, когда отсутствовали удручающие затруднения, связанные с надеванием и снятием аппарата. Насколько хуже мне пришлось бы без кислорода! Я взглянул вниз, в одну из наиболее впечатляющих трещин, которые мне пришлось видеть, — разрез в покрытом мягким снегом склоне, по которому мы поднимались большими шагами. Но все же это была лишь трещина, а к трещинам мы привыкли. Надо поискать слева или справа, и найдется снежный мост. Пошли налево. Моста нет. Значит, направо. Но здесь также нет моста. Трещина явно пересекала всю снежную стену. Я взглянул на Ануллу, а он на меня. Он указал на что-то пальцем. Там трещина шириной 2,5 метра суживалась примерно до метра. Оба края трещины, словно губы, стремились встретиться для поцелуя над бутылочно-зеленой бездной. Края были образованы, по-видимому, снегом, не укрепленным снизу льдом, и, казалось, сами себя подвешивали над этой холодной пропастью, в которую в другое время было бы интересно заглянуть. Я еще раз прошел вправо, затем влево. Ничего. Я сказал Ануллу, что он должен как можно лучше забить свой ледоруб и быть готовым меня страховать. Затем вступил на хрупкий край. Я стоял и пробовал ледорубом. Ануллу смог бы меня удержать, если бы край не выдержал, но он не был бы в состоянии меня вытащить. Поскольку трещина книзу расширялась, я болтался бы на веревке и не смог бы сам себе помочь. В Альпах было бы безумием решать такую задачу, если участников группы меньше трех.

Но я не могу припомнить ничего больше, чем временный приступ тошноты. Высота, даже при использовании кислорода, притупляет страх так же, как и надежду. Все в свою очередь. Эверест должен быть взят, следовательно, этот этап должен быть пройден. Я воткнул свой ледоруб в противоположный край, но не был уверен, что достаточно глубоко, быстро сделал шаг и, стараясь не глядеть вниз, прыгнул. Глубже воткнув ледоруб, отды-

шался. Край выдержал. На этот раз стена Лхоцзе была действительно побеждена.

Только лежа в эту ночь в спальном мешке, я осознал значение одного шага.

Переход через Контрфорс и возвращение

Метров 90 выше последняя небольшая трещина преградила нам путь. Однако на этот раз снежный мост сам немедленно предложил свои услуги. Выше трещины, на почти ровном склоне, была сделана настоящая остановка. Я выключил аппарат Ануллу, затем неуклюже снял свой и также его выключил. Повесив для просушки свою маску на головку ледоруба, и подставил лицо свежему воздуху. Мы сели и немного поели, но больше всего нам хотелось пить. У Ануллу была превосходная, особо объемистая фляжка с лимонадом. Он сам как будто предпочитал курение еде и успел скрутить две сигареты, пока я покончил с тремя печеньями и небольшим количеством сыра. Мы находились теперь на вершине, если таковая имеется, ледника Лхоцзе; никаких препятствий между нами и изгибом пологого склона, ограничивающего Контрфорс, больше не было. Контрфорс казался теперь прекрасной, выступающей вперед возвышенностью с оголенной вершиной, круто спадающей в Цирк в виде снежно-скального ребра. Последнее наполовину заслоняло громадный серый скальный конус Эвереста, вершина которого отмечалась развеваемым ветром снежным флагом. Мы остановились в 12.15. В 12.50 вновь пошли, прикрепив и отрегулировав аппараты.

Ануллу шел первым. Немного ниже нашего уровня, на скальной полоске, пересекающей склон по направлению к Контрфорсу, можно было заметить уныло болтающуюся веревку, оставленную швейцарцами. «Слишком низко», — подумал я. Ануллу помчался со скоростью, характерной, как мне показалось, для быстрого швейцарского гида (хотя она вряд ли могла превосходить половину таковой). Замечательное достижение, если учесть, что мы шли по склону, проваливаясь по лодыжку. В некоторых местах снежные наносы затвердели под действием ветра, и здесь, к моей тайной радости, можно было рубить ступени. Выгадывалась минутка, чтобы разогнуться и отдышаться. Слово «траверс» применено мной неправильно.

Наш траверс должен был подниматься по диагонали через склон. Наконец после движения вверх в течение часа мы достигли большого желоба, почти укрывшегося в тени Контрфорса. Слабые скальные выходы образовали рельеф — наклоненные вниз, наполовину заваленные снегом маленькие полки. Это был первый шаг по скалам после Базового лагеря; желанная перемена, хотя и трудная работа в кошках.

Как подняться на Контрфорс? Мне говорили, надо держаться вправо, пересечь Контрфорс у самой его вершины, откуда идет 180-метровый спуск на Седло. Но вот я увидел снежный кулуар, идущий полого вверх под скальной полосой до самого гребня. Если удастся достигнуть его, может быть, мы сумеем идти по нему прямо до Седла, не теряя высоты. Мы проголосовали «за». Снег стал очень твердым. Удар ледорубом, затем пауза. Удивительно, как я задышался, несмотря на расход кислорода 4 литра в минуту. Нервное ожидание также прерывало дыхание, по мере того как на фоне тени пирамиды Эвереста гребень становился все ближе, приобретая вид нечеткой, вылезающей справа кривой, с которой все время сдувался снежный туман. Я снова шел первым и рубил последние ступени к гребню. Ничего не видно, и нет легкого траверса; нужно идти до самого верха, где гребень расширяется. Первые валуны, о которые мы часто спотыкались, затем снег, широкая вершина Контрфорса Жевцев — и вдруг ничего, прямо над нами более ничего. Мы были на вершине, и во всей округе над нами возвышались лишь Лхоцзе и Эверест. Это было то, о чем так долго мечтали, на что так долго надеялись.

Справа в вышине Лхоцзе вырезает на синем небе узор, украшенный бахромой облаков. Слева снежный туман все еще скрывает тайну Эвереста. Но глаз, голодный и зачарованный, уже скачет по плато между ними; площадка, покрытая валунами и голым льдом, по форме близкая к квадрату со стороной около 350 метров, на первый взгляд до нелепости надежная и комфортабельная по сравнению с простирающимися кругом хребтами или с туманом, скрывающим дальние тибетские холмы. Но на этом фоне шумный ветер предупреждает со стоном, что Южное Седло — цель столь многодневного стремления — совсем не уютное место. И среди тускло блестящего льда и грязно-серых валунов желтые лохмотья — все, что осталось от швейцарской экспедиции прошлого года.

Мы начали вскоре спуск на плато, лежащее лишь метров на 60 ниже. Но прежде я вынул из рюкзака 150-мет-

ровую нейлоновую веревку и, привязав к крюку, стал спускаться по склону. Она должна была служить моральной жизненной нитью для возвращающихся после длительной заброски измученных шерпов. Хорошо помню, что, когда мы подходили ближе, меня охватило изумление, что я здесь нахожусь, что так легко и просто спускаюсь к тому месту, которое весной в течение трех дней держало швейцарцев в плену, про которое они осенью писали: «Здесь чувствуется запах ада». Для меня с кислородной маской на лице, сопровождаемого одним шерпом, в условиях, когда дул лишь легкий ветерок, это место обладало большим сходством с некоторыми участками Скафел Пайк в зимнее время. Неделей позже я говорил уже иное, но ведь я не обладаю предвидением.

411

Мы спускались по последнему участку уплотненного ветром снега, и я продолжал укладывать веревку. Затем — площадка. Желтые лохмотья лежали небольшими кучами или хлопали по ветру на еще стоящих металлических опорах. Вокруг был разбросан хаос пищевых продуктов, вещевых и спальных мешков, фетровых сапог. Когда при мне толкуют о «завоевании» Эвереста, я закрываю глаза и вижу эту появившуюся как призрак сцену. Наши палатки теперь должны выглядеть так же. Тем временем я замечаю, что Ануллу, который не предавался таким романтическим размышлениям, привязывает к себе за спину прекрасный швейцарский мешок, содержащий фетровые ботинки. «Эй, они могут понадобиться другим!» На это он возразил, что Тенсинг ему сказал, если он первым достигнет Седла, может забрать себе первую «добычу». «А как с баллонами?» Нет, он лучше оставит здесь кислород. По своей глупости, возможно под влиянием высоты, я даже позабыл о том, что Джорджу может понадобиться его маска, и мы оставили ее тоже. Все это, включая фотографирование, заняло некоторое время, а Южное Седло не такое место, чтобы на нем празднично задерживаться. На мне был надет лишь один свитер и никакого теплого белья. Я подобрал несколько коробок спичек, банку сардин и коробку витаут, свечку и сыр. Сделал снимок, и мы повернули назад.

Кислород мне помог, и в этом уверен, преодолеть шестидесятиметровый подъем на Контрфорс. Мы проверили навешенную веревку, чтобы убедиться в ее надежности. На вершине гребня ветер был менее холодным, чем на Седле.

На гребне я остановился, пораженный изрезанностью гребня Пумори, находящейся теперь ниже нас, с его бес-

численными взлетами и падениями. Со всех сторон медленно клубились волны облаков, но сам гребень, покрытые бороздами склоны и ослепительные ледяные грани сверкали в чистом небе. Кислород настолько поднимал мое настроение, что я даже обратил внимание Ануллу на все эти красоты, в связи с чем он, без всякого сомнения, посчитал меня сумасшедшим.

На середине обратного траверса мы остановились. Я тяжело сбросил мои баллоны на снег, а Ануллу вытянул свою гигантскую фляжку. Больше всего мы нуждались в питье, а не в еде, и никто из нас ничего есть не стал. Я подумал: «При спуске кислород мне не нужен. Я его выключу». Идти теперь будет легче, да к тому же страшно трудно прочитывать показания манометра без помощи товарища. Опасную трещину мы весело перепрыгнули с верхнего края. И далее вниз, к сложным участкам. Однако я чувствовал себя плохо и не мог уже идти столь бодро. «Ну что же,— подумал я,— опять его включу, осушу до капли, и усталость не так будет сказываться». Как трудно снять аппарат, включить кислород, снова надеть аппарат, присоединить трубку. Наконец, металлический привкус при дыхании. Но, боже! С кислородом я никогда не смогу поддерживать прозрачными свои защитные очки. Ну так и есть, они опять запотели. Я таращил глаза, тер очки, но они снова мутнели. В лучах заходящего солнца мы спускались теперь по смутно мной различаемым неземным террасам, по кругам Дантова чистилища. Какие-то странные призраки, казалось, поднимаются ко мне. У древка, оставленного Джорджем, мы остановились, и я отрезал часть веревки, чтобы навесить ее в последнем кулуаре. Наконец пересекли последний склон над лагерем, и снизу к нам донеслись неразборчивые крики. Это была группа Чарли, которая, по видимому, нас радостно приветствовала. Однако насчет кулуара у меня была определенная идея. Мы не торопились его пройти. Я забил ледорубом крюк, связал вместе две веревки, и мы спустили их по кулуару и на мост. Перешли через трещину, когда солнце коснулось верхушки Нупцзе, и протащились по ровному участку в предвкушении отдыха. Еще не было шести, когда мы уселись пить чай около битком набитых палаток.

Врачебная помощь

21—28 мая

22 мая —
знаменательный день

Лагерь VII был перенаселен. Два шерпа из моей группы ушли вниз, но оставалось еще шесть, да и у Чарлза было семь. Кроме того, я, к своему удивлению, увидел веселые лица Эда и Тенсинга. Принятое Джоном решение было рискованным. Он стремился не перегружать вторую штурмовую двойку, однако в это утро он увидел лишь двух человек, выходящих вверх. Что-то, по-видимому, было неладно. Если заброска не будет сделана вовремя, никаких штурмовых пар вообще не будет. Поэтому он пошел на большой риск в надежде, что авторитет Тенсинга и поддержка двух снабженных кислородом людей удвоят на следующий день шансы на успех.

Таким образом, лагерь VII был переполнен. После заката стало холодно, и я после чая уютно устроился рядом с Чарлзом, в приподнятом от кислорода настроении и совершенно не заботясь о том, где и как разбросаны мои пожитки. Положительный эффект открытого аппарата, так же как и закрытого, продолжался еще несколько часов после того, как аппарат выключали. Моя задача была выполнена, и мне ничего более не оставалось, как болтать и болтать в счастливой уверенности, что остальные продолжают работу на следующий день. Чарлзу приходилось выслушивать все мои разглагольствования, так как мы ночевали в одной палатке, а терпение его не имеет границ. Приступы тошноты меня вновь охватывали при одном воспоминании о рахитичном крюке или о прыжке через трещину — воспоминании, ожившем в процессе моего красочного рассказа о прожитом дне, однако любой отчет в таком состоянии будет субъективным.

Сама вершина в этот момент ничего для меня не представляла, а мои собственные переживания и успехи имели громадное значение. Туманные черты, которыми Эверест был наделен еще раньше даже, чем я его увидел, и которые пленяли наши мысли во время акклиматизационных вы-

ходов, поблекли теперь по сравнению с конкретными понятиями скал и снега, утесов и трещин, являющихся «косметикой» любой вершины и составляющих хлеб насущный восходителя. В настоящий момент Эверест представлял собой просто некий род работы, с которой мы успешно справлялись. Я вспомнил необъятную картину Седла, дух уныния, царящий над остатками желтых палаток, и завершающую тайну возвышающейся сзади пирамиды. Но особенно я старался вспомнить все наше движение. Я обещал нарисовать утром схему нашего пути, а тем временем пояснил некоторые его детали. Затем мы поужинали так себе, тем, что приготовил Тенсинг. Наиболее солидным блюдом была банка сардин, которую я притащил вниз. Я закурил сигарету, используя спички, найденные на Седле.

Вскоре после того, как мы в наших двух соединенных торцами палатках улеглись и погасили свет, поднялся ветер. Снова он мчался с низким ревом через склоны, снова натягивались стенки палатки, а стойки трещали. Однако палатки держались великолепно, а что касается отдыха, кто об этом думал? Возбужденный кислородом, я лежал счастливый и думал, думал, думал о прожитом дне. Южное Седло! Счастливый случай позволил мне первому до него добраться. Конечно, первым следовало быть Джорджу Лоу, он особенно заслужил возможность увенчать этим свою работу на стене. Однако высота подстрекает эгоизм, и я был только счастлив, что мне было дозволено открыть этот новый путь, впервые взглянуть сверху на жалкие остатки человеческой деятельности. Наконец я заснул и никаких снов больше не видел.

Проснулся я хорошо отдохнувшим от поднявшейся вокруг суеты. Тенсинг твердо решил, что наверх должны идти все. С рассветом началась стряпня, и вскоре появился чай. В него добавлялось немного грейпнатсов и вместе со случайными печеньями это все, что имели шерпы за целый день. Именно тогда Чарлз Уайли, не имея под рукой ничего более удобного, ел свои грейпнатсы с помощью гаечного ключа.

Однако, сколько бы ни повторять эти операции, каждый раз с таким же трудом приходилось вытаскивать, извиваясь, ноги из спального мешка, скручиваться кольцом и рискуя раздавить все вокруг, выползая на руках и коленях на ледяной ветер, брать карандаш и пытаться онемевшими пальцами составить список забрасываемых грузов. К тому времени, когда я этим утром вылез, большая часть грузов была уже упакована, и мне пришлось под-

ходить к спине каждого шерпа и поднимать закрывающий брезент, чтобы увидеть, сколько у него баллонов или что уложено в ящиках. В 8.40 (великолепное время) они ушли, и я вернулся в палатку. Ануллу приготовил блюдо порриджа, которое он, как фокусник, вытащил явно из рукава. Затем очень медленно мы произвели некоторую уборку, и я пытался отмыть кастрюли, в которых вчерашняя тзампа оставила слой липкой грязи. Из всех работ в высотном лагере мойка посуды была самая мерзкая; кстати, я впервые тогда заметил, что кипятилок здесь не такой уж горячий. В 10.20 мы вышли в путь. Огибая серак, еще раз остановились полюбоваться его красотой. Пумори, красная девица, за которой ухаживали окружающие принцы, снова сменила свои украшения и была чистой, стройной пирамидой, гордо размахивающей черной шалью облаков перед своими поклонниками. Неожиданно сверкающий луч прорвал сверху черное покрывало и, дотронувшись до самой верхушки конуса, осветил ее золотую корону.

415

Через час мы добрались до лагеря V, а еще через полчаса — до IV. Устроенный нам прием привел нас в замешательство: щелкали камеры, нам пожимали руки, задавали тьму интересующих всех вопросов. Бог знает, правильны ли были ответы. Затем ленч, и все вернулись к биноклям. Появились наконец семнадцать точек. Они тащились со скоростью часовой стрелки где-то около вершины Контрфорса, но одна из них остановилась. Наконец все остальные тоже вылезли на фоне неба. Впереди шли двое. Как мы решили, это были Эд и Тенсинг. Затем длительная пауза. Но что это? Вновь появились лишь шесть фигур, начавшие спуск. Прошло еще десять минут, и все те же шестеро. Может быть, кто-нибудь из шерпов не смог одолеть подъем от Седла при возвращении. Или Эд и Тенсинг решили остаться с партией вспомогателей? Прошло много времени, пока все появились, пока Джон вздохнул с явным облегчением. Мы успокоились и стали наблюдать, как делится отряд. Одна группа из четырех человек долго отдыхала на скалах, в то время как остальные ушли далеко вперед. В 5.30 их было хорошо видно ниже лагеря VII, а отставшие растянулись намного выше. Небо потемнело до пурпурного цвета, золото на склонах превратилось в серебро. Уже давно ушла партия вспомогателей первого штурма, Джон с двумя шерпами — Балу и Да Намгиалом. Мы, попрощавшись с Чарлзом Эвансом и Томом Бурдиллоном (первой штурмовой двойкой), которые теперь, после значительной заброски на Седло, могли начать действовать. Мы с благоговейным страхом отпу-

скали шуточки по поводу используемого ими 15-килограммового закрытого аппарата и всего личного барахла, которое они положили еще сверху, чтобы «загримировать вес». За ужином шел разговор о том, встретятся ли возвращающиеся с Джоном в лагере V.

«Эй, вы, народ!»

Скользя и спотыкаясь, к двери большой палатки подходил Эд. Последовали приветствия усталой, но сияющей весельем группы. Эд и Тенсинг, ветеран Дава Тхондуп, Пазанг Футар, Гомпу и Анг Норбу. С остальными, более усталыми Чарлз остался в лагере VII. Это были: Топки, Анг Намгил, Гяльен, Пазанг Дава, Анг Дорьи, шестнадцатилетний Анг Тсеринг, Фу Дорьи, Анг Дава II и Канча, который при возвращении едва влез на Контрфорс. В то время когда Канча «доходил», у Чарлза вышел из строя аппарат, и ему пришлось тащить восьмидесятиграммовый баллон, не пользуясь кислородом. Но благодаря этому подвигу, благодаря тому, что Чарлз вел своих людей и подбодрял их своим примером, тринадцать полноценных тюков были заброшены на Седло.

Первый штурм начался.

В Западном Цирке

Было приятно 23-го подняться около восьми и знать, что ничего срочного сегодня делать не надо. Тем не менее, когда я взглянул наверх и увидел тройку Джона, выходящую на стену, демон тайной зависти меня ужалил, хотя моя задача и была выполнена. Мне оставалось только доставить Джеймсу Моррису на Базу новости — хорошие, плохие или безразличные. Как было бы хорошо снова пойти вверх... может быть, несколько позже. Сначала завтрак, и я протопал к большой палатке в высотных ботинках, которые мы с равным успехом использовали в качестве домашних туфель, надев куртку (служащую подушкой) поверх своего «круглосуточного» костюма. Впоследствии все оставалось неизменным, лишь с некоторыми вариациями: вязаная нательная фуфайка, толстая фланелевая рубашка, толстые пижамные штаны и сверху штормовые брюки. Свитеры и теплое белье прибавлялись или отнимались в зависимости от времени дня.

В 11.30 появился Чарлз с двумя шерпами, усталые, однако с хорошим самочувствием. Джордж Лоу был занят подготовкой ко второй заброске, ибо из моих вчерашних ответов следовало, что необходимо забросить по крайней

Безымянный пик к югу от Эвереста

Эверест, вид с гребня Пумори

*Вершинный гребень Эвереста,
вид с Южной Вершины*

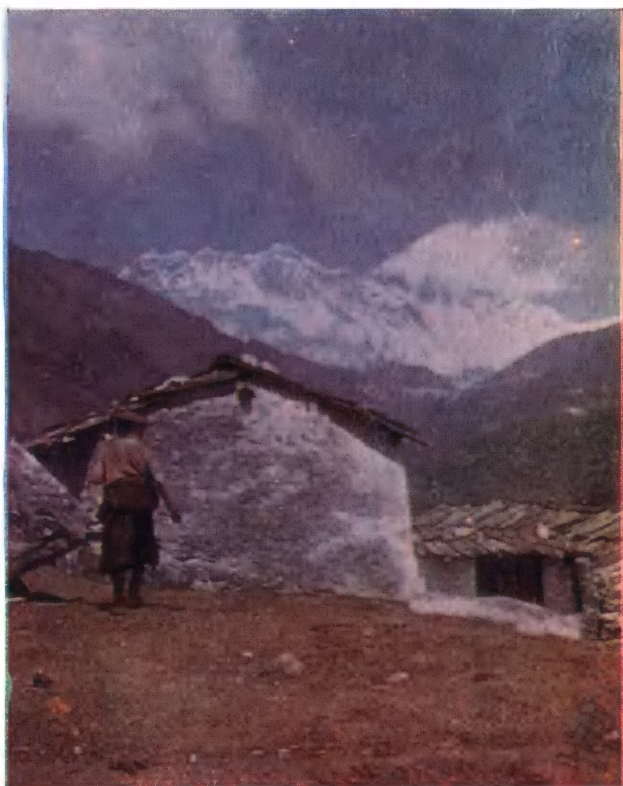

*Вид на Эверест
из деревни Пангбоч*

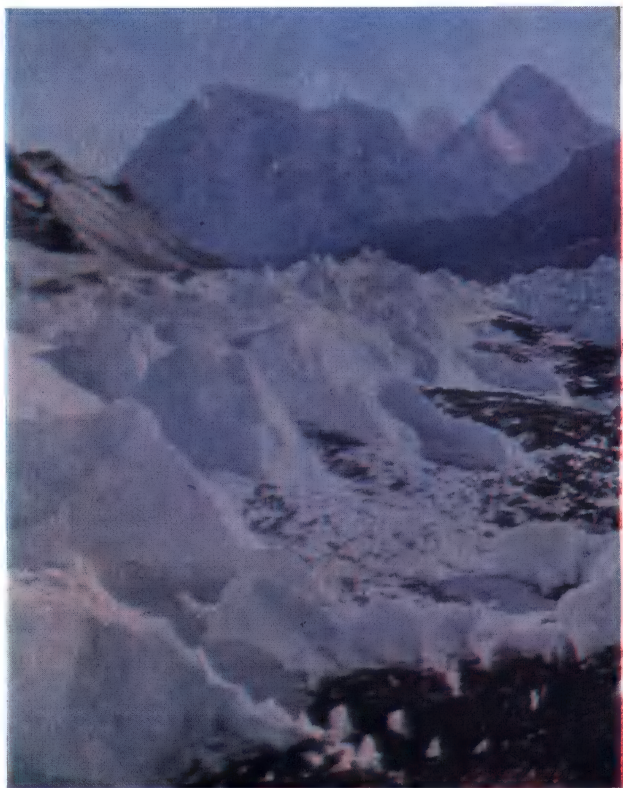
Лагерь II

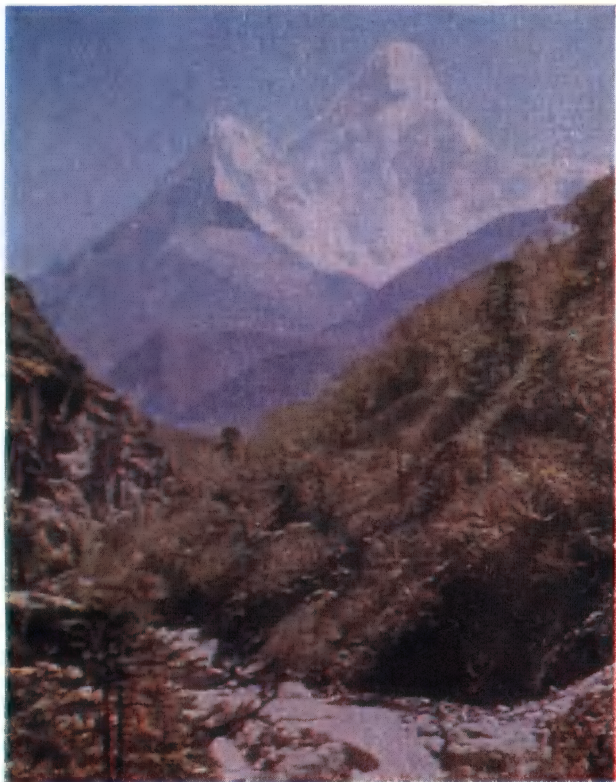

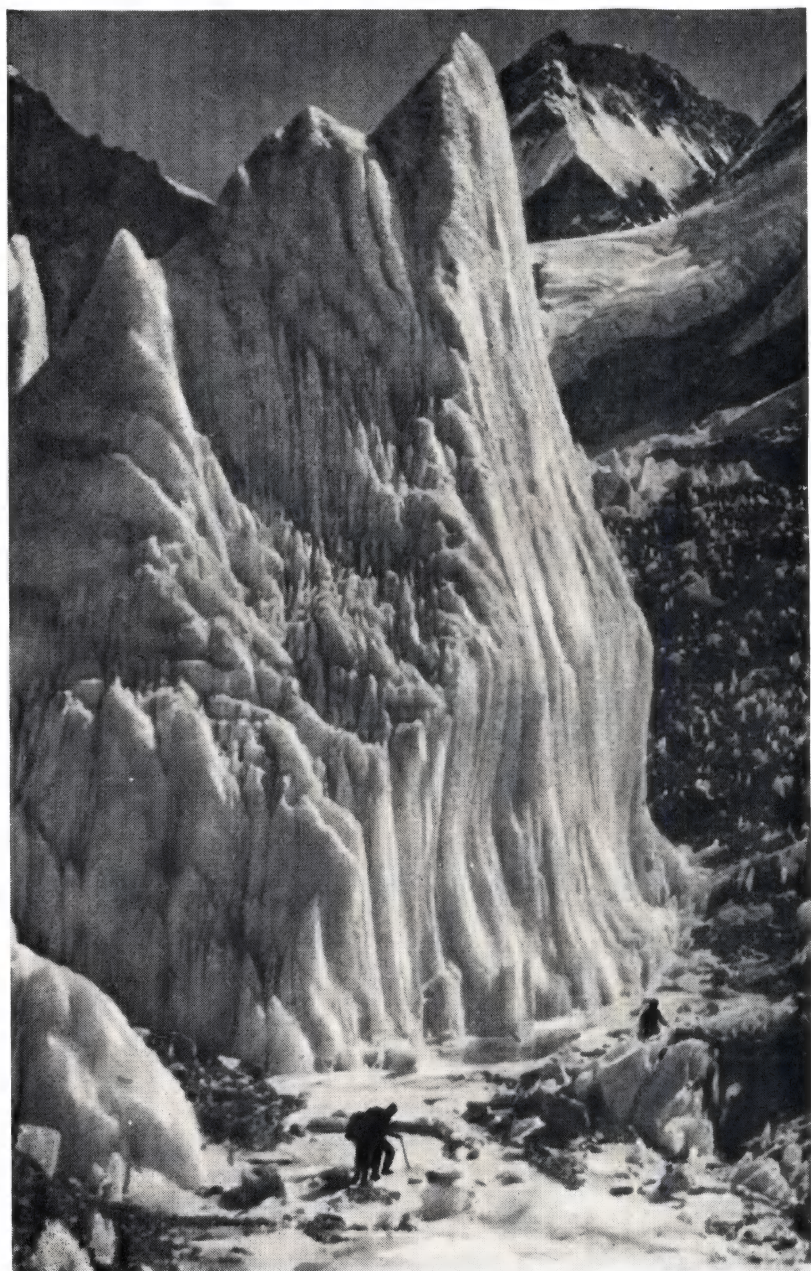

*Лагерь в Тхзянгбоче.
На заднем плане:
слева — Лхоцзе,
справа — Ама-Даблам*

*Ама-Даблам. Вид с подходов
к Базовому лагерю*

*Вид из Базового лагеря
на ледник Кхумбу*

Закат на Лхоцзе

Озерный лагерь и морена

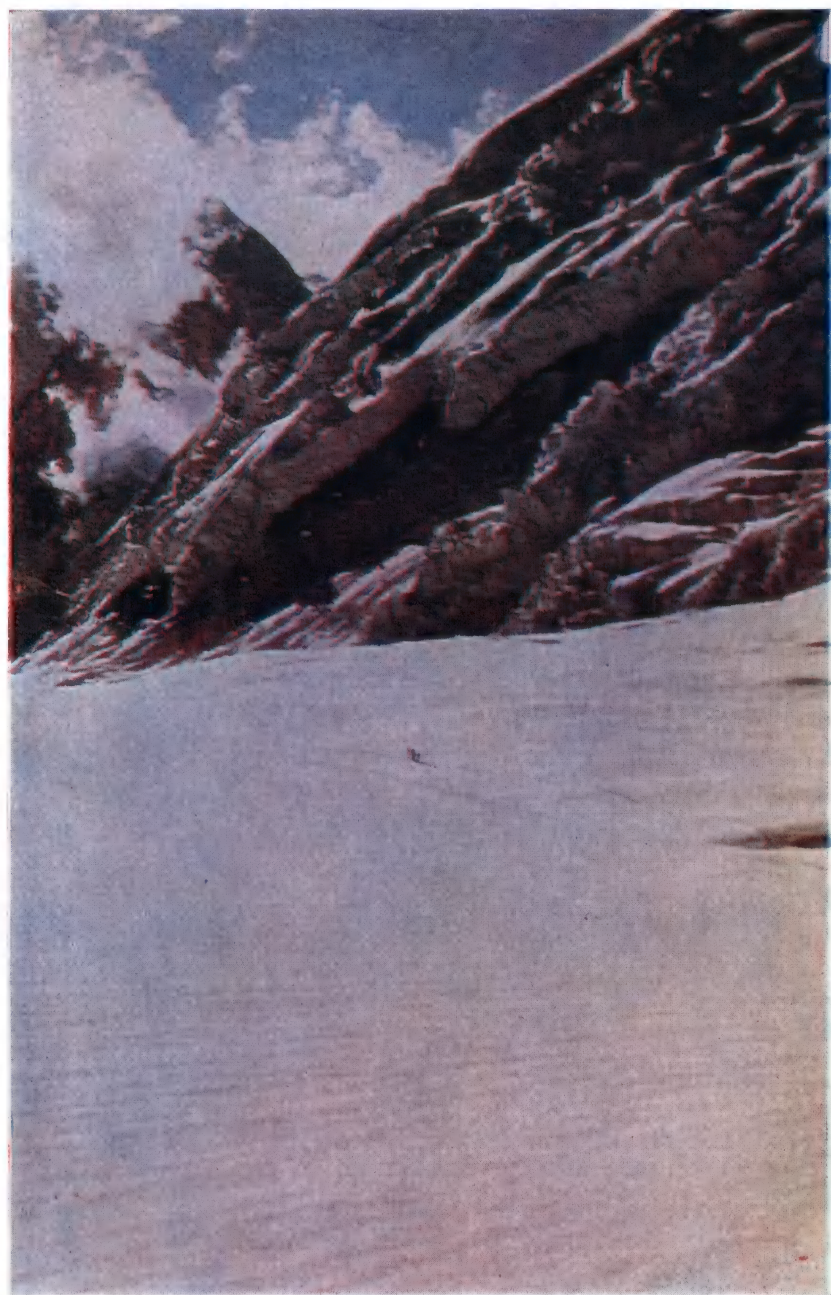
*Ледовые башни на ледопаде
Кхумбу*

Вид с Южного Седла на Нупце

*Монастырь Тхэянгбоч.
Вдали гребень Кванцзе*

Вид вниз на Западный Цирк

Вершинный гребень Канг-Чо

Автор на Пойнтид-пике

*Тенсинг на вершине Эвереста
29 мая 1953 года*

мере еще пять грузов, особенно если восходителям не придется тащить тяжелые ноши Чарлза и Тома. Да Тенсинг и Чангю, местный житель, уже вышли вверх в это утро в 5 часов. К 2 часам дня, к нашему изумлению, они уже вернулись из лагеря VII, тем самым покрыв позором сагибов с их кислородом. Это был удивительный подвиг, если не сенсация для газеты. Они облегчили вторую заброску. Но когда же будет эта заброска и когда второй штурм? По первоначальному плану Джона промежуток между двумя попытками должен был быть только 24 часа. Однако Эд, проводящий день в «эверестской позе», считал, что ему необходимо отдохнуть подольше. Кроме того, двадцать четыре часа — слишком короткий промежуток, чтобы шерпы, достигшие Южного Седла, могли прийти в себя. Но после двух дней, сказал Тенсинг, они, безусловно, выйдут. Эти вопросы служили темой оживленной дискуссии.

В 4.30, после чая, я отправился один в лагерь V за попытками и чтобы проверить наконецник кислородного аппарата для Джорджа Лоу. Впервые мне пришлось выходить в высокогорье в одиночку, и я уже заранее предвкушал свои впечатления. Побывать некоторое время одному было для меня почти физической потребностью, ибо тогда воображаемые призраки гор как будто разговаривали со мной, что они не могут делать, когда другой, пусть даже симпатичный, человек при этом присутствует и нарушает контакт. Одиночество расширяет нервную индивидуальность, повышает восприимчивость. Страх становится более острым, а также сознание, что ты являешься частью этих гор, а через них частью природы. В горах я не боюсь встречи с призраками, хотя часто подвержен страху в полуденном лесу или в городе.

На сей раз бояться было нечего. Дорога была ровная, трещины хорошо заметные. Дважды я останавливался, чтобы перевести дыхание и полюбоваться серебристыми лезвиями льда в бронзовой оправе скал Нуптзе. Достигнув лагеря, посмотрел на часы: только сорок семь с половиной минут; время улучшено на десять с лишним минут по сравнению с прошлым разом. Может быть, действительно целесообразно останавливаться и любоваться видами, когда у тебя такое самочувствие?

Отрегулировав наконецник аппарата, я повернул назад. Одной из целей моего похода было посещение могилы Мингма Дорьи, чудесного шерпа, погибшего прошлой осенью, во время швейцарской экспедиции, и похороненного на морене, справа по ходу при спуске. Я свернул в

сторону и легко нашел нужное место — памятник, сложенный из камней, метра два в длину и больше метра в высоту. Один из каменных осколков укреплен вертикально. У меня нет ни надежд, ни тревог о судьбе моего тела после смерти, но, стоя у могилы Мингмы, я сказал себе, что мне хотелось бы покоем здесь, где взор мгновенно переходит от маленького каменного сооружения к 2,5-километровому отвесу Эвереста и выше — к его вершине, где единственными моими товарищами были бы туман, снежные хлопья и галки.

Возвратившись к своим следам, я ощутил то необъяснимое счастье, которое приносит закат солнца в горах. «Домашнее» — определение, неправильно применяемое для величественного окружения, однако человеческое существо, находясь в такой обстановке, действительно чувствует на короткий миг домашний уют. Внизу, в долине, зашедшее на солнце облако набросило тусклое покрывало тени на ровный снег. Однако маленький серак смежного бокового ледника каким-то образом поймал заблудившийся луч и не хотел его отпускать. На некоторое время я был частью окружающей Стены, был подобно Лесли Стэфену «одушевленной вершиной горы». Но подобно ему я должен был вернуться. «Все на земле житейское, ибо замерзающие пальцы и обжигаемые снегом носы живо нам напоминают, что мы не стали бессмертными».

После ужина вечер вплоть до сна наполнен обычной беседой. В эту ночь мы думали о том, как высоко расположенным казался нам в апреле лагерь II, установленный «прямо вверх», в складке ледопада. А лагерь III был настоящей вершиной, на которой было опасно задерживаться слишком долго, так как можно было потерять сон и аппетит. Теперь же сам лагерь IV, как базовый, казался домашним и уютным; мы ели, как великаны, и спали, как сурки. Шерпы настояли на том, чтобы забросить окончательно лагерь II, предпочитая совершать переходы сразу в лагерь III.

Большую часть утра 24-го я потратил на составление отчета для Джеймса, находящегося внизу, на Базе. Странно, как много времени отнимают такие дела, хотя мне казалось, что я пишу весьма умело. Чарлз Уайли уединился, чтобы написать открытки. Ко времени ленча он написал только три. Время от времени я поглядывал на Стену. Джон и его два шерпа вышли из лагеря VII в 9.45. Том и Чарлз шли в разных связках. Они двигались очень медленно, по-видимому, груз был тяжелым. Вторая группа, пять шерпов с Джорджем Лоу во главе, должна

была быть достаточно мощной, чтобы захватить личные вещи сагибов и облегчить штурмовую двойку. После обеда поднялась суета. Шла упаковка грузов для второй группы. Эд отбирал продукты люкс, вплоть до килограмма на человека; шерпы подгоняли тесьму для кошек, Чарлз Уайли давал последние наставления. В нашу среду внезапно вторглись две новые здоровенные, тяжело нагруженные фигуры: Майкл Уэстмекотт с рюкзаком Гриффа Пью за плечами и немного погодя сам Грифф. Майкл выглядел гораздо лучше, он уже полностью посвятил себя жизненно важной работе по очистке ледопада. Все вместе мы попрощались с Эдом и Тенсингом и их вспомогателями. Грег взял Пембу, Анг Ниима и Анг Темба, Джордж Лоу — пять шерпов, идущих на Южное Седло.

Вечером разгорелась бесконечная дискуссия о кислороде. Я записал в своем дневнике: «Истина заключается в том, что никто ничего не знает». Читатель может спросить здесь: «А что же происходило все это время с Эверестом? Как обстояло дело с этой царствующей над всем громадой?» Я уже говорил, что для меня, а я думаю, что и для большинства из нас Эверест как индивидуальность уступил место Эвересту как вещи, на которой мы работали. Мы были слишком близко к нему. Так лилипуты могли гораздо лучше рассмотреть Гулливера издалека, нежели тогда, когда они находились на его груди. Кроме того, будучи неспособными на этой высоте проявлять интерес больше чем к чему-либо одному за раз, мы были слишком заняты нашим движением и нашими заботами, нашими лагерями и координацией, чтобы думать, за исключением редких минут, о горном творении, красующемся перед нами.

Так, я писал в дневнике: «25 мая. Прошедшей ночью нос заложен поменьше. Не так неприятно. Совсем ясный день, ветер, кажется, стих. Может быть, это «день вершины»? Они вряд ли дождутся лучшего дня. Вышел из палатки и как раз увидел большую лавину со скал Западного плеча. Она соскользнула вниз, как гигантский ломоть кекса, пропала за скальным гребнем и вновь появилась в виде снежного облака, промчавшегося через весь Цирк». В действительности, конечно, это не был «день вершины». Накануне, после обеда, группа добралась до Южного Седла с громадным трудом. Все предельно устали. Чтобы расставить две палатки, на что уходит обычно пять минут, понадобилось при царствующем там ветре полтора часа. Балу вышел из строя, и основная его обязанность была изображать собой балласт, чтобы палатку не унесло,

пока другие пытаются ее расставить. Это была крайне утомительная работа вслед за крайне утомительным восхождением. Возможно, это был наиболее тяжелый день всей экспедиции.

24-го Майк Уорд впервые прошептал мне слова «альвеолярная проба». Этот медицинский обряд, кажется, состоит из взятия проб воздуха из глубины легких человека. При этом испытуемый должен сделать резкий выдох в стеклянную трубку, которая затем заделывается. Майк не знал, были ли успешно взяты такие пробы на высотах до 7300 метров. Не хочет ли кто-нибудь вместе с ним пойти наверх и попробовать?

420

Это было соблазнительное предложение, но как быть с третьей попыткой, если таковая понадобится? Я был связан с организацией такой попытки, хотя в настоящее время ни у кого, по-видимому, не хватало энергии об этом думать. Гриффу было разрешено экспериментировать вне лагеря с драгоценным кислородным баллоном, который может стать необходимым для третьей попытки. Абсурд! Но так же трудно сразу понять, почему ему этого не делать, учитывая, что все казалось столь нескорым. Здесь я, вероятно, могу лучше сохранить свою форму, на случай если попытка понадобится, поскольку Грифф как раз похвалил нас за то, что мы здесь пребывали как раз чуть ниже той высоты, на которой начинается высотный износ. И все же, что мне здесь делать? Я с большим трудом написал статью, переписать которую у меня не хватает умственной энергии¹. Ходить с Майком мне нравилось. Почему не пойти наверх?

Помощь первому штурму

26-го мы собирались встать рано и поднялись в 5.15. Однако вышли мы только в 7.15 в сопровождении весьма медлительного Пазанг Давы, несущего наше снаряжение. В лагере V, который мы достигли за час, Майк выразил мнение, что я иду слишком быстро для шерпа. Не было другого выхода, как предложить ему поменяться ролями. Это был с его стороны хитрый маневр, ибо, как признался потом Майк, он любил лидировать, так как при этом ему не приходилось подгонять под кого-либо свой темп. Я был рад обнаружить во время этого третьего подъема, что был в высшей форме и хорошо акклиматизирован.

¹ Она была опубликована впоследствии в Climbers'club Journal, 1954.

Майк, должен сказать, взял хороший темп. Двадцать шагов — остановка и далее вперед с еще большим рвением. В лагере VII, к нашему удивлению, мы увидели какое-то движение вне палаток. Нас приветствовал Чангью, который не смог акклиматизироваться на этой высоте. Джордж Лоу оставил его здесь. Вместе с Пазанг Давой Чангью пошел вниз, в Передовую базу, а мы решили немного поспать. Высота в лагере VII во всяком случае влияла, как я считал, на многих из нас.

Мы прибыли в 12.30. Прошло немного времени, и мы были разбужены голосами, доносящимися со стороны моста, — веселыми голосами, за которыми последовало появление связки трех шерпов, бойко шагающих по ровному участку: снова Дава Тхондуп, Анг Норбу и Топки. Все они в этот день произвели свою вторую заброску на Седло. Дава Тхондуп, хотя ему было под пятьдесят и он уже несколько дней не мог говорить из-за воспаления горла, был так весел, как будто прогуливался по проспекту Намче-Базара. Анг Норбу оставался таким же безмятежным и спокойным, как всегда; Топки, маленький толстяк, застенчиво улыбался, но был явно возбужден. Их отчет был довольно путаным, но получалось как будто так, что Том и Чарлз могли достичь вершины и что сегодня же спустятся сюда еще другие. Мы послали прибывших обратно, в лагерь IV.

Около пяти мы увидели следующую группу, спускающуюся медленно и с остановками. Она пересекала склон над большой трещиной. Из снежных глыб, лежащих около палатки, мы приготовили чай и вышли приветствовать проходящих. Да Намгял, осунувшийся и страшно усталый, шел на поводу у братьев Анулла и Да Тенсинга вместе с Балю, который на Седле вышел из строя. Только теперь я понял, как удачно мы пришли сюда! Нам, пожалуй, и не нужно было никакого предлога, чтобы прийти на помощь. Майк их осмотрел. Да Намгял был до крайности утомлен, и, кроме того, у него было обморожение на мизинце размером с пенни и распухшие лицо и руки. Балю страдал общим упадком духа.

Тем временем я прочел записку, протянутую мне Да Тенсингом.

Весьма срочно
Уилфриду Нойсу

Уилф!

1. Сообщаю, что около 1 ч. дня Тома и Чарлза видели переходящими через Южную вершину, по дороге к высшей точке. Здесь царит большое возбуждение.

2. Я сопровождал их с Да Намгиалом до 8387 м и оставил там припасы. Они могут завтра быть подняты еще выше второй группой вспомогателей.

26 мая. *Джон Хант*

422

Естественно, что мы делали бесчисленные предположения. Шерпы считали, что восходители достигли самой вершины, не отдавая себе отчета, что Южная вершина, видимая с Седла, заслоняет вершинный гребень. Что было неоспоримо,— это то, что они за одно утро поднялись на 813 метров. И это произошло, пока мы медленно, скучно готовили суп, затем передали работающий примус Ануллу, который в пирамидальной палатке занимался обслуживанием другой группы. Вскоре ветер грубо прекратил разговоры и начал через серебристые склоны швырять в нас снежные заряды. Мы лежали и смотрели на грязные кружки, наблюдая, как свет, проходящий через крышу палатки, все более и более тускнел, а парусина надувалась и оседала под шквалистыми ударами. О чем думаешь в такие минуты?

Я задавал себе вопрос, в каком из палаточных карманов находятся сигареты, а в каком спички, и решил, что слишком много сил надо затратить, чтобы разыскать и то и другое. Я хотел знать, такой ли сильный ветер на Южном Седле, как здесь у нас, или, может быть, еще сильнее: далекий гул «Экспресса» с Южного Седла был слышен отчетливо. Я спрашивал также себя, какова обстановка на Седле, и пробовал представить себе поведение своих товарищей при таком ветре, как у нас: ошеломленные, закутанные, спотыкающиеся фигуры, каковыми они были, когда боролись два дня тому назад с палатками. «Самое ветреное место в мире»,— говорили швейцарцы. Как они должны были зацепляться за камни, неуверенно нащупывать оттяжки, падать на землю при шквалах. Значит, именно там был совершен ими подвиг.

Весь день невидимые токи возбуждения стекали, казалось, вниз при мысли о том, что могло происходить на высоте со штурмовой двойкой. Они достигли Южной вершины (8753 м). О деталях я мог только догадываться. Я не знал еще, что Джон и Да Намгиал подняли фактически 18,5 килограмма до точки, расположенной на 30 метров выше палатки, использованной в предшествующем году Ламбером и Тенсингом (8342 м). Они вернулись очень усталые, а лед, забивший клапаны аппаратов, еще более усложнил их возвращение. Тем временем Том и Чарлз под-

нимались к Южной вершине и, может быть, даже достигли высшей точки.

Затем я мысленно перебирал работы, которые можно сделать за один выход из палатки, чтобы сэкономить свои силы: навестить шерпов, запасти снегу на завтра, укрепить палатку против порывов ветра, приспособить рюкзак вместо подушки. Теперь остается только борьба до потери дыхания со спальным мешком и укрощение белья, которое сопротивляется изо всех сил продвижению мешка выше талии. Ибо мы для экономии веса обходимся без вкладышей и надеваем ночное белье в спальном мешке. Наконец я лежу в мешке, высунув подбородок, и лишь эпизодически должен с пыхтением повернуться, чтобы принять более удобное положение.

423

Ветер продолжал завывать. Он не стихал всю ночь. Только в 8.00 утра я вылез из палатки, рассчитывая, что шерпы уже запустили большой примус. Ничего подобного. Они оставили примус в снегу, и у меня ушло больше часа, чтобы заставить его работать. Я стоял на коленях и при малейшем движении, чтобы достать снег, рисковал опрокинуть многие неустойчивые вещи: сам примус, увенчанный тяжелой кастрюлей, пленки, ботинки, пакеты с Кнекербротом с прилипшими к ним тюбиками сгущенного молока, мои книги и дневник; все это разбросано на одежде, спальнях мешках, полунадутых матрацах.

Майк вышел осмотреть шерпов. Для Балу и Да Намгиала рецепт был прост: «Спускайся ниже!» Обморожения пройдут через пару недель, и Да Намгиал, все еще переживающий свои беды, как будто успокоился. Сильный ветер продолжал завывать. Через длительное время медленно ползущая связка из четырех человек исчезла за гребнем. Приходилось ждать. От утренней работы оставались еще два дела. Майк и я учились в свое время в одной и той же приготовительной школе св. Эдмунда в Хиндхиде, и я имел твердое намерение написать письмо для воспитанников этой школы, сообщающее, что мы организовали рекордный по высоте обед, что должным образом и фиксируется, даже если меню состояло только из супа и ривиты со сгущенным молоком. Второй задачей было взятие альвеолярных проб — главный предлог нашего присутствия здесь.

Из своего рюкзака Майк извлек ряд стеклянных трубок и колбочек, которыми он манипулировал с почтительной осторожностью эксперта по китайскому фарфору. Затем появились резиновые трубки и, по-видимому, часто применяемые зажимы. Задача состояла в том, чтобы забрать

воздух из глубины ничего не подозревающих, если можно так сказать, легких. Надо нормально дышать, без усилия. Затем нужно внезапно с большой силой вдохнуть воздух в трубку. Здесь вступает в дело зажим. Не успеет выйти обратно воздух, как его, несчастного, ловят в стеклянной колбочке в конце трубки, тщательно закупоривают и он готов отправиться в Лондон для анализа. Я сделал один успешный вдох. Майк — два. Я чувствовал, что наконец честно поработал на пользу науке.

Мы подогрели лимонад и поели печенья. Должны ли мы тут еще оставаться? Здесь было мало еды, едва достаточно для других, когда они вернутся. Мы медленно стали собираться. Уходить становилось все труднее и труднее; чтобы оттянуть наш выход, мы решили обойти серак и еще раз взглянуть на верхние склоны. Вдруг Майк закричал. Четыре маленькие фигурки спускались ниже Контрфорса. Они шли очень медленно и часто садились. Слава богу, у нас есть оправдание, чтобы остаться. Ведь надо же их встретить! Мы снова разобрали свои пожитки. Я думаю, что никто из нас не понял в то время (действие высоты!), что, если бы не увидели их, оставаться было бы еще более нужным.

Мы сидели в палатке, занимаясь пустяками. Когда нам нужно начать кипятить чай? Мы то и дело выглядывали наружу и напрягали слух, стараясь услышать голоса. В 3 часа я начал топить снег, но было уже более четырех, когда они появились, двигаясь с трудом по склону. Оставив Майка у примуса, я медленно пошел вдоль площадки к расположенному метрах в 40 вправо от нас мосту через трещину. Они спускались по кулуару. Первой двигалась грузная фигура, повернувшаяся над мостом в мою сторону. Это был Джон. Он вскоре перешел через трещину. Том следовал за ним. Я обменялся с Джоном рукопожатием. Внезапно над его правым плечом, сверкнув на фоне серой ледяной стены, промелькнуло что-то голубое. Это была одна из четырех фигур, видимо падающая прямо в трещину, которую она пересекала! И действительно, это было падение. Переутомленный Анг Темба неаккуратно поставил ногу на ступеньку и перенес на нее вес. Оступившись, он полетел вверх ногами. Чарлз, последний в связке, его задержал. Это была реакция квалифицированного альпиниста. Он успел натянуть веревку на ледоруб, но больше сделать ничего не мог. Анг Темба был жив. Жив, но бесполезен. Джон и Том, шедшие первыми, только смотрели. Оба были измучены до последней степени. Том тяжело дышал, хотя был с аппаратом, благодаря которому смог спуститься с Седла.

Я взглянул на бугорчатый клин снега, образующий мост. Он был широким и неплотным. Анг Темба находился у верхнего края, около стены трещины, и не болтался свободно в пространстве. Если мне удастся прокарабкаться на ту сторону, я смогу до него добраться. Чарлз держит меня сзади, а я ловлю ледорубом и тяну. Стащил с Анг Тембы рюкзак и отнес в лагерь. По правде сказать, счастье, что край трещины был в виде полки и не обрывался вертикально. Анг Темба — очень низкорослый, хотя и широкий человек, и его груз висел ниже головы. Таким образом, хороший рывок за лямки восстановил его равновесие, и я смог схватить его за руки. Он сам практически был не в состоянии помогать себе. Я еще никогда не видел кого-нибудь более уставшим; на протяжении 40 метров до лагеря он шел, переставляя по очереди ноги только потому, что это движение стало у него автоматическим.

Первая штурмовая группа вернулась.

Подвиг Эванса и Бурдиллона

В палатке за чаем, который разливал Майк, мы слышали прерываемый одышкой рассказ о предыдущем дне. Анг Темба удалился в пирамидальную палатку. Том растянулся на спине в палатке, соединенной торцом с ранее установленной палаткой. Остальные четверо сидели на корточках в нашей палатке и около нее. Мы слышали рассказ о том, как Джон и Да Намгиал, идя с открытым аппаратом, подняли свой груз до 8342 метров. Это было поразительное достижение для человека сорока двух лет, обремененного ответственностью руководителя. Том и Чарлз, как помните, используя закрытый аппарат, собирались подняться от Седла прямо до Южной вершины, а если будет не слишком трудно, то и до самой Главной вершины.

Используя большую концентрацию кислорода, они спешили, проходя примерно 300 метров в час, пока их скорость не была резко снижена сначала участком мягкого снега, затем склоном крутого и гнилого снега под Южной вершиной. Здесь шли очень осторожно. Они остановились на высоте 8753 метра, выше, чем когда-либо поднимался человек, и впервые посмотрели на предвершинный гребень. В снежном тумане, вуалирующем в этот день окружающее, карнизы, нависающие над ледником Кангчунг (3650 м ниже), выглядели устрашающими. Чарлз

считал, что потребуется еще не менее трех часов. На Южную вершину они попали поздно, около часа дня, так как поздно вышли с Седла. У Чарлза из-за холода аппарат начал барахлить. У них не хватило бы кислорода на путь туда и обратно частично потому, как думал Том, что они слишком рано сменили коробку с натронной известью. Уже раньше в экспедиции убедились, что длительное пользование аппаратом с замкнутой циркуляцией, приводит к нарушению акклиматизации. Это значит, что, если бы аппарат внезапно отказал на предвершинном гребне, они наверняка не вернулись бы назад, так как потеряли бы контакт с наружным воздухом. Они вернулись, совершив «историческое» восхождение, если этот затасканный термин может быть употреблен по отношению к альпинистским подвигам. Спуск был отчаянно медленным, и здесь они почувствовали, как устали. Оба по очереди срывались — срыв от переутомления. Третья ночь при сильнейшем ветре отдыха не принесла.

Балу шел плохо с самого начала. Почти невозможно предугадать, имея дело с шерпами, у кого из них хватит воли побороть высотную слабость. Балу выложился до конца при подъеме на Седло и окончательно сдал под действием ветра. Это делает достижение Да Намгиала особенно примечательным, тем более что еще незадолго до этого, в Лобуе, он страдал бронхиальным кашлем. Что же касается Джона, он подобно Оделю принадлежит к тем, для которых сорокалетний рубеж не существует.

Даже на Седле голова Джона была занята планированием. Смогу ли я пойти вверх с шерпами для поддержки или усиления второй группы, заполняя брешь, если кто-либо выйдет из строя,— об этом он собирался меня просить в лагере IV, считая, что я нахожусь там. Одновременно нужно было захватить наверх продукты и керосин. Я не мог желать ничего лучшего, однако, так как я уже находился в VII, казалось обидным спускаться, чтобы собрать своих шерпов и вновь идти вверх на следующий день. Смогут ли это сделать Майк и Анг Темба? Но Анг Темба не мог двигаться даже на следующий день, ему даже трудно было спуститься. А на следующий день продукты и кислород должны были быть доставлены тремя шерпами ко мне. Похоже было на то, что мне придется все же спускаться самому, когда в разговор вмешался медленный голос Чарлза. Возможно, он сможет пойти вместе с Майком. Положение мое было спасено.

Они ушли вскоре после пяти, и следующие три часа я был очень занят. Я хотел ухаживать за Джоном и Томом,

которые в соседней палатке были «вне игры». Но если бы только я не был столь медлительным! Я собирался надуть их матрасы, но через час я все еще бился с большим примусом и его дефектной горелкой. Один лишь малый примус медленно, очень медленно готовил из снега воду для супа. Мне казалось, что я признаюсь в своей никчемности, когда просил совета у Тома, о котором собирался заботиться. «В чем дело?» Раздался стон, тяжелый вздох, и Том перевернулся на бок. Сердитое ворчание раздалось по моему адресу, когда я впихнул внутрь невообразимо грязный примус. Том теперь сидел, тяжело дыша. Десять минут он что-то шуровал. Я зажег сухой спирт, и, когда примус заревел, Том уже снова лежал на спине, столь же, по-видимому, бездыханный, как и раньше. Ничто в экспедиции мне не внушало такого восхищения, как этот миллетный штрих.

Я вылез, чтобы дать воды и таблеток Анг Пембе, который отказывался даже от чая. Вернувшись, один в палатке, я поставил сбоку примус и занялся удручающей работой — растапливанием снега, просто чтобы вымыть кружки. Затем последовали суп, порридж, печенье и лимонад — все, что мы имели теперь в лагере, с добавлением сыра, изюма и сгущенного молока в тьюбике. Передача блюд из одной палатки в другую через состыкованные рукава вдвойне усложнялась и требовала осторожности и высокого мастерства.

Наконец, в 8 часов завершающая сигарета — высшее наслаждение и кульминационный пункт прошедшего дня — были предложены моим товарищам. Однако они к этому времени уже дремали. Я же лично даже здесь так же наслаждался сигаретой «на ночь», как всегда, намного больше, чем на равнине. Свою трубку я оставил в лагере IV, находя, что она гаснет слишком часто и что на затяжку надо тратить слишком много сил. Ощупью отыскал спички и закурил. Деяния и происшествия этого дня улетучивались в тумане дыма, так же как и деяния, мысли и желания следующего дня. За пределы следующего дня мой разум никогда не заходил.

В ожидании повторного подъема

Ночью шел слабый снег, и, может быть, именно поэтому утомительный ветер стих. Лишь изредка хлопок по палатке нарушал наш покой. Но как скажется этот снег на вы-

пележащем юго-восточном гребне? В 6.45 я развел примус для чая. Вода была натоплена еще прошлой ночью. Хотя это потребовало вечером большого напряжения воли, зато окупилось сторицей, когда настало утро и с ним мрачная необходимость вылезать наружу за снегом. Я дал чаю и кодеин Анг Тембе, все еще лежащему пластом и не способному ничего произнести, кроме редких стонущих восклицаний.

Хотя никто из нас не был особенно голодным, мы позавтракали, начав с грейпнатсов, которые Джон любил класть в чай. Затем последовала ривита с сыром или джемом. Я стал питать неприязнь к экспедиционному джему (типичный высотный каприз), а сгущенное молоко — это слишком много хлопот. Пока другие медленно собирались, в промежутках между проверками, как идет у них дело, я произвел безуспешную попытку вымыть посуду. Но когда они ушли и я остался на весь день предоставленный самому себе, я вернулся на свой матрац и проспал еще пару часов. Затем я просто лежал и смотрел в потолок. Если срочно понадобится, любое усилие могло быть сделано. Но если требуется повседневная работа вроде уборки или мытья посуды, то намного легче смирно полеживать, повертывая следующую страницу Николаса Никлби или просто ничего не делая. Как насчет поэзии? Вся тяжесть земная повисла на моих руках, когда я открывал дневник. Написав строчку или две, остановился. Голова утопала в дремоте. Я вздрогнул, написал еще пару строчек и снова остановился. Наверняка можно все же писать, даже здесь.

В таких условиях прошло утро. Внутри палатки стало безумно жарко — мне пришлось остаться в фланелевой рубашке, надетой на нательную фуфайку. Но как только я открыл дверь, холодные шквалы, вооруженные ледяными иглами, атаковали меня. Я приготовил немного лимонада, а затем, не напившись, сварил Нескафе. Печенье и сыр пробили себе путь вниз. Больше ничего не было, но больше я бы и не мог ничего съесть. То, что прежде казалось деликатесом, теряет здесь свой вкус. Послеобеденное время я провел в точно таком же безделье. Совесть говорила мне, что кругом полно всяких дел: красоты, которые надо запечатлеть, кастрюли, которые надо отмыть от тзампы. Тело говорило, что и то и другое могут подождать.

В четыре в ожидании шерпов я поставил греть воду. В 8.30 ниже горба послышались отдаленные голоса и появились медленно поднимающиеся четыре (а не три) фигуры. Это были мои шерпы Анг Дорьи, Фу Дорьи и Пазанг

Футар. Вел их Чарлз Уайли собственной персоной. Трое шерпов несли керосин и упакованные в фольгу штурмовые пайки. Они тяжело дышали, так как поднимались очень быстро. Чарлз плюхнулся на ящик. Он рассказал мне, что пошел сопровождать шерпов, чтобы как-то отвлечься от однообразного существования на Передовой базе. Прошлой ночью (27-го) он узнал от Чарлза Эванса и Майка все новости и заказ на продукты. Чарлз и Майк были очень утомлены, однако рассказали все, что знали, и отвечали на вопросы.

Опустив голову, Чарлз сидел на ящике и пил чай. Я осмотрел принесенные грузы. Казалось, все были квадратной формы — штурмовые пайки или керосин.

— Где мой кислород, Чарлз?

— Кислород?

— Я имел в виду тот, который я просил для заброски на Седло.

— О боже! Вы говорите про те баллоны!

— Какие баллоны?

— У нас была пара баллонов. Но мы встретили спускающегося Джона, и он сказал, что они слишком тяжелы и что лучше их оставить. Они лежат у подножия Стены.

Я подумал, какое странное влияние оказывает высота. Джон знал прошлой ночью, что мне нужен кислород, особенно если мне придется подниматься выше Седла. Его мышление, по-видимому, было направлено к одной цели — экономии веса, и теперь он приказал оставить внизу мой драгоценный кислород. Двумя днями позже мне пришлось самому его увидеть сиротливо покоящимся на площадке перед началом крутого подъема на Стену.

Я взглянул на громадный склон, окаймляющий голубое небо вдоль Контрфорса Женевцев. Завтра без кислорода я должен вести трех нагруженных шерпов для второй заброски на Седло. А может быть, и выше.

На Седло без кислорода

28 и 29 мая

430 В палатке Чарлз бухнулся на матрац. Он выглядел очень усталым, а вокруг рта запеклась пена от жажды. Он хотел чаю, больше чаю. Я вышел, чтобы проверить, осталось ли что-нибудь в каком-нибудь баллоне. В больших черных баллонах не осталось ровно ничего. Но что в тех баллонах, которые нес Том при спуске? В одном из баллонов из легкого сплава — благослови его, боже! — было давление в 89 кг/кв. см. Я удивился, почему так мало думал о преодолении этих склонов без кислорода, когда британские экспедиции с севера вполне обходились без него на высотах, значительно превышающих 6900 метров. Я был слишком избалован. Затем подумал, что восхождение с севера намного легче, чем отсюда. Фактически на большей части пути они обходились без веревки. К тому же мне, может быть, придется проводить спасательные работы на еще большей высоте, восстанавливать палатки и наверняка ухаживать за уставшими после восхождения людьми. Уютно устроившись, поглощая суп и колбасу, я спрашивал себя, достаточно ли надежно поставили этой ночью свою палатку Эд и Тенсинг. Здесь не было ветра, только тот же глухой гул, доносящийся с Седла, нарушал тишину. Мне довелось узнать на следующий день, что условия для них были не так уж тяжелы. В тот момент они были укрыты в маленькой, установленной наклонно палатке на высоте 8510 метров. Грег, Джордж и Анг Ниима вернулись на Седло.

Чарлз заработал мои благословения тем, что принес французскую колбасу типа салями. При мысли о возможности куснуть что-нибудь мясное возвратился аппетит. Ниже, в долине, я никогда не думал, что буду так скучать о мясе, оставаясь безразличным к иным деликатесам. Некоторые из нас предпочитают пикантное сладостям.

Был прекрасный вечер, когда я совершал хорошо теперь

освоенную прогулку за серак, который был одновременно нашим панорамным пунктом. Лишь несколько золотых полос — громадных слитков, охватывающих горизонт и разрезанных, словно ножом, вершиной Пумори, — начинали принимать зловещий вид. Все иное: остроконечные пики и небо — было ясным и сверкало той мягкой вечерней золотой краской, которая не от мира сего. Около семи раздался страшный треск и вся сторона горы, на которой мы стояли лагерем, казалось, задрожала. Как будто живой Эверест перед ночным сном пожимает плечами.

В Гималаях зачастую ожидаемые страдания не так велики, как их рисует страх. Именно так и было на следующий день, 29-го. Началось с чая, приготовленного Фу Дорьи и сдобренного грейпфрутами. Затем «подъем». Если бы над горой вдруг появилось божество, я бы попросил его не переносить меня на вершину, а перенести во времени за тоскливые полтора часа, отделяющие первое усилие при вылезании из спального мешка до последнего взмаха веревкой перед выходом в путь. В этот день наиболее беспокойным делом были сборы вещей. Я подробно все обдумал, однако физическое время совсем иная вещь. Мои личные вещи надо было поделить между мной и Пазанг Футаром, который кроме этого должен был нести также и свои. Остальные двое должны были доставить на Седло высотные пайки и драгоценный керосин. Им надлежало в тот же день спуститься, и поэтому личные вещи они могли не брать. Надо было теперь уложить свои вещи и окончательно одеться. Не зная, что мне придется делать выше, я пришел сюда в легких ботинках. Они обеспечивали мне комфорт на нижних участках Стены, однако не были достаточно теплыми для Седла. К счастью, Чарлз носил тот же размер и любезно со мной обменялся. В последнюю минуту в лагере IV мне пришла в голову счастливая мысль, и я положил свою маску в рюкзак.

Я решил побережь свой запас кислорода для более высотных участков, где он мне будет нужен. Мне приходилось, следовательно, на протяжении всего ледника тащить аппарат, не пользуясь кислородом. Незадолго до 9 часов мы вышли. Когда мы пересекали склон над лагерем, я помахал на прощание ледорубом, но боюсь, что этот бодрый жест не соответствовал тогда моим чувствам. К моему удивлению и радости, я как будто хорошо акклиматизировался. Шерпы не наступали, как я ожидал, мне на пятки, и я не слишком задыхался; любоваться видами я все же был не в состоянии, однако дыхание было

гораздо лучше, совпадало с ритмом движения, и я мог сделать двадцать — тридцать шагов без остановки. Я тем более был удивлен, что не сомневался, что демон «высотного истощения» схватит меня за горло. Я не учитывал, что ниже определенного уровня он отдыхает, как это явствует из практики Джорджа Лоу. Джордж поднялся выше Седла после того, как провел девять дней на Стене. Даже с применением кислорода это исключительный подвиг.

Итак, я поднимался с глазами, прикованными к склону, который со времени первого посещения стал значительно более плотным. Только во время отдыха я поворачивался к горизонту. День для штурма был, по-видимому, прекрасным, и мои мысли все время возвращались к тем двоим наверху. Золотые полосы на фоне облачных волн приобретали оттенки от серебряного до серого, но никакая дымка не вуалировала небесную синеву. На участках, где были навешены перила, веревка теперь была закреплена надежно, однако в громоздких ботинках и с грузом за спиной идти нужно было по-прежнему очень осторожно. Мы поднимались к наиболее ровной части вершины ледника.

Я собирался перепрыгнуть через трещину, когда что-то необычное привлекло мое внимание. Не может быть... Я снова посмотрел. Это, несомненно, была та трещина, о которой я часто думал после первого ее пересечения с Ануллу. Края ее были теперь выровнены и образованы прочным льдом, поддерживающим снег. Они были расчищены зубьями кошек. В эти дни свежего снега выпало очень мало, с каждым днем поверхность склонов все более уплотнялась, ветер заносил ступени снегом, который также твердел по мере того, как кошки оставляли на нем свои следы. Любопытное ощущение: я выглядел теперь как закоренелый хвостун, делающий из мухи слона. Однако мое удивление лишь подчеркивает лишний раз правильность избитой истины, что с каждым повторением любое восхождение становится более легким. Почему же я так глупо суетился по этому поводу?

Предварительное ознакомление с маршрутом, безусловное, ускорило и облегчило движение на этом участке. На этот раз мы сидели и ели в 11.30 там, где мы с Ануллу ели в 12.15. Мы затратили меньше времени на подъем без кислорода, чем мне понадобилось в первый раз с применением кислорода. Перед тем как начать траверс, я включил аппарат, надеясь, что баллон Тома с расходом 2 литра в минуту доведет меня до Контрфорса. Мы заметили груп-

пу в три человека, спускающуюся по верхним склонам траверса,— вспомогатели. Мы решили их подождать.

Прошло длительное время, пока наконец появились вспомогатели: Грег, Пемба и Анг Ниима, закутанные с ног до головы и тяжело дышащие. Грег сообщил мне, что видели Эда и Тенсинга в 9 часов переходящими через Южную вершину. Он сам, Джордж и Анг Ниима сделали накануне заброску и оставили высоко на гребне все необходимое для лагеря. Штурмовая связка перночевала в этом лагере и вышла в 6.30 утра.

Мы стояли в снегу расслабленные, и каждый стремился отодвинуть минуту выхода. Грег был очень усталым. «Передай Джорджу, что сегодня мне лучше»,— сказал он, и они двинулись вниз.

Вскоре после этого я заметил, что Анг Дорьи идет очень неуверенно. Чаще стали возгласы «арам» (отдых) и типичная поза: голова, склоненная на ледоруб. Его невидящие глаза приобрели бессмысленное выражение, характерное для предельно обессиленного человека. Рот широко открыт, а на губах пена. Мы поделили между собой часть его груза и двинулись дальше. Хорошо помню, с каким трудом я вновь надевал аппарат после включения кислорода. Тяжелый рюкзак, укрепленный поверх баллона, старался меня опрокинуть, когда я откидывал его назад. Мы шли теперь все медленнее и медленнее. Становилось все более и более ясным, что вспомогатели очень скоро, самое большее через час, остановятся совсем. В этот день было ветрено и довольно холодно. Я был рад, что на мне ботинки Чарлза, так как вряд ли кому-нибудь нравится стоять в свежем снегу, двигая пальцами ног, чтобы они не потеряли чувствительность.

Снова остановка. Голова Анг Дорьи свесилась на грудь, в глазах больше не было признаков жизни. Мы стояли в снегу в надежде, что отдых восстановит его силы. Я натянул второй свитер, вторую пару перчаток. По-видимому, идти дальше он не мог; через несколько шагов он свалился. В этот момент забытые солнечные лучи начали играть на гигантском склоне, по которому мы прокладывали свои муравьиные следы; пришло тепло. Я взглянул вверх, на кажущуюся столь близкой закругляющуюся линию гребня на фоне неба. Мы могли поделить груз Анг Дорьи, дойти до Седла и послать Фу Дорьи, чтобы он быстро спустился и довел Анг Дорьи до лагеря VII. Мы с Пазанг Футаром останемся наверху и, если будет нужно, пойдем еще выше. «Анг Дорьи ждет здесь»,— сказал я. Что-то похожее на благодарность мелькнуло в

его глазах. Он лежал в снегу, не заботясь ни о чем, кроме отдыха.

Мы еще раз подняли груз и пошли дальше. Однако я недооценил все условия: медленное движение, емкость моего баллона, расстояние до вершины Контрфорса и силу ветра. Очень быстро баллон «сдох», и я хорошо узнал, какое влияние это окажет на мое движение. Мы не отошли и двухсот метров от Анг Дорьи, как ветер, пронизывающий насквозь мои брюки, наметнул об опасности, которой подвергается лежащий. Я понял, что в такой холод оставлять человека на снегу рискованно.

434

Контрфорс выглядел более далеким, чем раньше, четко обрисованные тени выступающих из снега скал обещали сложное лазанье. «Фу Дорьи нисше яега» (Фу Дорьи пойдет вниз). Фу Дорьи — высокий шерп в оранжевой куртке — был одним из лучших. Он был хорошо подготовлен для подъема на Седло и мог бы легко туда добраться. Однако он стал выполнять приказ без малейших возражений.

Что делать с грузом? Фу Дорьи нес большую часть груза Анг Дорьи, которую нам с Пазангом нужно было теперь поделить между собой. Мой запас кислорода кончился, освободив меня для другого груза. Я прислонил установку к небольшой скале. Даже если мне выше понадобится кислород, я все равно не в состоянии нести сейчас баллон и груз, а в эту минуту груз был, по-видимому, более важным. Будущее показало, что керосин был действительно ценен, ибо на Южном Седле его почти не было.

Штурмовые пайки, столь тщательно подобранные и заброшенные вверх, и сейчас в большей своей части лежат на Седле. Может быть, они кому-нибудь пригодятся. Но в то время они казались наиболее нужными, впрочем, как могли бы и стать. В бездонный рюкзак Пазанга влезло много. В мой не вошло все, что мне хотелось, и мне пришлось идти дальше с двумя рюкзаками, каждый из которых неудобно расположился на одном плече. Пазанг нес больше 20 килограммов, я же — свыше 16.

Мы не сделали еще и нескольких шагов, как Фу Дорьи был уже около своего друга. Оба некоторое время отдыхали, затем медленно пошли вниз вдоль пунктира наших следов, пересекающего склон по направлению к верхней части ледника. Первые несколько шагов — это показывает, как медленно мы шли. Убийственный вес, две длинные свинцовые руки, начал давить мне на плечи. С моим дыханием, с моим мышлением стали происходить странные вещи: словно во сне я бежал в хвосте во время кросса в Чатерхаузе. Я был весь запятнан грязью, хрипло дышал,

обессилел. И вот кто-то предлагает начать бег сначала. Нет, это слишком!

Благотворное действие остановки сказалось почти мгновенно. Я буду задыхаться, пусть, но только не это дикое беспредельное удушье, ощущение, что ты вечно, бесконечно находишься в аду. Маленький скальный остров, длиной, может быть, всего метров 30, потребовал много времени. Затем снежная корка с отпечатками следов на ней. Эти следы вели прямо вверх, сбоку от Контрфорса, а не на его гребень, по направлению к перилам, как восемь дней тому назад. Я знал, что мои товарищи прошли по пути швейцарцев. Нам было легче идти по их следам, что я и сделал. Но ступени были обманчивыми, заваленными округлыми снежинками, которые ветер безжалостно гнал бог знает откуда, от Тибета через Западное плечо и за него.

Три шага — остановка. Судороги в плечах, когда вес придавливает тело к земле. Несколько отчаянных вздохов, пока голова бессильно лежит на ухватившей ледоруб руке. Затем вперед. К своему удивлению, я обнаружил, что мне нет нужды отдыхать сверх момента, необходимого для восстановления дыхания. Без сомнения, я не был в состоянии идти быстрее, даже если бы речь шла о спасении жизни. Однако я не хотел идти медленнее или останавливаться надолго. Я скорее сгорал от нетерпения идти и идти, пока переменчивый силуэт гребня на фоне неба не будет наконец ниже меня.

Глядя вверх, я сравнивал этот склон с подходами к скальной башне Тройфэна в Северном Уэльсе. Скажем, полтора-два метра до вершины. Это как раз равнялось высоте башни Тройфэна, и вот она, покрытая снегом, передо мной. При хорошем темпе это должно занять четверть часа. Но достигну ли я когда-нибудь еще «хорошего темпа»? Сама мысль о быстром подъеме была нелепой, и все же верхние скалы казались близкими, очень близкими. А что, если применить уловку: обмануть дыхание, сделав за раз семь или восемь шагов, а затем, если нужно, сделать более длительную остановку? Дыхание я должен обмануть почти полностью, вдыхая и выдыхая на это время воздух весьма слабо, лишь верхушкой легких, вместо того чтобы поддерживать глубокий ритм дыхания при каждом шаге¹. Вначале этот хитрый обман организма как будто удавался. Но увы! Мои легкие обнаружили обман и принудили вернуться к старому ритму. Три... медленных... шага...

¹ Этот метод был независимо испытан Джоном Хантом, как он описывает в книге «Восхождение на Эверест», стр. 206.— *Примеч. пер.*

остановка. Жизнь не могла в то время перенести больше этого.

Я нередко думаю, что и многие альпинисты также испытывают во время восхождения внезапное раздвоение личности, особенно в одиночестве. Одна половина моего «я» высматривает и критикует неуверенность и некомпетентность второй половины и сама устраняется от физического конфликта. Как я заметил в 1945 году на Паухунри, эти шизофренические явления при высотных восхождениях становятся более резко выраженными. Я думаю, что подобное же состояние вызвало Смайса на Эвересте в 1933 году на странный поступок, когда, будучи один на высоте 8540 метров, он отломил кусок мятного кекса и повернулся, чтобы протянуть половину воображаемому спутнику. На Контрфорсе одна половина моего «я» парила на крыльях над склоном, удивляясь, почему она привязана к этому замученному, задыхающемуся существу. Когда мы повернули налево, к гребню, она даже восхищалась близким чудом — вершиной пирамиды Эвереста, свободной в этот момент от снежного флага. Вторая половина в это время мучительно трудилась, стонала и тяжело дышала, проклиная ужасную дыру, которую рюкзаки просверлили, казалось, в моей пояснице; спорила со старшим партнером: «Не могу, не могу идти быстрее!» — и тем не менее испытывала трепет радости от того, что не шла медленнее.

Наконец мы приблизились к плоской вершине среди отлого спускающегося хаоса скальных обломков. Вдруг за мной раздался крик. Пазанг указывал на что-то ледорубом. Я взглянул вверх. В моем тогдашнем состоянии я не видел ничего удивительного и, более того, считал совершенно нормальным, что две маленькие фигурки, две точки находятся на белом сверкающем склоне ниже Южной вершины Эвереста. Видимая с Контрфорса Женевцев Южная вершина, маскирующая Главную, выглядит царственной, вполне правомерной вершиной. Слева линия гребня круто спускается и разделяется на западный и южный гребни. Справа невидимый из Цирка юго-восточный гребень пирамиды разворачивается изящным взмахом, затем в виде горба спускается к правому краю Седла, где кончается небольшой отвесной скальной башней. Крутой склон непосредственно под Южной вершиной выглядит как ослепительная снежная драгоценность. По нему и спускались две черные фигуры. Для всего мира они выглядели как восходители, спускающиеся с вершины Сноудона в Истере. Воздух был настолько чист, что они

казались не меньше, чем такие же восходители в такой же день около верхней части маршрута на Сноудоне. И я был настолько одурманенным, что драматическая внезапность этой картины со всеми вытекающими возможностями взволновала лишь самый верхний слой моей души: «Хорошо! Они, наверное, сделали вершину».

И все-таки то, что мы увидели, и предчувствие успеха были большим благом для наших измученных тел. Прошла, казалось, вечность, пока мы опять не стали на снег убогой короны Контрфорса на высоте 7930 метров и не кинули взгляд вниз.

В этот день, однако, оно было украшено палатками, установленными около порванных ветром лохмотьев: желтая пирамида, маленький оранжевый «Блистер» и двухместная «Мид». Сверху было видно, как раздувается под действием ветра ткань. На всем пути в этот день шквалы были сильнее, чем в прошлый раз, так как условия с каждым днем меняются. И все же гребень в вышине казался гораздо более спокойным, не окутанный больше струящимся туманом, который закрывал более дальние объекты. Над синими горами Тибета танцевали в этот день снежные короны, четко выделяющиеся на темном заднем фоне равнин справа. Они казались очень далекими, принадлежащими иному миру, чем наш. Мой взор спустился ниже и остановился на фигуре, медленно двигающейся между палатками.

Встреча с победителями

Снег скрипел под ногами, когда мы спускались на плато. Сдернув рюкзаки, мы с минуту или две стояли без движения, затем надо было согнуться, пролезть, извиваясь, через рукав внутрь хлопающей пирамиды. Несколько плавающих движений руками — и я лежал на полу. Но прошло некоторое время, пока я сел и огляделся. В дне палатки виднелись большие треугольные разрезы — следы камней, среди которых палатка была установлена. Через дыру в боковой стенке («Работа ветра», — сказал Джордж) с силой входил воздух, стремясь разорвать материю, чтобы легче втиснуться внутрь. По всему полу были разбросаны остатки высотных пайков, куски сыра и замороженного печенья, перемешанные с соединительными трубками и кислородными масками, головками баллонов и случайными станками для переноски грузов. Всюду рваная бумага. Я высунул голову и втащил внутрь оба моих рюкзака. Что касается Пазанга, то не могу вспомнить,

влез ли он в палатку со мной или отправился сразу в «Блистер». Хотя я и не помню некоторых не имеющих значения деталей этих двух дней, основные черты остались в моей памяти столь же четкими, как и для любого другого дня.

Джордж Лоу, фигуру которого я сверху видел, сидел теперь со мной в палатке. Вдруг он встал и сказал: «Похоже, что они сделали его. Я сейчас пойду их встречать».

«Расскажите, что произошло, Джордж?»

Джордж со своей окладистой бородой типа Робинзона Крузо скрестил ноги и начал рассказывать мне более подробно о сверхчеловеческом напряжении Тома и Чарлза и об их переутомлении; рассказал, как он с Грегом накануне сделали заброску в самый верхний лагерь, установленный на высоте 8510 метров. «И нам пришлось также перетащить повыше порядочный груз, оставленный Джоном». Если точно подсчитать, то Эд нес больше 25 килограммов, а остальные — 20 или 16. Смертельно усталому Грегу понадобилось десять минут, чтобы пройти вниз последнюю сотню метров, и тут, к своему ужасу, он заметил, что его сняли кинокамерой. В палатке он пал ничком и вышел из состояния комы, только чтобы попросить «суп хай» у Пемба, который сам с прошедшего дня лежал в прострации. Затем последовало решение Джона, хотя и принятое им с неохотой, но весьма разумное: идти вниз с Томом и Чарлзом 27-го числа.

Сделав это, он оставил Джорджу полную свободу совершить заброску, для которой тот был вполне подготовлен. Из трех шерпов один лишь Анг Ниима мог 28-го сопровождать четырех альпинистов; Анг Темба ушел накануне вниз с группой Джона.

— Ну что же, я должен идти, — сказал Джордж. — Возьму с собой немного супа в термосе. Не хотите ли здесь обосноваться и скипятить себе чайку. Пойдем вверх попозже, если хотите.

— Хорошо... Где примус?

— В палатке «Мид». Нам перестала нравиться эта палатка.

Я не был удивлен. Ветер протискивался под дно палатки, поднимал ее словно живое существо. Джордж осторожно вылез за супом, а я начал разбираться в своем рюкзаке.

Наконец я на четвереньках вылез из палатки и направился неверной походкой к палатке «Мид», только что освобожденной Джорджем. Здесь, напротив, все выглядело весьма уютно: два надувных матраца рядом, на них

спальные мешки. В дальнем конце, защищенном от ветра, примус. Вода была уже приготовлена. Я высыпал молоко в порошок вместе с чаем в кипящую воду, достал термос и вылил все в него.

Когда я оставил палатку, чтобы тоже идти вверх, Джордж прошел уже некоторое расстояние по склону, ведущему к юго-восточному гребню. Две идущие фигуры были плохо различимы на фоне черных скал, окаймляющих кулуар.

Разрывая поверхность, вылезали камни — скелет вершины. Была ли милостива вершина к Эду и Тенсингу, к которым я сейчас направлялся? Глупый вопрос. Эверест был равнодушен и не думал о нас. Некоторые видели в вершине хитрого врага, воздвигающего препятствия между человеком и его стремлением, нападающего на человека своим оружием — ветром. Но в моих глазах, когда я стоял на этом склоне, Эверест был холоден, безличен, как никогда ранее. Этот ветер не собирался изводить меня. Он бушевал на Южном Седле задолго до того, как здесь побывали люди, карабкающиеся по своей планете. Смена сезонов, позволившая мне теперь здесь находиться, жара и холод, муссон и морозы проходили в виде цикла неизмеримо выше наших лилипутских конфликтов. Этот повелитель творений — вершина возвышалась одинаково над своими величественными хребтами вне зависимости от того, достигли ли Эд и Тенсинг высшей точки или нет.

Джордж их встретил. Они остановились, отдохнули, и ко мне по склону зашагали уже три фигуры. Послеобеденный туман висел и клубился над нижними зонами, закрывая теперь то далекие горы, то громадину Макалу и заодно его спутников. Нижние склоны еще колебались, тускло поблескивая сквозь окна в тучах.

Я пошел дальше. Теперь они были очень близко. Джордж размахивал ледорубом.

«Они сделали его!» — Он указал ледорубом на вершину. Однако моя реакция не была радостной. С той же медлительностью, как все мои движения, мозг отказывался осознать случившееся. На такой высоте на это нужно время. Вершина. Значит, восхождение на Эверест совершено, работа выполнена. Прекрасно! Превосходно! Теперь мы можем спускаться. Проблем больше нет.

В глубине моего сердца я знал, что, если бы им не удалось, я был бы в третьей группе. Но теперь это не имело никакого значения. Помню, что лично я, конечно, никакого разочарования не ощущал. Что же тут, собственно,

удивительного? Медленно я начал проникаться чувством безмерного счастья, хотя не сознавал и тысячной доли значения совершившегося. «Мы» совершили восхождение, сделали то, для чего сюда приехали; сделали безаварийно. И теперь можем идти вниз, принимать поздравления друзей, спать в постелях, пить спиртные напитки, иметь снова хороший аппетит, оставить Эверест галкам.

Эд тяжело дышал. Он отказался от чая, так как чай ему не нравился. Кроме того, Эд уже наелся джорджинского супа. Я детски радовался, когда Тенсинг выпил немного чаю и чай ему, кажется, понравился. Впрочем, я сомневаюсь: ведь он очень тактичный. Затем мы спустились и прошли через плато к палаткам. Восходители двигались размеренным широким шагом, не делая прыжков. Все время равномерно. Мы пришли.

Стали разбираться с кислородными аппаратами, и началась толкотня между палатками. Тенсинг присоединился к Пазанг Футару в «Блистере». Эд упал ничком на свой матрац в палатке «Мид». Мы суетились вокруг, растаскивая рюкзаки, снова и снова разводя примус. Ветер рвал палатки.

Эверест был побежден. В этот день, 29 мая 1953 года, после тридцати лет неудачных попыток вершина высочайшей в мире горы была достигнута. Вскоре взоры каждого в каждой стране будут обращены к нам.

«Знаете ли вы, что сказал Эд, когда я его встретил? — спросил Джордж, сидя у примуса на корточках. — Он сказал: «О кэй! мы его нокаутировали!»

Ветер

Цель была достигнута. Кое-кто мог бы сказать, что и рассказ, изложенный в книге, также должен здесь кончаться, в кульминационной точке надежд и грез, владевших нами в течение года. Но разве Илиада кончается вместе с победой Ахиллеса? Или, скажем, любое драматическое повествование в момент его наивысшего эмоционального возбуждения? После кульминации — расслабление. В моем рассказе, я бы сказал, с моей точки зрения, самое важное еще впереди. Частично это объясняется тем, что вопрос о «личности» Эвереста завладел моими мыслями после восхождения в гораздо большей степени, чем непосредственно до покорения его, частично по той причине, что еще с детства я всегда задавался вопросом: а что будет потом, после того как Эверест будет взят? Теперь я знаю.

441

Конечно, в то время все наши достижения казались до смешного ничтожными, если сравнивать с оценками, данными несколькими месяцами позже. Теперь в первую очередь нужно было подумать о других вещах. Я оставил палатку «Мид» и полез мимо Тенсинга и Пазанг Футара, лежащих в «Блистере». Все это время я старался не забыть об обещании, данном мной Джону. Эта затея была предложена мной, хотя сейчас она выглядела довольно глупой. Все добропорядочные экспедиции, о которых я читал, применяли спальные мешки для сигнализации альпинистам, оставшимся наверху или внизу. Классическим примером была экспедиция 1924 года, когда были переданы таким путем известия о судьбе Меллори и Ирвина. Чуть ниже вершины Контрфорса Женевцев имелось подходящее снежное пятно, на котором можно расположить спальные мешки так, что они будут видны через бинокль из лагеря IV. Если Эверест будет побежден, то я должен буду выложить два мешка в форме буквы Т; Джон тогда добавил, что, если Эд и Тенсинг дойдут лишь до Южной

вершины, мешки следует положить рядом, если будет полная неудача — только один мешок.

К тому времени, когда я решился сигнализировать, было 5.30; прошло примерно 2 часа после спуска. Я остановился у входа в палатку «Мид» и громко сказал:

— Я думаю взять спальные мешки наверх.

— В чем дело, Уилф?

— Я обещал Джону, что подниму два мешка и выложу их на склоне. Они смогут увидеть их снизу.

— Не волнуйтесь. Они их, вероятно, не увидят. Почему нельзя это сделать завтра?

— Не знаю, может быть, лучше сегодня.

442

Расшевелить Пазанга было нелегко. Я звал его трижды, а в промежутках выполнял какие-то работы, не помню сейчас какие, но в то время казавшиеся весьма важными. Наконец он выглянул из двери «Блистера». Весьма логично предполагать, что после дневного перехода с 25 килограммами за плечами сагибу следовало бы оставить его в покое. И потом к чему спальные мешки? Все же он взял их и пошел на гребень.

Я медленно шел за ним. Наконец мы добрались до валунов. Как предлог для остановки, я нагнулся и собрал несколько камешков. Они понравятся всем, когда мы вернемся в Англию, а больше всех моему сыну, когда он подрастет. Наконец мы добрались до снега. Однако тем временем меня начали одолевать неприятные сомнения. Когда мы достигли вершины гребня, мне казалось, что ущелье в облаках. Вскоре ошибки уже быть не могло. Гряды послеобеденного тумана висели над Цирком. Над ним вечернее солнце блестело из-за Нупце, темный силуэт которой был нарисован на бирюзовом небе божественным чутким карандашом солнца и ветра. Но в Цирке — туман.

Мы остановились на первом приличном снежничке. Шквалы, очень сильные на Седле, уменьшились здесь до жестокого бриза. Мы выложили наши мешки на склоне в виде буквы Т. Чтобы удержать их, нам пришлось на них лечь. Я лег на стойку, Пазанг — на перекладину. Что думал обо мне Пазанг? Нелестные вещи, без сомнения, и, вероятно, вполне заслуженно, учитывая этот туман. Мы лежали так десять минут, в течение которых я питал слабую надежду, что некое провидение откроет окно, позволяющее Джону заметить две маленькие страдающие фигуры. Вечерний холод пробирал нас до костей сквозь одежду и спальные мешки. «Идем вниз», — сказал я, тоскуя о тепле и уюте. Мы подхватили мешки, и не успел я еще

двинуться с места, как Пазанг быстро зашагал домой. Этим все кончилось, но много дней спустя мне сказали, что ходит по ущелью легенда о сумасшедшем англичанине, который как-то раз захотел переночевать в снегу над Южным Седлом Эвереста.

На гребне я остановился, наблюдая за сильной фигурой Пазанга,двигающегося вниз по замерзшей корке между скалами и выражающего каждым своим шагом твердое убеждение, что все сагибы «слегка ненормальные». Я думаю, что большинство шерпов считает сагибов безвредными лунатиками, у которых денег куры не клюют. Мы продолжаем спускаться. Под нами Седло, над нами и сзади прячется Эверест. Снова я думаю: «Чувствует ли вершина волнение или гнев при мысли о «победе» над ней?» Эверест — гора, неодоушевленная масса скал, снега и льда.

Возвратившись, я снова нагнулся перед входом в палатку:

— Вы не будете возражать, если я здесь поселюсь?

Джордж на это великодушно согласился. Что касается меня, жить одному в пирамиде меня очень мало устраивало.

В соседнем маленьком «Блистере» царил, по-видимому, покой. Я взглянул на довольные лица лежащих Тенсинга и Пазанга и был одарен сверкающей улыбкой. Я втиснул наполовину свернутые вещи в рюкзак, вылез наружу, оттащил рюкзак к палатке «Мид» и вывалил вещи в кучу у входа. Прошло, как мне казалось, мало времени, пока я вновь, в громоздкой одежде, старался вползти через входной рукав палатки «Мид».

Дальняя, или наветренная, сторона палатки, обращенная к Цирку, была закрыта, подветренная не пропускала воздуха. Затем я втащил рюкзак, спальный мешок и прочие принадлежности, не подвергая опасности работающий в другом конце палатки примус. Я оказался в «долине» между двумя длинными новозеландскими фигурами, растянувшимися на надувных матрацах. Было бы идеально, конечно, засунуть спальный мешок под себя, но при этом пришлось бы приподниматься на одном локте и, следовательно извиваясь, постепенно втискивать мешок. В конце концов я оказался в лежащем положении, с мешком подо мной. Я был скорее завален, чем защищен от холода и ветра, так как все мелочи я нагромоздил сверху. В палатке было тепло, так как примус у Джорджа работал исправно.

27 мая я проснулся рано утром после плохо проведенной ночи, чувствуя себя продрогшим и несчастным. Мы находились на Южном Седле Эвереста. Мои товарищи по пирамидальной палатке — Лоу, Грегори и Тенсинг — метались и ворочались, тщетно пытаясь спастись от пронизывающего холода. Безжалостный ветер с бешенством налетал на палатку, и гулкое хлопанье полотнищ не давало нам уснуть. Неохотно вытащив руку из спального мешка, я взглянул на часы. Было 4 часа утра. На мгновение мерцающий свет спички упал на термометр, лежащий возле противоположной стенки палатки. Он показывал —25° С.

Мы надеялись в этот день установить штурмовой лагерь высоко на юго-восточном гребне, но из-за ураганного ветра выход был явно невозможен. Однако мы должны быть готовыми к выступлению, как только стихнет ветер. Подтолкнув локтем Тенсинга, я шепнул ему несколько слов насчет еды и питья, после чего безо всякого зазрения совести вновь уютно устроился в спальном мешке. Вскоре ворчание примуса и потепление в палатке возвратили нас к жизни. Попивая горячую воду с сахаром и лимонной кислотой и жуя бисквиты, Лоу, Грегори и я стали обсуждать в довольно пессимистических тонах наши планы на этот день.

В 9 часов ветер свирепствовал по-прежнему. Надев на себя все свои теплые вещи, я выполз из палатки и перебрался в маленькую палатку «Мид», где помещались Джон Хант, Чарлз Эванс и Том Бурдиллон. Хант согласился, что в этих условиях выход невозможен. Анг Пемба захворал и был явно неспособен нести груз дальше, так что мы решили отправить его вниз с Эвансом и Бурдиллоном, которые собирались около полудня спуститься в лагерь VII. В последний момент, учитывая состояние Бурдиллона, Хант решил пойти с ними. Мы с Джорджем Лоу помогли этой измученной четверке подняться по склону над лагерьем и затем стали смотреть, как они начали медленный и утомительный спуск к лагерю VII.

Весь день дул бешеный ветер, и в весьма унылом строении мы отбирали грузы, которые на следующий день намеревались забросить в штурмовой лагерь. Всякая за-

¹ Далее следует рассказ Э. Хиллари, опубликованный в книге Д. Ханта «Восхождение на Эверест» (М., 1956). Этот рассказ более полный и более интересный, чем составленный с чужих слов краткий обзор в книге У. Нойса. — *Примч. ред.*

держка выхода с Южного Седла могла привести лишь к дальнейшему истощению и ослаблению организма. Сильный ветер не давал нам покоя и следующую ночь, однако мы все пользовались кислородом с подачей одного литра в минуту, и это позволило нам семь или восемь часов провести в беспокойной дремоте.

Рано утром ветер был еще очень силен, но около 8 часов он стал заметно стихать, и мы решили выходить. Однако судьба приготовила нам новый удар: ночью Пемба чувствовал себя очень плохо и был явно неспособен к выходу. Из нашей первоначальной группы шерпов в три человека остался лишь один — Анг Ниима. Единственным выходом было производить заброску грузов в штурмовой лагерь собственными силами, так как отказаться от штурма было немыслимо. Мы переупаковали груз, исключив все, что не было жизненно необходимым. Из-за недостатка носильщиков нам оставалось лишь урезать драгоценный запас кислорода.

В 8 часов 45 минут вышли в путь Лоу, Грегори и Анг Ниима, неся каждый более 18 килограммов и расходуя 4 литра кислорода в минуту. Тенсинг и я должны были выйти несколько позже, чтобы возможно быстрее подняться по сделанным передовой группой ступеням и тем сэкономить силы и кислород. Мы вышли около 10 часов утра, нагруженные личными вещами, спальными мешками, надувными матрацами и некоторым запасом продуктов, не считая кислородного аппарата. Каждый из нас нес около 23 килограммов.

Мы медленно поднялись по длинному склону, ведущему к подножию большого кулуара, и начали карабкаться по настоящей лестнице, вырубленной Лоу в твердом фирне. Во время медленного подъема мы подвергались непрерывной бомбардировке осколками льда, летящими сверху, где в это время Лоу и Грегори вырубали ступени, проходя кулуар по направлению к юго-восточному гребню. К полудню мы вышли на гребень и присоединились к передовой группе. Невдалеке виднелись лохмотья палатки, поставленной прошлой весной швейцарцами. Они подчеркивали унылый и уединенный характер этого замечательного обзорного пункта. Именно отсюда после ночи, проведенной без спальных мешков, начали Ламбер и Тенсинг свою героическую попытку достичь вершины.

Здесь открывался во все стороны захватывающий вид, и мы предались настоящей оргии фотографирования. Чувствовали себя все прекрасно и твердо надеялись установить штурмовой лагерь высоко на юго-восточном гребне.

Снова взвалив на себя грузы, мы поднялись еще на 45 метров и дошли до промежуточного склада, устроенного Хантом два дня назад. Гребень был очень крут, однако слои, падающие нам навстречу, обеспечивали хорошие упоры и делали лазанье технически несложным. Правда, рыхлый снег на крутых склонах требовал большой осторожности. Склад помещался на высоте 8336 метров, но мы считали эту высоту далеко не достаточной для организации последнего лагеря, так что нам пришлось без особого энтузиазма добавить к нашим и без того уже солидным ношам весь этот дополнительный груз. Грегори взял кислородный баллон, Лоу — некоторое количество продуктов и горючего, а я привязал к своему грузу палатку. За исключением Анг Ниимы, который нес немного больше 18 килограммов, на каждого из нас приходилось от 23 до 28 килограммов. Мы продолжали подъем в несколько более медленном темпе. Несмотря на тяжелый груз, мы шли не останавливаясь, хотя и очень медленно.

Дальнейший крутой взлет гребня представлял собой твердый фирновый склон, в котором на протяжении 15 метров Лоу пришлось вырубать ступени. Около 2 часов дня мы почувствовали усталость и стали приглядывать место для лагеря.

Крутизна гребня не менялась, и на всем его протяжении никаких уступов заметно не было. Мы медленно тащились вверх, безуспешно пытаясь обнаружить хоть какой-нибудь уступ. Каждый раз с новой надеждой упорно стремились к манящей невдалеке площадке лишь для того, чтобы убедиться, что и там тянется 45-градусный склон. Понемногу мы стали приходить в отчаяние, когда Тенсинг, вспомнив по прошлому году характер рельефа, предложил траверсировать крутые склоны влево. Это привело нас в конце концов к сравнительно горизонтальной площадке под скальным отвесом.

Было 2 часа 30 минут дня, и мы решили организовать здесь лагерь. В течение всего дня грандиозный пик Лхоцзе привлекал к себе наше внимание, но сейчас его вершина была уже ниже нас. Мы считали, что находимся на высоте 8500 метров. С облегчением Лоу, Грегори и Анг Ниима сбросили грузы. Они устали, но были весьма удовлетворены достигнутой высотой, и именно им мы в значительной степени обязаны успехом штурма, осуществленного на следующий день. Не теряя времени, они начали спуск на Южное Седло.

С некоторым чувством одиночества наблюдали мы за нашими товарищами, медленно спускавшимися по гребню.

Однако нам предстояло много дел. Для экономии кислорода мы сняли аппараты и с помощью ледорубов начали расчищать маленькую площадку. Удалив слой снега, добрались до скального основания, наклоненного примерно под 30 градусами к горизонту. После двух часов интенсивной работы мы выровняли две рядом лежащие полосы в 1 метр шириной и 1 метр 80 сантиметров длиной. При этом, правда, одна лежала выше другой почти на 30 сантиметров. Несмотря на то что обходились без кислорода, мы все же могли достаточно эффективно работать, отдыхая, правда, примерно через каждые десять минут, чтобы восстановить дыхание и собраться с силами. На этой двухъярусной площадке установили палатку и натянули ее как можно лучше. Поблизости не было подходящих камней для крепления оттяжек, а снег был слишком мягким, чтобы алюминиевые колышки в нем могли держаться. Пришлось погрузить в рыхлый снег несколько кислородных баллонов и к этим ненадежным якорям прикрепить оттяжки палатки.

447

В то время как Тенсинг занимался разогреванием супа, я стал подсчитывать наши ограниченные запасы кислорода. Они были значительно более скудными, чем мы ожидали. Для штурма на долю каждого приходилось лишь по одному и две трети баллона. Было очевидно, что, если мы будем расходовать, согласно плану, по четыре литра в минуту, нам этих запасов не хватит для поддержания наших сил. Однако если уменьшить подачу до трех литров в минуту, то у нас останутся еще шансы на успех. Я подготoвил аппаратуру и произвел необходимую регулировку. Хорошо, что Эванс и Бурдиллон в сотне метров выше нашего лагеря оставили два баллона, наполненных на одну треть. Мы надеялись использовать этот кислород на обратном пути к Южному Седлу.

После заката мы заползли в палатку, надели на себя все теплые вещи и залезли в спальные мешки. Выпив огромное количество жидкости, мы из имеющихся в запасе деликатесов устроили неплохой ужин: сардины на галетах, консервированные абрикосы, финики, галеты, джем и мед. Особое удовольствие нам доставили абрикосы, но их пришлось предвзительно оттаивать на нашем рычавшем примусе. Несмотря на большую высоту, наше дыхание оставалось почти нормальным, и лишь резкие движения вызывали легкую одышку. Тенсинг расстелил свой надувной матрац на нижнем уступе так, что он наполовину свисал над крутым склоном, и спокойно приготовился ко сну. Я постарался устроиться поудобнее: полусидя и полулежа

на верхнем уступе и опираясь ногами на нижний уступ. Такое положение, хотя и не слишком комфортабельное, имело существенные преимущества. Примерно через каждые десять минут налетал сильный порыв ветра. О его приближении я узнавал заранее по пронзительному вою, доносившемуся с верхней части гребня, и, упираясь изо всех сил плечами и ногами, помогал нашим ненадежным якорям сдерживать стенки палатки, время от времени начинавшие сотрясаться и хлопать самым угрожающим образом.

Кислорода для сна у нас было лишь на четыре часа из расчета один литр в минуту. Я решил использовать его в два приема по два часа: с 9 до 11 и с 1 часа ночи до 3 часов утра. Пользуясь кислородом, мы чувствовали себя неплохо и могли подремать, но, как только поступление его прекратилось, начали немедленно замерзать и чувствовали себя скверно. В течение ночи термометр показывал -27° , но, к счастью, ветер почти совсем утих.

В 4 часа было уже совершенно тихо. Открыв вход в палатку, я смотрел вдаль, на темные спящие долины Непала. Лежащие ниже нас ледовые вершины ярко сверкали в свете утренней зари. Тенсинг указал мне на монастырь Тхьянгбоч, находящийся на 4900 метров ниже нас и смутно выделяющийся на высоком скальном уступе.

Мы разожгли примус и с твердым намерением предупредить ослабление организма, обусловленное недостатком влаги, выпили громадное количество лимонного сока с сахаром, после чего доели с галетами последнюю коробку сардин. Я втащил в палатку кислородные аппараты, очистил их ото льда, тщательно проверил всю систему и испытал их. Еще с вечера я снял свои слегка отсыревшие ботинки, и теперь они совершенно замерзли. Пришлось прибегнуть к решительным мерам: несмотря на резкий запах горелой кожи, я отогревал их на сильном пламени примуса, пока они не стали мягкими. Поверх наших пуховых костюмов мы надели штормовые куртки и натянули на руки три пары рукавиц: шелковые, шерстяные и ветро-непроницаемые.

В 6 часов 30 минут мы выползли из палатки на снег, взвалив на плечи наши кислородные аппараты весом 14 килограммов, надели маски и открыли вентили, чтобы дать доступ живительному кислороду к нашим легким. Несколько хороших, глубоких вдохов — и мы были готовы к выходу. Немного беспокоясь за свои озябшие ноги, я попросил Тенсинга идти первым, и он стал вытаптывать ряд глубоких ступеней, начиная от скалы, защищавшей

нашу палатку, через крутой, покрытый сыпучим снегом склон, по направлению к левой стороне главного гребня. Последний к этому времени был весь залит солнцем, и далеко над нами виднелась наша ближайшая цель — Южный пик. Тенсинг, двигаясь весьма обдуманно, проделал длинный траверс назад, к гребню, и мы вышли на него как раз там, где он образует на высоте около 8550 метров большой, ясно выраженный снежный выступ. Начиная отсюда, гребень становился узким, как нож. Теперь ноги мои согрелись, я вышел вперед.

Мы двигались медленно, но упорно и не нуждались в остановках для восстановления дыхания. Я чувствовал, что у нас достаточный запас сил. По самому гребню идти было трудно и опасно из-за неустойчивого рыхлого снега, так что мне пришлось спуститься немного влево, на крутой склон, где ветер образовал на снегу тонкую корку. Иногда наст выдерживал мою тяжесть, но чаще всего он с треском неожиданно проваливался, нарушая наше равновесие и болезненно действуя на нервы. После сотни метров подъема по этому довольно мучительному гребню мы добрались до небольшого углубления и нашли там два баллона, оставленные Эвансом и Бурдиллоном во время предыдущей попытки штурма. Очистив ото льда манометры, я с радостью отметил, что в баллонах содержится еще несколько сот литров кислорода. При экономном расходе этого количества должно было хватить на обратный спуск до Южного Седла.

С приятной мыслью о лежащих позади баллонах я продолжал прокладывать путь вверх по гребню, который становился все круче и круче. Затем расширился и перешел в ужасающий снежный склон, ведущий на протяжении последних 120 метров к Южному пику. Мы понимали, что снежные условия были здесь явно опасны, но, поскольку другого пути не было, продолжили изнурительную и напряженную работу, прокладывая путь. Мы часто менялись местами. Неожиданно, в то время как я выбивал в глубоком снегу ступени, подо мной съехал большой участок склона, и я соскользнул на три-четыре шага вниз. Я спросил Тенсинга, как он считает, допустимо ли в этих условиях продолжать восхождение. Тенсинг признался, что ненадежное состояние снега очень его удручает, но тем не менее закончил свою речь обычной фразой: «Поступим так, как вы считаете нужным». Я решил продолжать путь.

Достигнув несколько выше полосы более плотного снега, мы почувствовали большое облегчение. Выбив в последнем участке крутого склона ступени, взобрались наконец

на Южный пик. Было 9 часов утра. Не без интереса разглядывали мы уходящий вверх не пройденный еще никем участок гребня. Как Бурдиллон, так и Эванс составили себе вполне определенное пессимистическое представление о трудностях этого пути, и мы понимали, что препятствия на гребне окажутся, быть может, непреодолимыми. На первый взгляд гребень выглядел внушительно и даже несколько устрашающе. Справа, над трехкилометровым обрывом стены Кангчунг, выступали, как скрюченные пальцы, гигантские изогнутые карнизы, нависающие массы снега и льда. Всякое движение по ним привело бы к катастрофе. От карнизов гребень круто обрывался влево, где снежная поверхность сливалась с громадной скальной стеной, возвышающейся над Западным Цирком. Лишь одно обстоятельство вселяло в нас некоторую надежду: крутой склон между карнизами и скальной стеной был, по-видимому, покрыт прочным фирном. Если окажется, что снег мягкий и неустойчивый, наши шансы на подъем вдоль гребня будут очень невелики. Если же мы сможем на этом склоне рубить ступени, то во всяком случае будем продвигаться вперед.

Непосредственно под вершиной мы вырубили углубление, чтобы посидеть, и сняли кислородные маски. Снова я занялся подсчетом кислородных запасов, что было моей главной заботой при подъеме и спуске. Так как наш первый частично наполненный баллон израсходовался, нам оставалось теперь лишь по одному полному баллону — 800 литров кислорода на каждого. Насколько этого хватит при расходе три литра в минуту? Я считал, что этого достаточно на четыре с половиной часа пути. Наши аппараты стали теперь намного легче, всего около 9 килограммов, и в то время, как я вырубал ступени на спуске с Южного пика, у меня было совершенно неожиданное на такой большой высоте прекрасное самочувствие.

После первого же удара ледорубом по крутому склону гребня я понял, что самая большая моя надежда оправдалась: под ногами был твердый кристаллический фирн. Двумя-тремя ритмичными ударами ледоруба вырубалась ступень, вполне достаточная даже для наших огромных высотных ботинок. Что еще важнее, сильным толчком древко ледоруба наполовину вгонялось в фирн, обеспечивая хорошую страховку. Мы двигались попеременно. Я знал, что на такой высоте предел надежности наших движений невысок и что необходимо соблюдать максимальную осторожность. На протяжении двенадцати метров я рубил ступени, в то время как Тенсинг меня страховал. Затем

я вгонял ледоруб в склон и в свою очередь, несколько раз обведя вокруг древка веревку, страховал подходящего ко мне Тенсинга на случай, если под ним обломится ступень. Потом он снова страховал меня, а я рубил ступени. В ряде мест нависающие ледяные карнизы были очень широки и чтобы избежать их, мне приходилось прокладывать цепочку ступенек вниз, до стыка снега со скалами, находящимися западнее. С невольным трепетом смотрели мы с этой гигантской скальной стены на крохотные палатки лагеря IV в Западном Цирке, на 2400 метров ниже нас. Карабкаясь по склонам и вырубая в фирне захваты для рук, мы с трудом преодолевали эти сложные участки.

В один из таких моментов я увидел, что Тенсинг, который до этого шел прекрасно, вдруг резко сбавил темп и, видимо, начал дышать с большим трудом. Шерпы имели слабое представление о механизме действия кислородных аппаратов, и на основании прошлого опыта я немедленно заподозрил какие-то неполадки с подачей кислорода. Я заметил, что из выводного патрубка его маски свисали ледяные сосульки. Тщательный осмотр показал, что этот патрубок, около пяти сантиметров в диаметре, был полностью забит льдом. Мне удалось его прочистить, и Тенсинг сразу почувствовал облегчение. Осмотрев свой аппарат, я обнаружил, что то же самое произошло и с моим, правда в меньшей степени, так что я не успел этого почувствовать. Теперь я стал более тщательно следить за нашими аппаратами.

Погода для Эвереста стояла идеальная. Хорошо защищенные пуховой одеждой и штормовыми куртками, мы не страдали от холода и ветра. Однако, когда я снял очки-консервы, чтобы лучше рассмотреть трудный участок пути, я тут же был ослеплен мелкой снежной пылью, вздымаемой сильным ветром, и мне пришлось поскорее надеть очки. Я опять принялся за рубку ступеней. К моему удивлению, я испытывал от восхождения такое удовольствие, как будто дело происходило в моих родных Новозеландских Альпах.

После часа спокойного подъема мы достигли подножия наиболее сложного препятствия на гребне — отвесной скальной стенки высотой метров двенадцать. О ее существовании мы знали заранее по аэрофотоснимкам, а также видели ее в бинокль из Тхьянгбоца. Мы понимали, что на такой высоте именно такое препятствие могло решить судьбу всего восхождения. Эта гладкая, почти лишенная зацепок скала могла бы составить для квалифицированных скалолазов интересное воскресное развлечение в озер-

ном районе Шотландии. Однако здесь подъем на нее явно не по нашим слабым силам. Обойти ее с запада по крутому скальному отвесу было нельзя, но, к счастью, оставалась другая возможность решения этой задачи. С востока нависал громадный карниз снега, а между ним и скалой, поднимаясь на все двенадцать метров обрыва, шла узкая расщелина. Поручив Тенсингу страховать меня возможно надежнее, я втиснулся в эту щель. Погружая зубья кошек глубоко в мерзлый снег позади меня, я оторвался от подножия скалы и медленно стал подниматься на распорах спиной вперед; используя маленькие зацепки на скале и помогая изо всех сил коленями, руками и плечами, я буквально полз вверх, молясь в душе, чтобы карниз не оторвался от скалы. С невероятной затратой сил я медленно, но верно поднимался шаг за шагом, в то время как Тенсинг постепенно выдавал веревку. Наконец, я достиг вершины скалы и вылез из трещины на широкий уступ. Несколько минут я лежал, стараясь восстановить дыхание. В эту минуту я впервые почувствовал твердую уверенность в том, что теперь уже ничто не может помешать нам достичь вершины. Укрепившись на уступе, я подал знак Тенсингу, чтобы он поднимался. Я стал изо всех сил тянуть веревку, а Тенсинг, извиваясь, полз по трещине, пока наконец не очутился наверху. Он лежал задыхаясь, обессиленный, подобно гигантской рыбе, только что вытащенной из моря после ожесточенной борьбы.

Я проверил кислородные аппараты и примерно подсчитал наши запасы. Все как будто шло хорошо. Правда, последнее время Тенсинг шел медленнее обычного, что, очевидно, было вызвано дополнительной затратой сил во время выхода из строя его кислородного аппарата. Однако он двигался по-прежнему уверенно, что было важнее всего. На мой вопрос о том, как он себя чувствует, он лишь улыбнулся и выразительно указал рукой вверх по гребню. Расходуя три литра кислорода в минуту, мы шли так бодро, что я решил в случае необходимости уменьшить подачу до двух литров.

По-прежнему перед нами вздымался гребень: справа — гигантские карнизы, слева — крутые скальные склоны. Я шел, вырубая в узкой полосе фирна ступени. Гребень начал поворачивать вправо, и мы потеряли представление о том, где же вершина. Стоило мне обогнуть один выступ, как передо мной вырастал следующий, еще больший. Время шло, и гребень казался бесконечным. В одном месте, где крутизна несколько уменьшилась, я попробовал для ускорения идти на кошках, не делая ступеней, однако

скоро понял, что на такой большой высоте предел надежности нашего движения по этим крутым склонам слишком мал, и снова вернулся к рубке ступеней. Теперь я начал ощущать некоторую усталость. Уже в течение двух часов я непрерывно работал ледорубом. Тенсинг тоже двигался очень медленно. Прокладывая путь вокруг очередного выступа, я с тупым безразличием думал о том, надолго ли нас еще хватит. Наш первоначальный энтузиазм улетучился и все более превращался в мрачное ожесточение. И вдруг я заметил, что гребень впереди нас, вместо того чтобы однообразно подниматься, начал круто спускаться. Далеко внизу я увидел Северное Седло и ледник Ронгбук. Я взглянул наверх и увидел узкий снежный гребешок, который вел к вершине. Еще несколько ударов ледорубом по твердому фирну — и мы на вершине Эвереста.

Первым моим чувством было огромное облегчение. Как хорошо, что не нужно больше рубить ступеней, траверсировать гребни и что нет более снежных выступов, дразнящих призрачной надеждой на успех. Я взглянул на Тенсинга. Несмотря на то что его лицо закрывали капюшон, очки-консервы и кислородная маска, покрытая длинными ледяными сосульками, было видно, с какой заразительной и радостной улыбкой он смотрел вокруг себя. Мы обменялись рукопожатием. Тенсинг обнял меня за плечи, и мы хлопали друг друга по спине, пока чуть не задохнулись. Было 11 часов 30 минут. Подъем по гребню занял у нас два с половиной часа, но нам они показались вечностью. Я выключил подачу кислорода и снял аппарат. Свою фотокамеру, заряженную цветной пленкой, я нес под штормовкой, чтобы сохранить ее в тепле. Теперь я вытаскивал ее и заснял на вершине Тенсинга с поднятым вверх ледорубом, к которому были прикреплены на шнурке четыре флажка: Объединенных Наций, английский, непальский и индийский. Затем я обратил внимание на расстилавшуюся под нами во все стороны горную страну.

На востоке высился наш гигантский сосед — никем еще не исследованный и не покоренный Макалу, и даже на вершине Эвереста инстинкт альпиниста был во мне так силен, что я невольно потратил несколько секунд, размышляя о том, неужели не существует никакого пути на эту вершину¹. Вдали, на горизонте, сквозь облака маячила громада Кангченджанги. На западе царил наш старый, знакомый еще с 1952 года противник — Чо-Ойу,

¹ Попытка взойти на Макалу (8470 м) была произведена Хиллари в 1954 году, восхождение же на эту вершину было совершено в 1955 году французской экспедицией под начальством Ж. Франко.

а за ним убегали вдаль грандиозные неизведанные хребты Непала. Но наиболее ценным я считал вид, снятый с вершины вниз, вдоль северного гребня, на котором видны Северное Седло и старый путь, ставший знаменитым благодаря усилиям славных восходителей двадцатых и тридцатых годов. Я мало надеялся на высокое качество снимков, так как крепко удерживать аппарат в неуклюжих рукавицах было трудно, однако я считал, что во всяком случае они представляют фотографии, снятые на рекордной высоте. Минут через десять я почувствовал, что постепенно мои движения становятся замедленными и пальцы плохо повинуются. Поспешно надев маску, я вновь испытал живительное действие кислорода даже при первых нескольких литрах. Тем временем Тенсинг вырыл в снегу небольшую ямку и положил в нее немного продуктов: плитку шоколада, пачку печенья и горсть леденцов. Это были скромные приношения — символический дар богам, обитель которых, по убеждению всех буддистов, находится на этой высочайшей вершине. Двумя днями раньше на Южном Седле Хант вручил мне небольшое распятие с просьбой донести его до вершины. Теперь я также вырыл углубление в снегу и поместил это распятие рядом с дарами Тенсинга.

Снова я проверил аппаратуру и подсчитал запас кислорода. Нам нужно было двигаться быстро, чтобы добраться до спасительных запасных баллонов под Южным пиком. Краткие поиски каких-либо следов Ирвина и Меллори не дали никаких результатов. Через пятнадцать минут мы начали спуск. Оба мы уже устали, так как наступила реакция, и нужно было как можно быстрее двигаться вниз. Я начал спускаться с вершины к нашим ступеням. Не теряя времени, мы шли на кошках по своему следу, настойчиво подгоняемые уменьшением запаса кислорода. Снежные выступы быстро следовали друг за другом. Со сказочной быстротой мы достигли скальной стенки. На этот раз путь уже был знаком. Недолго думая, втиснулись в трещину и, усиленно работая ногами и руками, быстро спустились со скалы. Мы устали, но не настолько, чтобы забывать об опасности. С большой осторожностью пересекали скалы, с попеременной страховкой проходили лавиноопасные снежные склоны и наконец по старым ступеням вылезли на кошках на Южный пик.

Всего лишь час назад мы были на вершине. Освежившись глотком подсахаренного лимонада, мы снова поспешили вниз. Во время восхождения нас не покидала гне-

тущая мысль о предстоящем спуске по огромному снежному склону. Вступив на него и идя первым, я обрабатывал каждую ступеньку с такой тщательностью, как будто от этого зависела наша жизнь, что было близко к действительности. Вид ледника Кангчунг, лежащего прямо под ногами, где-то на 2750 метров ниже, производил поистине устрашающее впечатление. Это заставляло нас двигаться с величайшей осторожностью. Каждая ступень казалась шагом к безопасности. Когда мы наконец прошли этот склон и вышли на гребень ниже, мы взглянули друг на друга и поняли без слов, что наконец избавились от чувства страха, которое преследовало нас весь день.

Мы очень устали, но автоматически продолжали спуск к двум запасным баллонам, оставленным на гребне. Так как до лагеря было недалеко и у нас еще оставалось немного кислорода, мы понесли с собой эти баллоны вниз и к двум часам достигли по своим следам нашей палатки, разбитой на столь неудобной площадке. Палатка имела довольно жалкий вид, так как поднявшийся после полудня слабый ветер уже успел оборвать несколько оттяжек.

Впереди еще был долгий путь до Южного Седла. Пока Тенсинг разжигал походный примус и готовил сильно подслащенный лимонад, я сменил баллоны на новые — последние и неполные — и уменьшил подачу до двух литров в минуту. В отличие от предыдущего дня, когда мы в этом же лагере успешно работали без кислорода, мы чувствовали себя теперь крайне слабыми и утомленными. Далеко внизу, на Южном Седле, видны были движущиеся фигурки, и мы знали, что это Лоу и Нойс ожидают нашего возвращения. На седловине не было запасных спальных мешков и надувных матрацев, и потому нам с неохотой пришлось привязать поверх кислородной аппаратуры наши спальные принадлежности. Бросив последний взгляд на лагерь, сослуживший нам такую ценную службу, и с трудом передвигая ноги, мы с максимальной осторожностью начали спуск.

Все наши чувства, казалось, притупились, и время шло как в полусне. В конце концов мы все же добрались до остатков швейцарского лагеря на гребне и свернули на последний участок пути — спуск по большому кулуару. Здесь нас ждал неприятный сюрприз: разыгравшийся сильный ветер полностью уничтожил наши следы, и сейчас перед нами лежал гладкий крутой смерзшийся склон. Нам ничего не оставалось, как снова начать рубить ступени. С недовольным ворчанием я принялся за работу и на протяжении 60 метров прокладывал путь. Порывы

сильного ветра, дувшего с гребня, старались сбросить нас со ступеней. Меня сменил Тенсинг и, вырубив еще метров тридцать, вышел на более мягкий снег и принялся вытаптывать ступени в более пологом склоне нижней части кулуара. Совершенно измученные, мы спускались на кошках по длинному склону к Южному Седлу.

Впереди показалась какая-то фигура, встретившая нас в нескольких десятках метров над лагерем. Это был Джордж Лоу, который принес горячий суп и аварийный кислород.

Мы были слишком измучены, чтобы реагировать на тот энтузиазм, с которым Лоу воспринял наше сообщение. Мы кое-как доковыляли до Седла и с трудом преодолели небольшой подъем к лагерю. Как раз около палаток кончился мой кислород. Нам его хватило в обрез на выполнение нашей задачи. Мы заползли в палатку и со вздохом полного удовлетворения завалились в спальные мешки; вечно царящий на Южном Седле ветер трепал и рвал палатки. Эта ночь, наша последняя ночь на Южном Седле, не дала нам отдыха. Снова пронизывающий холод не позволял погрузиться в глубокий сон. К тому же возбуждение после успешного восхождения не проходило, и, щелкая зубами от холода, мы проговорили друг с другом половину ночи, вновь переживая все события этого дня. На следующий день рано утром мы все еще чувствовали себя очень слабыми и все же медленно, но решительно начали готовиться к выходу.

Подъем по 60-метровому склону над Южным Седлом явился для нас тяжелым испытанием, и, даже когда мы начали длинный траверс, спускаясь к лагерю VII, нам приходилось двигаться очень медленно и часто отдыхать. Верхняя часть ледника Лхоцзе показалась нам на этот раз исключительно крутой, и, когда мы наконец спустились по ледовым ступеням над лагерем VII, нашим единственным желанием было скорее отдохнуть. До лагеря оставалось каких-нибудь 30 метров, когда наше внимание привлекли веселые крики. Навстречу нам спешили Чарлз Уайли и несколько шерпов. Все выглядели свежими и бодрыми, и один и тот же вопрос был на языке у каждого. Горячее питье, которое нам принесли, и восторженная реакция на наше сообщение явились сами по себе сильным подбадривающим средством, и мы продолжали спуск по леднику Лхоцзе значительно освеженными если не физически, то морально.

Приближаясь к лагерю IV, мы увидели, как из палаток выскочили маленькие фигурки и стали медленно подни-

маться по тропе. Не давая никаких сигналов, еле передвигая ноги, мы спускались им навстречу. Когда между нами оставалось лишь с полсотни метров, Лоу с присущим ему энтузиазмом поднял вверх большой палец и указал ледорубом на вершину Эвереста. Немедленно сцена оживилась, и, позабыв свою слабость, приближающиеся товарищи бросились бежать к нам по снегу. С волнением приветствуя их, я ощутил сильнее, чем когда-либо, то чувство товарищества и дружбы, которое было решающим фактором в течение всей экспедиции.

Трудно передать волнение, которое я переживал, когда сообщал своим друзьям, что их тяжелая работа среди полного опасностей хаоса ледопада, приводившие в уныние походы в снежную преисподнюю Западного Цирка, технически сложная ледовая работа на стене пика Лхоцзе, ужасный, изматывающий нервы подъем выше Южного Седла — все это не пропало даром и вершина Эвереста достигнута.

И выражение откровенной радости, озарившее усталое, осунувшееся лицо нашего славного и смелого начальника, явилось для меня лучшей наградой ¹.

* * *

Даже из этого первого весьма отрывочного отчета, полного альпинистской сдержанности, можно было легко сделать вывод о том, что это было действительно выдающееся восхождение двух достойных альпинистов, прошедших этот маршрут так, как должна ходить связка из двух человек.

Затем долгое время беседа велась на разные темы, коснувшись, например, эпизода, когда Том 27-го! числа пытался на коленях подняться на Контрфорс Женевцев. Временами ему нужна была помощь. Грег, возвратившийся с заброски, был также без сил.

Оба, Эд и Джордж, высказали мне сочувствие, сказав, что мне не повезло и пропали мои шансы участвовать в третьей попытке; однако я не могу вспомнить, чтобы я при этой мысли чувствовал какое-либо разочарование. Как тогда, так и позже, на следующий день, когда я записал в своем дневнике: «Эд и Джордж отнеслись ко мне очень благородно, сказав, что я был в хорошей форме для восхождения и мне просто не повезло, что третья попытка не состоялась. Но после всего что я передумал, я чувст-

¹ Далее рассказ снова ведет автор книги У. Нойс.— *Примеч. ред.*

вую лишь большое облегчение; дело сделано, а я прошел хороший маршрут».

В то время все, что я знал о третьей штурмовой группе, сводилось к тому, что я надеялся в ней участвовать. Лишь впоследствии Джон поведал мне, что имел тайную надежду, что мы с ним осуществим третью попытку. Мы все хорошо понимали, что до вершины дошла команда, а не отдельные личности, хотя эти отобранные личности были достойными представителями команды. Другие работали с такой же нагрузкой (подвиг Джорджа Лоу: девять дней работы на стене, заброска и четыре дня, проведенные на Седле) заслуживают не менее высокой оценки, чем любой другой в экспедиции. Таково было мнение, высказанное неоднократно Джоном, и в этом был один из секретов его руководства. Его убеждением было также, что в «команду» входят те, кто боролся раньше нас и на чьих плечах мы взойшли на вершину. Внезапно и без всякого повода (хотя он мог и забыть, по какому поводу) Эд как-то сказал: «Разве Меллори не было бы приятно, если бы он знал». Меллори погиб на Эвересте, и я думаю, что мы все чувствовали то же самое: мы входим в многочисленную команду. Теперь вершина была достигнута, и мы могли идти вниз.

«Разочарование может вползти позже», — записал я. Позже, возможно, я буду думать: «Я был в хорошей форме, с кислородом и мог бы сделать это. Как жаль, что это был не я!»

Ни один альпинист, если в нем есть хоть капля человеческого, не может поехать к Эвересту без тайной надежды, что именно он может оказаться тем человеком, который будет стоять на вершине. Он будет, вероятно, худшим альпинистом, если не даст этой надежде украшать свои мечты. Он вообще не альпинист, если не надеется в гораздо большей степени на более широкий коллектив, участвующий в восхождении.

Мы говорили о Тенсинге. Как великолепно он себя вел! Хорошо, что шерп побывал на вершине. Джон послал его в первую очередь потому, что он проявил свои достоинства в предшествующем году с Ламбером, а в текущем году также в компании с Эдом шел «как бомба», выражаясь альпинистским языком. Но он был выбран также (и это представляется мне гораздо более важной причиной) как шерп, как представитель всех шерпов, кто работал, а иногда и погибал на Эвересте. Без шерпов восхождение на Эверест не могло бы быть совершено. Таким образом, было правильно, что представитель шерпов стоял на вер-

шине рядом с нашим представителем: Тенсинг играл одну из руководящих ролей в восхождении предшествующего года, а еще раньше совершал как шерп заброску при восхождении с севера. «Всего наилучшего Тенсингу» выражало чувства тех, кто беседовал в эту ночь.

Самая счастливая, самая некомфортабельная ночь

Это была странная ночь, когда мы наконец улеглись спать.

459

Ветер не стихал всю ночь; бушевал по всему плато, рвал палатки, тянул и толкал их стойки, вдавливал внутрь и раздувал материю. Не было снега, который он мог бы швырять на палатки, но порой осколки льда звенели о скалы или стойки палаток. Я не могу дать более драматического описания разбушевавшегося ветра, поскольку я не был на Седле 24-го, когда ставились палатки и, без сомнения, имела место самая тяжелая борьба с ветром; я не могу дать основу для сравнения с условиями на северной стороне. Я не помню, чтобы ветер был больше чем весьма утомительное неудобство, но неудобством он, безусловно, был. Временами он меня будил, но все же я мог спать, и крепко спать, ибо я только значительно позже узнал, что Эд и Джордж спали с кислородом. Когда в 3 часа кончился кислород, они стали разговаривать. Я, конечно, их не слышал. Я ничего не помню, пока солнце, ворвавшись в симфонию ветра, залило огнем всю палатку. Я открыл рукав и посмотрел на восток, откуда оно освещало белый волнистый лед, покрывающий Седло. Слева маленький красный «Блистер» твердо держался против шквалов.

Здесь, на подветренной стороне, я чувствовал себя вполне уютно. Я посмотрел на часы — не было и шести, можно еще полежать.

В 6 часов 30 минут я высунул руку за оставленным наруже примусом. Я сделал это по просьбе Тенсинга. Я протянул примус так, что при этом никому не пришлось покидать свою палатку, и стал ждать. Все безропотно ждали, пока золотые руки Тенсинга не скипятили чай, принесенный нам широко улыбающимся на этот раз Пазанг Футаром. Бедный Эд! Он всегда недолгоблively чай, даже в долине, и каждый раз требовал кофе. Затем мы перешли к супу, к которому каждый что-нибудь доба-

вил, но без особого успеха. Забыв чувство долга, я взял немного изюма, сгущенного молока и несколько кусочков колбасы салями, к которой, однако, другие не притронулись. Аппетит у всех был неважный: мы слишком долго были на высоте более 6000 метров. Употребление колбасы было связано с трудными манипуляциями: отрезать кружок, очистить кожу, разрезать на куски, но я все же проглотил несколько кусков и даже получил большое удовольствие.

Беседа продолжалась. Мы говорили теперь о родных и знакомых, о том, как рады они будут. Мои мысли весьма живо переносили меня к жене и семье, моему годовалому сыну. Но как счастлив будет каждый, что экспедиция закончилась счастливо и успешно!

Все это было весьма приятно. Но наконец настал суровый час, когда никакого оправдания дальнейшему лежанию уже не было. На меня, как на привратника у двери, выпадала тяжелая обязанность первым покинуть удобное горизонтальное положение, встать на колени, достать ботинки, медленно их надеть и подняться. Пока я лежал, мне казалось, что ветер не так уж ужасен, но, когда я встал, все иллюзии мигом исчезли. Я прошел шатаясь к палатке-пирамиде, согнулся и влез в нее. Внутри было еще темнее и неудобнее, если это было возможным, чем раньше; я был вдвойне благодарен за ночь, проведенную с другими, — одну из наиболее счастливых, хотя и наименее комфортабельных ночей, с лучшими товарищами, которые у меня когда-либо были. Я сел, зашнуровал ботинки, надел свои гетры, затем снова вылез и направился к палатке «Мид».

Некоторое время было потрачено на окончательное одевание и наладку кислородных аппаратов для Эда и Тенсинга, которые должны были их использовать на спуске. Хаос из кастрюль и другой кухонной утвари валялся на полу, загораживая вход. Жалко было оставлять все это ценное имущество. Во что бы то ни стало я должен был взять что-нибудь, раз наши штурмовые пайки оставались здесь без всякой пользы. Я вернулся к «пирамиде».

На земле, в палатке и вне ее были разбросаны пакеты сахара по 170 граммов. Сахар — это очень важно! Голова работала медленно. Я подобрал несколько пакетов и положил в рюкзак.

Спуск со стены Лхоцзе

Эверест побежден. Эта поразительная мысль пробивала порой себе дорогу даже в условиях заторможенного сознания в высотном лагере. Теперь мы должны идти вниз и сохранить для будущего историю этого восхождения. На востоке сияло теплое солнце. Громадина Кангченджанги (8585 м) царила над утренней природой.

Мы с Пазангом, идущие без кислорода, вышли первыми в 9.30. Медленно поднимались по насту к Контрфорсу. Я был весьма доволен, найдя на своем месте навешенную веревку, тем более что она действительно была полезной.

Двигаясь медленно, используя перила, мы добрались до снежного гребня, теперь пошли к скалам. Мне было трудновато найти верхний снежный траверс, ведущий в широкую снежную ложбину, с которой, собственно, и начиналась стена Лхоцзе. Кошки скрипели под нами на гладких скалах, и, найдя подозрительную веревку, мы с трудом спустились. Порой нога резко соскальзывала и проваливалась через наст. За последние две недели здесь не было большого снегопада. Следовательно, солнце и ветер успели как следует поработать. У снежной ложбины мы остановились, и я снял свою нижнюю куртку. Становилось тепло. Здесь вторая группа, двигаясь быстрее, нас нагнала. Эд и Тенсинг шли с кислородом. Скальные выходы, к которым мы теперь направлялись, представляли собой по сути дела две полосы, пересекающие склон, и у нижней из них у Пазанга начались «кошачьи» неполадки. Надо сказать, что подобные истории с тесьмой происходили со всеми тремя видами кошек. Тесьма ослабла, и кошка начала болтаться. Пока Пазанг укреплял кошку, я наткнулся на мой кислородный аппарат, отдыхающий здесь с предшествующего дня. С облегчением, в то время очень приятным, я толкнул все это хозяйство, и оно заскользило вниз, по направлению к Цирку. Впоследствии я об этом пожалел.

На вершине ледника вторая группа остановилась, и мы уселись вместе с ними. Было жарко. Мы сняли свитеры, но для того, чтобы снять нижние брюки (следовательно, и ботинки), требовалась еще не доступная нам стальная воля. К тому времени через ледопад проходило почти что шоссе: следы кошек, пятна грязи, остатки фольги, словно в пригородном парке в июльский день. Через верхнюю трещину мы перепрыгнули безо всякого раздумья. Спускаясь по навешенным перилам, с большой легкостью

и изяществом вертелись и кружились, пока Джордж запечатлевал нас на киноплёнке. Всех одолело каникулярное настроение, словно это был последний день семестра. Солнце сияло, дыхание по мере спуска становилось свободнее. Теперь мы были на последнем склоне.

Никто не подозревал, что в лагере VII может кто-нибудь быть. Чарлз Уайли должен был спуститься с двумя шерпами. Мысли уже вертелись вокруг вопроса; сколько времени потребуется для приготовления питья или мы пойдем дальше без него? Может быть, так и надо. Вдруг мы увидели фигуру, прогуливающуюся между палатками: без всякого сомнения, Чарлз собственной персоной. Последний утомительный путь через плоский участок — и мы наконец на месте. Чарлз, позаботившийся о том, чтобы все было в порядке, появился словно божество с большими кружками лимонада! Моим первым движением было спрятаться в тень палатки, которую я оставил, как бы это ни казалось невероятным, накануне утром. Мы пили и пили, сидя на снегу. Чарлз, широко улыбаясь, слушал рассказ и горячо поздравил Эда и Тенсинга. Как хорошо, что он остался в лагере!

Группа Эда стремилась поскорее уйти, чтобы избавить Джона от всех тревог и снова насладиться комфортом «цивилизованной» жизни. Что касается меня, то я не огорчился, когда Чарлз заявил о своем намерении остаться и забрать палатки, поскольку ниже Южного Седла они все нужны. У меня будет время, если я останусь с ним, немного поостыть, собрать мои личные вещи, приготовить еще питья. Моей реакцией после возбуждения предыдущего дня было чувство радостного расслабления. Все было сделано. Погода хорошая, золотые слитки запада поблекли в глубокой синеве неба, светлеющего на горизонте, над легкими серебряными облаками, словно слетевшими с полотен Веронезе. К чему спешить? Почему не насладиться последним спуском во всех деталях, когда на каждом шагу все пережитое всплывает в памяти при словах «Все кончается. Эверест взят»? Однако даже при этом я не так охотно предложил бы свое общество, если бы знал, какая тяжелая работа нас еще ожидала.

Эд, Джордж и Тенсинг записали свою нижнюю одежду в рюкзак, снова связались, повернули кружки кверху дном и исчезли за поворотом. Мы начали осматривать палатки. Они стояли здесь уже примерно две недели. Каждый день снег таял под солнцем, потом замерзал, таял и замерзал, пока не заковал намертво колышки во льду и не собрал в складки полы палаток, образуя осевшие

впадины. Каждый колышек пришлось с помощью Пазанг Футара и Фу Дорьи вырубать ледорубом, в то время как в пирамиде Анг Дорьи лежал в оцепенении после переутомления предшествующего дня.

Работа была длительная. Никогда я не подозревал, что у палатки столько колышков. Каждый рывок за парусину сводился на нет другим рывком, и работа начиналась сначала. Наконец палатки были сняты и образовали на земле длинные жесткие свертки. Из них сделали тюки, а мелкие вещи были размещены по рюкзакам. Последний взгляд кругом. Вскоре это место будет таким же чистым и холодным, как и раньше. Наши палатки на Седле сравняются со швейцарскими. Эверест нас не забудет. Теперь мы были готовы к выходу. Была середина дня, и солнце на безоблачном небе ослепляло своим сиянием, хотя снизу, из колдовского котла нижнего Цирка, уже поднимался туман. Наконец мы собрались, занимаясь мелкой подгонкой рюкзаков и оттягивая время надевания кошек. И тут стало ясно, что Анг Дорьи придется тяжело. На его лице, обычно приветливом, как у всех шерпов, лежала печать равнодушия, какое я видел уже у Анг Тембы. Он неуверенно ощупывал тесьму кошек. Я сказал, что могу взять его в свою связку, а Чарлз пусть свяжется с двумя другими шерпами. Мы двинулись. Через несколько шагов обе кошки Анг Дорьи почти одновременно отвязались. Я наклонился, чтобы их поправить. Однако оказать такую услугу другому человеку почти так же трудно, как завязать его галстук. Я закрепился получше и выбрал слабинку у веревки. Затем пропустил группу Чарлза, сказав, чтобы они шли не торопясь. Анг Дорьи шел словно лунатик. Часто его нога за что-то цеплялась, и он спотыкался, всем своим видом показывая, что он собирается ковылять до самого Цирка. Однажды он на некоторое время остановился, сам не понимая зачем. Он хотел напиться из маленькой лужи на краю трещины, но все же он шел, повинуясь инстинкту, который заставлял его переставлять ноги.

Чарлз весьма предусмотрительно ожидал нас на пустом уступе лагеря VI. Здесь мы немного отдохнули, наблюдая, как туман клубится, поднимаясь и простирая прозрачные пальцы между нами и солнцем. Последующие склоны с навешенными веревками проходились легко вплоть до последнего крутого участка, примерно 75 метров ниже VI. Не было еще 3 часов, когда мы прошли, проваливаясь на каждом шагу, через нижние участки, покрытые снегом. Теперь мы были около площадки,

посматривая на три торжественно лежащих в снегу черных баллона. Я был рад, что сумел обойтись без них. Здесь мы сняли кошки и приготовились нести их в руках, но шерпы хотели отдохнуть. Теперь мы могли пойти вперед, а они попозже. Мы отвязались и оставили им веревку, так как никакие опасности им уже не угрожали; двое сильных ребят, если нужно, помогут Анг Дорьи, тем более что он выглядел сейчас гораздо лучше.

Я никогда не забуду возвращения в лагерь IV. Послеобеденный туман бился о ближние уступы Нупце. Он вклинивался между нами и жгучим солнцем дымкой колец, которая сгущалась, светлела, снова сгущалась. Солнце тем не менее пекло жестоко. Мы шли в теннисках, с кошками в руках, с грузом на спине. Шли вниз по тропе, истоптанной теперь множеством ног, через белое безмолвие по тропе, которая вскоре также покроется девственным снегом. Достигнув заброшенный теперь лагерь V, мы остановились лишь на минуту, чтобы полюбоваться крутыми ледяными склонами Западного плеча с таким металлическим блеском, словно множество реактивных самолетов пикировало вниз для разрушения. Я ни разу не спрашивал Чарлза о том, как он здесь себя чувствует, хотя сознавал, что он тоже устал от мысли, что «все кончено», от груза на спине и от расслабления мускулов. Утомление принимает иногда странные формы. Мы шли вместе в бесконечность, сквозь эту уединенность, среди окружающих нас фантастических «личностей». Одна из них была дружественной. Горы, полузакрытые и превеличенные туманом, наблюдали за нами. А туман, прозрачно-зеленый через мои очки-консервы, смеялся над нами и играл с очертаниями склонов. В любой момент Мингма Дории мог выйти из своей могилы здесь, немного справа, чтобы приветствовать нас. Призраки самих Меллори и Ирвина были тут, за углом, казалось даже, что швейцарцы должны подняться, чтобы встретить нас. Побеспокоится ли кто-нибудь о том, чтобы придти?

Наконец над складкой местности показалось пятно палаток. Мы медленно спускались к ним, но, казалось, здесь никого нет. Только две фигуры двигались вниз, к лагерю III. Может быть, здесь также поселились призраки? Но нет. Сам Джон вышел из палатки и шел нам навстречу. Даже под белым слоем глетчерной мази, под белой фуражкой и очками-консервами было видно, что он очень растроган. Тепло рукопожатий — и усталость исчезла.

Вниз, к Тхъянбочу

30 мая—6 июня

«Эверест побежден»

465

Я всегда задавался вопросом: на что может быть похоже возвращение с Эвереста, если вершина будет взята? Я думаю, что Чарлз Эванс до нашего выхода в обратный путь оценивал наши шансы на успех как один к тридцати, ссылаясь на «неизвестность» погоды и спортивной формы команды.

Таким образом, мы уже давно были готовы к неудаче и закалены против разочарования. Теперь ориентация должна измениться: Эверест побежден, мечты длительностью в год превратились в действительность. Я был почти в таком же замешательстве, как и веселая компания, которая 30 мая занималась чаепитием в большой палатке. Но я знал, что сильнейшим чувством всех было облегчение — облегчение, что мы целы и невредимы, что мы можем теперь идти вниз, будучи еще в хорошей форме и даже с возрастающим аппетитом.

Восхождение в одном отношении похоже на гребные соревнования. Выигрывающая команда может позволить себе что-то поберечь. Она на вершине. Нам теперь не надо было уставать, выбиваясь из сил, идти наверх. Нам осталось только пройти безаварийно вниз через ледопад. После чая Джон держал краткую речь; он говорил с большим волнением об успехе и о мужестве, с которым каждый содействовал победе над вершиной. Затем, чувствуя себя очень плохо, он удалился в свою маленькую палатку. Реакция в этот момент была столь же тяжелой для нервной системы, как и напряжение. Начиная с октября все его способности были направлены к одной этой цели. С марта он также пребывал в физическом напряжении, и, кроме того, на его плечи легла полная ответственность за нашу безопасность. Джон дважды проходил ледопад через два дня после болезни, вел первую группу в Цирк; отказался остаться в Лобуе, а вместо этого сопровождал группу разведки в нижней части стены Лхоцзе; поднял 14 кило-

граммов груза до верхнего склада над Южным Седлом и находился там до тех пор, пока обстоятельства не заставили его пойти вниз. Многие считали, что Джон, вероятно, не сможет выдержать свой темп, но он выдержал его. Никто не был удивлен, когда после ночи с кислородом Джон вновь появился свежий, как всегда, и готовый идти вниз...

Мы продолжали нескончаемую беседу. Я впервые услышал о слегка вероломном маневре Стобарта, предпринятом им для получения снимка «встречи». Том встретил группу выше лагеря V, просил их ничего не говорить об успехе до последнего момента и затем снял сцену объятий и поцелуев, отнюдь не типичную для британцев. «Мы настолько забылись, что обменялись рукопожатием», — говорил Тилман о восхождении на вершину Нанда Деви. Здесь было куда хуже. Я узнал также, что две уходящие вниз фигуры были Майкл Уэстмекотт и Джеймс Моррис. Джеймсу крупно повезло: он выбрал из всех дней именно этот, чтобы пойти наверх и узнать, нет ли каких-либо новостей. Сейчас он мчался вниз, чтобы передать сенсацию. Мы говорили о восхождении, о различных сторонах восхождения, о вершине, снова о восхождении, об обратном пути, о встрече. Я вышел из палатки и увидел свет звезд, сияющих над Нупцзе так же, как и месяц назад. Так же будет через тысячи лет, когда ничего не останется от нашего возбуждения.

Я спал более двенадцати часов. Затем встал и перечитал письма. Особенно приятными были письма жены, которая самоотверженно уговаривала меня не возвращаться домой, если будет еще попытка восхождения после муссонов. Теперь не будет больше причин ее беспокоить. Как они будут счастливы, те, которых мы хотим видеть счастливыми! О всем мире в целом мы по существу еще не начинали думать.

В этот день мы продолжали сортировать продукты. Что взять вниз? Сколько будет мест? Никто не хотел рисковать жизнью шерпов на ледопаде ради того, чтобы притащить вниз то, что не было необходимым. И кто должен идти вниз в первую очередь? Большинство стремилось уйти поскорее. Я решил остаться и помочь Чарлзу Уайли, который должен был руководить эвакуацией основных грузов. Одна группа шерпов должна была немедленно пойти с грузами вплоть до Базы. Им надлежит на следующий день подняться в лагерь III и забрать оттуда то, что принесет туда сегодня другая группа из лагеря IV. Все должны собраться на Базе 2 июня.

После того как основная группа ушла, я наконец переписал свою статью и несколько стихотворений. Солнце пекло вовсю. Чарлз выполнил свое дело наилучшим образом, причем вся моя помощь была чисто символической.

Тем временем лагерь IV становился все более и более опустошенным, все менее и менее привлекательным. Почти все палатки были сняты, оставив после себя грязные кратеры. Консервные банки, бумага, всякие остатки после трехнедельного приготовления пищи растаскивались галками, единственными существами, которые могли бы испытывать печаль при нашем уходе.

Восемнадцатый полный день на высоте, превышающей 6400 метров. В этот вечер Грифф, Майк Уорд, Том Стобарт, Чарлз и я сидели под брезентом и ждали ужина. Было подано чудесное блюдо из рубленого мяса и риса, но мы вернули его почти нетронутым. Мы, кажется, перешли границу за которой люди не могут уже пребывать на высоте, не теряя аппетита.

Спуск к Базовому лагерю

Я никогда не забуду спуск 1 июня в обществе Майка Уорда и Тома Стобарта. Это был странный переход. Том двигался очень медленно и пользовался каждым случаем, чтобы полюбоваться окружающим видом. Туман окутал нас, и в какой-то момент начался небольшой снегопад, однако солнце светило сквозь хлопья снега. Трещины походили на свои карикатуры: они были все так же широкими, но их края осели и приобрели грязно-серый цвет. Небольшие подъемы преодолевались, конечно, очень медленно, всего мы затратили два и три четверти часа, чтобы дойти до лагеря III. Здесь мы погрелись на солнышке, наблюдая, как туман поднялся, чтобы закутать Пумори в элегантную облачную шаль, — мечтательное воспоминание о прежних днях.

Том очень устал. Он мужественно поднялся по ледопаду, вскоре после перенесенного воспаления легких; теперь длительное пребывание в лагере IV начало сказываться. Это не значит, конечно, что мы с Майком шли бы без него быстрее. Время, потраченное нами, чтобы дойти от лагеря III до Базы, — четыре с половиной часа — говорит о нашей скорости. Майк шел впереди, отыскивая дорогу, а я последним в связке. Ледопад имел кошмарный

вид: грязный до предела снег, покрытый ровным слоем пыли, тысячи трещин, ухмыляющихся разинутыми пастьями (кажется, их раньше не было). Но нет, при зрелом размышлении видишь, что это те же старые друзья, которые кознями алхимика превращены в уродливых сестер своих прежних красоток. Через эту трещину мы прыгали. Теперь вынуждены ее обходить. Эта башня когда-то нам угрожала, сейчас она наполовину разрушена. Сераки и башни изменились больше всего. Каждая покрывающая их снежинка была удалена, так что солнце и ветер могли свободно обрабатывать лед, вырезая в нем фантастические чудовища. Не было больше пенистых волн, внезапных холодных голубых отвесов. Теперь было бесконечное, суетливое, ощерившееся нагромождение грязных глыб над грязными глыбами. Цвет ледопада изменился на светло-коричневый; пыль из Тибетского нагорья перенеслась через перевал Лхо Ла и лежала, не покрытая свежим снегом. Движение по леднику тоже было резко отличным. Ведь в последний раз мы поднимались в сильный снегопад. Теперь мы спотыкались о глыбы и расщелины. «Щелкунчик» потребовал неприятного лазанья в трещину; расщелина между лагерями II и III расширилась, но мост через нее стал более надежным после присоединения двух бревен к дюралевым секциям. Это была работа Майкла Уэстмекотта, присутствие которого чувствовалось повсюду. Мы мало что слышали о нем, если не считать каких-то разговоров в палатке о его работе с шерпами на ледопаде. Фактически же он занимался спасением команды. Если бы не его терпение, не говоря уже о техническом мастерстве, команда вряд ли смогла бы безопасно вернуться, так как мосты обвалились и потребовалось бы длительное время, чтобы найти другую дорогу. В лагере II сераки разрушились и покрыли своими обломками площадки, где были палатки. Ниже проходила совершенно новая дорога. Она не шла, как раньше, поперек и вниз по ложбине, а спускалась сразу вниз.

Мы шли очень медленно, а Том, кроме того, с трудом. Вниз, все время вниз в этом новом, буром, покрытом туманом мире. Во многих местах рельеф был таков, что продвижение было проще, чем раньше, однако правильную дорогу распознавать было нелегко, так как следы кошек стали еле заметны, а снимать очки-консервы мы не решались. Порой казалось, мы заблудились: нет, вот ухмыляющийся ледяной старик со свисающими у носа сосульками; он же три недели назад в горностаевой мантии из снега выглядел как круглощекий парень.

Наконец мы подошли к площадке над перилами «ужаса Хиллари». Все мои спутники по очереди хватали веревку и, исчезая из виду, скользили до пологого склона пятью метрами ниже. Я был замыкающим. Я встал в ступени на краю и схватился за веревку. Все, что я помню, — это то, что через мгновение я сидел в мягком снегу ниже моих товарищей. Древко, работая день за днем в течение шести недель, вышло из строя. Я добавил последнюю каплю. По-видимому, я сделал сальто в воздухе и, к счастью, приземлился в совершенно правильной позиции. Древко осталось наверху, вне поля зрения. Я дергал его изо всех сил, чтобы на следующий день оно не ввело в заблуждение остальных. Эверест в конце концов смеялся последним и надо мной! Слава богу, что это был безобидный смех. Легкий шлепок напоследок вместо серьезной встряски.

Мы пошли дальше. По мере того как мы приближались к горизонтальной мульде, становилось все труднее узнавать знакомые места. Там, где молчаливые ущелья сбегали среди феерических башен, теперь между горами обломков мчались светлые потоки. Вместо того чтобы следовать руслу потоков, мы вынуждены были взбираться на груды обломков и с каждой такой «вершины» могли видеть вдали широкий холм первой Базы. Был уже восьмой час, когда мы притащились туда, как раз поспев к ужину.

В большой палатке нас приветствовали группы, ушедшие накануне. Они также нашли, что спуск — душу раздирающее испытание. Джеймс Моррис и Майк пришли на Базу 30-го — прекрасное достижение для любого альпиниста, тем более для новичка в ледовой технике. Хотя Джеймс устал, он на следующий же день отправился дальше с новостями. Делались всевозможные предположения о том, когда эти новости дойдут до Англии.

Ануллу припас палатку для меня и Тома. Том ничего не ел. Мы с утра проглотили только плитку шоколада и немного мятного кекса, но есть никому из нас по-настоящему не хотелось. Мы нуждались в сне и очень скоро заснули.

Вниз, к Тхьянгбочу

3 июня, ясным летним утром, в 7 часов 30 минут появились носильщики.

К 10.30 все было более или менее собрано и мы с Джоном покинули Базу.

Кхумбу мало изменился. Перемены стали заметны ниже, в зеленой долине над Лобуе. Великолепные розовато-лиловые примулы кивали нам из-за каждого поворота, из-за каждого камня, соперничая с низкорослой викой и пускающей ростки карминовой азалией. Цветы всегда приносят радость, тем более тем, кто вернулся из царства снегов.

Когда мы пришли в Лобуе, большинство наших уже с наслаждением отдыхали. Палатки были разбиты на траве. Я был поглощен своей зубной болью; человек с зубной болью может наблюдать прекраснейшую сцену без всякого волнения. Только цветы нарушали мое равнодушие.

470

Вечером мы услышали по радио специальное послание от сэра Эдвина Герберта, президента Гималайского комитета, и короткий привет Джону от его жены; последовавшее затем обсуждение шансов добраться до дома по воздуху было прервано звуками песни. Это были шерпы. Перед неярким костром, взявшись за руки, они медленно и мерно покачивались. Некоторые шерпы были одеты в экспедиционные голубые плащи; другие были облачены в свободные тибетские одежды. Это был танец, который в Англии показался бы примитивным. Но здесь, на высоте 4500 метров у подножия Нупце и под светом звезд, монотонный, бесконечный ритм трогал за душу. Что думают шерпы об Эвересте? Для нас это особый предмет, не имеющий ничего общего с обыденной жизнью, прекрасный и внушающий благоговение. Для них это Джомолунгма, богиня Мать Снегов. Она такая же часть жизни, как сами снега, и она обитель богов. Эверест был их домом, Эверест был их работой, как поля и пастбища, и, возможно, его красота проникала в них вместе с воздухом, которым они дышат.

Если испытываешь радость при восхождении на вершины, превосходящие красотой любую другую, то есть еще и радость контрастов: лежать на траве, а не на скалах или на снегу; слышать пение птиц, а не треск льда; любоваться цветком, а не смотреть на нескончаемую белизну. 4 июня осталось в моей памяти благодаря цветам. Когда мы спустились до 4270 метров, повсюду виднелись примулы, а также какие-то красивейшие, неизвестные нам цветы; ярко-розовые карликовые азалии и белоснежные анемоны расстилались сплошным ковром. Мимо покрытых густой травой полянок невозможно было пройти, чтобы не отдохнуть на них; нельзя было не восхищаться поразительной вершиной Ама Даблам, снова показавшейся на востоке. Неужели мы побывали выше ее! Хрусталь-

ные ручки предлагали напиться, облака просились на пленку. Мы лениво шли поодиночке, по двое, по трое, ни о чем не заботясь, кроме красоты окружающего. Из Фангонг Карно мы могли бы увидеть нашего друга Шола-Кхола, но туман закрывал Остроконечный пик.

Мы пересекли поток ниже Пангбоча. В 12.45 (мы вышли очень рано) добрались до лужайки прямо перед последним лесистым склоном. На этот раз лагерь был разбит несколько ниже, так как в монастыре ощущался недостаток воды. Некоторое время мы дожидались Тхондуна, палаток и шерпов. В деревнях уже происходили торжества.

В 2.15 появился наконец ленч: громадная кастрюля местного мелкого картофеля в мундире с придачей масла, соли и перца. Традиция требовала усаживаться вокруг и каждому есть возможно больше, пока не съели другие.

И тут вдруг появился репортер Питер Джонсон из агентства Рейтер, устроившийся в одной из комнат монастыря. Он был приглашен разделить с нами картофель. Эду пришлось выдержать первое из многих интервью: «Было ли у вас на вершине чувство выполнения задачи?» и т. д.

Ночь 4 июня, которую мы проводили все вместе, была последней. Чарлз Эванс (он будет продолжать исследования в высокогорье) оставался с Ануллу, Да Тенсингом и Чангью. Тем временем Джон, Грег и Том Бурдиллон в сопровождении четырех шерпов готовились идти вперед в качестве передового отряда.

5-го, в 9.30, основной состав проводил группу Джона. Мы должны были ожидать носильщиков «для дальних расстояний», так как те, кто несли грузы с Базы, теперь ушли к своим полям. Тенсинг вернулся с праздника Тами. Он был непьющим, но сопротивляться в данном случае было бы выше человеческих сил.

Время текло приятно и легко, я не разделял нетерпения скорее уйти. Было приятно еще побродить, посидеть на траве среди примул, около кристальной воды. Наши аппетиты вернулись, и вскоре мы прикончили пайки Компо. Дал и рис, картофель и дахи (кислое молоко) стали основой нашего питания.

6-го мы также провели в том же месте, так как носильщики утром еще не появились. Наш отряд шерпов сокращался: еще шесть человек хотели остаться в Сола-Кхумбу, и Чарлз расплатился с ними, а Пембу и Анг Церинга послал вниз, к Джону.

Вечером 6-го все было готово к возвращению.

Почести и голод

7—20 июня

Торжества в Намче

472 7 июня. Переход первого дня.

После сырого липкого тумана верхнего гребня мы очутились в мире тепла. Было приятно спускаться к Имья по длинному пологому склону, где я в марте так задыхался. Возле дна ущелья я встретил Ануллу, возвращающегося к Чарлзу.

Солнце и облачка резвились на отвесах, где, словно на Кембрийских холмах, тени на льду от серого переходили к пурпурному. Дорога проходила через чарующие, поросшие серебристой березой лощины, через котловину в склоне гор, среди монументальных скал, где квалифицированных скалолазов дразнили на каждом шагу соблазнительные маршруты. Дойдя до крутого травянистого склона перед тем местом, где тропа, ведущая к Намче, пересекает горизонтально ребро горы, я увидел много людей. Это были жители ближайшей деревни Кхумюнг. Они пришли поздравить и приветствовать своих родных и близких, а также воздать почести Тенсингу, так как система местного телеграфа этих ущелий уже давно передала все новости.

Продолжая наш путь, мы пересекли ребра склона, прошли площадку старого лагеря в Намче и теперь смотрели вниз, на темный амфитеатр, где выстроились рядами похожие на ящики каменные дома с уложенными на крышах камнями — образец порядка, однако без того изящества, которое могло бы быть под влиянием великолепного окружения. Я очутился в одном из соседних домов вместе с Джорджем Бендом, которого зазвал в гости шерп Канча. Мой новый ординарец Анг Дава II здесь не жил и родственников не имел. Поэтому я тоже получил приглашение. Это был скромный дом, одноэтажный, с одной главной комнатой, в которой собралась вся семья и в которой, насколько можно было судить, она и жила. Мать, стройная шерпани с тонкими чертами лица, подала молоч-

ный чанг, вкус которого для жаждущих губ был превосходен. Как только кружка опорожнялась, она немедленно наполнялась. За двумя ткацкими станками: один для ковров, другой для ткани — сидели ткачихи. Джордж за десять рупий купил у шерпани два ярда ткани для передников.

Канча, для своих восемнадцати лет здоровенный парень, рассказал нам, что мать не позволяет ему сопровождать нас до Катманду. Мать улыбнулась и покачала головой. Было ясно, что она правила семьей и не хотела, как я понял из ее слов, чтобы мальчика в городе испортили.

Мы вышли на солнечный свет и пошли вниз мимо квадратного здания, оказавшегося той самой станцией индийского радио, которая передавала наши новости. Нас приветствовал индийский представитель «Дэйли телеграф», но в этот момент мы с Томом Стобартом были приглашены маленьким Гиальеном к нему домой. А где наши товарищи? Все сагибы и шерпы исчезли в домах и вне их. В Намче в нашу честь царил праздник. По-видимому, в этот день вряд ли нам удалось бы продвинуться дальше. Селение применило всю свою силу убеждения, чтобы нас здесь удержать. Но к чему беспокоиться? Лучше наслаждаться гостеприимством, какого нам, может быть, никогда больше не встретится.

Дом Гиальена обычного шерпского типа. Первый этаж служил складом, в верхнем большом зале жила семья. Мы сидели на коврах, возле открытого окна, посматривая на ущелье Дудх-Кузи и на синие возвышенности за ним. На этот раз мы пили янр — очищенный вариант чанга, цветом и частично видом напоминающий бочковый сидр. В процессе нашего разговора выяснилось, что Гиальену также не разрешается нас сопровождать. На этот раз это была жена. У шерпов в ходу, в какой-то степени, матриархальное общество. Одним из показателей этого часто служит женитьба юноши на девушке лет на десять старше его. Имеет место и многоженство. Брак состоит из нескольких этапов: сначала жених приносит подарки, затем живет некоторое время в доме родителей невесты, и только затем оформляется брак. Легко видеть, как женщина приходит к управлению домом.

Вторая половина дня прошла очень быстро. Мы смотрели через окно, стараясь поймать какие-нибудь признаки наших товарищей, но миссис Гиальен уговаривала нас остаться. Что же будет делать Гиальен, если не пойдет с нами?

Вниз, к Дудх-Кози

Когда мы смогли оторваться от гостеприимства Намче, Гяльен проводил нас до конца селенья и мы распрощались. Теперь мы наконец спускаемся по крутому лесистому склону к теснине, залитой вечерним светом, к темнеющему 60 метрами ниже руслу Дудх-Кози. Мы шли в сумерках вдоль реки, гадая, прошли ли мы мимо лагеря, как вдруг в верхнем окне одного из домов показалась голова Джорджа Лоу. Компания устроилась на верхнем этаже нового дома. Тхондуп резал и жарил цыплят, в то время как остальные пили чай и беседовали. В стране шерпов нет отелей, по-видимому, все собираются, согласно обычаю, в самом просторном доме. Этот дом прямоугольной формы выглядел весьма солидным, дверные косяки и перемычки были сделаны из массивных деревянных брусьев. Как обычно, нижний этаж не использовался для жилья, а большой зал наверху был перенаселен. Наши палатки стояли у реки, метров на 400 дальше.

Мы сидели полукругом, стиснутые до невозможности, и ели двух единственных цыплят с рисом и овощами. Торжества в Намче отличались богатой выпивкой, но крайне скромной едой, а мы старались с жадностью возместить потерянный вес. Наконец все отправились спать в палатки под убаюкивающий говор Дудх-Кози. Над черными стенами окружающей нас теснины, напоминая об оставленном нами мире высот, сверкали звезды. На следующий день мы должны были покинуть родину шерпов, страну Эвереста.

Мы уже собрались трогаться, как появились шагающие вниз по тропе две фигуры в тибетской одежде. Это оказались Гяльен и его друг Нимми, выглядевшие в новом одеянии гораздо более высокими. На Гяльене красовалась высокая тибетская шапка и похожий на тогу балахон, хотя оставались также пижамные брюки и экспедиционные ботинки. Они пришли за деньгами для расчета с новыми носильщиками, завербованными Тенсингом. Последний оставался после нас в Тхьянгбочском лагере, чтобы принести оттуда незатребованные грузы. Вскоре он появился собственной персоной в сопровождении Анг Церинга, несущего ковер и приведенного торжествами в Намче в прекрасное настроение. Как выяснилось позже, это была уловка. Анг Церингу мать также запретила сопровождать экспедицию из боязни, что соблазны столицы его испортят. Однако она все же разрешила ему сопровождение Тенсинга на первом этапе пути. Когда этой ночью

они прибыли в Тат, Анг Церинг решил идти и дальше с нами. Прибыв в Катманду и опасаясь, вероятно, материнского наказания, он решил сопровождать товарищей в Джарджилинг. Там он и сейчас.

На мосту царило интенсивное движение. Носильщики, тяжело ступая, шли гуськом, и среди них жена Анг Намгиала. Этой миловидной шерпани доверили нести драгоценный ящик с деньгами. Вербовщик носильщиков, молодой человек из соседнего селения, считал деньги, одновременно захватывая из блюда пригоршни риса. Гомпу бегал взад и вперед, принося все новые и новые блюда, доверху наполненные рисом. Чарлз вел наблюдение из стратегического пункта. Последний раз мы попрощались с преданным Гиальеном и Нимми, который плакал и умолял нас приехать поскорее снова. Вполне обоснованные выговоры Джона не повлияли на его преданность, или он их попросту не понял. Было грустно покидать простое, радостное гостеприимство шерпов для более сложных и утомительных церемоний. Я постоял некоторое время у поворота тропы, наблюдая Нимми и Гиальена, все еще машущих рукой на прощание.

475

Мы покидаем Сола-Кхумбу

На следующий день мы шли вдоль реки, среди пурпурных орхидей, смешанных с дикими розами и чертополохом, среди лесов пихты и серебристой березы. Три наши шерпани, сидящие у тропы, угостили меня, когда я проходил мимо них, очень вкусным, рассыпчатым творогом. Оглянувшись, я подумал, что это очень привлекательная группа: смуглые круглые лица с миндалевидными глазами, прищуривающимися при улыбке, в которой деятельное участие принимали сверкающие зубы и полные губы, черные как смоль гладкие волосы, заплетенные в косы и покрытые косынкой или шалью; серебряные браслеты и украшенные самоцветами ожерелья, подчеркивающие блеск шерпских фартуков. Эти фартуки они не снимают даже в высочайших ущельях. Максимум того, что они могут себе позволить, это засучить рукава. Большая часть наших шерпани, подобно жене Анг Намгиала, сопровождали своих мужей. Таким образом, в летние месяцы оба могут зарабатывать деньги; если есть ребенок, он путешествует, сидя поверж материнской ноши.

Мы ужинали в самом большом доме в Тате, расположенном на правом берегу Дудх-Кози. На этот раз в меню фигурировали шесть цыплят. Наш идеал и стремление в то время сводились к тому, чтобы каждому доставалось по цыпленку без дележки с кем бы то ни было.

Когда я выбрался из атмосферы удушливого дыма, облака рассеялись. Сверкая белизной под светом звезд, один из пиков гребня Кангтега по ту сторону ущелья укутывал свои плечи дремлющим облачком. Далеко внизу, в черноте, блестел одинокий огонек. Я задался вопросом: почему меня почти до слез трогает свет в темноте у подножия белой горы? Наверное, виной тут контраст между уютом жилища, все же отражающим человеческую жизнь, и холодным миром снегов. Конечно, та же гора не приведет меня в волнение под небом Антарктиды.

Мы держались правого берега, чтобы обойти ущелье. Мост, по которому раньше переходили, должен был быть теперь ниже. Это означало подъем и траверс через два длинных отрога горы, второй из которых вел вниз, к гребню над Таксиндху. Таким образом, следующий день начался с крутого подъема. На тропах встречались охотящиеся за кровью пиявки. «Превосходно,— сказал Грифф Пью.— Поскольку ее у нас слишком много, они помогут изъять излишек». Затем последовал спуск через лес и ленту у горного потока перед следующим подъемом. Последний, предсказал Тенсинг, займет четыре часа, и он ненадолго ошибся. Это был утомительный, скучнейший подъем, подобного которому мне еще не приходилось встречать. Тропа начиналась зигзагами, затем шла строго вверх прямо по громадным плитам, громоздившимся друг на друга в виде лестницы. После 600 метров я почувствовал, что «вершина» должна быть близко. Но прошли еще 600 метров, туман снизился до земли, лил сильный дождь, а подъем, по-видимому, не собирался никогда кончаться. Очень хорошо, не буду останавливаться. Буду идти, пока не помру! Это продолжалось еще полчаса, после чего я просто вынужден был остановиться, чтобы отдохнуть от убийственного однообразия и подтянуть рюкзак. Мы оценили высоту этого подъема в 1300 метров. Можете себе представить преодоление черной лестницы такой высоты без единого отдыха! Наверху стояла молитвенная стена, и начиналась грязная ровная тропа. Внезапно мы увидели врытый в землю валун. Но нет, это была громадная глыба со щелью внизу. Из щели шел дым, а вокруг костра Тхондупа толпился народ. Здесь после надоевшего дождя был дымный рай, благословенный отдых и тепло.

«Дайте нам картошки (алу)», — сказал Эд. Когда картошка появилась, все с жадностью накинулись на нее.

На следующий день в густом тумане мы пересекли высоко расположенный участок, в точности похожий на холмы Уэльса. Мы находились примерно на высоте между 4270 и 4570 метров, и здесь в предшествующем году швейцарцы потеряли двух носильщиков, замерзших во время снежной бури. Затем мы пошли вниз через бескрайние леса, сквозь редящий туман, к безымянным, не нанесенным на карты речкам, к травянистым склонам западного гребня Таксиндху.

Волнующим моментом каждого перехода было прибытие почты. В любой день, идя по тропе, можно было наткнуться на людей, отрешенных от мира сего и погруженных в чтение писем, телеграмм, газетных статей. Телеграммы приходили пачками. Некоторые из них, адресованные экспедиции, Джон оставлял у себя, но и того, что доходило до нас, было вполне достаточно, чтобы понять, что интерес, вызванный восхождением, был намного больше, чем мы ожидали. Телеграммы от ветеранов Эвереста, таких, как Шиптон, Тилман, Самервелл, Нортон; трогательная телеграмма от швейцарцев, которые так много нам помогли, и благородная телеграмма от Мориса Эрцога, который на следующий год должен был руководить французской экспедицией. Помимо этого радостные личные телеграммы, некоторые от людей абсолютно неизвестных или от таких, кого я, к своему стыду, совершенно забыл, но все, конечно, по достоинству оцененные.

477

Был ли Эверест нам другом?

Мы двигались на запад, и, после того как пересекли гребень Чيانгма, совсем покинули страну шерпов, Эверест отступил на задний план. Он остался как радостное воспоминание, и только Чарлз Эванс еще поддерживал с ним контакт. Что же, этот первый Эверест никогда еще не был очень ясным, как отражение личности. Сначала план и надежды, затем масса скал и снега, над которыми бушует ветер, теперь нечто вроде пленного Франкенштейна. Да, это именно то впечатление, которое я от него получил. Горы всегда являются в тех цветах, какие придает им взор наблюдателя. Для наших предшественников это был великан, который сдувал пришельцев ветром и утомлял их разреженностью своего воздуха. Это был враг.

«У нас была хорошая погода и хорошие условия для битвы с нашим противником. Мы не можем жаловаться... Мы были побеждены в честном бою» — так писал Говард Самервелл в 1924 году. Или опять-таки Смайс после 1933 года: «Эверест был враждебен к нам и мы чувствовали, что за этой враждебностью, в жгучем холоде и внезапных разрушительных штормах кроется нечто почти личное».

Для меня, когда я стоял на нем, Эверест был равнодушен и безличен, так безличен, как мысль о смерти и как испытание. В минуты вдохновения мы воспринимаем его как вызов и как смелое предприятие, великолепное предприятие, какой бы характер оно ни носило. В нашей повседневности мы рассматриваем его как альпинистскую проблему, состоящую из множества мелких препятствий, вокруг которых мы суетимся и хлопочем, как будто они наиболее важные вещи на свете. Наконец, мы стали относиться к нему как к дружеской старой вещи, так же как мы стали друзьями с вершинами Северного Уэльса. Теперь, когда альпинисты возвращаются домой, те, кто ничего не понимают в горах, толкуют «о победе» над павшим противником. Но они, альпинисты, благодарны вершине, погоде, своему счастью, позволившим им взойти так высоко на вершину, которая проверяла их, но не отвергла.

Скалы и перевалы Эвереста омываются такими ветрами, какие ни одно человеческое существо выдержать не может. Какое значение имеет для него вся эта маленькая летняя шумиха?

Таковы были мои впечатления об Эвересте, когда мы начали спуск и эти впечатления только отошли на задний план, когда полная гласность начала освещать другой, отличный Эверест светом нашей деятельности. Этот воображаемый Эверест, хотя и ярко сверкающий в книгах, в картинах, в заголовках, не может быть той гигантской бесстрастной массой, которая все еще возвышается за нами.

Последний день похода

Цветы украшали наше возвращение: орхидеи по сторонам тропы перед Джунбези, а на лугах за Тапки, где мы разбили лагерь, кивали, источая аромат, лиловые ирисы. Еда, солнце, дождь, усталость, красота — таковы мои воспоминания о походе.

Солнце. На перевале Ламьюра Баньянг, на высоте 3650 метров, я лежал, залитый солнцем, и читал «Братьев Карамазовых», неизменного фаворита гималайских восходителей. Часто такие утра были солнечными и прекрасными, затем спускались облака и гремел гром, намекая, что муссон уже пришел. Тусклое, затуманенное солнце исчезало за легкой вуалью. Шел теплый дождь, пропитывающий влагой все окружающее. К вечеру обычно прояснялось. Мы двигались на запад, пересекая невысокие хребты, по скользкой от дождя тропе.

Мы покидали страну шерпов; на следующий день у Чиангма на нас тарашили глаза девушки, одетые по индийской моде в платья типа сари, оставляющие открытым живот, и мужчины в непальских шапках. Здесь Тхондуп купил цыплят, чтобы взять их с собой через перевал Чиангма Ла и вниз, в долину Тхозе.

Усталость. Следует признаться, что ноги не поднимались по склону с прежним усердием, после того как в продолжение трех месяцев они ничего не делали, кроме преодоления подобных же склонов. Так по крайней мере считали трое из нас, когда в полуденную жару тащились вверх от зеленых рисовых полей к гребню перед Ярса. Шаг за шагом по грязному валу, поворот, тропа и надежда на облегчение дороги, за углом снова подъем, вздох, встряхивание рюкзака, чтобы оседал поудобнее, и снова вперед. Здесь нет удовольствия. Ночь была неприятной. Я обнаружил у себя признаки дизентерии и вынужден был принять сульфатуанадин. Мы рано спустились к реке и не устояли перед соблазном ее холодной воды. Мы купались, сохли и снова купались. Даже кое-кто из шерпов соблазнился прелестью мутной воды. Купание доставляет наслаждение, а вот подъем на 1200 метров под тропическим небом сразу после купания никакого удовольствия не приносит. Этот подъем действительно был крайне утомительным; по склонам, поросшим сосной, через рисовые поля, мимо селений, все время вверх. Джону, чья группа уже прибыла 13 июня в Катманду, путь показался, вероятно, изнурительным, однако дорога от Тхьянгбоца заняла у них только восемь дней.

Теперь, когда мы шли по жарким долинам, по мере того как физические условия ухудшались, начинало сказываться нервное возбуждение ожидания. Тенсинг после очередного чествования приходил в лагерь осыпанный в знак высшего почитания красной пылью и увешанный гирляндами цветов. Он ложился в палатку, и за ним принимались ухаживать обе его племянницы. Внутрен-

ность его палатки напоминала посетителю скорее комнату восточного властителя, чем жилище шерпа: прекрасный ковер на полу, чайная посуда, две женщины, спующие с деловым видом взад и вперед. Другие шерпы, напротив, выглядели так, как будто с ними ничего не случилось: Анг Намгиал и его жена спокойные, как всегда; Анг Ниима хромал, страдая воспалением ноги, только в Чиаубасе он показал ногу врачу; Да Намгиал, всегда внимательный в походе, нес на плечах своего шестилетнего сына, которого доставили в Сола-Кхумбу для встречи с отцом; Пемба Норбу, всегда несущий палатку Гриффа, к большому раздражению всех прочих.

19 июня мы покинули под дождем лагерь около Чиаубаса и в яркое солнечное утро спустились по длинному склону, ведущему к Долаалгхат на реке Сун-Кози. Далеко на западе над облаками возвышался серебряный зуб. Как я считаю, это был Гозаинтхан, превышающий 7930 метров. Селение Долаалгхат было в праздничном наряде: воздвигнуты раскрашенные триумфальные арки, а тропа усыпана цветами. Из Катманду примчались репортеры индийских газет. Когда мы купались под ярким солнцем в реке, Эд в особенности стал мишенью для всех фотоаппаратов.

После купания и завтрака длинное ущелье, поднимающееся к Хукзе, было очень жарким, и только большие серые обезьяны лангуры, скачущие в джунглях над нашими головами, вносили некоторое оживление. На своем маленьком перевале Хукзе жители селения Хукзе также устроили праздник. Здесь мы разбили лагерь в компании с Джоном. К нам присоединились репортеры некоторых британских газет, прибывшие для встречи с нами из Банепы, однако никаких определенных идей на эту ночь у них не было. Это был странный вечер, заполненный беседами, планами, программами, неопределенностью, необходимостью избежать полемики, дружескими воспоминаниями о приятном отдыхе на травке. Я прошелся по маленькой тропинке и уселся, любуясь темнеющими холмами и лесами. Это был наш последний сон на траве под звездами, и, хотя я радовался возвращению домой, часть моего «я» грустила о конце смелого мероприятия, пережитого со своими товарищами,— мероприятия, которое в будущем уже будет другим, как другим стану и я.

Послесловие

Победа над восьмитысячниками Земли

481

Когда мы встречаем на знакомой нам тропинке в горах молодого человека или видим многоопытного альпиниста, уже прошедшего в своей жизни немало трудных маршрутов, но все-таки снова собравшего для похода привычное ему снаряжение, то можем спросить себя: что же влечет людей в горы? Неизвестное, трудное или прекрасное?

В течение веков путешествия в горные страны предпринимались не ради спорта или эстетики, но в стремлении увидеть и узнать то, чего еще никто не видел. Со временем, однако, непройденных тропинок становилось все меньше, и Гималаи, где Эрцог и его спутники, вероятно, первыми из людей увидели северную стену Аннапурны и ступили на ее северный ледник, может быть, были последним прибежищем неизвестного.

Расскажем вкратце главные веки борьбы альпинистов и исследователей за те два восьмитысячника, которым посвящена эта книга. О других вершинах Гималаев и Каракорума читатель найдет подробный рассказ в книге Г. О. Диренфурта «К третьему полюсу» (2-е изд., 1970).

В начале XIX века географы обнаружили, что среди гор мира есть такие, которые намного выше, чем Монблан в Альпах и открытый французской геодезической экспедицией в 1745 году вулкан Чимборасо в Андах (6300 м), и превышают 8000 метров. С 1818 года высочайшей вершиной мира стала считаться Дхаулагири в Центральных Гималаях, высоту которой английские топографы определили тогда в 8154 метра. Эта вершина, о которой столь подробно рассказывает в своей книге М. Эрцог, была побеждена, однако, сравнительно недавно — в 1960 году — швейцарской экспедицией.

В 1852 году, во время военно-топографической съемки Индии, тригонометрическим способом было определено, что вершина, названная тогда условно «Пик XV», имеет

высоту 8840 метров. Так была открыта самая высокая вершина мира, получившая вскоре название Эверест¹ и известная у нас под местным названием Джомолунгма.

История попыток восхождения на Джомолунгму очень стара и знает своих героев и свои жертвы. На путях к ней многие годы «погибших ряд готовил путь герою».

После первого проекта экспедиции, предложенного еще в 1893 году англичанином Ч. Брюсом, первый действительно обстоятельный план восхождения на Джомолунгму был составлен лондонским Географическим обществом и Альпийским клубом в 1919 году. Осуществила его, по крайней мере отчасти, в 1921 году экспедиция под руководством Говарда Бюри. Последняя прошла из Дарджилинга через перевал Танга-Ла (4633 м) на север в Тибет и через Шикар-Дзонг достигла Ронгбукского монастыря (4970 м), воспользовавшись, таким образом, северным подходом к вершине.

Этот выбор пути, как мы знаем, не был самым удачным, но в ту эпоху границы Непала были закрыты для иностранцев и путь с юга был недоступен. Вместе с тем англичане, бывшие тогда хозяевами в Индии, закрыли для других наций на много лет и северный путь.

Экспедиция 1921 года прошла главный Ронгбукский ледник вверх, то есть на юг, до «Южного перевала» — Лхо-Ла или Кхумбу-Ла, находящегося в западном гребне Джомолунгмы. Этот гребень отделяет ледник Ронгбук от ледника Кхумбу, знакомого уже нам по рассказу Нойса. Здесь, на перевале, один из участников экспедиции, Д. Г. Меллори, занес в свой дневник описание, из-за которого потом путь с юга к вершине много лет считался непроходимым. Меллори рассказывал: «На рассвете все вокруг было затянато облаками, хотя и довольно прозрачными. Подобно преступным порождениям тьмы, застигнутым светом, они быстро рассеялись, пока мы поднимались, и вся сцена открылась перед нами. Северный гребень Эвереста был ясно виден и светел, даже еще до восхода солнца. Мы достигли перевала к 5 часам и увидели фантастически прекрасное зрелище. Отсюда мы смогли погрузить наши взоры и в Западный Цирк, жутко-холодный и отталкивающий в тени Эвереста... Трудно думать, что на понижение между Эверестом и Южным пиком² можно

¹ Полковник Джордж Эверест (1790—1866) с 1826 года руководил топографическими работами в Индии. Эту страну он покинул в 1843 году, задолго до открытия вершины, и провел последние годы жизни в Англии.

² Так тогда называли Лхоцзе.

подняться с запада. Судя по тому, что мы видели, я не надеюсь на такую возможность, даже если бы удалось пройти ледник вверх...» Меллори не подозревал, что именно этот «отталкивающий» путь через 30 лет приведет английскую экспедицию к победе.

При второй разведке 1921 года альпинисты познакомились уже с восточной ветвью Ронгбукского ледника. Оттуда Меллори, С. Г. Буллок, О. И. Уилер и три шерпа поднялись в сентябре 1921 года на Северное Седло — Чанг-Ла (7007 м), с которого позднее было сделано много попыток восхождений.

Большим достижением экспедиции 1921 года было составление первой хорошей обзорной карты района Джомолунгмы. 483

В следующей экспедиции, в 1922 году, уже была применена необходимая в Гималаях тактика организации одного за другим многих последовательных лагерей на подходе к вершине. После лагеря IV, устроенного на Чанг-Ла, был поставлен еще маленький лагерь V — всего из двух палаток — на высоте 7600 метров. Оттуда штурмовая группа, состоявшая из Меллори, Нортон и Соммервелла, достигла на северном гребне высоты 8225 метров. Так впервые в истории человек поднялся выше 8000 метров. Через несколько дней другой участник экспедиции, Д. И. Финч, уже пользовавшийся кислородным аппаратом, смог достигнуть еще несколько большей высоты — 8326 метров. Но вершина все еще была далека.

Третья английская экспедиция, снаряженная в 1924 году, окончилась трагически. Первая попытка штурма вершины была сделана 4 июня этого года Нортон и Соммервеллом из лагеря VI на высоте 8145 метров, но окончилась неудачей: они не смогли преодолеть крутой и очень трудный скальный взлет на высоте 8572 метра, получивший позднее название «вторая ступень». На вторую попытку 8 июня отправились Меллори и Ирвайн, имевшие при себе кислородные аппараты. Они не вернулись, пропав бесследно при подъеме и оставив своих спутников по экспедиции в неведении, как высоко они смогли подняться. Лишь много лет спустя ледоруб Меллори был найден лежащим на гребне, на скальной площадке на высоте 8450 метров.

Мы не будем здесь излагать историю последующих английских экспедиций 1933—1938 годов, также избравших путь с севера и не принесших новых достижений. Упомянем лишь о начале новой эпохи изучения Гималаев — эпохи применения авиации. В 1942 году американский

летчик Р. Скотт сделал первую авиационную разведку этого района и привез отличные фотографии вершин Джомолунгмы, Макалу и др. Скотта не раз квалифицировали как авантюриста, даже не сумевшего как следует разобраться в расположении главных вершин этого района, но все-таки он смог доказать, что аэрофотосъемка малодоступных высокогорных областей важна и для альпинизма, и для географии.

После провозглашения независимости Индии в 1947 году и «открытия» границ Непала стал доступен и южный путь в Гималаи. Началась разведка новых подходов к Джомолунгме, прежде всего с юго-запада. В 1950 году англичанин Г. У. Тилман и американец О. Хаустон по непальскому пути прошли до монастыря Тхьянгбоч и далее на ледник Кхумбу и на его грандиозные и необычайно изрезанные ледопады. Осенью 1951 года еще одна разведочная экспедиция под руководством Э. Шиптона и при участии Э. Хиллари проникла опять-таки на ледник Кхумбу, осмотрев с гребня вершины Пумори весь Западный ледниковый Цирк. Возможность восхождения с этой стороны, однако, оставалась для них сомнительной. Хаустон писал позднее: «Очень трудный, если не невозможный путь, во всяком случае это не разумный маршрут для попыток восхождения на Эверест». Столь же пессимистически выразился и Тилман, задавая себе вопрос: «Тогда как лучшие в мире восходители потерпели неудачу на пути из Тибета, кто может ждать успеха на еще более трудном маршруте?»

Всего два года спустя швейцарские альпинисты доказали, что и Хаустон и Тилман были не правы.

Но прежде чем последовать по путям тех экспедиций на Джомолунгму, которые увенчались успехом, мы вернемся несколько назад, к французской экспедиции 1950 года на Аннапурну. Покорению этого первого восьмитысячника посвящена первая часть книги. Предыстория события была очень короткой, но поучительной.

Французские альпинисты, которые собрали большой опыт восхождений и отточили свою технику на трудных маршрутах Альп, долгое время чуждались больших высот. Лишь в 1936 году их экспедиция под руководством Анри де Сегонь ¹ побывала в Каракоруме, где сделала попытку — впрочем, безуспешную — восхождения на Хидден-Пик

¹ Сейчас А. де Сегонь является президентом французского Совета по архитектуре и урбанизму. Он также член французского Совета по туризму и спорту.

(8068 м). Единственным участником каракорумской группы, включенным в экспедицию 1950 года на Аннапурну, был М. Ишак.

Во главе экспедиции на Аннапурну встал один из выдающихся деятелей современного французского альпинизма — М. Эрцог (родился в 1919 году). Уроженец города Лиона, юрист и естествоиспытатель по образованию, он депутат национального собрания от правящей партии и вместе с тем известный предприниматель-финансист. Заслуги перед спортом выдвинули его на ряд высоких государственных постов, в частности генерального секретаря Высшего спортивного комитета Франции (с 1963 года) и члена Международного олимпийского комитета (с 1970 года). Сейчас М. Эрцог — мэр города Шамони.

485

К восхождениям 1950 года в Париже готовились, желая «перенести опыт альпийских восхождений в гималайские экспедиции». Здесь думали о «быстрой» и «легкой экспедиции», окрестив ее шутливо «нейлон», и предполагали даже вначале, что в ней можно будет обойтись без шерпов, что «сагибы все понесут сами».

Альпийский опыт участников, однако, был в значительной доле приобретен на коротких восхождениях, нередко при вылазках выходного дня. Они были порой чрезвычайно трудными и напряженными, но не требовали обычно даже ночевки в палатке. Об устройстве снежных пещер французы и не слыхали. Лишь позднее, в Гималаях, увидев Аннапурну, Эрцог понял, что «грандиозные масштабы стены ставят перед нами такие проблемы, с которыми в Альпах никогда не приходилось сталкиваться».

В Гималаях высота, трудность работы в разреженной атмосфере и, главное, необходимость ценою больших усилий организовывать один за другим ряд палаточных лагерей были новыми для членов экспедиции 1950 года. У них не было на восхождении ни радио, ни кислородных аппаратов, которые были знакомы английским альпинистам уже с 1922 года. И при всем этом французы смело наметили себе восхождения не на один, а сразу на два восьмимысячника: или на Дхаулагири, или на Аннапурну. Напрасно английский «гималаец» Ф. Смит говорил им, что нельзя с первого раза и без разведки победить вершину в 8000 метров высотой.

«Неизвестное» скоро показало французской экспедиции свои когти. В Непале они быстро поняли, что романтика непройденных путей таит не только трудности, но и опасности. Едва они сошли в Тукуче, в долине Кали-Гандак, с караванного пути, старого и известного пути в Тибет,

как обнаружили, что дальнейший их путь им совершенно неизвестен. Для района Дхаулагери имелась лишь примитивная карта, к тому же оказавшаяся неточной, а для Аннапурны не было и такой.

Всю разведку, составление карт обоих районов, выбор цели восхождения, пути и мест для лагерей альпинистам пришлось делать самим на месте, с большим напряжением сил и быстрым темпом, во время коротких походов малых групп в окрестные ущелья. Им помогли организационный талант руководителя и крепкая спаянность и энтузиазм участников. Но когда они увидели Дхаулагери, представшую перед ними «как грандиозная ледяная пирамида, сверкающая на Солнце как кристалл, возвышающаяся над ними более чем на 7000 метров, отливающая голубизной в утренней дымке», — к этому времени уже было ясно, что она для них недоступна. Лишь 10 лет спустя она была побеждена группой швейцарцев, в которую входили Шельберт, Форрер, Димбергер и Динер.

После этого попытка подхода к Аннапурне через перевал Тиличо привела альпинистов в район никому совершенно неизвестного дотоле семитысячного хребта («Большой Барьер»). Уже после этого был найден хороший путь к вершине из верховьев реки Миристи-Кхола, куда можно было проникнуть, обойдя сверху по склонам непроходимую теснину нижнего течения этой реки. Этот вариант напоминает нам похожий на него путь к нижнему плато — «святилищу» другой вершины Гималаев — Нанда-Девы (7816 м) — высшей из покоренных до 1950 года гор мира. Действительно, в 1936 году на подходе к ней экспедиция Шиптона должна была совершенно также обходить верхом каньон реки Риши-Ганга, стекающей с этого плато.

Так был найден наконец путь к «вершине мечты» французских альпинистов, — путь, о котором никто не догадывался ранее. Отсюда в ясный день 23 мая они увидели заставивший их зажмуриться северный склон Аннапурны, «сверкающий как алмаз... целый мир, ослепительный и грозный, необозримый в своей грандиозности». Глаза человека видели его, вероятно, в первый раз, и нога человека впервые ступила на северный ледник Аннапурны.

Это видение, нет сомнения, стоило потраченных в погоню за ним трудов и усилий.

Читатель, конечно, помнит и перипетии восхождения на Аннапурну, и рассказ о его трудностях, о нелегкой победе и о трагическом бесконечно длинном возвращении участников. Нет сомнений, что сила характера и воля к

победе, приведшая их к успеху вопреки всем их начальным ошибкам оказались нужнее всего именно на пути возвращения для альпинистов, для Ребюффа, Ляшенала и более всего для самого Эрцога.

Три века назад Блез Паскаль, великий физик и философ, написал замечательные строки о том, что «перед лицом сил природы человек — это слабая тростинка, но эта тростинка мыслит. И если силы природы, соединясь, обрушатся и сломают тростинку, человек будет иметь преимущество знать, что он умирает, а природа не будет об этом знать ничего. Наше достоинство состоит в мысли». Именно это достоинство мысли и стало ключом к победе над Аннапурной¹.

Как и вся книга, рассказ Эрцога об «Отступлении» сохраняет во многих местах оттенок беззаботной беседы, разговора во французской гостиной, в которой невежливо слишком долго подряд задерживать внимание слушателя на вещах печальных, неприятных или очень поучительных. Об уроках экспедиции больше всего говорит короткое, лишенное литературных украшений предисловие Эрцога, написанное в «невеселые госпитальные дни». Но вместе с ними он вспоминает и ту мысль своего спутника Л. Террая, что «опасности и труд, которые делают между собой люди на войне или при трудном восхождении, связывают их чувством взаимного уважения».

Это уважение к себе герои Аннапурны внушают и читателю.

Вернемся, однако, к тем, кто проложил путь к покорению Джомолунгмы.

Еще в 1939 году в Цюрихе был создан «Швейцарский институт альпийских исследований» — научное и альпинистское учреждение, как сказали бы мы теперь, очень широкого профиля. Поскольку горы Швейцарии со времен такого энергичного исследователя их, как О. Б. Сосюр, были обойдены все до самых дальних их уголков, институт занялся изучением главным образом «внеальпийских горных стран», их ледников, геологии, фауны, флоры и даже этнографии. Уже в 1939 году в маленькой экспедиции в западных Гарвальских Гималаях швейцарцы «сделали» свой первый семитысячник — Дунагири (7066 м). В 1949 году они произвели разведку подходов к Кангченджанге (8583 м) с северо-запада, но окончательную победу над этой замечательной вершиной у них

¹ О последующих экспедициях на Аннапурну после 1950 года читатель может прочитать в книге О. Диренфурта «Третий полюс» (М., 1970).

в 1955 году «увел» англичанин Ч. Эванс, уже знакомый нам по рассказу У. Нойса.

Крупнейшее значение имела швейцарская экспедиция 1952 года, прошедшая ледник Кхумбу и проложившая с него путь на Южное Седло и на южное ребро Джомолунгмы. В этой экспедиции под руководством Э. Вис-Дюнана и Г. Шевалье приняли участие альпинисты, уже хорошо знакомые с Гималаями,— Р. Ламбер, А. Рош, Р. Диттерт — опытная и сплоченная группа уроженцев Женевы. В экспедиции приняли деятельное участие — вплоть до ее самых трудных предвершинных этапов — и шерпы Анг Дава, Аджиба, Панси, Дава Тхондуп и во главе их герой экспедиций 1952 и 1953 годов Тенсинг Норгей.

Свой V лагерь экспедиция разбила 6 мая в верховьях Западного Цирка, на высоте 6900 метров, куда люди проникли, вероятно, в первый раз в истории этих мест. Отсюда начинался и скалистый Контрфорс Женевцев, ведущий вверх, на перемычку между Джомолунгмой и Лхоцзе — немного правее и выше Южного Седла.

Шестой лагерь был организован на Южном Седле (7880 м). Необходимость пройти в один этап подъем почти в 1000 метров от лагеря V до лагеря VI была тяжким испытанием для альпинистов и шерпов, тем более что их преследовали ветры и метели.

С высоты Южного Седла такие вершины Гималаев, как известная своей красотой Пумори (7068 м) и даже Нупце (7827 м), были уже у ног восходителей. На востоке, над морем облаков, покрывавшим плоскогорья Тибета, возвышались лишь Макалу (8470 м) и пирамида Кангченджанги.

27 мая при улучшившейся погоде две связки (Ламбер — Тенсинг и Флори — Обер) попытались штурмовать Южную вершину, до которой еще было около 1000 метров подъема. Вначале они избрали путь по снежному кулуару, затем, с высоты 8300 метров, они вышли на самый гребень, скалистый и трудный для работы на такой высоте. К вечеру палатка была установлена на гребне на высоте 8530 метров. Отсюда Обер и Флори, измученные подъемом, спустились вниз. На следующий день Тенсинг и Ламбер смогли подняться до 8600 метров, но силы их тоже были исчерпаны, и высота эта стала пределом, достигнутым альпинистами в 1952 году.

Вторая попытка восхождения была предпринята швейцарцами осенью 1952 года, после окончания летнего муссона. Ледовый обвал со склонов Лхоцзе привел к аварии при подъеме на Южное Седло, когда погиб один из шерпов.

Новый путь на Седло, проложенный южнее и правее Контрфорса Женевцев, оказался очень длинным и утомительным. Южное Седло было достигнуто 19 ноября, но попытки подняться выше его не дали результатов.

И все-таки экспедицию 1952 года нельзя было назвать неудачной. Менее чем за один год был подробно разведан, проложен и описан новый путь на Джомолунгму, до той поры неизвестный. Альпинисты обжили Южное Седло — исходный пункт для многих будущих восхождений — и прошли большую часть южного гребня вершины.

«Пионерам не дана победа» — так написал позднее в книге «Генеральная репетиция на Эвересте» один из участников швейцарской экспедиции, но без них победа не была бы возможна. Они открыли южные ворота Джомолунгмы.

489

Вторая часть нашей книги посвящена английской экспедиции 1953 года. Успеху последней способствовал прежде всего большой опыт, собранный двумя поколениями английских альпинистов в Гималаях. Как ее руководитель Джон Хант, так и участники Ч. Эванс, Т. Бурдиллон и другие уже ранее участвовали в двух или трех гималайских экспедициях. А. Грегори, Э. Хиллари, Ч. Уайли и сам У. Нойс были тоже знакомы с этой горной системой, с трудностями дальних походов, организацией цепочек лагерей и работой на больших высотах. Путь на Джомолунгму из Непала был разведан в 1951—1952 годах, англичане имели и неплохую карту района, и подробную консультацию швейцарцев о нем. Трудности подхода и преодоления ледопадов еще оставались, и предвершинный гребень все еще не был пройден.

Обстановка экспедиции была совсем непохожа на ту атмосферу неизвестности, в которой действовали французы в 1950 году.

Экспедицию 1953 года подкрепила существенным, может быть даже решающим, образом отличная команда шерпов под начальством их сирдара Тенсинга, участника почти всех гималайских экспедиций начиная с 1935 года. Как правильно выразился Нойс, не было в этих краях экспедиции более счастливой, чем пришедшая туда экспедиция 1953 года.

Так судьба возложила на плечи англичан немалую моральную обязанность — взойти на вершину. Для чего бы иначе здесь терпели неудачу в течение более 30 лет их соотечественники?

Величайшим союзником англичан и шерпов в 1953 году был кислород, две различные системы его применения, п

том числе для ночного сна. Мы знаем из книги Нойса, что в экспедиции иногда раздавались голоса против его использования, и помним, что на Аннапурне французы обошлись без него. Мы знаем теперь также, что в 1954 году вторая по высоте вершина мира — Чогори была взята итальянскими альпинистами тоже без кислородных масок. Но Хант был решительным сторонником кислорода, и победа 1953 года вряд ли была возможна без кислородной маски.

Последней деталью, помогшей успеху экспедиции, были акклиматизационные и тренировочные походы на вершины Чукхунг (5900 м) и Канг-Чо (6193 м). Если действительно величие горной панорамы придает силы альпинистам, то этот поход достиг своей цели: с вершины Канг-Чо они увидели величественный хребет — от Гауризанкара, считавшегося прежде величайшей вершиной мира, Чо-Ойу на севере до Джомолунгмы и Макалу на востоке. Перед ними был в гребне между Лингтреном и Джомолунгмой и «Южный перевал» Лхо-Ла, ведущий на север, в долину Ронгбука, тот, с которого десять лет спустя американская экспедиция предприняла и сделала с западного гребня на южный первый траверс Джомолунгмы¹.

Здесь не следует описывать дела и дни экспедиции 1953 года, о ней нам повествует очень подробно и добросовестно сам Нойс. Но нам хочется сказать, что в такой книге, как «Южное Седло», события которой уже были не раз описаны Хантом и другими авторами, вероятно, самое интересное — это восприятие событий экспедиции автором, преломление всех обстоятельств ее сквозь призму индивидуальности одного из самых выдающихся английских альпинистов младшего гималайского поколения.

Уилфрид Нойс (1917—1962) в бытность свою студентом Кембриджского университета специализировался по классическим и современным языкам. Литератор и ученый, он еще в ранней юности зарекомендовал себя хорошим скалолазом в трудных, хотя и невысоких горах Уэльса, а затем (с 1953 года) и в Альпах. Часть срока своей военной службы он провел в Индии в должности инструктора горного состава авиации в Кашмире. Оттуда ему удалось в 1943 году посетить район Гарвальных Гималаев и там же в 1944 году сделать восхождение на Чимсага (около 6100 м). В 1945 году вместе с шерпом Анг Тхаркей, уроженцем Намче-Базара и позднее одним из главных

¹ Об экспедициях на Джомолунгму после 1953 года смотрите в книге О. Диренфурта «Третий полюс».

участников восхождения 1953 года, Нойс поднимался на Паухунри (7128 м) за очень короткий срок — 16 дней со времени выезда из Дели.

Как альпиниста Нойса отличали огромная выносливость, благодаря которой голод и усталость как будто не существовали для него, храбрость и врожденное исключительное чувство равновесия. В молодости в Уэльсе и в Альпах он не раз отваживался на хождение в одиночку на трудных ледниках и сложных маршрутах. Но судьба вовремя преподала ему полезный урок. В 1937 году при падении на 60 метров на Восточной Башне Скафелла (Озерная область Уэльса) он едва спасся: все пряди охранявшей его веревки порвались, кроме одной. Тяжелая операция спасла ему жизнь, а позднее пластическая операция — лицо. После этого, говорит его биограф, Нойс «лазал по скалам слова столь же уверенно, но по-иному».

491

После экспедиции 1953 года, о которой повествует «Южное Седло», Нойс делал в 1957 году восхождение, не дойдя всего 50 метров до вершины на «Рыбий Хвост» — Мачапухару (6997 м) в Непале. В 1960 году он руководил восхождением на Тривор в Каракоруме (7720 м), а в 1961 году участвовал в экспедиции в Высокий Атлас в Северной Африке. Гибель Нойса в памирской экспедиции 1962 года, в расцвете его сил, была большой потерей для альпинизма.

Нойса вели к вершинам его привязанность к горам и к деятельности среди них, чувство товарищества и ощущение величия гор, а вместе с тем и увлечение трудностью стоящих перед ним задач. Если Хант считал, что горы — это цель, «философия жизни» спортсмена, настойчиво и систематически добивающегося победы, то Нойс смотрел на них порой как поэт. Для него «если бы существовал рай на Земле, то он был бы здесь», в горах, как можно было бы перефразировать известную восточную поговорку применительно к Нойсу. В «Южном Седле» он нам рассказывает иногда, хотя и не часто, как он чувствует величие мира гор, где «ночь смягчает резкость пейзажа, но оживляет то ощущение красоты, которое так стучит в наше сердце в Гималаях».

Как писатель Нойс всегда рисовал с натуры. «Какой человек, привыкший к действую, мог когда-либо писать о характерах, которые он не видел, и о событиях, какие он сам не пережил?» — в таких словах Нойс сформулировал свое отношение к литературе.

Литературное наследие Нойса невелико. Он написал роман «Боги гnevаются» и, конечно, несколько книг посвятил горам: «Горы и люди», «Восхождение на «Рыбий

Хвост», «К неизвестной вершине», «Скалы и скалолазы Британии» и «Книга альпиниста для чтения у камина». Увлекательную, но мрачную книгу «Они выжили» (1962) он посвятил проблеме человеческого духа, вступившего в борьбу с грозной природой,— борьбу, мобилизующую иногда неведомые ранее внутренние силы человека.

Итак, в XX веке были покорены первые восьмьдесятитысячники планеты. Человек взошел на третий полюс Земли — на Джомолунгму (8848 м).

Восхождения на Аннапурну и на Джомолунгму по своему значению далеко выходят за рамки чисто спортивного события. Экспедиции в высочайшие горные районы мира значительно расширили наши познания в области жизнедеятельности человека в условиях больших высот, низких температур, кислородного голодания, а также в области геоморфологии, гляциологий и этнографии этих слабо изученных и весьма своеобразных районов Земли.

А. Х. Хргиан

Содержание

М. Эрцог

Аннапурна — первый восьмитысячник

Введение	6
Глава 1	
«Революция» во дворце	8
Глава 2	
«Острова»	18
Глава 3	
Неизвестное ущелье	29
Глава 4	
Восточный ледник	42
Глава 5	
В поисках Аннапурны	56
Глава 6	
Военный совет	76
Глава 7	
Миристи-Кхола	86
Глава 8	
Ребро	95
Глава 9	
Аннапурна	110
Глава 10	
Сerp	129
Глава 11	
Лагерь II	141
Глава 12	
Штурм	153
Глава 13	
3 июня 1950 года	164
Глава 14	
Трещина	173
Глава 15	
Лавина	186
Глава 16	
Отступление	198
Глава 17	
В лесах Лете	212

Глава 18	
По рисовым полям	226
Глава 19	
Горакпур	235
Глава 20	
Есть еще другие Аннапурины	241

У. Нойс

Южное Седло

Введение	254
Глава 1	
Сможете ли вы участвовать в экспедиции на Эверест?	256
Глава 2	
Действующие лица	265
Глава 3	
Путь до Катманду	284
Глава 4	
Подходы	292
Глава 5	
У подножия Эвереста	306
Глава 6	
Наконец ледопад!	324
Глава 7	
Заброска высотных лагерей	342
Глава 8	
Прогулки по ледопаду	361
Глава 9	
Стена Лхоцзе	374
Глава 10	
Южное Седло: первый подъем	394
Глава 11	
Врачебная помощь	413
Глава 12	
На Седло без кислорода	430
Глава 13	
От 29-го до 30-го	441
Глава 14	
Вниз, к Тхъянгбочу	465
Глава 15	
Почести и голод	472

А. Х. Хргиан

Победа над восьмьютысячниками	
Земли	481

Эрцог М.

Э 83 Аннапурна—первый восьмитысячник. Сокр. пер. с франц. Б. А. Гарфа.— Нойс У. Южное Седло. Сокр. пер. с англ. Б. А. Гарфа. Послесл. А. Х. Хргиана. М., «Мысль», 1975.

494 с. с карт. и схем.; 16 л. ил. (XX век: Путешествия. Открытия. Исследования).

История многолетней борьбы с горными гигантами изобилует волнующими событиями. Не легко было вырвать победу французской экспедиции над первым восьмитысячником — Аннапурной; об этом ярко рассказывает руководитель экспедиции М. Эрцог. Победу над третьим полюсом Земли — Джомолунгмой (Эверестом) одержала английская экспедиция, руководимая Джоном Хантом. Нойс — ее непосредственный участник — дает подробное описание экспедиции. Обе победы над восьмитысячниками — выдающееся достижение человечества XX века в области познания Земли.

М 20901-229
004(01)-75 подшивное

7 А 6.3

Морис Эрцог

**АННАПУРНА — ПЕРВЫЙ
ВОСЬМИТЫСЯЧНИК**

Уилфрид Нойс

ЮЖНОЕ СЕДЛО

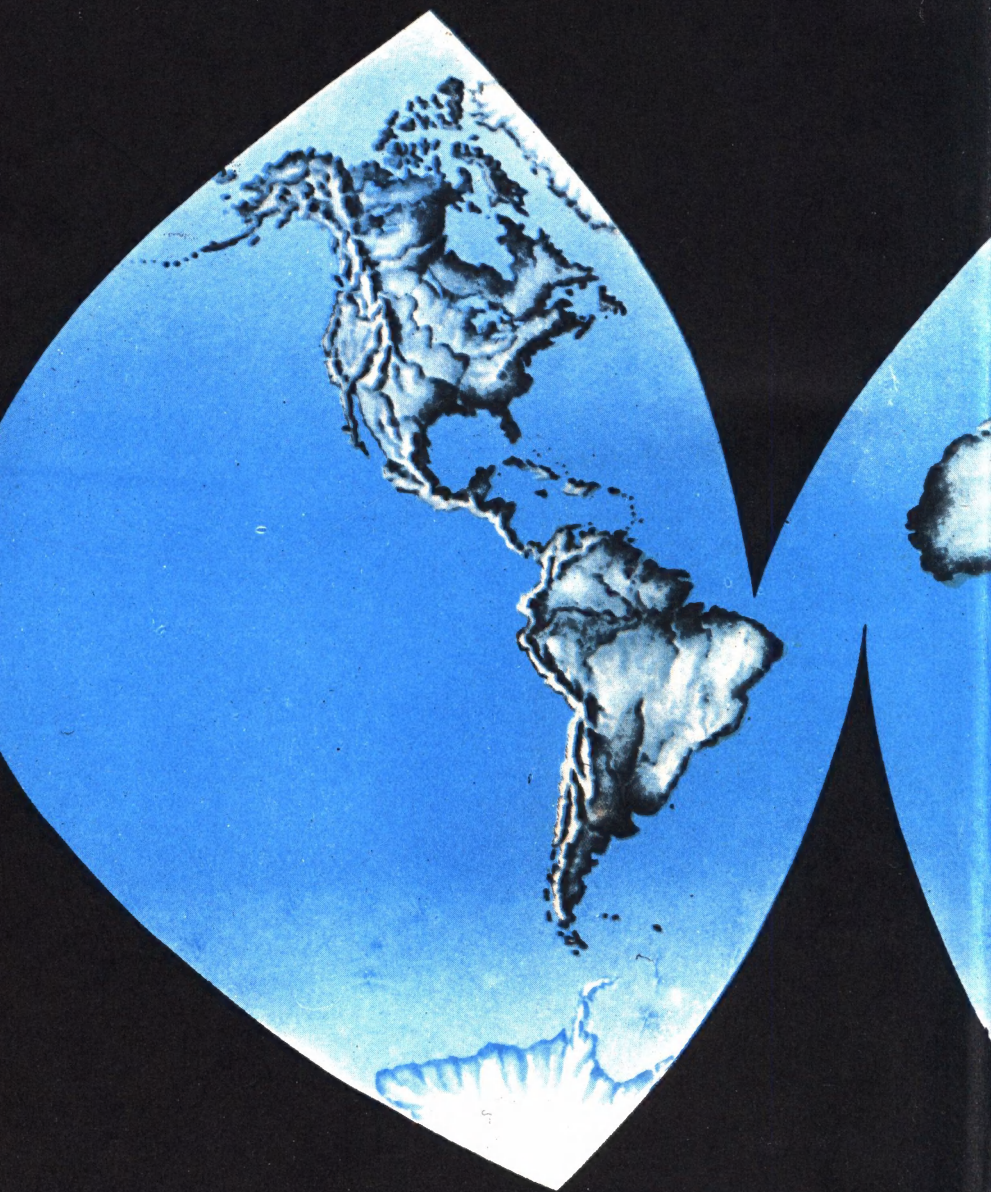
**Главная
редакция
географической
литературы**

**Редактор
С. Я. Проходцева
Младший редактор
Т. И. Кондрашова
Редактор карт
Г. Н. Мальчевский
Художественные редакторы
В. Ф. Найдено,
В. И. Суриков
Технический редактор
Ж. М. Конобеева
Корректоры
В. И. Пантелеева,
Т. М. Ефимова**

**Оформление
и макет серии
Д. А. Аникеева
Суперобложка художника
А. А. Маленинова
Гравюры художника
Л. С. Быкова**

Сдано в набор 12 мая 1974 г.
Подписано в печать 10 ноября 1974 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 1.
Усл. печатных листов 30,69. (с вкл.)
Учетно-издательских листов 30,89.
(с вкл.). Тираж 150 000 экз.
Заказ № 1342. Цена 2 р. 24 к.
Издательство «Мысль». 117071.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

2 р. 24 к.

М.Прюг, У.Нойс

